МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ», посвященной 95-летию ДГУ

24 апреля 2026 г.

МАХАЧКАЛА, 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МИНИСТЕРСТВО ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы
XI Международной научно-практической конференции,
посвященной 95-летию ДГУ

(24 апреля 2026 г., Россия, Махачкала)

Настоящий сборник составлен по итогам XI Международной научно-практической конференции «Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности», посвящённой 95-летию ДГУ. Конференция состоялась 24 апреля 2026 г. в г. Махачкале. Сборник посвящён современному состоянию теории и практики социальной работы, в том числе внедрению цифровых технологий и искусственного интеллекта в деятельность социальных служб.

Авторы сборника - учёные, преподаватели, магистранты, студенты и руководители социальных служб. Они рассматривают действующие и перспективные технологии работы с гражданами, которые нуждаются в социальной защите: с молодёжью, семьями с детьми, пожилыми людьми, лицами с инвалидностью, мигрантами, участниками СВО и членами их семей. Также в сборнике освещены исторические аспекты социальной работы и практика её осуществления в мультикультурной среде.

Издание адресовано учёным, преподавателям вузов, работникам народного образования, специалистам служб социальной защиты, представителям общественных организаций, аспирантам и студентам, изучающим вопросы социальной работы.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Абдулаева З.З. *– к.э.н., доцент кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ, с.н.с. Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН*
Абдуллаева З.М*. – старший преподаватель кафедры Общей и социальной педагогики ДГУ*
Абасова Х.У. – *м.н.с. Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН*
Алиева Б.Ш. *– д.э.н., профессор, заведующий кафедрой Социальной педагогики ДГУ*
Багамаева И.О. – *к.п.н., доцент кафедры Общей и социальной педагогики ДГУ*
Гаматаева С.Х. *– старший преподаватель кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ*
Гимбатов Ш.М. *– к.э.н., заведующий отделом Воспроизводства населения и трудовых ресурсов ИСЭИ ДФИЦ РАН*
Гусейнов Г.М. *– к.и.н., доцент, заведующий кафедрой Теории и истории социальной работы ДГУ*
Магдиева Н.Т. – *к.м.н., и.о. зав****. к****афедрой Социальных и информационных технологий ДГУ, заместитель декана по научной работе Социального факультета ДГУ*
Магомедова П.И. – *старший преподаватель кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ*
Омарова К.А. – *к.э.н.****,*** *доцент кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ СБОРНИКА:

Абдулаева З.З. *– к.э.н., доцент кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ, с.н.с. Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН*
Закарьяева А.М. *– преподаватель кафедры Социальных и информационных технологий ДГУ*

СЕКЦИЯ 1

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ

РОЛЬ ЗАНЯТОСТИ В УСИЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Абдуллаева Р.С. *- д.э.н., профессор, начальник отдела «Инклюзивное социальное развитие», Институт Экономики Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*
Набиева Г.И. *- диссертант, научный сотрудник отдела «Инклюзивное социальное развитие», Институт Экономики Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*

Аннотация: В укреплении социальной защиты женщин с инвалидностью занятость играет важную роль в обеспечении их экономической независимости, уверенности в себе и инклюзивности. Однако низкий уровень образования, ограниченность профессиональных навыков, гендерные стереотипы, а также проблемы инфраструктуры и транспорта в ряде случаев затрудняют их доступ к рынку труда. В этом контексте особое значение приобретает усиление государственной политики по расширению возможностей занятости женщин с инвалидностью, совершенствование социальной инфраструктуры и расширение системы профессионального обучения.
В исследовании проанализировано современное состояние занятости женщин с инвалидностью в Азербайджане, выявлены существующие проблемы, причины их возникновения и пути их устранения. Одновременно определены направления совершенствования организационно-правовых основ обеспечения занятости данной категории женщин. В статье рассмотрены возможности переподготовки женщин с инвалидностью в соответствии с требованиями рынка труда, а также предложены меры по повышению уровня занятости и усилению их социальной защиты.
Ключевые слова: уязвимые группы, лица с ограниченными возможностями, занятость, социальная защита, инклюзивность

THE ROLE OF EMPLOYMENT IN STRENGTHENING THE SOCIAL PROTECTION OF WOMEN WITH DISABILITIES

Abdullayeva R.S *- Professor, Ministry of Science and Education Republic of Azerbaijan, Institute of Economics, Head of the Department of Inclusive Social Development, Baku, Azerbaijan*
Nabieva G.İ. *- PhD student, Ministry of Science and Education Republic of Azerbaijan, Institute of Economics, Baku, Azerbaijan*

Annotation: Employment plays a crucial role in strengthening the social protection of women with disabilities, ensuring their economic independence, self-confidence, and inclusion. However, factors such as low levels of education, limited professional skills, gender stereotypes, as well as infrastructural and transportation challenges, in many cases hinder their access to the labor market. In this regard, strengthening state policy on expanding employment opportunities for women with disabilities, improving social infrastructure, and broadening vocational training programs are of particular importance.
The study analyzes the current state of employment among women with disabilities in Azerbaijan, identifies existing problems, their causes, and possible solutions. At the same time, directions for improving the organizational and legal framework for ensuring the employment of women in this category are outlined. The article also examines opportunities for retraining women with disabilities in accordance with labor market demands and provides recommendations for increasing their employment levels and strengthening their social protection.
Keywords: vulnerable groups, persons with disabilities, employment, social protection, inclusiveness

In the modern era, one of the main directions of the state's social policy is the protection of the rights of persons with disabilities, including women, the strengthening of their social protection, and ensuring their integration into society. Ensuring the employment of persons with disabilities plays a significant role in enhancing their social protection, facilitating their integration into society, and promoting inclusiveness. The involvement of women with disabilities in the labor market is important not only from an economic perspective but also from social and psychological viewpoints. Employment for this group is not only a means of improving material well-being, but also a way to increase self-confidence, enhance social activity, and foster integration into society. In addition, expanding employment opportunities for women with disabilities contributes to reducing the social burden on the state.

Women with disabilities often face discrimination due to both gender and health-related limitations. As a result, their access to education, vocational training, and employment opportunities becomes restricted. Consequently, their social dependence increases, their financial security weakens, and their level of integration into society declines. The implementation of inclusive employment policies is of particular importance in addressing these challenges.

State-implemented employment programs, quota systems, the establishment of social enterprises, the development of social entrepreneurship, vocational training courses, and the expansion of home-based work opportunities are important measures for improving employment opportunities for women with disabilities. In particular, the development of the digital economy increases opportunities for remote work for women with disabilities and facilitates their access to the labor market. At the same time, enhancing employers' social responsibility and creating an inclusive work environment are also essential.

Assessment of the Current State of Employment of Women with Disabilities

In recent years, strengthening the social protection of persons with disabilities, including women, and ensuring their integration into society have become key priorities of state social policy. The European Social Charter, ratified by Azerbaijan, states that "persons with disabilities have the right to independence, social integration, and participation in the life of the community" [1]. Employment plays a crucial role in enhancing the social protection of persons with disabilities and facilitating their integration into society.

In recent years, ensuring inclusive employment has also become a priority within the social policies of relevant international organizations and governments worldwide. The United Nations Convention emphasizes that persons with disabilities, like all other individuals, have the right to work. It further underlines that governments should expand employment opportunities for this category of individuals and take the necessary measures to support their career development.

At the historic UN Summit held in September 2015, member states committed to the implementation of the new global Sustainable Development Goals (SDGs) for the period 2016-2030, encompassing 17 goals and 169 targets. Goal 8 of the SDGs is directly related to employment, aiming to promote inclusive and sustainable economic growth, full and productive employment, and decent work for all [2].

In Azerbaijan, an appropriate legislative framework has been established to protect the social rights of persons with disabilities, including women, and to ensure their employment. On October 2, 2008, the Law of the Republic of Azerbaijan "On Accession to the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities" [3] was adopted, followed by the Law of the Republic of Azerbaijan "On the Rights of Persons with Disabilities" on May 31, 2018. Chapter 5 of this law is devoted to the labor rights and employment of persons with disabilities. Article 21 of the law states that "persons with disabilities have the right, on an equal basis with others, to engage in labor activity, including the opportunity to earn a living by participating in a labor market that is freely chosen or accepted, and is open, inclusive, and accessible". It is also stipulated that the state ensures the employment of persons with disabilities by creating additional jobs in the labor market, establishing enterprises and organizations with appropriate conditions for them, as well as organizing training under special programs [4].

The Labor Code of the Republic of Azerbaijan provides for a number of privileges for persons with disabilities. Article 16 of the Code states that "it is prohibited to refuse to conclude

an employment contract with a person with a disability, to deny their promotion, to terminate their employment contract, or to transfer them to another job without their consent on the grounds of disability." Article 54 ensures that employers create appropriate workplaces and working conditions for persons with disabilities; Article 66 stipulates that persons with disabilities are not subject to attestation; and Article 78 establishes that employees who have become disabled as a result of occupational disease are given priority for retention during staff reductions, among other provisions [5].

In recent years, certain measures have been implemented in the country to promote the integration of persons with disabilities into society. Accessible infrastructure has been developed to facilitate their mobility, and tactile paving ramps have been installed on urban roads. The construction of such ramps has created new opportunities for persons with disabilities. At the same time, these developments have also generated new needs. Although conditions for movement in public spaces and access to buildings have improved, these measures alone are insufficient for full integration. It is necessary to adapt the internal environments of educational institutions and workplaces-such as elevators, entrances, corridors, and study and work spaces-to ensure accessibility for persons with disabilities. Taking into account international experience, fostering an adequate societal attitude toward persons with disabilities-one based on equality of rights and opportunities rather than pity-has become a key priority in the modern era.

In recent years, certain measures have also been undertaken in the country to ensure the employment of persons with disabilities. The "Employment Strategy of the Republic of Azerbaijan (2006-2015)," approved by the Presidential Decree No. 1068 dated October 26, 2005, states that "the main objective of state policy in this area is to create the necessary conditions for the full utilization of the potential capacities of persons with disabilities" [6].

The "Azerbaijan 2020: Vision for the Future" Development Concept, approved by the Presidential Decree dated December 29, 2012, also emphasized that "relevant projects will be developed and implemented to prevent the isolation of persons with disabilities from society and to ensure their barrier-free access to social infrastructure, as well as to increase the number of social and vocational rehabilitation institutions in order to develop their skills and abilities and expand their employment opportunities" [7]. Furthermore, the "State Program on the Implementation of the Employment Strategy of the Republic of Azerbaijan for 2011-2015," approved by the Presidential Decree dated November 15, 2011, addressed issues such as "ensuring the integration of persons with disabilities into society, including the labor market, and increasing their employment level" [8].

The "Azerbaijan 2030: National Priorities for Socio-Economic Development," approved by the Presidential Decree dated February 2, 2021, identifies as its second priority the building of a dynamic, inclusive, and socially just society. The "Socio-Economic Development Strategy for 2022–2026," approved on July 22, 2022, based on these National Priorities, also defines specific objectives in this direction. In the coming years, it is envisaged to establish a fair and comprehensive social protection system, increase the accessibility of social assistance for persons with disabilities, and implement measures to expand their integration into the labor market. As a result of these measures, it is expected to achieve a 3% increase in the employment level of persons with disabilities, expand the network of rehabilitation institutions, and ensure accessibility to rehabilitation infrastructure [9].

In Azerbaijan, relevant state institutions are implementing targeted policies and measures to ensure the employment of women with disabilities. The Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Azerbaijan, as well as DOST Centers, provide assistance to women seeking employment. The Small and Medium Business Development Agency (SMBDA/KOBIA) offers business support to women entrepreneurs. In addition to state institutions, international organizations and civil society institutions also contribute to addressing the unemployment problems of women with disabilities.

However, the measures undertaken in the country to expand employment opportunities for women with disabilities are not yet sufficient. According to statistical data, the number of individuals receiving pensions or benefits in Azerbaijan amounted to 498,442 in 2024, of which approximately 9% were under the age of 18 (Table).

Table. Number of Persons with Disabilities (at the Beginning of the Year, persons)

Year	2025
Total number of persons with disabilities	498442
including:	
Number of persons with disabilities aged 18 and over	454944
including:	
persons with disabilities assessed with 81–100% impairment of bodily functions	64187
persons with disabilities assessed with 61–80% impairment of bodily functions	265128
persons with disabilities assessed with 31–60% impairment of bodily functions	125629
Number of persons with disabilities under the age of 18	43498

Source: https://www.stat.gov.az/source/healthcare/

Although 56% of persons with disabilities in Azerbaijan are of working age, only 32.5 thousand individuals (approximately 8.3%) are employed. This indicator stands at 40% in Europe, 60% in Australia, 80% in China, 20.1% in Turkey, 26.3% in Russia, and 35.4% in Georgia. Expanding employment opportunities for persons with disabilities could not only strengthen the social protection of individuals requiring special care but also contribute to their deeper integration into society, improve the efficiency of public expenditure management, and generate other positive outcomes. Therefore, there is a need to develop and implement a dedicated Action Plan aimed at expanding employment opportunities and enhancing the social integration of persons with disabilities.

The Role of Digitalization in Increasing Employment Opportunities for Women with Disabilities

In the modern era, digital transformation has become one of the main driving forces of economic development. ICT infrastructure has penetrated all areas of social and economic life, creating opportunities for the emergence of new forms of employment and sources of income. The development of ICT has opened up new possibilities for strengthening social inclusion by facilitating access to the labor market for vulnerable population groups, particularly women with disabilities, through the opportunities provided by digital technologies.

Naturally, our country has not remained outside this global trend, and in recent years, measures have been implemented to develop digital infrastructure and enhance digital literacy. As in the rest of the world, the trend of ICT development and digitalization in Azerbaijan has gained rapid momentum. ICT infrastructure has deeply penetrated all spheres of social and economic life. According to the data of the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan (SSCRA), compared to 2010, the number of internet users in 2023 increased by 1.93 times, while the number of broadband internet users increased by 5.93 times [10].

Statistical analyses conducted in 2024 on the use of ICT by persons with disabilities have revealed significant disparities in this population group's access to digital opportunities. Among computer users, the proportion of persons with disabilities is quite low-approximately 3%. This indicator demonstrates that, in general, persons with disabilities have limited access to digital technologies.

A more striking aspect is the gender distribution: while men with disabilities account for approximately 65% of computer users, women represent only 35%. This disparity indicates that women with disabilities face both gender-based and physical barriers in accessing technological tools.

A similar trend is observed in internet usage indicators. The overall share of persons with disabilities among internet users remains low; however, within this group, men constitute 84.4%, whereas women account for only 15.6%. This gap confirms that women with disabilities encounter greater challenges in terms of digital literacy, access to devices, and motivation.

Differences are also evident among mobile phone users. The majority of mobile phone users with disabilities (83.2%) are men, while women account for only 16.8%. This is noteworthy

given that mobile phone technology is considered one of the most accessible means of entering the digital world.

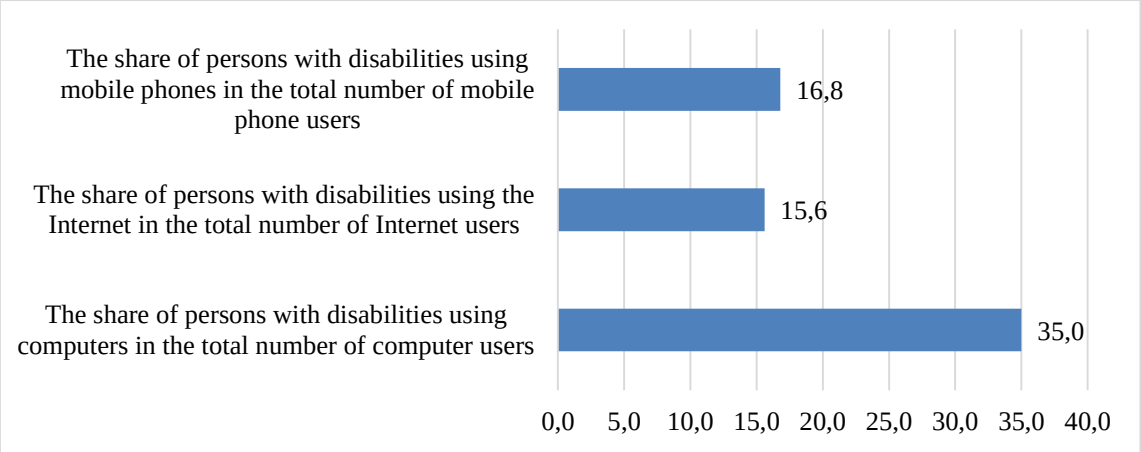


Figure. Use of ICT by Persons with Disabilities (2024, %)

Source: *https://www.stat.gov.az/source/digital_development/*

These analyses indicate that women with disabilities experience a dual constraint both in accessing technical resources and in developing digital skills-limitations arising from their physical conditions as well as prevailing gender stereotypes in society complicate this process. Therefore, when designing digital inclusion strategies, a targeted approach toward women with disabilities should be adopted, focusing on enhancing their technological literacy and supporting access to devices. Such a differentiated approach will not only ensure social equity but also expand this group's integration into the labor market and participation in the digital environment.

The Socio-Economic Development Strategy of the Republic of Azerbaijan for 2022-2026 places particular emphasis on improving women's access to economic opportunities and promoting their participation in high-paying sectors. The strategy sets a target of increasing the ratio of women's average monthly wages to those of men from 65.8% in 2021 to 80%. Additionally, measures such as organizing digital literacy courses, expanding e-government services, and improving public access to the internet are envisaged to achieve these goals.

An important point emphasized in the strategy is that digital inclusion and increasing women's employment are closely interrelated. In particular, expanding access to technologies for vulnerable groups is one of the key objectives of this policy and is considered a fundamental condition for inclusive economic development.

For women with disabilities, digital technologies create new employment opportunities, enabling their economic empowerment. Facing various barriers in the traditional labor market, these women can more effectively utilize opportunities such as remote work, online sales, and service provision through digital technologies. This facilitates the balance between family responsibilities and economic activity, while also supporting social integration.

Analyses show that although the integration of women with disabilities into the digital environment in Azerbaijan has demonstrated positive trends in recent years, the process remains constrained by gender-based and socio-economic barriers. Women with disabilities-especially those living in rural areas-face greater challenges in terms of access to technology, usage skills, motivation, and social support.

Although overall access to digital technologies has increased, this growth remains uneven for women with disabilities. While gender gaps in computer and internet usage have gradually decreased, women still lag behind men in leveraging these technologies for economic benefit and practical use. Although mobile technologies create new opportunities for women, social stereotypes and limited financial resources remain major barriers to access. At the same time, for many women, the importance of digital technologies for daily life and employment is not yet fully understood, highlighting the need for large-scale awareness-raising initiatives.

In order for digital transformation to effectively contribute to women's employment, the measures implemented must take into account the specific needs of women with disabilities. In

this context, digital inclusion strategies should aim not only to reduce the general gender gap but also to ensure equal access to the labor market for women in socially and economically vulnerable situations.

Conclusion

The conducted analyses indicate that although the employment of women with disabilities is one of the key factors in strengthening their social protection, a number of serious challenges persist in this area. Socio-economic difficulties, limited access to education and professional skills, as well as prevailing gender stereotypes weaken their integration into the labor market. At the same time, infrastructure and transportation barriers, along with the prevalence of informal employment, restrict the realization of their social protection rights.

Therefore, coordinated cooperation among the state, employers, and society is essential to increase employment opportunities. The improvement of social infrastructure, expansion of vocational training, enhancement of digital opportunities, and support for entrepreneurship can significantly increase the economic activity of women with disabilities and, consequently, strengthen their social protection.

Literature

1. Council of Europe. (2025). *Manual for Human Rights Education with Young People* - Www.coe.int. www.coe.int/az/web/compass/european-social-charter
2. UN Azerbaijan. (2025). "*Sustainable Development Goal 8: Decent work and economic growth*." azerbaijan.un.org/az/sdgs/8
3. Law of the Republic of Azerbaijan. (2008). *On Accession to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. https://e-qanun.az/framework/15641
4. Law of the Republic of Azerbaijan. (2018). "*On Accession to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities*." E-Qanun.az, e-qanun.az/framework/39591.
5. Law of the Republic of Azerbaijan. (1999). "*Labour Code of the Republic of Azerbaijan*." E-Qanun.az, www.e-qanun.az/framework/46943
6. Order of the President of the Republic of Azerbaijan. (2018). "*Employment Strategy of the Republic of Azerbaijan for 2019–2030*" E-Qanun.az, e-qanun.az/framework/40416
7. Decrees of the President of the Republic of Azerbaijan. (2024). "*Azerbaijan 2020: Outlook for the Future- Development Concept"*. E-Qanun.az, e-qanun.az/framework/25029
8. Order of the President of the Republic of Azerbaijan. (2011). "On Approval of the State Program for the Implementation of the Employment Strategy of the Republic of Azerbaijan for 2011–2015". E-Qanun.az, e-qanun.az/framework/22533
9. Order of the President of the Republic of Azerbaijan. (2022). "*On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of the Republic of Azerbaijan for 2022–2026*". E-Qanun.az, e-qanun.az/framework/50013
10. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan (2024). *Budget of households* https://www.stat.gov.az/source/budget_households/

СОПРОВОЖДАЕМАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ТРУДОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адельгареева А.Р. *– студентка 2 курса направления подготовки «Социальная работа», Казанский Государственный Медицинский Университет, факультет социальной работы и высшего сестринского образования, кафедра экономической теории и социальной работы, Казань, Россия.*

Гинсбург М.В. *– кандидат экономических наук., доцент кафедры «Социальная работа», Казанский Государственный Медицинский Университет, Казань, Россия.*

Аннотация. В статье рассматривается сопровождаемая занятость как инновационное направление государственной политики содействия трудоустройству инвалидов в Российской Федерации. Раскрывается содержание института сопровождаемой занятости, его нормативно-правовые основы и ключевые элементы реализации. Особое внимание уделяется

роли индивидуальной программы реабилитации и абилитации (ИПРА). Выявлены основные барьеры существующей практики.

Ключевые слова: сопровождаемая занятость, трудоустройство инвалидов, индивидуальная программа реабилитации и абилитации, адаптация рабочего места, социальная интеграция, инклюзивная занятость, профессиональная реабилитация.

SUPPORTED EMPLOYMENT AS AN INNOVATIVE MECHANISM OF LABOR INTEGRATION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Adelgareeva A.R. *– 2th year student of the Social Work program*
Supervisor: *Ginsburg M.V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Kazan State Medical University, Kazan, Republic of Tatarstan.*
Kazan State Medical University, Faculty of Social Work and Higher Nursing Education, Department of Economic Theory and Social Work, Russia, Kazan

Annotation. The article examines supported employment as an innovative direction of state policy to promote the employment of persons with disabilities in the Russian Federation. The content of the institution, its regulatory framework and key implementation elements are revealed. Special attention is paid to the individual rehabilitation and habilitation program (IRhP). The main barriers of existing practice are identified.

Keywords: supported employment, employment of persons with disabilities, individual rehabilitation and habilitation program, workplace adaptation, social integration, inclusive employment, vocational rehabilitation.

Современная государственная политика Российской Федерации в области трудоустройства инвалидов переживает качественную трансформацию, характеризующуюся переходом от преимущественно административных механизмов регулирования к комплексным моделям индивидуального сопровождения и поддержки. Данная эволюция обусловлена признанием недостаточной эффективности традиционных подходов, основанных исключительно на квотировании рабочих мест, которые не обеспечивали устойчивой интеграции людей с инвалидностью в трудовую сферу.

По данным Федеральной службы государственной статистики, несмотря на законодательные гарантии права на труд, уровень занятости среди инвалидов трудоспособного возраста в 2024 году составил лишь 20,7%, что значительно ниже общего показателя занятости населения (80,7%)[1]. В Республике Татарстан ситуация выглядит несколько более благоприятно – 14,7% при общем уровне занятости трудоспособного населения 69,3%[2], однако и здесь сохраняется существенный разрыв, свидетельствующий о наличии серьезных структурных барьеров на пути к рынку труда для данной категории граждан.

Анализ причин низкой экономической активности инвалидов выявляет комплекс взаимосвязанных проблем: дискриминационные установки работодателей, физическая и информационная недоступность рабочих мест, недостаточность профессиональных компетенций, социально-психологические барьеры[3]. Критически важным фактором является высокая доля увольнений в течение первого года работы вследствие трудностей адаптации на рабочем месте. Именно решение этой системной проблемы составляет главную задачу института сопровождаемой занятости.

Концептуальные основы сопровождаемой занятости

Понятие «сопровождаемая занятость» отражает современный подход к трудовой интеграции людей с инвалидностью, фокусирующийся не на формальном трудоустройстве, а на создании условий для устойчивой и успешной профессиональной жизни[4]. Хотя данный термин не является строго законодательным, его суть закреплена в нормативных актах, регулирующих сопровождаемую трудовую деятельность.

Согласно статье 41 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», под сопровождением понимается оказание индивидуальной помощи инвалиду при его трудоустройстве, сопровождение на рабочем месте, включая

создание условий для ускорения профессиональной адаптации, а также формирование пути его передвижения до места работы и обратно[5].

Данная модель предполагает комплексную поддержку, начинающуюся с этапа профессиональной ориентации и продолжающуюся в виде многоаспектной помощи на рабочем месте: адаптация физической среды, социально-психологическое сопровождение, наставничество, формирование коммуникативных связей в коллективе. Сопровождаемая занятость призвана преодолеть ключевое противоречие между формально высокими гарантиями права на труд и критически низким реальным уровнем занятости инвалидов.

Нормативно-правовая база института сопровождения

Правовую основу организации сопровождаемой занятости составляет система взаимосвязанных нормативных актов. Базовым документом является Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», закрепляющий комплекс мер по обеспечению занятости инвалидов[6]. Закон о занятости населения (№ 565-ФЗ) впервые на федеральном уровне детально регламентирует институт сопровождения при содействии занятости инвалидов (статьи 37-41)[7].

Порядок организации сопровождаемой трудовой деятельности утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 09.08.2023 № 652н[8]. Данный документ определяет алгоритм взаимодействия органов службы занятости, работодателей, социальных служб и самого инвалида в процессе трудоустройства и адаптации. Стандарт деятельности по организации сопровождения, утвержденный Приказом Минтруда от 12.12.2024 № 692н, вводит инструмент «План сопровождения инвалида на рабочем месте», помогающий перевести общие рекомендации ИПРА в конкретные действия работодателя[9].

Важнейшим элементом нормативной базы являются положения Трудового кодекса РФ, обязывающие работодателя создавать для инвалидов условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации (статья 224 ТК РФ)[10], а также национальный стандарт ГОСТ Р 57958-2017 «Условия труда инвалидов. Требования доступности и безопасности», детализирующий технические параметры адаптации рабочих мест[11].

Ключевые элементы процесса сопровождаемой занятости

Фундаментом для организации сопровождаемой занятости служит индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалида (ИПРА), разрабатываемая федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы. Согласно статье 11 Федерального закона № 181-ФЗ, ИПРА является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями независимо от организационно-правовых форм[12]. Это придает программе характер юридически обязательного документа, нарушение которого влечет правовую ответственность работодателя.

Однако эффективность ИПРА как инструмента часто снижается из-за разрыва между формальными рекомендациями и реальными потребностями рынка труда[13]. Специалисты МСЭ, отвечающие за трудовые рекомендации в ИПРА, не всегда обладают актуальной информацией о требованиях современных профессий и специфике конкретных рабочих мест. Вследствие этого инвалиды могут получать общие, малоприменимые на практике указания типа «работа в специально созданных условиях» без конкретизации их содержания.

Как справедливо указывают В.И. Гостенина, Т.В. Епремян, С.А. Шилина, именно игнорирование положений ИПРА, особенно в части режима труда и отдыха, допустимых физических и интеллектуальных нагрузок, часто приводит к быстрому разрыву трудовых отношений, поскольку работа в неподходящих условиях провоцирует ухудшение здоровья инвалида[14]. Таким образом, соблюдение ИПРА превращается из формальности в ключевой элемент устойчивого трудоустройства. Авторы акцентируют внимание на необходимости повышения качества и детализации разработки самих ИПРА, чтобы они содержали не общие рекомендации, а четкие, исполняемые предписания для работодателя.

Следующим критически важным элементом является профессиональная ориентация и обучение. Сопровождаемая занятость должна начинаться задолго до непосредственного трудоустройства – с этапа выбора профессии и получения образования. Важно избегать со-

здания «образовательных гетто» в виде изолированных учебных заведений системы социальной защиты[15]. Упор требуется делать на инклюзивное обучение в обычных образовательных учреждениях с обеспечением специальных условий, что позволит расширить круг доступных и конкурентоспособных профессий.

После определения профессионального маршрута ключевым становится этап адаптации рабочего места и организации трудового процесса. Частая практика предложения инвалидам любых вакансий в счет квоты без учета их потребностей приводит к тому, что условия труда могут ухудшать состояние здоровья, а уровень оплаты не компенсирует потерю социальных льгот[16]. Сопровождаемая занятость предполагает активное взаимодействие с работодателем для разумного приспособления рабочего пространства, графика и содержания труда.

Практические аспекты реализации сопровождения

Мероприятия по сопровождению инвалидов при трудоустройстве включают в себя[17]:

– персонифицированный учет потребностей инвалидов трудоспособного возраста в трудоустройстве;

– организацию ярмарок вакансий и учебных рабочих мест для инвалидов;

– консультирование работодателей, принимающих на работу инвалидов, по вопросам определения мероприятий по оснащению специального рабочего места, оказания помощи в освоении инвалидом основных обязанностей и передвижении на территории работодателя, содействие в организации наставничества;

– реализацию мероприятий по профессиональному консультированию с целью подбора вида деятельности и расширения возможностей инвалидов;

– психологическое сопровождение на этапе адаптации к коллективу и рабочему процессу.

Цель сопровождения инвалидов молодого возраста при трудоустройстве – создание условий для трудовой реабилитации, социальной адаптации к условиям современного рынка труда через профессиональную подготовку и повышение уровня их жизни[18].

В настоящее время в субъектах РФ осуществляется сопровождение и трудоустройство лиц с ограниченными возможностями здоровья молодого возраста. Сопровождение ведется инвалидов с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, задержкой психического развития и соматическими заболеваниями. В каждом субъекте РФ разработаны, приняты и действуют региональные программы по сопровождению инвалидов при трудоустройстве.

Проблемы и перспективы развития института сопровождаемой занятости

Несмотря на прогрессивный характер концепции сопровождаемой занятости, ее практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем. Процесс трудоустройства лиц с инвалидностью является наиболее сложным и требует комплексного подхода. Поскольку даже при наличии вакансий и квотирования рабочих мест трудоустройство инвалидов затруднено, так как предоставляемые рабочие места не учитывают индивидуальные возможности лиц с ограниченными возможностями здоровья[19].

Первой проблемой является недостаточная координация между различными ведомствами и службами. Эффективное сопровождение требует слаженного взаимодействия медико-социальной экспертизы, органов службы занятости, социальной защиты, образовательных учреждений и самих работодателей. На практике эти структуры часто действуют разрозненно, что приводит к дублированию функций или, напротив, к возникновению «провалов» в системе поддержки.

Второй серьезной проблемой остается низкая мотивация и неготовность работодателей к реальному, а не формальному включению инвалидов в трудовой процесс. Несмотря на меры государственной поддержки (субсидии на создание рабочих мест до 200 тысяч рублей, выплаты за трудоустройство в размере 3-6 МРОТ)[20], многие работодатели воспринимают найм инвалидов как источник дополнительных издержек и рисков. Это формирует

скептическое или откровенно негативное отношение к трудоустройству инвалидов, особенно на ответственные или высокотехнологичные позиции.

Третьей проблемой является дефицит специалистов по сопровождению занятости – job-коучей, наставников, способных оказывать компетентную поддержку как инвалиду, так и работодателю в процессе адаптации. Международный опыт, в частности программы supported employment в США и странах Европы, показывает, что эффективность сопровождения напрямую зависит от квалификации и профессионализма специалистов, осуществляющих поддержку на рабочем месте[21].

Заключение

Институт сопровождаемой занятости представляет собой качественно новый этап развития государственной политики трудоустройства инвалидов в Российской Федерации. Его внедрение отражает переход от формальных административных мер к комплексной модели индивидуальной поддержки, ориентированной на устойчивую интеграцию людей с инвалидностью в трудовую сферу.

Сопровождаемая занятость призвана преодолеть системную проблему высокой доли увольнений инвалидов в течение первого года работы путем комплексного сопровождения на всех этапах: от профессиональной ориентации и обучения до адаптации на рабочем месте и формирования устойчивых социальных связей в коллективе.

Однако эффективная реализация данной модели требует решения ряда системных проблем: повышения качества разработки ИПРА, обеспечения реальной межведомственной координации, подготовки квалифицированных специалистов по сопровождению, изменения отношения работодателей к найму инвалидов. Перспективным направлением развития института является интеграция цифровых технологий и дистанционных форм занятости, позволяющих преодолеть традиционные физические и транспортные барьеры.

Таким образом, сопровождаемая занятость, будучи инновационным механизмом, обладает значительным потенциалом для существенного повышения уровня трудовой интеграции инвалидов при условии системного подхода к ее внедрению и развитию.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 30.09.2025).

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 22.10.2025).

3. Айвазян Е.Б., Павлова А.В. Инклюзивное трудоустройство: проблемы и перспективы в современной России // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 4(135). – С. 61–63.

4. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами. Учеб. пособие. Издание 2-е, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2024. – 316 с.

5. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

6. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

7. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 09.08.2023 № 652н «Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов» // СПС КонсультантПлюс.

8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12.12.2024 № 692н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов» // СПС КонсультантПлюс.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

10. ГОСТ Р 57958-2017. Условия труда инвалидов. Требования доступности и безопасности // СПС КонсультантПлюс.

11. Гостенина В.И., Епремян Т.В., Шилина С.А. Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. – С. 116–130.
12. Дымочка М.А., Андреева О.С. Современные правовые основы оценки в Российской Федерации условий труда, трудового устройства, занятости инвалидов и создания специальных рабочих мест // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2021. № 1. – С. 11–16.
13. Жумабаева Г.Т. Основные вопросы трудоустройства инвалидов // ББК С561.71 (2 Рос). 2021. – С. 107–110.

ПРОФИЛАКТИКА КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МОЛОДЕЖИ

Таноянц Э. Н. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социология», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*
Желиготова Р.М. *- к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена профилактике как средству предупреждения игровой зависимости в молодежной среде. Профилактика представляет собой систему мер, направленную на минимизацию воздействий факторов риска и предупреждение возникновения зависимости.
Ключевые слова: молодежь, игровая зависимость, зависимость, аддикция, аддикт, профилактика.

PREVENTION AS A MEANS OF PREVENTING GAMBLING ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE

Tanoyants E. N. *- 4th year student of the Department of Sociology, Kabardino-Balkarian State University named H.M.Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*
Scientific supervisor: Zheligotova Radina Mikhailovna, PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named H.M.Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.
e
Annotation: *The article is devoted to prevention as a means of preventing gambling addiction among young people. Prevention is a system of measures aimed at minimizing the effects of risk factors and preventing the development of addiction.*
Keywords: *young people, gambling addiction, addiction, addict, prevention.*

Компьютерную игровую зависимость зачастую, ставят в сравнение с другими формами аддикций, например, с зависимостью от алкоголя, наркотиков и других психоактивных веществ. В настоящее время в связи с высокой распространенностью и малой проработанностью информационно – превентивной работы по предотвращению аддиктивных способов личностной реализации техногенного характера остро стоит вопрос эффективной профилактики компьютерной зависимости. Сегодня выдвигаются различные способы и программы санации компьютерных аддиктов, однако, в большинстве случаев профилактические меры не отличаются от мер, предназначенных для лечения зависимых от ПАВ. В психологии под профилактикой аддиктивного поведения принято понимать ряд социально – просветительских и медико – психологических мероприятий, направленных на недопущение распространения и употребления психоактивных веществ, а также пресечение развития и преодоления негативных личностных, социальных и медицинских последствий злоупотребления психоактивными веществами (Д. И. Воронов) [1, с.56].

Профилактика как система мер, направленных на предупреждение возникновения болезней и сохранение здоровья может осуществляться как в индивидуальной, так и в об-

щественной форме. Согласно Всемирной организации здравоохранения выделяется первичная, вторичная и третичная профилактика. Первичная профилактика представляет собой систему мер, направленную на минимизацию воздействий факторов риска и предупреждение возникновения зависимости. Первичная профилактика возможна как в индивидуальной, так и в общественной форме. Вторичная профилактика представляет собой комплекс мероприятий, направленных на предотвращение формирования аддикции, и нивелирование выраженных факторов риска, приводящих к возникновению зависимости. Вторичная профилактика ориентирована в большей степени на лиц, имеющих признаки формирующейся зависимости, т.е. лиц, находящихся в группе риска, либо на начальной стадии развития зависимого поведения. Третичная профилактика включает комплекс мероприятий, направленный на лечение и реабилитацию аддиктов, недопущение рецидивов и повторного возникновения заболевания. Третичная профилактика, являясь личностно ориентированной, имеет своей целью медицинскую, социально – трудовую и психологическую реабилитацию, которая позволяет аддиктам сформировать уверенность в социальной пригодности, восстановить функции поврежденных систем организма, повысить уровень поведенческой активности и трудовых навыков. В зависимости от уровня и направленности профилактической работы по предотвращению аддиктивного поведения в молодежной среде Л. Н. Юрьева и Т. Ю. Больбот выделяют стратегии эффективной превентивной деятельности, включающие профилактику в образовательных учреждениях, семьях, группах риска и общественных молодежных группах, подготовку квалифицированных специалистов и т.д. [2, с.106].

В профилактической деятельности выделяется ряд принципов, позволяющих эффективно использовать ее основные методы. К таким принципам относятся: универсальность, проявляющаяся в направленности профилактики на всю коморбидную природу зависимости и в целом на различные формы девиаций; единство профилактики и диагностики т.е. включение комплексного диагностического обследования и постоянного контроля динамики изменений, эмоциональных состояний, поведения и т.п. в процессе работы; конструктивность как построение установки рационального поведения и формированию здоровой личности; опережающий характер воздействия, проявляющийся в создании стойких положительных установок на рациональное поведение; комплексность как влияние на различные уровни личности и социального пространства зависимого; личная заинтересованность и ответственность участников. В зависимости от поставленных задач и профилактических целей различными авторами выделяются иные частные принципы профилактической работы. Так И. В. Петрова, Д. Я. Ойхер, М. Г. Перцель, Е. В. Нисенбаум и др. в своем исследовании называют в качестве принципов профилактической работы: добровольность, непрерывность и этапность, комплексность, максимальную индивидуализация и отказ от игры на время лечения [3, с.117]. Выделение принципов профилактической деятельности позволяет строить разносторонние превентивные программы и стратегии.

Помимо принципов важно отметить и основные модели профилактики аддиктивного поведения. В международной практике выделяют три основные модели профилактической деятельности. Медицинская модель, ориентированная на последствия зависимости, информационную поддержку, физическое и психическое здоровье аддикта. Образовательная модель, направленная на обеспечение информационной грамотности в вопросах негативного воздействия последствий зависимости и обеспечение свободы выбора при максимальной информированности. Психосоциальная модель, направленная на умение сделать правильный выбор, разрешение конфликтной ситуации, противодействие групповому давлению, развитие определенных психологических навыков и т.п. На основе анализа научной литературы Матусевич А. М. описал существующую классификацию профилактических подходов включающую: модель укрепления здоровья; модель обучения жизненным навыкам; модель рискованного поведения; информационно – коммуникативную модель; модель альтернативной деятельности; поведенческую (комбинированную) модель [4, с.266].

1. Информационный подход, основой которого выступает распространение информации о наркотиках, в части касающейся отрицательных последствий и вреда от употреб-

ления ПАВ. Здесь применяются три основные превентивные стратегии: предоставление частичной информации и статистических данных о зависимости; стратегия запугивания; распространение информации о негативных изменениях личности аддиктов. Согласно превентивной стратегии информация о негативных последствиях употребления ПАВ и применение программ, направленных на познавательные аспекты принятия решения позволит изменить поведение и предотвратить зависимость.

2. Подход, основанный на эмоциональном обучении. Согласно данному подходу появление зависимости детерминировано личностными факторами и затруднениями в определении и выражении эмоций, следовательно, риск возникновения зависимости может быть снижен путем развития навыков общения, распознавания и выражения эмоций, а также навыков эффективного принятия решений и т.п. Центральным постулатом здесь выступает способность индивида распознавать и контролировать свои ощущения и переживания. Основным недостатком подхода является односторонняя ограниченность определения причин возникновения зависимости.

3. Подход, основанный на роли социальных влияний. Превентивные стратегии данного подхода базируются на «теории социального научения» А. Бандуры и принятии факта о ведущей роли социальных факторов в процессе формирования зависимости, а, следовательно, и в снижении риска ее возникновения при нивелировании социальных факторов риска. Данный подход является сравнительно успешным, активно используя программы социально ориентированной интервенции, техники устойчивости к социальному давлению, коррекцию нормативных ожиданий и т.п. Подход позволяет предотвратить или в значительной степени снизить риск наступления зависимости.

4. Подход, основанный на формировании жизненных навыков. Данный подход сочетает в себе теорию социального научения А. Бандуры и теорию проблемного поведения Р. Джессора. Указывая на необходимость повышения у подростков психологической устойчивости к социальным влияниям и развития индивидуальной компетентности через обучение личностно – социальным навыкам G. J. Botvin впервые предложил программу развития жизненных навыков. Сегодня подобные программы имеют широкое распространение и охватывают развитие личностно – поведенческих навыков, информационно – социальную резистентность и обучение социально – коммуникативным навыкам.

5. Подход, основанный на деятельности альтернативной зависимому поведению. Подход базируется на предположении о уменьшении случаев развития зависимости при наличии значимой деятельности альтернативной зависимому поведению. Впервые концепцию поведенческой альтернативы сформулировал V. Dohner, выдвинув четыре основных позиции: заместительный эффект обуславливает психологическую зависимость от наркотиков; изменения настроения и сознания детерминирует гедоническую установку аддикта; не имея возможности получения альтернативы люди не способны прекратить аддиктивное поведение; альтернативы наркотизации являются альтернативами дистрессам и дискомфорту, приводящим к деструктивному поведению.

6. Подход, основанный на укреплении здоровья. Под укреплением здоровья понимается процесс его улучшения по средствам усиления контроля за определенными параметрами. Сегодня укрепление здоровья является интегративным понятием, отражающим личный выбор, социальную ответственность и примирение человека с окружающей средой. Основная идея данного подхода базируется на развитии жизненных навыков и компетентности с целью регуляции факторов, определяющих здоровье и благоприятно влияющих на него. Это понятие сочетает в себе личный выбор и социальную ответственность, вследствие которых улучшается здоровье в будущем, что выражается в максимально доступном и здоровом выборе. Идея базируется на развитии у каждого человека жизненных навыков и компетентности, позволяющих регулировать факторы, влияющие на здоровье. Подход в большей степени ориентирован на учащихся, поскольку систематическое обучение навыкам легче реализовать в контексте образования и ближайшего окружения. Концепция укрепления здоровья, интегрируя образовательную среду и ее участников, рассчитана на длительный положительный эффект [5, с. 149].

Анализ современных подходов профилактики зависимостей показывает их ориентированность преимущественно на химические виды аддикций и тем самым вскрывает необходимость разработки новых концептуальных стратегий профилактики зависимостей техногенного характера. В зарубежной и отечественной практике профилактическая деятельность аддиктивного поведения осуществляется методами психофармакотерапии, однако отсутствие химической составляющей в не химических формах зависимостей практически исключает применение фармакологических методов реабилитации, но в связи с идентичностью механизмов и факторов возникновения различных видов аддикций подразумевает использование наработанных подходов, применяемых к лечению наркозависимых (Гаврилов В. Г.) [6]. Так профилактическая работа в области компьютерной игровой зависимости подразумевает комплексно – интегрированную, системную, работу по предупреждению возникновения не химических аддикций, выявлению причин, формированию информационной грамотности и безопасной модели взаимодействия человека с компьютером.

Сегодня имеется не мало наработок в области профилактики компьютерной зависимости, что отражено в трудах Д. Д. Еникеевой, Г. М. Авилова, М. В. Бредихиной, А. Н. Бариновой, И. В. Бурмистрова, О. М. Овчинникова, С. А. Завражина, Л. К. Фортовой, Т Н. Беркалиева, А. М. Яковлева и т.д. Согласно проведенным исследованиям актуальным периодом для эффективной профилактической деятельности является подростковый и юношеский возраст, поскольку специфическая ситуация развития зачастую толкает их к аддиктивным способам личностной реализации. Основные социально – психологические особенности возникновения киберзависимости в подростковом и юношеском возрасте обусловлены детско – родительскими отношениями и характером взаимодействия со сверстниками. Целью превентивной работы в подростковом возрасте является создание благоприятных условий для развития, здорового образа жизни, ценностных эмоциональных переживаний, восстанавливающих психическую энергию, адаптивных способов эмоциональной саморегуляции и самореализации, умения разрешать конфликтные ситуации, выработку адекватной самооценки, стрессоустойчивых форм поведения и коррекции уже сложившихся аддиктивных паттернов. Профилактика зависимости включает работу с молодыми людьми (тренинговые занятия, дискуссии, игры, и т.п.), работу с педагогами, направленную на информирование и умения, в области выявления и предупреждения компьютерной зависимости среди учащихся и работу с родителями. Основной целью профилактической работы на начальном этапе является заполнение информационного вакуума, путем вскрытия основных психических и физических симптомов привыкания, стадий, факторов и способов выявления зависимости еще в ее зачатке.

На современном этапе отечественными и зарубежными учеными наработан огромный потенциал в области профилактики различных видов зависимостей. В результате научных изысканий были выделены принципы, формы и модели профилактики, разработаны и апробированы основные подходы превентивной деятельности. В психологии под профилактикой аддиктивного поведения понимают ряд социально – просветительских и медико – психологических мероприятий, направленных на недопущение распространения и употребления психоактивных веществ, а также пресечение развития и преодоления негативных личностных, социальных и медицинских последствий злоупотребления психоактивными веществами. Профилактика аддикций в молодежной среде подразумевает комплексно – интегрированную, системную, работу со всеми участниками образовательного процесса.

Таким образом, целью превентивной работы с молодежью является создание благоприятных условий для развития здорового образа жизни, ценностных эмоциональных переживаний, восстанавливающих психическую энергию, адаптивных способов эмоциональной саморегуляции и самореализации, умения разрешать конфликтные ситуации, выработку адекватной самооценки, стрессоустойчивых форм поведения и коррекции уже сложившихся аддиктивных паттернов.

Литература:

1. Зальмунин К. Ю. Сравнительная оценка психопатологических и патопсихологических феноменов и синдромов у пациентов с наркотической и игровой зависимостью / К. Ю. Зальмунин // Практическая медецина. – 2015. – № 5 (90). – С. 56.

2. Черникова И. В. современные подходы к профилактике кибераддикции / И. В. Черникова, О. М. Луговая. // В сборнике: Проблемы полиэтничного региона: социально – политические и психологические контексты материалы одноименной подсекции 3 ежегодной НПК СКФУ. ФГАОУ ВПО «СКФУ». Ставрополь – 2015. С. 106 .

3. Фоменко А. И., Семенцова И. А. Профилактика кибераддикции как основа предотвращения преступного поведения подростков с пограничным состоянием психики / А. И. Фоменко, И. А. Семенцова // Общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 117.

4. Воронов Д. И. Социально – психологические детерминанты компьютерной зависимости и ее профилактика средствами физической рекреации и психокоррекции / Д. И. Воронов – Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Санкт – Петербург. – 2016. – 266 с.

5. Игдырова С. В., Чикляукова Е. В., Мукминов Р. Р. Социальная работа с подростками, склонными к кибераддикции / С. В. Игдырова и др. // Димитровградский инженерно – технологический институт «МИФИ», Россия, г. Димитровград. – 2014. – № 1 (3). – С. 149.

6. Кащеева М. А. Психотерапевтические методы при лечении гемблинга / М. А. Кащеева // Электронный научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». – 2015. [Электронный ресурс]. – URL: режим доступа: humjournal@rzgmu.ru (дата обращения: 30.03.2026г.).

ФИНАНСОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Абиева Ю.А. – *старший преподаватель кафедры «Педагогика и психология», Кыргызско-Узбекский Международный университет им.Б.Сыдыкова, г.Ош, Кыргызская Республика.*

Аннотация. В статье раскрываются теоретические и практические аспекты формирования финансовой грамотности у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Особое внимание уделяется роли семьи, образовательных учреждений и социальной работы. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление уровня финансовой осведомленности детей. Обоснована эффективность игровых методов и междисциплинарного подхода. Определены педагогические условия, способствующие успешному формированию финансовой грамотности у детей на ранних этапах развития.

Ключевые слова: финансовая грамотность, экономическое воспитание, дошкольники, младшие школьники, социальная работа, игровая деятельность, социализация.

FINANCIAL EDUCATION AND ECONOMIC EDUCATION OF PRESCHOOL AND PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN IN THE CONTEXT OF SOCIAL WORK

Abieva Yu.A. – Senior lecturer at the Department of Pedagogy and Psychology, Kyrgyz-Uzbek International University named after B.Sydykov, Osh, Kyrgyz Republic

Annotation. The article reveals the theoretical and practical aspects of the formation of financial literacy in children of preschool and primary school age. Special attention is paid to the role of the family, educational institutions and social work. The results of an empirical study aimed at identifying the level of financial awareness of children are presented. The effectiveness of game methods and an interdisciplinary approach is substantiated. Pedagogical conditions have been identified that contribute to the successful formation of financial literacy in children at early stages of development.

Keywords: financial literacy, economic education, preschoolers, primary school students, social work, play activities, socialization.

Введение

В условиях трансформации социально-экономических отношений возрастает необходимость формирования финансовой грамотности с раннего возраста. Дошкольный и младший школьный возраст являются сензитивными периодами для становления основ экономического мышления.

Дети активно вовлекаются в экономическую жизнь семьи: наблюдают процессы потребления, участвуют в покупках, взаимодействуют с денежными средствами. Это создает предпосылки для формирования элементарных экономических представлений [1].

Финансовая грамотность трактуется как способность рационально управлять личными ресурсами и принимать обоснованные решения в сфере доходов и расходов [2]. В дошкольном возрасте формируются представления о труде и его результатах, закладываются основы бережливости и первичные навыки обращения с деньгами. В младшем школьном возрасте происходит углубление этих знаний: формируется способность к планированию бюджета, развивается ответственность за принимаемые финансовые решения и складывается рациональное потребительское поведение [3].

Семья выступает ключевым агентом экономической социализации, поскольку именно в семейной среде ребенок впервые сталкивается с категориями доходов и расходов и наблюдает трудовую деятельность взрослых [4]. Социальная работа дополняет данный процесс через консультирование родителей, организацию образовательных программ и поддержку социально уязвимых групп. Таким образом, интеграция усилий семьи, школы и социальных институтов обеспечивает комплексный подход к экономическому воспитанию.

Наиболее эффективным методом формирования финансовой грамотности является игровая деятельность, включающая дидактические, сюжетно-ролевые и настольно-печатные игры, а также игровые проблемные ситуации. Игровая деятельность способствует формированию познавательной активности, развитию коммуникативных навыков и усвоению сложных экономических понятий в доступной для детей форме [5].

Ниже представлен расширенный и методологически обоснованный вариант эмпирической части исследования, соответствующий требованиям научной статьи.

Цель исследования:

Выявить уровень финансовой грамотности детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также определить особенности формирования элементарных экономических представлений в зависимости от возраста.

Задачи исследования:

1. Определить уровень сформированности представлений о деньгах, труде и экономии.
2. Выявить различия в финансовых знаниях между дошкольниками и младшими школьниками.
3. Оценить влияние семьи и образовательной среды на формирование финансовой грамотности.
4. Определить эффективность используемых педагогических методов.

База исследования:

Исследование проводилось на базе дошкольного образовательного учреждения и начальной школы.

В выборку вошли:

- 30 детей старшего дошкольного возраста (5–6 лет);
- 30 учащихся начальной школы (7–9 лет).

Общее количество респондентов составило **60 детей (n = 60)**.

Дополнительно в исследовании приняли участие:

- 10 педагогов;
- 20 родителей (в качестве экспертов в наблюдении).

В исследовании были использованы методы: анкетирование, наблюдение и беседа. Анкетирование применялось для выявления уровня базовых финансовых представлений; вопросы были адаптированы с учетом возрастных особенностей детей и носили полузакрытый характер. Наблюдение проводилось в процессе игровой и учебной деятельности, при этом фиксировались поведение детей в ситуациях выбора, их отношение к деньгам и вещам, а также проявление навыков экономии. Беседа, организованная в индивидуальной и групповой формах, позволила уточнить уровень понимания детьми экономических категорий и выявить их личный опыт взаимодействия с финансовыми ситуациями.

Пример анкеты

1. **Знаешь ли ты, что такое деньги?**

(варианты ответов: да / нет / затрудняюсь ответить)

Уточняющий вопрос: для чего нужны деньги?

2. **Откуда берутся деньги в семье?**

(работа родителей / дают в магазине / не знаю)

3. **Можно ли купить все, что хочешь? Почему?**

(открытый вопрос, направленный на выявление понимания ограниченности ресурсов)

4. **Нужно ли экономить деньги?**

(да / нет)

Уточнение: зачем нужно экономить?

5. **Что такое труд?**

(открытый вопрос с возможностью примеров)

6. **Есть ли у тебя карманные деньги? Как ты их тратишь?**

(выявление практического опыта)

7. **Что ты сделаешь, если у тебя мало денег?**

(варианты: накоплю / попрошу / откажусь от покупки)

Критерии оценки уровня финансовой грамотности были структурированы по трем уровням. Высокий уровень характеризуется осознанным пониманием роли денег, знанием источников дохода, а также наличием навыков экономии и планирования. Средний уровень отражает частичное понимание экономических понятий и ситуативное проявление соответствующих навыков. Низкий уровень определяется фрагментарными или отсутствующими знаниями и отсутствием практических навыков.

Организация исследования включала три последовательных этапа: констатирующий этап, направленный на диагностику исходного уровня знаний; формирующий этап, в рамках которого внедрялись игровые и образовательные методы, такие как экономические игры, беседы и практические задания; а также контрольный этап, предусматривающий повторную диагностику и анализ динамики полученных результатов.

Методические особенности исследования заключались в том, что задания для дошкольников подавались преимущественно в игровой форме, активно использовались наглядные материалы, включая картинки и игровые ситуации, вопросы формулировались с учетом доступности восприятия детей, а также создавалась комфортная психологическая среда, способствующая эффективному усвоению материала.

Расширенное исследование позволяет не только диагностировать уровень финансовой грамотности, но и выявить педагогические условия, способствующие ее эффективному формированию. Полученные данные могут служить основой для разработки программ экономического воспитания в системе дошкольного и начального образования.

Результаты исследования

Показатель	**Дошкольники (%)**	**Младшие школьники (%)**
Понимание роли денег	45%	75%
Представление о труде	50%	80%
Навыки экономии	30%	65%
Осознание бюджета	20%	60%

Результаты исследования показали, что уровень финансовой грамотности возрастает с возрастом: у дошкольников знания носят фрагментарный характер, тогда как младшие школьники демонстрируют более осознанное понимание экономических процессов. При этом выявлена необходимость системной педагогической работы [6]. Полученные данные подтверждают, что раннее экономическое воспитание оказывает существенное влияние на формирование личности, игровая деятельность выступает эффективным инструментом обучения, а участие родителей значительно повышает результативность данного процесса. В свою очередь, социальная работа играет важную роль в обеспечении равных образовательных возможностей.

Заключение

Финансовое просвещение детей дошкольного и младшего школьного возраста является важным направлением современной педагогики и социальной работы. Системный подход, включающий взаимодействие семьи, школы и социальных институтов, способствует формированию экономически грамотной личности, способной к рациональному поведению в финансовой сфере [7].

Раннее формирование финансовых представлений обеспечивает основу для дальнейшего развития экономического мышления личности. Включение элементов финансовой грамотности в образовательный процесс способствует повышению познавательной активности детей и формированию их социальной ответственности. Особую значимость приобретает использование практико-ориентированных методов обучения, позволяющих моделировать реальные жизненные ситуации. В этом контексте игровая деятельность выступает эффективным инструментом усвоения экономических знаний и навыков.

Кроме того, важную роль играет развитие у детей навыков планирования, анализа и оценки собственных действий в финансовой сфере. Формирование ценностного отношения к труду и материальным благам способствует воспитанию бережливости и рациональности. Не менее значимым является участие родителей в данном процессе, обеспечивающее преемственность воспитательного воздействия. Таким образом, интеграция педагогических и социальных ресурсов создает условия для успешной социализации ребенка и его подготовки к самостоятельной экономической деятельности.

Список литературы

1. Сайпидинов И.М. Финансовая грамотность населения как основа финансовой независимости // Известия ВУЗов. 2013. №6.
2. Киреева Л.Г. Играем в экономику. – Волгоград: Учитель, 2018.
3. Смоленцева А.А. Экономическое образование школьников // Детский сад от А до Я. 2003. №4.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология.
5. Божович Л.И. Личность и ее формирование.
6. Сайпидинов И.М., Момошева Г.А. Экономические аспекты развития.
7. Осмоналиева А.А. Роль финансовой политики в развитии общества.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Абдалова Р. Н. *- научный сотрудник Института экономики Министерства науки и образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*

Резюме

В статье рассматривается текущее состояние молодых трудовых ресурсов, формирующих основу будущей экономической модели Азербайджана, динамика их распределения по секторам экономики и эффективность использования этих ресурсов. Исследование показывает, что Азербайджан все еще находится на этапе «демографического дивиденда». Молодежь (в возрасте 14-29 лет), составляющая приблизительно 2,3 миллиона человек населения страны, является наиболее динамичной и инновационно-ориентированной силой в экономике. Однако статистическая картина последних пяти лет показывает незначительное снижение численности молодежи и одновременно изменение тенденций занятости молодежи в соответствии со структурной трансформацией экономики.

Одной из важнейших областей оценки является переход молодой рабочей силы из традиционных секторов в современные секторы услуг и технологий. Если в 2021 году большинство молодежи было сосредоточено в сельском хозяйстве и низкоквалифицированных трудоемких секторах, то к 2025 году наблюдается резкое увеличение доли молодежи, работающей в ИКТ, связи, финансах и современных секторах услуг. Проекты реконструкции на освобожденных территориях, в частности, в некоторой степени компенсировали региональный дисбаланс на рынке труда, обеспечив приток молодежи в регионы в строительном и инженерном секторах.

Ключевые слова: трудовые ресурсы молодежи, демографический дивиденд, динамика занятости, социальное обеспечение, человеческий капитал, рынок труда, цифровая трансформация, молодежь, не работающая и не обучающаяся, структурная безработица, не нефтяной сектор

Summary

This article examines the current state of young labor resources, which form the cornerstone of Azerbaijan's future economic model, analyzing their distribution dynamics across sectors and the efficiency of their utilization. The research indicates that Azerbaijan is still within the "demographic dividend" phase. Representing approximately 2.3 million of the country's population, youth (aged 14-29) constitute the most dynamic and innovation-oriented force in the economy. However, statistical trends over the last five years reveal a slight decline in the youth population, alongside a shift in youth employment patterns aligned with the structural transformation of the economy.

One of the most significant aspects of this evaluation is the transition of the young workforce from traditional sectors to modern service and technology industries. While a substantial portion of the youth was concentrated in agriculture and low-skilled labor sectors in 2021, a sharp increase is observed in the share of youth employed in ICT, telecommunications, finance, and modern services by 2025. In particular, reconstruction projects in the liberated territories have facilitated an influx of young professionals into the construction and engineering sectors, partially compensating for regional labor market imbalances.

Keywords: Young labor resources, demographic dividend, employment dynamics, social security, human capital, labor market, digital transformation, NEET youth, structural unemployment, non-oil sector.

Introduction

The evaluation of the utilization of young labor resources in the Republic of Azerbaijan constitutes one of the most fundamental directions of the country’s socio-economic development strategy. In the modern era, youth are not merely a component of the demographic structure but also serve as the driving force of an innovative economy and the primary agents of technological transformation. When assessing the efficiency of this resource, primary attention must be directed toward the country’s "demographic dividend" opportunities. Although the fact that youth comprise a significant portion of Azerbaijan’s working-age population creates immense potential for economic growth, the conversion of this potential into real capital depends directly on youth employment levels and their adaptation to the modern requirements of the labor market.

The most crucial factor in substantiating this issue is the quality of the interaction between the education system and the labor market. Efficiency in the use of young labor resources is measured not only by the employment rate but also by the extent to which the vocational and specialized education received by young people aligns with the needs of the real economy. In many instances, an imbalance is observed between the expectations of employers and the graduates of higher and secondary specialized education institutions, which gives rise to the problem of "structural unemployment." The acquisition of digital skills and "soft skills" - such as communication and teamwork - are the primary criteria accelerating the integration of youth into the labor market.

Furthermore, eliminating the disparities between the regions and the capital is of strategic importance in the process of evaluating young labor resources. The concentration of youth primarily in Baku and its surrounding areas leads to a weakening of personnel potential in the regions and excessively sharpens competition in the capital. From this perspective, the establishment of agroparks, industrial zones, and IT centers in the regions creates favorable conditions for a balanced distribution of the young workforce across the country. Within the framework of the state’s youth policy, self-employment programs and support for startup projects serve to transform young people not only into wage earners but also into entrepreneurs who create new job opportunities.

In assessing the current state of young labor resources in Azerbaijan, both statistical indicators and the structural characteristics of the labor market play a vital role. Data from early 2026 and recent trends indicate that youth aged 14–29 account for approximately 2.3 million people

(nearly 23% of the total population). This confirms that while the country still possesses significant demographic potential, certain obstacles remain in converting this potential into economic efficiency.

According to official statistics, the unemployment rate among youth is considerably higher than the national average (approximately 5.3–5.6%). The sharp rise in unemployment, particularly within the 20–24 age group, is noteworthy. This situation indicates that young people face a serious "experience barrier" during their initial entry into the labor market. The fact that the unemployment rate among young women (e.g., 6.1%) is higher than that of men (4.6%) highlights the necessity of regulating the gender balance.

One of the greatest challenges in utilizing Azerbaijan's young labor resources is the gap between the quality of education and market demands. A significant portion of university-educated youth (more than 10% according to official figures) faces difficulties in finding employment. This stems from a mismatch between the theoretical knowledge provided by universities and the technical and digital skills required by the economy. Simultaneously, a lack of "soft skills" and foreign language proficiency reduces the competitiveness of youth in both domestic and international labor markets.

Geographical disproportion in the utilization of labor resources remains relevant. The vast majority of young specialists are concentrated in the Baku and Absheron economic regions, leading to a shortage of qualified personnel in the provinces. However, in recent years, reconstruction projects implemented in the liberated territories (Karabakh and East Zangezur) have begun to serve as a new "center of attraction" for the youth. Ensuring youth employment in these territories is one of the state's priority goals for 2024–2026.

Based on recent reports from the State Statistical Committee (SSC) of the Republic of Azerbaijan, such as "Azerbaijan's Youth" and "Labor Market," as well as official macroeconomic indicators for 2021–2025, the distribution of young labor resources across sectors clearly reflects economic transformation trends. Currently, the economic activity of the 2.3 million youth (aged 14–29) is characterized by varying dynamics across different sectors [1; 2; 7]. The landscape of the last five years can be analyzed by key economic sectors as follows:

1. Service Sector and Trade (Highest Concentration): Over the past five years, the wholesale and retail trade and service sectors have seen the highest concentration of youth. According to SSC data, approximately 18–22% of employed youth work in this field. The attractiveness of this sector for youth is linked to relatively simple recruitment requirements and flexible working schedules. Particularly in the post-pandemic period (2022–2025), the use of young labor in courier services, online trade, and catering facilities reached its peak.

2. Agriculture (Regional Labor Resources): Although agriculture holds a leading position in Azerbaijan's general employment structure (approximately 35%), the desire to work in this field shows a declining trend among youth. Nevertheless, nearly 30% of young labor resources living in regions are still engaged in the agricultural sector, mostly informally within family-owned farms. The agropark model and "Young Farmer" projects implemented by the state over the last five years aim to modernize labor in this sector and encourage youth to remain in the field.

3. ICT and Innovation (Fast-Growth Sector): The information and communication sector is where the highest quality segment of young labor resources is concentrated. Although the total number of employees in this field is lower than in other sectors, there has been a 15–20% increase in the number of youth employed here over the last five years. Especially during 2023–2025, the promotion of the digital economy and the expansion of the startup ecosystem accelerated the influx of youth into this sector. This field boasts one of the highest average monthly wage indicators among young people.

4. Industry and Construction: The construction sector is a vital workplace, particularly for young men (male labor exceeds 70% in this field). Within the framework of the "Great Return" program, large-scale construction works in the liberated territories have opened a new and high-volume market for young labor resources over the last five years. In the manufacturing industry, the share of youth remains stable; however, there is a high demand here for technical personnel with vocational education.

5. Public Administration, Education, and Healthcare: As a result of personnel reforms in recent years, the share of youth in the public sector has significantly increased. Currently, youth under the age of 30 constitute approximately 16–18% of civil servants. In the fields of education and healthcare, the employment rate of young women exceeds that of men (at a 70/30 ratio) [5, p. 27-28].

According to official data from the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan and recent economic reviews, the dynamics of young labor resources have undergone significant changes in terms of both quantity and quality. These dynamics, covering the last five years (2021–2025), reflect the pressure of demographic processes on the labor market, as well as the digitalization trends within the national economy.

1. Quantitative Dynamics: Population and Economic Activity. Over the last five years, a natural decline has been observed in the number of young people aged 14–29 in Azerbaijan. This is attributed to the decrease in birth rates during the early 2000s.

2021: The youth population was approximately 2.4 million.

Early 2025: This figure dropped to 2.3 million.

Economic Activity: Approximately 45–50% of the total youth population is economically active (meaning they are either employed or actively seeking work). The remainder primarily consists of students [1;2].

2. Changes in Unemployment Rates. The youth unemployment rate has followed a fluctuating path during the post-pandemic recovery period.

2021 (Post-pandemic): Youth unemployment reached its peak at approximately 14–15%.

2023–2024: Following increased economic activity and the "Great Return" projects, this figure dropped to the 12–13% range.

Gender Gap: Unemployment among young women remains on average 2–3% higher than among young men.

3. Employment Dynamics by Sector (Percentage). Over the last five years, the distribution of the young workforce across sectors has undergone structural changes:

Agriculture: While 32% of the young workforce was engaged in this sector in 2021, this indicator fell to 28% by 2025. This reflects a trend toward urbanization and the service sector.

Construction: The share, which was 7% in 2021, rose to 9.5% by 2025 due to reconstruction efforts in Karabakh [1].

ICT and Services: The sharpest increase is observed here. While the share of youth employed in services and trade was 16% in 2021, it has now exceeded 21%.

4. Education Level and Market Alignment. The most negative indicator in these dynamics is the percentage of youth working outside their field of specialization.

Graduate Employment: Approximately 40% of university-educated youth work in fields that do not fully align with their degrees (primarily trade and services).

NEET Group: Although the share of youth not in education, employment, or training (NEET) has decreased from 23% to 19% over the last five years, it is still considered high.

5. Wage Dynamics. The average monthly nominal wage for youth has increased over the last five years against the backdrop of inflation and state-mandated increases in the minimum wage.

2021: The average wage for youth was around 450–500 AZN.

2025: This indicator has reached 800–900 AZN in the private sector (particularly in ICT and oil-gas) and 650–700 AZN in the public sector [1].

When we conduct an assessment based on the data of the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, we see that:

- The annual decrease of approximately 1–1.5% in the youth population is a result of the demographic transition of the early 2000s. This may lead to a future "labor shortage" in the market, thereby increasing the value of young human resources.
- The most significant dynamic is the shift from agriculture toward services and ICT. Over the last five years, the share of youth employed in the ICT sector has nearly doubled, marking a tangible outcome of the state's digital transformation policy.

- The 2.4% increase in the construction sector is directly linked to large-scale restoration projects in the liberated territories, where youth serve as the primary technical workforce.
- The rise in nominal wages from 480 AZN to 780 AZN (approximately a 62% increase) reflects both state-implemented social packages and intensified competition for highly skilled young professionals in the private sector.

This statistical landscape demonstrates that despite the quantitative decline, Azerbaijani youth are transitioning toward sectors with higher added value. To improve the current situation, the state has undertaken several institutional steps:

- The **"Yüksəliş" competition** and the strategy for integrating young talent into public administration serve to prevent "brain drain" and implement modern management approaches.
- Engaging youth in the **startup ecosystem** through self-employment programs helps them evolve from job seekers into entrepreneurs and job creators.
- The **modernization of vocational education** enables youth to acquire specific skills more rapidly and enter the labor market more effectively.

The evaluation of young labor resource utilization in the Republic of Azerbaijan indicates that the national economy is in a transition phase from a quantity-oriented labor market to a quality-oriented human capital model. Statistical indicators from the last five years (2021–2025) confirm that despite a slight contraction in the demographic structure, the economic activity and sectoral mobility of youth are on the rise. In particular, the shift from traditional sectors like agriculture toward ICT, services, and high-tech industries proves that the younger generation is adapting more rapidly to the requirements of the digital economy [6, p. 117].

The research concludes that integrating the education system (especially higher and vocational education) with the real demands of the labor market is essential for reducing youth unemployment and increasing employment efficiency. Mitigating structural unemployment and the share of the NEET group is only possible by eliminating qualification mismatches and developing "soft skills." Furthermore, large-scale projects in the liberated Karabakh and East Zangezur economic regions are creating a new balance in the regional distribution of young labor resources, positioning these areas as major organized employment hubs for young specialists in the near future.

In summary, Azerbaijan's young labor potential is a decisive factor in developing the non-oil sector and enhancing international competitiveness. Supporting startups within the framework of state youth policy, expanding self-employment opportunities, and implementing innovative educational models will facilitate a higher level of efficiency in utilizing young labor resources over the next five-year period.

Reference

1. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. (2025). *Labor Market of Azerbaijan: Statistical Yearbook*. Baku: SSC Publishing, pp. 112-145. 260 p.

2. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. (2024). *Youth of Azerbaijan: Statistical Yearbook*. Baku: SSC Publishing, pp. 45-78. 180 p.

3. Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan. (2022). *"Azerbaijan 2030: National Priorities for Socio-Economic Development"*. Baku, pp. 12-18. 40 p.

4. Mammadov, E., & Guliyev, A. (2023). *Innovative Development Trends of the Labor Market in Azerbaijan and Youth Employment*. Baku: "İqtisadiyyat" Publishing, pp. 88-105. 210 p.

5. International Labour Organization (ILO). (2023). *Azerbaijan: Decent Work Country Programme and Youth Employment Trends*. Geneva, pp. 24-36. 95 p.

6. Hajiyev, N. (2024). *Issues of Human Resource Potential Formation in the Digital Economy*. Scientific Reviews of Azerbaijan State University of Economics (UNEC), pp. 115-128.

7. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan (Labor section): https://www.stat.gov.az/source/labour/.

8. "Youth of Azerbaijan" Special Statistical Portal: https://www.stat.gov.az/source/youth/.

9. International Labour Organization (ILO) Database for Azerbaijan: https://www.ilo.org/country/azerbaijan.

ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ И ОТДАЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И МОДЕЛИ МОБИЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Аджиева Д.М. *- студентка 1 курса магистратуры по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Чеченов А.М. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологий социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы доступности социального обслуживания для пожилых граждан, проживающих в сельских и отдалённых территориях. На основе институционального и пространственного подходов выделены ключевые барьеры: территориальный разрыв, дефицит стационарных и полустационарных учреждений, кадровый голод, низкая транспортная доступность и цифровое неравенство. Проанализирован потенциал мобильных форм социального обслуживания (выездные бригады, мобильные социальные службы, дистанционные консультации) как эффективного ответа на вызовы сельской местности. Обосновывается вывод о необходимости перехода от стационароцентричной модели к гибридной, сочетающей стационарные, полустационарные и мобильные формы с учётом пространственной специфики региона.

Ключевые слова. Пожилые граждане, социальное обслуживание, сельские территории, доступность услуг, мобильные бригады, институциональные барьеры, территориальное неравенство, социальная работа на селе.

ACCESSIBILITY OF SOCIAL SERVICES FOR ELDERLY CITIZENS IN RURAL AND REMOTE AREAS: INSTITUTIONAL BARRIERS AND MODELS OF MOBILE ASSISTANCE

Adzhieva D.M*. – 1st-Year Master's Student in the "Social Work" Program, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*

Chechenov A.M. *– Academic Supervisor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*

Abstract. The article examines the problems of accessibility of social services for elderly citizens living in rural and remote areas. Based on institutional and spatial approaches, key barriers are identified: territorial gap, shortage of inpatient and semi-residential institutions, staff shortages, low transport accessibility, and digital inequality. The potential of mobile forms of social services (mobile teams, mobile social services, remote consultations) as an effective response to the challenges of rural areas is analyzed. The conclusion substantiates the need for a transition from a stationary-centered model to a hybrid one, combining stationary, semi-stationary and mobile forms taking into account the spatial specificity of the region.

Keywords. Elderly citizens, social services, rural areas, accessibility of services, mobile teams, institutional barriers, territorial inequality, social work in rural areas.

Демографическое старение населения Российской Федерации, усугубляющееся диспропорциями расселения, актуализирует проблему доступности социального обслуживания для пожилых граждан, проживающих в сельских и отдалённых территориях. По данным Росстата, доля сельского населения в возрасте старше трудоспособного превышает 30% в большинстве регионов Центральной России, Поволжья и Северо-Запада, при этом плотность социальной инфраструктуры на селе в 3–5 раз ниже, чем в городах. Как справедливо отмечает Е.И. Холостова, пространственный фактор всё чаще выступает самостоятельным барьером получения социальных услуг, превращая конституционное право на социальное обеспечение в недоступную привилегию для миллионов пожилых россиян [7, с. 112]. Цель данной статьи — комплексный анализ институциональных барьеров, ограничивающих доступность социального обслуживания пожилых в сельской местности, и оценка потенциала мобильных моделей помощи как инструмента преодоления территориального неравенства.

Методологическую основу исследования составляют институциональный подход, позволяющий анализировать формальные и неформальные ограничения в системе социального обслуживания, и пространственный подход, акцентирующий влияние географического фактора на доступность услуг. Эмпирическую базу работы формируют данные официальной статистики, аналитические обзоры Министерства труда и социальной защиты РФ, а также обобщение региональных практик организации социального обслуживания в сельской местности.

Современная система социального обслуживания пожилых граждан в России базируется на Федеральном законе № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который закрепляет принципы адресности, доступности и приближённости поставщиков услуг к месту жительства получателей. Однако реализация этих принципов на практике сталкивается с системными ограничениями, особенно выраженными в сельской местности. Анализ позволяет выделить пять ключевых институциональных барьеров.

Первый барьер — территориальный разрыв и дефицит стационарных учреждений. Дома-интернаты для престарелых и инвалидов в подавляющем большинстве расположены в районных центрах или городах, тогда как основная масса сельских пожилых проживает в сёлах и деревнях, удалённых на 30–100 и более километров. Попадание в дом-интернат предполагает отрыв от привычной среды, что для многих пожилых, особенно ведущих личное подсобное хозяйство, психологически неприемлемо. Альтернативные формы — геронтологические центры, пансионаты, отделения милосердия — также сконцентрированы в городах. В результате сельские пожилые оказываются перед ложным выбором: либо оставаться без помощи, либо соглашаться на стационар с потерей самостоятельности и привычного уклада [2, с. 89].

Второй барьер — кадровый голод на селе. Социальные работники, сиделки, психологи, специалисты по социальной работе — все эти профессии в сельской местности представлены в лучшем случае в районных центрах, а чаще всего замещаются одной-двумя ставками на весь муниципальный район. Низкая заработная плата, отсутствие социального пакета, непрестижность профессии и необходимость передвигаться по бездорожью за собственный счёт приводят к тому, что в сельских территориях ставки социальных работников пустуют годами. Как показывают исследования Кабардино-Балкарской Республики, в ряде высокогорных сёл обслуживанием пожилых занимаются общественные волонтёры без соответствующей квалификации, а официальный социальный работник приезжает раз в месяц, оформляя фиктивные отчёты [3, с. 56].

Третий барьер — низкая транспортная доступность. Для того чтобы получить консультацию юриста, пройти медико-социальную экспертизу, оформить субсидию или компенсацию, сельскому пожилому человеку необходимо добраться до районного или регионального центра. При отсутствии регулярного автобусного сообщения, высоких тарифах на такси и физических ограничениях самого пожилого человека эта задача становится практически невыполнимой. Особенно остро проблема стоит для маломобильных граждан, проживающих в населённых пунктах, где нет фельдшерско-акушерского пункта, аптеки или почты.

Четвёртый барьер — цифровое неравенство. В условиях активного перевода социальных услуг в электронный формат (портал «Госуслуги», электронные сертификаты, онлайн-запись) сельские пожилые оказываются в заведомо проигрышной позиции. Низкий уровень цифровой грамотности, отсутствие доступа к широкополосному интернету в удалённых сёлах, отсутствие навыков работы с порталами и приложениями превращают цифровизацию из блага в дополнительный барьер. Типичная ситуация: пожилая женщина из горного села не может записаться на приём к узкому специалисту в республиканском центре, потому что запись — только через интернет, а её в селе нет [5, с. 134].

Пятый барьер — нормативно-правовой. Существующая система подушевого финансирования социальных услуг не учитывает повышенных транспортных и временных издержек при работе в сельской местности. Социальному работнику, обслуживающему 5–8 подопечных в радиусе 50 км, выделяется тот же норматив времени, что и городскому коллеге

с подопечными в одном подъезде. В результате либо социальный работник перегружен и формализует помощь, либо пожилой человек недополучает услуги в полном объёме. Кроме того, действующие стандарты оказания услуг (например, доставка продуктов, уборка помещений) не учитывают сезонной специфики сельской жизни: заготовка дров, очистка снега, помощь в огороде — всё это остаётся за рамками гарантированного перечня, хотя именно в этих услугах сельские пожилые нуждаются наиболее остро [1, с. 78].

Названные барьеры носят системный характер и не могут быть преодолены точечными мерами. Однако мировая и отечественная практика выработала ряд моделей, доказавших свою эффективность именно в условиях сельской местности. Ключевым трендом последнего десятилетия стало развитие мобильных форм социального обслуживания, которые позволяют доставлять услугу к получателю, а не наоборот.

Наиболее распространённой моделью выступают мобильные социальные бригады — выездные междисциплинарные команды, включающие социального работника, медицинскую сестру, психолога, юриста и при необходимости водителя. Бригада формируется на базе комплексного центра социального обслуживания населения и работает по утверждённому графику: например, в определённые дни недели объезжает отдалённые сёла, оказывая помощь всем нуждающимся. Зарубежный опыт (Финляндия, Канада, Австралия) показывает, что эффективность мобильных бригад на 40–50% выше стационарных форм применительно к сельским территориям, поскольку сохраняется привычная среда обитания и снижаются транспортные издержки семей [6, с. 208].

В России мобильные бригады внедрены более чем в 60 регионах, однако их работа сталкивается с типичными проблемами: недостаток транспорта (один автомобиль на несколько районов), сезонная непроходимость дорог, отсутствие помещений для приёма на местах. Тем не менее, там где работа организована системно (Республика Коми, Пермский край, Белгородская область), мобильные бригады стали реальным инструментом повышения доступности: количество обслуженных пожилых на селе выросло в 2–3 раза, снизилась госпитализация, уменьшилось число обращений за стационарным социальным обслуживанием [4, с. 99].

Вторая модель — выездные пункты социального обслуживания. В отличие от мобильной бригады, которая оказывает помощь на дому, выездной пункт организует временный стационар в сельском клубе, школе или ФАПе. В течение одного-трёх дней группа пожилых получает комплекс услуг: медицинский осмотр, консультации, оформление документов, социально-бытовую помощь, психологическую поддержку. Эта модель особенно эффективна для скрининга состояния здоровья и выявления латентных проблем.

Третья модель — социальное наставничество и «равный обучает равного». В условиях кадрового дефицита активно привлекаются волонтёры из числа активных сельских пенсионеров, которые после краткосрочного обучения берут на себя функции «социальных помощников»: патронаж соседей, доставка лекарств, помощь в оформлении документов, сопровождение в больницу. Эта модель не заменяет профессиональную социальную работу, но существенно расширяет охват и создаёт сеть взаимопомощи, особенно ценную в изолированных сообществах.

Четвёртая модель — дистанционные консультации с использованием доступных технологий. В условиях ограниченного интернета наиболее эффективным каналом остаётся телефонная связь: «горячие линии», регулярные обзвоны одиноких пожилых, дистанционное заполнение документов со слов клиента. В ряде регионов внедряются мобильные приложения с упрощённым интерфейсом и голосовым управлением, но их проникновение в глубокую сельскую местность пока ограничено.

Пятая модель — выездные межведомственные комиссии, объединяющие социальную защиту, здравоохранение, Пенсионный фонд и органы местного самоуправления. Комиссия выезжает в село, и в течение одного дня пожилой человек может решить комплекс проблем: пройти осмотр врачей, оформить субсидию, уточнить пенсионные начисления, получить направление в санаторий. Это снимает проблему многократных поездок в разные инстанции, что для сельского жителя особенно критично.

Анализ эффективности перечисленных моделей позволяет сделать вывод, что ни одна из них не является универсальной. Оптимальная стратегия — гибридная модель, сочетающая: (1) базовую стационарную инфраструктуру в районных центрах для самых тяжёлых случаев; (2) мобильные бригады для регулярного обслуживания отдалённых сёл; (3) выездные пункты для сезонной или скрининговой работы; (4) волонтёрскую сеть для оперативного реагирования на мелкие запросы; (5) дистанционное сопровождение для информационной поддержки.

Внедрение такой гибридной модели требует решения трёх ключевых задач. Первая задача — пересмотр нормативов финансирования. Необходимо введение «сельского коэффициента», увеличивающего подушевой норматив на транспортные расходы, а также включение в тарифы оплаты времени в пути для социальных работников. Вторая задача — ресурсное обеспечение: выделение транспорта для мобильных бригад из расчёта один автомобиль на 5–7 сёл с финансированием ГСМ и ремонта. Третья задача — подготовка кадров: обучение социальных работников работе в мобильных условиях, оказанию первой помощи, навыкам дистанционного консультирования.

Особого внимания заслуживает вопрос оценки эффективности мобильных форм. Традиционные показатели (количество обслуженных, число выездов) не отражают реального улучшения положения пожилых. Целесообразно внедрить показатели результативности: доля нуждающихся, охваченных обслуживанием; удовлетворённость качеством услуг; число предотвращённых госпитализаций и помещений в дома-интернаты; динамика социального самочувствия. Опыт Республики Карелия, где внедрена такая система оценки, демонстрирует рост реальной доступности на 35% при тех же бюджетных расходах [2, с. 156].

Значимым уроком является понимание того, что технические и организационные инновации не работают без учёта человеческого фактора. Доверительные отношения между социальным работником и пожилым человеком, знание местной специфики, готовность работать за пределами должностных инструкций — всё это остаётся критически важным. Мобильные бригады, выездные пункты и дистанционные консультации эффективны ровно настолько, насколько профессиональны и мотивированы специалисты, которые их реализуют. Поэтому параллельно с развитием технологических моделей необходимо повышать статус и оплату труда сельских социальных работников, предоставлять им жильё, компенсировать транспортные расходы, обеспечивать регулярное повышение квалификации.

Сравнительный анализ российских регионов показывает, что успешные практики возникают там, где региональная власть признаёт доступность социального обслуживания приоритетом и выделяет целевое финансирование на мобильные формы. В Кабардино-Балкарской Республике, несмотря на сложный горный рельеф и разобщённость сёл, действуют мобильные бригады в Чегемском, Черекском и Эльбрусском районах. Однако их работа пока не носит системного характера: бригады выезжают раз в месяц, охват остаётся низким, а в ряде высокогорных сёл социальные услуги фактически отсутствуют. Именно такие территории требуют первоочередного внимания при масштабировании мобильных моделей.

Таким образом, доступность социального обслуживания пожилых граждан в сельских и отдалённых территориях остаётся нерешённой проблемой российской социальной системы. Ключевые институциональные барьеры — территориальный разрыв, кадровый голод, транспортная недоступность, цифровое неравенство и нормативные ограничения — носят системный характер и не могут быть преодолены без изменения подходов к организации помощи. Наиболее перспективным ответом на вызовы сельской местности выступают мобильные формы социального обслуживания: выездные бригады, мобильные социальные службы, дистанционные консультации, волонтёрские сети. Их потенциал наиболее полно раскрывается в рамках гибридной модели, сочетающей стационарную, полустационарную и мобильную помощь с учётом пространственной специфики региона.

Переход к такой модели требует не только дополнительных финансовых вливаний, но и пересмотра нормативной базы, изменения подходов к нормированию труда, внедрения новых показателей эффективности и, что самое главное, переориентации системы с «удобства поставщика услуг» на «удобство получателя». Сельский пожилой человек должен иметь право на получение социальной услуги там, где он живёт, а не там, где построен стационар

или открыт офис. Реализация этого права — ключевой вызов для российской социальной политики на ближайшее десятилетие.

Литература:

1. Баранова И.В. Социальное обслуживание пожилых в сельской местности: проблемы и перспективы // Отечественный журнал социальной работы. 2024. № 2. С. 75–82.
2. Григорьева И.А., Дмитриева А.В. Пожилые в сельском социуме: потребности и возможности их удовлетворения. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 244 с.
3. Дзуганова Б.М. Доступность социальных услуг для пожилых в горных территориях КБР: социологический анализ. Нальчик: Издательство КБГУ, 2024. 128 с.
4. Кузьмин К.В. Мобильные социальные службы: опыт регионов и направления развития // Социальное обслуживание. 2025. № 1. С. 94–103.
5. Мальцева В.А. Цифровизация социальной сферы и риски исключения пожилых граждан // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 127–142.
6. Тарасенко Е.А., Шишкин С.В. Доступность социальных услуг в России: территориальные различия и пути их преодоления. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 288 с.
7. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Дашков и К°, 2025. 336 с.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДОЙ СЕМЬЕЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОСОЗНАННОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Будажапова И.В. *– студентка 3 курса, ФГАОУ ВО «Сибирский Федеральный Университет», Юридический институт, Отделение социальной работы с молодежью, Красноярск, Россия.*

Чащина А.А. *– кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы ФГАОУ ВО «Сибирский Федеральный университет», Красноярск, Россия.*

Аннотация: В статье анализируются факторы стабильности молодой семьи, раскрываются характеристики осознанного родительства и его отличие от традиционных воспитательных практик. Рассматриваются технологии социальной работы: семейное консультирование и школы осознанного родительства как методы повышения родительской компетентности, развития рефлексии и ранней профилактики семейного неблагополучия.

Ключевые слова: технологии социальной работы, молодая семья, материнство, детство, отцовство, родительство, нацпроект «Семья».

TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK WITH A YOUNG FAMILY ON THE FORMATION OF RESPONSIBLE PARENTHOOD

Budazhapova I. V*. – 3rd year student, Siberian Federal University, Law Institute, Department of Social Work with Youth, Krasnoyarsk, Russia.*

Scientific supervisor: Anna Alexandrovna Chashchina *– Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Social Work, Siberian Federal State Educational Institution of Higher Education, Krasnoyarsk, Russia*

Annotation: The article analyzes the factors of stability of a young family, reveals the characteristics of conscious parenting and its difference from traditional educational practices. The technologies of social work are considered: family counseling and schools of conscious parenting as methods of increasing parental competence, developing reflection and early prevention of family problems.

Keywords: technologies of social work, young family, motherhood, childhood, fatherhood, parenthood, national project "Family".

Крепкая семья – это фундамент современного общества. С самого детства у ребенка закладываются индивидуальные черты и особенности характера. Семейное воспитание вы-

полняет значительную роль в выстраивании картины мира, убеждений и морально-нравственных качеств, которые составляют ядро личности. И сегодня наиболее остро встает вопрос об осознанном родительстве. Это подразумевает глубокое понимание супругами своих обязанностей, готовность к рождению ребенка, конструктивному разрешению конфликтов и созданию безопасной развивающей среды. Особого внимания требуют молодые семьи, которые в силу отсутствия жизненного опыта и чаще всего нестабильности материального положения находятся в зоне наибольшего риска столкнуться с трудностями.

Определение термина «молодая семья» содержится с статье 2 Федерального закона №489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации", «Молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно» [1].

В настоящее время всесторонняя поддержка семьи является одним из приоритетнейших направлений внутренней политики государства. Так, с 01.01.2025 по 31.12.2030 года на всей территории Российской Федерации реализуется национальный проект «Семья», целью которого является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. Для достижения поставленных целей и показателей, семье оказывается помощь на всех этапах ее развития: содействие в оформлении семейной ипотеки, получении материнского капитала, консультирование и дальнейшее проведение процедуры экстракорпорального оплодотворения и множество других федеральных проектов способствуют повышению качества жизни семейств [2].

Государственная политика в области семейной поддержки представляет собой системный и ресурсно-обеспеченный механизм, охватывающий различные аспекты жизнедеятельности семейств. Реализуемые меры носят комплексный характер, что в совокупности способствует снижению социальных рисков и созданию предпосылок для устойчивого воспроизводства семейных структур.

Молодая семья сталкивается с различными сложностями в процессе своего становления, и в данной работе акцент делается именно на проблемах, связанных с темой родительства. Общество стремительно меняется, включая институт семьи. На сегодняшний день средний возраст рождения первого ребенка – 31 год. Откладывание создания семьи и рождения ребенка сопряжено с целым комплексом факторов: получение образование; ориентированность женщины на профессиональную самореализацию; нехватка материальных ресурсов; репродуктивные проблемы и др. С моей точки зрения, такая стратегия поведения не подразумевает полного отказа от детей, а указывает на нацеленность молодых людей обеспечить себя жильем и работой с достойной оплатой труда, чтобы создать максимально комфортные условия для будущего дитя с первых дней жизни.

Далее рассмотрим иную точку зрения на социальные перемены. Исследователи Н.А. Фролова и А.Ю. Черкасов выделили факторы, оказывающие большое влияние на стабильность/нестабильность молодой семьи:

- Кризис традиционной семьи, выражающийся в увеличении числа разводов, неполных семей, распространенность так называемых альтернативных форм семьи и брака;

- Изменение общественного сознания, в котором сформировалась установка, что семья в современном обществе не является показателем жизненного успеха. Поэтому молодежь, особенно мужчины, откладывают создание семьи на более поздний срок либо вовсе ее не планируют;

- Изменение семейных ролей. Современная женщина вполне успешно сочетает роль матери и хозяйки дома, делает профессиональную карьеру и зарабатывает не меньше, чем муж. Поэтому она требует равноправных отношений в семье. Эмпирические исследования показывают, что современные молодые мужчины в целом ориентированы на партнерство, но немалое число супругов придерживаются патриархальных взглядов на роли жены и мужа, отца и матери;

- Влияние масс-медиа на формирование семейных ценностей и установок. К сожалению, современные масс-медиа стимулируют потребительское отношение не только к товарам и услугам, но и к человеку. Нередко молодые супруги стремятся больше получить, чем отдать; стараются решить свои проблемы за счет ресурсов другого человека (если любит, то не откажет) [4].

Проведенный анализ позволяет заключить, что стабильность молодой семьи определяется не только внутриличностными характеристиками супругов, но и действием макросоциальных факторов. Действительно, престиж семьи снижается из-за индивидуалистских взглядов. Пока в общественном сознании и в установках молодых людей будет доминировать модель «брак как форма партнерства для взаимного удовлетворения потребностей», а не «семья как ценность и опора», любые социальные технологии по укреплению семьи будут наталкиваться на внутреннее сопротивление самого субъекта. Но при этом важно понимать, что глубинная потребность молодых людей в семейной жизни никуда не исчезла — они хотят создавать семьи, однако сталкиваются с объективными трудностями, которые часто оказываются сильнее их намерений.

Ю.А. Федорова и О.Н. Хахлова подробно изучили тему осознанного родительства и выделили следующие качественные характеристики:

• устойчивость семейных ценностей, родительских позиций и стиля воспитания;

• адекватность установок и ожиданий родителя;

• ассертивность чувств и проявлений родительского отношения;

• принятие родительской ответственности и бережное отношение к семье и своей роли в ней;

• позитивное восприятие своих личностных особенностей и реакций;

• осознание мотивов родительского поведения;

• понимание и принятие своего супруга, его реакций и мотивов поведения;

• активная жизненная позиция отца и матери, стремление к саморазвитию;

• конструктивные мотивы выбора супруга и создания семьи;

• осознанное зачатие и подготовка к нему, здоровая и счастливая беременность;

• подготовка к родам как естественному процессу, роды в спокойной и защищенной обстановке;

• осознанный подход к физическому уходу и развитию ребенка;

• активное влияние на пространство, в котором живет ребенок, - экология, круг общения, информационная среда;

• ответственный подход к обучению и воспитанию: собственный пример, выбор видов обучения [3].

Данная модель существенно отличается от воспитательных практик старшего поколения, где доминировали авторитарность, эмоциональная сдержанность и ориентация на выполнение ребенком внешних требований без учета его внутреннего состояния. Осознанное родительство, напротив, трансформирует детско-родительские отношения в сторону партнерства, уважения к личности ребенка, открытости в выражении чувств и готовности родителя к рефлексии и коррекции собственного поведения, что создает основу для формирования безопасной привязанности и доверительных отношений. Такая всеохватывающая модель способствует устойчивости семейных связей и гармоничному становлению подрастающего поколения.

Принятие новых социальных ролей «мать» и «отец» означает переустройство всех сфер жизни, поскольку ребенок – это большая ответственность. Молодые родители сталкиваются с необходимостью перераспределять время и ресурсы, что неизбежно влечет за собой ограничение привычной свободы, сокращение досуга, изменение супружеских отношений и нередко – профессиональный спад, особенно для женщины, вынужденной уходить в декрет. К этому добавляются физическое истощение на фоне хронического недосыпа, эмоциональное выгорание и отсутствие опыта в решении повседневных задач по уходу и воспитанию. В условиях недостаточной психологической готовности, отсутствия внешних опор возрастает вероятность дезадаптации, что негативно отражается на супружеском взаимодействии и качестве формирующейся привязанности с ребенком.

В связи с этим критически значимым становится системное сопровождение молодых родителей: консультирование, просветительские инициативы и поддержка позволяют нивелировать кризисные явления, сформировать функциональные родительские стратегии и сохранить эмоциональный баланс. Своевременная помощь не только смягчает нагрузку переходного периода, но и трансформирует ее в ресурс для личностного роста. Именно поэтому поддержка на этапе вхождения в родительство приобретает критическое значение.

Семейное консультирование как технология социальной работы с семьей располагает широким функционалом и направлена на помощь и содействие семье в решении возникших трудностей различного профиля. В.Н. Щербакова и Н.В. Лазуренко пишут, что в семейном консультировании важный акцент делается на анализе системы взаимодействия между членами семьи, нарушениях ролевого функционирования, методах урегулирования и разрешения внутренних и внешних конфликтов [5].

Семейное консультирование представляет собой многофункциональный инструмент социальной работы, ориентированный на решение широкого спектра семейных трудностей. Ключевая особенность технологии — смещение фокуса с анализа отдельной личности на исследование системы межличностных взаимодействий, ролевых дисфункций и конфликтов. Эффективность консультирования требует учета организационной структуры семьи, ее правил и норм, а также признания вариативности семейных укладов.

Школы осознанного родительства как метод групповой работы направлены на просвещение, ориентированное на повышение компетентности родителей в вопросах воспитания и взаимодействия с детьми и друг с другом.

Школы осознанного родительства предоставляют участникам научно обоснованную информацию о возрастной периодизации, закономерностях психического развития, кризисных этапах и сенситивных периодах. Это позволяет родителям формировать адекватные представления о возможностях и потребностях ребенка на каждом возрастном этапе, избегая как завышения требований, так и гиперопеки.

В процессе обучения у родителей формируется способность к осознанию собственных воспитательных установок, мотивов поведения, эмоциональных реакций и их влияния на детско-родительские отношения. Развитая рефлексия позволяет родителю отделять собственные нереализованные амбиции и травматический опыт от реальных потребностей ребенка, что снижает риск проективных и компенсаторных стратегий воспитания.

Систематическое участие в работе школ осознанного родительства способствует снижению тревожности, чувства вины и неуверенности. Этому способствуют как получение достоверной информации, так и групповая динамика, в рамках которой родители обнаруживают, что их трудности носят типичный, а не исключительный характер, что уменьшает ощущение изоляции.

Программы школ осознанного родительства включают обучение конкретным навыкам: техникам активного слушания, способам установления границ без применения насилия, методам позитивного подкрепления, стратегиям разрешения конфликтных ситуаций. Сформированные поведенческие паттерны замещают деструктивные реакции конструктивными формами взаимодействия.

Совместное обучение обоих родителей (при возможности их вовлечения) способствует согласованию воспитательных позиций, выработке единых требований и правил, а также развитию навыков кооперации в решении семейных задач. Это снижает количество конфликтов между супругами.

Школы осознанных родителей выступают в качестве средства раннего предупреждения семейного неблагополучия. Своевременная диагностика создает основу для адресного направления семьи на более интенсивные формы поддержки (консультирование, социальное сопровождение).

Участие в работе школ осознанного родительства способствует установлению связей между родителями, что ведет к формированию сообществ взаимопомощи. Данные сети продолжают функционировать после завершения формального обучения, обеспечивая участникам доступ к информационному обмену, эмоциональной поддержке и практической помощи в кризисных ситуациях.

Активное участие родителей в школах осознанного родительства свидетельствует о наличии выраженной родительской мотивации к позитивным изменениям. В условиях, когда благополучие семей и качество жизни каждого члена семьи — как взрослого, так и ребенка — выступают в качестве консолидированной цели общества и государства, создаются устойчивые предпосылки для успешного разрешения значительного массива социальных проблем.

Таким образом, технологии социальной работы выступают не факультативным, а необходимым звеном в системе поддержки молодой семьи. Вместе с тем, устойчивость семейных связей и качество детско-родительских отношений определяются не только своевременной социальной помощью, но и глубинными ценностными ориентациями самих молодых людей. В этой связи приобретает особую значимость системная работа по распространению и укреплению семейных ценностей среди молодежи, формированию позитивного образа семьи, родительства и многодетности, а также преодолению индивидуалистических установок, обесценивающих семейный образ жизни. Только при условии консолидации усилий государства, институтов гражданского общества и системы образования в данном направлении можно создать прочную основу для повышения стабильности молодых семей и гармоничного развития подрастающих поколений.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ: последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 15.04.2026)
2. Национальный проект «Семья» // Национальные проекты Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/
3. Федорова, Ю.А. Осознанное родительство как психолого-педагогический феномен / Федорова А.Ю., Хахлова О.Н // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017, №6 (73). – С.16-24.
4. Фролова, Н.А. Социологический анализ проблем современной молодой семьи / Фролова, Н.А., Черкасов А.Ю. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2022, №1. – С.145-153.
5. Щербакова, В. Н. Семейное консультирование по вопросу укрепления брачно - семейных отношений / В. Н. Щербакова, Н. В. Лазуренко // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : Сборник трудов Девятнадцатой международной научно-практической конференции, 19 апреля 2019 года. – Белгород: ООО ГиК, 2019. – С. 393-395.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МИГРАНТОВ

Агаярова Акифа Акиф – *кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Министерства науки и образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*

Резюме.Система социальной защиты мигрантов имеет большое значение с точки зрения защиты их прав, обеспечения социального благополучия и интеграции в общество. Рост миграционных процессов в современное время требует усиления мер в этой области. Система социальной защиты направлена на защиту мигрантов от таких рисков, как безработица, болезни и бедность, и включает правовую, социальную, медицинскую и психологическую поддержку. Определение правового статуса, обеспечение социальной безопасности, доступ к здравоохранению и образованию являются основными направлениями. Эта система реализуется через государственные программы, социальные службы, неправительственные и международные организации. В то же время языковые барьеры, дискриминация и правовые проблемы осложняют защиту мигрантов. Для решения этих проблем важно совершенствовать законодательство, расширять социальные программы и укреплять международное сотрудничество. Эти меры способствуют улучшению условий жизни мигрантов и поддержанию социальной стабильности.

Ключевые слова: миграция, социальная защита, права человека, интеграция, социальная безопасность, правовой статус, здравоохранение, образование и занятость, дискриминация, международное сотрудничество.

MİGRANTS' SOCİAL PROTECTİON SYSTEM

AGHAYAROVA A.A., PhD (Econ.), Senior Researcher

Summary

The social protection system of migrants is of great importance in terms of protecting their rights, ensuring their social well-being and integrating them into society. The increase in migration processes in modern times necessitates strengthening measures in this area. The social protection system serves to protect migrants from risks such as unemployment, illness, poverty and includes legal, social, medical and psychological support. Determining legal status, social security, access to health and education services are the main directions. This system is implemented through state programs, social services, non-governmental and international organizations. At the same time, language barriers, discrimination and legal problems complicate the protection of migrants. To solve the problems, it is important to improve legislation, expand social programs and strengthen international cooperation. These measures serve to improve the living conditions of migrants and maintain social stability.

Keywords: migration, social protection, human rights, integration, social security, legal status, health services, education and employment, discrimination, international cooperation.

Introduction

In the modern world, the migration process has become global and is associated with various social, economic and political reasons. People migrate to other countries when they cannot find enough work in their country of residence, when they want to improve their financial situation or when they are looking for a safer environment. Sometimes, war, political instability or natural disasters force people to leave their homeland.

People move to new countries in the hope of getting better living conditions, quality education, stable work and a secure future. However, migrating to another country is not always easy. Migrants may face various difficulties in adapting to the new environment, learning the language and finding a job.

With the increase in migration, protecting the rights of migrants and ensuring their social protection has become an even more important issue. Because migrants sometimes act as a vulnerable group in society and they need special support. In this regard, one of the main tasks of states and international organizations is to protect the rights of migrants, ensure their access to social services and help them adapt to society. Social protection of migrants is very important in terms of their successful integration into society, the protection of basic human rights and the provision of normal living conditions. People who migrate to a new country often face various difficulties and need support. The social protection system was created to meet these needs.

This system reduces the risk of migrants facing problems such as unemployment, financial difficulties, illness and social exclusion. At the same time, it makes their daily lives more comfortable and safe. Thanks to social protection measures, migrants can benefit from health services, receive education, receive support in finding a job and protect their rights.

As a result, the social protection system helps to improve the quality of life of migrants and ensures their faster adaptation to the society they live in. This has a positive impact on strengthening stability and mutual understanding in society as a whole [1].

The social protection system is a set of measures and services designed to protect members of society from various social risks. This system aims to support people during difficulties that may arise in their lives. For example, people who lose their jobs, become ill, have disabilities, or reach old age can receive financial and social assistance through social protection.

This system is not limited to financial assistance, but also includes medical services, social services and various support programs. Thus, people are not left alone when they find themselves in difficult situations and are protected by the state.

Migrants are considered a more vulnerable group due to their situation. They may have difficulty adapting to a new environment, learning the language and finding a job. Therefore, they

need social protection more. Providing special attention and support to migrants helps them adapt to society more quickly and build a normal life [2].

Social protection of migrants is closely related to the protection of their rights, ensuring access to social services and creating equal conditions. That is, this system does not only consist of providing material assistance; migrants are also supported through legal advice, psychological support and social integration programs. Thus, social protection covers various areas of their lives and allows them to participate normally in society. At the international level, the rights of migrants are protected by various legal instruments. In particular, the UN Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families constitutes the main legal framework in this area. This document aims to protect the legal rights of migrants and ensure their access to the social protection system [3].

Social protection of migrants is carried out in several main directions, and these directions cover all areas of their lives. The goal is to ensure the social well-being of migrants, facilitate their integration into society and improve their living conditions. The first and most important direction is legal protection. A clear definition of the legal status of migrants ensures the proper regulation of their rights and obligations. This allows migrants to work legally, receive education and benefit from social services.

Legal protection also prevents the exploitation of migrants. That is, they should not be discriminated against, treated unfairly or abused at work or in society. At the same time, legal support enables migrants to know their rights and, if necessary, to seek protection.

Legal protection is therefore one of the key elements that ensures the safety of migrants and helps them build a normal life. This protection, together with other areas – social services, education and health – improves their quality of life and enables them to have equal opportunities in society. [4].

The social security system plays a very important role in the social protection of migrants. This system includes various benefits, pensions, disability benefits and other forms of social support. When migrants can benefit from these services, their living conditions stabilize, financial difficulties decrease and the risk of poverty is minimized. Thus, the social security system not only provides migrants with financial support, but also allows them to live normally and safely in society. In addition, access to health services is an important part of the social protection of migrants. The quality of life and working capacity of a person experiencing health problems are seriously affected. When migrants can use health services, they can prevent diseases, receive treatment and lead a healthy life. This is beneficial both for their own health and reduces potential risks for society. For example, the risk of the spread of infectious diseases or the mass emergence of health problems is minimized. Thus, access to social security and health services improves the quality of life of migrants, allows them to live more comfortably in society and supports social stability. [5].

Education and employment opportunities play a major role in migrants' adaptation to a new society. Educational programs provide migrants with new knowledge and skills, help them develop professionally and obtain better job opportunities in the future. Employment, on the other hand, creates conditions for migrants to gain economic independence, allowing them to improve their own and their families' financial situation. Thus, education and employment opportunities constitute an important part of migrants' social protection and integration into society. Social protection of migrants is implemented through various mechanisms, and these mechanisms are organized by the state, non-state organizations and international institutions. State programs and policies play a key role in this area. The state develops and implements various programs in order to protect the rights of migrants, provide them with social security and facilitate their adaptation to society. These programs are regulated through legislative acts and official institutions.

Such programs include both financial assistance and legal and social support. For example, migrants can participate in training to find a job, join language courses and benefit from various social services. Such state support helps migrants integrate more quickly into society, build their own lives and ensure social stability [3;6].

Social services and institutions play a very important role in the lives of migrants. Social service centers provide assistance to migrants in various areas and help them solve the problems

they face. For example, migrants can receive psychological support, legal advice and participate in social adaptation programs in these centers. These services facilitate their adaptation to the new environment, reduce stress and feelings of isolation, and create conditions for their active participation in society.

Non-governmental organizations (NGOs) also play an active role in the social protection of migrants. They provide financial, legal and social support to migrants through various projects and programs. At the same time, NGOs actively participate in protecting the rights of migrants and help them integrate into society. These organizations support migrants in learning the language, finding a job and developing intercultural relations. Thus, social services and non-governmental organizations are important mechanisms for improving the lives of migrants, protecting their rights and ensuring their adaptation to society. Together with state programs, these institutions contribute to the effective functioning of the social protection system for migrants [7].

International organizations play a very important role in the social protection of migrants. They implement special programs in different countries to improve the living conditions of migrants, provide financial and technical support. For example, projects are organized to increase the educational and employment opportunities of migrants, and to help them use medical and social services. International organizations also strengthen cooperation between countries so that the rights of migrants are protected and the social protection system works more effectively.

However, the social protection of migrants faces a number of difficulties. These problems complicate their integration into society and can reduce the level of social protection. One of the main problems is the language barrier. Migrants moving to a new country have difficulty using social services if they do not know the language of that country. For example, it becomes difficult for them to get legal advice, apply for social benefits, or benefit from medical services.

The language barrier not only limits access to social protection, but also makes it difficult for migrants to communicate with society. This slows down their adaptation to the new environment and increases the feeling of social isolation. Therefore, organizing courses and training programs for migrants to learn the language is very important in terms of increasing the effectiveness of social protection [8].

Cultural differences are also important factors affecting the integration of migrants into society. Different customs, lifestyles, and social norms can make it difficult for migrants to adapt to a new environment. These differences sometimes lead to misunderstandings in everyday communication, social isolation, or difficulty in adapting.

Discrimination is also a serious problem in the social protection of migrants. They sometimes face discrimination at work, in social relations and in various areas of society. This makes it difficult to protect their rights and fully benefit from social protection.

Legal status problems are one of the most important difficulties. Migrants with illegal or uncertain status cannot fully use social services, pensions and benefits. This situation further complicates their financial and social situation and slows down their adaptation to society.

Therefore, it is important to take a number of measures to improve the social protection system of migrants. These include strengthening legislation, clarifying legal status, implementing anti-discrimination measures, organizing intercultural adaptation programs and making social services more accessible. These steps improve the quality of life of migrants and ensure their successful integration into society. First of all, improving legislation is very important. The goal is to protect migrants' rights more widely and effectively and strengthen their social security opportunities. Laws should clearly regulate migrants' access to work, education, healthcare and social services, eliminate legal loopholes and facilitate their integration into society.

Such legislation also helps to prevent illegal or risky situations. For example, it limits abuses in the workplace, reduces the risk of discrimination and ensures that migrants can access legal support. Overall, the development of legislation is one of the key steps to strengthen the social protection of migrants and has a direct impact on improving their quality of life [7].

The expansion of social programs is of particular importance in the protection of migrants. These programs should take into account their diverse needs and cover areas such as material support, education, health and social services. Such programs improve the living conditions of migrants and reduce the risk of poverty and social exclusion.

Awareness-raising and integration measures are also very important. Language courses organized for migrants help them learn the local language, and cultural activities help them adapt to the new environment. Training programs increase their professional skills and expand their opportunities to find work. These measures ensure the active participation of migrants in society and create conditions for them to benefit more effectively from the social protection system.

Strengthening international cooperation helps to solve problems related to migration at the global level. Cooperation between states and international organizations ensures the protection of migrants' rights, the accessibility of social services and the effective functioning of the protection system. This is an important step for the benefit of both migrants and the host society.

The expansion of social programs is of particular importance in the protection of migrants. These programs should take into account their diverse needs and cover areas such as material support, education, health and social services. Such programs improve the living conditions of migrants and reduce the risk of poverty and social exclusion.

Awareness-raising and integration measures are also very important. Language courses organized for migrants help them learn the local language, and cultural activities help them adapt to the new environment. Training programs increase their professional skills and expand their opportunities to find work. These measures ensure the active participation of migrants in society and create conditions for them to benefit more effectively from the social protection system.

Strengthening international cooperation helps to solve problems related to migration at the global level. Cooperation between states and international organizations ensures the protection of migrants' rights, the accessibility of social services and the effective functioning of the protection system. This is an important step for the benefit of both migrants and the host society.

REFERENCE

1. Mammadova.E. B. Economic foundations of social work. : textbook /. - Baku: "Laman Publishing and Printing" LLC, 2024. - 744 p.

2. https://www.pa.edu.az/library/6/42/652_movzu_13.pdf.

3. https://www.migration.gov.az/az/about/54

4. https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers.

5. https://www.who.int/publications/i/item/health-of-refugees-and-migrants---who-european-region-(2018)

6. https://mptf.undp.org/sites/default/files/documents/2022-05/migration_mptf_annual_report_2021.pdf

7. https://www.ilo.org/topics-and-sectors/labour-migration

8. Castles, S., de Haas, H., & Miller, M. J. (2014). The age of migration: International population movements in the modern world (5th ed.). The Guilford Press.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ С УЧАСТНИКАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Васюк А.Г.- *кандадат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социальная работа», Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы подготовки будущих специалистов социальной работы к реабилитации участников боевых действий. На основе анализа нормативно-правовой базы и научной литературы обосновывается необходимость целенаправленного формирования специфических социально-профессиональных качеств, выходящих за рамки стандартного учебного плана. Предлагаются ключевые направления модификации образовательного процесса.

Ключевые слова: социальная работа с военнослужащими, профессиональная подготовка, социально-профессиональные качества, посттравматический опыт, образовательные технологии.

FORMATION OF SOCIAL AND PROFESSIONAL QUALITIES AMONG STUDENTS OF THE SOCIAL SPHERE FOR EFFECTIVE WORK WITH PARTICIPANTS IN COMBAT OPERATIONS

Vasyuk A.G. *— Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Work, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LNR.*

Annotation. TThe article discusses current issues of training future social work professionals to interact with combat participants. Based on the analysis of the regulatory framework and literature, the necessity of purposeful formation of specific socio-professional qualities that go beyond the standard curriculum is substantiated. Key areas of modification of the educational process are proposed, including the integration of specialized modules, an emphasis on the development of stress tolerance and communicative competence, as well as the introduction of supervisory support at the stage of academic and industrial practice.

Keywords*:* social work with military personnel, professional training, socio-professional qualities, post-traumatic experience, educational technologies.

Сегодня мир всё чаще видит людей, которые прошли через военные действия. Возвращение солдат к мирной жизни — это сложный путь. Очень часто они сталкиваются с психологической травмой после боевых действий (ПТСР), физическими травмами, увечьями, что создает определенные трудности в привычной жизни и работе, нередко потерей себя. Чтобы помочь им, социальным работникам нужны не только профессиональные навыки, но и особые человеческие качества. Безусловно, их нужно развивать еще в вузе — и это должно стать важной частью обучения будущих специалистов, особым направлением в системе высшего образования.

Работа с военнослужащими-участниками боевых действий принципиально отличается от помощи другим уязвимым категориям. Участник боевых действий в данном случае часто является носителем уникального, запредельного экзистенциального опыта, который может включать в себя переживание смерти, насилия, тотальной опасности, потери друзей и морально-этических дилемм. Невольно это способствует формированию ряда характерных особенностей: сложности с доверием к «гражданским», сдержанность в проявлении эмоций, склонность к изоляции, потенциальную агрессивность как форму психологической защиты, специфические ценности братства и взаимовыручки. Следовательно, стандартный инструментарий социального работника, ориентированный на более традиционные модели проблем, может оказаться неэффективным или даже деструктивным без должной адаптации и глубинного понимания контекста работы именно с этой категорией клиентов.

Нормативно-правовая база, которую берет за основу вся система реабилитационной работы с военнослужащими, частью которой является и социальная работа, опирается на законопроект: О внесении изменения в Федеральный закон «О ветеранах». Он направлен на оказание психологической помощи ветеранам и семьям погибших участников боевых действий. Проект также предусматривает право на медико-психологическую реабилитацию для инвалидов и участников боевых действий при наличии медицинских показаний. В пояснительной записке отмечается, что в России пока нет единого закона о психологической помощи гражданам, этот вопрос регулируется различными отраслевыми законами и подзаконными актами. В частности, закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» предусматривает оказание психологической, педагогической и юридической помощи при необходимости [1]. Кроме того, действующие военнослужащие,

согласно закону «О статусе военнослужащих», имеют право на медико-психологическую реабилитацию до 30 суток после выполнения задач, негативно повлиявших на их здоровье.

Совершенно очевидно, что сегодня вопрос реабилитации участников специальных военных операций в санаториях становится чрезвычайно актуальным. Для этого организуются координационные центры, которые направляют бойцов на медицинское восстановление. Решение о месте реабилитации после ранения принимает начальник военно-медицинской организации, где служащий проходил лечение, согласуя его с руководством санаторно-курортной организации. Не последнее место в этом процессе должна занимать социально-психологическая реабилитация, осуществляемая, как правило, психологами и социальными работниками.

Анализ документов, вышедших с 2022 года, показывает, что развитие правовой базы движется в двух направлениях:

1. **Специализация и расширение:** через новые законопроекты, пытающиеся выделить психологическую помощь для конкретных групп и закрепить её как право.
2. **Административная детализация:** через подзаконные акты (приказы Минобороны и Минздрава), которые устанавливают практические механизмы уже существующих общих прав, особенно в области медицинской и санаторной реабилитации.

Однако основной проблемой остается отсутствие единого, целостного законодательного акта, который бы комплексно определял права всех категорий участников боевых действий (от действующих солдат до ветеранов и их семей) на все виды реабилитации — медицинскую, психологическую, социальную и профессиональную. Это приводит к тому, что помощь часто зависит от интерпретации множества разнородных документов и административных решений, а не от четкого и конкретного правового гаранта [2]. Именно эти проблемы поднимают ученые, которых беспокоит вопрос о правовой защите военнослужащих и их семей. О социальных гарантиях для участников СВО пишет в своей статье А.Р. Белоконь с соавторами [3]. Некоторые социально-правовые вопросы социальной защиты и поддержки участников специальной военной операции и их семей рассматривает В.Л. Васенина [4].

Представленная литература правомерно указывает на фрагментарность нормативной базы в целом. Эта проблема непосредственно проецируется на область реабилитации. Отсутствие единого закона о социальной защите участников СВО означает и отсутствие единой законодательной основы для реабилитационных мероприятий. Нормы, касающиеся медицинской реабилитации, рассредоточены между законами о статусе военнослужащих, основах охраны здоровья и множеством подзаконных актов (приказы Минобороны, Минздрава). Психологическая и социально-профессиональная реабилитация часто оказываются в правовом «вакууме» или регулируются общими положениями о социальном обслуживании, которые не учитывают специфику посттравматических состояний и адаптации к мирной жизни.

Такой правовой разброс приводит к тому, что реабилитация не воспринимается государственной системой как непрерывный, многопрофильный процесс, а как набор отдельных, иногда не связанных между собой, услуг (медицинское лечение, санаторный отдых, возможное пособие). Это нарушает принцип комплексности реабилитации, снижает её эффективность и создает барьеры для получения помощи. В своих работах авторы выделяют общие практические проблемы: неравномерность поддержки, бюрократизация, недостаток информации. В контексте реабилитации эти проблемы приобретают специфические формы:

1. **Неравномерность и дискретность в предоставлении реабилитации.** Различия в статусе (контрактник, мобилизованный, доброволец) напрямую влияют на доступ, продолжительность и качество реабилитационных программ, особенно санаторно-курортных и профессиональных. Критерии «нуждаемости» в психологической помощи часто неясны и субъективны. Это создает ситуацию, где тип и объем реабилитации зависят не от медицинских и психологических показаний, а от административного статуса.
2. **Бюрократизация как барьер для оказания реабилитационной помощи.** Сложность в оформлении направления на медицинскую реабилитацию, необходимость множества согласований (как описано в тексте: между начальником военно-медицинской организации и санаторно-курортной) чрезмерно затягивают процесс. Для психологической реабилитации бюрократический барьер может быть ещё выше, так как требуется доказательство «потребности», которое часто заключается в уже развившемся тяжелом состоянии (ПТСР). Профессиональная реабилитация и переобучение также требуют сложного оформления через различные ведомства.
3. **Выделены, в основном, проблемы медицинской реабилитации, тогда как другие направления остаются в тени.** Текст справедливо указывает на необходимость инвестиций в инфраструктуру для тяжелых повреждений. Однако психологическая реабилитация (особенно для не имеющих явных физических травм), социальная адаптация (восстановление навыков жизни в гражданском обществе) и профессиональная реабилитация (переобучение, трудоустройство) не получают аналогичного внимания в анализе, хотя их недоразвитие ведет к долгосрочным социальным кризисам: дезадаптации, безработице, семейным проблемам.
4. **Недостаток четкой и понятной информации относительно возможностей реабилитации.** Отсутствие понятных источников о видах, порядке получения и учреждениях, предоставляющих реабилитационные услуги (медицинские, психологические, социальные), лишает участников СВО и их семей возможности восстановиться. Человек может не знать, что ему доступна не только медицинская, но и, например, психологическая помощь на ранней стадии стресса.

Вопрос адаптации военнослужащих к мирной жизни давно и прочно занимает внимание научного сообщества. Многогранность этой проблемы отражена в трудах отечественных исследователей самых разных специальностей: от социальной психологии (К.М. Кожогелдиева, А.С. Кожогелдиев, Л.М. Растова, В.А. Самойлов, А.Л. Свенцицкий, Н.Ф. Феденко и др.) и педагогики (В.А. Митрахович, И.Н. Серпилина, А.Ю. Судаков) до психологии (А.А. Таланкин, И.В. Шмаров, В.В. Логвиненко и многие другие) и социальной работы (А.С. Скок, С.Н. Семенкова, А.Н. Рукомойникова, Е.Ю. Новикова и др.).

Современные исследователи углубляют эти наработки, предлагая конкретные решения для нынешних реалий. Так, Г.В. Гнездилова и В.В. Киселев в своей работе 2025 года делают ряд практических предложений. Они убеждены, что подготовку офицерского состава, начиная с командиров взводов и рот, необходимо насытить прикладными психологическими знаниями. Эти навыки очень важны для моральной поддержки подчиненных в боевой обстановке, построения с ними доверительного диалога и оказания первой психологической помощи прямо на передовой, когда эвакуация к специалисту в тыл невозможна. Авторы также подчеркивают, что психологическая подготовка бойцов должна учитывать специфику современных угроз, таких как «снарядный шок» и страх перед беспилотниками. Чтобы минимизировать психогенные потери, на учениях необходимо максимально реалистично моделировать стрессовые ситуации реального боя. Это поможет психике военнослужащих не «сломаться» при столкновении с неожиданными формами противостояния.

Г.В. Гнездилова и В.В. Киселев особый акцент на важности комплексного подхода к реабилитации после службы, с привлечением как гражданских психологов, так и специалистов, имеющих собственный боевой опыт и глубокое понимание пережитого [5].

Ценностному аспекту адаптации посвящено исследование П.Д. Беляевой и Е.В. Шаповаловой. Ученые пришли к выводу, что четкая и разделяемая система ценностей служит сплачивает воинский коллектив, улучшает взаимодействие между бойцами и повышает общую готовность к выполнению задач [6]. Однако эта же ценностно-смысловая сфера играет двойную роль впоследствии. Для ветеранов переход к гражданской жизни – сложный многоэтапный процесс, где устоявшиеся ценности армии могут как стать опорой и катализатором адаптации, так и, напротив, порождать внутренние конфликты и трудности адаптации.

Системный взгляд на проблему представлен в статье С.Л. Евенко. Автор проводит подробный анализ основных научных подходов к психологическому обеспечению адаптации мобилизованных военнослужащих, рассматривая как российский, так и зарубежный опыт [7]. На основе теоретического обзора в области психологии труда и организационной психологии в работе выделены фундаментальные принципы, на которых сегодня строятся механизмы такой адаптационной поддержки в России. Важным итогом анализа стало выявление и систематизация ключевых различий между социальными группами лиц, нуждающихся в психологической адаптации к службе, а также определение основных компонентов этого процесса отдельно для мобилизованных и для добровольцев.

Опираясь на имеющиеся документы, а также на научные работы по данной теме, мы можем говорить об определенной специфике профессиональной готовности студента, ядро которой должно, по нашему мнению, дополнить следующие компоненты [8; 9; 10**]**:

1. ***Содержание образования.*** Логика подсказывает, что знаний основ общей психологии социальным работникам явно недостаточно, обязательным становится изучение психологии экстремальных ситуаций, основ военной культуры и субкультуры, особенностей протекания и терапии ПТСР, специфики семейных отношений в условиях адаптации к мирной жизни. Этм знания формируют основу для адекватного понимания внутреннего мира клиента, без которого невозможен контакт, а следовательно, успешная адаптация.
2. ***Развитая коммуникативная компетентность.*** Речь идет о способности устанавливать контакт в условиях возможного сопротивления, использовать техники активного слушания без давления, распознавать невербальные сигналы дистресса, вести диалог, избегая как патернализм, так и наивное восхищение. Наиболее важным становится навык работы с молчанием, которое может быть не отсутствием коммуникации, а ее основной содержательной частью.
3. ***Эмоциональная регуляция и профессиональная устойчивость.*** Сегодняшние студенты, находясь в зоне вооруженного конфликта, нередко сами имеют последствия стресса. Соприкосновение с травматическим опытом другого несет риск вторичной травматизации. Их необходимо целенаправленно готовить к этому эмоциональному вызову через развитие навыков рефлексии, техник психогигиены, четкого отделения профессиональной роли от личной жизни. Формирование резильентности (жизнестойкости и стрессоустойчивости) — это не врожденное качество, а результат специальной подготовки и последующей систематической супервизии.
4. ***Этическая рефлексивность.*** Работа с данной категорией клиентов постоянно ставит перед специалистом сложные этические вопросы: о границах вмешательства в личный травматический опыт, о балансе между поддержкой и требованиями к реабилитации, о собственных ценностных установках относительно войны и насилия. Образовательный

процесс должен создавать пространство для открытого обсуждения этих дилемм, развивая у будущего специалиста способность к непредвзятому, но принципиальному профессиональному поведению.

5. ***Векторы модификации образовательного процесса.*** Трансформация подготовки требует не просто добавления одного-двух спецкурсов, а системной интеграции новых элементов в существующую программу.
6. ***Внедрение специализированных учебных модулей.*** Целесообразно создание интегрированного курса «Теория и практика социальной работы с военнослужащими и членами их семей», сочетающего теоретические лекции, разбор кейсов на основе реальных (анонимизированных) ситуаций и встречи с приглашенными экспертами — военными психологами, ветеранами, действующими специалистами профильных реабилитационных центров.
7. ***Акцент на практико-ориентированных и имитационных методах.*** Ролевые игры, симуляции сложных интервью, разбор видео-кейсов с последующим анализом должны занять значительное место в обучении. Особое внимание следует уделять технике «дебрифинга» (дебрифинг в психологии — это структурированная процедура экстренной психологической помощи, проводимая для людей, переживших травмирующее событие) [11] после практических упражнений, позволяющей студентам осмыслить свои эмоциональные реакции и действия.
8. ***Организация практики в релевантных учреждениях.*** Необходимо налаживание партнерских отношений с военными госпиталями, ветеранскими организациями, центрами социальной адаптации, где студенты под руководством опытного наставника смогут применять полученные знания в контролируемой среде.
9. ***Внедрение системы супервизии.*** Супервизия, как форма профессиональной поддержки и обучения на материале реальных рабочих ситуаций, должна стать обязательным элементом как практики, так и, возможно, последующего начала профессиональной деятельности [12]. Это ключевой инструмент профилактики выгорания и закрепления рефлексивных навыков.

Таким образом, формирование социально-профессиональных качеств у студентов, ориентированных на работу с военнослужащими-участниками боевых действий, представляет собой комплексную психолого-педагогическую задачу. Ее решение лежит в плоскости перехода от обобщенной модели подготовки социальных работников к дифференцированной, учитывающей специфические подходы и психосоциальные параметры конкретной клиентской группы. Это требует от пересмотра, изменений и дополнений, а также обновления учебных планов и программ подготовки, а также внедрения в образовательный процесс технологий практической социально-психологической направленности.

Литература:

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)/ — URL: https://base.garant.ru/70552648/ (дата обращения: 02.04.2026 г.)
2. Бонкало Т. И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 [Электронный ресурс] / Т. И. Бонкало. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – URL: https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/. – Загл. с экрана. – 39 с. (дата обращения: 02.04.2026 г.).
3. Белоконь А.Р., Шашлова А.О., Нестерова Н.В. Социальные гарантии для участников сво: Комплексный анализ регулирования и пути оптимизации // Вестник науки. — 2024.

— №12 (81). — Т. 5, ч. 1. — С. 115 — 119. ; ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/20332 (дата обращения: 02.04.2026 г.)
4. Васенина, В. Л. Правовые аспекты социальной защиты и поддержки участников специальной военной операции и их семей. — Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. — 2025. — № 5 (47). — С. 7-10. — URL: https://moluch.ru/th/9/archive/292/10078 (дата обращения: 02.04.2026 г.).
5. Гнездилов, Г.В., Киселев В.В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО // Экстремальная психология и безопасность личности. — 2025. — №2(1). — С.26–39
6. Беляева П.Д., Шаповалова Е.В. Ценностно-смысловая сфера как фактор адаптации участников боевых действий в условиях мирной жизни // Вестник науки. — 2025. — №1(82). — Т.1. — С.218-227.
7. Евенко С.Л. Психологическое обеспечение адаптации мобилизованных военнослужащих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11. — № 5А. — С. 232-241.
8. Макеева Т. В. Социальные эффекты обучения служением: из опыта работы с участниками и ветеранами специальной военной операции // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — С.171-174. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-effekty-obucheniya-sluzheniem-iz-opyta-raboty-s-uchastnikami-i-veteranami-spetsialnoy-voennoy-operatsii?ysclid=mmkb205s3o553317138 (дата обращения: 02.04.2026).
9. Гурьянчик В.Н., Макеева Т.В. Социально-педагогическое сопровождение ветеранов и участников специальной военной операции в просветительской деятельности с детьми и молодежью (на примере проекта «Педагогическая мастерская») // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т.10. — №5. — С.610-618.
10. Гурьянчик В. Н. Подготовка ветеранов специальной военной операции к просветительской деятельности с детьми и молодежью // VIII Северные Афанасьевские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (15–16 октября 2024 г., Архангельск, Россия). Архангельск: КИРА, 2025. — С. 244-252.
11. Арпентьева М.Р. Дебрифинг как форма социально-психологического консультирования / Арпентьева Мариям Равильевна // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2015. — Т.21. — №4. — С.108-111.
12. Колосова Н. Н., Давкуш Н. В. Супервизия как инструмент непрерывного профессионального развития педагога // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — № 06. — С. 127-142. — URL: https://e-koncept.ru/2025/251109.htm — DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11109.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЫ

Гичиханова З.М. *- преподаватель кафедры ОиПД, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*

Аннотация.Социальная компетентность является важнейшим элементом современной системы школьного образования. Действительно, развитие социальных навыков учащихся имеет важное значение для успешной социализации и их адаптации к жизни в постоянно меняющемся обществе. Развитие социальной компетентности у школьников является одной из главных задач современного образования, особенно в контексте глобализации. Недостаточное развитие социальных навыков может привести к трудностям в адаптации, проблемам во взаимоотношениях, трудностям в профессиональном развитии и препятствиям для участия в общественной жизни.

Ключевые слова: компетенции, социальные компетенции, образование, школа, современная система образования, школьник

SOCIAL COMPETENCES AS A CRITICAL ELEMENT OF THE MODERN SCHOOL EDUCATION SYSTEM

Gichikhanova Z.M., *Lecturer, Department of Education and Social Development, Dagestan State University, Makhachkala.*

Abstract. Social competence is a crucial element of the modern school education system. Indeed, developing students' social skills is essential for successful socialization and their adaptation to life in a constantly changing society. Developing social competence in schoolchildren is one of the key challenges of modern education, especially in the context of globalization. Insufficient development of social skills can lead to difficulties in adaptation, relationship problems, difficulties in professional development, and barriers to participation in public life.

Keywords: competencies, social competencies, education, school, modern education system, schoolchild

Социальная компетентность определяется как способность эффективно взаимодействовать с другими посредством вербального общения и других видов деятельности, опираясь на приобретенные знания, навыки, способности, коммуникативные умения и личностные качества.

Низкий уровень социальной компетентности приводит к росту числа детей, страдающих от значительной социальной и межличностной тревожности. Увеличивается количество случаев отвержения и издевательств со стороны сверстников, чувства одиночества, а также проявлений враждебности и агрессии по отношению к сверстникам. Поэтому крайне важно развивать способность работать в группах, быть терпимым к различным мнениям, слушать и понимать других, а также свободно, ясно и понятно выражать свою точку зрения по какому-либо вопросу.

Для учеников начальной школы, делающих первые шаги в системе образования, освоение стратегий социального поведения имеет важное значение. С самого начала обучения дети подвергаются воздействию социальных факторов, результаты которых оцениваются окружающими. Затем общество начинает предъявлять к ним строгие требования. На их отношения с окружающими также влияют эти требования. В ответ на эти требования дети развивают специфические модели поведения и стратегии в обществе.[1]

Стратегии, усвоенные в детстве, закладывают основу социального поведения и во многом определяют его во взрослой жизни. Спонтанное развитие этих стратегий не всегда гарантирует эффективную социальную адаптацию; поэтому их развитие нельзя оставлять на волю случая.

Маленьким школьникам необходима целенаправленная поддержка для развития эффективных поведенческих стратегий.

Следовательно, развитие социальных навыков у младших школьников должно быть приоритетом в начальной школе.

На основе определения и структуры социальных навыков можно выделить внешние и внутренние факторы, влияющие на их формирование, развитие и проявление. [2]

К внешним факторам относятся социальные условия и окружающая среда, а также опыт общения и взаимодействия. К внутренним факторам относятся возрастные и личностные психологические характеристики, а также степень выраженности навыков взаимодействия и общения.

Развитие социальных навыков, особенно в начальной школе, отражается в сильном желании и высокой способности эффективно взаимодействовать, используя язык как средство коммуникации.

Необходимыми условиями для развития и процветания социальных навыков являются следующие:

- позитивный коммуникативный климат, который мы понимаем как создание атмосферы доверия, доброты, принятия и позитивного отношения к общению, в которой учащиеся чувствуют себя в безопасности, ценятся как личности и развивают уверенность в себе;

- участие учащихся в разнообразных мероприятиях, функционально связанных с изучаемым языковым и устным содержанием и развиваемыми качествами и навыками;

- высокоуровневая психологическая, педагогическая и методическая подготовка учителей, включая освоение методов педагогической диагностики;

- разработка и внедрение эффективных учебно-методических средств и методов для развития этого навыка;

- систематический мониторинг динамики развития социальных навыков;

- обеспечение непрерывной, систематической и целенаправленной работы по развитию социальных навыков на всех уровнях обучения с использованием междисциплинарного подхода.

На нравственное и социальное развитие ученика начальной школы, его отношение к учителю, одноклассникам и школе, а также на развитие и совершенствование социальных навыков влияют следующие факторы:

- Статус ученика в классе, его место в иерархии и новая социальная роль;

- Самооценка, которая изначально формируется на основе оценок родителей, а в школе — оценок учителей;

- Академическая успеваемость, которая закладывает основу для отношений со сверстниками;

- Наличие определенных качеств, необходимых для установления позитивных отношений со сверстниками, помимо просто академических успехов.

Например, общительность, доброта, внимательность, чистоплотность и осмотрительность. Капризных, надоедливых, агрессивных и настойчивых детей избегают, отвергают и недолюбливают.

Академическая успеваемость, социальная активность и эффективность, особенно в начальной школе, во многом определяются устойчивыми чертами характера, темпераментом, стилем мышления и уникальным способом понимания каждого ребенка.[4]

Учебная среда является результатом творческой и комплексной деятельности школы (учителей и учеников), направленной на создание общей школьной жизни, основанной на общих ценностях и стандартах. Это пространство возможностей, динамичная система взаимосвязанных образовательных событий, которые формируют основу школьной жизни и способствуют личностному развитию учащихся и приобретению необходимых навыков.

Учебная среда включает в себя следующие элементы:

- жилое пространство ученика (интегрированное отражение его перемещений в учебной среде);

- пространство для самостоятельного обучения (пространство, предназначенное для эвристической работы, учебных мастерских, индивидуальных проектов, лекций и кружков);

- творческое пространство (пространство, предназначенное для творческой работы и общественных мероприятий); - рабочее пространство (мастерские, кружки); - пространство для отдыха (деловые игры, ролевые игры, симуляции, исторические и спортивные игры);

- социальное пространство (социальная практика, социальные проекты по местной истории, профориентация, участие в школьной социальной работе).

Социальная практика, являющаяся неотъемлемой частью образовательного пространства школы и средством его расширения в социальную сферу, служит механизмом интеграции учащихся в общество.[3]

Социальная практика выполняет две основные задачи:

Расширяет границы школы и интегрирует её в социальную жизнь, способствуя развитию психосоциальных навыков учащихся;

Способствует интенсивному развитию ключевых навыков, прежде всего социальных.

Социальная компетентность определяется наличием знаний и опыта в гражданской активности (действуя как гражданин, патриот, избиратель), в социальной сфере (потребитель, покупатель, руководитель предприятия), в области семейных отношений и обязанностей, в экономических и правовых вопросах, а также в профессиональной автономии.

Эта компетентность включает в себя способность анализировать ситуацию, действовать в соответствии со своими личными и социальными интересами и владеть этикой гражданских отношений.

Таким образом, учащийся приобретает социальные навыки и общие знания, необходимые для жизни в обществе.

Социальная компетентность — это сложная система личностных качеств, являющаяся результатом сочетания социальных знаний, социальных мотиваций, социальных навыков, знаний, привычек, способов действия, а также эмоционального и чувственного опыта.

Социальная компетентность является наиболее универсальной, поскольку она включает в себя элементы всех других навыков: межкультурного, коммуникативного, информационного, личностного развития и самообучения, а также творческого.

Для развития социальной компетентности необходимо создать стимулирующую среду, которая не препятствует реализации индивидуальных намерений, а, наоборот, способствует им. Внеклассные мероприятия могут и должны играть важную роль в создании такой среды. Участвуя в этих мероприятиях, учащиеся не ограничены жесткими правилами. [5]

Напротив, они чувствуют себя воодушевленными и поддержанными в выражении своих лучших качеств. Внеклассные мероприятия побуждают учащихся участвовать в принятии решений и развивать свою инициативу, которая не является принудительной, а мотивирована внутренними факторами.

Они играют решающую роль в развитии и продвижении социальной компетентности, поскольку укрепляют активное участие учащихся как субъектов собственного обучения; позволяют осуществлять творческое сотрудничество между учителями и учениками; создают среду, свободную от внешней оценки; направляют учащихся к успеху; предлагают разнообразные организационные формы, инструменты и условия обучения; и отражают универсальные человеческие ценности.

Познание — это сбор информации, необходимой для выполнения задачи.

Практические навыки — это способность использовать ресурсы и инструменты для достижения цели.

Адаптивность — это внутренняя способность к выполнению очевидного действия. Эта черта этимологически близка к понятию исключительных способностей.

Поведенческая модель включает в себя проявления специфической деятельности и ориентацию на завершение задачи.

Действие — это целенаправленное использование умственных и материальных способностей для достижения конкретной цели.

Таким образом, эти компоненты структурируют концепцию «компетентности», которая представляет собой сочетание знаний, навыков и ориентированного на будущее мышления. Компетентность следует рассматривать как интегративную сущность, охватывающую не только знания и навыки, но и приобретенный опыт, обеспечивающий успех в деятельности в различных контекстах. Ее также можно интерпретировать следующим образом:

1. Теоретические знания, практические навыки и приобретенный опыт, объединенные в единую систему, составляют основу компетентности в образовательном процессе.

2. Компетентность, будучи основанной на действии, может быть наблюдаема, продемонстрирована и оценена.

3. Компетентность является передаваемой.

Учителям следует рассматривать фундаментальные навыки как единый набор междисциплинарных знаний, способностей и установок. Овладение этими навыками возможно, поскольку они необходимы каждому, кто хочет развиваться, активно участвовать в социальной жизни и найти работу.

Навыки, развитые в процессе обучения, должны быть приобретены к концу школьного или любого другого образовательного процесса, поскольку они составляют основу для обучения на протяжении всей жизни. Сегодня важно, чтобы дети освоили основные предметы школьной программы, такие как языки (кыргызский, русский и другие иностранные языки), математика, естественные науки и технические предметы. Наряду с академическим обучением, они должны уверенно применять полученные знания для решения реальных проблем и, таким образом, преуспевать в профессиональной и личной жизни. Дети должны обладать специфическими навыками по предметам, составляющим ядро перечисленных здесь фундаментальных компетенций.

Крайне важно, чтобы учащиеся приобрели практическое владение языковыми предпосылками, необходимыми для творческого вовлечения и активного участия в различных сферах общественной жизни.

Помимо родного языка, на котором они говорят с рождения, они могут мыслить и общаться на двух или трех других языках.

Изучение естественных наук должно быть направлено на привитие каждому ребенку любви к миру и природе, научного подхода к ним и развития экологически ответственного поведения.

Школа, как современный социальный институт, должна способствовать развитию разнообразной системы знаний, различных способностей и навыков, приобретаемых учащимися самостоятельно, тем самым формируя целостную систему и являясь одним из определяющих факторов качества современного образования [1].

Компетентностный подход основывается, с одной стороны, на способности студента адаптироваться к социальным изменениям, ориентироваться в этом развитии и постоянно и эффективно осваивать новые знания, способности и навыки; а с другой стороны, на его способности конкретно применять полученные знания в своей среде. Суть этого компетентностного подхода заключается не в количестве усвоенной студентом информации; индивидуальный успех измеряется способностью применять изученные методы работы.

Компетентность — это способность решать проблемы на разных уровнях, опираясь на полученные знания, с учетом личных качеств и уровня образования. Компетентностный подход не пренебрегает важностью знаний, но уделяет особое внимание способности их применять. Развитие компетенций в этом контексте — это деятельность, направленная на удовлетворение интересов обучающегося, подготовку его к индивидуальной деятельности и развитие разносторонних навыков.

Литература:

1.Андреева Г.М. «Социальная психология: учебник для высших учебных заведений» — Москва: Аспект Пресс, 2018.

2.Антонова Т.С. «Социальная компетентность ребёнка-дошкольника: показатели и методы выявления» // «Детский сад от А до Я». — 2004. — №5. — С. 54–59.

3.Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. «Социальная компетентность взросления» — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

4.Кужелева И.Г. «Педагогические условия формирования социальной компетентности старшеклассников в культуросообразной среде школы» — Майкоп.

5.Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. «Межличностное общение: учебник для высших учебных заведений» — Санкт-Петербург: Питер, 2021.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Апшева Д.Э. *- студентка 4 курса направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Желиготова Р.М. *- к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Аннотация**:** *Настоящая статья рассматривает социальную защиту семьи как одно из направлений профилактики семейного неблагополучия. Приведены основные понятия: социальная защита семьи, субъекты и объекты социальной защиты. Отмечается, что целью социальной защиты является оказание помощи человеку в сложной жизненной ситуации. Субъектами социальной защиты определены государство и социальные институты. Рассмотрены формы социальной защиты семьи, принципы системы социальной защиты семьи, основная цель. В заключении даны выводы относительно рассмотренных направлений профилактики.*
Ключевые слова*: семья, социальная защита, профилактика, семейное неблагополучие, социальная политика, социальная защита семьи.*

SOCIAL PROTECTION AS A WAY OF PREVENTING FAMILY MISERY

Apsheva D.E. - 4th year student of the Social Work Department, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.
Scientific adviser: Zheligotova Radina Mikhailovna, PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.

Annotation: *This article considers the social protection of the family as one of the areas for the prevention of family problems. The basic concepts are given: social protection of the family, subjects and objects of social protection. It is noted that the purpose of social protection is to help a person in a difficult life situation. The subjects of social protection are the state and social institutions. The forms of social protection of the family, the principles of the system of social protection of the family, the main goal are considered. In conclusion, conclusions are given regarding the considered areas of prevention.*
Key words: *family, social protection, prevention, family troubles, social policy, family social protection.*

Социальная защита является одним из направлений профилактики семейного неблагополучия, которое включает законодательные меры, предоставление услуг и использование технологий работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Цель — сохранить семью как социальный институт и помочь каждой конкретной семье, нуждающейся в поддержке. Нормативно-правовой базой, направленной на профилактику семейного неблагополучия, являются следующие нормативно-правовые акты: **Федеральный закон от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ** «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации». Определяет полномочия органов государственной власти субъектов РФ по решению вопросов социальной поддержки и социального обслуживания детей-сирот, безнадзорных детей, детей-инвалидов; **Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ** «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Закрепляет определения «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении», «семья, находящаяся в социально опасном положении»; **Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ** «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Регулирует предоставление социальных услуг и социальное сопровождение семей. Также в регионах разрабатываются порядки межведомственного взаимодействия по профилактике семейного неблагополучия, которые учитывают полномочия разных органов и учреждений [1].

Социальная защита и социально-экономическая поддержка населения является неотъемлемым фактором любой полноценно функционирующей социальной системы. С развитием цивилизации, технического прогресса и культуры, распада семьи и родственников, а также социальных связей, государство все больше берет на себя обязанностей гаранта социальной безопасности человека.

Есть определённые причины, в связи с которыми государство объективно заинтересовано в поддержке социально уязвимых слоев населения. Такими можно назвать следующие:

государство, которое провозгласило себя цивилизованным, руководствуется идеей гуманизма и обязано, согласно ст. 7 п.1 Конституции РФ, обеспечивает «достойную жизнь и свободное развитие человека» ; всякое государство заинтересовано в расширенном воспроизводстве квалифицированной рабочей силы; социально-экономическая поддержка неимущих нивелирует экономическое состояние различных групп и слоев населения, тем самым снижая социальное напряжение в обществе. Именно поэтому рыночные отношения неизбежно порождают свою противоположность — специализированный институт социальной защиты населения.

В более широком смысле социальная защита – это государственная политика, направленная на обеспечение конституционных прав и минимальных гарантий человека независимо от его места жительства, национальности, пола, возраста, в противном случае все конституционные права и свободы человека нуждаются в социальной защите: право собственности и свобода ведения бизнеса, неприкосновенность личности и защита окружающей среды.

Более узкое понятие социальной защиты состоит в том, что это адекватная государственная политика, обеспечивающая права и гарантии в области уровня жизни, удовлетворение человеческих потребностей: право на минимально достаточные средства к существованию, работу и отдых, защиту от безработицы, здравоохранение и жилье, социальная старость, болезнь и потеря кормильца, уход за детьми и т. д. [3, с. 106].

Основная цель социальной защиты является оказание необходимой помощи конкретному человеку в трудной жизненной ситуации. В России право граждан на социальную защиту гарантируется Конституцией Российской Федерации и регулируется законодательством Российской Федерации. Центральным субъектом социальной защиты является государство. Лицо, нуждающееся в социальной защите, является субъектом и объектом социальной защиты. Субъектом социальной защиты являются социальные институты, представленные конкретными социальными организациями, учреждениями, системами (образование, здравоохранение, социальная защита, занятость, работа, культура, спорт и отдых).

Социальная защита населения включает: социальное обеспечение, социальное страхование и социальную поддержку (помощь).

Основным методом реализации социальной защиты являются социальные гарантии - обязательства государства перед определенными категориями населения. Гарантия включает в себя компенсацию за низкий социальный статус и улучшение правового положения. Социальные гарантии строятся с учетом определенных особенностей, которые оправдывают преимущественное использование государственных ресурсов.

В отличие от социальной защиты, социальная помощь может быть оказана только в периоды их насущной необходимости (медицинская помощь, юридическая помощь, психологическая помощь).

Социальное обеспечение следует понимать как социальную помощь, которая предусматривает прямую передачу материальных общественных ресурсов клиентам социальных услуг в виде различных открытых и скрытых платежей.

Открытые выплаты включают: пенсию - ежемесячную денежную выплату в государстве, предоставляемую гражданам для компенсации потерянных доходов (доходов) и пособий (безработицы) за временную нетрудоспособность (болезнь, несчастный случай, уход за больной семьей), карантин и некоторые другие случаи; беременность и роды, многодетные и одинокие матери, дети из малообеспеченных семей, дети новобранцев и т. д.

Скрытым видом социального обеспечения являются пособия — предоставление пособий группам риска за определенные услуги, предоставляемые государством, муниципалитетами, их учреждениями или другими организациями, освобождение от обязательных платежей, взимаемых центральными и местными органами власти с физических и юридических лиц. в бюджетах разных уровней.

Многие федеральные законы предлагают понимать социальные услуги как деятельность, направленную на удовлетворение потребностей различных категорий социальных услуг, - полезную деятельность. При этом субъекты социальной работы используют чело-

веческие и организационные (общественные) ресурсы. В федеральном законе такими формами социальных услуг называются: материальная помощь, социальные услуги на дому, социальные услуги в больницах, временное убежище в специализированном учреждении социальных услуг, ежедневное пребывание в социальных учреждениях, консультирование по различным вопросам (медицинская помощь), юридическая, психолого-педагогическая, реабилитация (в отношении на людей с ограниченными возможностями, несовершеннолетних правонарушителей и т. д.)

Основные формы социальной защиты определены в следующих параметрах: законодательно определённые социальные гарантии и их удовлетворение на основе базовых стандартов и программ; регулирование доходов и расходов населения; социальное страхование; социальное вспомоществование; социальные услуги; целевые программы.

Нынешняя система социальной защиты в России основана на принципах: содействие - силовые структуры с целью социально-политического реагирования на определенные социально значимые события, получившие общественную оценку, или для поддержания важных государственных действий принимаются решения, направленные на социальную поддержку отдельных социальных групп, слоев населения и, в некоторых случаях, отдельных лиц; получение социальной помощи- предоставление социальной помощи нуждающимся гражданам во время письменного запроса заявителя или лица, представляющего его интересы; патернализм, обозначающий государственную опеку («отцовскую опеку») в отношении менее социально и экономически защищенных слоев и групп населения. [2, с. 82]

Социальная защита семьи — это соответствующая политика государства по обеспечению прав и гарантий в области уровня жизни семьи, удовлетворения потребностей человека: право на минимальное обеспечение, на работу и отдых, защита от безработицы, охрана здоровья и жилья, социальное обеспечение за старость, болезни и потерю кормильца, за воспитание детей. [3, с. 32]

Основная цель социальной защиты семьи — оказать необходимую помощь своим членам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Защита семьи государством осуществляется с помощью ряда социально-экономических и других мер поддержки семьи. Реализация этих мер обеспечивает социальную среду, которая гарантирует нормальное функционирование семей, а также сохранение и консолидацию этого социального института.

Защита семьи государством осуществляется через комплекс социально-экономических и иных мер поддержки семьи. Реализация этих мер обеспечивает создание такой социальной среды, которая гарантирует нормальное функционирование семей, сохранение и упрочение данного социального института. [2, с. 102] Гарантом социальной защиты семьи, ее прав, прав ребенка является Конституция Российской Федерации. В ст. 38 основного закона закреплено, что «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». [4]

К услугам, направленным на профилактику семейного неблагополучия, относятся:

- **социально-психологическое сопровождение** неблагополучных семей (родителей и детей). Содействие в получении социальной и психологической помощи, предоставление рекомендаций и информации, помощь в развитии социальных и личностных навыков, позволяющих семье самостоятельно справляться с кризисами;

- **педагогическая помощь** семьям, находящимся в социально опасном положении. Например, помощь в освоении общеобразовательной программы, вовлечение родителей в образовательный процесс ребёнка, содействие в организации семейного досуга;

- **психологическая помощь** семьям, находящимся в социально опасном положении. Индивидуальное психологическое консультирование, диагностика актуального состояния, коррекционная работа;

- **юридическая помощь** семьям, находящимся в социально опасном положении; **срочные социальные услуги**. Обеспечение бесплатным горячим питанием или наборами продуктов, обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости, содействие в получении временного жилого помещения. Оформление документов, консультирование по социально-правовым вопросам, консультации родителей по вопросам защиты прав и законных интересов детей.

К основным же технологиям, применяемым в рамках социального сопровождения неблагополучной семьи, мы относим:
- Участковая социальная служба. Направлена на выявление раннего семейного неблагополучия и оказание адресной социальной помощи семьям, имеющим детей, находящимся в трудной жизненной ситуации или в социально-опасном положении. Включает социальную диагностику всех семей на участке, распределение случаев по системе патронажа, социальный патронаж социально-здоровых и проблемных семей.
- Мобильная бригада. Форма социального патронажа неблагополучных семей и их детей, позволяет оказать им квалифицированную помощь в решении различных проблем, а также при необходимости экстренно реагировать на факты жестокого обращения детей в семьях.
- Домашнее визитирование семей с детьми-инвалидами. Предполагает регулярные посещения семей специалистами мобильной службы с целью оказания комплексной помощи в домашних условиях. В рамках визитирования проводятся развивающие занятия и дидактические игры, психологические тренинги, консультирование родителей, профилактические беседы.

Важно отметить, что основную роль играет **межведомственное взаимодействие у**чреждений, которые работают с неблагополучными семьями. Такой подход позволяет своевременно заниматься профилактикой семейного неблагополучия, формировать у членов неблагополучных семей положительный опыт социального поведения.

Итак, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что социальная защита семьи – это многоуровневая система, опирающаяся преимущественно на государственные меры по обеспечению социальных гарантий, прав, преимуществ и свобод нормально функционирующей семьи в условиях риска в интересах гармоничного развития семьи, личности и общества. Важная роль в социальной защите отведена профилактике семейного неблагополучия, и меры, предусмотренные системой социальной защиты направленны именно на улучшение и поддержание семьи на должном уровне.

Библиографический список:

1. Письмо Минтруда России от 01.03.2023 N 26-2/10/В-2718<О направлении Методических рекомендаций по организации социального сопровождения семей с детьми>https://kdn.49gov.ru/common/upload/62/editor/file/pismo_mintruda1.pdf
2. Якушев А. В. Социальная работа. Социальная защита. – М., 2012.
3. Зубкова Т. С., Тимошина Н. В. Организация и содержание работы по социальной защите семьи, женщин и детей: учебное пособие. – М.: Академия, 2004.
4. Шоранова З. В. Деятельность социальных служб по защите семьи [Текст] : учебное пособие / З. В. Шоранова. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014.
5. Конституция Российской Федерации http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПОДРОСТКАМ

Тлимахова А.А. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*
Азаматова Г.К. *- к.и.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные методы и формы социально-психологической помощи подросткам в условиях трансформации образовательной, цифровой и социокультурной среды. Проведён системный анализ теоретико-методологических подходов, определяющих содержание профилактической и коррекционной работы. Особое внимание уделено цифровым платформам, групповым форматам, когнитивно-поведенческим технологиям.

Ключевые слова: подростковый возраст, социально-психологическая помощь, психологическое консультирование, цифровые технологии.

MODERN METHODS AND FORMS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO ADOLESCENTS

Tlimahova A.A. - 4th year student of the Social Work Department, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.
Scientific supervisor: ***Azamatova Guljan Kamilovna***, PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Kabardino-Balkarian Republic.

Abstract: The article discusses current methods and forms of socio-psychological assistance to adolescents in the context of the transformation of the educational, digital, and socio-cultural environment. A systematic analysis of the theoretical and methodological approaches that determine the content of preventive and corrective work has been conducted. Special attention is paid to digital platforms, group formats, and cognitive-behavioral technologies.
Keywords: adolescence, socio-psychological assistance, psychological counseling

Подростковый возраст традиционно рассматривается в возрастной психологии как период интенсивного становления идентичности, формирования автономии, переоценки социальных связей и освоения новых ролевых моделей. Однако в условиях XXI века траектория развития подростка существенно усложняется под влиянием цифровизации, академического давления, трансформации семейных структур, миграционных процессов и последствий глобальных кризисов. По данным Всемирной организации здравоохранения, до двадцати процентов подростков во всём мире сталкиваются с психическими расстройствами, при этом лишь небольшая часть получает квалифицированную помощь. В Российской Федерации наблюдается устойчивый рост обращений по поводу тревожных состояний, эмоционального выгорания, кибербуллинга, расстройств пищевого поведения и суицидальных тенденций, что актуализирует задачу модернизации системы социально-психологического сопровождения.

Цель данной статьи состоит в систематизации современных методов и форм социально-психологической помощи подросткам, оценке их эффективности, выявлении ограничений и определении перспектив развития в контексте доказательной практики и нормативно-правового обеспечения. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретико-методологические основания подростковой психологической помощи; классифицировать актуальные формы работы; проанализировать современные терапевтические и консультативные технологии; рассмотреть этические, организационные и кадровые аспекты; сформулировать рекомендации по внедрению комплексных моделей сопровождения.

Современная система помощи подросткам строится на синтезе нескольких теоретических парадигм. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского и её развитие в трудах Д.Б. Эльконина, А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович подчёркивают социальную детерминированность психического развития, роль ведущей деятельности и зону ближайшего развития как ресурс для психологического вмешательства. Эго-психология Э. Эриксона выделяет кризис идентичности против ролевой диффузии как центральный конфликт подросткового периода, что требует от специалистов работы не с симптомами, а с поиском смысла, ценностных ориентаций и социальной принадлежности[1, с. 45].

В последние два десятилетия доминирующим подходом стала биопсихосоциальная модельная основа, интегрирующая нейробиологические особенности созревания префронтальной коры и лимбической системы, психологические механизмы регуляции эмоций и социальные контексты, включая семью, школу, онлайн-среду и субкультурные сообщества. Параллельно происходит сдвиг от дефектологической, патогенетической модели к ресурсно-ориентированной и парадигме, основанной на сильных сторонах , где подросток рассматривается как активный субъект изменений, обладающий адаптационным потенциалом, а не как носитель нарушений[2, с. 288].

Важным методологическим основанием является системно-семейный подход, признающий подростка элементом динамической семейной системы, где симптомы часто выполняют функцию поддержания гомеостаза. Концепция психологической безопасности образовательной среды существенно расширила фокус помощи за пределы индивидуального консультирования, включив институциональные факторы: климат в классе, политику школы, качество педагогического взаимодействия и организационную культуру[3, с. 384].

Форма помощи определяет организационный контекст, целеполагание, контингент и продолжительность взаимодействия. В современной практике выделяются следующие основные формы:

1. Индивидуальное психологическое консультирование остаётся базовой формой, позволяющей работать с уникальным запросом, учитывать личностные особенности и соблюдать конфиденциальность. В школьных службах оно часто носит краткосрочный характер, ориентировано на кризисные состояния, учебную мотивацию, межличностные конфликты и адаптационные трудности. В клинических и реабилитационных центрах длительность увеличивается, а фокус смещается на глубинные паттерны, травматический опыт и сопутствующие состояния.

2. Групповая психологическая работа приобретает стратегическое значение благодаря эффекту нормализации, социальному обучению и развитию эмпатии. Группы делятся на терапевтические для подростков с тревожностью, депрессивными тенденциями, последствиями буллинга, развивающие, включающие коммуникативные тренинги и лидерские программы, и профилактические, направленные на антинаркотическое просвещение, медиаграмотность и цифровую гигиену. Исследования показывают, что групповые форматы повышают устойчивость к стрессу при условии грамотной помощи, чётких групповых норм и гомогенности состава по возрасту и проблематике.

3. Семейное консультирование и системная работа признаются обязательным элементом при наличии дисфункциональных паттернов воспитания, гиперопеки, эмоциональной депривации или конфликтов поколений. Современные модели семейной терапии адаптированы для работы с подростками как равноправными участниками диалога, что снижает сопротивление и повышает мотивацию к изменениям. Включение родителей в процесс позволяет трансформировать коммуникационные петли, установить здоровые границы и создать поддерживающую среду.

4. Школьная психологическая служба выступает основной инфраструктурной формой. В соответствии с федеральными образовательными стандартами и ведомственными приказами, психологическое сопровождение включает диагностику, просвещение, консультирование, коррекцию и экспертизу. Однако на практике сохраняется дисбаланс: преобладает диагностическая функция, тогда как профилактическая и развивающая остаются недогруженными из-за высокой нагрузки специалистов, административных барьеров и недостаточного финансирования. Оптимизация штатного расписания и внедрение маршрутизации запросов позволяют повысить доступность помощи[4, с. 256].

5. Онлайн-форматы и цифровые платформы стали неотъемлемой частью экосистемы помощи. Они включают телеконсультации, мобильные приложения для саморегуляции, чат-боты с элементами когнитивно-поведенческой терапии, виртуальные группы поддержки и образовательные порталы. Пандемия ускорила их внедрение, а исследования подтверждают сопоставимую эффективность с очными сессиями при лёгких и умеренных состояниях. Однако цифровая форма требует особых протоколов безопасности, верификации возраста, защиты персональных данных и управления рисками суицидального поведения.

6. Телефонные и онлайн-службы экстренной помощи обеспечивают анонимность, доступность круглосуточно и первичную кризисную интервенцию. Они выполняют функцию первого контакта, маршрутизации в очные службы и профилактики эскалации состояний. Важным компонентом является обучение операторов алгоритмам деэскалации, оценке риска и психологическому сопровождению в остром периоде.

7. ”Равный равному” программы и волонтёрские инициативы основаны на обучении подростков-лидеров навыкам активного слушания и участия , партнёрства ,а также распознава-

ния сигналов дистресса . Модели равный равному доказали высокую эффективность в снижении стигмы и повышении обращаемости, однако требуют строгого супервизорского сопровождения, чётких границ ответственности и этических инструктажей во избежание вторичной травматизации и непрофессиональных вмешательств[5, с. 320].

Методологический арсенал современной подростковой психологии характеризуется интеграцией доказательных подходов, адаптацией к нейропсихологическим особенностям возраста и использованием цифровых инструментов.

Когнитивно-поведенческая терапия остаётся золотым стандартом при тревожных, депрессивных расстройствах и обсессивно-компульсивных проявлениях у подростков. Адаптированные протоколы включают когнитивную реструктуризацию, экспозицию, поведенческую активацию, навыки эмоциональной регуляции и профилактику рецидивов. Комплексные анализы подтверждают высокий размер эффекта при работе с подростковой выборкой. Метод активно внедряется в школьные службы и кризисные центры, однако требует специальной сертификации специалистов и регулярной супервизии[6, с. 548].

Терапия принятия и ответственности и диалектико-поведенческая терапия набирают популярность для работы с пограничными состояниями, самоповреждающим поведением и эмоциональной дисрегуляцией. Диалектико-поведенческий подход включает модули осознанности, дистресс-толерантности, эмоциональной регуляции и межличностной эффективности. Российские и международные адаптации демонстрируют существенное снижение частоты несамоубийственных самоповреждений и улучшение адаптивного функционирования за период от шести до двенадцати месяцев.

Арт-терапия, музыкотерапия и драматерапия используются как невербальные каналы выражения, особенно при работе с травмой, закрытыми подростками и лицами с речевыми или культурными барьерами. Проективные техники, песочная терапия, библиотерапия позволяют обойти защитные механизмы и активировать ресурсные состояния. Эффективность подтверждается в контексте комплексной реабилитации, однако требует чёткой дифференциации от развлекательных практик и опоры на психотерапевтическую концептуализацию случая.

Нарративная и решение-ориентированная краткосрочная терапия фокусируются на конструировании альтернативных историй, поиске исключений из проблемы и формулировке достижимых целей. Подход соответствует запросу подростков на уважение автономии и избегание навешивания ярлыков. Клинические наблюдения показывают сопоставимую с традиционными методами эффективность при лёгких адаптационных трудностях и кризисах идентичности.

Травмо-информированный подход становится обязательным стандартом. Он предполагает избегание ретравматизации, учёт влияния неблагоприятного детского опыта, создание безопасного пространства и фокус на восстановлении контроля. Протоколы, ориентированные на работу с травмой, адаптированы для подростков и включают работу с семьёй, повествовательную реконструкцию и навыки саморегуляции. Внедрение данного подхода требует изменения организационной культуры учреждений и пересмотра оценочных метрик.

Эмпирические данные свидетельствуют, что наибольшую эффективность демонстрируют комплексные программы, сочетающие индивидуальную работу, семейное вовлечение и институциональные изменения. Систематические обзоры подтверждают, что школьные программы универсальной профилактики снижают распространённость тревожных и депрессивных расстройств, а целевые интервенции для групп риска демонстрируют ещё более высокие показатели. Ключевыми модераторами успеха являются качество терапевтического альянса, культурная релевантность, вовлечённость семьи, длительность сопровождения и регулярная супервизия специалистов.

Этическое регулирование занимает центральное место в подростковой практике. Конфиденциальность ограничена в случаях угрозы жизни, жестокого обращения или судебных запросов, что требует прозрачного информирования подростка и родителей о границах с самого начала контакта. Информированное согласие должно быть адаптировано к уровню развития. С четырнадцати лет подросток имеет право на самостоятельное обращение за психо-

логической помощью, однако на практике сохраняется конфликт между автономией несовершеннолетнего и правом родителей на информацию. Профессиональная этика предписывает приоритет интересов подростка, избегание двойных отношений и обязательную супервизию в случаях ответной реакции терапевта или профессиональной дилеммы.

Цифровая этика добавляет новые измерения: защита персональных данных, алгоритмическая прозрачность, предотвращение зависимости от приложений, верификация кризис-протоколов в чат-ботах и обеспечение доступности интерфейсов для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Международные рекомендации подчёркивают необходимость цифровой грамотности специалистов, разработки этических кодексов для цифровой помощи и проведения аудитов безопасности платформ[7]. В Российской Федерации данные требования согласуются с федеральным законодательством о защите персональных данных и профессиональными стандартами психологической деятельности[8].

Несмотря на прогресс, система сталкивается с системными ограничениями. Во-первых, сохраняется дефицит кадров: обеспеченность детскими и подростковыми психологами и психотерапевтами остаётся ниже нормативных значений, при этом в регионах разрыв достигает критических показателей. Во-вторых, фрагментированность ведомств затрудняет маршрутизацию и преемственность помощи, что приводит к потере клиентов на этапе перехода между службами. В-третьих, стигма психических расстройств и низкая осведомлённость родителей снижают обращаемость на ранних стадиях, когда интервенции наиболее эффективны.

Современные методы и формы социально-психологической помощи подросткам отражают переход от патогенетической к ресурсно-ориентированной, от изолированной к системной, от аналоговой к цифровой парадигме. Доказательная база подтверждает эффективность когнитивно-поведенческих, системно-семейных, травмо-информированных и цифровых интервенций при условии их адаптации к возрастным особенностям и этической обоснованности. Ключевыми условиями успешного сопровождения выступают междисциплинарное взаимодействие, институциональная поддержка, кадровое обеспечение, цифровая безопасность и уважение автономии подростка.

Дальнейшее развитие системы требует консолидации усилий образовательных, медицинских и социальных ведомств, внедрения стандартов качества, расширения доступа к доказательным практикам в регионах и инвестиций в подготовку специалистов нового типа. Только комплексный, научно обоснованный и этико-центрированный подход способен обеспечить подросткам не просто преодоление кризисов, но устойчивое развитие психологической зрелости, социальной ответственности и способности к осознанному выбору жизненного пути. Инвестиции в психологическое благополучие молодёжи являются стратегическим ресурсом устойчивого развития общества и обеспечения демографической безопасности государства.

Литература:

1. Холмогорова А. Б. Диалектико-поведенческая терапия в работе с подростками: российские адаптации и клинические результаты // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 3.

2. Кочубей Б. В. Психология подросткового возраста: учебное пособие. СПб.: Питер, 2019.

3. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: теория и практика. М.: Просвещение, 2019.

4. Поливанова К. Н. Психологическое сопровождение подростков в образовательной среде. М.: Просвещение, 2020.

5. Хухлаева О. В. Психологическое консультирование подростков: учебное пособие. М.: Академия, 2018.

6. Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021.

7. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье подростков: информационный бюллетень. Женева: ВОЗ, 2023. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 12.03.2025).

8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (ред. от 14.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ У ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Тратинко Т.В. *– старший преподаватель кафедры «Социальная работа и реабилитология», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Димидюк А.Ю. *– студент 5-го курса специальности «Социальная работа», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В статье автор рассматривает феномен эмоционального интеллекта у подростков. На основании анализа научных источников рассказывается об особенностях подросткового возраста и формировании эмоционального интеллекта в этот период, а на основе полученных данных в результате исследования доказывается, что компоненты эмоционального интеллекта оказывают влияние на выбор стилей поведения в подростковом возрасте. Представлены результаты диагностики и статистического анализа, подтверждающие значимые корреляции между изучаемыми переменными.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, конфликт, подростковый возраст.

EMOTIONAL INTELLIGENCE IN ADOLESCENTS: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND SOLUTIONS

T. V. Tratsinko *– Senior Lecturer, Senior Lecturer of the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

A. Yu. Dimidyuk *– 5th-year student, Social Work, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

E-mail: alinadimi97@gmail.com

Abstract. In this article, the author examines the phenomenon of emotional intelligence in adolescents. Based on an analysis of scientific sources, the author discusses the characteristics of adolescence and the development of emotional intelligence during this period. The obtained data demonstrates that the components of emotional intelligence influence the choice of behavioral styles during adolescence. The results of diagnostics and statistical analysis are presented, confirming significant correlations between the studied variables.

Keywords: emotional intelligence, conflict, adolescence.

Отрочество – это время бурных перемен, затрагивающих как личностные качества, так и психические процессы. В этот период подростки особенно открыты внешним влияниям со стороны различных социальных институтов, которые активно вмешиваются в их внутреннее развитие. Следствием этого становятся частые колебания самооценки, активный поиск своего места в жизни, стремление к самостоятельности, переменчивость увлечений и формирование устойчивой самоидентификации.

Период взросления, известный как подростковый возраст, представляет собой этап перехода от детства к зрелости. Л. С. Выготский характеризовал его как критический и решающий, знаменующий собой начало взрослой жизни. Временные рамки этого этапа обычно устанавливаются в пределах от 10–11 до 15–16 лет [7, с. 61].

Например, С. Холл, на заре психологии как самостоятельной науки, описал отрочество как период «бури и натиска», определяя его от начала полового созревания (12-13 лет) до перехода во взрослую жизнь (22-25 лет). Он подчеркивал, что основными признаками этого возраста являются парадоксальность, противоречивость и амбивалентность [14, с. 112].

Согласно Э. Эриксону, подростковый возраст – это одновременно самый сложный и решающий этап в жизни человека. Он относит к подростковому возрасту период с 12-13 до 18-19 лет, когда происходит формирование самосознания (эго-идентичности). Эриксон полагал, что главный кризис, с которым сталкиваются подростки, – это необходимость в переосмыслении уже пройденных этапов развития, разобраться со своими внутренними конфликтами и принятие осознанных решений. По его мнению, этот конфликт происходит не между психологическими структурами, а внутри эго [16, с. 115].

Д. Б. Эльконин, в свою очередь, рассматривал подростковый возраст через призму смены ведущих видов деятельности и определял его возрастными рамками от 11 до 17 лет. Эльконин разделил подростковый возраст на два этапа: средний школьный возраст (11-15 лет), где ведущим видом деятельности является общение со сверстниками, и старший школьный возраст (15-17 лет), когда на первый план выходит учебно-профессиональная деятельность [15, с. 78].

Стоит упомянуть периодизацию подросткового возраста от А. Е. Личко. Он выделил ключевые поведенческие проявления подростков, связанные с адаптацией к новым условиям: желание самостоятельности (эмансипация), потребность в общении со сверстниками (группирование), увлечение хобби и развитие сексуальности. Учитывая эти особенности и смену ведущих видов деятельности по Эльконину, Личко определил подростковый период как возраст от 12 до 17 лет и разделил его на следующие этапы [8, с. 56]:

- предпубертатный (10-11 лет);
- первый (младший) пубертатный (12-13 лет);
- второй (средний) пубертатный (14-15 лет);
- третий (старший) пубертатный (16-17 лет);
- постпубертатный (18-19 лет).

Несмотря на множество трактовок подросткового периода, ключевыми задачами данного периода являются [11, с. 63]:

1) обретение автономии от взрослых;
2) формирование идентичности;
3) освоение ролевых моделей;
4) определение ориентиров (жизненные, профессиональные, личностные);
5) саморегуляция поведения;
6) формирование системы ценностей;
7) развитие абстрактного мышления.

Половое созревание обусловлено изменениями в эндокринной системе. Благодаря активной работе и сложному взаимодействию гормонов роста и половых гормонов, организм претерпевает значительные физические и физиологические изменения [10, с. 73].

Этот процесс включает в себя несколько этапов [12]:

1. Период детства (до полового созревания). В детстве репродуктивная система находится в состоянии покоя, ее развитие происходит очень медленно и практически незаметно.

Главными "дирижерами" этого процесса являются гормоны щитовидной железы и гипофиза. Половые органы растут незначительно, а вторичные половые признаки (например, оволосение, развитие молочных желез) еще не проявляются. Этот этап обычно заканчивается примерно в 8-10 лет у девочек и в 10-13 лет у мальчиков.

2. Начало полового созревания (гипофизарная активация). С наступлением полового созревания гипофиз становится более активным. Он начинает вырабатывать больше гормонов, что стимулирует ускоренный рост тела и появление первых признаков полового созревания. У девочек этот период приходится на возраст 9-12 лет, а у мальчиков – на 12-14 лет.

3. Активная работа половых желез. На этом этапе половые железы (яичники у девочек и яички у мальчиков) начинают интенсивно вырабатывать половые гормоны – эстрогены и андрогены. Это приводит к дальнейшему развитию половых органов и формированию вторичных половых признаков.

4. Период активного формирования вторичных половых признаков. В это время вторичные половые признаки развиваются особенно активно. У девочек (примерно с 10 до 13 лет) начинается менструация. У мальчиков этот этап длится с 12 до 16 лет.

5. Завершение формирования репродуктивной системы. К этому моменту достигается гармония между гормонами гипофиза и половых желез. Вторичные половые признаки становятся хорошо заметными. У девушек менструальный цикл становится регулярным, а у юношей завершается рост волос на лице и нижней части живота. Этот этап обычно завершается к 15-16 годам у девушек и к 17-18 годам у юношей.

Значительные изменения в личностном развитии подростка связаны с его самосознанием, ключевым структурным элементом которого является самооценка. В это время формируется собственная независимая система оценивания, которая зависит от разных факторов: влияния значимых взрослых, успешности В эпоху стремительного научно-технического прогресса, эмоциональный интеллект, или EQ, приобретает все большее значение. Исследования показывают, что эмоциональный интеллект развивается наравне с интеллектом IQ и играет решающую роль в успешной адаптации и достижении внутреннего равновесия как в личных взаимоотношениях, так и в карьере.

Эмоциональный интеллект оказывает влияние на различные сферы жизни человека: от физического и психического благополучия до карьерных достижений и межличностных связей. Развитый эмоциональный интеллект позволяет человеку глубоко понимать эмоции, как свои, так и окружающих, эффективно их выражать и управлять ими. Благодаря этому, такие люди легче адаптируются к новым условиям, более успешны в коммуникации и достигают лучших результатов в своей деятельности [1, с. 105].

Эмоциональный интеллект является неотъемлемой частью личностного развития, поскольку он помогает нам глубже понять себя, свои чувства, мотивы и потребности. Осознанное управление эмоциями дает возможность принимать взвешенные решения и действовать в соответствии с личными ценностями и целями. Осознанное управление эмоциями дает возможность принимать взвешенные решения, избегая импульсивных и необдуманных поступков, особенно в моменты сильных негативных переживаний.

В начале 1990-х годов Дж. Майером и П. Соловеем было впервые введено понятие «эмоциональный интеллект» (EQ), они рассматривали эмоциональный интеллект как аспект социального интеллекта, связанного со способностью индивида отслеживать свои и чужие эмоции и чувства. Этот концепт включает в себя набор компонентов, которые выстраиваются в иерархию, уровни которой формируются в процессе развития личности постепенно [6, с. 72].

Ключевыми компонентами эмоционального интеллекта являются эмпатия, толерантность, ассертивность и самооценка [9, с. 18].

Структура эмоционального интеллекта включает такие ключевые элементы, как идентификация эмоций, использование эмоций в мыслительной деятельности, понимание эмоций и управление ими (модель П. Сэловея и Дж. Мэйера), а также самосознание, саморегуляция, эмпатия и социальная компетентность (модель Д. Гоулмана). В отечественной психологии (Д.В. Люсин, М.А. Манойлова) эмоциональный интеллект рассматривается как

интегративное образование, объединяющее когнитивные способности, личностные качества и эмоционально-волевые характеристики, проявляющееся в умении осознавать и регулировать как свои, так и чужие эмоциональные состояния.

Эмоциональный интеллект выступает важным условием эффективной адаптации личности, её эмоционального благополучия, успешной самореализации и гармонизации межличностных отношений. Его развитие способствует формированию психологической устойчивости, эмпатии, ответственности и толерантности, что делает данный феномен значимым направлением психологических исследований и практики.

Эмоциональная сфера подростков характеризуется повышенной сензитивностью. Если младшие подростки больше переживают из-за отношений со сверстниками, то старшие – из-за взаимодействия со взрослыми. Для старших подростков характерны раздражительность, возбудимость и резкие перепады настроения. Их эмоциональные переживания становятся более интенсивными и глубокими, чем в младшем подростковом возрасте. Особое значение для них приобретает восприятие собственной внешности, вызывающее сильные эмоции [4, с. 63].

К факторам, которые могут негативно повлиять на эмоциональное развитие, относятся конфликты с родителями, одиночество и фиксирование отрицательных черт характера.

Эмоциональные переживания необходимы для становления личности подростка. В процессе любой активности (коммуникативной, учебной) эмоции выполняют регуляторную функцию, позволяя предвидеть возможные успехи и неудачи. Это способствует достижению поставленных целей и делает эмоции одним из ключевых механизмов психической саморегуляции.

Эмоциональное состояние подростков отличается рядом особенностей [5, с. 235]:

• эмоциональная возбудимость: повышенная вспыльчивость, бурное протекание эмоциональных реакций;

• эмоциональные реакции и переживания в подростковом возрасте становятся более глубокими и постоянными;

• повышенная тревожность. Она связана с появлением интимно-личностных отношений с человеком, вызывающим различные эмоции;

• рост значимости самооценки и мнений сверстников, что порождает эмоциональные переживания;

• ощущение принадлежности к группе, сопутствующее страхом быть отвергнутым со стороны товарищей.

Характерной чертой подросткового возраста становится «подростковый комплекс» эмоциональности, который включает в себя ряд противоречивых качеств, проявляющихся поочередно. К примеру, перепады настроения от радости к печали, унынию и обратно – это явление, свойственное именно этому возрасту, которое называется «подростковым комплексом» эмоциональности. Такие перемены в настроении могут происходить без явных причин [13, с. 155].

Подросток начинает исследовать мир своих эмоций, осознавая их противоречивую природу и размышляя о своих переживаниях, а также о том, почему ему важны дружеские отношения, основанные на взаимной привязанности, аффиляции и ожиданиях ответных чувств. В этот период значимость эмоциональных привязанностей возрастает, усиливается чувствительность к переживаниям окружающих, укрепляется стремление отстаивать свои убеждения, распознавать и идентифицировать эмоции. Также происходит расширение словарного запаса, связанного с эмоциональными состояниями, их вербализацией и контролем своих и чужих эмоций [2, с. 40].

Многочисленные исследования указывают на ключевую роль эмоционального интеллекта в построении и поддержании эффективных межличностных отношений. Эмоциональный интеллект признается необходимым фактором для успешного взаимодействия с окружающими, оказания влияния на них, а также развития лидерских качеств [3, с. 139].

С целью изучения взаимосвязи эмоционального интеллекта и стиля поведения в конфликтной ситуации у подростков было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 45 подростков 7-9 классов в возрасте 13-15 лет. Среди них 32 девушек и 13 юношей.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь эмоционального интеллекта и стиля поведения в конфликте у подростков.

Для диагностики эмоционального интеллекта был использован «Опросник эмоционального интеллекта» (Барчард). Для диагностики стиля поведения в конфликтной ситуации был использован тест Томаса-Килманна.

В результате анализа корреляционных связей между эмоциональным интеллектом и стилем поведения в конфликте у подростков с использованием коэффициента корреляции Спирмена, выявлено следующее:

1. Между стилем поведения «избегание» и показателями эмоционального интеллекта наблюдаются слабые положительные и отрицательные корреляционные связи ($\rho < 0,3$), не являются статистически значимыми ($p > 0,05$).
2. Между стилем поведения «сотрудничество» и позитивной экспрессивностью наблюдается умеренная положительная корреляционная связь ($\rho = 0,416$), статистически значимая ($p = 0,004$). Корреляционная связь с негативной экспрессивностью слабая положительная ($\rho = 0,285$), имеет низкую статистическую значимость ($p = 0,058$). С остальными компонентами наблюдаются слабые положительные и отрицательные корреляционные связи ($\rho < 0,3$), не являются статистически значимыми ($p > 0,05$).
3. Между стилем поведения «соперничество» и показателями эмоционального интеллекта наблюдаются слабые положительные и преимущественно отрицательные корреляционные связи ($\rho < 0,3$), не являются статистически значимыми ($p > 0,05$). Выявлена тенденция к отрицательной корреляционной связи между соперничеством и эмпатией ($\rho = -0,252$, $p = 0,095$), однако связь не является достаточно статистически значимой.
4. Между стилем поведения «компромисс» и негативной экспрессивностью наблюдается умеренная положительная корреляционная связь ($\rho = 0,318$), статистически значимая ($p = 0,033$). С остальными компонентами наблюдаются слабые положительные и отрицательные корреляционные связи ($\rho < 0,3$), не являются статистически значимыми ($p > 0,05$).
5. Между стилем поведения «приспособление» и позитивной экспрессивностью наблюдается умеренная отрицательная корреляционная связь ($\rho = -0,345$), статистически значимая ($p = 0,020$), с негативной экспрессивностью отмечается умеренная отрицательная корреляционная связь ($\rho = -0,311$), статистически значимая ($p = 0,037$). С остальными компонентами наблюдаются слабые положительные и отрицательные корреляционные связи ($\rho < 0,3$), не являются статистически значимыми ($p > 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотеза исследования о наличии взаимосвязи эмоционального интеллекта и стиля поведения в конфликте у подростков частично подтвердилась. Статистически значимые связи выявлены не для всех переменных, однако установленные корреляции между эмоциональной экспрессивностью и стилями «сотрудничество», «компромисс» и «приспособление» подтверждают, что особенности эмоциональной сферы подростков оказывают влияние на выбор стилей поведения в конфликте.

Полученные результаты показывают, что отдельные компоненты эмоционального интеллекта, связанные с эмоциональной экспрессивностью, оказывают влияние на выбор стилей поведения в конфликте. Подростки, более открытые к выражению эмоций (особенно положительных), чаще проявляют готовность к сотрудничеству, тогда как сдержанность в эмоциональном самовыражении связана с тенденцией к приспособлению. Остальные компоненты эмоционального интеллекта (внимание к эмоциям, эмпатия, принятие решений на основе эмоций, сопереживание радости и несчастья) не продемонстрировали значимых взаимосвязей со стилями конфликтного поведения, что может отражать сложную и неоднозначную природу этих связей.

Литература:

1. Андреева, И. Н. Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности / И. Н. Андреева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2017. – № 2. – С. 104–109.
2. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. – Новополоцк: ПГУ, 2011. – 388 с.
3. Белоконь, О. В. Эмоциональный интеллект и феномен лидерства: эксперимент «Строим вместе» / О. В. Белоконь // Журнал высшей школы экономики. – 2008. – № 3. – С. 137–144.
4. Глинский, А. А. Воспитание старших подростков в современной школе: пособие для пед. работников учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования / А. А. Глинский, А. Ф. Журба, С. Н. Новик [и др.]. – Минск: Национальный институт образования, 2023. – 216 с.
5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства: учебное пособие / Е. П. Ильин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Питер, 2011. – 782 с.
6. К вопросу о сущности понятия «Эмоциональный интеллект»: текст научной статьи по специальности «психологические науки» / Вестник РУДН; науч. ред. Н. П. Александрова. – Москва, 2009. – С. 71–75.
7. Ксёнда, О. Г. Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом возрасте / О. Г. Ксёнда, А. Э. Марченко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 3. – С. 59–66.
8. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л.: Медицина, 1983. – 131 с.
9. Манойлова, М. А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов / М. А. Манойлова. – Псков: ПГПИ, 2004. – 60 с.
10. Мартынова, В. В. Семейное воспитание: ребенок-подросток: пособие для педагогических работников учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования / В. В. Мартынова, Е. К. Погодина. – Минск: Академия образования, 2024. – 200 с.
11. Пашукова, Т. И. Психологические исследования: практикум по общей психологии / Т. И. Пашукова, А. И. Допира, Г. В. Дьяконов. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк, 1996. – 176 с.
12. Периодизации подросткового возраста // Сайт психологов B17.ru [Электронный ресурс]. – Москва, 2009. – Режим доступа: https://www.b17.ru/article/period_teenager/. – Дата доступа: 01.10.2025.
13. Реан, А. А. Психология человека от рождения до смерти: учебник / В. А. Аверин и др.; под ред. А. А. Реана. – Москва: АСТ: Прайм, 2015. – 656 с.
14. Холл, С. Г. Дети: любовь, страх, нравственные недостатки и заблуждения / С. Холл. – 2-е изд. – Москва, 2012. – 444 с.
15. Эльконин, Д. Б. Детская психология / Д. Б. Эльконин. – 4-е изд. – Москва: Академия, 2007. – 194 с.
16. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; ред. А. В. Толстых. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ

Бауэр Е.А. *- кандидат исторических наук, доцент кафедры теории физической культуры, спорта и социального образования, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия.*
Нуриева А.А. *– студент направления 39.03.02 «Социальная работа», Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия.*

Аннотация. В статье анализируются организационно-правовые основы социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями со ссылкой на документы федерального, регионального, муниципального уровней. Проанализирована статистика обращений к Уполномоченному по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, а также в субъектах Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ.
***Ключевые слова*:** несовершеннолетний, безнадзорный, Уполномоченный по правам ребенка, омбудсмен, правонарушение, девиантное поведение, превенция преступности среди несовершеннолетних, социальная работа.

ON THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL CONDITIONS OF SOCIAL WORK WITH JUVENILE OFFENDERS

Bauer E.A. - Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Physical Culture, Sports and Social Education.
Nuriyeva A.A. - Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, student of the direction 39.03.02 "Social work".

Annotation: The article analyzes the organizational and legal foundations of social work with juvenile offenders with reference to documents from the federal, regional, and municipal levels. The statistics of appeals to the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation, as well as in the subjects of the Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug are analyzed.
Keywords: minor, neglected, Commissioner for Children's Rights, delinquency, deviant behavior, juvenile delinquency prevention, social work.

Официальные данные Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации свидетельствуют о положительной динамике и снижении уровня преступности среди несовершеннолетних. Так, по результатам отчета за 2024 г., в органы внутренних дел было доставлено 138,7 тыс. несовершеннолетних, из них по подозрению в совершении преступления – 8,1 тыс. (для сравнения: в 2023 г. – 9,1 тыс.); совершивших общественно опасные деяния– 2,8 тыс. (в 2023 г. – 3,3 тыс.) [4]. Несмотря на значительные успехи в профилактике девиантного поведения среди подрастающего поколения, проблема нарушения закона со стороны лиц моложе восемнадцати лет продолжает оставаться острой в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, социально-экономические факторы современного общества (такие как неравенство доходов, отсутствие стабильного заработка, недостаточный уровень жизни) создают неблагоприятные условия для обеспечения родителями качественного образования и досуга членов своих семей. Дети же в силу возраста и недостаточности опыта, могут быть легко вовлечены в противоправные действия, а потребительские установки повышают риск совершения ими преступления.

Во-вторых, несформированные в детском и подростковом возрасте убеждения уважительного отношения к правопорядку, пренебрежение к действующим в обществе правилам поведения, искаженное представление о законности уже через небольшой промежуток времени будут осуществлять регуляцию поведения человека во взрослом возрасте, что неизбежно приведет к наказанию за содеянные проступки.

В-третьих, снижение родительского контроля, попустительское отношение общественных институтов к проявлениям нездорового образа жизни и различным проявлениям девиантного поведения могут трактоваться подростками как допустимое/одобряемое в обществе поведение, что усугубляет конфликт и агрессию.

Как видим, проблема превенции преступности среди несовершеннолетних находится в фокусе внимания междисциплинарной команды профессионалов – юристов, педагогов, психологов, социологов и др.[8].Роль специалиста по социальной работе с данной

категорией населения повышается многократно в рамках профилактических, адаптационных, реабилитационных мероприятий.

В контексте социальной работы взаимодействие с малолетними правонарушителями напрямую зависит от качества нормативно-правового обеспечения. Изучение и улучшение законодательной базы гарантирует основу для предупреждения безнадзорности, правонарушений и антиобщественных действий, что в дальнейшем способствует устранению причин и условий, способствующих этому.

Организационно-правовые основы социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями включают в себя документы федерального, регионального, муниципального уровней, в которых отражены принципы, нормы защиты прав и свобод детей, подростков, молодежи. При этом вопросам профилактики правонарушений, ресоциализации и реабилитации отводится особое место.

Так, в соответствии с *Конвенцией о правах ребёнка*, дети имеют право на особую заботу и помощь, а семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие. Ребёнку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [1].

Федеральный закон 124-ФЗ "*Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации"* подчеркивает необходимость защиты прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Обязательными являются обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка, обеспечение особого подхода в процессе отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, учет особенностей его возраста и социального положения [3].

Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года определяет вектор долгосрочного развития, опираясь на фундаментальные основы российского общества: семейные ценности, защиту и поддержку различных типов семей – многодетных, студенческих, воспитывающих ребенка-инвалида и др.[2]. Приоритетными мерами по реализации задачи "сопровождение семей в особых жизненных ситуациях" являются:

- «оказание помощи семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, с применением семейно ориентированного подхода в работе органов системы профилактики»;
- «повышение качества, доступности и разнообразия социальных услуг в системе социального обслуживания семей с детьми, расширение практики деятельности семейных многофункциональных центров»;
- «обеспечение поддержки…сопровождения семей, оказавшихся в ситуации социального неблагополучия, разработка и реализация комплексного индивидуального плана по реабилитации»;
- «формирование положительного имиджа и повышение уровня доверия граждан к социальным службам, органам опеки и попечительства, комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, содействующих оказанию помощи семье по выходу из трудной жизненной ситуации»;
- «осуществление мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в отношении осужденных несовершеннолетних детей или женщин с детьми, а также несовершеннолетних детей или женщин с детьми, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы» [2].

Особую роль в процессе организации помощи детям играет институт *Уполномоченного по правам ребенка.* Являясь особым правовым механизмом, специализированным видом института омбудсмена, он эффективно дополняет механизм защиты прав и законных интересов несовершеннолетних[8].

По официальным данным, в 2024 г. поставлено на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних 109,9 тыс. лиц. Из них в связи с употреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, – 25,1 тыс.,

наркотических средств или психотропных веществ и их прекурсоров либо новых потенциально опасных психоактивных веществ – 1,7 ты [4].Чаще всего несовершеннолетние совершали кражи и мелкие хищения (4,9 тыс. преступлений), неправомерно завладевали транспортным средством без цели хищения (1,3 тыс. преступлений).

Обращения к Уполномоченному, затрагивающие проблему подростковой преступности, как правило, содержат просьбы о содействии в восстановлении прав пострадавшей стороны.

Профилактика подростковой преступности должна включать просветительскую работу среди детей и подростков по формированию у них правосознания и повышению ценности жизни и здоровья каждого отдельного члена общества [4].

В то же время, в 2024 г. в правоохранительные органы поступили заявления о розыске 33 395 несовершеннолетних, самовольно ушедших из дома и государственных учреждений (в 2023 г. – 33 208). Из них в период самовольного ухода совершили правонарушения (преступления, общественно опасные деяния) 544 ребенка (в 2023 г. – 516), стали жертвами преступлений 111 детей (в 2023 г. – 111), 89 детей погибли [4].

Совместно с муниципальными *комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав* изучены условия и причины совершения подростками более 200 правонарушений, приняты меры для исправления ситуации, в том числе индивидуально по 27 подросткам, причастным к имущественным преступлениям, совместно со службой занятости автономного округа рассмотрены вопросы временного трудоустройства, из них удалось трудоустроить 9 человек.

В 2024 году *Уполномоченным в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* (далее – ХМАО-Югре) подготовлено 10 мотивированных предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере детства, сформированных, в том числе, по результатам анализа обращений граждан: 2 инициативы направлены Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [4].

Таблица 1

Классификация обращений, поступивших в адрес Уполномоченного по правам ребенка в ХМАО – Югре 2024 года

Группа права	Количество обращений 2024г.	Динамика (+/−)
I. Личные права		
Безнадзорность	3	+2
Деяния, содержащие признаки состава административного правонарушения	27	+13
Деяния, содержащие признаки состава преступления	12	- 7
II. Право на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту		
Обеспечение процессуальных прав несовершеннолетних, привлекаемых к административной ответственности	-	-1
Обеспечение процессуальных прав несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности	-	-1
Обеспечение прав несовершеннолетних в местах принудительного содержания	-	- 2

Анализируя данные таблицы, приходим к выводу, что в ХМАО-Югре наибольший прирост получила группа прав с признаками административного правонарушения; в то же время снизилось количество деяний, содержащих признаки состава преступления. В дополнение, в регионе созданы условия для получения образования лицам, находящимся в испра-

вительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Например, в ст. 10 регионального закона*"Об образовании в ХМАО-Югре"* предусмотрено создание общеобразовательных организаций при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [5].

Региональными омбудсменами проделана обширная работа по профилактике, выявлению, организации всесторонней работы с несовершеннолетними, совершившими правонарушения. Далее в таблице представлены аналитические данные деятельности *Уполномоченного по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе* и о соблюдении прав и законных интересов детей за прошлый год.

Таблица 2

Классификация обращений, поступивших в адрес Уполномоченного по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе и о соблюдении прав и законных интересов детей в 2024 году

Группа права	Количество обращений
Деяния, содержащие признаки состава преступления, административные правонарушения	2
Правомерность действий субъектов системы профилактики и безнадзорности при работе с семьями, в том числе при помещении несовершеннолетних социозащитные и медицинские организации	3
Противоправные деяния, совершенные несовершеннолетними	0
Право на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту	1

К сожалению, проблема нарушения закона несовершеннолетними не нашла отражения в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе в прошлом году. Далее в таблице представлены результаты деятельности *Уполномоченного в Тюменской области.* Данные указывают на единичные обращения по ряду групп прав (см. таблицу).

Таблица 3

Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Тюменской области по итогам деятельности в 2024 году

Группа права	Количество обращений
Право на жизнь, защиту от насилия	2
Право на имя, честь и достоинство	18
Право на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту	1

В целом, темы обращений к Уполномоченному отражают происходящие в регионе, стране и за ее пределами процессы, а главное, нужды, надежды и ожидания людей, определяя для нас новые векторы работы. Как видно из таблицы, наибольшую тревожность у омбудсмена вызывает группа прав несовершеннолетних на имя, честь и достоинство. (см. таблицу).

Учитывая накопленный опыт в области защиты прав несовершеннолетних и особый функционал, Уполномоченный по правам ребенка может стать действенным координирующим центром защиты прав детей[11].

Защита прав несовершеннолетних граждан, являясь одной из приоритетных задач государственной политики, закреплена в ряде нормативно-правовых актов.

Главной целью Уполномоченного по правам ребенка является защита прав и законных интересов детей. При этом правовой статус детского омбудсмена определяет его как

независимого защитника. Основываясь на этом, Уполномоченный может стать тем связующим и объединяющим звеном, которое необходимо для эффективной защиты прав детей, находящихся в опекунских семьях, а также профилактики вторичного сиротства [10]. Высокая динамика востребованности услуг детского омбудсмена, оперативность принятия решения, развитие сотрудничества различных ведомств по правовому просвещению населения – это отличительные особенности Уполномоченного по правам ребенка в регионе[9].

Практически во всех регионах Уполномоченные по правам ребенка наделяются правом посещать органы государственной власти и органы местного самоуправления, учреждения, организации и предприятия, независимо от форм собственности[10].

Таким образом, организационно-правовая база, являясь фундаментом, играет ключевую роль в определении полномочий субъектов профилактики и обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей, что особенно важно для данной уязвимой категории граждан, когда психологическое и социальное развитие личности формируется в условиях повышенного риска.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990. Текст: электронный // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. https://base.garant.ru/2540422/.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Стратегиядействий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/.

3. Федеральный закон "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" от 24.07.1998 № 124-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/.

4. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году. https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404.

5. Доклад о результатах деятельности уполномоченного по правам ребенка вХанты-Мансийском автономном округе – Югре, соблюдении прав и законных интересов детей в 2024 году. https://upr.admhmao.ru/activity/deyatelnost/doklady/.

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе и о соблюдении прав и законных интересов детей в 2024 году. https://upr.yanao.ru/presscenter/lectures/1233/.

7. ДокладУполномоченного по правам ребенка в Тюменской области по итогам деятельности в 2024 году. https://duma72.ru/doc/orgotdel/2025/1453pr.pdf.

8. Бауэр Е.А.Модель развития правовой компетенции бакалавра социальной работы // Право и образование. 2020. № 2. С. 20-25.

9. Кованцова В.Ю.Роль Уполномоченного по правам ребенка в процессе социальной защиты несовершеннолетних (на материале Ханты-Мансийского автономного округа-Югры) // 30 лет развития социальной работы в России. Сборник статей участников конкурсов научно-исследовательских работ студентов. Москва, 2021. С. 165-169.

10. Лихтер П. Л. Проблемы совершенствования законодательства о компетенции Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации / П. Л. Лихтер // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 2 (40). — С. 59-70.

11. Тузова О. Н. Роль Уполномоченного по правам ребенка в защите прав несовершеннолетних, воспитывающихся в опекунских семьях / О. Н. Тузова, Д. Н. Степанова // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 3. — С. 310-319.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Алиева Жала Рахман *- доцент, кандидат экономических наук, Институт экономики Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики; Азербайджанский Университет, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. Быстрое развитие цифровых технологий сделало вопрос социальной интеграции людей с инвалидностью особенно актуальным в современных академических и политических дискуссиях. В этом контексте цифровая инклюзия всё чаще рассматривается как ключевой компонент социальной справедливости, прав человека и устойчивого развития. Цель данной статьи заключается в анализе роли цифровых технологий в расширении социальной интеграции людей с инвалидностью, с особым вниманием как к возможностям, так и к существующим трудностям. Результаты показывают, что цифровые технологии значительно расширяют доступ к образованию, занятости и социальной активности, а вспомогательные технологии дополнительно способствуют повышению независимости и облегчению повседневной жизни. Однако такие барьеры, как высокая стоимость интернета, низкий уровень цифровой грамотности и недостаточно развитая доступная цифровая инфраструктура, продолжают ограничивать равное участие. В Азербайджане, несмотря на внедрение определённых правовых и институциональных мер, уровень фактической цифровой инклюзии остаётся ограниченным. В целом исследование приходит к выводу, что усиление стандартов доступности, развитие цифровых навыков и обеспечение инклюзивного дизайна являются необходимыми условиями для достижения полноценной цифровой инклюзии.
Ключевые слова: Цифровая инклюзия, инвалидность, доступность, вспомогательные технологии, ИКТ, социальное участие, цифровая грамотность

Digital Technologies and the Social Integration of Persons with Disabilities: A Case Study of Azerbaijan

Aliyeva Zhala R. - Assoc. Prof., PhD in Economics, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan Institute of Economics; Azerbaijan University, Republic of Azerbaijan, Baku

Annotation: The rapid development of digital technologies has made the social inclusion of persons with disabilities a highly relevant issue in contemporary academic and policy discussions. In this context, digital inclusion is increasingly recognized as a key component of social equity, human rights, and sustainable development. The aim of this article is to analyze the role of digital technologies in enhancing the social inclusion of persons with disabilities, with particular attention to both opportunities and challenges. The findings suggest that digital technologies significantly expand access to education, employment, and social participation, while assistive technologies further enhance independence and daily functioning. However, barriers such as high internet costs, limited digital literacy, and the lack of accessible digital infrastructure continue to restrict equal participation. In Azerbaijan, although certain legal and institutional measures have been introduced, the level of effective digital inclusion remains limited in practice. Overall, the study concludes that strengthening accessibility standards, improving digital skills, and ensuring inclusive design are essential for achieving meaningful digital inclusion.
Keywords: Digital inclusion, disability, accessibility, assistive technology, ICT, social participation, digital literacy

In recent years, digital technologies have become deeply embedded in all spheres of society, significantly transforming the ways in which individuals access information, engage in education, perform work, and participate in civic life. These developments have created substantial opportunities to enhance efficiency and accessibility across multiple domains of daily activity. However, ensuring that these benefits are equitably accessible to all members of society, particularly persons with disabilities, remains a critical challenge.

Digital inclusion refers to the equitable access to, and effective use of, digital technologies by all individuals, including those with physical, sensory (hearing or visual), and cognitive impairments. It is increasingly recognized as a fundamental dimension of social justice, human rights, and sustainable development. Ensuring digital inclusion for persons with disabilities is essential for promoting equal opportunities in education, employment, social participation, and independent living, thereby contributing to their full integration into society.

The Importance of Digital Inclusion for Persons with Disabilities

The rapid development of digital technologies is currently influencing most areas of modern society. This process covers a wide range of domains—from everyday life to employment, education, commerce, banking, and public services—creating significant opportunities. However, it also increases the need to ensure equal access to digital resources. This issue is particularly important for the integration of persons with disabilities into society and for improving their overall well-being.

Globally, there are various examples demonstrating how digitalization can enhance the quality of life for persons with disabilities. For instance, a report conducted in the United States indicates that "during the COVID-19 pandemic, individuals with disabilities who had access to the internet and possessed digital skills experienced lower levels of unemployment compared to those who lacked such skills" [1]. Another study highlights that "digital technologies serve as a crucial tool in facilitating the social integration of persons with disabilities and contribute to improving their quality of life" [2]. This finding indicates that digital inclusion and the development of digital skills play a crucial role in enhancing employment opportunities and social participation for persons with disabilities. Furthermore, digital technologies function not only as tools for communication and access to information, but also as effective instruments that strengthen the integration of persons with disabilities into society and expand their social, economic, and educational opportunities. According to the European Union's Strategy for the Rights of Persons with Disabilities 2021–2030, "the digital transition driven by technology, artificial intelligence, and ICT presents both risks and opportunities for persons with disabilities. Ensuring the accessibility of digitalization for them, increasing digital literacy, and providing opportunities for the effective use of technological tools are considered key priorities" [3]. The organization emphasizes that the transition to the digital world creates numerous new opportunities; however, not everyone is able to benefit from these opportunities equally. For some individuals, the use of digital technologies remains limited due to both technical complexity and restricted accessibility.

The opportunities created by inclusive digitalization, along with the use of new technological devices and applications, can play a significant role in improving the daily lives of persons with disabilities. For example, individuals with visual impairments can easily interact with devices through voice-controlled applications such as Siri, Google Assistant, and Alexa. In addition, screen readers and high-contrast interface designs facilitate access to information and enable them to use various online services more effectively.

For individuals with hearing impairments, there are applications that support sign language recognition, as well as video materials with subtitles and visually based notification systems. Such technologies provide essential support in everyday communication and promote more active participation in social life.

For individuals with mobility impairments, smart home systems provide substantial benefits. For instance, smart home technologies that manage household tasks allow them to carry out many activities without requiring physical effort. "Smart" technologies enhance quality of life not only within the home environment but also in public spaces. For example, "hospital navigation systems enable individuals to move more independently and access necessary medical services with greater ease. These systems help prevent time loss, reduce stress, and improve the accessibility of healthcare services for people with physical limitations. Moreover, automated transportation services—such as passenger lifts, specially designed buses, and accessible taxis—facilitate their integration into social life" [4].

Reports by the World Economic Forum also indicate that digital technologies make a significant contribution to improving the living conditions of persons with disabilities and enhancing their effective integration into society. In particular, in areas such as fintech (financial technologies), edtech (educational technologies), and remote work, digital innovations help reduce disability-related barriers and promote greater inclusion. "In the fintech sector, digital financial services enable persons with disabilities to access banking systems more easily by reducing the need for physical travel and overcoming mobility-related barriers. Edtech, in turn, provides opportunities for remote learning, making education more accessible and personalized. Through online education platforms, students with disabilities can also study on equal terms with their

peers. Similarly, remote work expands employment opportunities for persons with disabilities and allows for more flexible and individually adapted working conditions" [5]. The use of these technologies provides individuals in this category with greater independence and flexibility in accessing financial services, education, and employment opportunities. This, in turn, represents an important step toward building a more inclusive society.

Factors hindering digital inclusion

There are various reasons for the low level of internet use among persons with disabilities. The main factors include "the high cost of internet services, limited ability of some individuals with disabilities to use technological devices (for example, being unable to use a keyboard, inability to sit for long periods, etc.), and insufficient digital skills" [6]. In a study on the digital divide among persons with disabilities, it is noted that "the digital divide is intersected by factors such as educational level, socioeconomic status, place of residence, occupational status, and individual characteristics" [7].

Among the factors that hinder persons with disabilities from benefiting from digitalization, several barriers are identified, "including technical obstacles such as lack of internet access and insufficient assistive technologies, absence of digital skills, the fact that many websites and applications do not meet inclusive design principles, as well as social and psychological factors" [8]. These factors limit the use of digital spaces by persons with disabilities. While technical barriers and a lack of digital skills directly reduce access opportunities, social and psychological factors weaken users' motivation, ultimately deepening the digital divide.

In addition, individuals who do not have internet access at home often need to visit public cafés or dedicated facilities to connect online. However, in doing so, they face infrastructural barriers such as transportation difficulties, lack of wheelchair accessibility, and absence of elevators, which further restrict their ability to use digital services.

Currently, significant measures are being implemented worldwide to ensure universal access to the internet. In this process, international organizations support the promotion of digital inclusion by providing governments with various recommendations and policy guidelines. The Council of Europe emphasizes that public authorities should take initiatives to facilitate internet access for persons with disabilities, stating that "states should provide appropriate opportunities for users with disabilities to access the internet and ICT. They should promote accessible access by taking into account the importance of design for these individuals, the need for awareness-raising, the usability and attractiveness of access to the internet and services, as well as their adaptability and compatibility" [9]. The World Wide Web Consortium (W3C), an international organization that develops standards to ensure universal access to the internet, emphasizes that web accessibility is particularly important today. The organization notes that many websites and digital tools are currently designed in ways that make their use difficult or even impossible for some users, especially persons with disabilities. As highlighted by the W3C, proper design and coding of websites and web tools enable persons with disabilities to effectively use digital environments, demonstrating that the application of inclusive principles in web design and programming plays a crucial role in reducing the digital divide [10].

Current situation of digital inclusion for persons with disabilities in Azerbaijan

In Azerbaijan, although there are no direct legal documents specifically regulating digital inclusion for persons with disabilities, this issue is indirectly addressed within existing legislation and regulatory frameworks. The Law on the Rights of Persons with Disabilities does not explicitly define the accessibility of digital technologies for these individuals; however, it includes provisions related to supporting their social integration and independent living [11]. This, indirectly, creates a legal basis for the development and implementation of measures aimed at ensuring digital inclusion.

The "Requirements for the Creation and Management of Internet Information Resources of State Bodies," approved by the Cabinet of Ministers, also include provisions regarding the accessibility of web resources for persons with disabilities [12]. In 2020, amendments were made to the legislation governing the creation and management of internet information resources of state bodies in Azerbaijan, introducing requirements to ensure accessibility for persons with disabilities in the development of online resources. Specifically, the accessibility of internet information

resources must be “ensured in accordance with requirements such as providing text alternatives for non-text content, transcripts for audio and video materials, subtitles, the use of large fonts, color management, and the inclusion of time-adjustment functions, among others” [13].

These legislative acts serve as a legal foundation for the integration of persons with disabilities into the digital world and for ensuring digital inclusion, forming the basis of policies aimed at improving digital accessibility in the country.

As in the rest of the world, Azerbaijan also faces several challenges in ensuring digital inclusion. One such issue is the low level of digital skills among the population. According to an assessment conducted by the International Telecommunication Union (ITU), the United Nations specialized agency for digital technologies, “only 23% of the population aged 25–74 in Azerbaijan possess at least basic digital skills. These individuals are able to use digital tools to participate in society, the economy, and working life in a confident, responsible, and safe manner” [14]. The document also notes that this result presents a valuable opportunity to implement targeted training and development programs aimed at reducing digital skills gaps in the country.

Nevertheless, as in many other countries, an increasing trend is observed in Azerbaijan in the use of computers, the internet, and mobile phones among persons with disabilities. This development indicates that access opportunities to digital services for persons with disabilities are expanding and that tangible steps are being taken toward building a more inclusive society. Statistical data also show a rise in the level of digital technology use among individuals in this category (Table 1).

Table 1. Use of ICT among persons with disabilities in Azerbaijan, *in percentage terms*

	2021	2022	2023	2024	Compared to 2021, in 2024, *percentage points*
Share of computer users relative to the total number of users	0,7	2,0	2,6	2,6	1,9
Share of internet users relative to the total number of users	4,1	6,3	8,4	4,3	0,2
Share of mobile phone users relative to the total number of users	4,5	5,3	7,0	3,8	-0,7

Source: https://stat.gov.az/source/digital_development/az/002_10.xls

The share of computer users increased from 0.7% to 2.6% between 2021 and 2024. In other words, an increase of 1.9 percentage points (p.p.) was observed. However, the level of computer use remained stable in 2023 and 2024.

The share of internet users increased from 4.1% in 2021 to 8.4% in 2023; however, in 2024 this indicator declined to 4.3%.

The share of mobile phone users increased from 4.5% in 2021 to 7.0% in 2023. However, in 2024 it decreased to 3.8%, representing a decline of 0.7 percentage points compared to 2021.

Overall, although an upward trend is observed in some periods, the level of ICT use among persons with disabilities remains low. These indicators demonstrate certain improvements in access to digital technologies; however, their proportion relative to the total user population is still very limited. This underscores the need for further measures, training initiatives, and technological adaptation in the field of digital inclusion. In order to expand the effective and equitable use of digital technologies by persons with disabilities, it is essential to ensure the usability and accessibility of websites and applications, as well as to continue and strengthen efforts aimed at improving digital skills.

Thus, the analysis demonstrates that the use of digital technologies by persons with disabilities plays an important role in promoting social inclusion and independent living. Although the use of digital technologies among persons with disabilities in Azerbaijan has increased, infrastructural constraints, the lack of assistive technologies, and low levels of digital skills

continue to limit their equal participation. Therefore, ensuring the accessibility and inclusiveness of digital services at the national level should be considered a key priority. For this purpose:

- WCAG (Web Content Accessibility Guidelines) compliance should be introduced as a mandatory standard for government websites and mobile applications, which would facilitate access to information for persons with disabilities.
- The expansion of awareness-raising and training programs would help improve the digital skills of persons with disabilities and enable them to apply these skills in their daily lives.
- The direct involvement of persons with disabilities in the development of digital technologies, as well as the consideration of their feedback, should be ensured, as this would create conditions for the development of more accessible and user-friendly technological solutions tailored to their needs.

Reference

1. European Commission. (2021). *Union of equality: Strategy for the rights of persons with disabilities 2021–2030* (COM/2021/101 final). Publications Office of the European Union. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0101
2. Çetin, İ., & Uzun, Y. (2023). Smart cities–smart hospitals: What do hospital navigation systems promise for people with disabilities? In *ENGELSİZ BİLİŞİM 2023: Accessible digital transformation* (pp. 15–26). https://www.engelsizbilisim.org/wp-content/uploads/ENGELSIZ-BILISIM-2023-ENGELSIZ-DIJITAL-DONUSUM-baski.pdf
3. Duplaga, M. (2017). Digital divide among people with disabilities: Analysis of data from a nationwide study for determinants of Internet use and activities performed online. *PLOS ONE*. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179825
4. International Telecommunication Union. (2024). *Azerbaijan digital skills assessment 2023–2024*. https://www.itu.int/pub/publications.aspx?lang=en&parent=D-PHCB-CAP_BLD.05-2024
5. Lorenz, S., Kreuder Schock, M., Kreider, I., Lietz, S., & Schley, T. (2023). Digital participation of people with disabilities – Initial findings on opportunities and challenges of digitalisation in the context of inclusion and qualification for inclusion. *QfI – Qualifizierung für Inklusion, 5*(2). https://doi.org/10.21248/qfi.117
6. Manzoor, M., & Vimarlund, V. (2018). Digital technologies for social inclusion of individuals with disabilities. *Health and Technology, 8*(4), 377–390. https://doi.org/10.1007/s12553-018-0239-1
7. Ministry of Labour and Social Protection of Population of the Republic of Azerbaijan. (n.d.). News archive. https://sosial.gov.az/media/xeberler/3077?hl=az
8. Republic of Azerbaijan. (2012). *Requirements for the creation and management of internet information resources of state bodies*. https://e-qanun.az/framework/24256
9. Republic of Azerbaijan. (2019). *Law on the rights of persons with disabilities*. https://e-qanun.az/framework/39591
10. Rafi, T. (2021, July 5). Technology can level the playing field for people with disabilities in the workforce. *World Economic Forum*. https://www.weforum.org/stories/2021/07/digital-technology-workforce-disabled-people/
11. U.S. Office of Disability Employment Policy. (2022). *Disability and the digital divide: Internet subscriptions, internet use and employment outcomes*.
12. United States Department of Labor. (2022). *Disability and the digital divide: Internet subscriptions, internet use and employment outcomes*. https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ODEP/pdf/disability-digital-divide-brief.pdf
13. Council of Europe, Committee of Ministers. (2014). *Recommendation CM/Rec(2014)6 of the Committee of Ministers to member States on a Guide to human rights for Internet users*. https://rm.coe.int/guide-to-human-rights-for-internet-users-cm-rec-2014-6-in-azerbaijani-/168074c3a4
14. World Wide Web Consortium. (n.d.). *Web accessibility initiative (WAI): Strategies, standards, and supporting resources to make the Web accessible to people with disabilities*. https://www.w3.org/WAI/fundamentals/accessibility-intro/

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ В СТАЦИОНАР: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В СОХРАНЕНИИ "Я-КОНЦЕПЦИИ" ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА.

Долова Р.А. *- студентка 2 года обучения магистратуры направление подготовки «Социальная работа», ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.*

Азаматова Г.К. *- кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.*

Аннотация: Статья посвящена анализу кризиса идентичности, возникающего у пожилых людей при переходе в стационарные учреждения социального обслуживания. В работе раскрываются психологические и социальные механизмы трансформации «Я концепции», рассматриваются факторы, способствующие или препятствующие сохранению личностной целостности в новых условиях. Особое внимание уделяется роли социального работника как ключевого специалиста, обеспечивающего поддержку и сопровождение пожилого человека на этапе адаптации. Предложены практические рекомендации по организации социально психологической помощи, направленной на сохранение позитивной идентичности и профилактику дезадаптации.

Ключевые слова: кризис идентичности, пожилой человек, стационар, социальная адаптация, «Я-концепция», социальный работник, геронтологическая помощь, социализация, терапия занятостью, психологическое сопровождение

IDENTITY CRISIS DURING HOSPITALIZATION: THE ROLE OF A SOCIAL WORKER IN PRESERVING AN ELDERLY PERSON'S SELF-CONCEPT.

Dolova Rina Anzorovna*, 2nd year master's student in the field of social work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (Nalchik, Russia).*

Co-author: Azamatova Guljan Kamilovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (Nalchik, Russia).

Annotation: The article is devoted to the analysis of the crisis of identity that arises in elderly people when they move to inpatient social service facilities. The paper reveals the psychological and social mechanisms of the transformation of the "I-concept" and examines the factors that contribute to or hinder the preservation of personal integrity in new conditions. Special attention is paid to the role of a social worker as a key specialist who provides support and guidance to elderly people during the adaptation process. The article offers practical recommendations for organizing social and psychological assistance aimed at preserving positive identity and preventing maladaptation.

Keywords*:* Identity crisis, elderly person, hospital, social adaptation, self-concept, social worker, gerontological assistance, socialization, occupational therapy, and psychological support.

Демографическое старение населения является одной из ключевых характеристик современного общества, в том числе и в Российской Федерации. Увеличение доли граждан пожилого и старческого возраста актуализирует вопросы качества их жизни, социальной защиты и психологического благополучия. Особую остроту приобретает проблема перехода пожилых людей из привычной домашней среды в учреждения стационарного социального обслуживания (дома-интернаты, пансионаты, геронтологические центры). Данный процесс, часто вынужденный из-за ухудшения здоровья или потери способности к самообслуживанию, сопряжен с глубоким психологическим стрессом, который в научной литературе нередко определяется как «кризис идентичности.

Переезд в стационар воспринимается пожилым человеком не просто как смена места жительства, а как радикальная трансформация социального статуса, утрата автономии и

разрушение привычного уклада жизни. В этой ситуации под угрозой оказывается «Я-концепция» — целостное представление человека о самом себе, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Разрушение Я-концепции ведет к депрессивным состояниям, ускорению когнитивного спада и феномену «выученной беспомощности» [2].

В системе социальной защиты ключевым субъектом, способным смягчить негативные последствия институционализации, выступает специалист по социальной работе. Однако традиционная модель социальной помощи часто фокусируется на удовлетворении базовых физиологических потребностей (питание, гигиена, медицинский уход), упуская из виду экзистенциальные и психосоциальные аспекты. Целью данной работы является анализ природы кризиса идентичности при переходе в стационар и определение конкретных технологий социальной работы, направленных на сохранение и поддержку Я-концепции пожилого человека.

Понимание механизмов кризиса идентичности невозможно без обращения к фундаментальным теориям развития личности. В психологии старения центральное место занимает теория психосоциального развития Эрика Эриксона. Согласно его концепции, заключительная стадия жизненного цикла (поздняя взрослость) характеризуется конфликтом между «целостностью эго» (ego integrity) и «отчаянием» (despair) [3]. Успешное прохождение этой стадии подразумевает принятие своего жизненного пути как единственно возможного и необходимого, что формирует мудрость. Однако переезд в учреждение стационарного типа часто дестабилизирует этот баланс.

Я-концепция пожилого человека — это динамическая система, которая, вопреки стереотипам, продолжает развиваться и в старости. Она опирается на три основных столпа:

Физическое «Я»: восприятие своего тела, здоровья, возможностей. В старости этот компонент часто подвергается негативной переоценке из-за болезней.

Социальное «Я»: система ролей (бабушка, ветеран труда, сосед, член клуба). Переезд в интернат обрывает многие социальные связи, лишая человека привычных ролей.

Личностное «Я»: внутренние ценности, воспоминания, убеждения. Этот компонент наиболее уязвим в условиях регламентированной жизни учреждения, где личное пространство и время строго ограничены [4].

Российский исследователь Е.И. Холостова отмечает, что в отечественной практике социальной работы долгое время доминировал патерналистский подход, рассматривающий пожилого человека как пассивного получателя услуг [5]. Такой подход игнорирует субъектность клиента, что напрямую бьет по его Я-концепции. Если социальный работник общается с подопечным исключительно как с «объектом ухода», тот неизбежно начинает воспринимать себя как «груз» или «пациента», что ускоряет социальную деградацию.

Важно также учитывать культурный контекст. В российской ментальности дом имеет сакральное значение. Потеря дома воспринимается как утрата части души, связи с предками и личной историей. Поэтому кризис идентичности при переходе в стационар в России часто протекает острее, чем в культурах с более мобильным отношением к жилью. Социальный работник должен понимать эту специфику, чтобы грамотно выстраивать коммуникацию.

Процесс помещения пожилого человека в учреждение стационарного социального обслуживания сопровождается специфическим психологическим состоянием, которое в зарубежной литературе обозначается как синдром стресса от переезда. В российской практике этот феномен изучен менее подробно, однако наблюдения практиков подтверждают его наличие.

Симптоматика кризиса идентичности при институционализации включает в себя:

Дезориентацию во времени и пространстве. Отсутствие привычных ориентиров (своя мебель, вид из окна, маршрут до магазина) вызывает тревогу.

Утрату контроля. В стационаре режим дня, меню и распорядок диктуются администрацией. Пожилой человек теряет возможность принимать даже мелкие бытовые решения (когда пить чай, когда спать), что подрывает чувство автономии.

Ролевую неопределенность. Дома человек мог быть хозяином, опекуном для внуков, хранителем традиций. В интернате он становится «проживающим» или «подопечным». Эта ролевая редукция сужает пространство личности.

Социальную изоляцию внутри коллектива. Парадоксально, но проживание в группе людей не гарантирует социального контакта. Часто возникают конфликты, замкнутость, формирование иерархий среди проживающих, где слабый оказывается на обочине[7].

Особую опасность представляет феномен «институционализма». Это состояние, при котором человек настолько адаптируется к жестким правилам учреждения, что теряет способность к самостоятельной жизни за его пределами. Он перестает проявлять инициативу, ждет указаний, его речь упрощается, эмоциональный фон становится плоским. Для Я-концепции это смертельно: человек перестает ощущать себя автором своей жизни.

Кризис усугубляется, если решение о переезде было принято без участия самого пожилого человека (например, родственниками или органами опеки в принудительном порядке). В таком случае к стрессу переезда добавляется чувство предательства и беспомощности. Задача социального работника на этом этапе — не допустить перехода ситуативного стресса в хроническую депрессию. Необходимо понимать, что сохранение Я-концепции является не просто гуманитарной, но и медицинской необходимостью, так как психологическое состояние напрямую влияет на соматическое здоровье и иммунитет [8].

Роль специалиста по социальной работе в период перехода и адаптации является центральной. Он выступает медиатором между пожилым человеком, администрацией учреждения, медицинским персоналом и родственниками. Деятельность социального работника можно разделить на несколько ключевых направлений.

Работа начинается до фактического переезда. На этом этапе критически важно провести комплексную биопсихосоциальную диагностику. Социальный работник должен выяснить не только медицинские показания, но и структуру личности клиента.

Согласно Федеральному закону № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», социальное обслуживание должно базироваться на индивидуальной программе предоставления социальных услуг. Однако на практике ИППСУ часто носит формальный характер. Социальный работник должен наполнить этот документ реальным содержанием, включив в него пункты, направленные на поддержание идентичности. Например, право на хранение личных вещей в комнате, возможность посещения определенных мероприятий вне учреждения, сохранение контактов с конкретными людьми.

Важным элементом подготовки является честный и эмпатичный разговор с пожилым человеком. Необходимо объяснить причины переезда, не скрывая трудностей, но акцентируя внимание на преимуществах (безопасность, доступность медицины, общение). Социальный работник помогает клиенту «упаковать» свою жизнь: отобрать фотографии, любимые книги, предметы быта, которые создадут островок привычного мира в новой обстановке.

После переезда начинается самый сложный этап. Здесь применяются следующие технологии:

- **Биографическая работа.** Метод, основанный на воспоминаниях. Социальный работник помогает клиенту структурировать его жизненный опыт, записать мемуары, создать фотоальбом. Это легитимизирует прошлое человека, показывает, что его жизнь имела ценность. В групповой форме это может быть «клуб воспоминаний», где проживающие делятся историями из молодости. Это укрепляет социальное «Я» через признание со стороны группы [10].
- **Терапия средой.** Социальный работник выступает инициатором персонализации жилого пространства. Даже в условиях казенного интерьера можно выделить личную зону: повесить шторы, поставить свои фотографии, расположить мебель привычным образом. Это сигнализирует подсознанию: «Это мое пространство, я здесь хозяин».
- **Поддержание автономии в принятии решений.** Даже в условиях регламента необходимо оставлять пространство для выбора. Социальный работник может организовать систему, при которой проживающие сами выбирают меню на ужин, время прогулок или

тематику досуга. Возвращение права голоса — мощнейший инструмент восстановления Я-концепции.

- **Волонтерское наставничество.** Если пожилой человек в прошлом имел профессию (учитель, инженер, врач), социальный работник может организовать условия, при которых он сможет передавать опыт. Например, проводить кружки для других проживающих или помогать персоналу в консультативной функции. Возвращение роли «эксперта» или «наставника» резко повышает самооценку.

Кризис идентичности часто подпитывается ощущением покинутости. Социальный работник должен выступать медиатором в отношениях между клиентом и его родственниками. Необходимо информировать семью о том, что частые визиты, телефонные звонки и вовлечение пожилого человека в решение семейных вопросов (даже в качестве советчика) критически важны для его психики. Социальный работник может организовать «семейные советы», где обсуждаются планы на праздники, дни рождения, чтобы пожилой человек чувствовал себя частью клана, а не изолированным объектом заботы государства [11].

В сложных случаях социальный работник выполняет функцию адвоката (защитника) прав клиента. Если персонал учреждения нарушает права проживающего (грубость, игнорирование просьб, ограничение в передвижении), социальный работник обязан вмешаться. Защита границ личности является прямым вкладом в сохранение Я-концепции. Пожилой человек должен знать, что есть специалист, который на его стороне и слышит его голос.

Деятельность социального работника по сохранению идентичности пожилого человека сопряжена с рядом этических сложностей. Основной дилеммой является баланс между безопасностью и автономией. Например, пожилой человек с деменцией может настаивать на том, чтобы гулять одному, что опасно, но ограничение его свободы разрушает его ощущение самостоятельности. В таких случаях социальный работник должен руководствоваться принципом «наименьшего ограничения», пытаясь найти компромиссные решения, сопровождаемая прогулка, использование трекеров вместо запирания дверей.

Конфиденциальность также является краеугольным камнем. История жизни пожилого человека, его привычки и особенности не должны становиться предметом обсуждения в персонале без необходимости. Уважение к тайне личной жизни — это уважение к границам «Я».

Правовая основа деятельности социального работника в РФ закреплена в Федеральном законе № 442-ФЗ и Стандартах социального обслуживания. В частности, Стандарт требует уважения достоинства получателя социальных услуг. Однако на практике реализация этих норм зависит от компетентности конкретного специалиста. Необходимо внедрение в стандарты подготовки социальных работников модулей по геронтопсихологии и основам биоэтики. Без понимания внутренней жизни пожилого человека техническое оказание услуг не может считаться полноценной социальной работой.

Еще одним аспектом является проблема согласия. При переходе в стационар часто оформляется множество документов. Социальный работник обязан убедиться, что пожилой человек понимает суть этих документов и дает информированное добровольное согласие. Если человек находится в состоянии аффекта от переезда, его подпись может быть формальной. Задача специалиста — отследить психоэмоциональное состояние и, при необходимости, отсрочить подписание второстепенных документов до стабилизации состояния клиента.

Таким образом, переход пожилого человека в учреждение стационарного социального обслуживания является одним из самых драматичных событий позднего этапа жизни. Риск утраты идентичности, растворения личности в институциональной системе и развития депрессивных состояний крайне высок. В этих условиях роль социального работника выходит далеко за рамки бюрократического оформления услуг. Он становится хранителем личности клиента, тем, кто помогает сохранить нить связи между прошлым, настоящим и будущим человека.

Сохранение «Я-концепции» — это не абстрактная гуманитарная задача, а необходимое условие качественного старения. Пожилой человек, сохраняющий чувство собственного достоинства, автономию и социальную значимость, лучше адаптируется к новым условиям, реже болеет и проживает более насыщенный жизнью период.

Эффективность работы социального работника в этом направлении зависит от нескольких факторов: уровня его психологической подготовки, гибкости учреждения, готовности идти навстречу индивидуальным потребностям клиента, и, безусловно, от поддержки со стороны государства в виде финансирования не только материального, но и психосоциального сопровождения.

Внедрение технологий биографической работы, персонализации среды, поддержки семейных связей должно стать стандартом деятельности любого стационарного учреждения. Только переход от патерналистской модели «опеки» к партнерской модели «сопровождения» позволит минимизировать кризис идентичности и обеспечить пожилым людям право на достойную старость, где они остаются субъектами своей жизни до самого конца.

Список источников и литературы:

1. *Антонова Н.В.* Проблема идентичности в современной психологии // Вопросы психологии. — 2018. — № 3. — С. 15-24.
2. *Бернштейн М.С.* Выученная беспомощность и депрессия у пожилых людей в домах престарелых // Геронтология. — 2019. — Т. 12. — С. 45-52.
3. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
4. *Холостова Е.И.* Социальная работа с пожилыми людьми: Учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. — 380 с.
5. *Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г.* Социальная геронтология: Учебник для вузов. — М.: Владос, 2017. — 224 с.
6. *Bailly, D.* Relocation Stress Syndrome in Elderly Nursing Home Residents // Journal of Gerontological Nursing. — 2015. — Vol. 41(5). — P. 12-19.
7. *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. — New York: Anchor Books, 1961. — 380 p.
8. *Краснова О.В.* Психологические проблемы старости и качество жизни пожилых людей // Психологический журнал. — 2016. — Т. 37. — № 2. — С. 89-98.
9. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 52 (часть I). — Ст. 7007.
10. *Кеппелл-Вуд С.* Терапия воспоминаниями в работе с деменцией: Практическое руководство. — СПб.: Питер, 2021. — 160 с.
11. *Шапиро С.Б.* Семья и пожилой человек: проблемы взаимодействия в условиях институционализации // Социальная политика и социология. — 2019. — № 4. — С. 112-120.
12. *Ткаченко А.А.* Этические принципы в социальной работе с пожилыми: Учебно-методическое пособие. — М.: МГСУ, 2018. — 95 с.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ

Желиготова Р.М. *- к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*
Желиготов Т.В. *- студент 4 к. направления подготовки «Строительство», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению семьи как фактора формирования семейных ценностей у подрастающего поколения, молодежи. Семья, являясь первичным агентом социализации и играет важнейшую роль в формировании и усвоении ценностей подрастающим поколением.

Ключевые слова: молодежь, семья, ценности, подрастающее поколение, семейные ценности, молодое поколение.

FORMATION OF FAMILY VALUES AMONG YOUNG PEOPLE

Zheligotova R.M. *- PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*
Zheligotov T.V. *- 4th year student of the Department of Construction, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*

Abstract: The article is devoted to the consideration of family as a factor in the formation of family values among the younger generation and youth. The family is the primary agent of socialization and plays a crucial role in shaping and imparting values to the younger generation.
Keywords: youth, family, values, the younger generation, family values, the younger generation.

Молодежь - социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации [1].

Возраст отдельного человека - это не просто и не только количество прожитых им лет, а количество лет жизни в совокупности с тем, что принято называть духовным богатством личности, тем внутренним содержанием, которым один человек отличается от другого. Эта та неповторимость и оригинальность личности, о которой говорят, что нет в мире двух одинаковых людей. Все это является результатом жизненного пути человека, который он проходит в определенном историческом отрезке времени.

Индивидуальное развитие человека совершается во времени и находит выражение в возрастных характеристиках, отражающих условия жизни, воздействия среды, воспитания и ведущего вида деятельности. В различные периоды жизни соотношение социального и биологического в личности неодинаково. Ребенок приобщается к социальным условиям жизни с первых дней появления на свет в семье, которая как социокультурное образование постоянно изменяется, приспосабливаясь к новым обстоятельствам. Усваивая, ценности семейной социокультурной среды ребенок тем самым становится носителем семейных ценностей. Будучи членом семьи, часто действует от ее имени и отстаивает семейные интересы и цели в различных учреждениях и сферах подросток остается носителем ее ценностей. Любая семья, либо в качестве социального института, либо в качестве группы, уникальна и в том плане, что она в своем роде, по своей сути является единственной: больше таких семей нет. Это положение способствует формированию у подростков в семье особого отношения к ней, которое закрепляется и в общественном мнении. Известно, что сама по себе уже только одна принадлежность к той или иной семье, фамилии или роду дает немало поводов для радости и гордости или для огорчения. Формируются различные чувства и установки, связанные с достоинством, превосходством или какими-то недостатками.

Дети среди семейных ценностей играют особую, связующую роль. Для подростка, молодого человека это осуществляется посредством выполнения функций сына, дочери. Они олицетворяют собой один из вечных смыслов жизни человека. Их ценность родители видят в том, что они способствуют гармоничному развитию семьи. Как для личности, так и для семьи ценность детей определяется их наличием, т.е. она реализуется в ходе совместной супружеской жизни. А для индивида видеть итог своих действий уже само по себе представляет определенную ценность. Дети выполняют и ряд специфических функций, например, как наследники - продолжатели рода и фамилии, как опора в старости. Они необходимы и обществу, но в особой, трансформированной форме. Общество не может обойтись без учеников, студентов, солдат, рабочих. Многофункциональная ценность детей особенно заметна в областях воспитания, обучения и нравственности: каким-то образом именно в детях сосредоточена абсолютная и вечная ценность всей человеческой культуры.

Значимость молодежи как носителей семейных ценностей определяется в культуре тем, что они олицетворяют собой будущее человечества. Любая ценность может характеризоваться как вечная, абсолютная и общечеловеческая лишь тогда, когда она связана с будущим, наполнена его потенциями.

С возрастом влияние социального на него усиливается и становится ведущим. Высокий уровень материального благосостояния общества и его культур ускоряет темп интеллектуального развития человека. Все это свидетельствует о том, что возраст - категория изменчивая, поэтому можно считать допустимым несовпадение в разные исторические эпохи как верхних, так и нижних границ возрастных периодов. Совершенно очевидно, что эти несовпадения связаны с общественно-исторической природой человека.

Юность - промежуточная стадия между детством и зрелостью. Это период выбора профессии, начала трудовой деятельности, вступления в половую жизнь. Кроме того, юность-это период кризиса переходного возраста, когда происходит переоценка ценностей и возникает критическое отношение к окружающему миру.

В юношеский период идет формирование самосознания и собственного мировоззрения, этап принятия ответственных решений, этап человеческой близости, когда ценности дружбы, любви, интимной близости могут быть первостепенными.

Юношеский период молодежи неразрывно связан с семьей, потому что именно она является первичной средой социализации подрастающее поколение является носителем ее ценностных ориентации поэтому и представляет несомненный интерес для исследования.

В зависимости от продолжительности формирования социально-экономических и профессиональных качеств социальное и профессиональное становление, например: молодого рабочего в основном завершается к 25 годам, а молодого ученого - к 35-39.

К молодежным группам относят: учащуюся молодежь, студентов, молодых рабочих и т.д. Относительно однородной и по возрасту и по социальным характеристикам является молодежь, обучающаяся в средних учебных заведениях и студенты, основным видом деятельности которых является учеба и подготовка к будущей жизни.

Разные факторы, определяющие направление социализации, исследователи обычно группируют по уровням воздействия: макро-, мезо- и микроуровневые факторы. А. В. Мудрик объединил их в три группы:

- микрофакторы, к которым относятся явления, оказывающие непосредственное влияние на социализацию личности (семья, группа сверстников, организация и пр.)
- мезофакторы - условия социализации больших социальных групп как реальных (народ, нация, класс), так и номинальных (зрительская аудитория);
- макрофакторы (космос, планета, мир, страна), которые влияют на социализацию всех жителей планеты или больших социальных групп, например, жителей одной страны [2].

Выделенные три группы факторов должны друг друга дополнять и резонировать. Однако такое их гармоничное взаимодействие не является обязательным: возможно и противоречие этих факторов. В условиях социокультурной реальности бесспорно, доминирующая роль в процессе социализации принадлежит факторам макро - и мезоуровней. Большой интерес представляет не только изучение конкретного развертывания процесса социализации подрастающего поколения, но и анализ его противоречий.

Формирование ценностей и ценностных ориентаций наиболее интенсивно осуществляется на начальных этапах, когда формируется личность и происходит его подготовка к взрослой жизни. Особенно велика здесь роль родителей и других членов семьи - первичных агентов социализации, оказывающих непосредственное воздействие на процесс становления подростка. По мере роста ребенка расширяется круг агентов, влияющих на усвоение ценностей и выбор тех или иных из них. В этот процесс включаются дошкольные воспитательные учреждения, затем школьные коллективы, внешкольные учебно-воспитательные заведения, детские теле- и радиопередачи и т. п.

Очень важен юношеский этап (13-19 лет), когда подростки приобретают значительно более широкие знания, завершают формирование основ своей ценностной системы, определяют свое место в социокультурной реальности. Сложность «переходного» периода

во многом обусловлена противоречием между высоким уровнем притязаний молодых людей и их низким возрастным социальным статусом. Кроме того, на этой стадии возможно возникновение параллельных систем ценностей и взглядов на мир, носителями которых выступают родители, школа, сверстники. На этапе зрелости главным становится приобретение и освоение социальных статусов и ролей, активное включение в производственную, общественную, политическую и другие сферы жизни общества. В этот период молодой человек не только конкретно усваивает социальный опыт, но и обновляет его через свою деятельность.

Конечно, этот процесс идет на протяжении всей человеческой жизни. Однако, именно на период юности приходится принятие в общество в качестве полноправного члена. З. Фрейд указал, что и в детском, в том числе, и в раннем детском возрасте происходят события, оказывающие радикальное влияние на всю последующую судьбу. В частности, он особо подчеркивал роль неосознанных конфликтов в формировании личности. Но, начиная с 15 лет, процесс усвоения новых ролей и поиск собственной идентичности становится решающим фактором формирования человеческой личности. Ведь от успешности усвоения ценностей и норм социокультурной среды подрастающего поколения зависит здоровье и жизнеспособность семьи и общества[3].

В традиционном обществе будущее представляется как повторение прошлого и задача решается путем простого воспроизводства тех знаний и умений, которыми владеют его члены. В современном же обществе молодое поколение должно перенять все те навыки и умения, которыми владеют предшествующие поколения, а также подготовиться к встрече с будущим.

Будущее есть не столько повторение, сколько продолжение прошлого, причем зачастую неожиданное и малопредсказуемое. Поэтому подрастающее поколение оказывается перед значительно более трудной задачей - быть готовым к будущему. Но эта же задача стоит и перед семьей и всем обществом. Как отмечает итальянский социолог А. Менегетти, общества, «не обладавшие психической зрелостью, хотя и пытались контролировать ход вещей, оказались разрушены собственными «генераторами силы». Великие изобретения требуют превосходящих их потомков» [4].

Если в архаичном или средневековом социуме подрастающее поколение с готовностью принимают роли и идеалы, стремятся следовать тем целям и образцам, которые предписывает им религиозная или родоплеменная этика, то в современном мире нередко наблюдаются случаи бунта, апатии, слепого конформизма, политического или морального радикализма. Все это свидетельствует о крайне непростом положении подростков как носителей семейных ценностей.

Как отмечают социологи, одним из источников трудностей у подрастающего поколения как носителя семейных ценностей является переход от традиционного общества, где опыт был синонимом мудрости, к современному обществу, в котором ситуация существенно иная. В быстро изменяющемся мире «в основе продвижения людей по ступеням карьеры лежит не старшинство по возрасту, а скорее достоинства и заслуги, в результате чего это продвижение осуществляется различными темпами, хотя в этом отношении их карьеры значительно отличаются друг от друга. Кроме того, высокое профессиональное положение - вещь непрочная, зависящая от сохранения высокого качества работы, а не от прошлых заслуг, какими бы превосходными они не были» [5].

Параллельно с новыми возможностями в социокультурной реальности возрастает и социальное давление на подрастающее поколение как носителя семейных ценностей. Потому что семейные ценности оцениваются подрастающим поколением все-таки первоначально как - бы «со стороны», лишь постепенно переходя в стадию «брожения». Пока еще семья постепенно вводит подростка в социокультурную среду, часто возникают отношения, порождающие лишь контурное желание в ней оказаться.

Характерным следствием данной ситуации становится недоверие к тем схемам, которые предлагает молодым, общество в лице старших поколений, готовых передавать свой собственный опыт. Этот фактор вместе с конфликтом поколений становится отличительной

чертой подрастающего поколения как носителя семейных ценностей. Среди других факторов следует отметить изменившиеся функции семьи и образования.

Таким образом, современное подрастающее поколение как носитель семейных ценностей в процессе адаптации к нынешней социокультурной реальности вынуждено использовать семейную систему ценностей, многослойную и противоречивую, приспосабливая ее к современным условиям. То, что не удается приспособить, приходится изменять или даже заменять на принципиально иное, иногда альтернативное.

Особое значение для характеристики подрастающего поколения как носителя семейных ценностей имеет ее отношение к таким важнейшим социальным ценностям как свобода и ответственность. Стремление к свободе ярко проявляется именно в молодом возрасте. Однако это стремление является во многом интуитивным и эмоциональным, ибо отсутствие должного жизненного опыта не связывает еще свободу с ответственностью. В социологии, социальной философии и этике принято различать два смысла слова свобода: негативный и позитивный: «свобода - от» и «свобода - для».

Нет никаких сомнений в том, что интуитивное стремление к свободе вообще оборачивается для молодого поколения стремлением к негативной свободе, т.е. свободе от всяческих ограничений. Ведь молодые люди еще не осознали неразрывную связь подлинной свободы с ответственностью. Данное обстоятельство служит причиной особого напряжения в социализации молодого поколения, а также участвует во всех без исключения проявлениях молодежной девиантности.

Сложность и противоречивость процесса вступления молодежи в самостоятельную жизнь порождает различные формы молодежного протеста, в том числе асоциальные: преступность, наркомания, «сексуальная свобода» и т.п., специфичную молодежную субкультуру.

Ценностное сознание молодого поколения не является постоянным: оно зависит от социокультурной динамики в значительно большей степени, чем сознание других социальных групп.

Молодой человек в своей жизни нуждается в надежных ориентирах. Без прочной опоры на социальные и семейные ценности, существующие в коллективных представлениях людей, ему трудно обрести личностный смысл своего существования, определить цели, рассчитанные на ближайшую и отдаленную перспективы, выбрать адекватные действия в направлении этих целей.

Не менее значимой является этнокультурная и этнорелигиозная дифференциация. Порой именно она оказывается причиной различий в моральной оценке или принятии решений.

Наряду с семейными ценностями, этнические, религиозные и культурные сообщества во многом предопределяют господствующую картину мира, стиль мышления и мотивы социально значимых поступков подрастающего поколения. Эти же стереотипы являются фундаментом системы ценностей.

Таким образом, молодежь, подрастающее поколение в современных условиях переживает процесс активного формирования и становления именно в семье. В тоже время семья как социокультурная среда испытывает изменения, которые происходят в обществе на нынешнем этапе. Это ведет к тому, что на молодежь оказывают влияния разнообразные нередко противоречивые друг другу социальные ценности как со стороны семьи, так и социокультурной реальности. Эта особенность формирования ценностных ориентации подрастающего поколения дополняется трансформацией, происходящей в российском обществе, что усиливает нестабильность и противоречивость ценностных ориентации молодежи.

Список литературы:

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979. [Электронный ресурс]. URL: https://djvu.online/file/bZ3siopCdy58e (дата обращения 17.03.2025г.)
2. Мудрик А.В. Социальная педагогика. Учебник. М.,2013г. [Электронный ресурс]. URL: https://kao.kg/wp-content/uploads/2019/11/Мудрик-А.В.-Социальная-педагогика.pdf (дата обращения 17.03.2025г.)

3. Болотова А.К. Психология развития и возрастная психология. Учебное пособие. М., 2012, ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://kartaslov.ru/книги/А_К_Болотова_Психология_развития_и_возрастная_психология_Учебное_пособие/2 (дата обращения 22.03. 2025г.)
4. Ильин А.Н. Проникновение культуры потребления в сферу образования. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» [Электронный ресурс]. URL:https://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/5/Ilyin_Penetration-of-Consumption-Culture/ (дата обращения 22.03. 2025г.)
5. Часовская Л.А. Подростающее поколение как носитель семейных ценностей [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1969 (дата обращения 22.03. 2025г.)

ФУНКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Карпикова И.С. *– к.э.н., доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск, Россия.*
Шерстянникова Л.А. *– студент магистратуры направления Социальная работа, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск, Россия.*

Аннотация. В статье определены роль и функции социокультурных технологий, применяемых в социальной работе. Отмечена специфика их применения в работе со студентами. На основе результатов социологического исследования в одном из вузов Иркутской области сделаны выводы о преобладании в социальной работе со студентами социализирующей, адаптационной и коммуникационной функций реализуемых социокультурных технологий.
Ключевые слова*:* социокультурные технологии, социальная работа, функции социокультурных технологий, студенческая молодежь.

FUNCTIONS OF SOCIO-CULTURAL TECHNOLOGIES IN SOCIAL WORK WITH STUDENTS

Karpikova I.S., Sherstyannikova L.A. *– Baikal State University, Irkutsk, Russia*

Annotation. *The article defines the role and functions of sociocultural technologies used in social work. It highlights the specifics of their application in working with students. Based on the results of a sociological study conducted at a university in the Irkutsk region, the article concludes that the socializing, adaptive, and communicative functions of sociocultural technologies are predominant in social work with students.*
Keywords*: sociocultural technologies, social work, functions of sociocultural technologies, and student youth.*

Социокультурные технологии, относясь к комплексным социальным технологиям, широко применяются в различных сферах жизнедеятельности: культура и искусство, педагогика, физкультура и спорт, туризм и многие другие. В последние годы наблюдается все более широкое применение социокультурных технологий в социальной работе с различными группами населения. В данной работе будет рассмотрено применение социокультурных технологий в социальной работе с такой особой категорией как студенты, что предопределяет необходимость изучения специфики как самих технологий, так и реализуемых ими функций.

Отметим, что определения социокультурных технологий (в ряде случаев их называют социально-культурными) в научной литературе характеризуются значительным разнообразием в зависимости от контекста, который учитывается и рассматривается исследователями. Н. В. Шарковская дает следующее определение социально-культурных технологий: «социально-культурная технология — это упорядоченность специальных приёмов социально-контактных воздействий, применяемых для решения ситуативных задач с целью

конструирования условий активизации культурной жизнедеятельности субъектов, обеспечения реализации их досуговых потребностей, потенциальных творческих способностей и любительских интересов» [1, с. 100].

Е. В. Дружинина акцентирует внимание на различных видах социокультурных технологий, которые нацелены на развитие общества и личности. В соответствии с данным ею определением «социально-культурные технологии — это совокупность методов и приемов, используемых для организации и реализации социально-культурной деятельности. Они включают в себя различные виды искусства, науки, образования, спорта, туризма и другие сфер, направленные на развитие личности и общества» [2, с. 194].

Важнейшие характеристики социокультурных технологий отмечает Р. А. Литвак. «Социокультурные технологии создают условия социокультурной среды, в которых органично сочетаются процессы социализации и индивидуализации. Их уникальность состоит в том, что они создают условия для достижения социализационных целей и развития индивидуальности личности как субъекта, ее творческих качеств» [3, с. 31].

В социальной работе социокультурные технологии используются для решения широкого спектра задач, к которым относятся:

– обеспечение успешной социализации и адаптации уязвимых групп населения включая лиц с ограниченными возможностями здоровья, молодежь, мигрантов и других посредством вовлечения их в культурно-общественную жизнь;

– содействие развитию личности через раскрытие творческого потенциала и совершенствование межличностного взаимодействия;

– предупреждение социальных дисфункций через снижение проявлений делинквентного поведения и преодоление социальной отчужденности;

– обеспечение реабилитации лиц, переживших травматические или кризисные события, или людей с ограниченными возможностями здоровья посредством специализированных методик, таких как арт-терапия, музыкотерапия, театрализованных практик и других форм работы;

– организация конструктивного досуга, направленного на формирование здоровых моделей отдыха и противодействие асоциальным формам проведения свободного времени;

– создание благоприятной культурной среды, которая обеспечивает сохранение историко-культурных традиций;

– стимулирование гражданской активности через вовлечение людей в общественные инициативы и реализации локальных социально-культурных проектов.

Применение социокультурных технологий в сфере высшего образования также стало предметом рассмотрения в научной литературе, особенно в контексте применения компетентностного подхода [4]. Однако основной фокус таких исследований базируется на изучении роли социально-культурных технологий в формировании базовых профессиональных качеств будущих специалистов, тогда как рассмотрение роли социокультурных технологий в качестве элемента социальной работы со студентами встречается в исследовательских работах гораздо реже. Восполнить данный исследовательский пробел дает возможность рассмотрение вопроса о функциях, которые выполняют социокультурные технологии в различных сферах их применения.

Одними из первых исследователей, рассматривавшими вопрос о функциях социально-культурной деятельности, стали Г. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников [5, с. 97-103]. Ими было отмечено, что все многочисленные функции социокультурных технологий в зависимости от длительности тех или иных этапов развития социально-культурной деятельности условно делятся на две группы:

1) первичные (постоянные, основные, сущностные), присущие большинству социально-культурных институтов;

2) вторичные (вспомогательные, временные, прикладные), которые возникают и исчезают на определенных временных отрезках, получают развитие на том или ином конкретном этапе исторического развития общества.

Развитие данной идеи в последующих работах других авторов [1; 5; 6: 7] и анализ их содержания позволяет обобщить содержание основных сущностных функций.

Социализирующая — способствует интеграции личности в социум, а также освоению норм, ценностей и социальных ролей, действующих в качестве основы для социального ориентирования и адаптации. Социализирующая функция наиболее полно проявляется в педагогических технологиях воспитания, образования, просвещения

Творческая — активизирует развитие креативности, самовыражение и создание новых форм культурной активности как личности, так и группы. Реализуется главным образом с помощью технологий духовного производства, инновации, индивидуального и группового творческого труда.

Воспитательная — направлена на развитие и формирование нравственных, эстетических и гражданско-патриотических ориентиров, а том числе в образовательной среде.

Рекреативная — нацелена на восстановление психологических и физиологических ресурсов, уменьшение уровня стресса и создание условий для здорового отдыха.

Коммуникативная — способствует установлению межличностных и межгрупповых связей, а так же формированию социальной взаимосвязи и культуры участия. Характерна в первую очередь для информационных и информационно-поисковых технологий, технологий общения

В процессе исторического развития социально-культурных технологий наряду с их основными, сущностными функциями хронологически одновременно обнаруживали себя и прикладные, социально востребованные и практически направленные функции. Как уже отмечалось ранее, по отношению к основным прикладные функции являются производными, вторичными. В современном обществе к ним относятся такие функции как образовательная, просветительная, идеологическая, жизнеобеспечивающая, досуговая и другие.

Первичные и вторичные функции социокультурных технологий связаны друг с другом, предполагают и дополняют друг друга. Любая социально-культурная технология выявляет свои исходные, изначальные функции через вторичные, производные. Например, взятая в своем изначальном, сущностном значении досуговая, рекреативная технология останется абстрактной категорией, если мы будем рассматривать ее вне конкретных практически направленных функций: оздоровительных, развлекательно-игровых, творчески развивающих и других.

С позиции применения социокультурных технологий в социальной работе со студентами основную роль играют первичные функции, поскольку результатом их действия является формирование не только профессионально значимых, но и личностно определяемых качеств, позволяющих молодым людям успешно решать сложные, проблемные жизненные ситуации, что является одним из важнейших индикаторов успешности применения технологий социальной работы.

В проведенном авторами исследовании, посвященном различным аспектам применения социокультурных технологий как элемента социальной работы со студентами, одним из элементов изучения и анализа стал вопрос об особенностях реализации функций социокультурных технологий в системе высшего образования. Исследование было проведено в 2024 г. среди студентов одного из государственных вузов Иркутской области. Метод сбора информации — анкетирование, в котором приняли участие 449 чел., представляющих все факультеты (институты) университета. Подавляющее большинство опрошенных составили обучающиеся первого, второго и третьего курсов — более 90,0 %. По уровням образования респонденты разделились практически поровну между теми, кто получает среднее профессиональное образование (одним из структурных подразделений университета является колледж), обучается на программах бакалавриата и специалитета.

В качестве основы для создания инструментария анкетирования был выбран опросник Центра воспитательной работы и кафедры «Организация работы с молодежью» Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина «Концептуальное обоснование воспитательной деятельности». Опросник был адаптирован под тему исследования.

Приведем обзор ответов на некоторые вопросы, характеризующие тему статьи. Прежде всего, отметим, что значительная часть студентов, прошедших опрос, принимает активное участие во внеучебной социокультурной деятельности вуза — 354 чел., или 78,8 % респондентов. Чаще всего студенты принимают участие в культурно-массовых мероприятиях, на втором месте — волонтерская деятельность, третье занимают мероприятия гражданско-патриотического характера.

Изучение личных мотивов участия в социокультурной деятельности позволило выявить, что наиболее значимыми мотивами для опрошенных являются самореализация (69,5 %) и развитие личностных качеств (62,4 %). Так, студенты активно участвуют в подобных мероприятиях для личного роста и удовлетворения своих потребностей в самовыражении. Приобретение новых знакомств и друзей также является важным мотивом для многих участников опроса (41,6 %), что указывает на социальную значимость подобных мероприятий. Публичное признание и получение внешней оценки также важны для некоторых респондентов (15,1 %). Приобретение опыта работы в команде — 38,8 % участников опроса указали этот фактор как важный для них. Это говорит о том, что многие молодые люди видят ценность в развитии своих навыков взаимодействия и сотрудничества с другими людьми, формировании навыков коммуникации. Интерес к масштабности мероприятия, проекта — 21,6 % респондентов привлекает возможность участвовать в крупных проектах или событиях. Это может быть связано с желанием внести свой вклад в нечто значимое или получить признание за свои усилия.

Анализ ответов на вопрос по поводу влияния социокультурной активности на адаптацию к условиям обучения в университете выявил, что 257 студентов (57,2 %), или более половины подтвердили её позитивный вклад в процесс приспособления к университетской среде. При этом 142 респондента (31,6 %) не смогли сформулировать чёткую позицию относительно значимости такой активности, а 50 участников опроса (11,1 %) прямо указали на отсутствие какого-либо положительного эффекта от участия в социокультурных мероприятиях для своей адаптации к условиям вуза.

Изучение мотивов участия в социокультурной деятельности и оценки её влияния на адаптацию обучающихся позволило сформулировать ряд выводов относительно роли социокультурных технологий в студенческой среде и выполнения ими определенных функций в социальной работе со студентами. В мотивационной структуре респондентов доминируют внутренние личностно-ориентированные стимулы. Наибольшую значимость для участников имеют стремление к самореализации (69,5%) и потребность в развитии личностных качеств (62,4%). Это свидетельствует о том, что социокультурная активность воспринимается студентами прежде всего как ресурс для индивидуального роста и творческого самовыражения. Анализ уровня удовлетворённости условиями для творческой реализации демонстрирует преимущественно позитивный настрой респондентов — более половины опрошенных полностью удовлетворены существующими возможностями. 57,2% студентов отмечают значимый вклад социокультурной активности в процесс адаптации.

Анализ ответов респондентов исследования относительно мотивов их участия в социокультурной деятельности, удовлетворенности участием, адаптационных возможностях социокультурных технологий позволяет сделать выводы относительно изучаемой темы. Основными функциями, выполняемыми социокультурными технологиями в условиях высшего учебного заведения, являются социализирующая, адаптационная и коммуникационная, что представляет собой особенности реализации данных технологий в социальной работе со студентами.

В заключение отметим, что роль социокультурных технологий в условиях вуза трудно преувеличить, поскольку они в полной мере соотносятся с современными требованиями к системе высшего образования, выходящими за пределы простой передачи знаний студентам. Часто у молодежи возникают сложности в адаптации к учебе, стресс из-за нагрузок, коммуникативные барьеры и одним из инструментов решения этих сложностей в рамках социальной работы выступают социокультурные технологии. Их применение позволяет

обеспечить условия для социализации и адаптации студентов, формирования универсальных и профессиональных компетенции, развития творческого потенциала, сглаживать коммуникативные барьеры и создавать условия для личностного роста.

Литература:

1. Шарковская Н. В. Сущность и специфика понятия «социально-культурная технология»: теоретико-методологический аспект / Н. В. Шарковская // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2020. – № 4 (39). – С. 95-105.

2. Дружинина Е. В. Роль социально-культурных технологий в продвижении учреждений культуры в социальных сетях / Е. В. Дружинина // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2024. – № 4 (34). – С. 193-195.

3. Литвак Р. А. Современные социокультурные технологии как средство развития личности / Р. А. Литвак // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2018. – Т. 10. – № 4. – С. 31-36.

4. Кураева Д. А. Социально-культурные технологии обучения студентов направления подготовки 37.03.01 «Психология»: компетентностный подход / Д. А. Кураева, У. Г. Чавыкина, С. А. Ольшанская // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 87-1. – С. 170-172.

5. Киселева Г. Г. Социально-культурная деятельность: Учебник / Г. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников. – М.: МГУКИ, 2004. – 539 с.

6. Мойсейчук, С. Б. Программно-средовой подход к психолого-педагогическому сопровождению образовательного процесса / С. Б. Мойсейчук // Искусство и культура. – 2013. – № 2(10). – С. 116-120.

Технология социально-культурной деятельности: учеб.-метод. пособие / Л. И. Козловская и др. – Минск: БГУКИ, 2014. – 206 с

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В НОВОГРУДСКОМ ЦЕНТРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ермак Т.Г. – *зав. отделения социальной реабилитации, абилитации инвалидов Новогрудского района Гродненской области Республики Беларусь.*

Лизакова Р.А. – *кандидат экономических наук, доцент кафедры «Теоретическая и прикладная экономика», Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь.*

Аннотация. В статье рассматривается значимость социальной поддержки инвалидов в Беларуси со стороны государства, а также направления социальной работы, в частности работа с людьми с инвалидностью в возрасте до 35 лет.

Ключевые слова: Беларусь, реабилитация, абилитация, инклюзивное образование

DIRECTIONS OF SOCIAL WORK WITH YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE NOVOGRUD SOCIAL SERVICES CENTER

Ermak T. G. *–Head of the Department of Social Rehabilitation and Habilitation of People with Disabilities, Novogrudok District, Grodno Region, Republic of Belarus*

Lizakova R. A.*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of "Theoretical and Applied Economics", Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus*

Annotation: The article examines the importance of state social support for people with disabilities in Belarus, as well as the key directions of social work, particularly focusing on individuals with disabilities under the age of 35.

Keywords: Belarus, rehabilitation, habilitation, inclusive education

Социальная работа с различными группами населения играет ключевую роль в поддержании социальной стабильности, защите прав и улучшении качества жизни уязвимых категорий граждан. В Республике Беларусь уделяется данным вопросам огромное значение.

В Конституции Республики Беларусь в статье 47 сказано: «Инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами» [1]. Одним из первых значимых документов о защите прав детей-инвалидов стал Закон Республики Беларусь от 22 мая 2000 года №395-З «О социальном обслуживании». Он заложил основы социальной защиты инвалидов, включая детей и определил направления государственной поддержки. [2] Более конкретно данные вопросы регулируются Законом РБ от 30 июня 2022 года №183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Наряду с обладанием всей полнотой прав гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, закреплённых в Конституции Республики Беларусь и иных законодательных актах, в статье 5 «Государственная политика в области обеспечения прав инвалидов и их социальной интеграции» вышеуказанного Закона сказано: «Государственная политика в области обеспечения прав инвалидов и их социальной интеграции направлена на: «… обеспечение инвалидам права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам;… формирование в обществе уважительного отношения к правам и достоинству инвалидов, привлечение внимания к их способностям и вкладу в жизнедеятельность общества…» [3]. В Государственной программе «Общество равных возможностей» на 2026–2030 годы, принятой СМ РБ 24.12.2025 г. №763 включены две подпрограммы: «Благополучие старшего поколения» и «Социальная инклюзивность». В рамках подпрограммы «Социальная инклюзия» решаются задачи, связанные с социальной интеграцией инвалидов, их независимым проживанием и повышением качества социальной реабилитации. В перечне мероприятий по данной подпрограмме предусмотрено, в частности: реализация творческого потенциала инвалидов в культурно-массовых мероприятиях, привлечение их к занятиям физической культурой и спортом; проведение благотворительной акции «Наши дети» для детей-инвалидов в государственных учреждениях социального обслуживания; издание книг серии «Школьная библиотека» с использованием шрифта Брайля для детей – инвалидов по зрению; обеспечение доступности: на приоритетных объектах социальной сферы (объекты высшего образования, дошкольного, общего среднего, специального и среднего специального образования в условиях реализации принципа инклюзии в образовании, здравоохранения (включая аптеки), культуры, физической культуры и спорта). [4]

В территориальном центре социального обслуживания населения (ТЦСО) Новогрудского района Гродненской области Республики Беларусь в отделении социальной реабилитации, абилитации инвалидов на 1 февраля 2026 г. на учёте состоят 644 инвалида I и II группы трудоспособного возраста, из них 43 молодых инвалида (от 18 до 35 лет), в том числе 16 выпускников центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР). ЦКРОиР — учреждение специального образования, которое оказывает помощь лицам с особенностями психофизического развития. Открыто с 1 июля 2020 года на базе отделения социального обслуживания.

В задачи и направления деятельности данного центра входит:

– развитие и поддержание навыков самоконтроля, коммуникативных навыков;

– развитие доступных трудовых навыков;

– вовлечение людей с инвалидностью в различные формы творческой деятельности и культурно-общественной жизни, в физкультурно-оздоровительные мероприятия, расширение их социальных контактов.

– формирование и развитие умений и навыков, обеспечивающих автономность в быту для подготовки людей с инвалидностью к самостоятельной жизни.

С марта 2024 года на базе ЦКРОиР для получателей социальных услуг отделения социальной реабилитации и абилитации инвалидов открыто новое направление — кукольный театр. Занятия кукольным театром дают возможность самовыражения, повышают са-

мооценку, происходит развитие коммуникативных навыков, появляется возможность коррекции негативных эмоциональных состояний, улучшается психическое и физическое состояние людей с инвалидностью. Также запущен такой мини-проект как «Танец-это жизнь» с участием молодых инвалидов и волонтёров ОО БРСМ, а также социальный проект «Жизнь без барьеров» по принципу «равный помогает равному». Главная цель — привлечь людей с инвалидностью к участию в обучении таких же граждан с инвалидностью навыкам персональной сохранности и самообслуживания, личной гигиены, овладению бытовыми навыками, пользованию смартфонами и иными средствами социальной реабилитации.

В декабре 2024 года состоялось открытие обновленного отделения социальной реабилитации, абилитации инвалидов. После ремонта отделение значительно преобразилось, стало более современным. В обновленном здании появилась возможность проводить более масштабную и качественную работу по оказанию социальных услуг людям с инвалидностью. Оборудовано помещение для занятий по адаптивной физкультуре, компьютерный класс, два кабинета кружковых занятий, релаксационная комната, комната приема пищи. В январе 2025 года за счет средств местного бюджета приобретен специализированный автобус. Транспортное средство предназначено для перевозки 11 пассажиров, в том числе оборудовано двумя местами для инвалидов в креслах-колясках. Автобус оснащен подъемным устройством, обеспечивающим плавное поднятие и опускание инвалидного кресла с пассажиром грузоподъемностью до 350 кг, что соответственно улучшило материальную базу ТЦСО.

В декабре 2025 года ТЦСО Новогрудского района как организатор дал старт проекту — «I Фест творчества молодых инвалидов «Искусство быть собой»». Целью мероприятия было создание площадки для творческого самовыражения молодых людей с инвалидностью, поддержки их социальной интеграции и демонстрация для широкой аудитории их талантов. широкой аудитории. Программа фестиваля включала выступления и презентации творческих работ участников, демонстрацию способностей в разных видах искусства, торжественную церемонию награждения. Направления творчества следующие:

– декоративно-прикладное творчество — вышивка, вязание, бисероплетение, поделки из природных материалов, керамика и гончарные изделия; декупаж, квиллинг;

– изобразительное искусство — живопись, графика, рисунок, коллаж, цифровая иллюстрация;

– сценическое мастерство — вокальное исполнение, хореография, театральные миниатюры, художественное чтение, оригинальные жанры.

Все участники фестиваля получили дипломы, призы и памятные подарки на торжественной церемонии награждения. Спонсорами данного мероприятия были семь организаций г.Новогрудка с различной формой собственности. Фестиваль подчёркивал идею: возможности человека не ограничены его особенностями здоровья. Надеемся, что это событие станет отправной точкой для ежегодной традиции, раскрывающей безграничность таланта.

Помимо вышесказанного в ТЦСО Новогрудского района проводится работа по многим направлениям, например, действуют такие кружки как:

– «Чудеса из вторсырья» — заготовка вторсырья и материалов, а также обучение изготовления изделий ручной работы из вторичного сырья;

– «Сделай сам» — формирование навыков в области декоративно-прикладного творчества, а также совершенствование имеющихся умений и навыков;

– «Кокетка» — формирование навыков области ухода за собой, развитие личности, самовыражение и получения удовольствия, обучение быть самостоятельным в выборе решений;

– «Здоровье» — повышение уровня знаний и мотивации к ведению здорового образа жизни, формирование культуры здоровья и укрепление физического и психологического благополучия;

– трудовая мастерская «Семицветик» — формирование навыков самообслуживания, ведение домашнего хозяйства, культуры поведения в обществе.

Организована клубная деятельность. Действует три клуба для молодых людей с инвалидностью и членов их семей

– семейный клуб «Общение». Цель клуба — расширение круга социальных контактов, самореализация, повышение уверенности в собственных силах, психологическая поддержка, развитие творческого начала, формирование ответственности, повышение уровня социализации в безопасной и комфортной среде. В рамках клуба могут проводиться беседы, тренинги и другие мероприятия;

– клуб сценического творчества «Эвредика». Цель клуба — развитие творческой личности, обогащение духовных потребностей, приобщение к театральному искусству и обеспечение эмоционального благополучия. В рамках клуба организовываются театральные постановки, сценические миниатюры, художественные чтения и другие мероприятия;

– развлекательно–игровой клуб «Добрые сердца». Цель клуба — психолого-педагогическая поддержка и сопровождение развития, а также социокультурная адаптация обучающихся с особыми образовательными потребностями. В рамках клуба проводятся различные мероприятия, например, конкурсно-танцевальные программы с участием Новогрудского районного центра культуры и народного творчества.

Следует сказать о том, что для молодых людей с инвалидностью организуются различные экскурсии. В 2025 году состоялись экскурсии различной направленности:

– музейные экскурсии (адаптированные) — обзорные экскурсии в Новогрудском историко-краеведческом музее, тематические выставки (история города, этнография, искусство), тактильные экскурсии для слабовидящих (возможность «осмотреть» экспонаты руками), аудиогиды и сопровождение сурдопереводчиком для людей с нарушениями слуха;

– исторические и архитектурные объекты — посещение Новогрудского замка, его башен и руин, прогулка по историческому центру города с осмотром памятников и старинных зданий, экскурсии к мемориальным комплексам и местам воинской славы;

– природные и ландшафтные маршруты — прогулки по паркам и скверам Новогрудка (паркотерапия), выездные экскурсии в живописные места Новогрудского района (озёра, леса, родники), экологические тропы с элементами ландшафтотерапии;

– производственные и социальные объекты — знакомство с работой местных предприятий партнёров (ОАО «Новогрудский завод газовой аппаратуры» и др.), визиты в учреждения культуры (Новогрудский районный центр культуры и народного творчества), экскурсии в библиотеки, образовательные учреждения;

– выездные экскурсии за пределы района — поездки в г. Гродно (музеи, парки, архитектурные ансамбли), однодневные туры в близлежащие города и обзор достопримечательностей Гродненской области.

Численность инвалидов, получивших социальные услуги в ТЦСО Новогрудского района в 2025 году, составила 58 человек (в 2024 г. 55 человек). Услугой персонального ассистента в 2025 году воспользовались 52 человек (в 2024 году — 39чел.). В 2025 году отделением социальной реабилитации, абилитации инвалидов организовано и проведено 126 культурно-досуговых (в 2024 году — 108), в том числе 25 экскурсий (в 2024 году — 21), 12 спортивных (в 2024 году — 12), 53 информационно-просветительских (в 2024 году - 48) и 36 развлекательных мероприятий (в 2024 году — 27).

В целом, на 1 марта 2026 г. в отделении функционирует семь кружков, три клуба и две реабилитационно-трудовые мастерские (цветочная мастерская «Камелия» и творческая реабилитационно-трудовая мастерская «Картонный MIX»), а также «Инклюзивный центр дополнительного образования для людей с инвалидностью».

В основе работы ТЦСО Новогрудского района с молодыми людьми с инвалидностью лежит социальная ответственность, заключающаяся в том, чтобы реально показать, что инвалидность — не приговор, а иной путь, который может быть насыщенным, ярким и успешным. Особенно это касается молодых людей: их энергия, открытость новому и стремление к самореализации способны преодолеть любые стереотипы. Для этого деятельность отделения настроена на такие принципы как:

– ориентация на возможности, а не на ограничения. Фокус на том, что можно делать, а не на том, чего нельзя.

– постепенность и регулярность. Начинать с малого, ставить реалистичные цели и двигаться шаг за шагом.

– поддержка окружения. Семья, друзья, наставники, сообщества людей с похожими интересами — опора на пути к успеху.

– использование ресурсов. Знание своих прав, программ поддержки, технологий и сервисов, которые облегчают жизнь.

– гибкость и адаптация. Готовность менять планы, искать новые пути и решения, если что-то не получается сразу.

Молодой человек с инвалидностью — это человек с особым жизненным опытом, который может стать источником силы, креативности и целеустремлённости. Активная жизнь здесь — не отсутствие трудностей, а умение преодолевать их, находить радость в каждом дне и вносить свой вклад в общество. Инвалидность не определяет судьбу: она лишь задаёт уникальный маршрут, на котором можно достичь многого — если есть желание, поддержка и возможности.

Литература

1. Конституция Республики БеларусьURL:https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения 1.04.2025)

2. О социальном обслуживании. Закон Республики Беларусь 22 мая 2000 г. № 395-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL:https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10000395(дата обращения 1.04.2025)

3. «О правах инвалидов и их социальной интеграции». Законом Республики Беларусь от 30 июня 2022 года №183-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL:https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12200183(дата обращения 1.04.2025)

О Государственной программе «Общество равных возможностей» на 2026–2030 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2025 г. №763.// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL:https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500763 (дата обращения 1.04.2025)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гаджиева У. Ш. *- магистрант 1 года обучения социального факультета ФГБОУ ВО ДГУ, Махачкала, Россия.*

Магдиева Н. Т. *- к.м.н., доцент, зав. кафедрой социальных и информационных технологий ФГБОУ ВО ДГУ, Махачкала, Россия.*

Аннотация. В статье сделана попытка рассмотреть основные проблемы молодежи и роль молодежных общественных организации в их решении. Сегодняшняя реальность ставит перед молодым поколением целый ряд актуальных проблем, что особенно актуально в Республике Дагестан, где процентная доля молодежи в общей численности населения достаточно велика.

Ключевые слова: молодежь, молодежные общественные организации, поддержка государства, социальная защита, социальные проблемы.

Актуальность изучаемой проблемы заключается не только в ее практической значимости, но и в необходимости разработки новых, специфических подходов к работе с конкретными группами социального риска, которые будут демонстрировать свою эффективность на практике. На современном этапе одной из важнейших задач государственной социальной политики является социальная поддержка и защита наиболее уязвимых слоев населения от социальных рисков. В этом контексте, особую роль играет молодежь, как

группа социального риска, которая нуждается в особой внимательности и поддержке со стороны государства и общества. Наша реальность ставит перед молодежью целый ряд актуальных проблем, сталкиваясь с которыми, молодые люди проходят этап социализации, взросления, перехода во взрослую жизнь. На сегодняшний день социализация молодых людей заключается в становлении всесторонне и гармонично развитой личности, готовой продуктивно взаимодействовать с другими членами социума. Основной составляющей формирования такой личности является самоактуализация молодого человека, путем достижения социально значимых целей. Именно этой цели содействует грамотная организация и реализация социальной политики, представляющей собой «систему мер по поддержанию тех общественных групп и слоев, которые в силу каких-либо обстоятельств, тех или иных причин оказываются в наиболее затруднительном положении, чем другие и не могут своими силами улучшить собственное положение» [1].

«От качества и эффективности работы с молодежью, от ее активной гражданской позиции и экономической зрелости, самостоятельности и ответственности в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне будут зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований и становления инновационной экономики. Именно подрастающее поколение должно быть готово к тому, чтобы в будущем взять на себя ответственность за благополучие своей семьи и судьбу государства в целом» [3].

Новые вызовы сегодняшних реалий формируют новые траектории развития общества и предлагают совершенно новые, нестандартные решения наиболее актуальных проблем, стоящих перед нами, требующих острого реагирования. Динамичное развитие общества происходит в непростых условиях, в условиях политической, экономической и социальной нестабильности, что обуславливает отличительные особенности функционирования различных сфер жизнедеятельности и работы учреждений. Учитывая объективные предпосылки и неблагоприятные тенденции в социально-экономическом развитии ряда регионов страны, за последнее время наблюдается увеличение контингента лиц, относящихся к группам социального неблагополучия. Мы должны учитывать, что сегодняшнее молодое поколение в ближайшем будущем станут основным трудовым ресурсом страны, а их активная и эффективная трудовая деятельность – главным источником средств для социального обеспечения нетрудоспособной части населения: детей, инвалидов и граждан старшего поколения.

Социально-экономические преобразования российского общества в последнее время стали причиной возникновения новых направлений в сфере молодежных исследований, касающихся самых разных актуальных проблем, с которыми сталкивается молодежь: проблемы безработицы и трудоустройства данной группы населения, проблемы государственной поддержки и социальной защиты молодых семей, проблемы участия молодых людей в молодежной политике, проблемы политической социализации молодежи и т.д.

В настоящее время положение россиян характеризуется наличием множества проблем: низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, низкое количество браков и высокое количество разводов, ухудшение состояния здоровья, в том числе и репродуктивного, увеличение числа абортов и рождения внебрачных детей несовершеннолетними матерями, высокий показатель самоубийств и распространения курения, алкоголизма, наркомании и токсикомании, усиление национальной, религиозной напряженности и агрессии в обществе, безработица, жилищные проблемы и т.д. Таким образом, молодое российское поколение на сегодняшний день переживает глубокий социально-экономический, духовно-нравственный и морально-психологический кризис.

Можно констатировать тот факт, что на современном этапе особую актуальность приобрели обострившиеся социально-экономические, социально-медицинские, социально-психологические, социально-культурные проблемы молодежи, которые вызывают большие опасения у специалистов, занимающихся проблемами молодежи, нуждаются в привлечении к себе внимания со стороны государства и в незамедлительном их решении с целью предупреждения дестабилизации общества. Государство должно быть максимально заинтересовано в том, чтобы молодое поколение чувствовало себя комфортно в своей стране, уверенно смотрело в завтрашний день и с оптимизмом участвовало в построении будущего

нашего государства, потому что молодежь сегодня – это сила и мощь государства завтра, это экономический, политический, демографический ресурс и потенциал, от которого зависит будущее России. «Под системой государственных социальных гарантий, или государственным социальным обеспечением, понимается предоставление минимальных доходов, социально значимых благ и услуг всем гражданам без учета их трудового вклада и проверки нуждаемости» [4].

Молодежный возраст в возрастной психологии характеризуется как «период формирования устойчивой системы ценностей, становления самосознания и формирования социального статуса личности. В этот период развиваются критичность мышления, оформляется индивидуализация, самоопределение и самоидентификация каждой личности» [2]. Наряду с этим, у молодого человека еще недостаточный практический и профессиональный опыт включённости в систему общественных отношений. Современная рыночная реальность и условия большой конкуренции практически во всех отраслях производства, имеющих популярность среди молодежи, требует от будущего специалиста высокой социальной активности, ответственности, целеустремленности, непрерывного саморазвития и самосовершенствования. Формирование профессиональной компетентности и высокой конкурентноспособности будущих работников является одной из важнейших задач высшего учебного заведения, так как сегодняшние студенты – это самая активная трудоспособная часть населения в ближайшем будущем. Конечно же, развал производства повлек за собой спад занятости молодежи в данной сфере и рост безработицы, но большой процент молодых людей нашли себя в частном секторе.

Молодое поколение в большинстве своем оказалось без надежных социальных ориентиров. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед необходимостью выбора, с другой – обнаружило неготовность большинства из них включиться в новые общественные отношения. Нельзя не отметить ухудшающееся здоровье молодежи, что требует безотлагательного реагирования со стороны компетентных специалистов и особого внимания, как к репродуктивному, так и, в целом, социальному здоровью молодежи, ведь речь идет о будущей демографической ситуации в стране. Растет заболеваемость в данной возрастной группе, многие болезни «помолодели» и встречаются в более молодом возрасте, растут показатели смертности молодых людей по самым разным причинам. Санитарная грамотность в вопросах, связанных с сохранением своего здоровья и здоровья своей семьи, медицинское просвещение на сегодняшний день заключается в создании новых подходов к гигиеническому воспитанию и образованию подростков и молодежи, апробации и внедрению программ по формированию здорового образа жизни у молодого поколения и подготовке к семейной жизни с использованием инновационных педагогических и социальных технологий.

Существует множество факторов, способствующих возникновению основных проблем у молодежи. Одним из основных факторов является экономическаянестабильность в регионе, что создает неблагоприятную ситуацию для социально уязвимых групп. Актуальность данной темы в нашей республике обусловлена тем, что большая часть населения живет за чертой бедности, еле «сводя концы с концами» и основным источником доходов молодых семей зачастую являются детские пособия, пособия по инвалидности и уходу за инвалидами – членами семьи, различного рода льготы и субсидии, предоставляемые государством семьям, которые не могут самостоятельно, без поддержки государства, справиться со своими проблемами и нуждами. Непростая социально-экономическая и социокультурная ситуация обуславливает множество факторов, способствующих возникновению социальных проблем у молодежи, создает определенные вызовы для определения и оказания помощи этой группе. Необходимо создавать условия для участия молодежи в общественной жизни, вовлекая их в процессы принятия решений на местном и региональном уровнях. Важно поддерживать молодежные инициативы и проекты, направленные на решение социальных проблем и улучшение качества жизни населения, повышение уровня образования, поддержку занятости, содействие в трудоустройстве, развитию инфраструктуры региона. Только комплексный подход позволит минимизировать социальные риски и обеспечить

успешную социализацию молодого поколения. В этом контексте деятельность молодежных общественных организаций выходит на первый план в деле поддержки молодых людей в процессе их социализации.

Деятельность молодежных организаций, ориентированных на самые разнообразные интересы и потребности молодежи, особенно актуальна в Республике Дагестан, где процентная доля молодежи в общей численности населения достаточно велика. Дагестан – один из регионов Российской Федерации с наименьшими доходами у большей части населения, что создает неблагоприятную ситуацию для социально уязвимых групп. Низкий уровень занятости и заработной платы приводит кбедности и безработице, что, соответственно, повышает риск социального неблагополучия. Поэтому данная тема актуальна не только по причине ее практической значимости, но, в большей мере, в назревшей необходимости разработки инновационных подходов к сопровождению групп социального риска, а также эффективных программ социальной поддержки молодого поколения.Организация и проведение социальной работы с группами социального риска в Дагестане имеет большое значение для разработки эффективных, работающих на практике программ социальной поддержки молодого поколения, а также проведения целевых мероприятий по улучшению положения молодых людей, реализуемых на разных уровнях. Важно разрабатывать и реализовывать программы по снижению социального неравенства, созданию равных возможностей для всех слоев населения. Такие программы должны быть комплексными и включать в себя меры по повышению уровня образования, поддержке занятости, развитию инфраструктуры региона. В этом контексте деятельность молодежных общественных организаций выходит на первый план в деле поддержки молодых людей в процессе их социализации.

Молодежные общественные организации, ставящие своей целью реализацию и защиту своих прав и возможностей, а также удовлетворение политических, социально-экономических и других интересов, волнующих большинство представителей данной категории населения, получили широкое распространение. Данные объединения могут существенно помочь молодому человеку, столкнувшемуся с жизненными трудностями и испытаниями, в тех ситуациях, когда он не в состоянии самостоятельно противостоять различного рода проблемам и ему необходима посторонняя помощь, вмешательство третьих лиц, профессиональная помощь специалистов. Государство на постоянной основе делает очень много для своих граждан, особенно, для категорий населения, относящихся к группам риска, но оказываемая помощь и поддержка не в полной мере покрывают потребности данных категорий населения. Именно в этих условиях защита от рисков путем комплексного содействия отдельно взятому гражданину со стороны молодежных общественных организаций приобретает ключевое значение, что согласуется с проводимой в нашей стране социальной политикой [5].

«Данные организации, с одной стороны, выступают в качестве субъектов социальной политики, представляющих интересы различных групп молодежи – тем самым они способствуют усилению роли молодежных инициатив, развитию институтов гражданского общества. В то же время нередко приоритетом их деятельности становится реализация «государственного заказа», сдерживание деструктивных проявлений молодежной активности – в этом случае организации и движения служат инструментом воспитания и контроля молодого поколения» [6].

«Молодежные общественные организации способствуют личностному становлению практически каждого члена организации или даже просто участвующего в том или ином мероприятии, которое проводит общественное движение, они придают четкую социально полезную направленность и задают личностный смысл жизнедеятельности подростка и молодого человека» [7].

«Разнообразие современных молодежных объединений и движений, существующих на сегодняшний день, очень большое: студенческие профсоюзы, творческие клубы со своей субкультурой, религиозные, экологические движения, предпринимательские организации. На сегодняшний день их активность происходит на качественно другом уровне. Наиболее активными членами этих организаций, конечно же, традиционно являются студенты, как авангард молодежи. Творческая и рабочая молодежь охвачены менее, в силу

своей занятости, еще меньше в подобных организациях объединена сельская молодежь, возможно, по причине отдаленности от центра и недостаточности информации о деятельности молодежных объединений» [8].

Изучение проблемы набирает свою актуальность с каждым годом. Это обусловлено повсеместным ростом количества семей, нуждающихся в помощи и поддержке государства и пополняющих группу социального риска, в целом, среди населения. И причем эта проблема не только нашей страны. Ни одна семья не может быть до конца уверенной, что она не столкнется на протяжении жизни с определенными трудностями, разрешить которые она не сможет самостоятельно. Мы должны понимать, что это не такие проблемы, которые можно решить единовременными, разовыми действиями или помощью. Это долгий процесс выведения семьи из кризисной ситуации, из жизненного тупика, своевременная поддержка семьи и раскрытие новых возможностей и горизонтов для дальнейшей реализации своего внутреннего потенциала.

К традиционным, общеизвестным группам социального риска в нашей республике сейчас добавилась новая, достаточно большая категория молодежи – это участники боевых действий, семьи участников, а также члены семей погибших или получивших инвалидность бойцов во время участия в СВО. Это совершенно новая категория населения, которая требует более пристального внимания со стороны государства и общественных организаций на предмет оказания им различных видов господдержки, а также дальнейшего сопровождения этих граждан с целью их ресоциализации и возвращения к обычной жизни. Дагестан находится в лидирующих позициях по числу мобилизированных молодых ребят, если сравнивать с другими регионами страны. Участниками СВО стало более 30 тысяч дагестанцев, среди которых больше всего военнослужащих, удостоенных за заслуги в специальной военной операции орденами Мужества и звания «Герой России». Как неоднократно отмечал глава Дагестана Сергей Меликов, этот факт является предметом гордости для республики: «Сотни наших земляков отмечены орденом Мужества и другими высокими наградами. Ни у одного региона нет такого количества Героев России с начала спецоперации, как у Дагестана, что говорит о мужестве наших земляков. Каждая медаль и знак отличия – это свидетельство мужества, верности долгу, чести и достоинства. Горжусь каждым, кто вдали от дома самоотверженно сражается за будущее нашей великой страны!» [9].

Людям, пережившим СВО, которые в реальности столкнулись с военными действиями, смертью, людским горем, очень непросто вернуться к обычной мирной жизни, такой привычной для нас. Им нужно время, нужна помощь и поддержка, нужна новая мотивация снова продолжать жить, особенно если они пережили потери близких и родных людей. Конечно же, в такой ситуации помощь государства и соответствующих ответственных органов очень актуальна и своевременна, именно она помогает человеку пережить трудную жизненную ситуацию с минимальными потерями и вернуться к привычной жизни. Но и в этой ситуации общественные организации Дагестана взяли на себя большой объем работы по организации жизнедеятельности данной категории: «Республиканский молодёжный центр», «Мирный Кавказ», «Центр патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи», «Добровольцы Дагестана», «Комитет солдатских матерей», «Дагестанский фонд помощи семьям погибших военнослужащих». В их задачи входит, как сбор и отправка гуманитарной помощи нашим ребятам, организация благотворительной поддержки, привлечение общественности к данной проблеме, патриотическое воспитание молодежи, так и связь с семьями военнослужащих, помощь в оформлении предоставляемых им государственных услуг, социально-психологическая поддержка вдов погибших бойцов, привлечение различных специалистов для проведения консультаций с данным контингентом, организация клубов по интересам, взаимопомощи, их досуговой деятельности [9]. Все понимают огромную важность выгодного взаимодействия государства и молодежных организаций в данной ситуации, поэтому крайне необходимо выстроить совершенно новый, инновационный механизм, обеспечивающий эффективное функционирование данного взаимодействия, учитывая пожелания всех сторон и имеющий единую цель.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Немцов А.А., Консусян Л.В. Послевузовские ожидания студенческой молодежи // Социс. 2013. № 6.
2. Баранова И.Д., Горлова Е.А. Государственная социальная поддержка. Эффективное государственное и муниципальное управление как многоаспектный фактор социально-экономического развития современной России. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 27-30.
3. Воронина О.В. Всё о социальной поддержке / О. Воронина // Российский экономический журнал. – 2017. – № 5. – С. 22–29.
4. Гаджиев Г.Н. Формирование приоритетов социально-экономической политики субъекта федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2017 г. - № 8. - С. 32-39.
5. Джафарова М.И., Гебекова С.Г., Магдиева Н.Т., Изучение основных социальных проблем региона на примере Республики Дагестан. Современный ученый, 2019, №1. С. 111-115.
6. Магдиева Н.Т., Гаджисолтанова С.А., Взаимодействие социальных институтов в процессе организации поддержки детей и молодёжи. Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов: – Ялта: РИО ГПА, 2023. – Вып. 81. – Ч. 1. – С. 61-64.
7. Магомедова Д.М-С., Магдиева Н.Т. Организация профилактической помощи населению как фактор благополучного социально-экономического развития региона. Региональные проблемы преобразования экономики. №6, 2021. С.63-70.
8. Омарасхабова А.О., Гебекова С.Г., Магдиева Н.Т. Молодое поколение как объект социальной работы. Modern Humanities Success №10, 2020. С. 96-100.
9. Герои СВО – Дагестанцы. [Электронный ресурс]: https://islamnews.ru/2024/5/24/bolshe-vsego-geroev-rossii-za-svo-dagestantsy

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С БЫВШИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Маскалянова С.А. *– кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой социального образования и социологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*
Блинов Н.А. *– студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме ресоциализации бывших военнослужащих в условиях гражданской жизни. Выделяются факторы их дезадаптации, дается характеристика ключевых проблем, с которыми сталкиваются бывшие военнослужащие. Проводится анализ системы комплексного социального сопровождения этой категории лиц в условиях российской действительности.
Ключевые слова: военнослужащие, ресоциализация, социальная адаптация, дезадаптация, посттравматический синдром, социальное сопровождение.

SOCIAL WORK WITH FORMER MILITARY PERSONNEL: PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESOCIATION

Maskalyanova S.A. *– Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*
Blinov N.A.– *student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Annotation: This article examines the resocialization of former military personnel in civilian life. It identifies factors contributing to their maladjustment and characterizes the key challenges they face. It also analyzes the comprehensive social support system for this category of individuals in the Russian context.

Keywords: military personnel, resocialization, social adaptation, maladaptation, post-traumatic stress disorder, social support.

В современных условиях политической нестабильности особую актуальность приобретает проблема эффективной организации социальной работы с бывшими военнослужащими, особенно теми из них, кто вернулся из мест боевых действий. Вхождение в мирную жизнь сопряжено для военнослужащих с рядом трудностей, обусловленных как необходимостью смены профессиональной деятельности, так и потребностью получения квалифицированной психологической помощи [1]. Ресоциализация военнослужащих предполагает не только их успешное трудоустройство и недопущение социальной изоляции. Статистические данные показывают, что значительное число военнослужащих нуждаются в социальной поддержке, профессиональной переподготовке, комплексном постслужебном сопровождении. Успешная интеграция этой категории граждан в гражданское общество невозможна без объединения усилий разных ведомств и структур, задействованных в решении проблем военнослужащих.

Исследователи, занимающиеся проблемой адаптации бывших военнослужащих к мирной жизни, отмечают, что сложности их вовлечения в гражданское общество во многом обусловлены особенностями их мировоззрения, формировавшегося в условиях жесткой регламентации военной среды [2]. Кроме того, категория лиц, несущих военную обязанность и вернувшихся из мест боевых действий, достаточно неоднородна по возрасту, длительности несения службы, образовательному уровню, семейному статусу, полу, адаптационному потенциалу.

Можно выделить как объективные, так и субъективные факторы дезадаптации военнослужащих к жизни в социуме. К объективным можно отнести материальное неблагополучие, жилищно-бытовую неустроенность, сложности с трудоустройством, ограниченность системы социальных гарантий, невозможность своевременного получения психологической помощи.

К субъективным факторам дезадаптации военнослужащих можно отнести наличие посттравматического синдрома и иных психологических проблем, семейные конфликты, неумение справляться со стрессом, непринятие гражданских социальных ролей, профессиональное выгорание. Таким образом, возникает необходимость организации адресной работы с разными категориями военнослужащих и их семьями в зависимости от специфики их проблем [4].

В целом классифицировать проблемы военнослужащих можно по следующим категориям: медицинские проблемы, социально-бытовые проблемы, правовые проблемы, психологические проблемы, социально-психологические проблемы. Рассмотрим их подробнее. Медицинские проблемы проявляют себя в наличии боевых травм, ранений, хронических заболеваний, общем ухудшении состояния здоровья. Последствиями этого может быть ограничение дееспособности, инвалидизация, приводящие к невозможности полноценной трудовой деятельности в мирное время.

Социально-бытовые проблемы проявляются в отсутствии жилья, материальными трудностями в период перехода к мирной жизни, что приводит к общей маргинализации военнослужащих, бродяжничеству, вовлечению в коррупционную и противоправную деятельность.

Правовые проблемы проявляются в трудностях с оформлением документов, льгот, определением правового статуса, что создает препятствия для официального трудоустройства, оформлении пенсий и социальных выплат, получения медицинской помощи.

Психологические проблемы проявляются, прежде всего, в наличии психосоматических и психологических расстройств: тревожности, депрессии, утрате жизненных смыслов и ориентиров. Кроме того, у многих военнослужащих в мирное время проявляется посттравматическое стрессовое расстройство. Все это создает почву для возникновения суицидальных мыслей, агрессивного поведения, социальной изоляции, злоупотребления психоактивными веществами.

Социально-психологические проблемы проявляются в утрате прежнего социального статуса, ослаблении связей с родственниками ввиду длительного отсутствия, непонимании со стороны гражданского окружения. В результате у военнослужащих формируется отчуждение от общества, противопоставление себя гражданским лицам.

Все эти проблемы в совокупности формируют феномен постслужебной дезадаптации. Это препятствует возвращению военнослужащих к нормальной жизни вследствие развития депрессивных расстройств, ригидности мышления, являющимися следствием длительного пребывания в тяжелых стрессовых условиях.

Для преодоления постслужебной дезадаптации военнослужащих необходима деятельность по их социальному сопровождению. Она опирается на ряд документов: Федеральный закон «О статусе военнослужащих», Федеральный закон «О ветеранах», нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы пенсионного обеспечения, социальных гарантий, получения медицинской помощи данной категории лиц. Необходимо выделить также нормативные акты Министерства обороны и других структур, определяющих порядок социального сопровождения бывших военнослужащих. На уровне регионов принимаются соглашения и разрабатываются программы, обеспечивающие межведомственное взаимодействие между Министерством обороны, органами социальной защиты, службами занятости, медицинскими учреждениями, некоммерческими организациями.

В целом система комплексного социального сопровождения военнослужащих включает меры по их социально-психологической адаптации и реабилитации, трудоустройству в гражданском обществе [6]. В рамках этой системы можно выделить несколько основных направлений: трудоустройство военнослужащих, решение жилищного вопроса, оформление льготных и иных документов, психологическая поддержка, восстановление социальных связей. Рассмотрим их подробнее.

В рамках первого направления еще в период прохождения службы с военнослужащими проводится социально-психологическая диагностика, в ходе которой при необходимости разрабатывается индивидуальная программа ресоциализации. С военнослужащими проводятся мероприятия по профессиональной ориентации, консультации по полагающимся им выплатам и льготам. После увольнения с военнослужащими работают службы занятости, предлагая им не только возможности для трудоустройства с учетом их профессиональных навыков, но и переобучение. В некоторых случаях еще на этапе прохождения службы с военнослужащими заключаются предварительные договоры о будущем трудоустройстве.

Второе направление сопровождения военнослужащих предполагает содействие им в решении жилищного вопроса. Сегодня действует ряд государственных программ на основе жилищных сертификатов и субсидий, военной ипотеки, позволяющие военнослужащим приобрести жилье. Кроме того, центры социальной адаптации и реабилитации военнослужащих предоставляют им услуги временного проживания на время адаптационного периода.

Важным направлением, без которого невозможно ни трудоустройство, ни получение социальных выплат, является оформление льготных и иных документов. Здесь помощь могут оказать кадровые военные службы, комиссариаты, некоммерческие организации.

Психологическая поддержка как направление сопровождения лиц из категории военнослужащих предполагает помощь тем из них, у кого наблюдаются депрессивные и тревожные расстройства, приступы агрессии и иные посттравматические стрессовые расстройства, вызванные участием в боевых действиях. Психологическая помощь может быть необходима и тем военнослужащим, у которых появились разные виды зависимостей.

Еще одним направлением сопроводительной работы с военнослужащими является восстановление социальных связей. Здесь основной упор делается на укрепление семейных и дружеских связей, а также налаживание взаимодействия с гражданским окружением. В данное направление работы могут быть вовлечены религиозные, ветеранские организации, деятельность которых предполагает кроме всего прочего профилактику деструктивных форм поведения.

Главным условием эффективности ресоциализации военнослужащих является межведомственное взаимодействие, в которое включены военные комиссариаты, органы социальной защиты, службы занятости, медицинские учреждения [3]. Каждая из структур решает свои задачи в отношении военнослужащих. Военные комиссариаты совместно с кадровыми службами готовят военнослужащих к увольнению; органы социальной защиты предоставляют меры социальной поддержки; службы занятости осуществляют профориентацию военнослужащих, содействуют в трудоустройстве; медицинские организации оказывают специализированную медицинскую помощь.

Особую роль в ресоциализации военнослужащих играют некоммерческие организации. Их деятельность является дополнением к государственной системе поддержки этой категории лиц. Зачастую именно деятельность некоммерческих организаций позволяет наиболее быстро и эффективно решать проблемы военнослужащих. Сегодня в России функционирует множество реабилитационных центров для военнослужащих, благотворительных фондов, реализующих программы поддержки этой категории лиц.

Необходимо отметить, что наряду с достижениями в сфере поддержки военнослужащих существуют факторы, снижающие эффективность этой деятельности. К ним можно отнести нестабильность и недостаточность финансирования программ поддержки военнослужащих, отсутствие регулярных субсидий от государства. Кроме того, многие военнослужащие не владеют полнотой информации относительно того, куда можно обратиться за помощью. Серьезной проблемой является недостаточность оказываемой психологической помощи, а также невозможность для многих ветеранов боевых действий попасть в реабилитационный центр из-за больших очередей или отдаленного проживания.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются многие военнослужащие, обусловлена нежеланием многих работодателей давать им рабочие места из-за предвзятого к ним отношения и страха неадекватного поведения.

Преодоление всех этих проблем должно осуществляться в двух направлениях. Первое из них связано с необходимостью совершенствования государственных и общественных механизмов поддержки военнослужащих на всех этапах гражданской жизни [5].

Второе направление предполагает активизацию ресурсов самих военнослужащих, раскрытие их профессионально-личностного потенциала. Только активная позиция военнослужащих позволит преодолеть им трудности адаптации к мирной жизни, реализовать себя в новой профессии и межличностных отношениях.

Безусловно, и в самом обществе необходимо формировать уважительное отношение к защитникам Отечества. С этой целью необходимо активизировать работу в средствах массовой информации по созданию позитивного имиджа военнослужащих. Кроме того, важно реализовывать патриотические проекты на базе общественных и образовательных организаций, активно привлекая к этой работе молодежь.

Подводя итоги, отметим, что успешность адаптации бывших военнослужащих к мирной жизни зависит как от слаженной работы всех государственных и общественных структур, вовлеченных в этот процесс, так и от активной позиции самих военнослужащих, их готовности к интеграции в социум.

Литература:

1. Богданова Е.Г. Социализация уволенных в запас военнослужащих офицерского состава в гражданском обществе // Диалог. – 2026. – № 5. – С. 13-15.
2. Богданова Е.Г. Социальная адаптация военнослужащих офицерского состава, уволенных в запас // Актуальные исследования. – 2025. – № 14 (249). – Ч.I. – С. 67-70.
3. Каримов А.Г., Герасимова Л.А. Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий: ключевые проблемы и механизмы управления // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – №3 (52). – С. 24-33.
4. Кравченко Н. Поддержка бывших военнослужащих // Человеческие ресурсы. – 2008. – № 2. – С.24-25.
5. Паршаков В.Ф. Социальная адаптация военнослужащих, уволенных с военной службы: автореф. дис. …канд-та пед. наук. – Москва, 2004. – 24 с.

6. Плещеев В.В. Социальная работа с гражданами, уволенными с военной службы, как фактор их социальной адаптации: автореф. дис. … канд-та пед. наук. – Москва, 2008. – 26 с.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Тудуева А.Н. *- студентка 3 к. направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*
Желиготова Р.М. *- к. ф. н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Аннотация: В статье рассматривается роль научно обоснованных психологических технологий в современной социальной работе в условиях усложнения социальных проблем и дифференциации клиентских запросов. Обосновывается необходимость перехода от унифицированных схем помощи к гибким, индивидуально ориентированным моделям психосоциального сопровождения. Особое внимание уделяется арт-терапии как универсальному и экологичному методу работы с детьми и подростками, раскрываются её сущность, формы, направления и функции специалиста в терапевтическом процессе.
Ключевые слова: психологические технологии, социальная работа, арт-терапия, психодиагностика, психологическое консультирование.

ART THERAPY AS A RESOURCEFUL PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGY IN THE SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS

Tudueva A. N. *- student of the 3rd degree in the direction of training "Social work", Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*
Scientific supervisor: Zheligotova Radina Mikhailovna, PhD, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.
Annotation: The article examines the role of scientifically based psychological technologies in modern social work in the context of the complexity of social problems and the differentiation of client requests. The article substantiates the need to transition from unified assistance schemes to flexible, individually oriented models of psychosocial support. Special attention is paid to art therapy as a universal and environmentally friendly method of working with children and adolescents, and its essence, forms, directions, and functions of a specialist in the therapeutic process are revealed.
Key words: psychological technologies, social work, art therapy, psychodiagnostics, psychological counseling.

В современной социальной практике, характеризующейся ростом сложности социальных проблем и многообразием жизненных обстоятельств, с которыми сталкиваются граждане, научно обоснованные психологические технологии играют решающую роль в обеспечении эффективной помощи. Для практики социальной работы, особенно важное значение, приобретают такие направления как (по Е.И. Холостовой): психодиагностика; психологическое консультирование; использование техник, методов и приемов психологического взаимодействия с клиентом.

Психодиагностика представляет собой область психического знания, сосредоточенную на установлении психологического диагноза. В современном понимании психодиагностики термин «психологический диагноз» охватывает не только выявление отклонений от нормального психологического функционирования или развития, но и определение психического состояния конкретного объекта, будь то индивид, семья или группа, а также анализ определенной психической функции или процесса у данного лица [8, с.143].

Психологическое консультирование ориентировано на поддержку психически здоровых людей в решении жизненных задач и оптимизации их поведения. В ходе консульта-

тивной работы специалист помогает клиенту взглянуть на свою ситуацию со стороны, осознать скрытые или неконтролируемые трудности, пересмотреть установки по отношению к окружающим и соответствующим образом скорректировать собственные действия [2, с.12]. Данная технология осуществляется, если: природа неблагополучия кроется не в болезненных процессах в организме человека, а в особенностях его личности, специфике жизненной ситуации и характере взаимоотношений с окружающими; обращающийся за помощью и объективно не является, и субъективно не признает себя больным [1, с.7].

Опираясь на этот потенциал, эксперты приходят к закономерному выводу: результативность помощи зависит не от простого наличия методического инструментария, а от его точной адаптации к конкретным жизненным обстоятельствам клиента. В связи с этим отрасль постепенно отказывается от шаблонных решений в пользу гибких, дифференцированных моделей сопровождения. Подбор методов теперь диктуется индивидуальными запросами человека, уровнем его психологических ресурсов и социально-психологическими особенностями. Это формирует новый вектор развития, где универсальные принципы уступают место точечным, адресным вмешательствам. Именно это создаёт устойчивую базу для системного внедрения специализированных технологий, разработанных с учётом специфики отдельных категорий населения.

Разнообразие категорий клиентов, которым оказывается психологическая и социальная поддержка, требует тщательного анализа их потребностей, ожиданий, возрастных, социокультурных и психологических характеристик. К числу таких категорий относятся дети и подростки, взрослые в кризисных ситуациях, пожилые люди, лица с психическими расстройствами и многие другие. Каждая группа имеет свои особенности восприятия информации, реагирования на стресс, готовности к изменениям. Это обуславливает необходимость разработки и применения специализированных психологических технологий, учитывающих специфику целевой аудитории.

В работе с различными группами населения применяются следующие технологии психосоциальной работы. Психотерапия - долговременный процесс трансформации личности, характеризующейся глубокими изменениями в ее структуре. Нередко высказывается мнение о том, что психотерапия - это работа с патологической личностью [4, с.85].

Поддерживающая психотерапия направлена на анализ и коррекцию повседневного поведения клиента, преодоление жизненных трудностей, снижение социальной изоляции и формирование эффективных стратегий адаптации к окружающей среде. Данный подход рекомендован лицам с неустойчивой структурой «Я», склонностью к рискованному, суицидальному или зависимому поведению, а также пациентам с пограничными психическими расстройствами [9].

Семейная психотерапия используется в случаях, когда психические нарушения обусловлены дисфункциями внутрисемейных отношений. Терапевтическому воздействию подвергается не индивид, а вся система семейного воздействия, требующая анализа трансформации [6, с.5].

Аутогенная тренировка рекомендуется при расстройствах вегетативной нервной системы. Её ключевая задача — формирование у человека навыков саморегуляции эмоционального состояния, оперативного снижения напряжения и целенаправленного влияния на физиологические процессы. Метод базируется на технике пассивного самонаблюдения: в ходе занятий дети и подростки осваивают навыки релаксации, учатся вызывать ощущения тяжести, тепла, прохлады в области лба, нормализовать дыхание. По своему механизму данный подход близок к восточным медитативным практикам. Аутогенная тренировка также эффективна для профилактики стресса и снятия избыточного психоэмоционального напряжения у здоровых детей [10].

Гештальт-терапия и психодрама применяются при коррекции характерологических нарушений. Суть гештальт-терапии заключается в развитии у клиента осознанности текущего момента. Психодрама, в свою очередь, особенно эффективна в работе с подростками, отличающимися повышенной внушаемостью, впечатлительностью и инфантильными чертами личности. В процессе драматизированного проигрывания ситуаций осуществляется

поэтапная подготовка молодого человека к автономному, самостоятельному функционированию [11].

Психоаналитический подход в терапии направлен на погружение клиента в регрессивное состояние с целью повторного проживания и проработки непроработанных детских травм, которые актуализируются через свободные ассоциации и анализ сновидений. Ключевым рабочим механизмом выступает феномен переноса: клиент бессознательно проецирует на специалиста эмоциональные установки, изначально адресованные родителям. Формирующийся в ходе лечения «невротический перенос» при его последующей интерпретации и осмыслении оказывает коррегирующее воздействие на становление самосознания и структуры «Я» ребёнка. Применение этого метода способствует укреплению эго-структуры, повышению стрессоустойчивости, развитию рефлексивных навыков и формированию адаптивных стратегий поведения в объективно неизменных жизненных обстоятельствах [7, с.186]. Важным условием успешной психоаналитической работы является наличие у клиента стабильной бытовой обстановки и достаточного уровня социальной защищённости.

Особую сложность представляет сопровождение детей и подростков с асоциальным поведением. Накопленный негативный жизненный опыт, выраженный инфантилизм и проявления делинквентного поведения требуют формирования принципиально иной среды – основанной на эмоциональном принятии, эмпатии и позитивном подкреплении. Для такого типа поведения характерны сквернословие, употребление психоактивных веществ, хищения, агрессивные действия с причинением физического вреда. При этом несовершеннолетие лиц, вовлечённых в подобные практики, исключает применение мер уголовной ответственности, что смещает фокус вмешательства в сторону реабилитационных и профилактических мер.

В практике психосоциальной работы с данной категорией применяются следующие формы психотерапии: групповая терапия, тренинг, поведенческий подход, арт-терапия.

Из всех вышеперечисленных методов хочется подробнее рассмотреть арт-терапию, потому что она представляет собой универсальный метод воздействия на психику, является комфортной для детей и подростков, обладает широким спектром применения и эффективно используется в работе с различными категориями клиентов.

Арт-терапия – это специализированная форма оказания психологической помощи, основанная на искусстве, в первую очередь изобразительной и творческой деятельности. В основе арт-терапии лежит невербальный метод коммуникации между клиентом и психологом, клиентом и его продуктом творчества, а также социальным окружением клиента.

В ходе терапевтического процесса клиент активно включается в творческую деятельность. Опираясь на такие психологические механизмы, как сублимация, проекция, диссоциация и интеллектуализация, он получает возможность выйти на уровень бессознательных переживаний, опосредованно, через символические образы, выразить суть внутренних конфликтов и отыскать нестандартные пути их разрешения.

Данный метод является достаточно экологичным для всех участников процесса, т. к. негативное содержание происходящего с клиентом выливается на средства изобразительного искусства (краску, бумагу, песок, глину и др.).

На сегодняшний день выделяют 3 сферы использования методов арт-терапии: здравоохранение, образование и социальная сфера.

В связи с этим выделяют клиническую и образовательную модели арт-терапии. В клинической модели арт-терапии предметом работы является болезнь и ее симптомы, а целью работы – профилактика и устранение симптоматики больного. В образовательной модели арт-терапии предметом воздействия является личность, а целью работы улучшение психического состояния человека и раскрытие его личностного потенциала.

Ключевая цель арт-терапии заключается в достижении внутреннего равновесия клиента, возрождении его способности конструктивно преодолевать психологические трудности и расширении ресурсов для успешной социальной адаптации через творческую деятельность [3, с.8].

В практике данного направления решаются следующие задачи: привлечение внимания клиента к собственным телесным и эмоциональным переживаниям; формирование безопасной среды, способствующей осознанию и вербализации вытесненных мыслей и чувств; снижение психоэмоционального напряжения и нормализация нервно-психического баланса; содействие в поиске и моделировании эффективных стратегий преодоления жизненных затруднений с опорой на средства искусства. Поэтапная реализация указанных направлений и составляет содержание, а также логическую последовательность самого арт-терапевтического процесса взаимодействия специалиста с клиентом.

Арт-терапия может быть реализована в двух основных формах: активной и пассивной.

Активная форма арт-терапии стимулирует клиента к самостоятельной творческой деятельности. В этом случае сам процесс творчества рассматривается как ключевой инструмент коррекции. Клиент создаёт собственные продукты творчества, которые служат выражением его внутренних состояний и переживаний.

Пассивная форма арт-терапии предполагает использование уже существующих произведений искусства для анализа и интерпретации. Клиент погружается в мир созданных другими авторами образов, что позволяет ему глубже понять себя и свои эмоции.

На практике часто используется смешанная форма арт-терапии, которая сочетает элементы активной и пассивной форм. Клиент может вдохновляться существующими произведениями искусства, анализировать их и на основе полученных впечатлений создавать собственные творческие работы. Такой подход способствует более глубокому самопознанию и самовыражению.

В процессе арт-терапевтической сессии арт-терапевт осуществляет следующие функции: создание безопасной среды во время арт-терапевтической работы с клиентом; структурирование хода занятия, которое достигается за счет использования тематического подхода, этапов сессии и включенности психолога в коммуникацию с клиентом; сбор и интерпретация информации, формирование диагностической гипотезы; побуждение к активному диалогу клиента с психологом о содержательной стороне творческой работы, а также к спонтанным манипуляциям с продуктом творчества. Реализация этих функций порождает бережную, безопасную и творческую среду для самовыражения клиента, что содействует разрешению его психологических проблем [5, с.18].

Различные виды арт-терапии активно используются психологами, педагогами, социальными работниками в работе с маленькими детьми, так как они в большинстве случаев затрудняются в вербализации своих проблем и переживаний. Невербальная экспрессия для детей более естественна, их переживания выражаются через художественное изображение более непосредственно. Особенно это значимо для детей с речевыми нарушениями.

Упражнения с элементами арт-терапии являются достаточно эффективными при реализации коррекционной работы с подростками, принадлежащими «группе риска». Так как им очень сложно вербализовать происходящее с ними, что связано со слабым развитием рефлексивного Я. Также для большинства из них характерно наличие негативной Я-концепции, которую можно корректировать, используя богатый ресурс арт-технологий.

Применение методов арт-терапии может способствовать формированию системы поддержки для одаренных детей, сталкивающихся с психологическими трудностями в социализации из-за быстрого темпа своего интеллектуального развития.

В целом, использование арт-терапии позволяет работать с различными запросами. Перечислим лишь некоторые из них: снижение психоэмоционального напряжения, стабилизация нервно-психических процессов; коррекция эмоциональных нарушений (снижение уровня тревожности, агрессивности, коррекция страхов и др.); коррекция поведенческих нарушений, развитие волевой саморегуляции и самоконтроля; повышение самооценки и формирование здоровой Я-концепции; развитие коммуникативных навыков и гибких стратегий взаимодействия; развитие интеллектуальной сферы; поиск ресурсов и раскрытие творческого потенциала личности; диагностика и коррекция детско-родительских отношений; социальная адаптация; коррекция психосоматических нарушений и многое другое.

Арт-терапия, представляющая собой метод воздействия на психику человека с помощью искусства, охватывает множество направлений, соответствующих различным видам искусств. В самом общем понимании современная арт-терапия включает в себя следующие направления:

- изотерапия – лечебное воздействие на психическое состояние человека средствами изобразительного искусства: рисованием, лепкой, декоративно-прикладным искусством и т. д.;
- музыкальная терапия – воздействие через создание, воспроизведение или прослушивание различных звуков и мелодий, т. е. через восприятие музыки;
- библиотерапия – воздействие на психику посредством литературного творчества. Сюда можно отнести и сказкотерапию как один из видов литературного жанра;
- имаготерапия (imago – образ) – коррекционное воздействие через образ, театрализацию, драматизацию;
- кинезитерапия, ТДТ (воздействие движениями) – воздействие через танцевально-двигательную, коррекционную ритмику, хореотерапию и т. д.

В зависимости от средств и материалов также могут быть выделены более специфические направления арт-терапии, которые в глобальном масштабе (или по формальным признакам) могут быть включены в одно из перечисленных выше направлений.

Арт-терапия представляет собой современный и многообещающий подход, который способствует созданию комфортной атмосферы в образовательных, медицинских и социальных учреждениях. Этот метод содействует всестороннему развитию детей, а также помогает раскрыть их личностный и творческий потенциал. Более того, арт-терапия является эффективным инструментом для психологической коррекции личности.

Таким образом, интеграция научно обоснованных психологических технологий в социальную работу стала необходимым условием оказания эффективной помощи в условиях усложнения жизненных ситуаций и разнообразия клиентских запросов. Современная практика последовательно переходит от унифицированных схем к гибким, дифференцированным моделям сопровождения, где выбор методов строго обусловлен индивидуально-психологическими особенностями, уровнем ресурсности и социальным контекстом каждого человека. Широкий арсенал инструментов – от психодиагностики и консультирования до специализированных психотерапевтических практик, тренингов и особенно арт-терапии – позволяет не только смягчать негативные состояния, но и гармонизировать внутренний мир клиента, развивать адаптивные стратегии и раскрывать личностный потенциал.

Литература:

1. Бодлев, А. А. Общая психодиагностика А. А. Бодалев, В. В. Столин, В. С. Аванесов. — СПб.: Речь, 2000. — 440 с./
2. Гольева, Г. Ю. Психологическое консультирование: учебное пособие/Г. Ю. Гольева. — Челябинск: Цицеро, 2016. — 112 с.
3. Клокель, Е. А. Методы арт-терапии в работе с детьми и подростками: учебно-методическое пособие /сост. Е. А. Клокель, Н. А. Бурдыко; Академия образования.— Минск, 2025. — 265 с.
4. Панова, А. М. Социальная работа/А. М. Панова, Е. И. Холостова — М.:Социально-технологический институт, 1997.
5. Тарарина, Е. Практикум по арт-терапии в работе с детьми / Елена Тарарина. — К., 2018. — 256 с.
6. Черников, А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики / А. В. Черников. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Независимая фирма «Класс», 2001. — 208 с.
7. Шеляг, Т. В. Технологии социальной работы: учебник / Т. В. Шеляг, П. Д. Павленок, В. Ц. Худовердян [и др.]; отв. ред. Е. И. Холостова. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 400 с.

8. Холостова, Е. И. Социальная работа: учебник / Е. И. Холостова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 755 с.
9. https://psy.wikireading.ru/58477
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Аутогенная_тренировка
11. https://www.sssu.ru/sveden/files/Osnovy_geshtalytterapii.pdf

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Никифорова Т.Ю. *– кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социального образования и социологии» ФГБОУ ВО «Липецкий Государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*
Мялкина Ю.Н. *– студент института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий Государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*

Аннотация. В статье представлены особенности трансформации традиционных методик и социальной работы с наиболее незащищенными группами населения (лица пожилого возраста, инвалиды, многодетные семьи и др.) под влиянием процессов цифровых технологий. Отмечен феномен «цифрового разрыва, обуславливающий новый вид социального неравенства российских граждан, способный усугубить положение клиентов социальной сферы. Обоснована значимость сохранения человекоцентрированного подхода и введения института «цифровых кураторов» для преодоления существующих барьеров при получении социальных услуг лицами, относящимися к наиболее уязвимым группам населения.
Ключевые слова: социальная работа, уязвимые группы населения, цифровизация, искусственный интеллект, социальное обслуживание.

SPECIFICITY OF SOCIAL WORK WITH SOCIALLY VULNERABLE GROUPS IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION OF SOCIETY

Nikiforova T.Yu. *– Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of «Social Education and Sociology», Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*
Myalkina. J.N*. – student at the Institute of Psychology and Education Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Abstract. This article presents the transformation of traditional methods and social work with the most vulnerable groups of the population (the elderly, the disabled, large families, etc.) under the influence of digital technologies. It highlights the phenomenon of the "digital divide," which is causing a new type of social inequality among Russian citizens and potentially exacerbating the situation of social service clients. The importance of maintaining a person-centered approach and introducing the institution of "digital curators" to overcome existing barriers to accessing social services for individuals belonging to the most vulnerable groups is substantiated.
Key words: social work, vulnerable groups, digitalization, artificial intelligence, and social services.

В современное время отмечается процесс цифровой трансформации, который затрагивает все сферы жизни современного российского общества. В связи с этим повышаются требования к системе социальной защиты и социального обслуживания населения. К числу современных инноваций в области информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) относятся следующие: перевод значительного числа государственных услуг в электронную форму, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и получение ответа на различных информационных платформах.

Следует отметить, что внедрение в социальную среду цифровых инноваций обеспечивает такие дополнительные возможности, как повышение доступности и оперативности

получении разных видов услуг и видов помощи гражданами. В то же время для категорий населения, относящихся к наиболее уязвимым группам (люди пожилого и старческого возрастов, лица с ОВЗ и инвалидностью, малообеспеченные граждане, а также неполные и многодетные семьи) существуют трудности в овладении новыми информационными возможностями [2, с. 94].

По мнению Н.В. Летовой, существует цифровой разрыв, обуславливающий неравенство в использовании цифровых ресурсов со стороны получателей социальных услуг, что выражается «… в отсутствии возможности получать доступ к информационным технологиям гражданам, относящимся к социально уязвимым категориям (по состоянию здоровья, возраста, отсутствия технических и финансовых возможностей)» [9, с. 36].

В этой связи необходимо учитывать специфику социальной работы в условиях новой реальности. Для этого потребуется видоизменить и приспособить традиционные формы работы учреждений с гражданами таким образом, чтобы в них присутствовали такие важные качества специалиста по социальной работе как эмпатия, толерантность и др. Следует понимать, что живое общение (по типу человек-человек) не должно быть полностью заменено современными цифровыми алгоритмами. Цифровые технологии целесообразно применять только как дополнительный инструмент в работе специалиста системы социальной защиты.

Важным представляется обосновать существующие противоречия в социальной сфере в условиях цифровизации общества для выбора направления адаптации методик социальной работы с уязвимыми в социальном плане категориями граждан. К числу наиболее распространенных противоречий, возникающих в работе специалистов с получателями социальных услуг, относятся следующие:

1. Недостаток компетенций у граждан в использовании современных цифровых технологий, что обусловливает своеобразный цифровой разрыв. Он связан, с одной стороны, с большими возможностями и быстротой получения социальных услуг, а с другой стороны, с недостатком у людей (особенно социально незащищенных категорий) необходимых навыков и доступа к цифровым технологиям.

Так, согласно результатам Европейской сети социальных служб (ESN), «в ЕС только один из четырех людей в возрасте 65-74 лет обладает базовыми цифровыми навыками» [1]. В этом случае возникает ситуация, когда введение обязательных электронных очередей и подача онлайн-заявок в реальности создаст большие трудности на этапе оформления этих услуг, а затем при их получении для большого числа людей.

В отношении российских граждан, как отмечают Н.В. Летова и Н.И. Соловяненко, данная проблема может еще усугубиться территориальным фактором. То есть существующий цифровой разрыв отрицательно влияет на систему социального обслуживания и получение людьми социальных гарантий. Следовательно, возрастает социальная потребность в разработке мер государственной защиты прав слабозащищенных слоев населения [3].

Отметим некоторые парадоксы, которые нередко возникают у социальных работников в практической деятельности. Так, с одной стороны, им необходимо вносить все данные на клиентов в цифровые системы и вести аналогичную документальную отчетность, с другой стороны, возникают трудности, связанные с некомпетентностью отдельных граждан, которые не могут самостоятельно использовать портал Государственных услуг для осуществления записи на прием к специалисту. В такой ситуации специалисту социальной сферы потребуется овладеть новой функцией «цифрового навигатора» (куратора).

Для решения подобной проблемы в Тульской области по инициативе губернатора для реализации проекта по цифровой грамотности, потребовалось привлечь именно социальных работников. Во многом это связано с тем, что граждане пожилого возраста больше доверяют личности специалиста и готовы с их помощью освоить азы грамотности в условиях поддерживающей среды [8].

2. Адаптация методик работы специалистов социальной сферы с пожилыми людьми и инвалидами. Если ориентироваться на традиционную методику работы с гражданами старшего поколения, то важным является использование подходов, базирующихся на эмпатии, уважении к возрасту и потребностям получателей социальных услуг. Обращая внимание к цифровым технологиям, происходит не столько отмена традиционных подходов в работе,

сколько усовершенствование способов взаимодействия с клиентами. В этой связи отметим, что современному специалисту потребуется обучить пожилых граждан цифровым навыкам: сделать видеозвонок, записаться к врачу на прием в формате online, а также обезопасить себя от действий мошенников.

Для категории граждан с инвалидностью цифровое пространство способно предоставить ряд возможностей как для трудоустройства, так и для социализации, которые раньше были недоступны большинству граждан. При этом должен использоваться комплексный подход в работе, обеспечивающий следующие условия: доступ к цифровым устройствам (гаджетам), наличие образовательных (в том числе адаптированных) программ, и устранение барьеров в социальной среде для беспрепятственного доступа к цифровым зонам на территории региона [7].

3. Наличие рисков алгоритмизации при работе с семьями и детьми. Важно отметить, что применение систем искусственного интеллекта и аналитических расчетов в работе с семьями, у которых имеет место трудная жизненная ситуация (многодетные, малообеспеченные, кризисные семьи), требует особого внимания и контроля.

В российском обществе на практике пока еще не происходит полного делегирования алгоритмам решения всех жизненных ситуаций граждан. В тоже время отмечается использование цифровых платформ для учета и мониторинга семей и детей, что имеет такую оборотную сторону медали как «цифровое отчуждение». Следует признать тот факт, что внедрение автоматизированных систем в практику работы специалистов социальной сферы диктует необходимость вести строгую отчетность, заполнять электронные формы учета данных на обслуживаемых граждан в ущерб живому общению. По мнению И.П. Фадеевой и В.П. Смолькина «цифровизация социальных услуг создает риск подмены живого взаимодействия клиента и специалиста обезличенным обменом данными» [6, с. 522].

При работе учреждений системы социальной защиты населения с многодетными семьями требуется учитывать не только специфику данного типа семей, но и особые ситуации для каждой из них. Отметим, что даже самые современные цифровые технологии и алгоритмы, используемый в работе с семьями, зачастую не смогут отличить разницу между ситуацией педагогической запущенности, возникшей из-за недостатка знаний, времени (человеческих ресурсов) и фактом жестокого обращения с женщинами, детьми или пожилыми людьми. Поэтому большую роль будет играть профессиональное мнение специалиста по социальной работе в каждом конкретном случае.

4. Смешенный (гибридный) подход в получении социальных услуг предполагает необходимость совмещать информационные технологии и человеческий фактор (понимание, эмпатия, компетентность). Данный подход в социальной работе является наиболее комфортным для получателей социальных услуг старшего поколения и людей с ОВЗ или инвалидностью и предполагает совмещение разных функций, которые выполняет специалист-профессионал и технология, внесенная в цифровую систему.

Следует отметить, что в Бельгии используется платформа Mijn Sociaal Dossier в рамках проекта двух городов Антверпен и Брюгге. Создание данной платформы дает возможность клиентам возможность беспрепятственно получить доступ к своим данным, что, тем самым, позволяет общаться со специалистами в формате онлайн. Тем не менее, этот способ работы с помощью платформы не может полностью заменить живого общения, однако помогает уменьшить административную нагрузку на работника социальной сферы [4].

Одной из важных особенностей смешенного (комфортного) подхода является наличие права у гражданина делать выбор наиболее удобной для себя формы получения услуги и взаимодействия со специалистом. Поэтому в обязанность специалиста входит необходимость предоставить клиенту социальной сферы оптимальный для него вариант подачи заявления и работы с документами.

По мнению Н.В. Летовой, в системе социального сервиса должны быть созданы условия, отвечающие принципу равенства и доступности социальных услуг для всех граждан. Чтобы этот принцип был осуществлен на практике, потребуется предоставить помощь специалистов тем людям, которые не владеют цифровыми технологиями. При этом для таких

людей также предусмотрен вариант получения услуг в бумажном варианте [9]. В свою очередь, это вызовет необходимость нормативного закрепления «цифрового ассистирования» как инновационной и обязательной функции социального работника.

В заключение отметим, что внесение цифровых технологии (с использованием искусственного интеллекта) в современное общество требует дополнительных изменений в специфике услуг, предоставляемым гражданам в области социальной работы. Для наиболее уязвимых групп населения, к которым относятся пожилые люди, инвалиды, многодетные семьи этот процесс несет двойственный эффект. Использование цифровых технологий обеспечивает комфортные условия в работе (быстроту подачи заявления, получения документа по личному запросу, облегчают доступ к услугам и т.п.). Однако подобная цифровизация при предоставлении разных видов услуг населению создает новые барьеры, обусловленные некомпетентностью отдельных категорий граждан (пожилых людей, лиц с ОВЗ и инвалидностью и др.) в их использовании (цифровое неравенство), а также возрастает риск дегуманизации при работе с получателями социальных услуг.

Учитывая специфику современной социальной работы, следует не столько полностью отказывать от ранее используемых технологий, сколько адаптировать их под особые нужды разных категорий населения (с учетом возраста и характера имеющегося запроса). Поэтому традиционные методы работы, основанные на человековедческом аспекте (доверии и эмпатии) нуждаются в дополнении теми возможностями, которыми располагают функции «цифрового наставничества». Образ социального работника в XXI веке предстает в виде специалиста, обладающего универсальными компетенциями, который берет на себя полномочие не только оказать помощь клиенту в решении социально-бытовых задач, но и способен быть применять цифровые технологии.

Таким образом, только благодаря сочетанному использованию современных достижений в области ИКТ, в том числе искусственного интеллекта и человеческого участия в процессе оказания социальных услуг, можно достичь более высокой эффективности в работе специалиста и клиента социальной сферы. Именно данный континуум становится особенно важным в социальной сфере, поскольку создание алгоритмов должно повышать эффективность (быстроту и качество) предоставления разных социальных услуг гражданам, что будет помогать в реализации наиболее значимых целей социальной работы.

Литература:

1. Говорова Н.В. Социальная экономика ЕС: путь к преодолению неравенства? // Современная Европа. 2024. – № 4. – С. 140-150**.**

2. Долматова Ю.Ю., Полоскина О.В. Внедрение информационных технологий в практику социальной работы // Актуальные проблемы социальной сферы: теория и практика : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Тамбов, 27 апреля 2023 года / Отв. редактор Н.В. Курилович. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 93-95.

3. Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Государственная социальная помощь отдельным категориям граждан: цифровой разрыв и юридические способы его преодоления // Закон. – 2024. – № 12. – С. 66-72. – DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-12-66-72.

4. Приключи проект "Дигитално разделение и социални неравенства: равнища, актьори и взаимодействия“ // Институт по философия и социология при БАН. – 31.10.2025. – URL: https://ips-bas.org/priklyuchi-proekt-digitalno-razdelenie-i-soczialni-neravenstva-ravnistha-aktori-i-vzaimodejstviya/ (дата обращения: 18.03.2026).

5. Растворцева С.Н., Панина Е.В. Муниципальные цифровые платформы в социально-экономическом развитии города (на примере Амстердама и Берлина) // Современная Европа, 2025. – № 2. – С. 92-104. – URL: munitsipalnye-tsifrovye-platformy-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-goroda-na-primere-amsterdama-i-berlina.pdf

6. Фадеева И.П., Смолькин В.П. Перспективы и последствия цифровизации социальной сферы в Российской Федерации // Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2024. – С. 521-524.

7. Цифровые решения для инклюзии: итоги круглого стола в Ассоциации инвалидов Узбекистана // Республиканский центр социальной адаптации детей. – 22.05.2025. – URL: https://rcsad.uz/torg/910.htm (дата обращения: 18.03.2026).
8. Цифровой грамотности туляков будут учить социальные работники // Первый Тульский. – 24.09.2025. – URL: https://1tulatv.ru/novosti/239003-cifrovoy-gramotnosti-tulyakov-budut-uchit-socialnye-rabotniki.html (дата обращения: 18.03.2026).
9. Letova N.V. Digitalization of Social Services: Problems of Theory and Practice // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 34-40. – DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.12.34-40.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Сулейманова Т.Г. *- кандидат психологических наук, доцент кафедры Психологии и педагогики Андижанский государственный университет им З. М. Бабура, Андижан, Узбекистан.*

Аннотация**:** статья посвящена анализу функций социальных служб в обеспечении успешной адаптации мигрантов в новой для них культурной среде. Особое внимание уделено психологическим трудностям, включая стресс, возникающий при вступлении мигранта в новую для него культурную среду, и культурный шок. Рассматриваются механизмы преодоления социальной изоляции, формирования навыков саморегуляции, развития адаптационных ресурсов личности и интеграции в новое сообщество.
Ключевые слова: мигранты, социальные службы, социально-психологическая адаптация, стресс, культурный шок, социальная изоляция, межкультурная коммуникация, социальная поддержка, адаптационные ресурсы, психологическая помощь

THE ROLE OF SOCIAL SERVICES IN THE PROCESS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF MIGRANTS

Suleymanova Tuktakhon Gainazarovna *Andijan State University, PhD, Associate Professor*

Abstract**:** This article is devoted to the analysis of the functions of social services in ensuring the successful adaptation of migrants in a new cultural environment. Particular attention is paid to psychological difficulties, including stress that arises when a migrant enters a new cultural environment, and cultural shock. Mechanisms for overcoming social isolation, developing self-regulation skills, enhancing adaptive resources, and integrating into a new community are examined.
Keywords**:** migrants, social services, socio-psychological adaptation, stress, cultural shock, social isolation, intercultural communication, social support, adaptive resources, psychological assistance

Роль социальных служб в процессе социально-психологической адаптации мигрантов в современных условиях приобретает все более значимый характер, что обусловлено не только увеличением масштабов миграционных процессов, но и их качественным усложнением.

Миграция сегодня выступает как многогранное социальное явление, затрагивающее экономические, культурные и психологические аспекты жизни общества. Перемещение человека в новую социальную среду неизбежно сопровождается изменением привычных условий существования, разрывом устоявшихся социальных связей и необходимостью освоения новых норм и правил поведения. В результате этого у мигрантов часто возникают состояния психологического дискомфорта, тревожности, социальной дезориентации, что делает проблему адаптации одной из центральных в современной социальной психологии и социальной работе [1, с. 47].

Адаптация – это процесс приспособления личности к новым условиям жизни, социальным и культурным нормам общества. Она включает в себя как психологические, так и социальные компоненты и обеспечивает устойчивость личности в новых условиях. С точки

зрения социальной психологии, адаптация представляет собой согласование деятельности и поведения человека с требованиями новой социальной среды [1, с. 47].

Для личности адаптация имеет большое значение.

Во-первых, она обеспечивает психологическую устойчивость, снижая уровень тревожности и депрессии.

Во-вторых, адаптация способствует социальной активности, позволяя мигранту эффективно включаться в трудовую, образовательную и общественную деятельность. В-третьих, успешная адаптация открывает возможности для экономической и культурной интеграции, позволяя мигранту реализовать свой потенциал в новой среде [3, с. 84].

В научной литературе проблема адаптации мигрантов рассматривается как сложный и многоуровневый процесс, включающий в себя взаимосвязанные компоненты. Г.М. Андреева подчеркивает, что адаптация представляет собой не просто приспособление к внешним условиям, а активный процесс взаимодействия личности и социальной среды, в ходе которого происходит взаимное изменение как индивида, так и общества [2, с. 118]. А.А. Реан отмечает, что адаптация связана с внутренними ресурсами личности, такими как стрессоустойчивость, уровень саморегуляции и способность к социальному взаимодействию [3, с. 84]. В свою очередь, Т.Г. Стефаненко рассматривает адаптацию через призму межкультурного взаимодействия, выделяя такие стадии, как культурный шок, постепенное привыкание и интеграция в новую культурную среду [4, с. 160]. Дополняя эти подходы, современные исследователи указывают на важность социальной поддержки и институциональной помощи, без которых успешная адаптация становится затруднительной [5, с. 69].

Процесс социально-психологической адаптации мигрантов осложняется рядом объективных и субъективных факторов.

К объективным относятся различия в социально-экономических условиях, правовые ограничения, языковой барьер и культурные различия.

Субъективные факторы включают индивидуальные особенности личности, уровень образования, жизненный опыт и мотивацию к интеграции.

В совокупности эти факторы могут приводить к развитию негативных психоэмоциональных состояний, таких как хронический стресс, тревожность, депрессивные реакции и снижение социальной активности [6, с. 97]. В таких условиях возрастает риск социальной дезадаптации, которая проявляется в изоляции, ограничении социальных контактов и затруднении участия в общественной жизни.

Особую значимость в преодолении данных трудностей приобретают социальные службы, выступающие в качестве ключевого института поддержки мигрантов. Их деятельность направлена на создание условий, способствующих успешному включению мигрантов в принимающее общество. Одной из важнейших функций социальных служб является информационно-консультативная помощь, которая включает предоставление сведений о правах и обязанностях мигрантов, порядке оформления документов, возможностях получения образования, медицинских услуг и трудоустройства. Такая информация позволяет мигрантам быстрее ориентироваться в новой социальной среде и снижает уровень неопределенности, что положительно сказывается на их психологическом состоянии [7, с. 54].

Процесс адаптации осложняется объективными и субъективными факторами: различия в социально-экономических условиях, языковой барьер, правовые ограничения и культурные различия, а также индивидуальные особенности, уровень образования, жизненный опыт и мотивация к интеграции [6, с. 97]. Все это может приводить к развитию тревожности, хронического стресса, депрессивных реакций и снижению социальной активности.

Особую роль в преодолении трудностей адаптации играют социальные службы и компетентные социальные работники. Их деятельность направлена на комплексную поддержку мигрантов и создание условий для успешного включения в принимающее общество [5, с. 69].

Основные функции социальных работников в процессе формирования социальной адаптации мигрантов включают: диагностику потребностей и психологического состояния мигрантов [7, с. 60], предоставление консультативной и информационной поддержки о правах, образовательных и медицинских услугах, а также возможностях трудоустройства [7, с.

54]; оказание психологической помощи через индивидуальные и групповые консультации, психокоррекционные тренинги, направленные на развитие навыков саморегуляции и повышение уверенности в себе [3, с. 105; 8, с. 72]; социальное сопровождение мигрантов в бытовых и административных вопросах, включая помощь с поиском жилья, трудоустройством и обращениями в государственные учреждения ; посредничество между мигрантами и различными социальными институтами для снижения социальной изоляции и ускорения интеграци]; организацию образовательных и культурных мероприятий, включая курсы языка и культурной адаптации, способствующих развитию межкультурной компетентности; защиту прав мигрантов и предотвращение случаев дискриминации; а также использование цифровых технологий, таких как онлайн-консультации и информационные платформы, для расширения доступа к социальным услугам. [7, с. 60 4, с. 175,8, 15с]

Не менее важным направлением деятельности социальных служб является оказание психологической помощи. Переезд в другую страну сопровождается значительными эмоциональными нагрузками, связанными с необходимостью адаптации к новым условиям жизни. Социальные работники и психологи проводят диагностику эмоционального состояния мигрантов, выявляют уровень тревожности, стрессоустойчивости и адаптированности, после чего разрабатывают индивидуальные программы поддержки.

Социальное сопровождение занимает важное место в системе помощи мигрантам и предполагает комплексную поддержку в решении повседневных жизненных задач. Социальные работники оказывают помощь в поиске жилья, содействуют трудоустройству, сопровождают мигрантов при обращении в государственные учреждения и образовательные организации. Кроме того, они выполняют посредническую функцию, способствуя установлению контактов между мигрантами и представителями различных социальных институтов. Такая деятельность позволяет снизить уровень социальной изоляции и способствует более быстрому включению мигрантов в общественную жизнь [8, с. 69].

Важной задачей социальных служб является формирование межкультурной компетентности, которая рассматривается как способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур. Организация культурных мероприятий, образовательных программ и языковых курсов способствует развитию взаимопонимания и снижению уровня предвзятости. Это особенно актуально в условиях многонационального общества, где успешная интеграция мигрантов напрямую связана с уровнем толерантности принимающего населения [4, с. 175].

Следует отметить, что успешная адаптация мигрантов имеет значительное экономическое значение для принимающего государства. Мигранты активно участвуют в экономической жизни, восполняя дефицит рабочей силы в различных отраслях. Их трудовая деятельность способствует увеличению производства, развитию сферы услуг и росту налоговых поступлений. Кроме того, мигранты часто обладают уникальными профессиональными навыками и опытом, что позволяет им вносить вклад в инновационное развитие экономики. Таким образом, эффективная интеграция мигрантов является важным фактором экономического роста и устойчивого развития государства [9, с. 92].

Наряду с экономическими аспектами, миграция оказывает существенное влияние на социально-культурное развитие общества. Взаимодействие различных культур способствует обогащению духовной жизни, расширению культурного пространства и формированию новых форм социальной коммуникации. Однако данный процесс требует грамотного управления, поскольку отсутствие поддержки может привести к возникновению межкультурных конфликтов. В этом контексте социальные службы выполняют важную роль в обеспечении гармоничного взаимодействия между мигрантами и принимающим населением, способствуя формированию атмосферы взаимного уважения и доверия [5, с. 73].

Профессиональная деятельность социальных работников в сфере адаптации мигрантов отличается многоаспектностью и требует высокого уровня компетентности. социальных работников Они осуществляют диагностику потребностей клиентов, разрабатывают и реализуют индивидуальные программы сопровождения, координируют взаимодействие с государственными и негосударственными организациями, оказывают консультативную и

психологическую помощь. Особое внимание уделяется мониторингу результатов адаптации, что позволяет своевременно выявлять возникающие проблемы и корректировать стратегию работы. Кроме того, социальные работники выполняют защитную функцию, отстаивая права мигрантов и предотвращая случаи дискриминации [7, с. 60].

В современных условиях значительную роль начинают играть цифровые технологии, которые активно внедряются в деятельность социальных служб. Использование онлайн-консультаций, информационных платформ и мобильных приложений позволяет значительно расширить доступ мигрантов к необходимым услугам. Это особенно важно для тех категорий мигрантов, которые по различным причинам ограничены в возможности личного обращения в социальные учреждения. Цифровизация социальной работы способствует повышению ее эффективности и оперативности, а также обеспечивает более широкий охват нуждающихся в помощи [8, с. 72].

Дополнительно следует подчеркнуть, что в процессе адаптации важную роль играет не только помощь со стороны социальных служб, но и активная позиция самих мигрантов. Готовность к интеграции, стремление к изучению языка и культуры принимающего общества, участие в социальной жизни значительно повышают шансы на успешную адаптацию. Взаимодействие усилий мигрантов и социальных служб создает условия для формирования устойчивых социальных связей и достижения психологического благополучия.

Социальные службы выступают ключевым элементом системы поддержки мигрантов, обеспечивая комплексное сопровождение на всех этапах адаптации. Их деятельность направлена на снижение уровня психологического напряжения, развитие социальных навыков и формирование условий для успешной интеграции. Эффективная работа социальных служб способствует не только улучшению качества жизни мигрантов, но и укреплению социальной стабильности, экономическому развитию и культурному обогащению принимающего общества. эффективная деятельность социальных служб способствует снижению психологического напряжения, развитию социальных навыков, формированию устойчивых социальных связей и успешной социально психологической адаптации мигрантов.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Психология личности. – М.: Наука, 1991.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Реан А.А. Психология адаптации личности. – СПб.: Питер, 2006.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004.
5. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 2005.
6. Парыгин Б.Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1999.
7. Холостова Е.И. Социальная работа. – М.: Дашков и К, 2010.
8. Фирсов М.В. Теория социальной работы. – М.: Академический проект, 2002.
9. Ядов В.А. Социология личности. – М.: Наука, 2000.

ИНКЛЮЗИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Головатая М.А. *- студентка направления подготовки: Социальная работа в системе социальных служб 39.03.02, Сибирского государственного университета науки и технологий им. А.Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия.*

Овсянникова Д.С. *- студентка направления подготовки: Социальная работа в системе социальных служб 39.03.02, Сибирского государственного университета науки и технологий им. А.Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия.*

Рудых О.А. *- кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы, института социального инжиниринга, Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени М.Ф. Решетнева», Красноярск, Россия.*

Аннотация: Данная статья посвящена роли социальной работы в процессе инклюзии людей с ограниченными возможностями. Анализируются методы и подходы, применяемые специалистами для поддержки, а также важность профессионализма и эмпатии социальных работников для эффективного взаимодействия с клиентами. В работе также представлен

анализ успешных практик инклюзии в России, направленный на выявление наиболее эффективных моделей интеграции людей с ограниченными возможностями в общество.
Ключевые слова: инклюзия, инвалидность, социальная работа, специалист по социальной работе.

INCLUSION OF PEOPLE WITH DISABILITIES: THE ROLE OF SOCIAL WORK

Golovataya M.A. *- student of the direction of training: Social work in the system of social services 39.03.02, Siberian State University of Science and Technology named after A.F. Reshetnev.*
Ovsyannikova D.S*. - student of the direction of training: Social work in the system of social services 39.03.02, Siberian State University of Science and Technology named after A.F. Reshetnev.*
Scientific adviser: ***Rudykh O.A.*** *- Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work, Institute of Social Engineering, Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev"*

Abstract: *This article focuses on the role of social work in the process of inclusion of people with disabilities. It analyzes the methods and approaches used by specialists to provide support, as well as the importance of professionalism and empathy of social workers in effective interaction with clients. The article also presents an analysis of successful inclusion practices in Russia, aimed at identifying the most effective models of integration of people with disabilities into society.*
Keywords: *inclusion, disability, social work, social worker.*

Инклюзия людей с инвалидностью представляет собой важный аспект социальной политики и практики, который находит свое отражение в различных сферах жизни общества. В последние десятилетия в России наблюдается активное внимание к вопросам инклюзии, что связано с изменением общественного сознания и стремлением к созданию более справедливого и равноправного общества. Инклюзия подразумевает не только физическое присутствие людей с инвалидностью в обществе, но и их полноценное участие в социальной, экономической и культурной жизни [1]. Это требует от всех участников процесса, включая государственные структуры, общественные организации и самих людей с инвалидностью, активных действий и взаимодействия.

Важно понимать, что инклюзия — это не просто абстрактное понятие, а целенаправленная деятельность, которую следует интегрировать в различные сферы жизни общества, чтобы гарантировать активное участие людей с инвалидностью в социальном, образовательном и культурном контекстах [5]. Социальная работа с людьми с инвалидностью представляет собой важный аспект комплексного подхода к инклюзии, включающему не только поддержку и помощь, но и активное участие в создании благоприятных условий для социализации. Профессионалы в области социальной работы играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая доступ к услугам и ресурсам, необходимым для полноценной жизни.

Однако за любыми успешными инклюзивными практиками всегда стоят конкретные люди — педагоги, тьюторы, социальные работники и психологи. Качество их работы напрямую зависит не только от профессиональных компетенций, но и от эмоциональной устойчивости и внутренней мотивации. К сожалению, высокая нагрузка и недостаточное признание обществом значимости их труда часто приводят к синдрому профессионального выгорания. В связи с этим в ряде российских регионов, например в Москве и Санкт-Петербурге, начинают внедряться программы супервизии и психологической поддержки самих специалистов. Формирование таких «зон заботы о заботящихся» — это не второстепенный вопрос, а стратегическое условие устойчивости всей системы инклюзии. Только когда сам социальный работник чувствует уважение и поддержку, он способен транслировать это отношение вовне, превращая формальные стандарты обслуживания в подлинно человекоцентричную помощь.

Основной задачей социальной работы является содействие в преодолении барьеров, мешающих инклюзии, и повышение качества жизни лиц с ограниченными возможностями [1]. Социальные работники должны быть вооружены современными методами и инструментами, которые помогают учитывать индивидуальные потребности и способности своих клиентов. Однако доступ к таким методам остается ограниченным, что часто связано с недостаточной подготовкой специалистов и отсутствием необходимых ресурсов.

Важно подчеркивать, что инклюзия требует не только профессионализма, но и готовности к открытому диалогу с сообществом, родителями и самими людьми с инвалидностью, что может значительно усилить эффект от внедрения инклюзивных практик [2]. Одной из значимых задач социальной работы является привлечение родителей и широкой общественности к процессу инклюзии. Участие семей в социальных инициативах создает дополнительную поддержку для детей и подростков с инвалидностью, способствуя улучшению их социальной адаптации. Исследования показывают, что вовлечение родителей в проекты и программы дает положительные результаты, значительно повышая шансы на успешную интеграцию детей в образовательные и социальные среды [1].

Немаловажным аспектом работы социальных служб является создание сетей поддержки и сотрудничество с различными учреждениями и организациями. Подобная взаимодействие в рамках местных сообществ способствует более эффективному обмену опытом и ресурсами, необходимыми для устойчивой инклюзии. Сложные и многоуровневые задачи инклюзивного процесса могут быть решены только в условиях активного взаимодействия всех участников, включая государственные структуры, образовательные учреждения и неправительственные организации [3].

Существует множество примеров успешных программ социальной работы, направленных на инклюзии людей с инвалидностью. Эти программы варьируются от образовательных инициатив до проектов по трудоустройству, и они демонстрируют, как системный подход может изменить отношение общества к людям с ограниченными возможностями и улучшить качество их жизни. Однако критически важно продолжать анализировать и выявлять существующие барьеры и трудности, с которыми сталкиваются лица с инвалидностью, что позволит адаптировать практики социальной работы к реальным потребностям [5]. Социальная работа в сфере инклюзии должна быть динамичной и адаптируемой, учитывающей изменения в обществе и потребности людей с инвалидностью. Это подразумевает регулярное обучение специалистов, постоянный мониторинг эффективности реализуемых программ и активное взаимодействие с нейтральными структурами для выявления и решения проблем [4]. Инклюзия — это не только обязанность общества, но и его преимущество, отражающее ценность разнообразия и уважение к человеческому достоинству.

Важно отметить, что методы социальной работы с людьми с инвалидностью должны учитывать специфические нужды этой категории граждан и обеспечивать их полноценное включение в общество. Одним из основных направлений является создание безбарьерной среды, направленной на устранение физических преград, которые могут затруднять доступ к общественным ресурсам. Это может включать установку пандусов, расширение дверных проемов и адаптацию санитарных объектов [1]. Правильная инфраструктура создает основы для дальнейшей социальной интеграции и реабилитации.

Социальная реабилитация также занимает центральное место в практике социальной работы. Это включает использование различных технологий, таких как канистерапия, которая помогает повысить эмоциональное состояние военно-психически устойчивых и развить способности. Исследования показывают, что взаимодействие с животными может значительно улучшать общее качество жизни людей с инвалидностью [2]. Психологическая поддержка является важным компонентом реабилитации. Она может включать работу с семьей, обучающую родных основам инклюзии и помощи людям с инвалидностью. Психологи и социальные работники должны быть обучены методам, позволяющим справляться с эмоциональными и психологическими трудностями, которые могут возникнуть у пациентов и их близких [3]. Образовательные программы, адаптированные для детей с ограниченными возможностями, способствуют более эффективному обучению. Разработка инклюзивных методик рассматривается как способ, способствующий социальной адаптации и

развитию, что также подчеркивает важность повышения квалификации педагогов в этом направлении [4].

Анализ государственной политики позволяет выявить существующие проблемы в области социальной поддержки людей с инвалидностью и разрабатывать эффективные меры по их устранению. Важно, чтобы социальные службы были адекватно проинформированы о новейших инициативах и программах, которые могут улучшить жизнь данной группы населения [5]. Научные исследования также играют значительную роль в развитии методов социальной работы. Они предлагают новые подходы и эффективные практики, которые могут быть внедрены в практику [1]. Изучение и анализ существующих методов и технологий социальной работы помогает адаптировать их к нуждам конкретной области и делает услуги более доступными для людей с инвалидностью. Социальная работа с людьми с инвалидностью требует комплексного подхода, основанного на научных данных, который включает в себя создание доступной среды, реабилитацию, психологическую поддержку, адаптированное образование и анализ политики. Каждое из направлений взаимосвязано и является важным для комплексной интеграции людей с ограниченными возможностями в общество.

В процессе оказания помощи человеку с ограниченными возможностями социальной работник сталкивается с уникальными вызовами, требующими не только технических навыков, но и глубокого понимания эмоций и потребностей клиента. Эмпатия, как способность воспринимать и понимать чувства другого человека, играет ключевую роль в установлении доверительных отношений и эффективной коммуникации между клиентом и специалистом [1]. Современные исследования показывают, что именно способность к сопереживанию усиливает позитивный результат работы социального работника. К примеру, создание среды, где клиент чувствует себя понятым и принятым, значительно увеличивает вероятность успешного решения социальных и психологических проблем, с которыми он сталкивается [2]. В этом контексте эмпатия становится не только важным качеством, но и стратегическим элементом в социальной работе, способствующим интеграции людей с инвалидностью в общество.

Эмпатия, как фундаментальная компетенция, перекликается с другими важными личностными качествами социального работника, такими как толерантность и способность к коммуникации. Эти качества способствуют формированию альтруистических отношений и взаимопониманию в процессе взаимодействия с людьми, которые нуждаются в поддержке [4]. Следует отметить, что наличие эмпатийных способностей не только улучшает качество работы специалистов, но и влияет на общественное восприятие социальной работы в целом. В современном обществе, где растет количество людей с инвалидностью, важно не только создавать инфраструктуру для их поддержки, но и формировать культурные стандарты, основанные на уважении и понимании индивидуальности каждого человека [5].

Нельзя не отметить, что в России наблюдается прогресс в области инклюзии людей с инвалидностью, и среди наиболее заметных практик можно выделить развитие инклюзивного образования и спорта. Одним из ярких примеров является ДЮСАШ № 15 в Мурманске, где созданы условия для занятий плаванием и легкой атлетикой. Программы, такие как «Общая физическая подготовка» и «Учусь плавать», активно поддерживают участие детей с инвалидностью в спортивных мероприятиях, что значительно способствует их социальной интеграции [1].

Общественные организации, например «Перспектива» и «Ковчег», играют активную роль в распространении инклюзивных практик. Эти организации занимаются продвижением идей инклюзии и интеграции людей с ограниченными возможностями в общественную жизнь. Они знают, что инициирование таких изменений требует комплексного подхода, включая активное взаимодействие с образовательными учреждениями для повышения их доступности [2].

В сфере высшего образования также наблюдается позитивная динамика. Во многих университетах России значительно увеличена доступность образовательных услуг для инвалидов, что подтверждается созданием кураторских служб, ответственных за поддержку

студентов с особыми потребностями. Это служит не только для помощи в учебе, но и для формирования максимально комфортной социальной среды для полной интеграции [3]. Министерство культуры Российской Федерации активно реализует программы, направленные на инклюзию в культурной сфере. В рамках Национального проекта «Культура» осуществляется поддержка участия людей с инвалидностью в культурных мероприятиях, что открывает новые горизонты как для самих участников, так и для общества в целом [4]. Инклюзивные инициативы не только способствуют реализации творческого потенциала, но и повышают уровень осведомленности и толерантности в обществе. Кроме того, поддержка инклюзивных практик в культурной сфере позволяет продвигать людей с инвалидностью к получению творческих профессий, что в свою очередь обогащает культурное разнообразие страны и укрепляет ее социальные связи. Люди с инвалидностью получают возможность не только участвовать в общественной жизни, но и вносить свой вклад в культурные процессы, что подтверждается многочисленными положительными примерами [5]. Таким образом, текущие практики инклюзии в России представляют собой разносторонний и динамичный процесс, который требует дальнейших усилий со стороны государства, общественных организаций и всех граждан для достижения полной социальной интеграции людей с инвалидностью.

Литература:

1. Ковальчук Е. М., Архипова О. А., Равные среди равных: опыт и технологии социальной работы с людьми с нарушением интеллекта // Евразийский Союз Ученых. 2015. №8-4 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ravnye-sredi-ravnyh-opyt-i-tehnologii-sotsialnoy-raboty-s-lyudmi-s-narusheniem-intellekta (21.05.2025).
2. Гришковец А.А., Галицкая Н.В., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-gosudarstvennoy-podderzhki-i-zaschity-prav-invalidov-v-sovremennoy-rossii-administrativno-pravovye-aspekty (21.05.2025).
3. Зливко А.П., Джаникян В.А., Криворогова В.С., ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ В РФ // Вестник магистратуры. 2016. №6-3 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-invalidov-v-rf (21.05.2025).
4. Шаповал И. А. Диспозиции социальных субъектов инклюзии и интеграции лиц с инвалидностью в общество // Ценности и смыслы. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dispozitsii-sotsialnyh-subektov-inklyuzii-i-integratsii-lits-s-invalidnostyu-v-obschestvo (21.05.2025).
5. Раузе Мартин, Лапхам Кейт Долгий путь навстречу инклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2013. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dolgiy-put-navstrechu-inklyuzii (21.05.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Шакуева М. А. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*
Желиготова Р.М. *- к. ф. н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Аннотация: В статье рассматривается проблема трансформации ценностных ориентиров в представлениях современной молодежи. Автор анализирует ключевые факторы, влияющие на изменение мировоззрения молодого поколения в современных социально-культурных условиях. Особое внимание уделяется выявлению новых вызовов, которые данные процессы создают для системы социальной защиты населения. На основе исследования формулируются актуальные задачи социальной работы, направленные на адаптацию методов поддержки к реальным запросам молодежи. Предложенные рекомендации способствуют повышению эффективности социального сопровождения и гармонизации отношений между поколениями.
Ключевые слова: молодежь, ценности, социальная работа, трансформация, социализация.

TRANSFORMATION OF VALUES IN THE IDEAS OF MODERN YOUTH: TASKS OF SOCIAL WORK

Shakueva M. A. *- student of the 4th degree in the direction of training "Social work", Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*
Scientific supervisor: Zheligotova Radina Mikhailovna, PhD, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.

Annotation: This article examines the transformation of value orientations in the perceptions of modern youth. The author analyzes the key factors influencing the changing worldview of the younger generation in the current socio-cultural context. Particular attention is paid to identifying the new challenges these processes pose for the social welfare system. Based on this research, current social work objectives are formulated, aimed at adapting support methods to the real needs of young people. The proposed recommendations contribute to increasing the effectiveness of social support and harmonizing intergenerational relations.

Key words: youth, values, social work, transformation, socialization.

В условиях современной социокультурной динамики, характеризующейся высокой степенью неопределенности, глобализационными процессами и стремительной цифровизацией всех сфер общества, проблема трансформации ценностных ориентаций молодежи приобретает статус одного из ключевых объектов социологического и социально-педагогического исследования. Молодежь как социально-демографическая группа, находящаяся на этапе интенсивной социализации и формирования гражданской идентичности, выступает наиболее чувствительным объектом данных изменений [1]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что ценностные предпочтения молодого поколения фундаментально отличаются от ценностных систем предшествующих поколений, что порождает межпоколенческий разрыв и создает существенные вызовы для институтов социальной защиты. Традиционные механизмы трансляции культурных норм и моральных установок, ранее осуществлявшиеся через семью, образовательные учреждения и трудовые коллективы, в настоящее время утрачивают свою монополию, уступая место влиянию цифровых медиа, референтных онлайн-групп и глобальных культурных тенденций. В связи с этим социальная работа как профессиональная деятельность, направленная на оптимизацию социального функционирования индивидов и групп, сталкивается с необходимостью радикального пересмотра методологических подходов и практических технологий взаимодействия с молодежью.

Анализ проблемы ценностной трансформации требует обращения к аксиологическому подходу, рассматривающему ценности как устойчивые убеждения относительно предпочтительных целей и способов поведения, которые служат стандартами для оценки действий. В классической социологии, в частности в работах М. Вебера и Т. Парсонса, ценности трактовались как интегрирующий элемент социальной системы, обеспечивающий стабильность и преемственность социального порядка. Однако в условиях постмодернизма, как отмечают современные исследователи, наблюдается фрагментация ценностного сознания и переход от универсальных норм к ситуативной этике. Теория модернизации Р. Инглхарта, постулирующая сдвиг от ценностей выживания и безопасности к ценностям самовыражения и качества жизни, находит свое подтверждение в эмпирических данных по многим развитым странам, однако в российском контексте этот процесс имеет специфическую траекторию. Отечественные ученые, такие как В.А. Луков и В.И. Чупров, указывают на то, что российская молодежь демонстрирует гибридную структуру ценностей, где прагматические установки на материальный успех сочетаются с запросом на социальную справедливость и сохранение традиционных культурных кодов. Данная амбивалентность создает внутреннее напряжение в сознании молодого человека, требуя от специалистов социальной работы глубокого понимания внутренней логики мотивационных процессов данной категории клиентов.

Фундаментальным фактором, детерминирующим трансформацию ценностей в последние десятилетия, является проникновение информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь, что привело к формированию феномена цифровой социализации. Интернет-пространство перестало быть лишь инструментом получения информации, превратившись в основную среду обитания, где формируются социальные связи, индентичность и усваиваются нормы поведения. Виртуализация социального взаимодействия приводит к размыванию границ между публичным и приватным, а также к изменению восприятия авторитета. Традиционные институты социализации, такие как школа и семья, конкурируют за влияние с блогерами, лидерами мнений в социальных сетях и алгоритмами рекомендательных систем. Это явление способствует снижению способности к критической рефлексии и формированию потребительского отношения к контенту и социальным отношениям. Для социальной работы это означает, что традиционные формы воспитательного воздействия, основанные на директивной коммуникации, становятся неэффективными. Специалист должен обладать цифровой компетентностью, понимать специфику сетевой этики и уметь работать в гибридной среде, сочетая офлайн-встречи с онлайн-сопровождением. Игнорирование цифрового контекста ведет к потере доверия со стороны молодежи и снижению доступности социальных услуг.

Экономическая нестабильность и высокая конкуренция на рынке труда также оказывают существенное влияние на аксиологическую сферу молодежи, способствуя доминированию прагматических ценностей. Успех все чаще ассоциируется с финансовым благополучием, карьерным ростом и личной автономией, тогда как общественно-политическая активность и коллективистские ценности отходят на периферию сознания. Наблюдается тенденция к инструментализации образования, которое воспринимается не как процесс духовного обогащения, а как инвестиция в человеческий капитал для обеспечения будущей конкурентоспособности. Такой утилитарный подход создает риски духовной обедненности и роста индивидуализма, что может приводить к социальной атомизации и ослаблению солидарности. Социальная работа в данном контексте должна быть направлена на балансировку ценностных приоритетов, помогая молодым людям осознавать важность социальных связей, волонтерства и гражданской ответственности без ущерба для их личных жизненных стратегий. Необходимо внедрять программы, демонстрирующие взаимосвязь между личным благополучием и благополучием общества, формируя тем самым осознанную гражданскую позицию.

Трансформация ценностей затрагивает и сферу межличностных отношений, включая семейно-брачные установки. Современные молодые люди склонны откладывать вступление в брак и рождение детей, отдавая приоритет самореализации, путешествиям и профессиональному развитию. Растет популярность эгалитарных моделей отношений, гражданских партнерств и сознательного отказа от родительства. Эти изменения требуют от социальной работы отказа от патерналистской позиции и навязывания традиционной модели семьи как единственно нормативной. Задача специалиста заключается в оказании поддержки различным жизненным сценариям, обеспечении прав и гарантий независимо от семейного статуса, а также в профилактике одиночества и социальной изоляции. Программы поддержки молодых семей должны быть гибкими, включающими помощь в совмещении карьеры и родительства, жилищные консультации и правовую защиту. Одновременно необходимо развивать сервисы для тех, кто выбирает иные пути, обеспечивая им доступ к социальным благам и предотвращая маргинализацию. Гуманистическая парадигма социальной работы предполагает безусловное принятие клиента и уважение к его выбору, что требует от специалиста высокой профессиональной этики и толерантности.

В сфере здоровья также происходят значимые сдвиги: здоровье перестает восприниматься просто как отсутствие болезней и становится ресурсом для достижения личных целей и поддержания высокого качества жизни. Однако парадоксальным образом рост внимания к здоровому образу жизни сопровождается увеличением числа психосоматических расстройств, тревожности и депрессивных состояний среди молодежи. Высокий темп жизни, информационная перегрузка и давление социальных ожиданий приводят к эмоциональному выгоранию уже на ранних этапах взросления. Социальная работа в этой сфере должна интегрироваться с психологической и медицинской помощью, предлагая комплексные программы поддержки ментального здоровья. Задачи специалистов включают не только выявление проблем, но и профилактику стресса, развитие навыков эмоциональной регуляции и создание безопасной среды для обсуждения психологических трудностей. Важно развивать сеть доступных консультационных пунктов, работающих в формате, удобном для молодежи, включая анонимные онлайн-сервисы. Такой подход позволяет снизить стигматизацию обращения за помощью и сделать социальную поддержку более инклюзивной и своевременной.

Девиантное поведение в современной молодежной среде претерпевает качественную трансформацию, приобретая новые формы, связанные с цифровым пространством и новыми видами зависимостей. Традиционные формы делинквентности уступают место киберпреступности, распространению запрещенного контента, участию в деструктивных онлайн-сообществах и опасным челленджам. Социальная работа должна адаптировать методы профилактики, перенося акцент с карательных мер на просветительские, реабилитационные и восстановительные практики. Необходимо создавать альтернативные пространства для самореализации, где энергия молодежи могла бы быть направлена в конструктивное русло, например, через социальное проектирование, волонтерство, технологические

стартапы или творческие индустрии [8]. Социальное проектирование становится мощным инструментом вовлечения молодежи в общественную жизнь, позволяя им реализовывать свои ценностные предпочтения через конкретные дела и получать видимый социальный эффект. Когда молодой человек видит возможность изменить мир вокруг себя своими руками, его потребность в деструктивном протесте или эскапизме снижается, что способствует успешной социальной адаптации.

Указанные изменения в ценностной сфере молодежи диктуют необходимость пересмотра задач и компетенций социальных работников. Ключевой задачей становится переход от субъект-объектной модели взаимодействия, где клиент является пассивным получателем услуг, к субъект-субъектной модели партнерства. Социальный работник должен выступать в роли фасилитатора, помогающего клиенту мобилизовать собственные ресурсы и найти оптимальное решение жизненной ситуации. Это требует внедрения технологий кейс-менеджмента, сопровождаемого социального проживания и наставничества. Специалисты должны обладать навыками медиации, конфликтологии и проектного управления, а также понимать специфику поколенческой психологии поколения Z и альфа. Игнорирование специфики современных ценностей может привести к тому, что услуги социальной помощи станут невостребованными, так как форматы работы не будут соответствовать ожиданиям и образу жизни целевой аудитории. Поэтому непрерывное профессиональное развитие и мониторинг изменений в молодежной среде становятся обязательными условиями эффективности социальной работы.

Особое внимание следует уделить развитию межведомственного взаимодействия и сетевого партнерства для решения сложных задач социальной поддержки молодежи. Ни один институт в одиночку не способен обеспечить комплексное сопровождение молодого человека в условиях множественности рисков. Социальная работа должна выступать интегратором усилий образовательных учреждений, органов по делам молодежи, некоммерческих организаций и бизнеса. Создание единых информационных пространств и реестров социальных услуг позволяет обеспечить адресность и своевременность помощи. Государственная молодежная политика играет значительную роль в формировании ценностного ландшафта, однако ее эффективность зависит от того, насколько она учитывает реальные запросы молодежи. Часто декларируемые ценности в официальных документах расходятся с повседневными практиками молодых людей, что создает кризис легитимности институтов власти. Социальная работа может выступить связующим звеном, транслируя реальные потребности молодежи на уровень принятия решений и разъясняя государственные инициативы на понятном языке. Участие молодежи в управлении социальными проектами повышает их гражданскую активность и чувство ответственности за происходящее в стране.

В образовательной сфере также происходят изменения, влияющие на ценностные ориентации, так как обучение становится непрерывным процессом на протяжении всей жизни. Молодежь воспринимает образование как инвестицию в человеческий капитал, что повышает запрос на качество услуг и индивидуализацию траекторий. Социальные работники в учебных заведениях должны выступать медиаторами между студентами и администрацией, помогая разрешать конфликты и адаптироваться к учебной среде. Задачи включают профилактику академической неуспеваемости, связанной с социальными причинами, и поддержку студентов из уязвимых категорий, таких как сироты или лица с ограниченными возможностями здоровья. Важно создавать условия для развития мягких навыков, или soft skills, таких как коммуникабельность, критическое мышление и эмоциональный интеллект, которые высоко ценятся на современном рынке труда и способствуют успешной социализации [9]. Интеграция социальной работы в образовательные учреждения позволяет выявлять проблемы на ранних стадиях и предотвращать их усугубление, обеспечивая превентивный характер вмешательства.

Трансформация ценностей затрагивает и сферу досуга, который становится важным пространством для социализации и формирования идентичности. Потребление культурного контента, путешествия и хобби являются маркерами социального статуса и принадлежности к определенной группе. Социальная работа должна способствовать обеспечению

доступности культурных благ для всех слоев молодежи, независимо от уровня дохода, реализуя принцип социальной справедливости. Развитие инфраструктуры молодежных центров, где можно бесплатно или льготно заниматься творчеством и спортом, является эффективной мерой профилактики асоциального поведения и формирования здоровых ценностных ориентиров [2]. Важно, чтобы эти пространства управлялись с участием самих молодых людей, что обеспечивает их востребованность, актуальность и чувство хозяина у посетителей. Соучаствующее проектирование среды позволяет учесть реальные потребности пользователей и создать комфортные условия для развития.

В заключение следует подчеркнуть, что трансформация ценностей в представлениях современной молодежи является объективным и необратимым процессом, отражающим глобальные изменения в структуре общества и технологиях коммуникации. Социальная работа не может игнорировать эти изменения, иначе она рискует потерять свою субъектность, профессиональную идентичность и эффективность. Главными задачами на современном этапе становятся адаптация методологического аппарата, внедрение цифровых технологий, развитие партнерских моделей взаимодействия и повышение профессиональной компетентности специалистов в области аксиологии молодежи. Только через понимание внутренней логики молодежной культуры, уважение к ее специфике и готовность к диалогу можно построить эффективную систему поддержки, способствующую успешной социализации и развитию человеческого потенциала. Будущее социальной работы зависит от ее способности быть гибкой, инновационной и ориентированной на человека, что особенно критично в работе с самым динамичным сегментом населения. Необходимо продолжать системный мониторинг ценностных сдвигов и оперативно реагировать на новые вызовы, обеспечивая устойчивость социального развития общества в целом и благополучие каждого конкретного молодого человека. Реализация предложенных задач позволит минимизировать социальные риски и создать условия для гармоничного развития молодого поколения в условиях меняющегося мира.

Литература:

1. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в цифровой культуре : монография / В. В. Абраменкова. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 432 с.
2. Волосков, И. В. Молодежь 2024: система ценностей и жизненные ориентиры / И. В. Волосков, И. Валлис // IN SITU. — 2024. — № 8. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-2024-sistema-tsennostey-i-zhiznennye-orientiry (дата обращения: 25.03.2026).
3. Горшков, М. К. Российская молодежь в контексте социологического анализа : монография / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 484 с.
4. Григорьев, С. И. Актуальные проблемы теории и практики социальной работы : монография / С. И. Григорьев. — Москва : Гардарики, 2020. — 256 с.
5. Екимчик, О. А. Динамика и трансформация ценностей у современной молодежи / О. А. Екимчик, Е. В. Тихомирова, Т. П. Опекина // Национальный психологический журнал. — 2026. — № 1 (61). — С. 45–58.
6. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В., Скипин Н. С., Тулегенова Д. Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник РУДН. Серия: Политология.- 2023. — Т. 25, № 1. — С. 233–251.
7. Запесоцкий, А. С. Стратегия развития молодежи: проблемы и решения : монография / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — 136 с.
8. Зубок, Ю. А. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова ; под редакцией Ю. А. Зубок. — Белгород : Эпицентр, 2022. — 264 с.
9. Исаев, А. В. Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ / А. В. Исаев, Е. А. Алексеенок Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 1. — С. 110–121.
10. Инглхарт, Р. Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 4. — С. 6–32.

СКЛОННОСТЬ К РИСКОВАННОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДЕТЕРМИНАНТАМИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ У МОЛОДЕЖИ

Тратинко Т.В. *– старший преподаватель кафедры «Социальная работа», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*
Шепетовская М.В. *– студентка 4-го курса специальности «Социальная работа», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В работе анализируется взаимосвязь личностной идентичности, типа привязанности и склонности к рискованному поведению в молодежной среде. Рассматриваются психологические факторы и механизмы, определяющие готовность молодых людей к деструктивной активности в зависимости от характера их эмоциональных связей и степени самоопределения. На основе теоретического обзора и эмпирических данных обосновываются приоритетные пути профилактики, направленные на минимизацию поведенческих рисков.
Ключевые слова*: молодёжь*, рискованное поведение, личностная идентичность, тип привязанности, социально психологические особенности.

PROPENSITY TO RISKY BEHAVIOR AND ITS RELATIONSHIP WITH DETERMINANTS OF PERSONAL DEVELOPMENT IN YOUTH

T.V. Tratsinko *– Senior Lecturer, Department of Social Work, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*
M.V. Shepetovskaya *– fourth-year student, Social Work, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

Abstract. This paper analyzes the relationship between personal identity, attachment type, and propensity to risky behavior among young people. It examines the psychological factors and mechanisms that determine young people's readiness for destructive activity, depending on the nature of their emotional connections and degree of self-determination. Based on a theoretical review and empirical data, priority prevention methods aimed at minimizing behavioral risks are substantiated.
Key words: youth, risky behavior, personal identity, attachment type, social psychological characteristics.

Молодежь изучается в рамках многих наук, таких как история, политология, философия, психология, педагогика, социология и т.д. Одно из первых определений понятия «молодежь», включающее такую характеристику как возраст было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [6, с. 124].

А.Н. Ермоленко отмечает, что молодёжь – это особая социальная возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе, то её можно разделить на 3 возрастные подгруппы: подростки до 18 лет; молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет; молодые взрослые от 24 до 30 лет [3, с. 69].

Молодежь, занимая в социальной структуре промежуточное положение, наиболее подвержена рискам, чем остальные группы.

Склонность к риску является предметом исследования психологии ещё с середины прошлого века. Пристальное внимание к этому явлению уделяется в таких областях психологии как психология здоровья и психология кризисных состояний.

Риск – понятие, находящееся в центре внимания исследователей социальных явлений и процессов во всем мире. В трактовке понятия «риск» существуют многочисленные

разногласия, отражающие его многомерность. Так, риск определяют как действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспехом [8].

А.А. Бунас понимает под риском систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, индуцируемых процессом модернизации. Автор определяет рискованное поведение как особый стиль поведения, который с высокой степенью вероятности может привести к потере здоровья, физическому или социальному благополучию личности [2, с. 10].

По мнению А.М. Колышко, рискованное поведение – это любое поведение или действие, которое увеличивает вероятность возникновения негативных последствий для здоровья в результате использования тех или иных поведенческих практик [5, с. 157].

Т.Ф. Орехова к рискованным относит любые сознательные или несознательные поведенческие проявления растущего человека, вызванные закономерностями природно заданной программы его развития и противоречащие принятым в обществе нравственно целесообразным нормам [2].

Л.Н. Фахрадова предлагает следующее определение рискованного поведения: «активность, направленная на удовлетворение потребностей человека, создающая угрозу его жизнедеятельности или социальному положению». При этом необходимо разделить понятия конструктивного и деструктивного рискованного поведения. В первом случае речь идет о реализации рискованного поведения социально приемлемыми средствами. Формами такого поведения могут служить занятия экстремальным спортом, боевыми искусствами.

В психологической науке риск рассматривается через призму субъективного восприятия, что отличает его от непсихологических моделей. А.В. Ростокинский подчеркивает, что все теории и концепции риска содержат уникальные особенности, связанные с субъективным представлением о риске [10].

А.В. Семенова выделяет несколько образов риска в общественном сознании: опасность с непредсказуемыми последствиями; невидимая угроза благополучию; сложно определяемое соотношение затрат и выгод; стремление к острым ощущениям [11].

Ю.А. Шатыр разделяет мнение В.А. Петровского, который определяет риск как три взаимосвязанных значения: степень ожидаемого негативного исхода; действие, приводящее к потере; выбор между двумя вариантами действий, один из которых более привлекательный, но рискованный. Он выделяет три мотива, побуждающих человека рисковать: преодоление трудностей, стремление к неизведанному и стремление к опасности [14].

С точки зрения психологической теории решений, существует три представления о риске: вероятностное, эвристическое и детерминистское.

Вероятностное представление учитывает все факторы и минимально вероятные исходы, в то время как эвристическое фокусируется на наиболее значимых факторах без количественных оценок. Детерминистское представление предполагает отсутствие случайных переменных, что делает его наименее соответствующим реальной ситуации. Исследования показывают, что люди чаще используют детерминистское или эвристическое представление.

Анализируя вышеизложенное, можно рассматривать риск и рискованное поведение как способность человека идти на авантюры; желание ощутить опасность и проверить свои силы; действие, исход которого неясен; принятие решения в условиях опасности. Многочисленные подходы в трактовке и объяснению сути феномена риска позволяют говорить о том, что противоречивая природа риска имеет проявление в столкновении объективно существующих рискованных действий с их субъективной оценкой. Поведение субъекта в неопределенной ситуации зависит не только от объективных условий, но и от того, насколько адекватно эти условия отражаются в его сознании и соотносятся с личностными свойствами.

Склонность к риску – это индивидуальная предрасположенность к принятию решений и действиям, связанным с неопределенностью и потенциальной угрозой. Она варьируется среди людей и зависит от личностных характеристик, таких как темперамент, уровень самоконтроля и предыдущий опыт.

А.В. Семенова установила, что есть два важных элемента в восприятии индивидом риска: фактор страха (то, насколько человек боится того, чем все закончится) и фактор контроля (степень контроля над ситуацией). Также автором установлено наличие корреляционной связи между склонностью к риску и стремлением к общению с социально адаптированными индивидами [11].

В исследованиях В.А. Петровского представляется два типа рискованного поведения. В случае превалирования первого типа риск обусловливается наличием цели, значимой для индивида, является для него «мотивированным» (мотивацией может являться стремление достижения желаемого материального положения, определенного социального статуса, одобрением со стороны значимых лиц и т.п.). Такое поведение кажется выгодным для индивида, присутствует когнитивный выбор стратегии достижения желаемой цели. Второй тип – «бескорыстное» рискованное поведение, реализация которого не подразумевает наличие какой-либо объективной выгоды для индивида; в данном случае присутствует «субъективная» выгода, выражаемая в виде желания испытать «острые ощущения», удовлетворить имеющиеся у субъекта потребности в различного вида новых переживаниях, впечатлениях [14].

А.А. Попов отмечает, что современная наука выделяет два вида риска:

Мотивированный (ситуативный) – такой риск обусловлен определенной выгодой для индивида (выигрыш, получение финансового одобрения и т.п.). Этот риск является средством адаптации к опасным ситуациям.

Немотивированный риск (бескорыстный) – такой рис, как правило, направлен сам на себя, это противодействие действующей опасности, вместо её устранения. Индивид при встрече с опасностью не пытается её решить, он стремится показать или доказать, что опасности можно противостоять. И таким образом, самоутвердится, доказав, что данной опасности для него не существует.

Также как и личностные факторы на склонность к рискованному поведению влияют социальные факторы. К примеру, отверженность субъекта повышает его готовность к риску. Или на пример в группе шанс на рискованное поведение или на совершение рискованного действия резко повышается.

А.А. Попов выделяет пять основных психологических факторов, влияющих на формирование у индивида склонности к риску: рациональный (интеллектуальный), мотивационный, социальный, ситуационный и личностный. Также он подчеркивает, что именно личностный фактор предопределяется особым свойством личности – «склонностью к риску», что соответствует английскому термину «risk-taking». Этим термином обозначают диспозиционный личностный риск как индивидуальное свойство индивида и связывают с такими личностными качествами, как независимость, склонность к доминированию, стремление к успеху [9].

В контексте психофизиологических и биохимических коррелятов, нейротизм рассматривается как аспект измерения эмоциональной стабильности-нестабильности, позволяющий оценивать различия в переходах от одного настроения к другому, различия в интенсивности негативных аффективных реакций, тревоги и напряжения [1, с. 65].

А.В. Ростокинский в своих исследованиях отмечает, что найдены корреляции между готовностью личности к риску и социальной смелостью, решительностью, склонностью к авантюре, открытостью и легкостью в общении, безопасностью, самоутверждением, неуверенностью. Склонность к риску связывается, также, с импульсивностью и поиском острых ощущений [10].

А. Ниазашвили подчеркивает существование негативной детерминации влияния фактора G (16 факторный личностный опросник Р. Кеттелла) – сила/слабость «сверх – Я» - на склонность к экстремальному риску. Отрицательные связи были представлены по отношению к добросовестности, социальной желательности, социальной ответственности, а положительные – импульсивностью, агрессией, доминированием [7, с. 5].

В.В. Терещенко в контексте рассматриваемой проблемы выделяет среди важных черт личности, способствующих риску, любознательность как возможность узнать что-то

новое и волевые качества, поскольку человек, отстаивая свои интересы, будет рационализировать как свои поступки, так и действия [12, с. 95].

А.М. Караев разработал следующую типологию молодежи, относительно готовности к риску:

- ориентированные на стабильность – ответственны по отношению к своим гражданским правам, готовы соблюдать закон и уважают себя и окружающих. Важны следующие качества: чувство долга, законопослушность и самоощущение. Можно выделить следующие характеристики группы тех, кто оценивает свою жизнь как стабильную: предприимчивость, практичность и рационализм. Уважение к закону и чувство долга в системе ценностей этой группы молодежи занимают последние места;

- ориентированные на риск – индивидуализм, как главный способ самоутверждения. Представители этой группы являются сторонниками осмысленного риска, поэтому они стремятся к общественным переменам, инновациям, реформам. Главной характеристикой группы молодежи, оценивающих свою жизнь как нестабильную и рискованную является предприимчивость. Для них важны: бескорыстие и коллективизм. Они способны противостоять рискам, хранят ценности традиционные для российского менталитета [4, с. 148].

Таким образом, анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что рискованное поведение молодежи обусловлено сочетанием личностных, мотивационных и социальных факторов. Склонность к риску формируется под влиянием эмоциональной устойчивости, уровня самоконтроля, потребности в новизне, особенностей привязанности и степени сформированности идентичности. Молодые люди с надежной привязанностью и устойчивой идентичностью демонстрируют более взвешенное отношение к риску, тогда как тревожная привязанность и размытая идентичность усиливают вероятность импульсивных и рискованных действий. Эти данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению рискованного поведения, учитывающего как внутренние психологические характеристики, так и социальный контекст развития молодежи.

Целью проведенного нами исследования являлось выявление взаимосвязи личностной идентичности, типа привязанности и склонности к рискованному поведению у студенческой молодежи.

В исследовании приняли участие 30 студентов в возрасте от 18 до 23 лет, что позволяет рассматривать полученные результаты как отражающие типичные особенности юношеского периода, характеризующегося активным поиском себя, формированием жизненных ориентиров и экспериментированием с различными моделями поведения.

Для получения комплексного представления о психологических особенностях респондентов использовался набор диагностических методик, включающий «Тест на тип привязанности» Э. Чен, «Методику диагностики потребности в поисках ощущений» М. Цукермана, «Шкалу интеллектуальной оценки риска» (SRIS) Т. А. Корниловой и Е. М. Павловой, а также опросник «Личностная и социальная идентичность» В. Урбанович. Такой подбор инструментов позволил оценить как эмоционально-поведенческие, так и когнитивные аспекты отношения к риску, а также определить значимые сферы самоидентификации молодежи.

Анализ результатов, полученных с помощью «Теста на тип привязанности» Э. Чен, показал, что среди студентов присутствуют выраженные различия в характере эмоциональных связей и восприятии межличностных отношений (среднее значение по методике составляет 22,2 балла). Значительная часть респондентов продемонстрировала признаки ненадежной привязанности, что проявлялось в трудностях установления доверительных отношений, повышенной тревожности, стремлении к постоянному подтверждению значимости со стороны партнера и склонности интерпретировать поведение других через призму недостатка поддержки. Умеренный уровень ненадежности привязанности оказался наиболее распространенным (40%), что отражает типичную для юношества амбивалентность между стремлением к близости и потребностью в автономии. В то же время треть (33%) студентов показали достаточно высокий уровень надежности привязанности, что свидетельствует о сформированных навыках эмоциональной регуляции, способности к доверию и конструктивному взаимодействию.

Результаты, полученные с помощью «Методики диагностики потребности в поисках ощущений» М. Цукермана, позволили выделить три группы студентов, различающихся по выраженности стремления к новизне и интенсивным переживаниям. Высокий уровень потребности в ощущениях был характерен для трети (33%) выборки. Эти студенты проявляют повышенный интерес к новым впечатлениям, склонны к экспериментированию и поиску необычного опыта, что может выступать фактором риска в ситуациях, требующих самоконтроля. Почти половина респондентов (47%) продемонстрировала умеренный уровень потребности в ощущениях, что отражает баланс между открытостью новому и способностью к рациональному поведению. Низкий уровень потребности в ощущениях был выявлен у меньшей части студентов (20%), предпочитающих стабильность, предсказуемость и избегание неопределенности.

Данные, полученные с помощью «Шкалы интеллектуальной оценки риска» (SRIS), позволили глубже понять когнитивные и эмоциональные механизмы, влияющие на склонность к риску. Средний уровень эмоциональной ранимости (8, 03 балла) указывает на то, что большинство студентов способны контролировать свои эмоциональные реакции, однако часть из них демонстрирует повышенную чувствительность к стрессу, что может снижать качество принятия решений. Показатели непринятия неопределенности (средний балл 14,06) свидетельствуют о том, что студенты в целом испытывают умеренный дискомфорт в ситуациях неопределенности и предпочитают избегать рискованных решений. Высокие значения по шкале воображения (средний балл 21,06) отражают развитую креативность, склонность к поиску нового и способность генерировать нестандартные идеи. Достаточно высокий уровень самоэффективности (средний балл 26,63) говорит о том, что студенты уверены в своих силах и способны справляться с трудностями, что способствует более взвешенному отношению к риску. Общий показатель интеллектуальной оценки риска (средний балл 69,8) демонстрирует, что респонденты в среднем обладают способностью анализировать последствия решений и учитывать неопределенность, что является важным компонентом зрелого поведения.

Анализ данных опросника «Личностная и социальная идентичность» В. Урбанович показал, что наиболее значимыми сферами самоидентификации для студентов являются семья (9,2 балла), внутренний мир (8,6 балла), будущее и профессиональная деятельность (8,2 балла). Высокие показатели по шкале «семья» отражают важность эмоциональной поддержки и устойчивых межличностных связей. Значимость внутреннего мира свидетельствует о стремлении к самопознанию, личностному росту и формированию собственной системы ценностей. Ориентация на будущее указывает на наличие жизненных планов и стремление к достижению целей. Умеренная значимость профессиональной деятельности отражает понимание ее роли в самоопределении, но при этом не доминирующее положение в структуре идентичности. Менее значимыми оказались материальное положение (6,03 балла) и общественная сфера (6,87 балла), что может свидетельствовать о том, что студенты ориентированы прежде всего на личностное развитие, а не на внешние социальные показатели.

Статистический анализ, выполненный с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, выявил широкий спектр значимых взаимосвязей между изучаемыми переменными. Наиболее выраженные корреляции были обнаружены между типом привязанности и когнитивными характеристиками отношения к риску. Так, надежная привязанность положительно коррелировала с эмоциональной ранимостью (0,495 при $p=0,05$), неприятием неопределенности (0,502 при $p=0,05$), воображением (0,514 при $p=0,04$) и самоэффективностью (0,498 при $p=0,07$). Это означает, что студенты с надежной привязанностью более осознанно относятся к своим эмоциям, чувствительны к неопределенности, но при этом обладают достаточной уверенностью в себе и способны использовать креативные стратегии при принятии решений. Ненадежная привязанность, напротив, отрицательно коррелировала с этими показателями, что отражает склонность к подавлению эмоций, снижению самоэффективности и ограничению креативности.

Значимые взаимосвязи были выявлены и между типом привязанности и различными сферами идентичности. Надежная привязанность положительно коррелировала с идентификацией со службой (0,403 при p=0,27), внутренним миром (0,399 при p=0,029), здоровьем (0,403 при p=0,027), семьей (0,394 при p=0,031), будущим (0,399 при p=0,029) и социальным окружением (0,403 при p=0,027). Это свидетельствует о том, что студенты с надежной привязанностью обладают более устойчивой и структурированной идентичностью. Ненадежная привязанность, напротив, отрицательно коррелировала с этими сферами, что указывает на размытость самоопределения и трудности в формировании устойчивых жизненных ориентиров.

Результаты исследования демонстрируют, что тип привязанности, особенности когнитивной оценки риска и структура личностной идентичности тесно взаимосвязаны. Студенческая молодежь с надежной привязанностью обладают более устойчивой идентичностью, демонстрируют более высокий уровень самоэффективности и способны принимать взвешенные решения в условиях неопределенности. Ненадежная привязанность, напротив, связана с повышенной эмоциональной нестабильностью, сниженной способностью к саморегуляции и большей склонностью к рискованному поведению. Эти данные подтверждают, что привязанность и идентичность выступают важными детерминантами поведения молодежи и могут рассматриваться как ключевые факторы в разработке программ профилактики рискованного поведения.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что личностная идентичность и тип привязанности оказывают значимое влияние на склонность молодежи к рискованному поведению. Несформированная идентичность, эмоциональная нестабильность и небезопасные типы привязанности повышают вероятность участия в рискованных формах поведения. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке профилактических программ, направленных на укрепление идентичности, развитие эмоциональной регуляции и формирование безопасных моделей привязанности.

Литература

1. Айзенк, Г. Ю. Структура личности / Г. Ю. Айзенк. М. : КСП+, 1999. 463 с.
2. Бунас, А. А. Различные аспекты обоснования природы рискованного поведения личности / А. А. Бунас // Психология: проблемы практического применения: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 10–16.
3. Ермоленко, А. Н. Роль социализации молодёжи / А. Н. Ермоленко, Т. В. Гончарова // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2016. № 4(120). С. 69-72
4. Караев, А. М. Мир молодежи: культура и современные социальные коммуникации / А. М. Караев. Баку: Элм, 2013. 319 с.
5. Колышко, А. М. Коррекция рискованного поведения подростков в системе образования: состояние и направление оптимизации / А. М. Колышко // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Филология. Педагогика. Психология. 2017. № 2. С. 157–161.
6. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России : учебное пособие / В. Т. Лисовский. СПб : СпбГУП, 2000. 519 с.
7. Ниазашвили, А. Г. Индивидуальные различия склонности к риску в различных социальных ситуациях личностного развития : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. Г. Ниазашвили. М., 2007. 26 с.
8. Орехова, Т. Ф. Педагогические аспекты проблемы рискованного поведения детей и подростков [Электронный ресурс] / Т. Ф. Орехова // Universum: психология и образование. 2016. №8 (26). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-problemy-riskovannogo-povedeniya-detey-i-podrostkov. (дата обращения: 21.10.2025).
9. Попов, А. А. Склонность к рискованному поведению у студентов [Электронный ресурс] / А. А. Попов // Форум молодых ученых. 2018. №5-2 (21). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-k-riskovannomu-povedeniyu-u-studentov. (дата обращения: 22.10.2025).

10. Ростокинский, А. В. Рискованное поведение как фактор становления личности подростка [Электронный ресурс] / А. В. Ростокинский // Право и управление. 2022. №11. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/riskovannoe-povedenie-kak-faktor-stanovleniya-lichnosti-podrostka. (дата обращения: 25.10.2025).
11. Семенова, А. В. Склонность к риску в подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс] / А. В. Семенова // Педагогика: история, перспективы. 2020. №5. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-k-risku-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste. (дата обращения: 28.10.2025).
12. Терещенко, В. В. Современный подросток в системе отношений взаимодействия «ребенок-взрослый» / В. В. Терещенко // Психология обучения. 2013. № 2. С. 95–105.
13. Фахрадова, Л. Н. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования [Электронный ресурс] / Л. Н. Фахрадова // Проблемы развития территории. 2017. №1 (87). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/riskovannoe-destruktivnoe-povedenie-podrostkov-i-usloviya-ego-formirovaniya. (дата обращения: 18.10.2025).
14. Шатыр, Ю. А. Гендерные особенности склонности к рискованному поведению [Электронный ресурс] / Ю. А. Шатыр, А. Б. Мулик // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №80-1. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-sklonnosti-k-riskovannomu-povedeniyu (дата обращения: 16.11.2025)

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ В ФГАОУ ВО СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Полякова И.А. *– студентка 3 курса, направление – социология, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*
Шаповалов А.В. *– кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*

Аннотация. В статье представлен анализ системы социального сопровождения студенческих семей в СКФУ. Цель работы – оценка качества и доступности поддержки, а также определение направлений её развития. Описаны действующие инициативы: комната матери и ребёнка с группой кратковременного пребывания, единовременные выплаты. Подчёркнута роль отдела социальной работы, психологической службы и волонтёрского корпуса.
Ключевые слова: социальная работа, социальное сопровождение, студенческие семьи, семьи группы риска, СКФУ, материальная помощь, меры социальной поддержки.

SOCIAL SUPPORT FOR STUDENT FAMILIES AT THE NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

Polyakova I.A. is a 3rd-year student in Sociology at the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.
Shapovalov A.V. – PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Annotation. The article presents an analysis of the social support system for student families at North-Caucasus Federal University. The purpose of the work is to assess the quality and accessibility of support, as well as to identify areas for its development. The article describes existing initiatives, such as the mother and child room with a short-term stay group and one-time payments. The role of the social work department, psychological services, and the volunteer corps is emphasized.
Keywords: social work, social support, student families, at-risk families, NCFU, financial assistance, social support measures.

В современных условиях развития системы высшего образования особое значение приобретает поддержка различных категорий обучающихся, в том числе студенческих семей. Это обусловлено не только изменением социальной структуры общества, но и возрастанием роли образования как ключевого ресурса личностного и профессионального развития. В этой связи особое внимание уделяется созданию условий, при которых студенты могут успешно совмещать обучение с выполнением семейных обязанностей.

Студенческая семья представляет собой социальную группу, которая сочетает в себе одновременно образовательные, экономические и семейные функции. Она формируется в период активного личностного становления молодых людей и нередко сталкивается с рядом трудностей: ограниченными финансовыми ресурсами, высокой учебной нагрузкой, отсутствием стабильного дохода, а также необходимостью воспитания детей. Все это делает студенческие семьи одной из наиболее уязвимых категорий обучающихся.

В связи с этим возникает необходимость комплексного социального сопровождения, направленного на обеспечение стабильности, благополучия и успешной социализации таких семей. Социальное сопровождение включает в себя систему мер, обеспечивающих поддержку студентов на различных уровнях — материальном, психологическом, правовом и организационном.

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», являясь одним из ведущих образовательных центров региона, реализует комплексную систему социальной поддержки обучающихся, включая студенческие семьи. Деятельность университета в данном направлении направлена на создание благоприятных условий для обучения, воспитания детей и сохранения стабильности семейных отношений. Важным аспектом является не только предоставление отдельных мер поддержки, но и формирование целостной системы сопровождения, ориентированной на долгосрочное развитие и устойчивость студенческих семей.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности социальной политики вузов в отношении молодых семей, а также важностью формирования благоприятной социальной среды, способствующей укреплению института семьи в молодежной среде.

Целью данной работы является анализ системы социального сопровождения в СКФУ, а также выявление основных направлений её развития.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы социального сопровождения студенческих семей;
- определить особенности и потребности студенческих семей как социальной группы;
- проанализировать действующую систему поддержку в СКФУ;
- оценить уровень информированности студентов о мерах социальной поддержки на основе проведённого опроса;

Объектом исследования являются студенческие семьи.

Предметом исследования выступает система социального сопровождения СКФУ.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также эмпирический метод анкетирования, позволивший получить первичную информацию о состоянии социальной поддержки студенческих семей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования системы социальной поддержки обучающихся в вузе, а также при разработке программ работы с молодежью и молодыми семьями.

Для оценки качества и доступности социального сопровождения студенческих семей в СКФУ анонимно было опрошено 10 семей. Основная масса опрошенных – респонденты 20-35 лет.

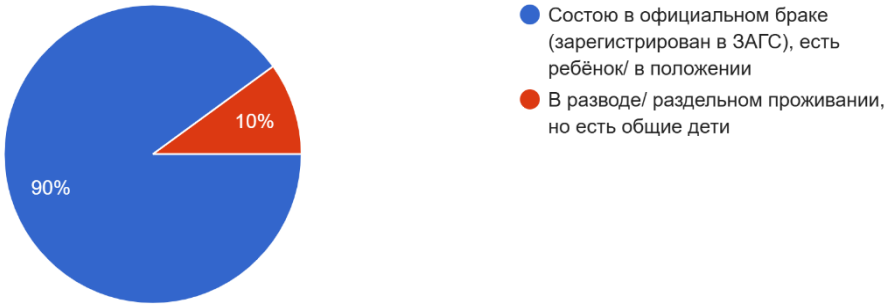


Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Ваше семейное положение?»

Согласно рисунку 1, в официальном браке состоит большинство семей (90%), и только 10% — это семьи, находящиеся в разводе/раздельном проживании, при этом имеющие общего ребёнка. Высокий разрыв (90% vs 10%) может указывать на социальную норму, при которой наличие общего ребёнка часто становится фактором, способствующим сохранению официального брака, либо на то, что разводы с детьми встречаются реже.

Для того, чтобы оценить осведомлённость студентов о мерах поддержки, которые предоставляет СКФУ, расположенных на официальном сайте, им был задан вопрос об использовании данной информации. Согласно представленным данным (рисунок 2) 70% респондентов пользовались информацией, расположенной на официальном сайте СКФУ, 30% не пользовались данной информацией.

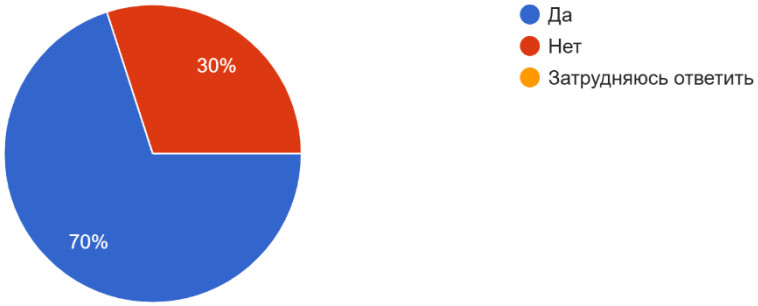


Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Пользовались ли Вы информацией о социальной поддержке, расположенной на официальном сайте СКФУ?»

По данным диаграммы (рисунок 3), наиболее востребованной мерой социальной поддержки среди студенческих семей является материальная помощь, которую отметили 90% респондентов. Это свидетельствует о высокой значимости финансовой поддержки, поскольку большинство студентов сталкивается с ограниченностью доходов, отсутствием постоянной занятости и необходимостью обеспечения базовых потребностей семьи. В условиях совмещения учебной деятельности и семейных обязанностей материальная помощь становится важным фактором поддержания стабильности и снижения социальной напряжённости.

Второй по популярности мерой является предоставление мест в общежитии (70%). Жилищный вопрос является одним из ключевых для студенческих семей, особенно для иногородних обучающихся. Наличие доступного жилья позволяет существенно снизить финансовую нагрузку, а также создать комфортные условия для совместного проживания супругов и воспитания детей. Кроме того, стабильные жилищные условия положительно влияют на успеваемость студентов и общее качество их жизни.

Организация культурно-досуговых мероприятий (60%) также занимает важное место в системе социальной поддержки. Несмотря на то, что данная мера не имеет прямого материального характера, она способствует социальной интеграции студенческих семей, укреплению внутрисемейных связей и формированию благоприятного психологического

климата. Участие в мероприятиях университета позволяет студентам расширять круг общения, снижать уровень стресса и ощущать поддержку со стороны образовательной среды.

Таким образом, полученные результаты показывают, что для студенческих семей наиболее значимыми являются меры, направленные на обеспечение базовых потребностей — финансовых и жилищных, однако немаловажную роль играет и создание условий для их социальной адаптации и полноценного участия в жизни университета.

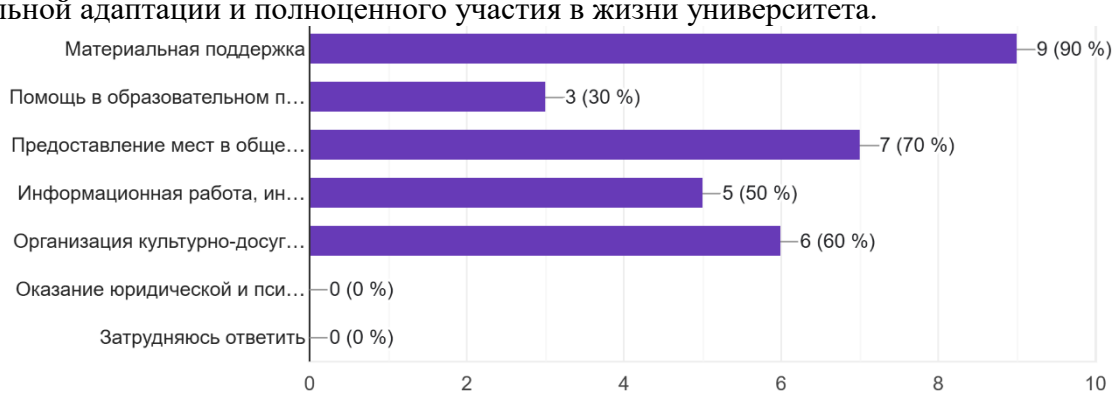


Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Выберите, какими мерами социальной поддержки вы пользовались»

Также респондентам был задан вопрос о том, консультируют ли их сотрудники отдела социальной работы (рисунок 4). Все участники исследования выбрали вариант ответа «да» (100%), что свидетельствует о полном охвате студентов консультационной поддержкой со стороны отдела социальной работы.

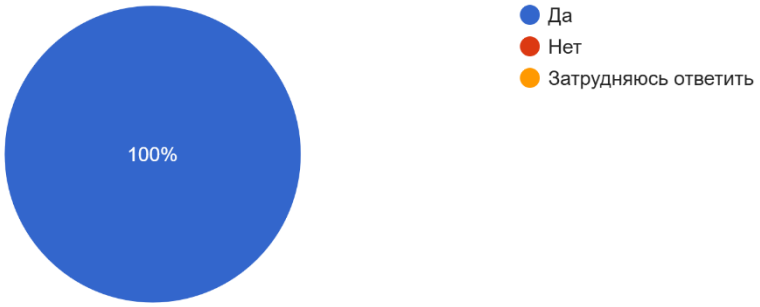


Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Консультируют ли Вас сотрудники отдела социальной работы?»

Социальное сопровождение студенческих семей в СКФУ достаточно разнообразно. В 2026 году состоялось открытие совместно функционирующей комнаты матери и ребёнка и группы кратковременного пребывания детей. Данная инициатива направлена на решение проблем совмещения учёбы и воспитания детей, давая возможность родителям быть полностью уверенными в безопасности малышей. В комнате имеется всё необходимое для комфортного времяпровождения. Также в СКФУ студенческим семьям предоставляется материальная помощь в виде единовременной денежной выплаты. [3]

Основаниями для её оказания нуждающимся обучающимся являются отнесение их к категории лиц из числа:

- на ранних сроках беременности, а также находящихся в отпуске по беременности и родам;
- в связи с рождением ребенка (не позднее 6 месяцев со дня рождения ребёнка);
- обучающимся, имеющим детей;
- одиноким матерям (отцам), которая(-ый) воспитывает своих детей (родных или усыновлённых) и занимается их развитием самостоятельно без отца (матери);
- в связи с тяжёлым заболеванием ребёнка, родитель которого является обучающимся в СКФУ;
- при наступлении трудной жизненной ситуации или дорогостоящем лечении;

- заключившим брак в период обучения.

Большое количество структур в ФГАОУ ВО «Северо-кавказский федеральный университет», такие как: отдел социальной работы, психологическая служба, корпус событийного волонтерства работают над тем, чтобы процесс организации социального сопровождения студенческих семей проходил успешно.

Дальнейшее развитие системы социального сопровождения позволит повысить уровень социальной защищённости студенческих семей, укрепить институт семьи и создать условия для успешной реализации молодёжи в профессиональной и личной сферах.

Литература:

1. Абрамова Ю. Качественные методы социальных исследований в социальной работе / Ю. Абрамова // Экономика и социум. – 2016. – № 12-1 (31). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennye-metody-sotsialnyh-issledovaniy-v-sotsialnoy-rabote (дата обращения: 09.04.2026).
2. Медведева Г. П. Социальная работа как феномен общественного бытия / Г. П. Медведева // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rabota-kak-fenomen-obschestvennogo-bytiya (дата обращения: 08.04.2026).
3. Официальный сайт ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». URL: https://ncfu.ru/
4. Холстова Е.И. Социальная работа: теория и практика. – М.:Дашков И.К., 2021.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Шоранова З.В. *- к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Бацуева З.М. *- ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена вопросам социальной поддержки многодетных семей в условиях современной России. Рассматриваются возможности укрепления института семьи, сохранения и продвижения в обществе традиционных семейных ценностей, роста рождаемости, охраны материнского, отцовского, детского, репродуктивного здоровья, повышения благосостояния и качества жизни в рамках реализации национальных проектов «Демография» и «Семья».

Ключевые слова: семья, многодетная семья, семейная политика, традиционные семейные ценности, национальный проект.

THE CURRENT POLICY OF SUPPORTING LARGE FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

Zalina V. Shoranova*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.*

Zarema M. Batsueva*, Assistant Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.*

Annotation. The article is devoted to the issues of social support for large families in modern Russia. The possibilities of strengthening the institution of the family, preserving and promoting traditional family values in society, increasing fertility, protecting maternal, paternal, child, and reproductive health, and improving well-being and quality of life within the framework of the national projects «Demography» and «Family» are being considered.

Keywords: family, large family, family policy, traditional family values, national project.

В современном мире Российская Федерация позиционирует себя как один из ключевых идеологических центров, отстаивающих приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых важнейшее место занимает институт семьи, находящийся под особой охраной государства и общества. В то же время, как и многие другие страны, Россия переживает этап демографического перехода, который характеризуется устойчивым снижением уровня рождаемости, повышением среднего возраста вступления в брак и рождения первенца, доминированием модели малодетной семьи и прогрессирующим старением населения. Одним из наиболее острых вызовов для большинства государств становится естественная убыль населения. Согласно предварительным данным Федеральной службы государственной статистики, на начало 2025 года численность населения Российской Федерации (без учета новых регионов) составила 146 млн человек. Прогнозные оценки (средний сценарий) указывают на сохранение негативной динамики: к 2030 году ожидается сокращение числа жителей до 143,3 млн, а к 2036 году — до 140,96 млн человек [1].

Параллельно с этим продолжаются структурные сдвиги в возрастном составе населения. Наиболее тревожным трендом, согласно прогнозам Росстата, является сокращение доли граждан моложе трудоспособного возраста: прогнозируется её снижение до 16,1% к 2030 году и до 14,2% к 2036 году. Доля населения в трудоспособном возрасте, напротив, демонстрирует тенденцию к росту, достигнув 60,9% к 2030 году и, предположительно, 61,6% к 2036 году, несмотря на завершение повышения пенсионного возраста в 2028 году. Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста, после некоторого снижения до 23% к 2030 году, вновь начнет увеличиваться, достигнув 24,2% к 2036 году [там же].

В контексте общего сокращения численности населения вопросы стимулирования рождаемости приобретают критическую значимость, при этом наблюдается высокая степень региональной дифференциации. При общероссийском суммарном коэффициенте рождаемости, составившем в 2023 году 1,41, в 41 субъекте Федерации этот показатель оказался ниже среднероссийского уровня, а в двух регионах опустился ниже отметки 1,0. В 44 субъектах (без учета новых территорий) уровень рождаемости, напротив, превышает общенациональные значения [2]. Столь существенная вариативность обусловливает необходимость применения дополнительных мер, направленных на выравнивание демографического развития регионов. Позитивным исключением на этом фоне выступает Кабардино-Балкарская Республика, где в январе 2025 года зафиксирован прирост рождаемости на 7,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года: число родившихся увеличилось с 882 до 950 детей, что в пересчете на 1000 населения составило 12,3 против 11,5 годом ранее [3].

Решение демографических проблем, на наш взгляд, следует начинать с трансформации общественного сознания. Необходимо последовательное внедрение в информационное, культурное и социальное пространство позитивного образа многодетной и многопоколенной семьи, а также активная пропаганда ответственного материнства и отцовства. Формирование уважительного отношения к роли отца и матери в обществе является фундаментом для того, чтобы многодетность стала восприниматься как поведенческая норма и ценностная категория не только на уровне отдельной семьи, но и на уровне социума в целом. Многодетная семья с ответственными родителями должна пользоваться безусловным уважением, а не сталкиваться с пренебрежением или осуждением.

В последние годы руководством страны реализуется системная политика, направленная на повышение социального статуса семьи, в первую очередь многодетной, а также на сохранение и укрепление традиционных семейных устоев. Ключевым доказательством этого служит запуск нового национального проекта «Семья», который пришел на смену завершившемуся в 2024 году проекту «Демография» и существенно расширил спектр мер поддержки. Структура нового нацпроекта включает пять федеральных проектов: «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», а также «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Определив в качестве стратегических целей повышение уровня семейного благополучия, усиление социальной роли семьи и создание условий для полноценного выполнения ею своих функций, государство предпринимает скоординированные усилия на всех уровнях власти для их достижения.

Неотъемлемым элементом целостной системы поддержки семей с детьми является социальный контракт — инструмент, позволяющий создать устойчивый источник дохода за счет активизации трудового или предпринимательского потенциала родителей. Внедренный в 2013 году, он приобрел масштабный характер с 2021 года, когда было введено софинансирование из федерального бюджета для всех субъектов РФ. Развернутая программа помощи многодетным семьям, в том числе оказавшимся в трудной жизненной ситуации, обеспечивает своевременное получение как материальных средств, так и квалифицированных консультаций. В рамках федерального проекта «Многодетная семья» социальный контракт может быть заключен по нескольким направлениям: содействие в трудоустройстве, ведение личного подсобного хозяйства или организация собственного дела. Ключевое условие для его оформления — среднедушевой доход семьи ниже регионального прожиточного минимума. Главное преимущество данного механизма заключается в комплексном подходе: члены семьи не просто получают выплаты, но и проходят программу социальной адаптации, получая поддержку в поиске работы (на срок до 9 месяцев), развитии ИП или личного подсобного хозяйства. В зависимости от ситуации предусмотрены единовременные или ежемесячные (до полугода) выплаты в размере до одного регионального прожиточного минимума на приобретение товаров первой необходимости, одежды, обуви, школьных принадлежностей, лекарств или прохождение медицинских осмотров. При поиске работы государство может компенсировать затраты на обучение (до 30 тыс. рублей), выплачивать стипендию в период учебы (половина прожиточного минимума) и обеспечивать оплачиваемую стажировку. Новая редакция программы предусматривает выделение до 350 тыс. рублей на открытие собственного дела и до 200 тыс. рублей на развитие личного подсобного хозяйства.

В этой связи необходимо концептуально переосмыслить саму категорию «социальная поддержка» применительно к многодетной семье в контексте современной социальной политики. Традиционно она воспринимается как система государственных выплат и льгот, однако для достижения стратегических демографических целей требуется переход от патерналистской модели к модели активизирующей социальной политики. Это подразумевает смещение акцентов с простого денежного вспомоществования на инвестиции в человеческий капитал семьи. Социальная поддержка должна трансформироваться в систему социального развития, где ключевыми становятся не только компенсаторные механизмы (возмещение затрат на жилье, ЖКУ), но и превентивные, направленные на предотвращение обеднения семей при рождении детей. Речь идет о формировании так называемого социального лифта для многодетной семьи, где государственные ресурсы работают на создание условий для самореализации родителей и получения качественного образования детьми, что в долгосрочной перспективе разрывает цикл бедности, часто сопутствующей многодетности.

Отдельным приоритетным направлением государственной поддержки является улучшение жилищных условий семей с детьми. Для молодых родителей действует программа социальных выплат на приобретение жилья, а с 2018 года реализуется программа «Семейная ипотека» со льготной ставкой 6%. В настоящее время эта поддержка ориентирована на семьи с детьми в возрасте до 6 лет, семьи, воспитывающие детей-инвалидов, а в регионах с низкими объемами жилищного строительства — на семьи с двумя несовершеннолетними детьми. Для развития сельских территорий введена программа сельской ипотеки со ставкой 3%, позволяющая приобретать жилье в сельской местности и опорных населенных пунктах с численностью до 30 тыс. человек. Активно ведется работа по выделению многодетным семьям земельных участков, обеспеченных необходимой инфраструктурой, в том числе в рамках проекта «Мой частный дом», предусматривающего федеральные субсидии регионам на эти цели. С 2019 года действует мера по погашению ипотечных кредитов для многодетных семей в размере 450 тыс. рублей, а для восьми регионов Дальнего Востока эта сумма увеличена до 1 млн рублей [4]. Однако, несмотря на принимаемые меры, социологические опросы фиксируют, что потребность в улучшении жилищных условий в сочетании с высокой закредитованностью остается одним из главных барьеров при принятии

решения о рождении детей. В связи с этим актуальной задачей является внедрение стимулирующих к рождению ребенка механизмов во все жилищные программы и развитие неипотечных способов обеспечения семей с детьми жильем.

С 2024 года на федеральном уровне законодательно закреплены единые подходы к определению статуса и поддержке многодетных семей, при этом за субъектами Федерации сохранено право расширять эту категорию с учетом региональных, национальных и демографических особенностей, а также вводить дополнительные меры помощи. Важным теоретическим дополнением здесь выступает анализ эволюции самого понятия «многодетная семья» в российском законодательстве и общественном дискурсе. Долгое время трактовка этого статуса варьировалась от региона к региону, что создавало неравенство в доступе к мерам поддержки. Закрепление единого подхода на федеральном уровне в 2024 году стало знаковым событием, унифицировавшим правовое поле. Однако, как справедливо отмечено, регионам оставлено право расширения категорий и мер. Такой гибридный подход (федеральный стандарт + региональная вариативность) представляется оптимальным в условиях огромной территориальной и социально-экономической дифференциации страны. Он позволяет, с одной стороны, гарантировать базовый уровень защиты многодетной семьи вне зависимости от места проживания, а с другой — учитывать специфику рынка труда, жилья и демографические установки в конкретных субъектах Федерации, как это продемонстрировано на примере Кабардино-Балкарской Республики.

Так, в Кабардино-Балкарской Республике в 2024 году были внесены изменения в региональное законодательство, которые не только определили статус многодетной семьи (семья с тремя и более детьми), но и установили его бессрочный характер. Социальная поддержка детям в таких семьях предоставляется до достижения старшим ребенком 18 лет (или 23 лет при условии очного обучения). По данным Росстата, в республике насчитывается около 14 тысяч многодетных семей, в которых воспитывается более 40 тысяч детей [5]. За девять месяцев 2025 года на поддержку этих семей было направлено 80 млн рублей. Основной объем средств приходится на ежемесячные пособия при рождении третьего и последующих детей в возрасте до трёх лет (18 405 рублей в месяц). Помимо этого, региональный комплекс поддержки включает единовременное пособие при рождении одновременно трёх и более детей (50 тыс. рублей на каждого), компенсацию расходов на ЖКУ, адресную помощь на улучшение жилищных условий для семей с пятью и более детьми (250–500 тыс. рублей), а также ведомственную награду «Материнская слава». Кроме того, многодетные семьи республики активно пользуются федеральными программами льготной ипотеки, субсидиями и программой «Семейный автомобиль» [6].

Вместе с тем, усилить анализ эффективности данных мер позволяет обращение к проблеме барьеров, препятствующих получению поддержки. Несмотря на расширение перечня льгот и выплат, сохраняется проблема информированности многодетных семей о своих правах. Исследования показывают, что значительная часть семей либо не знает о существовании тех или иных программ (особенно новых, таких как расширенные возможности социального контракта), либо сталкивается с бюрократическими сложностями при их оформлении. Кроме того, существует негласный феномен «ловушки бедности», когда резкое увеличение дохода семьи (например, при трудоустройстве родителя по социальному контракту) приводит к потере права на некоторые виды пособий, что демотивирует семью к выходу на самообеспечение. В этой связи требуется дальнейшая настройка механизмов адресности, включая внедрение «беззаявительного» принципа назначения выплат и создание системы «одного окна» на базе МФЦ, где семья могла бы получить полную консультацию по всем доступным мерам поддержки, включая региональные.

Сравнительный анализ с зарубежными практиками также способен обогатить понимание перспектив развития отечественной модели поддержки. Например, опыт Франции или скандинавских стран демонстрирует, что наиболее эффективными являются не столько разовые крупные выплаты, сколько система «семейных коэффициентов» в налогообложении и развитая инфраструктура присмотра за детьми. Во Франции налоговая система устроена таким образом, что наличие детей существенно снижает налогооблагаемую базу семьи,

оставляя больше средств в распоряжении родителей. В Швеции акцент сделан на доступности и качестве дошкольного образования, что позволяет обоим родителям совмещать воспитание детей с полноценной занятостью. Перенос этих уроков на российскую почву требует осторожности, но очевидно, что развитие сети негосударственных детских садов с господдержкой (субсидирование части платы для многодетных) или введение прогрессивной шкалы налогообложения с вычетами на каждого последующего ребенка могли бы стать мощным стимулом, дополняющим существующую систему прямых выплат.

Несомненно, проводимая государством на всех уровнях политика в области социальной поддержки семей с детьми является своевременной и в целом отвечает текущим социально-экономическим реалиям. Вместе с тем, полагаем, что стратегическим ориентиром должно стать не формирование иждивенческой позиции, а создание условий для самообеспечения семьи. Ключевая задача государства — сформировать среду, в которой семья с работоспособными родителями способна получать от своей экономической активности доход, достаточный для полноценного развития детей. Данный подход предполагает дальнейшее совершенствование системы оплаты труда, развитие занятости и профессиональной подготовки, внедрение льготных режимов налогообложения для многодетных родителей и их работодателей, а также развитие доступных кредитных инструментов.

Наконец, необходимо более детально остановиться на социокультурном измерении проблемы. Меры экономической поддержки, безусловно, важны, но они не работают в полную силу без параллельного формирования в обществе престижа многодетности. Современная городская среда, жилищные стандарты и потребительские стандарты часто ориентированы на нуклеарную семью с 1-2 детьми. Преодоление этого разрыва требует целенаправленных усилий по изменению информационной повестки. Важно не только бороться с негативными стереотипами (например, ассоциацией многодетности с малообеспеченностью), но и создавать позитивные ролевые модели через кинематограф, литературу, социальную рекламу. В этом контексте Кабардино-Балкарская Республика, демонстрирующая рост рождаемости, может служить примером региона, где традиционные установки на многодетность сохранились в большей степени, чем в среднем по стране, и задача государства – поддержать эту ценностную ориентацию современными инфраструктурными и экономическими решениями, не допустив ее эрозии под влиянием урбанистических трендов. Не менее важным представляется содействие в реализации воспитательной функции семьи, что может выражаться в установлении льготных режимов занятости для родителей, сохранении и развитии сети дошкольных учреждений, работающих в партнерстве с семьей, а также в организации системы педагогического просвещения родителей.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что социальная поддержка многодетных семей прочно утвердилась в качестве одного из приоритетных направлений социальной политики Российского государства. Однако эффективность этой политики зависит не только от действий государства, но и от степени вовлеченности каждого гражданина, выступающего в роли активного субъекта социальной политики и носителя традиционных семейных ценностей.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709 (дата обращения: 20.03.2026).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 №615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года».
3. Кабардино-Балкария вошла в топ-10 регионов России по росту рождаемости [Электронный ресурс] // Известия Кавказ. — 2025. — 16 апреля. — URL: https://kavkaz.mk.ru/social/2025/04/16/kabardinobalkariya-voshla-v-top10-regionov-rossii-po-rostu-rozhdaemosti.html. (дата обращения: 05.04.2026).
4. Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/natsproekt-semya-kak-v-rossii-prodolzhat-podderzhku-roditeley-s-detmi/#:~:text. (дата обращения: 03.04.2026).

5. Управление Федеральной службы государственной статистики по СКФО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://26.rosstat.gov.ru/folder/29768 (дата обращения: 21.03.2026).
6. Социальный Фонд России. Отделение по Кабардино-Балкарской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// sfr.gov.ru/ branches/kbr/. (дата обращения: 20.04.2026).

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Маскалянова С.А. *– кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социального образования и социологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*
Федорова К.М. *– студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптации выпускников детских домов к самостоятельной жизни. Проводится анализ условий их успешной адаптации с учетом реалий современного российского общества. Рассматриваются традиционные и инновационные технологии социальной поддержки молодых людей из категории выпускников в рамках их постинтернатного сопровождения.
Ключевые слова: выпускники детских домов, интернатные учреждения, социальная адаптация, постинтернатное сопровождение, технологии социальной работы.

SOCIAL WORK TECHNOLOGIES FOR ADAPTATION OF ORPHANAGE GRADUATES TO INDEPENDENT LIFE

Maskalyanova S.A. *– Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*
Fedorova K.M. *– student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Annotation: This article examines the adaptation of orphanage graduates to independent living. It analyzes the conditions for their successful adaptation, taking into account the realities of contemporary Russian society. Traditional and innovative social support technologies for young people who graduate from orphanages are explored as part of their post-orphanage care.
Keywords: graduates of orphanages, boarding schools, social adaptation, post-boarding school support, social work technologies.

Одним из актуальных направлений отечественной социальной работы по-прежнему остается работа с выпускниками детских домов, направленная на их адаптацию к жизни в социуме. Проживание в интернатном учреждении неизменно оставляет след на личностном развитии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Находясь в условиях полного государственного обеспечения, дети-сироты привыкают надеяться на государственную помощь, что неизбежно приводит к формированию у них инфантилизма и безынициативности. После выпуска из детского дома молодые люди из категории детей-сирот встают перед необходимостью самостоятельного решения своих проблем: выбором профессии и получением образования, поиском жилья, построением семьи и стабильных дружеских связей, организацией своего быта и досуга. Все это зачастую становится для них непосильной ношей и, в конечном счете, провоцирует их к проявлениям разных форм девиаций. Необходимо отметить, что у выпускников детских домов отсутствует пример построения крепких семейных отношений, как правило, они не могут рассчитывать на поддержку родителей или других родственников. Это еще больше усугубляет жизненную ситуацию молодых людей при вступлении их во взрослую жизнь. Таким образом, возникает

потребность в применении эффективных технологий социальной работы по адаптации выпускников интернатных учреждений к самостоятельной жизни [2]. Выделяют ряд условий, которые способствуют более быстрому приспособлению молодых людей этой категории к жизни в социуме. Одно из них – это проживание в замещающей семье, которая является хорошей альтернативой проживанию в детском доме. Замещающая семья представляет собой такую форму жизнеустройства ребенка-сироты, при которой он помещается в конкретную семью, с которой государство заключает договор или контракт. Согласно этому контракту или договору замещающие родители создают все необходимые условия для успешной социализации ребенка-сироты. Существует множество разновидностей замещающей семьи. В российских условиях наиболее востребованными являются такие формы замещающей заботы как: приемная семья, патронат, семейные воспитательные группы. Несмотря на то, что замещающие семьи не всегда в полной мере могут заменить ребенку кровную семью, они, тем не менее, формируют у ребенка адекватные представления о нормах и моделях семейных взаимоотношений, обучают коммуникативным и другим важным социальным навыкам. Даже после вступления молодого человека во взрослую жизнь, приемные родители могут оказывать ему психологическую поддержку, поддерживать советами и конкретными действиями.

Вторым важным условием, при котором у выпускников детских домов быстро формируются адаптивные способности, являются их личностные особенности. Как правило, выпускники с высокой самооценкой, уверенные в себе, активные и энергичные, эмоционально стабильные лучше приспосабливаются к самостоятельной жизни. Именно поэтому еще на этапе проживания детей-сирот в интернатном учреждении с ними необходимо проводить комплексную работу по формированию у них адаптивных навыков. В эту работу должны быть включены социальный педагог, педагог-психолог, специалист по социальной работе. Во многих детских домах успешно функционируют социально-психологические службы, включающие в себя вышеназванных специалистов. Данная технология социальной работы позволяет не только подготовить детей-сирот к самостоятельной жизни в обществе, но и предупредить развитие у них социальных отклонений [3].

Еще одной результативной технологией социальной работы с выпускниками интернатных учреждений является технология кураторства или наставничества, реализующаяся как в условиях детского дома, так и в условиях иного образовательного учреждения или реабилитационного центра. Суть этой технологии заключается в том, что к выпускнику прикрепляется куратор, то есть человек, поддерживающий его в разных сложных ситуациях. Куратор может оказывать психологическую поддержку, обучать психолого-педагогическим навыкам, нормам поведения в обществе, помогать советами и рекомендациями, оказывать правовую помощь или консультативную поддержку. Важно, чтобы куратор смог установить с подопечным эмоционально близкие доверительные отношения. В детском доме это может быть один из воспитателей ребенка-сироты, стоящего на пороге выпуска из детского дома, а также социальный педагог или педагог-психолог. Нередко выпускник интернатного учреждения обращается за помощью в реабилитационный центр или его туда направляют соответствующие органы при наличии у него конкретной проблемы. В этом случае куратором или наставником у него может быть специалист данной организации. В условиях реабилитационного центра одной из форм работы с молодыми людьми становится коррекционно-профилактическая работа с ними по преодолению разных форм девиантного поведения. Работа с выпускниками в этом направлении может осуществляться как в индивидуальной, так и групповой форме.

Отметим, что технологии кураторства и наставничества являются составной частью постинтернатного сопровождения выпускников интернатных учреждений как базовой технологии социальной работы с данной категорией молодежи.

Постинтернатное сопровождение – это система мер по содействию выпускникам детских домов в процессе их вхождения в самостоятельную жизнь [3]. Во многих регионах России существуют разные практики организации постинтернатного сопровождения выпускников. Однако все они преследуют главную цель – повышение общей социализирован-

ности молодых людей и решение частных проблем выпускников в различных сферах жизнедеятельности. В Липецкой области технология постинтерантного сопровождения выпускников реализуется на базе Центра развития семейных форм устройства, социализации детей, оставшихся без попечения родителей, и профилактики социального сиротства «СемьЯ». Анализ деятельности учреждения позволяет сделать вывод, что работа специалистов (социальных педагогов, специалистов по социальной работе, педагогов-психологов), осуществляющих постинтернатное сопровождение молодых людей из категории выпускников, реализуется по направлениям социально-педагогического сопровождения, правовой защиты, трудоустройства, бытовой адаптации.

Социальные педагоги и специалисты по социальной работе, взаимодействующие с выпускниками, помогают им в защите прав, содействуют в оформлении документов, получении льгот, жилья. Осуществляя социально-педагогическое сопровождение, они поддерживают выпускника в выборе образовательного маршрута, налаживании связей с образовательными учреждениями. Для выпускников, входящих в самостоятельную жизнь, необходимым является сформированность бытовых навыков. Социальные педагоги консультируют молодых людей по вопросам ведения домашнего хозяйства, планирования личного бюджета.

Педагоги-психологи, работающие с выпускниками в рамках их постинтернатного сопровождения, содействуют им в решении психологических проблем, преодолении зависимостей, обучают конструктивным способам общения и межличностного взаимодействия. В рамках профориентационной работы психологи помогают молодым людям в выборе профессиональной деятельности, подготовке к собеседованиям, учат взаимодействовать со службами занятости.

В рамках межведомственного взаимодействия, специалисты центра, осуществляющие постинтернатное сопровождение выпускников, проводят выездные рейды совместно со специалистами Управления опеки (попечительства) и охраны прав детства. Мобильная группа из специалистов еженедельно посещает выпускников по месту их прописки, обучения и трудовой деятельности. Данная работа включает в себя проведение профилактических и консультативных мероприятий по вопросам психологической и социальной поддержки. Это позволяет контролировать процесс сопровождения молодых людей из категории выпускников интернатных учреждений.

Сегодня одной из зарекомендовавших себя технологий социальной работы по адаптации выпускников к самостоятельной жизни является технология транзитной социальной квартиры или тренировочной квартиры. Суть данной технологии заключается в том, что выпускник на определенный промежуток времени помещается в ведомственную квартиру от Центра социальной защиты населения, Управления опеки (попечительства) или реабилитационного центра, работающего с данной категорией молодых людей, Здесь ему предоставляются все необходимые условия для самостоятельного проживания при условии тесного взаимодействия со специалистом, курирующим выпускника по разным бытовым вопросам. Деятельность этой квартиры носит социально обучающий характер, что содействует формированию навыков самообслуживания у выпускника, активизации его социально-бытовых компетенций. Таким образом, молодой человек становится способен к ответственному и инициативному отношению к своей жизни.

Необходимо отметить и такую технологию социальной поддержки выпускника как социальная гостиная. Она направлена на поддержку тех выпускников, у которых отсутствует собственное жилье. Здесь они могут приобрести опыт самостоятельного проживания, получая при этом профессиональное образование.

Еще одной значимой технологией постинтернатной адаптации выпускников интернатных учреждений является так называемый «Клуб выпускников». Здесь осуществляется правовая, психологическая, социально-педагогическая поддержка молодых людей. Занятия проводятся в форме консультаций, мастер-классов, социально-психологических тренингов, на которых выпускники узнают, как правильно разрешать возникающие юридические проблемы, строить отношения в коллективе, семье, преодолевать возникающие в этих

сферах конфликты. Особенностью работы таких клубов является возможность развития социального партнерства через взаимодействие с благотворительными фондами и общественными организациями, которые активно привлекаются к решению проблем выпускников в рамках правовой поддержки, трудоустройства и профессиональной ориентации [4].

На протяжении последних нескольких лет во многих регионах России были запущены проекты, имеющие обучающую направленность. Их суть – в восполнении пробелов в знаниях выпускников. Например, импакт-проект «Первая квартира», функционирующий с августа 2025. Этот проект содействует повышению осведомленности молодых людей о том, как правильно и своевременно оплачивать жилищно-коммунальные услуги, не накапливая большие долги [1].

Представляет интерес и проект «Карта социальных возможностей», запущенный в 2017 году Центром молодежных и предпринимательских инициатив «Поколение 2025» при поддержке АНО «Мы нужны друг другу» и административной поддержке аппарата Уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка. Целью проекта является формирование у молодых людей осознанного профессионального выбора, развитие коммуникативных навыков, правовых компетенций. Проект реализуется в рамках таких направлений как: информационный портал, справочник-путеводитель, горячая линия для выпускников детских домов, образовательный курс «Права и обязанности воспитанника и выпускника детского дома», система наставничества, каталог лучших региональных практик по социализации [5].

Подводя итоги, отметим, что успешная социализация выпускников интернатных учреждений, предполагающая их адаптацию к разным сферам жизни невозможна без поддержки со стороны государства и общества. Такая поддержка осуществляется через организацию комплексного сопровождения молодых людей данной категории. В этой работе, имеющей системную и межведомственную направленность, должен быть некий координирующий центр, регулирующий и контролирующий функционирование всех учреждений, включенных в процесс сопровождения. Такая системная работа на всех уровнях обеспечит более мягкую и безболезненную адаптацию выпускников к условиям реальной жизни.

Литература:

1. Агентство социальной информации [Электронный ресурс]: экспертная организация и информационное агентство некоммерческого сектора. – Москва, 2000–2026. https://asi.org.ru/
2. Борлакова Ф.А., Коркмазова И.У. Проблемы социальной адаптации выпускников детских домов в Карачаево-Черкесской Республике. https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-adaptatsii-vypusknikov-detskih-domov-v-karachaevo-cherkesskoy-respublike/viewer.
3. Ерёменко Т.В. Постинтернатное сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как приоритетное направление социальной защиты. https://cyberleninka.ru/article/n/postinternatnoe-soprovozhdenie-detey-sirot-i-detey-ostavshihsya-bez-popecheniya-roditeley-kak-prioritetnoe-napravlenie-sotsialnoy/viewer.
4. Залужная М.В., Арутюнян Р.Л., Шалагинова К.С. Адаптации выпускников интернатных учреждений: теория и практика [Электронный ресурс] // Заметки ученого. – 2019. – № 4. – С. 96-102. – ISSN 2713-0142. – Режим доступа: https://e.lanbook.com/journal/issue/321488
5. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [Электронный ресурс]. – Москва, 2009-2026. https://deti.gov.ru/

ФОРМЫ, МЕТОДЫ, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ МЦ «БРАК И СЕМЬЯ» Г. НАЛЬЧИК)

Каширгова К.А. *– студентка, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.*

Кушхова А.Ф. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация: Статья посвящена формам, методам и направлениям деятельности центра планирования семьи в г. Нальчик. В современных условиях общество должно стремиться к рождению здоровых детей, способных к полноценной общественной, трудовой деятельности и семейной жизни. Семья стимулирует социальную активность человека, способствует сохранению и укреплению физического и психологического здоровья человека. Поэтому укрепление семьи - приоритетная задача общества и половое воспитание подрастающего поколения - одно из ведущих направлений ее решения, чем и обусловлена актуальность нашей статьи. Обеспечение этой задачи тесно связано с планированием семьи и охраной репродуктивного здоровья населения.
Ключевые слова: семья, молодая семья, молодежь, общество, воспитание, репродуктивное здоровье, консультирование, тренинги, трудная жизненная ситуация, центр планирования семьи.

Forms, methods, and activities of the Family Planning Center (using the example of the Marriage and Family Center in Nalchik)

Kashirgova Kamilla Amirovna Scientific supervisor: Kushkhova Anezha Fedorovna Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov "Nalchik, Russia

Abstract: The article is devoted to the forms, methods and activities of the family planning center in Nalchik. In modern conditions, society should strive to have healthy children who are capable of fulfilling social, work and family life. The family stimulates a person's social activity, helps to preserve and strengthen a person's physical and psychological health. Therefore, strengthening the family is a priority task of society and the sex education of the younger generation is one of the leading directions for its solution, which determines the relevance of our article. The provision of this task is closely related to family planning and the protection of the reproductive health of the population**.**
Keywords: family, young family, youth, society, upbringing, reproductive health, counseling, trainings, difficult life situation, family planning center**.**

Во всем мире в последнее время все большее внимание уделяется проблеме здоровья, здорового образа жизни и ответственного родительства.

Необходимость внедрения социальной работы в центр планирования семьи обусловлена, во-первых, ситуацией ухудшения состояния репродуктивного здоровья; во-вторых, низким уровнем осведомленности населения в вопросах охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи; в-третьих, отсутствием должной профилактической системы в этой сфере здравоохранения; в-четвертых, медико-социальным характером системы планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья.

В Кабардино-Балкарской республике действуют два центра по планированию семьи. Это Республиканский центр планирования и репродукции (Дубки, больничный городок), Центр планирования семьи «Брак и семья» (Нальчик, ул. Пирогова,4). Центр планирования семьи является медико-социальным учреждением, и специфика деятельности специалиста по социальной работе будет связана с охраной репродуктивного здоровья молодежи и оказанием помощи семье, но при этом он не претендует на выполнение функций медицинского персонала.

Вследствие чего, мы считаем, что одним из основных направлений деятельности специалиста по социальной работе является просветительско - профилактическая работа с детьми и подростками, юными матерями направленная на предупреждение разного рода нарушений в области сексуального поведения молодежи, в частности:

- предупреждение раннего начала половой жизни.
- предупреждение последствий неправильного сексуального поведения: нежелательной беременности, абортов.
- просвещение по вопросам контрацепции.

- формирование ценностного и ответственного отношения к созданию семьи и рождению детей.
- информирование о существующих учреждениях и организациях, в которые можно обратиться в трудной жизненной ситуации за той или иной помощью[1].

Кроме того, специалист может осуществлять профилактические мероприятия в учебных классах или в группах детей из социальных приютов и реабилитационных центров для несовершеннолетних, проводя занятия на базе учреждений социальной защиты и системы образования.

Методы и технологии, используемые специалистом в рамках профилактической работы (приложение):

• Лекции и семинары, посвященные различным аспектам планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья:
- по тематике ранней половой жизни и возможных ее негативных последствиях для здоровья и жизни.
- по тематике абортов и их последствий для здоровья женщины и возможности иметь детей в дальнейшем.
- по тематике контрацептивных средств и специфике их использования.
- по тематике социально-психологических аспектов семейной жизни.

• Обучающие тренинги, формирующие установки на здоровый образ жизни, ответственное отношение к своему здоровью, здоровью партнера и будущего потомства, стремление к созданию крепкой, здоровой семьи.

Работа с молодой семьей в центре планирования семьи направлена на:
- оказание помощи семье в трудной жизненной ситуации.
- оказание поддержки семьи в решении конфликтных ситуаций.

социально-психологическая подготовка молодых супругов к рождению и воспитанию ребенка.
- формирование установок на ответственное отношение к семье, своему будущему ребенку и его здоровью.
- правовое информирование.

Работа с беременными женщинами.

Беременность - один из самых важных и сложных этапов в жизни женщины. В этот период происходит изменение социально-психологического статуса, переоценка ценностей, освоение новой социальной роли, формирование ответственности не только за себя, но и за своего ребенка и т.д. В связи с этим женщинам на всех этапах беременности требуется внимание и помощь не только медицинских работников, но и специалистов по социальной работе.

Таким образом, деятельность специалиста по социальной работе в центре планирования семьи направлена на:
- подготовку женщины к рождению и воспитанию ребенка, освоению роли матери.
- содействие гармонизации отношений в семье.
- снятие напряженности и страха перед предстоящими родами.
- информирование по правовым вопросам.
- помощь в решении социальных проблем.

Работа специалиста с беременными женщинами проводится как индивидуально, так и в группе

Методы и технологии социальной работы с беременными женщинами:

• Социально-психологическое консультирование женщины, помощь в решении интересующих ее вопросов, снятие психологической напряженности, формирование позитивного настроя.

• Тренинги (обучающие, взаимопомощи, личностного роста) проводимые в группе беременных женщин, а также в группе беременных и уже родивших женщин с целью обмена опытом, получения ответов на интересующие беременных женщин вопросы и

пр. Также возможно участие специалиста в проводимых врачами занятиях в рамках программы «школы материнства».

• Правовое консультирование:

- информирование о правах женщины во время беременности и после родов в сфере трудовых отношений.

- информирование по вопросам материальной поддержки (пособий, выплат, льгот).

- информирование об учреждениях и организациях, в которые женщина может обратиться по различным вопросам.

В Республике проводится работа по вопросу просвещения подростков в сфере сексуальных взаимоотношении, по предотвращению количества ранних абортов, по устройству детей - сирот оставшихся без попечения родителей. Работа с такими детьми требует индивидуального подхода и комплексной, разработанной программы для устройства их дальнейшей судьбы.

Министр здравоохранения Кабардино-Балкарской Республики Рустам Калибатов в ходе прямого эфира на площадке ЦУР КБР ответил на самые актуальные вопросы жителей, рассказал о текущей ситуации в здравоохранении и планах на следующий год.

На сегодняшний день Перинатальный центр Кабардино-Балкарской Республики работает в штатном режиме с хорошими показателями. В 2024 году 24 ребенка родилось с экстремально низкой массой тела, и выживаемость их очень высока. Младенческая смертность в Перинатальном центре снизилась по сравнению с предыдущим периодом с 2,9 % до 1,9 %, что является одним из лучших показателей по стране[1].

Как сообщает пресс-служба Минздрава республики, достичь высоких результатов удалось благодаря комплексной работе по развитию службы родовспоможения в регионе, широким возможностям пренатальной диагностики и совершенствованию системы дородового наблюдения.

Ежегодно практически в 99 процентах случаев в республике выхаживают детей, родившихся раньше срока. Также медики спасают малышей с экстремально низкой массой тела – менее одного килограмма – ранее практически не имевших шансов на выживание. Процент выхаживания детей с весом от пятисот граммов до килограмма за последние 10 лет в республике вырос вдвое и составляет 84%, являясь одним из самых высоких в стране.

Перинатальный центр Кабардино-Балкарии – единственное медучреждение в регионе, где выхаживают маловесных детей. Именно сюда направляют всех беременных из групп риска и оказывают высокопрофессиональную помощь матери и ребёнку. Центр оснащён всем необходимым высокотехнологичным оборудованием для выхаживания недоношенных детей. «Это наша гордость. Я считаю, что это заслуга тех, кто в первую очередь занимается ведением, лечением пациентов», — отметил Рустам Михайлович.

В Кабардино-Балкарии отмечен прирост рождаемости в январе 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Общее количество родившихся увеличилось на 7,7%. В абсолютных числах в январе 2025 года родилось 950 детей (показатель 12,3 на 1000 населения), в январе 2024 года – 882 ребенка (показатель 11,5). Наиболее существенная динамика роста показателя наблюдается в городском округе Нальчик, Черекском и Терском, а также Майском и Зольском районах. Кроме того, республика вошла в число 10 российских регионов с положительной динамикой естественного прироста [2].

Повышению рождаемости способствуют многие социальные факторы. «Этому способствуют и различные социальные выплаты, и строительство школьных и дошкольных учреждений, их капитальный ремонт, создание современных учреждений материнства и детства в здравоохранении, расширение возможностей дополнительного развития детей в творчестве и спорте, создание комфортной городской среды в жилых районах, развитие инфраструктуры и многое другое. Соответственно, в республике увеличилось и количество многодетных семей. За последние пять лет их число в регионе выросло более чем на четверть - на 27%», - пояснил заместитель Председателя Правительства КБР Марат Хубиев [3].

Материнство и детство нуждаются в специализированной помощи. В нашей республике ее могут оказать Центр планирования семьи и репродукции, перинатальный центр.

Для оказания экстренной помощи женщинам и детям старшего возраста в районы выезжает бригада санавиации с высококвалифицированными специалистами службы охраны материнства и детства. Главный врач перинатального центра, поделилась опытом работы перинатального центра в Кабардино-Балкарии. В учреждении внедрены семейные роды, есть индивидуальные родильные залы, а особенное внимание уделяется проблеме юных матерей. Активное наблюдение за их здоровьем, за развитием плода, психологическая поддержка. Полная юридическая консультация позволяет чувствовать молодым мамам некую защищенность и уверенность. Также социальными работниками проводятся беседы с беременными решившими отказаться от ребенка[12].

Важными выводами нашей статьи необходимо отметить то, что необходимо пропагандировать ценности брака, семьи, детей среди молодежи, организовывать социально-психологическое консультирование по проблемам брака, семьи, рождения и воспитания детей и т.д. В статье также охарактеризованы основные аспекты деятельности центра планирования семьи: направления и функции работы, которые, как мы определили, являются скорее медико-социальными, нежели медицинскими. Повысить уровень брачности, рождаемости, интерес к семейным ценностям среди молодежи - значит получить заметный эффект в социально-демографическом развитии страны. В целом же помочь решить проблему охраны материнства может реализация государственных гарантий обеспечения женщин и детей бесплатной медицинской помощью, психологической и социальной поддержкой. Не исключением является и центр планирования семьи и репродукции, занимающийся охраной репродуктивного здоровья, поскольку оно является залогом здоровья наших будущих поколений.

Список источников и литературы:

1. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в кабардино-балкарской республике. 2021г.
2. https://kbrria.ru/
3. https://pravitelstvo.kbr.ru/

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Никифорова Т.Ю. *– кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социального образования и социологии» ФГБОУ ВО «Липецкий Государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*

Полтавская В.А. *– студент института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий Государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена изучению возможностей социокультурной деятельности как важного инструмента социализации детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Обоснована роль социокультурной реабилитации в системе комплексной реабилитации детей с особыми потребностями. Приведены разновидности социокультурных мероприятий, направленных на социализацию детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды, социализация, социокультурная реабилитация, социальная адаптация.

THE ROLE OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES IN THE SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Nikiforova T.Yu. *– Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of «Social Education and Sociology», Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Poltavskaya V.A. *– student at the Institute of Psychology and Education Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Annotation. The article is devoted to the study of the possibilities of socio-cultural activities as an important tool for the socialization of children with disabilities. The role of socio-cultural rehabilitation in the system of comprehensive rehabilitation of children with special needs is substantiated. The article presents the types of socio-cultural events, the forms of their organization used for the harmonious development of the personality of children with disabilities and their successful socialization. The directions of the activities of the LROOI "School of Masters" in Lipetsk for working with children of this category are revealed.
Key words: children with disabilities, the disabled, socialization, socio-cultural rehabilitation, and social adaptation.

В последние десятилетия в рамках государственной политики нашей страны большое внимание уделяется вопросам социализации и интеграции детей с ОВЗ и инвалидностью в общество. Это обусловлено тем, что дети данной категории являются наиболее уязвимой и социально незащищенной группой, а поэтому для них необходимо создать специальные условия для воспитания и развития, получения образования, коррекции и реабилитации имеющихся нарушений в психофизической сфере.

Согласно Федеральному закону №273-ФЗ «Об образовании в РФ», «дети с ограниченными возможностями здоровья – это дети, имеющие недостатки в психическом или (и) физическом развитии, подтвержденные психолого-медико- педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий» [10].

Дети с ОВЗ представляют собой особую группу несовершеннолетних, объединенных наличием сенсорных, когнитивных, эмоционально-волевых, моторных и иных нарушений психофизического развития, которые имеют специфические потребности в различных сферах жизни. Поэтому важное значение приобретает необходимость комплексного выявления существующих у них ограничений в жизнедеятельности, сохранных возможностей и особых потребностей. За счет включения таких детей в реабилитационный и образовательный (в рамках получения дополнительного образования) процесс станет возможным максимально полное удовлетворение разных потребностей детей с ОВЗ.

Для усиления мер по социализации детей с теми или иными нарушениями в развитии изначально была определена необходимость включения таких детей в процесс инклюзивного образования, который продолжает и в настоящее время активно реализовываться. В этом случае социализация осуществляется посредством приобщения «особенных» детей к изучению разным научных теорий (по разным дисциплинам) и культуры, что будет способствовать их подготовке к интеграции в общество, то есть к активному участию в социальной жизни.

Следует отметить высказывание знаменитого педагога Л.С. Выготского, который подчеркивал необходимость активного вовлечения детей с нарушениями в развитии в разнообразные формы социально значимой деятельности. В свою очередь, это обеспечит системное воздействие на формирование и обогащение их практического и социального опыта [3].

На важность использования социальной реабилитации и одного из ее направлений – социокультурной реабилитации людей с «особыми потребностями» обращено в национальном стандарте РФ «Реабилитация инвалидов. Услуги по социальной реабилитации инвалид

о Социальная реабилитация представляет собой комплекс мероприятий, нацеленных на восстановление способности человека оптимально функционировать в социуме путем повышения уровня его социальной активности, дееспособности, изменения его статуса в обществе. В свою очередь, этот процесс предполагает также внесение изменений в условия социальной среды, устранение существующих барьеров в среде жизнедеятельности, что позволит повысить адаптивные возможности человека [7, с. 328].

Важную роль в социализации детей с ОВЗ и инвалидностью играет социокультурная реабилитация (СКР). В современных условиях такой вид реабилитации рассматривается как неотъемлемая часть комплексной реабилитации людей (взрослых и детей) с ОВЗ и инвалидностью. Она предполагает организацию системы мероприятий, реализуемых через культурологические аспекты, направленные на всестороннее развитие личности каждого участника и повышение ее внутреннего потенциала.

Социокультурная деятельность завоевывает все большую популярность в реабилитационном процессе детей ОВЗ и/или инвалидностью. Это связано с тем, что такая направленность деятельности является важным инструментом, который поможет детям данной категории активно приобщаться к культурным традициям, нормам поведения в российском обществе с ее многонациональным населением.

Участие особенных детей в социокультурных мероприятиях окажет положительное влияние на развитие навыков общения и социального взаимодействия (как с равными себе, так и с обычными детьми), а также поможет раскрыть врожденные задатки, творческие способности детей с ОВЗ и их личностный потенциал как важного условия их эффективной адаптации в социуме.

По мнению Е.В. Максимовой, социокультурная реабилитация ориентирована на восстановление значимых социальных качеств, которые позволят каждому ее участнику пре-

о

д У детей с ОВЗ, как правило, наблюдаются неполные и фрагментарные представления о социальном окружении, недостаточно определены собственные жизненные цели и пер-

спективы. Поэтому без целенаправленной подготовки им достаточно трудно адаптироваться

даже в обычном социальном пространстве. В связи с этим требуется обеспечить комфорт-

ные условия для проведения системной работы по социализации детей с ОВЗ, направленной

на развитие социальных навыков и способности к гармоничной интеграции в общество.

т Отметим высказывание Е.В. Вичулене, согласно которому дети с нарушениями в

развитии и инвалидностью « … особо нуждаются в чётко спланированной и научно-обос-

нованной системе социально педагогических и психологических мер, направленных на

формирование у них самостоятельности суждений и действий, навыков труда и культуры

поведения, достойного духовно-нравственного облика, умения рационально организовы-

вать свой досуг» [2, с. 6].

н Приобщение к культурным ценностям детей с ОВЗ и инвалидностью будет способ-

ствовать их интеграции в социальное и культурное пространство и, что особенно важно,

обеспечит стимулирование личностного роста и чувство принадлежности к обществу.

и В качестве основной цели социокультурная реабилитация предполагает развитие у

людей с особыми потребностями умений и навыков использовать средства культуры и ис-

кусства в повседневной жизни. Это может быть достигнуто за счет расширения творческого

потенциала индивида и его способности реализовать имеющиеся таланты в различных сфе-

рах деятельности.

, Обратим внимание на то, что к основным функциям социально-культурной деятель-

ности относятся следующие: коммуникативная, просветительская, рекреационно-оздоро-

в

м Социокультурная реабилитация представляет собой многоуровневую систему меро-

приятий, ориентированных на восстановление и развитие социальных, коммуникативных,

культурных и творческих компетенций у людей с ОВЗ. В ее структуре выделяют наиболее

важные виды деятельности, которые различаются по содержанию, характеру, форме орга-

низации:

н 1. Массовые культурно-развлекательные мероприятия. К ним относятся театраль-

ные постановки, музыкальные концерты, танцевально-музыкальные вечера, выставки, фе-

стивали и другие формы рекреации. Участие в подобных мероприятиях способствует повы-

шению эмоционального тонуса, формированию навыков коллективного взаимодействия у

всех участников. Отметим, что подобные мероприятия выполняют функцию не только пси-

хологической разгрузки, но и помогают развивать творческие способности и самовыра-

жаться в том или ином виде деятельности каждому ребенку.

а

ф

ф

е

2. Культурно-просветительские мероприятия преимущественно направлены на расширение культурного и интеллектуального опыта участников и включают информационные беседы, литературные вечера, просмотры тематических кинофильмов и лекции. Реализация данных мероприятий своей целью ставит формирование осознанного отношения к культурным ценностям общества, а также развитие когнитивных и коммуникативных навыков.

3. Творческая деятельность (кружки по интересам) позволяет раскрывать индивидуальные и групповые образовательные потребности участников. Например, в интернатах и реабилитационных центрах можно проводить кружки по следующим направлениям: танцевальные, вокальные, литературные, театральные, художественные, а также кружки декоративно-прикладного творчества (бисероплетение и вышивание). Участие в таких видах деятельности способствует развитию у детей мелкой моторики, эстетического восприятия и творческого мышления.

4. Выездные культурно-массовые мероприятия предполагают участие детей с ОВЗ вместе со своими родителями в разных культурных событиях (экскурсии, выступления с театральными постановками, музыкальными концертами и др.) за пределами учреждения и города, что будет способствовать повышению самооценки и расширению социальных контактов у ее участников.

5. Выездные экскурсионно-познавательные мероприятия (посещение музеев, парков, исторических и архитектурных ценностей). Такие мероприятия проводятся с целью обогащения личностного и культурного опыта детей с особыми потребностями, развитие навыков социального ориентирования в тех или иных социокультурных масштабах (города, региона, страны).

6. Организация тематических выставок с демонстрацией результатов труда (индивидуальных достижений) в конкретном виде творчества (рисунок, роспись, поделка, выжигание по дереву, стихи и др.). Участие в выставках является особенно важным для несовершеннолетних с ОВЗ, поскольку это помогает им поддерживать мотивацию к занятиям определенным видом творчества, развивать навыки коммуникации, вырабатывать стремление к совершенствованию своих достижений и личных талантов.

Наряду с вышеизложенными разновидностями мероприятий по социокультурной реабилитации обратим внимание на роль культурно-досуговой деятельности для детей с ОВЗ. Такая деятельность занимает важное место среди разных социальных явлений и позволяет удовлетворять разные потребности людей: в отдыхе, развлечениях, а также способствует расширению культурного и образовательного уровня. При этом участие детей данной категории в мероприятиях культурно-досуговой деятельности помогает им в социализации и последующей интеграции в социум.

Особое внимание в процессе проведения СКР должно уделяться организации внеурочной и дополнительной образовательной деятельности как важного инструмента социализации. Так, приобщение детей особой категории к занятиям в кружках, творческих студиях, интеллектуальных и спортивных мероприятий, будет способствовать развитию у них познавательной активности, повышению самооценки, формированию мотивации к участию в разных формах коллективной деятельности.

Благодаря ведению портфолио собственных достижений ребенка с особыми потребностями (участия в конкурсах, олимпиадах и иных культурных мероприятиях различного уровня) будет видна положительная динамика личностного развития.

Одним из важных элементов реабилитации несовершеннолетних является осуществление межведомственного взаимодействия в рамках социокультурного пространства. Такое взаимодействие включает координацию деятельности образовательной организации, учреждений культуры, медицинских и общественных организаций. Это становится необходимым для функционирования единой поддерживающей среды, ориентированной на преодоление социальной изоляции ребенка с ОВЗ и его успешную интеграцию в социальную жизнь.

Отметим практический опыт работы Т.А. Чировой с детьми, имеющими ОВЗ, направленный на их социальную адаптацию в контексте духовно-нравственного воспита-

ния. В основу работы с детьми данной категории автором была положена программа «Социально-бытовая адаптация детей с ОВЗ», направленная на приобщение детей к социальной и культурной жизни общества, развитие у них навыков самостоятельности, выработки положительных ценностных ориентаций и др.

Организация работы с детьми по данной программе опиралась на следующие принципы: интегрирования, системности и преемственности:

- принцип интегрирования реализуется через включение элементов арт-терапии, музыкальной, изобразительной и танцевально-двигательной деятельности, способствующих гармонизации эмоционального состояния детей;

- принцип системности используется для формирования у детей структуры социально-бытовых знаний и умений;

- принцип преемственности ориентирован на последовательность и согласованность всех используемых мероприятий.

Содержание занятий адаптируется с учетом возраста обучающихся, уровня их интеллектуального и психического развития, медицинских рекомендаций и особенностей семейного воспитания.

В рамках программы осуществляется целенаправленное развитие социально-бытовых навыков, эмоционально-волевой сферы и сотрудничества ребенка с взрослыми. Результаты реализации программы Т.А. Чировой свидетельствуют о том, что у детей с ОВЗ повышается уровень социально-бытовой адаптации, формируется самостоятельность. За счет активного включения детей с ОВЗ в систему социальных отношений у них улучшаются коммуникативные навыки и снижается зависимость от помощи взрослых при выполнении конкретных действий [9].

Необходимо отметить практический опыт Н.Д. Пушкарской, С.В. Стороженко и С.А. Фоменко по организации процесса социализации детей нарушением интеллекта и иными формами ОВЗ в условиях общеобразовательной школы-интерната. Авторы реализовывали адаптированные образовательные программы для обучающихся, осуществляли коррекционно-педагогическую работу с воспитанниками школы-интерната с использованием разнообразных форм и методов: беседы, сюжетно-ролевые и дидактические игры, экскурсии, наблюдения, практическую деятельность, элементы релаксации._Особое место в работе с детьми уделялось развитию речи, мышления, трудолюбия, аккуратности как важных условий успешной социализации [8]. За счет использования арт-терапевтических, игровых и практических методов в сочетании с массовыми и внеурочными мероприятиями создавались необходимые условия для формирования у детей с ОВЗ устойчивых навыков не только по самообслуживанию, но и интеграции в социальной жизни.

Процессу социализации детей с ОВЗ способствуют специалисты, работающие в учреждениях разного типа, которые осуществляют физическую и культурную реабилитацию с помощью игротерапии и спортивных занятий, а также активностей, которые помогают развивать мелкую моторику и когнитивные навыки.

Отметим, что в городе Липецке создано несколько организаций, ориентированных на развитие, коррекцию имеющихся нарушений и социализацию детей с ОВЗ и инвалидностью.

Следует выделить некоммерческую организацию ЛРОО ПИИС «Солнечный мир», которая ориентирована на оказание комплексной помощи детям с синдромом Дауна, а также на детей с нарушениями психического развития (в том числе с аутизмом) и их семьям. Повысить возможности несовершеннолетних к адаптации в социуме можно разными способами: через игры, занятия адаптивной физической культурой, плаванием, лепкой, рисованием, посредством участия детей в творческих конкурсах, спортивных мероприятиях, городских праздниках и т.п.

Другой организацией в Липецкой области, занимающейся вопросами развития, коррекции и социализации детей с ОВЗ и инвалидностью, является Липецкая региональная общественная организация инвалидов «Школа Мастеров». Она представляет собой специализированное учреждение социально-педагогической и культурно-реабилитационной направленности.

Основной целью деятельности ЛРООИ «Школы Мастеров» является комплексная поддержка развития личности ребенка через индивидуальные и групповые формы обучения, социальную адаптацию, творческую реализацию и подготовку к самостоятельной жизни в социуме. Данная организация осуществляет работу с детьми разного возраста (начиная с двух лет и старше) и нозологических групп (ДЦП, умственная отсталость, аутизм, синдром Дауна, речевые нарушения, задержка речевого развития) [6].

Деятельность ЛРООИ «Школа Мастеров» ориентирована на реализацию нескольких направлений:

1. Коррекционно-педагогическая работа: занятия с логопедом, дефектологом и психологом по коррекции речи, развитию когнитивных процессов и эмоционально-волевых качеств и др.

2. Социальная адаптация и социализация: формирование умений поведения в обществе, способности к коммуникации, работать в коллективе, обучение навыкам поведения в быту, развитие эмоционального интеллекта.

3. Коррекция гиперактивного поведения детей. Для этого используются игровые формы занятий, направленные на выработку у воспитанников навыков сознательного контроля собственных действий и развитие внимания.

4. Творческая и культурно-досуговая деятельность включает организацию занятий в разных кружках изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, театрального и музыкального характера; проведение культурных мероприятий, выставок и благотворительных акций.

5. Подготовка к школе проводится по программам раннего обучения, включающие развитие у детей познавательных навыков и умений социального взаимодействия. Использование разных направлений и форм работы с детьми, имеющими ОВЗ, способствует повышению уровня готовности детей к освоению адаптированных образовательных программ.

Организация «Школа Мастеров» в своей работе использует индивидуальный подход, учитывающий психофизические особенности каждого ребенка, а также возможность консультирования родителей по вопросам развития и воспитания ребенка в домашних условиях. Деятельность данной организации строится на следующих принципах: комплексности, индивидуализации, последовательности, преемственности, межведомственного взаимодействия.

В работе с детьми специалисты используют большой арсенал методов:

- диагностические методы;
- словесные (беседы, лекции, рефлексия);
- практические (трудовое обучение, проектная деятельность);
- игровые (сюжетно-ролевые, дидактические, подвижные игры);
- арт-терапевтические (музыкальная, изобразительная и танцевально-двигательная деятельность);
- коррекционно-развивающие.

К числу положительных результатов использования комплексного подхода ЛРООИ «Школа Мастеров» относятся следующие:

- формирование у воспитанников социальных, коммуникативных, бытовых и творческих умений;
- повышение уровня самостоятельности, эмоциональной устойчивости и способности к адаптации в обществе;
- снижение уровня социальной изоляции за счет включения детей в коллективные и культурные виды деятельности;
- повышение самооценки и мотивации детей к обучению и занятиям творческими видами деятельности.

Отметим, что ЛРООИ «Школа Мастеров» включает Центр Социальной адаптации «Школа Мастеров». В рамках деятельности этого Центра работа с детьми, имеющими ОВЗ и инвалидность, осуществляется по трем основным программам, предусматривающим всестороннее развитие детей с особыми образовательными потребностями:

1. Программа «Ступеньки в жизнь» ориентирована на развитие у детей базовых навыков самообслуживания, опрятности и формирование личностных качеств (волевых, самооценки, правильного самовосприятия).

2. Программа «Красочный мир» нацелена на развитие у детей мелкой моторики рук, способности к творческому и эстетического восприятию мира вокруг себя. Для этого проводятся занятия по труду, лепке и работе с природными материалами.

3. Программа «Солнечный лучик» направлена на формирование у воспитанников сенсорных эталонов (форма, цвет, размер и свойства предметов), а также на расширение знаний об окружающем мире (живом и неживом).

В Центре Социальной адаптации особое внимание уделяется подготовке детей к школе, что предполагает выработку мотивации к учебе, навыков работы с текстом, рисунками, учебниками и адаптацию к условиям школьной среды.

Социокультурная деятельность данной региональной организации осуществляется посредством проведения тематических мероприятий, включающих инклюзивные мастер-классы, фестивали, культурно-массовые акции и благотворительные проекты [6].

Следует отметить ряд проектов, в которых принимала участие ЛРООИ «Школа Мастеров». Проект «Мал золотник, да дорог!» был реализован в 2020 году при поддержке Фонда президентских грантов и направлен на обучение детей и подростков с ОВЗ и инвалидностью разным видам творческой деятельности (декоративно-прикладному искусству, моделированию в 3D формате, хореографии и др.), что способствует развитию талантов детей, навыки командной работы и их социализации.

В 2021 году данная организация участвовала в реализации проекта «Расширяя Горизонты», в ходе которого проводились экскурсии и образовательные мероприятия, позволяющие расширять кругозор детей и подростков с нарушениями в развитии.

Наряду с этим, в 2022-2025 гг. для детей с ОВЗ регулярно проводились комплексы мероприятий по социальной адаптации. Так, в частности, дети вместе с родителями участвуют в концертах, интерактивных выставках, инклюзивных праздниках («Широкая Масленица»).

Таким образом, ЛРООИ «Школа Мастеров» предоставляет условия для комплексной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья. В данной Школе используется сочетание коррекционно-развивающих программ, разных видов творческой деятельность, а также социокультурные инициативы.

Следует отметить, что участие детей с особыми потребностями в разных культурных и творческих мероприятиях способствует развитию у них чувства эмпатии, ответственности и самоуважения, что является условием для их успешной интеграции в современное социокультурное пространство.

В заключении отметим, что социокультурная деятельность имеет многоцелевой характер и занимает важное место в формировании у детей с ОВЗ социального опыта, устойчивых связей и помогает им социализироваться, чтобы быть полноценными участниками в

Литература:

1. Беляева М.А. Социокультурная реабилитация инвалидов: от политики интеграции к инклюзии // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. – №2. – Том 10. – С. 1-13 // Цит. по: https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK219.pdf

2. Вичулене Е.В. Методы социокультурной реабилитации инвалидов // Социально-культурная реабилитация инвалидов: от терапии искусством к творческому развитию личности: материалы краевой практической конференции «Социально-культурная реабилитация инвалидов: от терапии искусством к творческому развитию личности» (27 ноября 2019 года, г. Красноярск). Красноярск: КГАУК КСК «Дворец Труда и Согласия им. А. Н. Кузнецова», 2020. – С. 4-7.

3. Выготский Л. С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2023. – 656 с.

4. ГОСТ Р 54738-2021. Национальный стандарт РФ. Реабилитация инвалидов. Услуги по социальной реабилитации инвалидов (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 04.06.2021 N 520-ст).

Максимова Е.В. Социокультурная реабилитация, адаптация и интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья: теоретико-методологический аспект // Человек. Культура. Образование. – №2 (24), Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. 2017. – С. 85-99

6. Официальный сайт ЛРООИ «Школа Мастеров». – URL: https://shkolamasterovlipetsk.ru/

7. Полоскина О.В., Дудова Д.К. Социальная адаптация и интеграция людей с инвалидностью в Липецкой области // Наука и образование - важнейший фактор развития общества в современных условиях: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Караганды, 12 апреля 2024 года. – Караганды: Кент - LTD, 2024. – С. 328-332.

8. Пушкарская Н.Д., Стороженко С.В., Фоменко С.А. Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях школы-интерната // Наука, образование и культура. – 2022. – № 7 (31). – С. 109-115.

9. Чирова Т.А. Социальная адаптация детей с ОВЗ как аспект духовно-нравственного воспитания // Молодой ученый. – 2021. – № 2 (106). – С. 867-869. – URL: https://moluch.ru/archive/106/25366.

10. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 № 273-ФЗ / КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА, В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ

Угарова М.Г. *- кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Россия*

Пакина А.Е. *– студентка 4 курса факультета социального управления института педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается специфика эмоционально-поведенческих установок родителей в зависимости от возраста ребенка. Выявлено, что стиль воспитания претерпевает значительные изменения: от высокого уровня принятия, кооперации и симбиоза в младшем школьном возрасте к усилению авторитарного контроля и формированию образа «маленького неудачника» в подростковом возрасте.

Ключевые слова*:* семейное воспитание, родительские установки, подростковый возраст, младший школьный возраст, детско-родительские отношения.

Ugarova M.G. - Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky", Yaroslavl, Russia

Pakina A.E. - 4th year student of the Faculty of Social Management at the Institute of Pedagogy and Psychology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky", Yaroslavl, Russia

Abstract: The article examines the specifics of parents' emotional and behavioral attitudes depending on the child's age. It is revealed that the parenting style undergoes significant changes: from a high level of acceptance, cooperation, and symbiosis in primary school age to increased authoritarian control and the formation of the image of a "little loser" in adolescence.

Keywords: family upbringing, parental attitudes, adolescence, primary school age, and parent-child relationships.

Семья является основополагающим институтом социализации, закладывающим фундамент личностного развития ребёнка. В условиях быстро меняющегося социума, трансформации семейных ролей, информационной перегрузки и роста психологических нагрузок на детей и подростков, особую значимость приобретает социальная поддержка семей, не только находящихся в трудной жизненной ситуации, но и молодых семей, а также семей, имеющих детей. В этой связи, к актуальным задачам относится изучение эмоционально-поведенческих установок родителей, лежащих в основе взаимоотношений родителей и детей.

Современная наука рассматривает семью как основную среду, в которой происходит первичное усвоение норм, социальных ролей и моделей поведения. При этом семья не только задаёт эмоциональный фон развития ребёнка, но и оказывает непосредственное влияние на формирование его самооценки, уровня тревожности, коммуникативных навыков, мотивации и отношения к учебной деятельности. Особенно это проявляется в подростковом возрасте, когда личность переживает кризис идентичности, стремится к автономии и одновременно нуждается в поддержке со стороны взрослых. Для младшего школьника, напротив, семья остаётся основным источником авторитета и эмоциональной опоры, а её воспитательный потенциал особенно высок [3, 6]. Родители, осознающие эти различия и адаптирующие свои подходы к воспитанию, способствуют формированию зрелой, уверенной и эмоционально устойчивой личности. В то же время семьи не учитывающие возрастную специфику воспитания детей нуждаются в дополнительной социальной поддержке и социально-педагогическом просвещении.

С.В. Покровская, Н.А. Цветкова при исследовании характеристик семейного воспитания в неполных семьях определили, что родители-одиночки склонны к расширению сферы родительских чувств, они чаще испытывают воспитательную неуверенность и склонны переносить конфликты со вторым родителем в плоскость воспитания. Это означает, что родители-одиночки нередко пытаются компенсировать чувство одиночества, брошенности или отверженности за счет ребенка, а также используют его как инструмент воздействия на отсутствующего родителя. Матери-одиночки демонстрируют стремление к гиперпротекции (чрезмерной опеке), завышенным требованиям и запретам, а также к строгим санкциям по отношению к ребенку. Отцы-одиночки, напротив, чаще проявляют гипопротекцию (недостаток внимания и заботы), а также недостаточность требований-обязанностей и требований-запретов к ребенку. Им свойственна приверженность к минимальности санкций и выраженная воспитательная неуверенность в себе [7].

В исследовании особенностей родительских установок отцов и матерей В.А. Перегудиной в качестве основных компонентов выделяет эмоциональное отношение к ребенку, образ ребёнка в сознании родителя, родительское поведение. Автором установлено, что «установки отцов и матерей, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста, отличаются в плане родительского отношения к ребенку, восприятия ребенка родителем и способов поведения с ним» [5, с. 11].

Психолого-педагогическая наука рассматривает родительские установки как ключевой фактор, определяющий эмоциональное благополучие, самооценку и поведенческие стратегии ребенка [2, 9].

Рассмотрим, результаты исследования эмоционально-поведенческих установок родителей, воспитывающих детей разного возраста. Для изучения эмоционально-поведенческих установок родителей использовалась методика «Опросник родительского отношения», разработанная А. Я. Варгой и В. В. Столиным, которая позволяет определить как эмоциональное отношение, так и поведенческие стереотипы родителей, влияющие на восприятие особенностей ребенка, понимание его личности. Опросник позволяет диагностировать установки по пяти ключевым шкалам: «Принятие — отвержение», «Кооперация», «Симбиоз», «Авторитарная гиперсоциализация» и «Маленький неудачник».

Целью данного исследования стало выявление специфики эмоционально-поведенческих установок родителей в зависимости от возраста ребенка. В исследовании приняли участие 15 родителей: 8 человек, воспитывающих детей младшего школьного возраста (7–10 лет), и 7 человек — подростков (11–15 лет).

Сравнительный анализ результатов по методике «Опросник родительского отношения» выявил существенные различия в выраженности эмоционально-поведенческих установок родителей (Табл.).

Таблица

Сравнительный анализ шкал родительского отношения у родителей разных возрастных групп (средний балл)

Шкала	Родители младших школьников	Родители подростков
Принятие — отвержение	28,4	22,1
Кооперация	6,8	4,9
Симбиоз	6,2	3,7
Авторитарная гиперсоциализация	4,3	5,8
Маленький неудачник	2,1	4,6

Как видно из таблицы, родители младших школьников демонстрируют более высокий уровень эмоционального принятия (M=28,4), что говорит о безусловном положительном отношении к ребенку. Родители видят ребенка таким, какой он есть, уважают и признают индивидуальность, одобряют его интересы, поддерживают планы, проводят с ним достаточно много времени и не жалеют об этом. Они активно вовлечены в жизнь детей, о чем свидетельствует высокий балл по шкале «Кооперация» (M=6,8). Такой балл является признаком того, что родители проявляют искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высоко оценивают способности ребенка, поощряют самостоятельность и инициативу ребенка, старается быть с ним на равных. Выраженный симбиоз (M=6,2) указывает на тесную психологическую связь и стремление оградить ребенка от трудностей, что характерно для данного возраста. Родители не устанавливают психологическую дистанцию между собой и ребенком, стараются всегда быть ближе к нему, удовлетворять его основные разумные потребности.

В группе родителей подростков наблюдается иная картина. Показатель принятия снижается до 22,1 балла, что может отражать рост критичности и сдержанности в проявлении чувств. Резко падает уровень кооперации (M=4,9) и симбиоза (M=3,7), что связано с естественным стремлением подростка к автономии и перестройкой детско-родительских отношений. При этом фиксируется рост авторитарной гиперсоциализации (M=5,8) — родители усиливают контроль и давление, пытаясь удержать управление. Родители при общении с ребенком ориентированы на установление дисциплинарных рамок и требования подчинения.

Наиболее тревожным является увеличение показателя по шкале «Маленький неудачник» (M=4,6), что свидетельствует о формировании у части родителей негативного образа ребенка как несамостоятельного и неуспешного. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся родителям несерьезными, и родители могут их игнорировать.

Полученные данные подтверждают данные о том, что методы воспитания и родительское отношение существенно варьируются в зависимости от возраста ребёнка. Если в младшем школьном возрасте доминирует принимающий и опекающий стиль, то в подростковом возрасте родители часто переходят к более авторитарной и критикующей стратегии, что может провоцировать конфликты и отчуждение [4].

Проведённое эмпирическое исследование позволило выявить существенные различия в стиле родительского воспитания в зависимости от возраста ребёнка. При анализе результатов, полученных с помощью опросника родительского отношения (ОРО), были зафиксированы специфически выраженные эмоционально-поведенческие установки. Эти данные дают основание для формирования конкретных рекомендаций для использования в социальной и социально-педагогической работе, направленных на гармонизацию родительско-детских отношений и оптимизацию воспитательного процесса.

1. Усиление установок на принятие и поддержку. Наиболее позитивные результаты были выявлены по шкале «Принятие — отвержение» у родителей младших школьников, в то время как у родителей подростков данный показатель оказался заметно ниже. Это может быть следствием постепенного перехода от безусловного принятия к более критичной позиции по мере взросления ребёнка. Однако подобная смена установки часто воспринимается подростками как отвержение и отстранённость, что может приводить к росту тревожности, снижению самооценки и обострению конфликтов. Родителям по мере взросления детей необходимо сохранять установки на принятие и в подростковом возрасте, при этом адаптируя их к возрастным особенностям. Подростку важно чувствовать, что его уважают как личность и готовы поддержать даже в случае ошибок. Практически это может выражаться как в вербальной поддержке, умении слушать без оценивания, а также в признании его автономии. Родителям рекомендуется изучать базовые принципы эмоционального интеллекта и эмпатического общения.

2. Развитие кооперации как формы воспитательного партнёрства. Кооперация — один из ключевых факторов успешного взаимодействия между родителем и ребёнком. Родители младших школьников в большей степени склонны к сотрудничеству, вовлечённости и интересу к делам ребёнка. Далее этот показатель снижается, что может указывать на утрату воспитательного партнёрства между родителями и детьми подросткового возраста. Следовательно, важно формировать у родителей навыки кооперативного взаимодействия, особенно в переходный период развития ребёнка. Это означает не только контроль за учёбой и поведением, но и совместную деятельность, обсуждение интересов подростка, участие в решении его проблем, принятие участия в досуге. Эффективной практикой являются семейные собрания, на которых обсуждаются планы, конфликты и предложения — с учётом мнения всех членов семьи.

3. Переход от симбиоза к партнёрству с сохранением эмоциональной близости. Выраженность показателя по шкале «Симбиоз» продемонстрировала резкое снижение показателей у родителей подростков, что естественно — подростки стремятся к автономии, и чрезмерная близость может восприниматься ими как навязчивость. Однако снижение симбиотической связи не должно означать эмоциональную отстранённость. Родителям подростков следует осваивать технику “безопасной дистанции” — формировать эмоциональную поддержку без навязчивости, уметь отпускать ребёнка, но быть рядом в случае необходимости. Это требует высокой степени рефлексии и самоконтроля со стороны взрослого. Для повышения родительской компетентности в этой области можно использовать тренинги эмоциональной осознанности или семейное консультирование.

4. Коррекция авторитарной гиперсоциализации. По шкале «Авторитарная гиперсоциализация» родители подростков набрали более высокий балл, что указывает на доминирование контроля и нормативности в воспитании. В условиях подросткового кризиса это часто приводит к усилению сопротивления, конфликтам и уходу в оппозицию. В этой ситуации рекомендуется переход от авторитарного к демократическому стилю воспитания, основанному на принципах взаимного уважения, аргументированной позиции и возможности ребёнка участвовать в принятии решений. Родителям следует избегать категоричности и наказаний, которые не сопровождаются разъяснениями. Вместо этого необходимо практиковать методы конструктивного воздействия: установление правил, обсуждение последствий, личный пример. Также полезны образовательные программы по ненасильственному общению.

5. Переоценка восприятия ребёнка как «маленького неудачника». Особенно тревожным оказался рост показателей по шкале «Маленький неудачник» у родителей подростков, что может говорить о наличии у взрослого устойчивого негативного образа ребёнка как несамостоятельного, неуспешного, неперспективного. Такое отношение формирует у подростка низкую самооценку, выученную беспомощность и отчуждение от родителя. Важно развивать у родителей установку на позитивное восприятие ребёнка, замечание и поощрение успехов, даже если они кажутся незначительными. Помогают в этом техники дневников наблюдений, в которых взрослые фиксируют положительные действия и прогресс ребёнка. Эффективно также проведение семейной обратной связи с фокусом на сильные стороны

ребёнка. Возможно обращение к психологу для работы с искажённым образом ребёнка у взрослого (например, в формате когнитивно-поведенческой терапии).

6. Индивидуализация воспитательного подхода в зависимости от пола ребёнка. Ряд исследований указывает на наличие гендерной дифференциации в стиле воспитания: мальчикам чаще демонстрируют авторитарность и ожидание достижений, девочкам — заботу и внимание. Однако в современной педагогике на первый план выходит необходимость учитывать личностные особенности ребёнка, а не только его пол. Родителям следует избегать шаблонных установок «девочки должны быть нежными», «мальчики не плачут» и ориентироваться на индивидуальность ребёнка. В этом могут помочь консультации с педагогами, тестирование темперамента и консультации по психотипу. Также полезны обучающие семинары, проводимые в образовательных учреждениях при участии специалистов по возрастной психологии.

Таким образом, социальная поддержка семейного воспитания должна быть направлена на формирование осознанного, уважительного и гибкого отношения родителей к ребёнку, адаптированного к его возрастным и индивидуальным особенностям. Наибольшую эффективность показывают интегративные подходы, сочетающие эмоциональную поддержку, участие, совместную деятельность и демократичный стиль воспитания. Реализация данных рекомендаций в социальной и социально-педагогической практике может существенно повысить воспитательный потенциал семьи и способствовать гармоничному развитию личности ребёнка.

Литература:

1. Гиппенрейтер, Ю. Б. Общаться с ребёнком. Как? [Электронный ресурс] – М.: АСТ, 2019. – 208 с. – URL: https://pedklassy.bspu.by/files/docs/books/1_knigi/2_gippenreyter.pdf (дата обращения: 27.03.2025). – Текст : электронный.
2. Гиппенрейтер, Ю. Б. Воспитание подростка [Электронный ресурс] – М.: АСТ, 2021. – 224 с. – URL: https://www.litres.ru/book/uliya-gippenreyter/vospitanie-podrostka-64880461/chitat-onlayn/ (дата обращения: 27.03.2025). – Текст : электронный.
3. Млодик, И. Ю. Книга для неидеальных родителей, или Жизнь на свободную тему. – М.: Генезис, 2022. – 224 с.
4. Мурашова, Е. В. Ваш непонятный ребёнок [Электронный ресурс] – М.: АСТ, 2021. – 320 с. – URL: https://samokatbook.ru/book/vash-neponyatnyy-rebenok-psikhologicheskie-propisi-dlya-roditeley/ (дата обращения: 27.03.2025).
5. Перегудина, В. А. Исследование особенностей родительских установок отцов и матерей, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — № 4. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN422.pdf
6. Петрановская, Л. В. Тайная опора. Привязанность в жизни ребёнка [Электронный ресурс] – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 248 с. – URL: https://psy.pinpo.ru/wp-content/uploads/2019/12/Л.-Петрановская-Тайная-опора.pdf (дата обращения: 27.03.2025).
7. Покровская С. В., Цветкова Н. А. Особенности характеристик семейного воспитания в неполных семьях // Социология — 2022— № 3. С. 262-268 — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-harakteristik-semeynogo-vospitaniya-v-nepolnyh-semyah (дата обращения: 14.04.2026).
8. Реан, А. А. Психология подростка. – СПб. : Питер, 2022. – 288 с.
9. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – СПб. : Речь, 2020. – 352 с.

ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ

Тратинко Т.В. *– старший преподаватель кафедры «Социальная работа и реабилитология», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Свиридчук Д.А. *– студентка 4 курса, специальности «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)», факультета философии и социальных наук, Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности толерантности и социально-коммуникативной компетентности у сотрудников помогающих профессий. Цель исследования – изучение различий данных характеристик у специалистов с разным уровнем стрессоустойчивости. Установлено, что сотрудники с высокой стрессоустойчивостью демонстрируют более выраженную коммуникативную толерантность и адаптивность в общении, тогда как при пороговой стрессоустойчивости выявлены признаки коммуникативных затруднений. Результаты подтверждают влияние стрессоустойчивости на эффективность профессионального взаимодействия.
Ключевые слова: толерантность, коммуникативная толерантность, социально-коммуникативная компетентность, стрессоустойчивость, помогающие профессии.

FEATURES OF TOLERANCE AND SOCIO-COMMUNICATIVE COMPETENCE IN ASSISTING PROFESSIONALS

T. V. Tratsinko *– Senior Lecturer, Senior Lecturer of the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*
D.A. Sviridchuk *– 4th year student, Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences, specialty "Social Work (Social and Psychological Activities)".*

Abstract. The article discusses the features of tolerance and social and communicative competence in employees of helping professions. The purpose of the study is to examine the differences in these characteristics among specialists with different levels of stress resistance. It was found that employees with high stress tolerance demonstrate more pronounced communicative tolerance and adaptability in communication, while those with threshold stress tolerance show signs of communicative difficulties. The results confirm the impact of stress tolerance on the effectiveness of professional interaction.
Keywords: tolerance, communicative tolerance, socio-communicative competence, stress resistance, helping professions.

В условиях современного общества особую значимость приобретает изучение психологических характеристик специалистов помогающих профессий, деятельность которых связана с интенсивным межличностным взаимодействием, эмоциональной включённостью и высокой степенью ответственности за благополучие других людей. Эффективность профессиональной деятельности таких сотрудников во многом определяется уровнем сформированности толерантности и социально-коммуникативной компетентности, обеспечивающих конструктивное взаимодействие с различными категориями клиентов, коллег и социального окружения. В условиях профессионального стресса, высокой эмоциональной нагрузки и необходимости принятия решений в сложных ситуациях данные качества выступают важными ресурсами поддержания профессиональной продуктивности и психологической устойчивости специалистов.

Проблема толерантности в профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий активно рассматривается в психологической литературе. Исследователи подчёркивают, что толерантность выступает как интегративное личностное образование, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты и проявляющееся в принятии индивидуальных различий, уважении к личности другого человека, способности к эмпатии и конструктивному взаимодействию. Отмечается, что высокий уровень толерантности способствует снижению конфликтности, повышению эффективности профессионального общения и формированию благоприятного психологического климата в коллективе. В то же время недостаточная сформированность толерантности может приводить

к коммуникативным трудностям, профессиональным деформациям и эмоциональному выгоранию специалистов [2].

Не менее важным компонентом профессиональной успешности сотрудников помогающих профессий является социально-коммуникативная компетентность, которая рассматривается как система знаний, умений и навыков эффективного взаимодействия с окружающими, способность понимать партнёра по общению, адекватно реагировать на социальные ситуации и выстраивать продуктивные межличностные отношения. В исследованиях подчёркивается, что социально-коммуникативная компетентность обеспечивает успешность профессионального общения, способствует предупреждению конфликтов, повышает качество оказания помощи и эффективность командной работы. Данный феномен тесно связан с уровнем развития толерантности, поскольку принятие индивидуальных особенностей партнёра по взаимодействию является условием конструктивного общения [3].

В ряде исследований также подчёркивается роль стрессоустойчивости как важного личностного ресурса специалистов помогающих профессий. Высокий уровень стрессоустойчивости способствует сохранению эмоционального равновесия, адекватному восприятию профессиональных трудностей и эффективному решению задач в условиях повышенной нагрузки. Стрессоустойчивость является одним из факторов, влияющих на эффективность трудовой деятельности, поскольку позволяет специалистам сохранять продуктивность, гибкость поведения и способность к конструктивному взаимодействию даже в напряжённых ситуациях. Предполагается, что уровень стрессоустойчивости может быть связан с особенностями проявления толерантности и социально-коммуникативной компетентности сотрудников помогающих профессий [1].

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых изучению толерантности, социально-коммуникативной компетентности и стрессоустойчивости, вопрос об особенностях их проявления у сотрудников помогающих профессий остаётся недостаточно изученным. Особенно актуальным представляется изучение различий в проявлении толерантности и социально-коммуникативной компетентности у специалистов с разным уровнем стрессоустойчивости, что позволит более полно раскрыть психологические условия эффективности их профессиональной деятельности.

Таким образом, *целью* нашего исследования являлось изучение особенностей толерантности и социально-коммуникативной компетентности у сотрудников с разным уровнем стрессоустойчивости.

Выборка исследования составила 54 человека. В исследовании приняли участие специалисты помогающих профессий, а именно работающие в юридической сфере, чья профессиональная деятельность предполагает регулярные межличностные контакты. В выборку вошли мужчины и женщины в возрасте от 35 до 50 лет.

Для проведения исследования ранее упомянутых показателей были применены следующие *методики*: Методика Холмса и Раг; Тест «Коммуникативная толерантность» В. В. Бойко; Опросник социально-коммуникативной компетентности Е.И. Рогова.

На первом этапе исследования с помощью методики Холмса и Раге были выделены две выраженные категории: участники с высокой степенью сопротивляемости стрессу и участники с пороговой степенью сопротивляемости.

Для участников, вошедших в группу высокой степени сопротивляемости стрессу (от 150 до 199 баллов), характерна выраженная стрессоустойчивость, которая проявляется в низкой стрессовой нагрузке и способности сохранять эмоциональную стабильность даже при наличии неблагоприятных обстоятельств.

Испытуемые с пороговой (средней) степенью сопротивляемости стрессу (от 200 до 299 баллов) демонстрируют умеренный уровень стрессоустойчивости. Такие участники сохраняют способность адаптироваться, но их устойчивость снижается при росте стрессогенного влияния внешней среды.

На втором этапе исследования проводилось изучение особенностей коммуникативной толерантности участников, относящихся к разным уровням сопротивляемости стрессу. Для диагностики использовалась методика общения и коммуникативной толерантности В. В. Бойко. Измерение проводилось раздельно в двух выделенных на первом этапе группах –

участниках с высокой степенью сопротивляемости стрессу (группа 1) и участниках с пороговой степенью сопротивляемости (группа 2). Такой подход позволил выявить возможные различия в коммуникативной толерантности между респондентами, демонстрирующими различный уровень стрессоустойчивости, что создало основу для последующего сравнительного анализа полученных данных.

На основе результатов методики были выявлены межгрупповые различия. Так, участники с пороговой сопротивляемостью демонстрируют более высокие значения общей коммуникативной нетолерантности (61 балл) по сравнению с группой с высокой сопротивляемостью стрессу (50 баллов). Наибольшее расхождение наблюдается по этому интегральному показателю общей коммуникативной толерантности. По большинству частных компонентов также фиксируется тенденция к более высоким значениям у респондентов с пороговой устойчивостью (от 5 до 9 баллов) по сравнению с группой с высокой сопротивляемостью стрессу (от 3 до 8 баллов). Наиболее заметные различия проявляются по таким показателям, как нетерпимость к дискомфорту (6 против 4 баллов), неумение прощать ошибки (7 против 5 баллов), а также стремление переделывать партнёра (8 против 6 баллов). Таким образом, данные позволяют предположить наличие существенных различий в уровне коммуникативной толерантности между группами, различающимися по уровню стрессоустойчивости.

На третьем этапе проводилась оценка социально-коммуникативной компетентности участников исследования. Полученные по методике диагностики социально-коммуникативной компетентности данные позволили выявить особенности проявления социально-коммуникативных качеств у респондентов, относящихся к разным уровням сопротивляемости стрессу.

Так, участники с высокой степенью сопротивляемости стрессу демонстрируют более стабильные и умеренные показатели по большинству шкал, отражающих способность к конструктивному социальному взаимодействию. В то время как группа с пороговой сопротивляемостью стрессу проявляет более высокие значения по ряду показателей, связанных с коммуникативными и поведенческими затруднениями. Наиболее выраженные различия наблюдаются по шкале нетерпимость к неопределённости: 13 баллов у респондентов с пороговой сопротивляемостью и 7 баллов у участников с высокой устойчивостью. Схожая тенденция выявлена по шкале социально-коммуникативной неуклюжести (12 против 7 баллов), что указывает на повышенные трудности в ситуациях, требующих гибкости, адаптивности и готовности к изменениям. Фрустрационная нетолерантность также значимо выше у участников с пороговой стрессоустойчивостью (10 баллов) по сравнению с высокоустойчивыми респондентами (7 баллов), что отражает более выраженную эмоциональную реактивность в стрессовых обстоятельствах. В то же время ориентация на избегание неудач демонстрирует одинаковые значения в обеих группах (по 13 баллов), что свидетельствует о сходстве мотивационных установок на избегание неудач.

Показатели стремления к статусному росту (10 и 10 баллов) и чрезмерного стремления к конформности (6 и 6 баллов) не имеют различий, что указывает на частично совпадающие ценностно-мотивационные ориентации в обеих группах независимо от уровня сопротивляемости стрессу.

Гипотеза исследования заключалась в том, что выраженность показателей коммуникативной толерантности и социально-коммуникативной компетентности статистически значимо различается у респондентов с разным уровнем стрессоустойчивости. Для определения корректного выбора статистических методов предварительно была проведена проверка нормальности распределения данных. Для всех шкал обеих методик (в группах с высокой и пороговой стрессоустойчивостью) был использован критерий Колмогорова-Смирнова. Анализ показал, что распределения большинства показателей статистически значимо отклоняются от нормального уровня ($p < 0,05$). Учитывая полученные результаты, применение параметрических критериев, предполагающих нормальность распределения, было признано некорректным, что обусловило выбор непараметрических методов анализа.

Для выявления межгрупповых различий коммуникативной толерантности между респондентами с высокой и пороговой стрессоустойчивостью был использован непараметрический критерий Манна–Уитни. Его применение обусловлено тем, что распределения результатов шкал первой методики (Тест «Коммуникативной толерантности» В. В. Бойко) являются отличными от нормального. В таблице ниже (табл. 1) представлены значения статистики U, Z и двусторонние уровни значимости (p) для каждой шкалы.

Таблица 1 – Результаты критерия Манна–Уитни по шкалам коммуникативной толерантности

Шкалы	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Z	Асимп. знач. (двухсторонняя)
Неприятие индивидуальности	278,500	656,500	-1,516	0,130
Ипользование себя как эталона	239,500	617,500	-2,191	**0,028**
Категоричность, консервативность	253,000	631,000	-1,950	0,051
Неумение скрывать чувства	289,000	667,000	-1,329	0,184
Стремление переделать партнёра	160,500	538,500	-3,563	**0,000**
Желание сделать партнера удобным	250,500	628,500	-1,997	**0,046**
Неумение прощать ошибки	236,000	614,000	-2,264	**0,024**
Нетерпимость к дискомфорту	253,000	631,000	-1,958	0,050
Плохое приспособление	259,500	637,500	-1,836	0,066
Общая коммуникативная толерантность	138,000	516,000	-3,929	**0,000**

Полученные результаты позволяют выделить несколько статистически значимых различий между группами.

Во-первых, обнаружены статистически значимые различия по шкале «Использование себя как эталона» ($U = 239.500$, $p = 0.028$). Респонденты с пороговой стрессоустойчивостью демонстрируют более выраженную тенденцию оценивать поведение и реакции партнёра через призму собственных стандартов и ожиданий.

По шкале «Стремление переделать партнёра» выявлено высоко значимое различие ($U = 160.500$, $p < 0.001$). В группе с пороговой стрессоустойчивостью стремление изменить поведение партнёра выражено существенно сильнее, чем в группе с высокой устойчивостью к стрессу. Этот результат указывает на более ригидные формы межличностного взаимодействия и сниженные адаптивные стратегии в условиях эмоционального давления.

Также значимые различия получены по шкале «Желание сделать партнёра удобным» ($U = 250.500$, $p = 0.046$). Респонденты с пороговой стрессоустойчивостью чаще проявляют тенденцию подстраивать партнёра под собственные потребности, что может свидетельствовать о компенсаторных стратегиях в ситуации повышенной стрессовой нагрузки.

Сходная динамика наблюдается по шкале «Неумение прощать ошибки» (U = 236.000, p = 0.024): участники с пороговой стрессоустойчивостью хуже справляются с переработкой негативного опыта и проявляют более высокую чувствительность к промахам партнёра.

На уровне тенденции (приближение к статистической значимости) различаются показатели категоричности/консервативности (p = 0.051) и нетерпимости к дискомфорту (p = 0.050), что указывает на возможное усиление ригидности и эмоциональной уязвимости у респондентов с пороговой стрессоустойчивостью.

По обобщенному показателю «Общая коммуникативная толерантность» выявлено одно из наиболее выраженных различий (U = 138.000, p < 0.001). Группа с высокой стрессоустойчивостью демонстрирует существенно более высокий уровень коммуникативной гибкости и толерантности в межличностных взаимодействиях.

В то же время по шкалам «Неприятие индивидуальности», «Неумение скрывать чувства» и «Плохое приспособление» значимых различий не выявлено (p > 0.05), что говорит об относительной стабильности данных характеристик вне зависимости от уровня стрессоустойчивости.

Рассмотрим результаты сравнения показателей социально-коммуникативной компетентности у респондентов с различным уровнем стрессоустойчивости.

Для проверки различий между двумя независимыми выборками вновь был использован U-критерий Манна–Уитни, что соответствует характеру распределений и размеру выборок. Итоговые значения статистических показателей представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Статистические различия по шкалам социально-коммуникативной компетентности между группами стрессоустойчивости (U-критерий Манна–Уитни)

Шкалы	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Z	Асимп. знач. (двухсторонняя)
Социально-коммуникативная неуклюжесть	122,000	500,000	-4,209	**0,000**
Нетерпимость к неопределённости	14,000	392,000	-6,092	**0,000**
Чрезмерное стремление к конформности	364,000	742,000	-0,009	0,993
Повышенное стремление к статусному росту	363,500	741,500	-0,017	0,986
Ориентация на избегание неудач	354,500	732,500	-0,174	0,862
Фрустрационная нетолерантность	159,000	537,000	-3,605	**0,000**

Анализ данных свидетельствует о наличии статистически значимых различий по ряду шкал. Наиболее выраженные различия наблюдаются по показателям социально-коммуникативной неуклюжести (U = 122, p < 0,001), нетерпимости к неопределённости (U = 14, p < 0,001) и фрустрационной нетолерантности (U = 159, p < 0,001). В этих шкалах респонденты с пороговой стрессоустойчивостью демонстрируют существенно более высокие показатели, что может указывать на сниженные адаптивные коммуникативные навыки и

повышенную реактивность в условиях неопределённых или напряжённых межличностных ситуаций.

Отдельно следует отметить отсутствие статистически значимых различий по шкалам чрезмерного стремления к конформности (p = 0,993), повышенного стремления к статусному росту (p = 0,986) и ориентации на избегание неудач (p = 0,862). Это позволяет предположить, что данные параметры социально-коммуникативной сферы в меньшей степени связаны с уровнем стрессоустойчивости и отражают более устойчивые личностные установки, характерные для обеих групп.

Таким образом, в рамках анализа социально-коммуникативной компетентности было выявлено, что различия между группами касаются преимущественно тех компонентов, которые связаны с эмоциональной регуляцией, переносимостью неопределённости и адаптивностью поведения в сложных ситуациях общения.

Полученные данные позволили выявить ряд закономерностей, свидетельствующих о значимой роли стрессоустойчивости в формировании коммуникативных характеристик личности и эффективности межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности.

Анализ показателей коммуникативной толерантности показал, что сотрудники с высокой степенью сопротивляемости стрессу демонстрируют более выраженную коммуникативную гибкость, большую способность к принятию индивидуальных особенностей партнёра по общению и меньшую склонность к категоричности и ригидности. В противоположность этому респонденты с пороговой стрессоустойчивостью чаще проявляют тенденцию использовать собственные установки как эталон оценки окружающих, стремятся изменить партнёра, демонстрируют более выраженное неприятие ошибок и повышенную чувствительность к коммуникативному дискомфорту. Это указывает на снижение адаптивности межличностного взаимодействия при более низком уровне стрессоустойчивости.

Результаты анализа социально-коммуникативной компетентности также подтверждают выявленную тенденцию. Участники с высокой стрессоустойчивостью характеризуются большей устойчивостью в ситуациях общения, лучшей адаптацией к изменяющимся условиям взаимодействия и более эффективной регуляцией эмоциональных реакций. В то же время у респондентов с пороговой стрессоустойчивостью выявлены более высокие показатели социально-коммуникативной неуклюжести, нетерпимости к неопределённости и фрустрационной нетолерантности, что свидетельствует о трудностях в межличностном взаимодействии и повышенной эмоциональной реактивности в стрессогенных ситуациях.

Статистическая обработка данных с использованием критерия Манна–Уитни подтвердила наличие значимых различий между группами по ряду шкал коммуникативной толерантности и социально-коммуникативной компетентности. Установлено, что различия затрагивают прежде всего компоненты, связанные с эмоциональной регуляцией, адаптивностью поведения, гибкостью межличностного взаимодействия и переносимостью неопределённости. Это позволяет говорить о том, что стрессоустойчивость выступает важным фактором, влияющим на особенности коммуникативного поведения специалистов помогающих профессий.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о наличии статистически значимых различий в показателях толерантности и социально-коммуникативной компетентности у сотрудников с разным уровнем стрессоустойчивости. Полученные данные свидетельствуют о том, что высокий уровень стрессоустойчивости способствует формированию более адаптивных коммуникативных стратегий, повышению толерантности в межличностном взаимодействии и эффективности профессионального общения.

По результатам проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

Сотрудники с высокой стрессоустойчивостью характеризуются более выраженной коммуникативной толерантностью, гибкостью межличностного взаимодействия и меньшей склонностью к ригидным формам поведения в общении.

Респонденты с пороговой стрессоустойчивостью демонстрируют более высокий уровень коммуникативной нетолерантности, стремление оценивать партнёра через призму

собственных установок и повышенную чувствительность к коммуникативному дискомфорту.

Участники с более низкой стрессоустойчивостью отличаются более выраженной социально-коммуникативной неуклюжестью, нетерпимостью к неопределённости и фрустрационной нетолерантностью, что указывает на трудности адаптации в межличностном взаимодействии.

Статистически значимые различия между группами подтверждают влияние уровня стрессоустойчивости на особенности толерантности и социально-коммуникативной компетентности сотрудников помогающих профессий.

Стрессоустойчивость выступает важным психологическим ресурсом, обеспечивающим эффективность профессионального общения, конструктивность взаимодействия и адаптивность поведения специалистов помогающих профессий.

Литература:

1. Бергис Т.А., Азизова Л.Р. Факторы стрессоустойчивости сотрудников в условиях организационного стресса. https://vektornaukipedagogika.ru/jour/article/view/255

2. Золотухин В.М. Толерантность в сфере трудовых отношений. https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-v-sfere-trudovyh-otnosheniy

3. Серегина Е.В. Коммуникативная компетентность как профессионально важное качество будущего юриста. https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-kak-professionalno-vazhnoe-kachestvo-buduschego-yurista

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МИГРАНТОВ: ВЫЗОВЫ И ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ

Шибзухова Ю.М. *– ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия*

Аннотация. В статье анализируется основное содержание психосоциальной работы с мигрантами. Рассмотрены основные вызовы, с которыми сталкиваются мигранты, а также лучшие практики, реализуемые для оказания им помощи. Основной акцент делается на правовые, социально-экономические и социокультурные барьеры при интеграции мигрантов.

Ключевые слова: мигрант, психосоциальная поддержка, социальная изоляция, культурные различия.

PSYCHOSOCIAL SUPPORT FOR MIGRANTS: CHALLENGES AND BEST PRACTICES

Shibzukhova Y.M. *- Assistant, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik*

Annotation: This article analyzes the core content of psychosocial workwith migrants. It examines the main challenges migrants face, as well as best practices implemented to assist them. The primary focus is on legal, socioeconomic, and sociocultural barriers to migrant integration.

Keywords: migrant, psychosocial support, social isolation, cultural differences.

В социальной работе с различными группами населения все большее внимание привлекают технологии, предназначенные для работы с мигрантами.

Миграция - глобальный феномен, который способствует экономическому развитию, культурному обмену и расширению возможностей для отдельных людей. Перемещение в чужую страну зачастую сопряжено с психологическими, социальными и культурными трудностями. Результативная психосоциальная поддержка играет решающую роль в адаптации мигрантов, снижении их уязвимости и успешной интеграции. Миграция – это сложное социально -психологическое явление, требующее разработки системных стратегий психосоциальной поддержки. Эффективность социальной адаптации мигрантов во многом определяется уровнем интеграции их психологических и социально-культурных ресурсов.

Ключевыми факторами, влияющими на психологическое благополучие мигрантов, выступают уровень социальной поддержки, культурная адаптация и наличие стойких стратегий деятельности.

Проблемы координации взаимоотношений различных этнокультурных групп поставили перед государством вопрос создания специальных служб и обучения специалистов вновь создаваемых и уже существующих служб, так или иначе обращенных к работе с проблемами кросс-культурного взаимодействия. Одной из таких служб является служба социальной поддержки населения, сотрудники которой работают с представителями самых разных культур и наций, оказывают помощь мигрантам и, в том числе, беженцам и вынужденным переселенцам, которая так или иначе обращена на формирование отношений взаимопомощи и толерантности между представителями разных этнических групп. [4]

Многие исследователи в области социальной и психологической помощи отмечают, что понимание других и себя является важной профессиональной задачей. С другой стороны, учитывая невозможность «полного понимания» другой культуры и другого человека, важно признать, что любое понимание - это недопонимание. То есть оно предопределено ценностными и культурными горизонтами понимающего человека и позволяет размышлять об опыте и ценностях других.

Одним из фундаментальных вызовов является языковой барьер, который выступает в роли культурно-коммуникативного барьера и препятствует полноценной социализации и доступу к ресурсам. Исследования демонстрируют, что владение языком страны значительно повышает уровень социальной капитальности и способствует формированию чувства принадлежности. Внедрение программ языкового обучения, культурных курсов и профессиональных переводов подтверждается как наиболее эффективный механизм уменьшения межкультурных конфликтов и интеграционных трудностей. Многие мигранты испытывают трудности с владением языком страны пребывания, что мешает им полноценному общению, доступу к государственным и социальным услугам, а также создает дополнительные стрессовые ситуации. Это, в свою очередь, способствует снижению уровня доверия и увеличивает чувство отчуждения. Для решения этой задачи создаются многоязычные информационные центры, запускаются обучающие программы по языку и культуре, а также используют профессиональных переводчиков для обеспечения коммуникации. Работа с языковым барьером включает в себя научно-обоснованные подходы, такие как: политика доступа к языковому обучению, интеграция языкового образования в профессиональные программы: квалифицированные переводчики и бюро переводов, культурно-языковые тренинги для специалистов, использование технологий и мультимедийных средств, создание дружелюбной языковой среды, обучение межкультурной коммуникации и многое другое. Научные исследования подтверждают, что системный подход к решению языкового барьера, объединяющий образовательные, культурные и технические меры, способствует не только снижению языка как барьера, но и формированию чувства безопасности и доверия у мигрантов, что важно для их социальной адаптации и психоэмоционального благополучия.

Не менее важной проблемой остаются травматические переживания. Травматический опыт, связанный с вынужденной миграцией, является одним из наиболее острых аспектов психосоциальной поддержки. Согласно современным концепциям травмы и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), у мигрантов нередко развивается стойкая симптоматика, которая требует специализированной психологической интервенции. В этом случае необходима интеграция с профессиональными психологами, специализирующимися на травме, проведение кризисных интервенций и групп поддержки, а также программы, помогающие понять свои переживания и научиться с ними справляться. Работа с травматическими переживаниями требует деликатности, научной обоснованности и учета культурных особенностей. Эффективная помощь способствует не только снижению симптомов, но и укреплению внутреннего ресурса, развитию новых смыслов и личностному росту мигрантов.

Социальная изоляция, обусловленная разрывом связей и отсутствием социальной поддержки, способна вызывать дополнительные риски для психического здоровья, включая

депрессии и тревожные расстройства. В рамках модели социальной поддержки, исследования подтверждают, что наличие сообществ мигрантов, а также межкультурных диалогов служит буфером против стрессовых факторов, повышая уровень социального доверия, что, в свою очередь, способствует укреплению психоэмоционального благополучия. Отсутствие близких, друзей и культурных сообществ, а также культурные и этнические различия, создают ощущение одиночества и отчуждения. В качестве решения рекомендуется создание безопасных и поддерживающих сообществ, где мигранты могут общаться, делиться опытом и получать помощь, значительно помогает снизить чувство изоляции. В такие группы включаются мероприятия, способствующие социализации - культурные встречи, мастер-классы, тренинги по языку и межкультурной коммуникации. Также важно развивать и поддерживать использование технологий: онлайн-сообщества, платформы и мобильные приложения помогают мигрантам найти единомышленников и расширить социальные связи, даже находясь дома. Волонтерские инициативы и участие в местных общественных проектах позволяют не только обогатить социальный опыт, но и почувствовать себя частью общества, внести свой вклад в развитие местного сообщества. Кроме того, необходимо обеспечивать доступность услуг психологической и социальной поддержки. Помощь специалиста помогает человеку понимать свои чувства, справляться с внутренним одиночеством и страхами, развивать навыки социальной адаптации.

Важной задачей является также воспитание межкультурной толерантности среди местных жителей: проведение межкультурных событий, праздников и программ, способствующих взаимопониманию и уважению, помогает разрушить барьеры и снизить уровень предубеждений. Преодоление социальной изоляции у мигрантов требует целенаправленных усилий на разных уровнях -от создания условий для комфортной адаптации и поддержки со стороны государства и организаций, до развития внутриличностных навыков и укрепления связей внутри мигрантских сообществ. Только комплексный подход позволит мигрантам почувствовать себя полноценной частью общества и успешно реализовать свой потенциал на новой территории.

Культурные различия также вызывают значительные трудности. Различия в ценностях, традициях и нормах могут становиться источником конфликтов и недопониманий. В этом случае важно обучать специалистов межкультурной чувствительности, внедрять программы, направленные на принятие и уважение различных культур, а также проводить тренинги для мигрантов, объясняющие местные нормы и традиции, уважать и ценить культурное разнообразие мигрантов и поощрять их участие в культурной жизни страны. Важной частью поддержки являются также создание социальных сетей, клубов и культурных фестивалей, которые объединяют мигрантов по интересам и способствуют формированию доверия и чувства принадлежности.

Не менее важные барьеры в процессе адаптации - юридические и экономические трудности. В процессе интеграции мигрант оказывается вовлечен в действие различных социальных институтов. Правовой статус мигранта и его принадлежность к гражданству страны приема определяется таким социальным институтом, как государство. Экономическая ниша, которую занимает мигрант, его профессия и уровень достатка определяют его место в профессиональном сообществе, принадлежность к определенному социальному классу. Стремление сохранять свою культурную и этническую идентичность, поддерживать связи с соотечественниками вовлекает мигранта в деятельность национальных диаспор. Взаимоотношения с принимающим обществом, с местными жителями, дружеские отношения с соседями из их числа влияют на локальную идентичность мигранта – он начинает постепенно отождествлять себя с местным населением, перенимать его привычки и во все большей мере чувствовать себя местным жителем. В случае же опоры исключительно на друзей, родственников и соотечественников из страны происхождения, на социальные связи и общение исключительно с мигрантами иностранец оказывается вовлечен в миграционные сети, что может вести к обособлению от местного населения, неприятию его традиций и норм, формированию этнических анклавов.
Если мигрант активно обращается за помощью в государственные организации и общественные организации местного населения и получает там необходимую поддержку – это

вызывает чувство лояльности к стране проживания и принимающему обществу. Знание прав, оформление документов, поиск работы - все эти вопросы вызывают стресс и могут привести к социальной маргинализации. Комбинация юридических препятствий и экономических трудностей формирует замкнутый круг. Человек, не уверенный в своем правовом положении и испытывающий финансовые трудности, рискует остаться полностью оторванным от общества, что только усиливает его социальную изоляцию. Практическими мерами и рекомендациями для снижения этих трудностей выступают: обеспечение правовой помощи (создание бесплатных консультационных центров, интерактивных платформ и горячих линий для мигрантов), обучающие программы (проведение бесплатных курсов по языкам, правам и обязанностям мигрантов, а также по признанию иностранных квалификаций), расширение программ трудовой адаптации (создание специальных инициатив по трудоустройству мигрантов, поддержку работодателей, принимающих мигрантов, с целью повышения их интеграции на рынке труда), создание социального жилья и субсидий (развитие программ поддержки для семей мигрантов), защита от дискриминации (внедрение законов против дискриминации на рабочем месте и в обществе, проведение просветительских кампаний о ценности мультикультурного общества).

Трудности адаптации мигрантов обусловлены также фактором профессионального становления личности. Общепринятая классификация стадий профессионального развития личности Э. Ф. Зеера свидетельствует о пребывании личности в возрасте 18-25 лет в стадии профессиональной адаптации, характеризуемой освоением новой социальной роли и формированием профессионально важных качеств. Исследование данной проблемы показало, что мигранты именно данного возраста чаще всего прибывают на территорию Российской Федерации для осуществления трудовой деятельности. Переход к следующей стадии профессионального развития имеет кризисную природу и связан с существенными затратами для адаптации к новым условиям деятельности. Мигрант сталкивается не только с социально-психологической, но и профессиональной адаптацией и необходимостью преодоления внутренних кризисов, что еще более усложняет адаптационный процесс. [2]

Беженцы и вынужденные переселенцы - значимый трудовой потенциал, и государственные органы должны создать необходимые условия для содействия занятости вынужденных мигрантов, Позитивным была бы организация информационной базы данных о потребности регионов России в работниках различного профиля и квалификации. [3]

Психосоциальная поддержка мигрантов направлена на их адаптацию и преодоление стресса через культурное посредничество, групповые тренинги, языковую интеграцию и юридическую помощь. Основные вызовы включают культурные барьеры, психологические травмы, правовую незащищенность и социальную изоляцию, а лучшие практики - создание безопасных пространств, привлечение волонтеров из диаспор и комплексный подход. Социальные службы призваны проводить профилактическую работу. Социальные проекты поддержки для беженцев:

1. Российский Красный Крест начал гуманитарную миссию для вынужденных переселенцев из Донбасса.

2. Фонд «Доктор Лиза» - передает гуманитарную помощь беженцам, помогает семьям переселенцев с тяжелобольными детьми.

3. Фонд «АиФ. Доброе сердце» принимает заявки на оказание помощи российским семьям и беженцам из ЛНР и ДНР.

4. Фонд «Весна» запустил проект «Врачи помогают беженцам» – можно получить два варианта помощи: удаленные ответы на вопросы через координатора и очные или онлайн-консультации специалистов.

5. Общественная организация «Пища Жизни» –волонтеры кормят горячими обедами людей в городах ДНР и ЛНР.

6. Фонд «Гольфстрим» помогает в самой сложной трудной жизненной ситуации – женщинам, детям, пожилым людям, людям с инвалидностью.

7. Фонд «Большая перемена» запустил новую программу помощи эвакуированным детям в образовании «Бережная поддержка» – будет проводить дистанционные занятия по школьным предметам. [1]

Успешные методы поддержки включают создание многопрофильных образовательных и учитывающих культурные особенности программ. Опыт показывает, что групповые программы помогают людям понять, что они не одиноки в своих сообществах, а участие в таких активных мероприятиях способствует формированию чувства принадлежности и поддержки.

Эффективная помощь основывается на принципах безопасности, достоинства и уважения к культурным различиям, способствуя успешной интеграции мигрантов в новое общество. Сотрудничество между государственными службами, волонтерскими организациями и обществом в целом помогает создать всеобъемлющую систему поддержки. Такой подход способствует межсекторальным инициативам, обмену опытом и взаимопониманию, что в свою очередь помогает мигрантам интегрироваться посредством комплексных психосоциальных мероприятий, языковой подготовки и профессионального обучения.

Психосоциальная поддержка мигрантов – это комплексный и глубоко индивидуальный процесс, который требует учета различных аспектов жизни мигрантов, создания условий для принятия и уважения их уникальных культурных особенностей, а также условий для эмоциональной и социальной поддержки. Практика показывает, что комплексные стратегии, межкультурные тренинги и создание сообществ могут значительно улучшить успешность интеграции мигрантов в новое общество, что непосредственно способствует улучшению их качества жизни.

Литература:

1. Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы: монография / Г.С. Витковская. – М.: АСТ, 2012. – 429 с.

2. Дзьоник, Д. В. (2022). Влияние психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию. Российский девиантологический журнал, 2(4), 418–427.

3. Кузнецова И.Ю. Социальная защита беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации: законодательство и практика [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2020. - № 2. - С. 45-58. URL: https://vestnik.rudn.ru/sociology/article/view/2451 (дата обращения: 20.10.2023)

4. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс]: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. – Электрон. текстовые дан. (8042 Кб). – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ В НЕФОРМАЛЬНОЙ СФЕРЕ ТРУДА

Гурбанова И.М. *- кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Министерства науки и образования, факультет «Демография и проблемы занятости»; Азербайджанский университет, кафедра экономики и управления, преподаватель, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы неформальной занятости и её влияния на рынок труда и социальную защиту населения. Анализируются причины распространения неформальной занятости, включая структурные проблемы экономики и институциональные ограничения. Особое внимание уделяется социальным рискам, с которыми сталкиваются неформально занятые, таким как отсутствие страхования, пенсий и защиты трудовых прав. В статье предлагаются комплексные меры по снижению неформальной занятости и усилению системы социальной защиты.

Ключевые слова: Неформальная занятость, рынок труда; социальная защита, трудовые права, занятость, экономическое развитие, государственная политика, социальное страхование.

SOCIAL PROTECTION PROBLEMS OF THOSE IN INFORMAL EMPLOYMENT

Gurbanova I.M *PhD in economics, leading researcher, Institute of Economics of the Ministry of Science and Education, "Demography and employment problems" department; Azerbaijan University, Department of Economics and Management, Lecturer, Azerbaijan*

Annotation. The article discusses informal employment and its impact on the labor market and social protection systems. It analyzes the causes of informal employment, including structural economic problems and institutional limitations. Special attention is given to social risks faced by informal workers, such as lack of insurance, pensions, and labor rights protection. The article proposes comprehensive measures to reduce informal employment and strengthen social protection mechanisms.
Keywords: Informal employment, labor market, social protection, labor rights, employment, economic development, public policy, social insurance.

Введение. В современную эпоху рынок труда является одной из наиболее изучаемых сфер. Проблема занятости и безработицы не ограничивается лишь макроэкономическим уровнем, но также порождает структурные проблемы. В статье рассматривается вопрос, связанный с разнообразием, возникающим в структуре самой занятости. Так, даже если неформальная занятость работающих лиц улучшает их материальное положение в текущий период, она создает риск лишения будущих гарантий. В статистике численность занятых состоит не только из лиц, находящихся в официальных трудовых отношениях, значительную ее часть составляют лица, занятые в неформальной деятельности. Международная организация труда (ILO) обоснованно определяет неформальную занятость как трудовые отношения, находящиеся вне правовой регистрации. Наличие такой формы занятости более характерно для стран, находящихся на этапе экономического перехода. Основная сложность проблемы заключается в том, что деятельность населения без юридической регистрации в формальном или неформальном секторе, с одной стороны, повышает показатель экономической активности, с другой стороны, создает большую группу населения, находящуюся вне системы социальной защиты и, таким образом, не имеющую возможности пользоваться предоставляемыми государством возможностями для официальных работников. Следовательно, неформальная занятость создает проблемы как на индивидуальном, так и на микро- и макроэкономическом уровнях. В дальнейшем это достигает и глобального уровня. Согласно данным МОТ: Two billion workers — representing 61.2 per cent of the world's employed population — are in informal employment [4; 5].

Теоретический взгляд на проблему. Современные подходы к рынку труда показывают, что возникновение неформального сектора не является случайным, а представляет собой альтернативный механизм, формирующийся внутри системы. Подобно неформальной экономике, неформальная занятость во многих случаях возникает из-за институциональных ограничений рынка. Практика показывает, что индивиды обращаются к неформальной занятости в следующих случаях:

- неравные возможности на рынке труда;
- отсутствие возможности найти официальную работу по различным причинам;
- высокая налоговая нагрузка и ответственность;
- региональные различия.

С этой точки зрения неформальную занятость можно рассматривать как результат структурных проблем в экономике и нестабильности на рынке труда, чем как индивидуальный выбор людей.

В каких случаях лица считаются неформально занятыми? Согласно информации, размещенной на официальной странице МОТ по уровням неформальной занятости, к ним относятся:

1. Самозанятые лица, работодатели и члены производственных кооперативов, работающие в предприятиях неформального сектора;

2. Самозанятые лица, занимающиеся производством товаров исключительно для конечного потребления своего домохозяйства (например, натуральное сельское хозяйство);

3. Лица, работающие без оплаты как члены семьи, независимо от того, заняты ли они в формальном или неформальном секторе;

4. Наемные работники, имеющие неформальную занятость, независимо от того, работают ли они в предприятиях формального или неформального сектора либо в домохозяйствах в качестве оплачиваемых домашних работников [3].

На той же странице по расчетам МОТ видно, что уровень неформальной занятости в мире, с незначительным снижением по сравнению с предыдущими годами, в настоящее время составляет около 58 процентов. Если для стран с высоким уровнем дохода этот показатель составляет около 9 процентов, то в странах с низким уровнем дохода — около 90 процентов. Наилучшая ситуация наблюдается в Европе и Центральной Азии, наиболее тяжелая — в странах Африки. Например, в 2024 году в Швейцарии — 1,1%, в Норвегии — 2%, в Бельгии — 3,3%, в Австрии — 3,4%, в Болгарии — 4,1%, тогда как в Индии — 88%, в Пакистане — 88,7%, в Анголе — 95%, в Бангладеш — 84%. В соседних России (19,2%) и Турции (27,7) ситуация, хотя и не на уровне европейских стран, может считаться удовлетворительной [3]. Для Азербайджана, к сожалению, показатели не рассчитаны.

В некоторых случаях лица вынуждены работать по найму в неформальной сфере для удовлетворения своих материальных потребностей, что приводит к лишению их многих прав и привилегий, которыми обладают официально работающие. Среди этих проблем особое место занимают вопросы социальной защиты.

Основные проблемы с точки зрения социальной защиты:

1. Невозможность воспользоваться возможностями социального обеспечения;

2. Невозможность присоединиться к системе социального страхования из-за отсутствия официальной регистрации;

3. Низкий уровень пенсионного обеспечения;

4. Невозможность пользоваться медицинским страхованием;

5. Нестабильность доходов (сезонные, краткосрочные, нестабильные работы);

6. Невозможность защиты трудовых прав (риск потери работы);

7. Низкий уровень безопасности на рабочем месте (особенно в строительстве);

8. Превышение норм рабочего времени;

9. Задержки заработной платы, невозможность требовать оплату за сверхурочную работу и др.

Каждый из перечисленных факторов приводит к достаточно серьезным проблемам. В частности, невозможность пользоваться государственными медицинскими услугами, отсутствие стабильного дохода, невозможность реализовать трудовые права, предусмотренные Трудовым кодексом, отсутствие нормального режима труда и т.д. усложняют положение неформально занятых.

В частном секторе часто встречаются случаи превышения рабочего времени, и особенно для неформального сектора это является одной из главных угроз с точки зрения защиты трудовых прав работников. Поскольку неформальная занятость более характерна для стран с низким уровнем дохода, именно они чаще всего сталкиваются с данной проблемой.

Так, согласно данным МОТ, примерно две трети неформально занятых в мире, а в странах с низким уровнем дохода более 70 процентов работают сверх нормального недельного рабочего времени [6, с. 38]. В таких рабочих местах не только продолжительность рабочего времени велика, но и сменность графика создает дополнительные проблемы из-за своей нестабильности.

В пункте 9.1.5 статьи 9 о правах лиц в сфере занятости говорится, что в порядке и на условиях, установленных Законом Азербайджанской Республики «О страховании от безработицы», существует право быть застрахованным от безработицы и получать страховые

выплаты [2]. Для неформально занятых профсоюзы не могут обеспечить защиту лиц в вопросах приема на работу (службу), увольнения, предоставления социальных льгот и гарантий.

С точки зрения индивида одной из основных проблем является то, что лица, занятые в такой форме, зачастую лишены права на отпуск, включая больничный, академический и декретный отпуск, и сталкиваются с трудностями при их получении. Например, согласно трудовому законодательству Азербайджанской Республики, работающим женщинам предоставляется оплачиваемый отпуск по беременности и родам продолжительностью 126 календарных дней (70 дней до родов и 56 дней после родов). При сложных родах или рождении двух и более детей отпуск после родов предоставляется на 70 календарных дней [1]. Также в этот период никто не может уволить их с работы. Женщины, работающие без контракта, не имеют права требовать этого.

Неформальная занятость оказывает негативное влияние не только на отдельных лиц и семьи, но и на общество в целом, приводя к социальным последствиям на уровне национальной экономики:

- рост социального неравенства;
- сокращение налоговых поступлений в бюджет;
- снижение объема социальной помощи уязвимым группам населения;
- сокращение социальных программ.

В таких условиях неформальная занятость рассматривается как один из основных факторов, препятствующих инклюзивному экономическому развитию.

Ситуация в Азербайджане. Проблема неформальной занятости занимает определенное место и в экономике Азербайджана. Хотя точную статистику определить невозможно, исследования показывают, что она чаще наблюдается в неформальном секторе услуг, строительстве и сельском хозяйстве. Различия в экономическом развитии регионов также оказывают влияние на данную проблему. Для снижения указанных проблем, как и в большинстве стран, в Азербайджане реализуются различные меры на государственном уровне. Цифровизация создает условия для более оперативного выполнения этой работы.

Для решения проблемы требуется реализация комплексных мер по нескольким направлениям:

- поддержка формальной занятости;
- упрощение налогообложения, применение льгот (особенно для микропредпринимательства);
- стимулирование участия в системе социального страхования;
- защита трудовых прав;
- создание официальных рабочих мест;
- государственные программы, придающие приоритет развитию регионов (включая стимулирование инвестиций);
- меры поддержки фермеров и сельских тружеников (финансовая поддержка через субсидии и дотации, организация обучающих бизнес-курсов);
- применение субсидий на заработную плату для обеспечения занятости уязвимых групп;
- просветительские мероприятия по вопросам трудовых отношений и прав и др.

Регулярная реализация таких мер может способствовать снижению уровня неформальной занятости до определенных пределов. Следует отметить, что в законодательстве Азербайджана уделяется особое внимание решению данной проблемы.

Государственное регулирование неформальной занятости. Глава 5 Закона о занятости посвящена неформальной занятости. В статье 30.1 говорится, что в случаях, указанных в статье 1.1.9 настоящего Закона, если сведения о занятости лица не внесены в реестр занятых лиц в соответствии со статьями 4.4–4.8 настоящего Закона, в целях выявления и предотвращения неформальной занятости проводятся совместные контрольные меропри-

ятия соответствующим органом исполнительной власти (учреждением) и органами, осуществляющими контроль в сфере легализации занятости, в соответствии с направлениями их деятельности.

Заключение. Таким образом, исследования показывают, что проблемы, создаваемые неформальной занятостью, носят не только экономический, но и социальный характер. Оказывая негативное влияние на социальную защиту населения по нескольким направлениям, они приводят к снижению уровня жизни. Создаются риски как на индивидуальном, так и на общественном уровне, снижается экономическая эффективность. Поэтому одним из основных приоритетов государственной политики является сокращение неформальной занятости с точки зрения регулирования рынка труда и повышение инклюзивности системы социальной защиты для улучшения уровня жизни населения. Основные шаги, которые необходимо реализовать для решения проблемы:

- усиление контроля за легализацией неформальной занятости;
- стимулирование обеих сторон к заключению трудовых договоров;
- совершенствование системы социального страхования;
- регулярное информирование граждан и работодателей;
- упрощение процесса регистрации для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей;
- регулирование налоговой нагрузки.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Трудовой кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики № 618-ИЦ от 1 февраля 1999 г. https://e-qanun.az/framework/46943
2. **Закон Азербайджанской Республики о трудовых отношениях. 29 июня 2018 г.** https://e-qanun.az/framework/39846
3. Informal employment rate. ILO. https://ilostat.ilo.org/data/snapshots/informal-employment-rate/
4. Informality and social protection. SPJ CLASS.May 20-23, 2024/ https://the-docs.worldbank.org/en/doc/882c0c1238394fef0d3a308d9d47946f-0380022024/related/3-5-Informal-Sector-Social-Insurance-ASP-Rome-Course.pdf
5. Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture (3rd ed.). Geneva: ILO 2018. https://www.ilo.org/publications/women-and-men-informal-economy-statistical-picture-third-edition
6. Women and men in the informal economy: A statistical update. ILO 2023. https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_protect/%40protrav/%40travail/documents/publication/wcms_869188.pdf

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ И ДЕТЯМ, ПОДВЕРГШИМСЯ НАСИЛИЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

***Колесов В.С.** – обучающийся направления подготовки «социальная работа» института психологии и образования, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*

***Полоскина О.В.** – старший преподаватель кафедры социального образования и социологии института психологии и образования, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется система социальной помощи женщинам и детям, пострадавшим от семейно-бытового насилия, выявляются проблемы. Рассматривается опыт Липецкой области в данном направлении деятельности, приводятся количественные показатели работы кризисного центра помощи женщинам и детям. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию системы помощи и профилактики домашнего насилия.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, социальная помощь, женщины и дети, кризисный центр, защитное предписание, профилактика семейного насилия.

Проблема домашнего насилия в России остаётся одной из самых острых и при этом наименее освещённых социальных проблем. По данным ВЦИОМ за 2025 год, «10% россиян сообщают о случаях домашнего насилия в своей семье, около 30% сталкивались с подобными ситуациями в кругу знакомых, а 45% опрошенных считают, что таких случаев в стране много» [2]. Однако, как отмечают эксперты, эти цифры отражают лишь «верхушку айсберга»: большинство эпизодов домашнего насилия остаются латентными. Жертвы не обращаются за помощью из-за страха, стыда, финансовой зависимости от агрессора, а также из-за недоверия к правоохранительным органам и незнания о существующих возможностях получения поддержки [3, с. 4]. Особенно тяжелые последствия насилие имеет для детей. Как подчеркивается в аналитических материалах, «дети, живущие в обстановке домашнего насилия, в шесть раз чаще совершают суицидальные попытки, в два раза чаще страдают от депрессии и тревожных расстройств, а во взрослом возрасте сами становятся либо жертвами, либо агрессорами» [3, с. 9]. Цель данной работы – проанализировать действующую в Липецкой области систему социальной помощи женщинам и детям, подвергшимся насилию, выявить её ключевые проблемы и предложить пути ее совершенствования.

Главный системный парадокс заключается в том, что в Российской Федерации до сих пор отсутствует специализированный Федеральный закон о профилактике семейно-бытового насилия. Первый законопроект был внесён в Государственную Думу ещё в 2016 году, но его принятие до сих пор заблокировано. Как пишет Е.К. Малышева, «проект федерального закона обладает необходимыми положениями для проведения профилактических мероприятий, однако в нём остаются проблемные моменты, затрудняющие его применение» [1, с. 280]. Законопроект, подготовленный при участии президентского Совета по правам человека, предполагает введение так называемых «защитных предписаний» – судебных решений, запрещающих обидчику приближаться к жертве на определённый срок и даже покидать общее жильё независимо от права собственности. Также предполагается перевод дел о домашнем насилии в категорию частно-публичного обвинения, что позволит полиции начинать расследование по заявлениям не только потерпевших, но и посторонних лиц [5]. Однако до сих пор эти положения остаются нереализованными. В результате помощь жертвам насилия оказывается на основе разрозненных норм – Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Семейного кодекса, отдельных статей Уголовного кодекса. Такая фрагментарность, как справедливо отмечает Малышева, «не позволяет сформировать единую правовую основу для защиты жертв» [1, с. 281].

Инфраструктура социальной помощи представлена кризисными центрами и приютами. По данным департамента социальной защиты Министерства труда Российской Федерации, «в 57 регионах функционируют 134 центра с 2,4 тыс. койко-мест» [3, с. 8]. Согласно международным рекомендациям, необходимо не менее одного кризисного места на 10 тысяч населения – российские показатели значительно ниже этой планки. Как следствие, за первое полугодие 2025 года поддержку получили около 11 тысяч человек, а в 2024 году – 20 тысяч человек, тогда как реальная потребность, по оценкам экспертов, в десятки раз выше. Важным каналом получения помощи является Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от насилия. За первое полугодие 2025 года на эту линию поступило 10 434 обращения. Согласно внутренней аналитике службы, «80% обратившихся сообщили о физическом насилии, а в 76,9% случаев насилие совершается нынешним партнёром или мужем» [4].

В Липецкой области действует разветвлённая система социальной помощи жертвам насилия. Основным учреждением является Областное бюджетное учреждение «Центр помощи семье и детям «Большая Медведица», имеющий семь филиалов по всей области [6]. Центр предоставляет комплекс услуг для женщин и детей, подвергшихся психофизическому насилию, включая временное убежище, психологическую и юридическую помощь,

горячее питание, средства первой необходимости. В стационарном отделении центра одновременно могут находиться до 25 человек. Как сообщается в региональных СМИ, «особенностью работы липецкого Центра является долгосрочное сопровождение: пациенты могут оставаться в центре до двух месяцев и более, пока не разрешится проблема, приведшая их туда» [6]. Здесь действуют программы для мам и жён без вести пропавших или пленённых бойцов, для несовершеннолетних, оказавшихся в сложном положении, а также для беременных девушек младше 18 лет.

Таблица – Показатели работы Кризисного центра помощи женщинам и детям Липецкой области в 2025–2026 гг.

Показатель	2025 год (январь–декабрь)	2026 год (январь–март)
Количество обращений в центр	187	204
Количество звонков на телефон доверия	212	236
Средняя продолжительность пребывания в стационаре (дней)	35	42
Количество предоставленных консультаций (психолог/юрист)	612	389

Как видно из таблицы, количество обращений в центр продолжает расти: только за первый квартал 2026 года обратились 204 человека, что уже превышает показатели за весь 2025 год (187 человек). Это может свидетельствовать как о росте числа случаев насилия, так и о повышении доверия населения к системе помощи. Средняя продолжительность пребывания в стационаре увеличилась с 35 до 42 дней, что говорит о более сложных случаях и необходимости длительной реабилитации. С начала 2026 года в Кризисный центр помощи женщинам и детям обратились 204 человека, на телефон доверия поступило 236 звонков [7].

На рисунке представлена схема межведомственного взаимодействия при оказании помощи жертвам семейно-бытового насилия в Липецкой области.

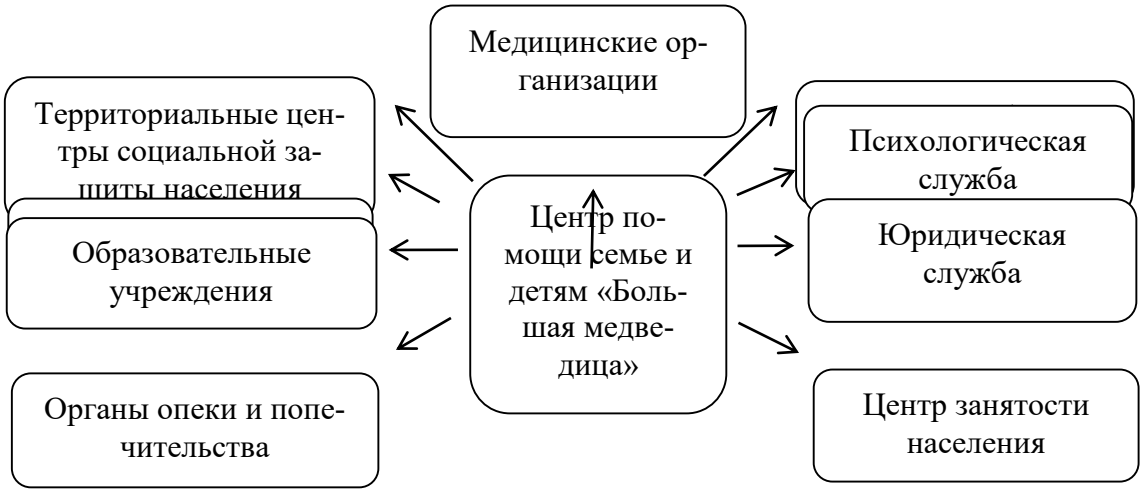


Рисунок – Схема межведомственного взаимодействия при оказании помощи жертвам семейно-бытового насилия в Липецкой области

Несмотря на позитивные примеры, система сталкивается с серьёзными проблемами. Как отмечается в региональных материалах, «в регионе действует всего один стационарный

кризисный центр на почти 1,2 млн человек» [6]. Этого явно недостаточно. Кроме того, «отсутствует единый механизм раннего выявления случаев насилия» [3, с. 12]. По данным МВД по Тюменской области, «за первый квартал 2026 года жертвами семейно-бытового конфликта стали 178 человек» [8], что показывает масштаб проблемы и в других регионах. В Санкт-Петербурге за 2025 год зарегистрировано 23,4 тыс. заявлений о семейно-бытовом насилии, из которых 10,4 тыс. подано женщинами, однако к уголовной ответственности по делам о семейных избиениях женщин привлечены лишь три человека за год [4].

На основе проведённого анализа можно выделить следующие ключевые проблемы системы социальной помощи женщинам и детям, пострадавшим от насилия. Отсутствие федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия является главным тормозом, не позволяющим внедрить единые механизмы защиты, включая защитные предписания и систему раннего выявления [1, с. 281]. Существующая сеть кризисных центров не покрывает реальной потребности, в результате чего жертвы вынуждены неделями ждать места в приюте или возвращаться к агрессору. Слабая межведомственная координация приводит к тому, что сотрудники полиции часто отказывают в возбуждении дел, считая побои «малозначительными», а социальные работники не имеют оперативного доступа к информации о случаях насилия [4]. Низкая информированность населения о существующих услугах и дефицит квалифицированных кадров, особенно психологов, специализирующихся на работе с травмой насилия, дополняют картину.

В этой связи заслуживает внимание необходимость осуществления информационного сопровождения граждан с помощью цифровых технологий. Так, в Липецкой области информационное сопровождение дает возможность любому человеку, в том числе находящемуся в кризисной ситуации, получить «всю необходимую информацию о работе того или иного учреждения и предоставляемых услугах. Органы власти, в свою очередь, смогут передать достоверные сведения для населения региона, что поможет избежать ошибок и непонимания со стороны населения Липецкой области» [9, с. 168-169].

Для решения этих проблем предлагается следующий комплекс мер. Принятие федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия, закрепляющего понятийный аппарат, защитные предписания, порядок межведомственного взаимодействия и единые стандарты работы кризисных центров [5]. Расширение сети кризисных центров и приютов, особенно в малых городах и сельской местности, необходимо довести количество мест до международных норм (не менее одного места на 10 тыс. населения). Создание мобильных бригад (психолог, социальный работник, юрист) для выезда в отдалённые населённые пункты, где нет стационарных центров помощи семьям и детям. Внедрение механизма «социального контракта» для пострадавших, предоставляющего временное жильё на срок до шести месяцев, ежемесячное пособие и помощь в трудоустройстве – меры, которые позволят снизить риск возврата жертвы в опасную среду из-за отсутствия средств к существованию. Организация системного повышения квалификации сотрудников полиции, судей, социальных работников и педагогов по вопросам работы с жертвами насилия, включая психологические аспекты и правила опроса. Проведение ежегодных информационных кампаний в СМИ, социальных сетях, образовательных учреждениях о способах получения помощи, с акцентом на раннее выявление случаев насилия.

Реализация предложенных мер позволит сократить время ожидания помощи, снизить риск возврата пострадавших в опасную среду, повысить уровень удовлетворённости услугами, а также увеличить выявляемость случаев насилия в малых городах и сельской местности. Таким образом, система социальной помощи нуждается в комплексной модернизации. Опыт Липецкой области показывает, что при наличии политической воли и ресурсов возможно создание эффективной системы помощи, однако федеральное законодательное закрепление механизмов защиты остаётся необходимым условием для преодоления сложившейся ситуации и спасения тысяч жизней.

Литература:

1. Малышева Е.К. О проблемных вопросах проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» / Е.К. Малышева // Молодой учёный. – 2025. – № 19 (570). – С. 279-281.

2. ВЦИОМ: 10% россиян сообщают о домашнем насилии в своей семье. – 2025. – Текст: электронный // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 16.04.2026).

3. «Верхушка айсберга»: Спасительный чат и инструкция, как выжить в аду домашнего насилия // News.mail.ru.– 2026. – 1 марта. – URL: https://news.mail.ru/society/69986543/ (дата обращения: 16.04.2026).

4. Более 10 тысяч звонков поступило на телефон доверия для женщин за полгода // Агентство социальной информации. – 2025. – 16 июля. – URL: https://asi.org.ru/news/2025/07/16/bolee-10-tysyach-zvonkov-postupilo-na-telefon-doveriya-dlya-zhenshhin-za-polugoda/ (дата обращения: 16.04.2026).

5. Проект закона о «домашнем насилии» обсудили в Думе // Милосердие.ru. – 2026. – 12 февраля. – URL: https://www.miloserdie.ru/news/proekt-zakona-o-domashnem-nasilii-obsudili-v-dume/ (дата обращения: 16.04.2026).

6. Кризисные центры Липецкой области приходят на помощь женщинам и детям // Липецк-Тайм. – 2025. – 9 апреля. – URL: https://lipetsktime.ru/news/society/krizisnye-centry-lipeckoj-oblasti-prihodyat-na-pomosh-zhenshinam-i-detyam/ (дата обращения: 16.04.2026).

7. В Кризисный центр помощи женщинам и детям с начала года обратились 204 человека // Липецкие региональные новости. – 2026. – 18 марта. – URL: http://lrnews.ru/news-1/7382-.html (дата обращения: 16.04.2026).

8. 178 тюменцев с начала 2026 года столкнулись с домашним насилием // Аргументы и факты – Тюмень. – 2026. – 16 апреля. – URL: https://tmn.aif.ru/society/178-tyumencev-s-nachala-2026-goda-stolknulis-s-domashnim-nasiliem (дата обращения: 16.04.2026).

9. Савина А.М., Никифорова Т.Ю. Деятельность службы информационного сопровождения в учреждениях социальной защиты населения Липецкой области // Теория и практика социальной работы в современном социуме: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году защитника Отечества. – Липецк, 2025. – С. 166-169.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ КАК СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Юсупова Ё. М.- *доцент кафедры психологии и педагогики, Андижанский государственный университет, Андижан. Узбекистан.*

Аннотация. В данной статье рассматривается социальная природа насилия и важность социально-психологических услуг, а также тот факт, что насилие в отношении детей является сложной социальной проблемой, угрожающей здоровому развитию общества.

Ключевые слова: социальная работа, социальное явление, насилие, социальная защита, пренебрежение, физическое и психологическое насилие.

CHILD ABUSE AS A SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON.

Yusupova Y. M. - *Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Andijan State University, Andijan, Uzbekistan*.

Abstract. This article examines the social nature of violence and the importance of social and psychological services, as well as the fact that violence against children is a complex social problem that threatens the healthy development of society.

Keywords: social work, social phenomenon, violence, social protection, neglect, physical and psychological abuse.

Психологические услуги играют очень важную роль в эффективной организации социальной работы с различными группами населения. Социальные проблемы часто носят не только материальный или организационный характер, но и связаны с внутренним состоянием, психическим опытом и поведением человека. Прежде всего, психологические услуги помогают выявить индивидуальные особенности различных сегментов населения (дети, подростки, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, нуждающиеся семьи и т. д.). Поскольку потребности, проблемы и психологическое состояние каждой группы различны, единый подход не будет эффективным. Психологи определяют, какая помощь необходима, посредством диагностики. Психологические услуги также играют важную роль в процессе социальной адаптации. Например, люди, нуждающиеся в социальной защите, могут испытывать трудности с адаптацией к новой среде. Психолог помогает им преодолеть стресс, повысить самооценку и развить социальные навыки. Еще один важный аспект – профилактика. Психологические услуги могут предотвратить такие проблемы, как насилие, девиантное поведение, депрессия и социальная изоляция. Это значительно повышает эффективность социальной работы. Кроме того, услуги психологического консультирования и терапии помогают людям решать свои психические проблемы. Это помогает им реинтегрироваться в общество. Психологическая поддержка особенно важна в кризисных ситуациях (например, потеря близкого человека, стресс, семейные конфликты).

Психологические услуги также необходимы социальным работникам. Для них организуются тренинги и консультации, что предотвращает эмоциональное выгорание и повышает качество работы. Вкратце, психологические услуги являются неотъемлемой частью социальной работы и ключевым инструментом стабилизации психического состояния человека, более глубокого понимания проблем и разработки эффективных решений.

Насилие в отношении детей является одной из наиболее острых социальных проблем современного общества, проявляющейся не только как индивидуальная ситуация, но и как широкое социальное явление Оно тесно связано с экономическими, культурными, правовыми и психологическими факторами в обществе и проявляется в различных формах.[9] Прежде всего, понятие насилия в отношении детей включает физическое, психологическое, сексуальное насилие и пренебрежение. Жестокое обращение наносит серьезный вред развитию личности ребенка и негативно влияет на его будущую жизнь [1]. В частности, психологические травмы, полученные в детстве, сохраняются в дальнейшей жизни и негативно влияют на процесс социальной адаптации [2].Рассматривая насилие как социальное явление, важно обращать внимание на его причины. К ним относятся такие факторы, как бедность, безработица, семейные конфликты, низкий уровень психологической грамотности родителей, алкогольная зависимость или другие вредные привычки. Также проблему усугубляют неверные стереотипы в обществе, такие как восприятие насилия как «метода воспитания»[5]. Это явление может происходить не только в семье, но и в школах, районах и других социальных средах. Поэтому борьба с ним — задача всего общества, а не только одного сектора. Социальная работа является важным инструментом профилактики насилия. Ранняя диагностика, выявление групп риска и индивидуальная работа с ними со стороны социальных работников эффективны в предотвращении насилия [8]. В то же время, благодаря повышению правовых и психологических знаний, среди населения формируется нетерпимое отношение к насилию [4].

Как социальное явление, насилие в отношении детей имеет очень серьезные последствия, у ребенка развивается страх, недоверие, низкая самооценка, агрессия или, наоборот, застенчивость. Снижается интерес к учебе, затрудняется социализация, и возрастает вероятность повторения насилия в будущем. Для решения этой проблемы необходимо сотрудничество между социальными службами, психологической службой и правовой системой[14]. Важны профилактическая работа (работа с родителями, защита прав, обучение), укрепление законодательства в защиту детей, а также развитие горячих линий и реабилитационных центров.

При более глубоком анализе насилия над детьми как социального феномена становится очевидно, что оно оказывает долгосрочное негативное влияние на развитие общества. Это затрагивает не только судьбу отдельного ребенка, но и психическое и

социальное здоровье целого поколения. Одним из важнейших аспектов является «скрытый» характер насилия. Во многих случаях дети не говорят об этом из-за страха, стыда или угроз. В результате проблема не выявляется вовремя и усугубляется. Поэтому крайне важно создать в обществе атмосферу открытости и доверия. Кроме того, насилие часто проявляется как явление, передающееся из поколения в поколение. То есть, когда люди, подвергшиеся насилию в детстве, вырастают, они с большей вероятностью сами повторяют подобные действия. Это показывает, насколько глубоки социальные корни проблемы. Здесь особенно важна роль социальных институтов. Школы, детские сады, учреждения здравоохранения и система районного управления должны регулярно следить за состоянием детей и выявлять опасные ситуации на ранней стадии. Учителя и социальные работники могут обнаружить проблему по изменениям в поведении, депрессии, агрессии или изоляции у ребенка.

Психологические службы играют центральную роль в этом процессе. Психологи смягчают последствия насилия, работая индивидуально с детьми, уменьшая травматический опыт, развивая навыки самообороны и обучая родителей.[11] Необходимо также укреплять правовые механизмы. Законы, защищающие права детей, должны быть внедрены, а виновные в насилии должны быть привлечены к ответственности. Это служит не только наказанием, но и превентивной мерой. Средства массовой информации и информационные технологии также играют важную роль. Они могут способствовать формированию нетерпимого отношения к насилию в обществе и продвигать здоровые методы воспитания. Еще одна важная область – информирование детей об их правах. Если ребенок способен осознать несправедливое обращение с ним, он с большей вероятностью обратится за помощью.[8]

Психологические услуги, как неотъемлемая часть социальной работы, играют важную роль в устранении последствий насилия. Психологическое консультирование, терапия и реабилитационные услуги восстанавливают психическое состояние жертв и обеспечивают их реинтеграцию в общество [4]. Кроме того, социальная работа осуществляется в сотрудничестве с различными учреждениями – образовательными учреждениями, системой здравоохранения и правоохранительными органами. Это обеспечивает комплексный и системный подход к борьбе с насилием [6] Также в современную эпоху расширяются возможности повышения осведомленности общественности, защиты прав детей и оперативного информирования о случаях насилия через интернет-ресурсы [15; 16; 17].

Организация профилактической работы социальным психологом с детьми, подвергшимися насилию, является одним из важнейших направлений современной социальной работы и психологической помощи. Этот процесс представляет собой комплексную деятельность, направленную на восстановление психологического состояния ребенка, защиту его прав и предотвращение повторного насилия. Работа с детьми, подвергшимися насилию, начинается, прежде всего, с их ранней идентификации. Социальный психолог наблюдает за изменениями в поведении ребенка, такими признаками, как страх, агрессия, замкнутость и избегание общения. Не игнорируются также изменения физического и эмоционального состояния. В диагностическом процессе используются индивидуальные беседы, психологические тесты и методы наблюдения. Это помогает определить степень проблемы. Следующий этап – психологическая помощь и реабилитация. Ребенок, подвергшийся насилию, часто находится в состоянии тяжелой психической травмы, стресса и недоверия. Поэтому социальный психолог использует индивидуальное консультирование, арт-терапию, игровую терапию и методы эмоциональной поддержки. Этот процесс служит восстановлению чувства внутренней безопасности ребенка и формированию психологической стабильности. Значительная часть профилактической работы направлена на защиту ребенка от будущих опасных ситуаций. В данном случае важно научить ребенка знать свои права, сформировать навык «говорить нет», распознавать опасные ситуации и стратегии выхода из них. Ребенок

также учится обращаться за помощью к взрослым, которым он доверяет, что является важным фактором обеспечения его безопасности.

Работа с семьей также является неотъемлемой частью профилактического процесса. Потому что в большинстве случаев насилие происходит в семейной среде. Социальный психолог проводит индивидуальные и групповые консультации с родителями, обучает их правильным методам воспитания, развивает навыки управления стрессом и агрессией. Это помогает улучшить семейную обстановку и предотвратить насилие. Социальный психолог также сотрудничает со школами, детскими садами, социальными службами, медицинскими учреждениями и правоохранительными органами. Такой междисциплинарный подход позволяет обеспечить всестороннюю защиту ребенка и комплексное решение проблемы. Кроме того, важным этапом является реинтеграция ребенка в общество. Благодаря групповой терапии, позитивному взаимодействию со сверстниками, развитию социальных навыков и формированию уверенности в себе ребенок постепенно возвращается к здоровой социальной жизни.

В заключение, социально-психологическая профилактическая работа с детьми, подвергшимися насилию, не только помогает устранить существующую проблему, но и предотвращает ее повторное возникновение. Этот процесс имеет решающее значение для психологического восстановления ребенка, его социальной адаптации и дальнейшего развития как здоровой личности. Насилие в отношении детей — это сложная социальная проблема, угрожающая здоровому развитию общества, и для его снижения необходим системный и комплексный подход.. Насилие в отношении детей – это сложная, многогранная социальная проблема, для решения которой необходимы совместные усилия государства, общества и семьи. Только тогда можно создать безопасную и здоровую среду для детей.

Список использованной литературы

1.Антонов А.И. — Социология семьи. Москва, 2010. 45–50-с.

2.Божович Л.И. — Личность и ее формирование в детском возрасте. Москва, 2008. 95–100-с

3.Gilbert R. va boshq. — Burden and Consequences of Child Maltreatment. The Lancet, 2009. 68–72-с

4.Corey G. — Theory and Practice of Counseling and Psychotherapy. Boston, 2013. 55–60-с

5.Dominelli L. — Anti-Oppressive Social Work Theory and Practice. London, 2012. 90–95-с.

6.Healy K. — Social Work Theories in Context. London, 2014. 130–135-с

7.Холостова Е.И. — Социальная работа. Москва, 2011. 150–155 с.

8.Козлов В.В. — Социальная работа: теория и практика. Москва, 2005. 200–205с

9.Krug E.G. va boshq. — World Report on Violence and Health. Geneva: WHO, 2002. 15–20 с

10.Лисина М.И. — Общение и психическое развитие ребенка. Москва, 1997. 80–85 с

11.Payne M. — Modern Social Work Theory. London, 2014. 112–118 с

12..UNICEF — A Familiar Face: Violence in the Lives of Children and Adolescents. New York, 2017. 25–30 с

13.Фирсов М.В. — Теория социальной работы. Москва, 2007. 60–65 с

14.WHO — Global Status Report on Violence Prevention. Geneva, 2014. 40–45-с

Internet manbalari:

15.https://www.unicef.org

16.https://www.who.int

17.https://lex.uz

18.https://ihma.uz

19.https://www.childrights.org

ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, РАЗВИТИЕ АГРЕССИИ И КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.

Шомахова А.А. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социальная работа» Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*
Желиготова Р.М. *- к.ф.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Аннотация: Статья посвящена проблеме зависимости от социальных сетей и развитии агрессии и конфликтного поведения молодежи. Интерес к теме исследования вызван актуальностью изучения вопроса время препровождения в социальных сетях, поскольку на сегодняшний день эти платформы стали ключевым средством общения среди молодого поколения.
Ключевые слова: социальные сети, агрессия, конфликтное поведение, молодежь, зависимость, кибер-буллинг, фишинг.

THE PROBLEM OF SOCIAL MEDIA ADDICTION, THE DEVELOPMENT OF AGGRESSION AND CONFLICT BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE

Shomakhova A.A*. - is a 4th-year student of the Social Work program at Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*
Zheligotova R. M. *- PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*

Abstract: The article is devoted to the problem of dependence on social networks and the development of aggression and conflict behavior among young people. The interest in the research topic is caused by the relevance of studying the issue of spending time on social networks, since today these platforms have become a key means of communication among the younger generation.
Keywords: social networks, aggression, conflict behavior, young people, addiction, cyberbullying, phishing.

За последнее время исследования в области социальных сетей стали предметом все более активного изучения в том числе и в социальной работе и в социологии. Эта область заметно расширилась, появились новые научные журналы, проводились специализированные конференции, запущены программы анализа социальных сетей в учреждениях Северной Америки и Европы. Большое количество ученых из различных дисциплин, включая социологию, антропологию, науку об управлении, компьютерные науки, биологию, математику и физику, вовлечено в исследования этой области.

Действительно, ряд ученых рассматривают социальные сети как социальные структуры, интегрированные в пространство интернеткоммуникации. Эта перспектива позволяет изучать взаимодействия и отношения между участниками сети, а также анализировать образование и эволюцию связей в онлайн-сообществах. В этом контексте социальные сети рассматриваются как важный компонент современного общества, отражающий динамику взаимодействий и обмена информацией в виртуальном пространстве. Так, А.А. Алексеёнок и Ю.В. Дорохова утверждали, что «социальная сеть – это структура, состоящая из пользователей (отдельных лиц и групп лиц), которые функционируют в социальных сетях в рамках киберпространства, созданного компьютерами и программным обеспечением» [1, с. 10]. И.С. Лучинкина определяет социальные сети как платформу для формирования общественного мнения и протеста через социальные сети [2]. М. Гриффин, А. Каневелло, и Р. Маканулти, рассматривают социальную сеть как «онлайн-платформу, объединяющую участников». Они также отмечает, что люди в социальных сетях совершают такие действия, за последствия которых они не несут ответственности или частично принимают ее [3, с. 268].

По данным ежегодного исследования активной аудитории (авторов) социальных сетей в России за последние годы можно констатировать, что внимание исследования сосредоточено на активной (пишущей) аудитории, поскольку мы изучаем социальные сети как средство публичной коммуникации и их влияние на формирование общественного мнения. В марте 2025года число активных авторов в социальных медиа в России составило 83,8 млн.

Авторы написали 1,93 млрд публичных сообщений – постов, репостов и комментариев [4]. Несмотря на запрещение после начала СВО зарубежных соцсетей Одноклассники и Facebook, а также самоцензуру TikTok, число авторов соцмедиа «в России в октябре 2022 года снизилось по сравнению с октябрем 2021 года незначительно — на 6%. При этом объём создаваемого авторами за месяц контента значительно вырос: рост составил 36% по отношению к октябрю 2021 года. Наибольший вклад в рост месячного объёма контента соцмедиа внёс Telegram» [5].

Общее число авторов (83,8 млн) и общее число сообщений (1,93 млрд) в данном контексте не являются суммой показателей, представленных на графиках социальных сетей. Эти данные включают в себя всю социальную медиа-сферу, такую как мессенджеры, форумы, блоги, геосервисы, отзовики, UGC-площадки и другие.

Общее количество авторов учитывает присутствие одних и тех же пользователей на различных площадках, а общее количество сообщений учитывает объем публикаций на различных источниках социальных медиа, данные по которым не выделены отдельно в данном исследовании.

Использование социальных сетей может включать в себя множество различных действий: от обмена сообщениями с друзьями до просмотра видео и бездумного скроллинга. Понимание того, какое поведение может вызвать проблемы и для каких людей, может помочь политикам и технологическим компаниям регулировать и создавать онлайн-пространства для молодежи.

Коммуникационные риски связаны с межличностными взаимоотношениями пользователей социальных сетей и содержат в себе риск стать жертвой оскорблений, нападок, а также мошенничества со стороны других пользователей. Примерами таких рисков могут быть: незаконные контакты (например, груминг), кибер-преследования, кибер-буллинг и др.

Отношения среди людей в виртуальном пространстве могут принимать различные формы агрессии, такие как нападки, оскорбления и физическое преследование. Современные технологии позволяют осуществлять такие действия из любого места, часто анонимно. Термин "кибер-запугивание" схож с моббингом и включает в себя различные формы агрессивных действий, которые осуществляются при использовании современных технологий. Главная цель кибер-запугивания заключается в том, чтобы унижать, запугивать или дразнить другого человека с намерением причинить ему вред или вызвать душевное беспокойство. Кибер-запугивание может проявляться в различных формах, таких как оскорбления, распространение ложных слухов или вредоносных материалов. В отличие от традиционного запугивания, кибер-запугивание использует интернет-технологии, социальные сети и мобильные устройства. Жизнь многих людей, особенно молодежи, тесно связана с виртуальными коммуникационными системами, такими как Facebook, Одноклассники и YouTube, предоставляя множество возможностей для кибер-атак. Существенное различие между киберзапугиванием и традиционным заключается в доступности интернета круглосуточно и широком распространении подключенных технологий. Кибер-запугивание означает, что негативные комментарии или материалы могут быстро охватить большую аудиторию, быть многократно распространены и оставаться в сети долгое время, анонимно. Некоторые взаимодействия в социальных сетях, несмотря на свой негативный характер, не всегда можно отнести к кибер-запугиванию. Исследования показывают, что существуют и интерактивные взаимодействия, которые могут оказывать давление со стороны сверстников и оказывать различное воздействие на тех, кто в них участвует. Невозможно предотвратить каждую форму киберзапугивания, но соблюдение определенных мер предосторожности, таких как избегание разглашения личной информации и защита паролей, может помочь в предотвращении подобных проявлений агрессии. Кибер-запугивание, как и другие формы агрессивного поведения, является сложной проблемой, требующей системного подхода и совместных усилий для ее решения.

Еще одним коммуникационном риском, стремительно набирающего популярность среди молодых людей, стало мошенничество в социальных сетях. Кибер-преступная дея-

тельность стала жертвой онлайн-пользователей в форме кражи личных данных и мошенничества с момента коммерциализации Интернета. Только в России каждое седьмое преступление совершается с помощью информационных технологий. Основанные на доверии характеристики платформ социальных сетей подвергаются злоупотреблениям и манипуляциям со стороны киберпреступников. Эти характеристики создают среду, в которой пользователи совершают действия, не зная о последствиях. Эта среда затем усиливается глобальным признанием социальных сетей.

Посещение сайта социальной сети само по себе не представляет угрозы мошенничества для пользователя. Однако риск возникает, когда пользователь инициирует определенные действия, например, переходит по ссылкам, предложенным кибер-преступниками через сообщения на страницах социальных сетей. В результате таких действий может начаться загрузка вирусов на компьютер пользователя.

Среди молодежи распространен вид мошенничества в социальных сетях, известный как "романтические аферы". В этом случае мошенник создает фиктивный профиль в выбранной социальной сети и нацеливается на потенциальную жертву. После установления контакта мошенник выражает сильные эмоции и предлагает перенести общение в другие платформы, такие как телефон, электронная почта или мессенджер.

Романтические мошенники, в отличие от служб знакомств, предпочитают использовать социальные сети, где могут легко просматривать профили потенциальных жертв и находить уязвимые личности. Они инвестируют время в построение доверительных онлайн-отношений с жертвой, в том числе обмен личной информацией, прежде чем предложить действия, такие как бронирование авиабилетов, создавая иллюзию искренности.

Цель состоит в том, чтобы создать доверие со стороны жертвы для совершения мошенничества. Поэтому, когда мошенник в конечном итоге просит деньги, например, помощи больному члену семьи, молодые люди с радостью соглашаются помочь, так как жертва чувствует, что это «роман всей жизни». А когда пользователь попадает в эту схему, мошенник исчезает и переходит к поиску следующей жертвы.

В свою очередь, недавние исследования показывают, что кража личных данных затрагивает миллионы людей в год и, жертвам приходится тратить бесчисленные часы и деньги на восстановление личных данных.

Следующие элементы профиля могут быть использованы для кражи или незаконного присвоения личности: полное имя, родной город, статус отношений, расположение школ и даты окончания учебы, имена питомцев, другие связи, интересы и увлечения. Эта информация очень ценна, поскольку она позволяет ворам и мошенникам создавать новые учетные записи и профили пользователей, а также редактировать существующие аккаунты социальных сетей.

На первый взгляд, захват аккаунтов в социальных сетях не должен быть настолько привлекательным для киберпреступников, поскольку это не приносит немедленной прибыли – мы не храним свои сбережения в Вконтакте и Одноклассники. Но это первое впечатление может оказаться обманчивым. На самом деле у кибер-преступников может быть еще несколько причин нелегитимного доступа к аккаунтам в социальных сетях, помимо кибер-буллинга или кражи данных. Это может быть также распространение фишинговых ссылок. Фишинг – это форма мошенничества, при которой злоумышленник пытается получить информацию, включая, но не ограничиваясь этим, учетные данные для входа или данные учетной записи, маскируясь под авторитетную организацию, используя либо поддельные, либо украденные личности. Этот термин был придуман известным спамером и хакером в середине 90-х годов Ханом Си Смитом. Для целей фишинга более эффективно использовать реальные украденные учетные записи, а не создавать специальные учетные записи ботов. Гораздо более вероятно, что человек нажмет на поддельный сайт банка, если ссылка будет исходить от его друга в социальной сети, а не от неизвестного человека.

Пользователи социальных сетей, а не только те, которые часто посещают адюльтеры, быстро становятся самыми легкими мишенями для фишеров. Проблема заключается в том, что многие пользователи настороженно относятся, когда их просят предоставить данные

банковского счета или кредитной карты онлайн, но не так настороженно при вводе личных данных на сайтах социальных сетей.

Фишеры в социальных сетях всегда используют предлог – создается фальшивый, но кажущийся законным сценарий, направленный на получение доступа к привилегированным данным жертвы, например, требующий их личных данных для подтверждения своей личности, прежде чем они смогут претендовать на приз, или притворяющийся отделом кадров своей предыдущей компании, которому нужно обновить свои записи. Эта тактика опирается на разумный предлог; очевидно, что никто не может претендовать на приз, не предоставив личных данных.

Частная информация, полученная в результате фишинг-атаки, просачивается в социальные сети, делая жертв уязвимыми для других мошенников, таких как преследование и кража личных данных. Эта психологическая тактика, как правило, исключительно злонамеренна, предназначена для запугивания жертв по небольшой причине, кроме так называемого удовольствия. С учетом того, что число пользователей в некоторых социальных сетях превышает четверть миллиарда пользователей, не следует удивляться тому, что кибер-преступники также поселяются среди различных доверчивых сетевых работников.

Разработка эффективной стратегии по борьбе с мошенничеством в социальных сетях требует согласованных усилий со стороны пользователей, разработчиков программного обеспечения, поставщиков услуг, финансовых учреждений и многонационального сотрудничества между правоохранительными органами.

В последние десятилетия активность проверки и скрупулезного анализа социальных сетей стала все более популярной. Несмотря на то, что большинство пользователей не испытывают проблем при использовании социальных сетей, существует небольшой процент людей, становящихся зависимыми от таких платформ и вовлекающихся в чрезмерное или принудительное использование. По оценкам психологов, от 5 до 10% населения соответствуют критериям зависимости от социальных сетей.

Зависимость от социальных сетей представляет собой поведенческую зависимость, проявляющуюся в чрезмерной заботе о социальных сетях, неуправляемом стремлении постоянно входить в них и использовать, а также в затрачивании излишне много времени и усилий на эти платформы, что может причинить вред другим важным аспектам жизни.

Исследования подтверждают наличие связи между активным использованием социальных сетей, негативным воздействием на психическое здоровье и низкой самооценкой. Несмотря на преимущества, предоставляемые социальными сетями, их чрезмерное использование может вызвать у пользователей чувство несчастья и изоляции. Эти негативные эмоциональные реакции возникают не только из-за социального давления, связанного с необходимостью постоянного обмена информацией, но и из-за сравнения материальных благ и образа жизни, представленных на этих платформах.

На платформах, таких как Одноклассники и ВКонтакте, пользователи часто взаимодействуют с кураторским контентом, который включает в себя рекламные объявления и посты, созданные специально для них с учетом их интересов. Просматривая этот кураторский контент, пользователи могут сталкиваться с сообщениями от людей, которые достигли успеха в карьере, имеют благополучные отношения или обладают привлекательным домом. Эти впечатления могут вызывать у людей чувство счастья или вдохновения, рассматривая достижения других пользователей.

Кроме того, исследователи определили четыре типа использования виртуальной среды, которые повышают риск возникновения проблем с психическим здоровьем:

– социальное сравнение: использование социальных сетей для определения популярности/социального статуса;

– сравнение внешности: использование социальных сетей для мониторинга / оценки / сравнения личного внешнего вида и моды с другими в социальных сетях;

– токсичные разговоры: участие в негативных комментариях, сообщениях и/или реакциях на сообщения в социальных сетях;

– интенсивное использование: использование социальных сетей два часа или более в день/проверка социальных сетей три раза в день или более.

Еще одним аспектом социальной тревоги, связанной с использованием социальных сетей, является чрезмерный страх быть исключенным или упустить социальное событие. Например, кто-то может увидеть фотографии с вечеринки, на которую его не пригласили, или веселой прогулки, которую он пропустил из-за работы или учебных обязанностей, и испытывать беспокойство по поводу того, что его никто не включит или его забудут из-за его отсутствия. Постоянный поток идеально подобранных фотографий, появляющихся на платформах социальных сетей, также может вызывать низкую самооценку и приводить к неудовлетворенности своим внешним видом у молодых людей. Несмотря на то, что большинство молодежи осознает, что их сверстники демонстрируют лишь лучшие моменты и фотографии в социальных сетях, трудно избежать сравнений. Постоянное воздействие нереалистичных стандартов красоты через социальные сети может оказать влияние на самопредставление молодежи и их восприятие собственного тела.

«Многочисленная увлеченность людей социальными сетями подтолкнуло исследователей выявить теоретические конструкты, в рамках которых можно было бы трактовать подобное поведение» [6, с.166]. Для этих целей американские социологи воспользовались теорией обоснованного действия А. Эйджена и М. Фишбэйна. «В соответствии с данной концепцией, в действительности поведение человека определятся четырьмя компонентами: социальной нормы, социальной установкой, намерением и, в конечном счете, самим действием» [7, с.78].

Проверка данной модели по отношению к молодежи определила, что решение применять социальные сети зависит от наличия положительной социальной установки на аналогичное поведение. Ученые также выявили «основное значение зафиксированных социальных норм поведения: в случае, если многие участники денотативной группы индивида пользуются социальными сетями, то, скорее всего, сам индивид также примет решение создать личный аккаунт в социальных сетях. Это утверждение подтверждается данным психологических исследований молодежи, подчеркивающие значительную роль социальных норм, которые приняты в группе сверстников» [8, с. 134].

Социальные сети строятся на доверительных отношениях, но эти отношения могут быть использованы кибер-преступниками для распространения спама или совершения мошенничества. Невольные пользователи позволяют эту эксплуатацию, предпринимая действия, не понимая последствий этих действий. Социальные сети инициируют процессы, необходимые для успеха преступных схем, нажимая на ссылки в социальных сетях, зараженные вредоносными программами, часто полагая, что проверенные друзья разместили эти ссылки.

Таким образом, социальные сети представляют собой универсальное средство для более удобного общения, обладающее множеством функций и возможностей, включая как преимущества, так и недостатки. Одним из недостатков является возможность развития зависимости от социальных сетей. Люди, страдающие от этой зависимости, не могут пройти ни одного дня без посещения своих профилей или проверки новостной ленты. Эта проблема стала актуальной в современном мире и может оказать серьезное воздействие на жизнь людей, включая их личные отношения и профессиональную карьеру. Многие ученые пришли к выводу, что зависимость от социальных сетей негативно сказывается на различных аспектах жизни, особенно у молодого поколения. Это может быть объяснено отсутствием у молодых людей сформированных личных представлений о реальности, их потребностью в постоянной поддержке и коммуникации.

Литература:

1. Алексеёнок, А.А. Социальная структура, социальные институты и процессы: учебное пособие / А.А. Алексеёнок, Ю.В. Дорохова; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. С.10

2. Лучинкина, И.С. Психологические особенности коммуникативногоповедения личности в интернет-пространстве: монография / И.С. Лучинкина; Министерство образования,

науки и молодежи Республики Крым, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». – Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010644714/ (дата обращения: 21.03. 2026г.).

3. Гриффин, М., Каневелло, А., и Маканулти, Р.Д. Мотивы и опасения, связанные с использованием приложений для геовиртуальной среды: предварительное исследование среди гетеросексуальных молодых людей колледжей в Соединенных Штатах. Киберпсихология, поведение и социальные сети, 2018. 21(4), С. 268.

4. Статистика по молодежи // Marketing.by [Электронный ресурс]. – URL: https://marketing.by/analitika/zhivut-v-gorode-rabotayut-v-it- (дата обращения: 25.3.2026г.).

5. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/ (дата обращения: 25.03. 2026г.).

6. Асадуллина, Г.Р. Экстремизм в молодежной среде: социальнофилософский анализ: монография / Г.Р. Асадуллина, З.Ф. Абрарова, О.Б. Маяцкая; Министерство науки и высшего образования РФ, Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 166

7. Игнатьева О.А., Плетнев А.В. Анализ виртуализации сверхсовременного общества в контексте решения проблемы мультипарадигмальности социологии / О.А. Игнатьева, А.В. Плетнев // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 1. С. 78

8. Раттер Л.А., Томпсон Х.М., Ховард Дж., Райли Т.Н., Де ХесусРомеро Р., Лоренцо-Луасес Л. Использование виртуальной среды, физическая активность и интернализирующие симптомы в подростковом возрасте: кросс-секционный анализ. JMIR Мент. Здоровье. 2021; С. 134

СИСТЕМА МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Литвинова Е.Ю*. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*

Олейник Е.С. *– студент 4 курса, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется система мер социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей в Российской Федерации. На основе анализа нормативно-правовых актов и результатов анкетирования респондентов выявлены основные проблемы. Сформулированы предложения по совершенствованию системы, включая внедрение института персональных социальных кураторов, единого цифрового сервиса и реабилитационного сертификата.

Ключевые слова*:* социальная поддержка, участник СВО, специальная военная операция, реабилитация, фонд «Защитники Отечества».

SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT MEASURES FOR PARTICIPANTS OF SPECIAL MILITARY OPERATIONS AND THEIR FAMILY MEMBERS

Litvinova E.Yu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Oleinik E.S. – 4th year student, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Abstract. The article analyzes the system of social support measures for participants in special military operations and their family members in the Russian Federation. Based on the analysis of legal acts and the results of a questionnaire survey respondents, the main problems were identified. The article proposes improvements to the system, including the introduction of personal social curators, a unified digital service, and a rehabilitation certificate.

Keywords: social support, participant in the special military operation, special military operation, rehabilitation, and the Defenders of the Fatherland Foundation.

В современных условиях особую актуальность приобретает формирование и развитие эффективной системы социальной поддержки военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции (далее – СВО), а также членов их семей. Государство несёт ответственность за обеспечение социальной защиты граждан, выполняющих задачи по обеспечению безопасности и защите национальных интересов страны. В этой связи формирование и совершенствование комплекса социальных гарантий для данной категории граждан выступает одним из приоритетных направлений государственной социальной политики.

Участие в военных действиях сопряжено с повышенными рисками для жизни и здоровья военнослужащих, что обусловливает необходимость создания комплексной системы социальной поддержки. Такая система включает финансовые выплаты, медицинское обеспечение и реабилитацию, жилищное обеспечение, а также предоставление различных социальных льгот и гарантий. Особое значение имеет поддержка членов семей участников СВО, поскольку они также испытывают ряд социальных, экономических и психологических трудностей, связанных с выполнением военнослужащими служебных задач.

Вместе с тем практика реализации данных мер свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с доступностью социальных услуг, уровнем информированности граждан о предоставляемых льготах и гарантиях, а также различиями в региональных программах социальной поддержки.

Проблематика социальной поддержки участников боевых действий и членов их семей нашла отражение в работах таких исследователей, как В.В. Бурова, И.В. Устименко [7], анализ правового статуса участников СВО в работах В.М. Корякина [9]. Проблемы правоприменения в сфере трудовых гарантий для мобилизованных граждан выявлены в исследовании А.В. Кузьменко и М.В. Филипповой [10]. Особенности реабилитации участников СВО и членов их семей описаны в работах Н.А. Кириллова, С.Н. Григорьева [8], Я.О. Новиковой, О.В. Финиковой [11], И.Н. Хожаловой и других. Однако, несмотря на значительное наличие числа публикаций по данной теме, комплексный анализ региональной дифференциации мер поддержки и оценка их эффективности с позиции получателей остаются недостаточно изученными.

Комплекс мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей охватывает широкий спектр социальных потребностей. В частности, он включает финансовую поддержку, направленную на компенсацию утраченного дохода и обеспечение достойного уровня жизни, а также предоставление различных льгот, включая льготы по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, транспортные льготы, медицинское обеспечение, трудовые гарантии, льготы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, образовательные преференции, а также иные меры социальной поддержки, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации.

В рамках исследования системы мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей было проведено анонимное анкетирование, в котором приняли участие 30 респондентов. Все участники опроса являются мужчинами. Возрастная структура выборки характеризуется преобладанием граждан в возрасте от 25 до 34 лет, которые составляют 46,7% от общего числа опрошенных. Ещё 20% респондентов находятся в возрасте до 25 лет, 20% – в возрасте от 45 до 54 лет, и 13,3% – в возрасте от 35 до 44 лет.

Подавляющее большинство респондентов (80%) являются жителями Ставропольского края, ещё 13,3% представляют Южный федеральный округ и 6,7% – Сибирский федеральный округ.

Что касается семейного положения, то 46,7% респондентов состоят в браке, 33,3% не женаты, 13,3% разведены и 6,7% являются вдовцами. Наличие детей зафиксировано у 60% опрошенных, из которых 33,3% имеют одного ребёнка, 13,3% – двоих детей и 13,3% – троих и более детей. Оставшиеся 40% респондентов детей не имеют.

По текущему статусу 73,3% участников являются действующими военнослужащими и только 26,7% уволены с военной службы. Длительность участия в СВО распределилась следующим образом: по 26,7% респондентов участвуют три года и один год соответственно, 13,3% – с самого начала военной операции, 13,3% – менее года, 13,3% уволены с военной службы (завершили участие) и лишь 6,7% имеют двухлетний стаж. Такое распределение позволяет оценить восприятие системы поддержки респондентами с разным опытом взаимодействия с социальными ведомствами.

Одним из важнейших направлений государственной социальной политики в отношении участников СВО является предоставление денежных выплат (табл. 1)

Таблица 1. Государственные пенсии и ежемесячные денежные выплаты для участников СВО, получивших инвалидность, по состоянию на 2026 год

Государственная пенсия, если инвалидность получена из-за травмы при исполнении обязанностей в ходе СВО (с 1 апреля 2025 года)	
I группа	26 472,24 руб.
II группа	22 060,20 руб.
III группа	15 442,14 руб.
Государственная пенсия, если инвалидность стала следствием заболевания, полученного при исполнении обязанностей в ходе СВО (с 1 апреля 2025 года)	
I группа	22 060,20 руб.
II группа	17 648,16 руб.
III группа	13 236,12 руб.
Страховая пенсия по инвалидности (с 1 января 2025 года)	13 654 руб.
Ежемесячная выплата по инвалидности из-за травмы или заболевания, полученных в ходе СВО (с 1 января 2025 года)	7 605,52 руб.
Ежемесячная денежная компенсация по военной травме (с 1 января 2026 года)	
I группа	25 782,85 руб.
II группа	12 891,4 руб.
III группа	5 156,57 руб.
Дополнительное ежемесячное материальное обеспечение по военной травме (в 2026 году)	1 000 руб.

При этом, представленные в таблице 1 размеры ежемесячных выплат, не соответствует реальной стоимости реабилитационных мероприятий, что является одной из ключевых проблем. Так, например, приобрести качественную инвалидную коляску стоит от 100 тысяч рублей. Ежемесячной компенсации инвалиду любой группы не хватит на приобретение такого технического средства реабилитации. Проанализировав сайты реабилитационных центров для военнослужащих, нами была выявлена средняя стоимость за курс лечения в 21 день, которая составляет от 80 тысяч рублей, что также подтверждает недостаточность ежемесячных выплат по инвалидности. Данный вывод подтверждают результаты ответов участников СВО в анкетировании на вопрос о том, удовлетворены ли они размером и регулярностью выплат. Итоги характеризуются преобладанием негативных оценок: 46,7% респондентов не удовлетворены (26,7% – абсолютно, 20% – скорее), тогда как удовлетворены 40% (13,3% – полностью, 26,7% – скорее). Доля абсолютно не удовлетворённых вдвое превышает долю полностью удовлетворённых.

Помимо пенсионных выплат, участникам СВО предоставляется также ряд социальных выплат и льгот (табл. 2)

Таблица 2. Социальные выплаты и льготы участникам СВО и членам их семей

Ежемесячная денежная выплата ветеранам боевых действий	4 838,63 руб.
Ежемесячная денежная выплата Героям России	103 693,16 руб.
Набор социальных услуг	1825,25 руб.

	Включает обеспечение лекарствами, медицинскими изделиями, санаторно-курортным лечением, бесплатным проездом на пригородных электричках, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно
Санаторно-курортное лечение	Предоставляется при отказе от денежной компенсации за путевку в санаторий
Единовременная выплата беременной жене военнослужащего по призыву	45 054,24 руб.
Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего по призыву	19 308,96 руб.
Льготное оформление единого пособия на детей до 17 лет и беременным женам военнослужащего по призыву	Назначается без учета дохода военнослужащего

Обращает на себя внимание диспропорция между размером ежемесячной денежной выплатой для ветеранов боевых действий и для Героев России. При этом, санаторно-курортное лечение, которое входит в набор социальных услуг, является наименее востребованной мерой социальной поддержки в соответствии с результатами анкетирования. Лишь 13,3% респондентов смогли воспользоваться данной мерой поддержки.

Ветераны СВО имеют право на получение технических средств реабилитации через Социальный фонд Российской Федерации. К таким средствам относятся протезно-ортопедические изделия, трости, кресла-коляски и иные средства, направленные на компенсацию ограничений жизнедеятельности. Предоставление технических средств реабилитации осуществляется либо в натуральной форме посредством направления в специализированные организации, либо с использованием электронного сертификата.

Кроме того, для участников СВО предусмотрены пенсионные льготы и гарантии, направленные на обеспечение их социальной защищённости после завершения военной службы (табл. 3).

Таблица 3. Пенсионные льготы и гарантии для участников СВО

Повышенный пенсионный стаж	Два года стажа за один год участия в СВО
Повышенные пенсионные коэффициенты	3,6 пенсионного коэффициента, вместо 1,8 коэффициента) за год участия в СВО
Стаж для досрочной пенсии	Учет участия в СВО при назначении досрочной пенсии за длительный стаж на два года раньше пенсионного возраста

Нормативно-правовую основу социальной поддержки участников СВО составляют федеральные законы от 27.05.1998 №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах», от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», от 17.07.1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», а также Указы Президента РФ и подзаконные акты. Федеральный уровень устанавливает базовые гарантии, тогда как региональный – вариативные меры, что создает дифференциацию поддержки в зависимости от места жительства участника СВО. Анализ региональных нормативных актов выявил различия в объемах и формах поддержки участников СВО, так, например, единовременная выплата за заключение контракта в Москве составляет 1,9 миллиона рублей, в Санкт-Петербурге 4,1 миллиона рублей, в Ставропольском крае 400 000 рублей.

Отдельное направление государственной социальной политики связано с поддержкой членов семей участников СВО (табл. 5).

Таблица 5. Выплаты и компенсации членам семей участников СВО

Страховая пенсия по потере кормильца	Средний размер – 15 130 руб.
Государственная пенсия по потере кормильца	

родственникам и членам семьи военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей в СВО	15 379,66 руб.
родственникам и членам семьи военнослужащего, умершего в результате заболевания, которое получено при исполнении обязанностей в СВО	11 534,75 руб.
Государственная социальная пенсия по потере кормильца	
детям, потерявшим одного родителя	7 689,83 руб.
детям, потерявшим обоих родителей	15 379,73 руб.
Ежемесячная денежная компенсация	I группа – 25 782,85 руб. II группа – 12 891,4 руб. III группа – 5 156,57 руб.
Ежемесячная выплата родителям, вдовам и детям ветеранов боевых действий	2 500,01 руб.
Ежемесячная выплата семьям Героев России	98 194,28 руб.
Ежемесячное пособие на детей	3 311,15 руб.
Компенсация расходов на жилищно-коммунальные услуги	Возмещение 60% расходов на оплату ежемесячных коммунальных платежей и разовых коммунальных услуг
Единовременная выплата на ремонт дома	Рассчитывается индивидуально в зависимости от количества членов семьи и проживающих в доме

В действующем справочнике мер поддержки участников СВО и членов их семей, а также граждан, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения СВО, предусмотрен широкий спектр социальных мер. К ним относятся обеспечение бесплатного горячего питания обучающихся, первоочередное предоставление мест в общежитиях, предоставление льготных путёвок для детей участников СВО, оказание бесплатных социальных услуг на дому, предоставление субсидий на приобретение газового оборудования, налоговые льготы, возможность оформления кредитных каникул, освобождение от начисления пени за жилищно-коммунальные услуги и предоставление льготного посещения учреждений культуры.

Одним из ключевых факторов, определяющих доступность социальной поддержки, является уровень информированности целевой группы о существующих мерах. Результаты анкетирования показывают, что лишь треть респондентов (33%) полностью осведомлены о положенных льготах и выплатах. Ещё треть (33%) обладают частичной осведомлённостью, зная лишь некоторые меры поддержки. При этом 20% опрошенных не осведомлены вовсе, а 13% имеют слабые, поверхностные знания. Таким образом, две трети участников СВО либо не знают о полном объёме своих социальных гарантий, либо не имеют о них никакой информации. Данный факт свидетельствует о наличии системного информационного дефицита. (рис. 1)

Рисунок 1. Осведомленность респондентов о существующих мерах социальной поддержки участников СВО и членов их семей

Ещё более показательным является анализ источников, из которых респонденты получают информацию о льготах и выплатах. Более половины опрошенных (53,3%) указали, что узнают о мерах поддержки от знакомых, сослуживцев и родственников. Официальные институты – Социальный фонд России, МФЦ, государственный фонд «Защитники Отечества» и средства массовой информации – охватывают лишь около четверти респондентов каждый (по 26,7%). Региональные органы социальной защиты служат источником информации для 20% опрошенных. Крайне низкое использование портала «Госуслуги» (6,7%) указывает на недостаточную цифровую грамотность либо на неудобство и неочевидность соответствующего раздела портала. Военные комиссариаты и командование воинских частей задействованы лишь в 13,3% случаев, что говорит о нереализованном потенциале ведомственной коммуникации.

Оценка доступности информации выявила, что только 26,7% респондентов считают информацию о региональных мерах поддержки доступной и понятной. Основная масса опрошенных (40%) отмечает, что информация доступна, но требует значительных временных затрат на поиск. При этом 20% характеризуют информацию как труднодоступную, вынуждающую личные обращения, а 13,3% заявляют, что информацию найти практически невозможно. Полученные данные о трудностях при получении информации, подтверждают системный характер проблемы: 73,4% респондентов сталкивались с трудностями (из них 26,7%), и только 20% смогли получить информацию без затруднений. Анализ обращаемости в учреждения показывает, что наиболее востребованными являются управление социальной защиты населения (66,7% обращений) и фонд «Защитники Отечества» (53,3%), администрации муниципальных образований и МФЦ также играют заметную роль (по 40%).

Ключевым индикатором эффективности системы является полнота реализации положенных мер поддержки. Лишь 20% респондентов сообщили, что оформили все необходимые меры в полном объёме. Подавляющее большинство (60%) пытались оформить меры, но смогли реализовать лишь часть положенного. Ещё 13,3% находятся в процессе оформления исследования.

Анализ проблем, возникающих при оформлении, позволяет выделить несколько системных барьеров. Наиболее распространённой проблемой (46,7%) является отсутствие чёткого, актуального и исчерпывающего перечня документов на сайтах или в ведомствах. Длительные сроки рассмотрения заявлений отметили 40% респондентов. Необходимость многократного предоставления одних и тех же документов, свидетельствующая о недостаточной отлаженности межведомственного взаимодействия, а также отказы по формальным причинам, требующие повторного обращения, указали по 33,3% опрошенных. Эти данные указывают на недостаточную автоматизацию (рис. 2).

Рисунок 2. Проблемы, возникшие при оформлении мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей

Удобство получения мер поддержки оценивается негативно почти половиной респондентов (46,7% – «скорее неудобно» и «крайне неудобно»). Лишь 20% оценивают процедуры как полностью удобные. Это свидетельствует о необходимости кардинального упрощения административных процедур и повышения клиентоориентированности.

Наиболее востребованными мерами поддержки являются единовременные денежные выплаты при ранении (53,3%) и ежемесячные денежные выплаты ветеранам боевых действий (46,7%). Льготы по оплате ЖКХ получают 33,3%, внеочередное зачисление детей в образовательные учреждения – 26,7%, налоговые льготы – 20%. Наименьший охват наблюдается по санаторно-курортному лечению, протезированию (13,3%) и путёвкам в детские лагеря (6,7%). Удовлетворённость размером и регулярностью выплат характеризуется преобладанием негативных оценок: 46,7% респондентов не удовлетворены (26,7% – абсолютно, 20% – скорее), тогда как удовлетворены 40% (13,3% – полностью, 26,7% – скорее). Доля абсолютно не удовлетворённых вдвое превышает долю полностью удовлетворённых.

Результаты оценки работы ключевых ведомств по пятибалльной шкале выявили значительную дифференциацию. Наиболее высокие оценки получил фонд «Защитники Отечества» (средний балл 4,21 отметили 85,7% респондентов), что подтверждает эффективность института специализированного оператора поддержки. Социальный фонд России и МФЦ получили среднюю оценку 3,8 балла, при этом 66,6% оценок приходятся на 4 и 5. Региональные органы социальной защиты (средний балл 3,27) и воинские части/командование (3,20) продемонстрировали низкие результаты. Наиболее низкую оценку получила военно-врачебная комиссия (далее – ВВК) (средний балл 3,13). Треть респондентов (33,3%) поставили ВВК оценки 1 и 2, а суммарно 53,3% – оценки 3 и ниже. Учитывая, что ВВК является первичным звеном для получения медицинской реабилитации и протезирования, а 60% респондентов указали на необходимость улучшения именно этих мер, данная оценка приобретает особую значимость.

Общий уровень удовлетворённости системой социальной поддержки распределился следующим образом: 40% – «скорее удовлетворён», по 20% – «полностью удовлетворён», «скорее не удовлетворён» и «абсолютно не удовлетворён». Таким образом, суммарная удовлетворённость составляет 60%, суммарная неудовлетворённость – 40%. Поляризация мнений, при которой доля полностью удовлетворённых в точности равна доле абсолютно не удовлетворённых (по 20%), указывает на глубокую дифференциацию опыта взаимодействия с системой (рис. 3).

Рисунок 3. Общий уровень удовлетворенности системой социальной поддержки участников СВО и членов их семей

Участникам анкетирования была дана возможность внести предложения по совершенствованию системы мер социальной поддержки. Исходя из ответов, были сделаны следующие выводы. Существует необходимость в том, чтобы командиры и государственные учреждения информировали о положенных льготах и выплатах. Было предложено создать электронную форму заполнения через личный кабинет военнослужащего, где он мог не только подать заявление на определенную льготу или выплату, но и ознакомиться с тем,

что ему положено и какие существуют меры социальной поддержки данной категории. Это указывает на потребность в более упрощенной системе. Участники также считают, что необходимо оплачивать ЖКХ ветеранам боевых действий, а также инвалидам III группы.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. При общем уровне удовлетворённости системой в 60% сохраняется значительная доля неудовлетворённых (40%), а главное – 60% участников не могут оформить весь комплекс положенных мер поддержки. Ключевыми проблемными зонами являются: информационный дефицит и доминирование неформальных каналов информирования; низкая доступность и понятность информации; длительные сроки рассмотрения и отсутствие чётких перечней документов; крайне низкая оценка работы военно-врачебной комиссии; высокий разрыв между потребностью и фактическим получением льгот по ЖКХ и медицинской реабилитации. Позитивным фактором выступает высокая оценка работы фонда «Защитники Отечества», который может служить институциональной моделью для реформирования смежных ведомств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmti7pt2nz994430704.
2. Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/.
3. Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10 февраля 2020 года № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, участникам боевых действий, пострадавшим при исполнении обязанностей военной службы» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/403615454/.
7. Бурова В.В., Устименко И.В. Система мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей // Флагман науки. – 2025. – № 1. – С. 24.
8. Кириллов Н.А. Особенности реабилитации участников СВО / Н.А. Кириллов, С.Н. Григорьев, К.Л. Грачева // Актуальные вопросы медицинской реабилитации: материалы XIII Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 40-летию АО «Санаторий «Чувашиякурорт», Чебоксары, 14 ноября 2024 года. – Чебоксары: Институт усовершенствования врачей Чувашской Республики, 2024. – С. 84-88.
9. Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. – 2023. – № 1. – С. 77.
10. Кузьменко А.В., Филиппова М.В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. – 2025. – № 15. – С. 332-353.
11. Новикова Я. О., Финикова О. В. Психолого-педагогические аспекты реадаптации и реабилитации участников специальной военной операции // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – № 3. – С. 82-86.
12. Справочник действующих мер поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, а также граждан, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции. – URL: https://dsmork.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Podderzhka/Spravochnik_mer_podderzhki.pdf.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОНИОМАНИИ

Тратинко Т.В. *– старший преподаватель кафедры «Социальная работа и реабилитология», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*
Леонович А.Э. *– студент 5-го курса специальности «Социальная работа», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В статье автор рассматривает феномен самоотношения у лиц с разным уровнем ониомании. На основании анализа научных источников рассказывается об особенностях формировании ониомании, а на основе полученных данных в результате исследования доказывается, что компоненты самоотношения имеют особенности у лиц с разным уровнем ониомании. Представлены результаты диагностики и статистического анализа, подтверждают особенности изучаемых переменных.
Ключевые слова*:* самоотношение, ониомания, молодежь, факторы ониомании, молодежь.

FEATURES OF SELF-ATTITUDE IN INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LEVELS OF ONIOMANIA

T. V. Tratsinko *– Senior Lecturer, Senior Lecturer of the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*
A. Leonovizh *– 5th-year student, Social Work, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

Abstract. In this article, the author examines the phenomenon of self-perception in individuals with varying levels of oniomania. Based on an analysis of scientific sources, the author discusses the development of oniomania, and, using the data obtained during the study, demonstrates that components of self-perception differ among individuals with varying levels of oniomania. The results of diagnostics and statistical analysis are presented, confirming the specific characteristics of the variables studied.
Keywords: self-esteem, oniomania, youth, factors of oniomania, youth..

Актуальность исследования особенностей самоотношения у лиц с разным уровнем ониомании обусловлена стремительным ростом распространённости компульсивного покупательского поведения в современном обществе потребления. Развитие цифровых технологий, персонализированной рекламы и доступность онлайн-шопинга делают покупки более быстрыми, эмоционально привлекательными и менее контролируемыми. В результате ониомания становится значимой социально-психологической проблемой, влияющей на эмоциональное состояние, самооценку, финансовое благополучие и качество межличностных отношений.

Теоретическая значимость изучаемой проблемы определяется её междисциплинарностью. Ониомания одновременно включает нейропсихологические механизмы нарушения самоконтроля, личностные особенности – сниженное самопринятие, неустойчивую самооценку, высокий уровень импульсивности – а также влияние социальных факторов, таких как давление потребительских норм и медийных стимулов. Исследование взаимосвязи самоотношения и выраженности аддиктивного шопинга позволяет расширить понимание психологической уязвимости лиц, склонных к зависимому поведению.

Ониомания, или компульсивное покупательное поведение, на современном этапе развития психологической науки рассматривается как сложное, многоуровневое и полимодальное явление, находящееся на пересечении клинической психологии, социальной психологии, поведенческой экономики и исследований эмоционально-личностной регуляции. В научной литературе подчеркивается, как будет рассмотрено ниже, что данный феномен невозможно свести к одному-единственному объяснительному механизму, поскольку он

формируется на фоне сложных взаимодействий личностных особенностей, социальных условий, культурных норм, когнитивных установок и биологических факторов.

Истоки проблематики обнаруживаются еще в трудах классиков психопатологии конца XIX – начала XX века. Впервые патологическое стремление к совершению покупок было описано в работах Э. Крепелина, который выделял подобные проявления в группе нарушений контроля импульсов и относил их к разряду «монофобий» и «частичных влечений» [2, с. 22]. Автор описывает людей, которые могут компульсивно совершать покупки, бездумно делать долги и постоянно затягивать с платежами. Вопреки ограниченности концептуального аппарата того времени, ранние описания Крепелина указывают на то, что современные формы компульсивного покупательного поведения имеют глубокие исторические корни и изначально рассматривались как клинический феномен, требующий диагностики и осмысления.

Особое внимание в исследовании Дж. Зейсейджэнс уделяется внутренней структуре данного поведения. Отмечается, что оно включает в себя аффективный, когнитивный, поведенческий и социальный уровни. С аффективной точки зрения, ониомания связана с неспособностью эффективно справляться с эмоциональным дистрессом; покупки выступают способом временного снятия тревоги, апатии или чувства одиночества [10, с. 78].

Когнитивный уровень представлен устойчивыми иррациональными убеждениями о том, что приобретение вещей может повысить самооценку, статус или внутреннее благополучие; при этом характерны выраженные когнитивные искажения, усиливающие повторяемость поведения.

На поведенческом уровне отмечается нарушение самоконтроля, спонтанность, повторяемость и неспособность прекращать покупки вне зависимости от последствий.

Социальный уровень отражает влияние норм потребительской культуры, рекламы, маркетинга и социальных ожиданий, которые поддерживают образ покупок как доступного способа эмоционального вознаграждения.

Отечественные исследователи рассматривают ониоманию преимущественно через призму социально-психологического контекста, уделяя внимание влиянию культурных норм, самоотношения, эмоциональной регуляции и особенностей личностной структуры. В центре анализа – социальная детерминация поведения и психологические механизмы саморегуляции, что делает подходы более чувствительными к конкретному культурному и экономическому контексту [2, с. 117].

Сопоставляя представленные направления, можно отметить, что зарубежные модели уделяют больше внимания универсальным психобиологическим механизмам и клиническим проявлениям расстройства, в то время как отечественные исследования фокусируются на социокультурных факторах и личностных аспектах. Зарубежная традиция делает акцент на диагностике и классификации, стремится выделить клиническую структуру и разработать единые диагностические критерии. Отечественная же традиция подчеркивает роль среды, культурных норм и особенностей внутренней эмоциональной организации личности. Оба подхода в совокупности позволяют сформировать целостное понимание феномена, объединяющее внутренние (личностные, эмоциональные, когнитивные) и внешние (социальные, экономические, культурные) детерминанты поведения.

Таким образом, анализ теоретических представлений об ониомании позволяет заключить, что данное явление рассматривается как сложный, многоаспектный процесс, формирующийся на пересечении эмоциональных, когнитивных, личностных и социальных механизмов. В зарубежной научной традиции оно преимущественно трактуется как разновидность нарушения контроля импульсов или как поведенческая аддикция, где центральное место занимают механизмы эмоциональной дисрегуляции, импульсивного копинга и повторяющихся компульсивных актов, направленных на временное снижение внутреннего напряжения. В этих подходах подчёркивается многоуровневость расстройства, его связь с обсессивно-компульсивным спектром и роль социального контекста потребления. Отечественные исследователи, напротив, делают акцент на личностно-психологических предикторах и особенностях саморегуляции. В многочисленных работах подчёркивается значение самоотношения, тревожности, устойчивости поведенческих стереотипов и импульсивности

как факторов, определяющих развитие патологического покупательного поведения. Особое внимание уделяется тому, что покупательская активность может выполнять функцию эмоционального вознаграждения, компенсации неуверенности или поддержания позитивного образа «Я» в условиях социального давления и норм потребления.

Самоотношение в психологической науке рассматривается как фундаментальный феномен, отражающий, каким образом личность соотносит себя с окружающей действительностью, собственным образом мира и внутренней картиной реальности [4, с. 102]. В современном понимании самоотношение – это не изолированная черта личности, а сложная система взаимосвязей между внутренним «я» и внешними обстоятельствами, включающая когнитивные, эмоционально-ценностные и поведенческие компоненты [6, с. 144].

Термин «самоотношение» в современном психологическом смысле был впервые введён грузинским психологом Н. И. Сарджвеладзе в 1974 году. Он трактует самоотношение как разновидность установки – устойчивого предрасположения личности к определённому взаимодействию с собой и социумом. По его мнению, самоотношение – это структурный элемент личности, формирующий её диспозиционное ядро [5, с. 204].

На основе изученной литературы можно выделить совокупность социально-психологических характеристик лиц, страдающих компульсивным покупательством.

Во-первых, для ониоманов характерна выраженная эмоциональная нестабильность и повышенная тревожность. Покупка выполняет функцию быстрой регуляции аффекта: снижает напряжение и тревогу, однако эффект кратковременный. Между покупочными эпизодами наблюдается рост внутреннего дискомфорта, раздражительности, чувства пустоты и неопределённости.

Во-вторых, типичной является сниженная самооценка и неустойчивое самопринятие. Лица, склонные к аддиктивному шопингу, часто используют материальные приобретения как способ подтвердить собственную значимость, привлекательность или социальную состоятельность. Деньги и покупки приобретают символическую функцию компенсации личностных дефицитов.

В-третьих, в когнитивной сфере фиксируются навязчивые мысли о покупках, фантазии о финансовых возможностях, идеализация образа “успешного потребителя”. Утрата критичности, самооправдание трат, искажённые представления о необходимости покупки – устойчивые когнитивные маркеры аддикции.

В-четвёртых, поведенческие особенности включают импульсивность, трудности в контроле эмоций и действий, неспособность остановить цикл «напряжение – покупка – облегчение – вина». Поведение становится ритуализированным: посещение магазинов, просмотр онлайн-каталогов, участие в распродажах превращаются в стереотипный способ снятия напряжения.

В-пятых, отмечаются выраженные социальные последствия: сложности в профессиональных отношениях, межличностные конфликты, скрытность, избегающее поведение, финансовые трудности, ощущение отчуждённости и снижение качества социальных контактов. Ониоманы могут стремиться скрывать своё поведение, что способствует формированию вторичных эмоциональных проблем – стыда, вины, самообвинений.

В-шестых, значимым является влияние внешней среды: высокая чувствительность к маркетинговым стимулам, внушаемость, зависимость от внешних оценок и социального одобрения. Для многих зависимых ключевую роль играет социальное сравнение и желание соответствовать нормативным образцам успешности.

В-седьмых, зарубежные исследования подчёркивают наличие психологической уязвимости к цифровым стимулам: онлайн-шопинг снижает поведенческие барьеры, усиливает импульсивность и увеличивает вероятность повторяющихся покупок. Для зависимых лиц характерно чередование офлайн- и онлайн-покупок, что способствует усилению аддиктивного цикла.

Социально-психологический портрет лица, страдающего ониоманией, можно представить, как комплекс следующих особенностей:

- эмоциональная лабильность и повышенная тревожность;
- сниженная самооценка и стремление к самоутверждению через покупки;

- зависимость от внешнего одобрения и внушаемость;
- доминирование навязчивых мыслей о покупках;
- импульсивность и трудности самоконтроля;
- использование покупок как способа эмоциональной регуляции;
- склонность к иррациональным, неконтролируемым тратам;
- снижение критичности к собственному поведению;
- социальная дезадаптация (конфликты, проблемы на работе, финансовые затруднения);
- возможная коморбидность с тревожными, депрессивными, пищевыми и другими аддиктивными расстройствами;
- внутренняя цикличность переживаний: напряжение → покупка → облегчение → вина;
- повышенная чувствительность к рекламе и маркетинговым стимулам;
- усиление зависимости в условиях онлайн-покупок и цифровых платформ.

С целью комплексного изучения психологических механизмов, лежащих в основе различных уровней выраженности ониомании, а также анализа взаимосвязи между особенностями самоотношения у лиц молодого возраста, было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление структурных и функциональных характеристик данных феноменов в контексте регуляции поведения. В исследовании приняли участие 63 респондента в возрасте 25-35 лет. Итоговая выборка составила 40 респондентов в возрасте от 25 до 35 лет, они были распределены на две различающиеся группы: к группе с низкой выраженностью (Y-BOCS ≤ 10) относились 22 человека; к группе с высокой выраженностью (Y-BOCS > 10) – 18 человек.

Для диагностики уровня ониомании использована Обсессивно-компульсивная шкала Йеля–Брауна (Y-BOCS), модифицированная для компульсивного шопинга. Для изучения самоотношения использована Методика исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева.

Среднее значение Y-BOCS в группе низкой выраженности составило 6,3 (SD = 2,1), а в группе высокой – 14,7 (SD = 2,8). Это подтверждает наличие значимых различий между подгруппами и обосновывает корректность проведения последующего сравнительного анализа. Среднее значение баллов по шкале Y-BOCS в группе низкой выраженности составило 6,3 (SD = 2,1), тогда как в группе высокой выраженности оно достигало 14,7 (SD = 2,8), что подтверждает чёткое различие между группами и позволяет проводить дальнейший анализ взаимосвязей с другими психологическими показателями/

Анализ средних показателей по шкалам МИС показал, что респонденты с высокой выраженностью ониомании характеризуются более низким уровнем самоуверенности (M = 11,2, SD = 2,4) и самопринятия (M = 10,8, SD = 2,1) по сравнению с группой с низкой выраженностью ониомании (M = 15,6, SD = 2,0 и M = 14,9, SD = 2,3 соответственно).

В то же время показатели негативных компонентов самоотношения, таких как самообвинение и самоотрицание, оказались выше у лиц с выраженной ониоманией (соответственно M = 14,3, SD = 2,5 и M = 13,8, SD = 2,7), что указывает на наличие дисгармонии в структуре самоотношения у данной группы.

Корреляционный анализ показал, что между уровнем выраженности ониомании и компонентами самоотношения существуют прямые и обратные статистически значимые взаимосвязи.

В частности, показатели Y-BOCS демонстрируют обратную значимую взаимосвязь с позитивными компонентами самоотношения: самоуверенностью ($r = -0,58$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,61$, $p < 0,01$), самоуважением ($r = -0,55$, $p < 0,01$) и саморуководством ($r = -0,49$, $p < 0,05$). Это указывает на то, что повышение выраженности ониомании статистически связано со снижением уровня уверенности в себе, позитивного отношения к собственной личности, чувства достоинства и способности к саморегуляции.

Одновременно показатели ониомании положительно коррелируют с негативными компонентами самоотношения: самопрепятствованием ($r = 0,53$, $p < 0,01$), самообвинением

($r = 0,64$, $p < 0,01$) и самоотрицанием ($r = 0,59$, $p < 0,01$), что отражает повышение внутренних барьеров, склонности к самокритике и дисгармонию самоотношения у лиц с высокой выраженностью ониомании (Приложение Б, таблица 2.3).

Следовательно, лица с высокой выраженностью ониомании характеризуются статистически значимым повышением мотивационной и эмоциональной импульсивности, проявляющейся в стремлении к немедленному удовлетворению потребностей, сниженной способности к отсрочке вознаграждения, повышенной реактивности на внешние стимулы и трудностях в управлении эмоциональными состояниями.

Результаты проведённого эмпирического исследования позволили получить комплексное представление о том, как особенности самоотношение связано с выраженностью ониомании у лиц молодого возраста.

Анализ особенностей самоотношения показал, что у респондентов с высокой выраженностью ониомании структура «Я» характеризуется выраженной дисгармонией. У этой группы наблюдаются сниженные уровни таких позитивных компонентов самоотношения, как самоуверенность, самопринятие, саморуководство и самоуважение.

Наряду с этим у лиц с высокой выраженностью ониомании отмечено повышение ряда негативных компонентов самоотношения: самопрепятствования, самообвинения, самоотрицания. Возрастание этих характеристик указывает на тенденцию к самокритичности, склонности к негативным самоустановкам, внутреннему конфликту и хроническому переживанию неудовлетворенности собой. В совокупности такая конфигурация самоотношения свидетельствует о наличии выраженной внутренней дисгармонии, дефиците устойчивой самооценки и внутренней опоры, что может способствовать использованию покупок как способа эмоциональной компенсации и кратковременного повышения субъективного благополучия.

У респондентов с высокой выраженностью ониомании наблюдалось повышение общего уровня импульсивного поведения, а также его ключевых структурных аспектов – мотивационного и эмоционального. Это проявляется в стремлении к немедленному удовлетворению возникающих потребностей, недостаточной способности откладывать вознаграждение, высокой эмоциональной реактивности и затруднённом контроле побуждений.

Корреляционный анализ подтвердил существование статистически значимых прямых и обратных взаимосвязей между выраженностью ониомании, компонентами самоотношения.

Выявлены устойчивые обратные связи между выраженностью ониомании и позитивными компонентами самоотношения. Чем выраженнее уровень онимании, тем ниже уровень самоуверенности, самопринятия, самоуважения, саморуководства.

Установлены прямые связи между выраженностью ониомании и негативными компонентами самоотношения. Повышение выраженности онимании связано с ростом самопрепятствования.

Установлено, что интенсивность компульсивного шопинга прямо связана с общим уровнем импульсивности, с мотивационной импульсивностью и с эмоциональной импульсивностью.

Таким образом, проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что выраженность онимании связана с дисгармоничным самоотношением, которое совместно формирует психологическую основу склонности к компульсивным покупкам.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психологической диагностики и профилактики, создании тренингов саморегуляции, работе консультантов и специалистов в области поведенственных аддикций.

Полученные данные подчёркивают необходимость учитывать личностные особенности при разработке профилактических и коррекционных программ, направленных на снижение выраженности компульсивного шопинга, укрепление саморегуляции и формирование более адаптивного и сбалансированного самоотношения.

Литература:

1. Айзенк, Г. Ю., Айзенк, С. Б. Основания биологической теории личности / Г. Ю. Айзенк, С. Б. Айзенк. – Москва : Рутледж (рус. изд.), 1985. – 350 с.
2. Анцыборов, А. В., Дубатова, И. В. Компульсивный шопинг как частный вариант поведенческих аддикций: современное состояние проблемы / А. В. Анцыборов, И. В. Дубатова // Интерактивная наука, 2019. – № 4. – С. 21–32.
3. Дикман, Р. Функциональная и дисфункциональная импульсивность / Р. Дикман. – Москва : Изд-во ИП РАН (рус. изд.), 1990. – 250 с.
4. Колышко, А. М. Психология самоотношения / А. М. Колышко. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 102 с.
5. Сарджвеладзе, Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1989. – 204 с.
6. Чеснокова, И. И. Проблемы самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – Москва : Наука, 1977. – 144 с.
7. Barratt, E. S. BIS–11: Barratt Impulsiveness Scale. 11th ed. / E. S. Barratt. – 2004.
8. Dikman, R. Functional and Dysfunctional Impulsivity / R. Dikman // Journal of Personality and Social Psychology, 1990.
9. Lynam, D., Miller, J. D. Personality pathways to impulsive behavior / D. Lynam, J. D. Miller. – OJP Publications, 2004.
10. Theisejans, J., Thomas, T. A., Oueslati, F. B. V. et al. Affective and Cognitive Functions, Impulsivity and Compulsivity in Problematic Social Network Use and in Compulsive Buying-Shopping Disorder: A Systematic Review // Current Addiction Reports, 2025. – Vol. 12. – P. 78.
11. Whiteside, S., Lynam, D. The Five-Factor Model and impulsivity // Personality and Individual Differences, 2001.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ВЫРОСШИХ В АЛКОГОЛЬНЫХ СЕМЬЯХ

Васильева Л.П. *- кандидат биологических наук, доцент кафедры «Социальная работа и реабилитология», Белорусский Государственный Университет, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В данной статье приведены результаты исследования социально-психологических особенностей личности и уровня адаптации взрослых детей алкоголиков (ВДА). Полученные данные дополняют существующие представления о негативном влиянии воспитания в «алкогольной» родительской семье и убедительно доказывают, что алкогольная зависимость родителей является основной причиной травматичного опыта и проблем, с которыми сталкивается ребенок в таких семьях, тем негативным фактором, который влияет на формирование личности детей. Обсуждается необходимость создания особых социально - психологических реабилитационных программ для взрослых детей алкоголиков, а также необходимость участия в их реализации специалистов разного профиля.
Ключевые слова: взрослые дети из семей страдающих алкогольной зависимостью, социально-психологическая алаптация, удовлетворенность жизнью.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY AND ADAPTATION OF PEOPLE WHO GREW UP IN ALCOHOLIC FAMILIES

Vasilyeva L.P. - Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Rehabilitation, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Annotation. This article presents the results of a study of the socio-psychological personality traits and the level of adaptation of adult children of alcoholics. The data obtained complement existing ideas about the negative impact of parenting in an "alcoholic" parental family and convincingly prove that parental alcohol dependence is the main cause of traumatic experiences and problems faced by children in such families, a negative factor that affects the formation of children's personality. The necessity of creating special socio-psychological rehabilitation programs for adult

children of alcoholics, as well as the need for the participation of specialists of various profiles in their implementation, is discussed.

Keywords: adult children from families suffering from alcohol dependence, socio-psychological adaptation, life satisfaction.

Взрослые дети алкоголиков (ВДА) — термин,определяющий людей, выросших и воспитывавшихся в семьях, где родители (один или оба) страдали алкогольной зависимостью, что неизбежно отразилось на их психологическом состоянии и поведении во взрослой жизни. Синдром ВДА — комплекс характерных психологических и поведенческих особенностей, которые формируются у человека вследствие воспитания его в «алкогольной» семье. Одной из первых он был описан в конце 1970-х годов прошлого века Джанет Войтиц, которая сама выросла в неблагополучной среде[6]. Таким образом, социально-психологические проблемы взрослых детей алкоголиков (ВДА) давно привлекают внимание ученых. Вопрос о последствиях взросления детей в алкогольных семьях является актуальным, поскольку касается многих социальных, психологических и здоровьесберегающих аспектов. Исследователями доказывается, что воспитание в семьях с родителями, страдающими алкогольной зависимостью, накладывает отпечаток на всю жизнь человека [1,2]. Детей, выросших в семьях, где родитель (-ли), страдали алкогольной зависимостью, называют «скрытыми трагедиями», «игнорируемыми миллионами», «покинутыми жертвами» [5]. Актуальность проблемы обусловлена не только социальной дезадаптацией и виктимностью данной группы населения, но и большой распространённостью этого явления, которое складывается из значительного числа лиц, представляющих данный контингент во всем мире.

Так, в США около 40-60% взрослых людей имеют в роду больных алкоголизмом [3]. В России, с учётом текущего тренда уровня алкоголизации населения, цифры статистики говорят о том, что число взрослых детей алкоголиков (ВДА) составляет от 25 до 50% населения в целом [3]. В нашей стране этой теме уделяется достаточно много внимания, но при этом употребление алкоголя в Республике Беларусь носит следующий характер: 75 % населения республики употребляет спиртные напитки в той или иной мере, среди 20% распространено бытовое пьянство, эпизодическое - отмечается у 8% населения, систематическое – у 2%, привычное – у 10%. По информации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Беларусь в начале 2000-х занимала лидирующие позиции по уровню употребления алкоголя в Европе. Среднедушевое потребление доходило до 17 литров чистого спирта в год. Это вдвое превышало порог риска, который ВОЗ считает критическим для здоровья нации[4]. В этой связи актуальным становится разработка мероприятиятий по социально-психологической помощи лицам, входящим в контингент ВДА, включающей различные практические мероприятия, тренинги и формы обратной связи, где специалисты-реабилитологи разного профиля могут направлять и поддерживать участников на пути их восстановления. Важно, чтобы эти инициативы были доступны для широкого круга нуждающихся, независимо от их статуса и опыта предыдущей жизни. Внедрение системных изменений в рамках оказания помощи ВДА может эффективно повлиять на качество их жизни и отношения с окружающими.

В данной работе были исследованы психологические особенности девушек и юношей, родители которых(один или оба) страдали алкогольной зависимостью.

Исследование проводилось в городе Минске. Экспериментальная группа (ЭГ) исследования включала 21 человека. Это были психически здоровые взрослые люди, выросшие в алкогольых семьях(8 мужчин и 13 женщин; средний возраст составил 28,5 лет). Критерии включения в экспериментальную группу: возраст от 18 до 35 лет; отсутствие у участников группы психических заболеваний на момент участия в исследовании; наличие хотя бы одного родителя, имеющего диагноз «хронический алкоголизм» и прошедшего в течение жизни лечение в связи с данным диагнозом; родители проживали с участником исследования и принимали участие в его воспитании;симптомы алкогольной зависимости у родителя (родителей0 возникли, когда участнику исследования было от 6 месяцев до 5 лет. Контрольная группа (КГ) исследования включала 24 психически здоровых взрос-

лых людей, чьи родители не страдали алкогольной зависимостью (9 мужчин и 15 женщин; средний возраст респондентов составил 27,2года). Критерии включения в контрольную группу: возраст от 18 до 35 .лет; отсутствие у участников группы психических заболеваний на момент участия в исследовании; родители участника исследования не имели алкогольной зависимости; родители проживали с участником исследования и принимали участие в его воспитании.

Данные исследования публикуются с разрешения респондентов, все участники исследования подписывали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

В работе использовались следующие методы исследования: Шкала депрессии, тревоги и стресса DASS-21; Тест-опросник "Определение уровня самооценки" С.В.Ковалёва; Опросник УДЖ (удовлетворённости жизнью) Н.Н.Мельниковой; методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р. Даймонда.. Для проведения статистического анализа применялся критерий симметричности распределения переменных Колмагорова-Смирнова, Поскольку результаты применения критерия Колмогорова – Смирнова показали, что распределение всех переменных было симметричным, для определения достоверности различий между параметрами, использовались параметрический критерии t-критерий Стьюдента для независимых выборок и метод углового преобразования Фишера.

Результаты исследования показали следующее (таблица1).

Таблица 1. Статистический анализ достоверности различий в уровне выраженности средних показателей психологического дистресса в экспериментальной группе-ЭГ (М1-среднее значение показателя) и контрольной (М2) группе-КГ (М2)(по опроснику DASS).

Статистические показатели	Показатели психологического дистресса		
	Шкала депрессии	Шкала тревого	Шкала стресса
М1	7,1	10,1	10,52
М2	4,38	6,4	7,0
t-критерий Стьюдента	2,8* P< 0.01	3,5** P< 0.001	2,9* P< 0.01

Из данных таблицы, следует, что взрослые, воспитанные в алкоголизированных семьях, имеют статистически более высокие показатели стресса, тревожности и депрессии. Повышенная тревожность является препятствием для самореализации и отрицательно влияет на способность человека выражать себя в творческой и профессиональной деятельности, определяет высокую чувствительность людей к влиянию стресса, склонность видеть угрозу при объективной безопасности ситуации. Это несомненно будет мешать их самореализации и достижению поставленных целей. Результаты изучения уровня самооценки у респондентов контрольной и экспериментальной групп представлены в таблице 2.

Таблица 2. Статистический анализ различий в уровне самооценки в экспериментальной -ЭГ(группа ВДА) и контрольной группе-КГ.

Группы испытуемых	**Высокий уровень самооценки**		**Средний уровень самооценки**		**Низкий уровень самооценки**	
	%	**Кол-во человек**	**%**	**Кол-во человек**	**%**	**Кол-во человек**
Экспериментальная группа(ВДА)	9.5%	2	38%	8	52.5%	11
Контрольная группа	62.5	15	29%	7	8.5%	2
φ-критерий Фишера, показатель значимости различий	4.003 P <0,01		0.634		3.456 P <0,01	

Как видно из таблицы 2, низкая самооценка в группе ВДА встречается больше, чем у половины исследуемых (52.5%), средняя у 38% и только 9.5% имеют высокую самооценку. Тогда как в контрольной группе высокая самооценка выявлена у 62.5%, а низкая только у 8.5%. Математическая обработка данных с применением метода углового преобразования Фишера позволила установить, что уровень самооценки в контрольной группе статистически значимо выше, чем в группе ВДА.

Низкий уровень самооценки выступает как индикатор внутреннего неблагополучия личности, оказывает негативное влияние на разные аспекты жизни человека и часто сопровождает деструктивные формы поведения. В связи с этим особое значение приобретает формирование у ВДА более позитивного и принимающего отношения к самому себе. Им важно осознать, что ответственность за поведение родителей не лежит на них. Низкая самооценка и высокий уровень тревожности могут мешать установлению контактов с другими людьми. В то же время умение поддерживать доверительное общение с окружающими способствует лучшему принятию себя. Людям, выросшим в алкогольных семьях, важно научиться формировать доверие к окружающим во взрослой жизни .

Далее проводилось изучение удовлетворенности жизнью в группах лиц, воспитывавшихся в алкогольных и обычных семьях (таблица 3.).Удовлетворённость жизнью - это субъективная характеристика, которая зависит от личного опыта исследуемого и является индивидуальной реакцией на качественные характеристики взаимодействия «человек-жизнь».

Таблица 3. Уровни удовлетворённости жизнью у взрослых детей алкоголиков (ВДА) -ЭГи взрослых из обычных семей- КГ

Группы испытуемых	**Высокий уровень удовлетворённостью жизнью**	**Средний уровень удовлетворённостью жизнью**	**Низкий уровень удовлетворённостью жизни**
ЭГ (ВДА)	5 человек(25%	7 человек (33%)	9 человек(42%)
КГ	15 человек (61%)	6 человек(28%)	3 человека(11%)
φ-критерий Фишера, показатель значимости различий	2.69 P <0,01	0.615	2.36 P <0,01

По результатам проведённой диагностики выявлено следующее. В группе ВДА высокая удовлетворённость жизнью отмечается у 25% респондентов, тогда как в контрольной группе этот показатель составляет - 61%, при этом низкий показатель удовлетворённостью жизнью у 42% ВДА, а у людей, выросших в неалкогольных семьях, он составляет всего у 11% опрошенных.

Далее по результатамизучения уровня социально-психологической адаптации были получены значимые различия по всем интегральным показателям у исследуемых двух групп. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица4. Показатели уровней социально-психологической адаптации у взрослых детей алкоголиков (ВДА)- ЭГ и в контрольной группе-КГ

Группы испытуемых	Показатели уровней социально-психологической адаптации					
	ПД	СП	ЭК	И	СД	А
ЭГ(ВДА)	15	33	23	41	43	17
КГ	54	76	61	74	74	72
ϕ- критерий Фишера	3,38**	3,46**	3,46**	2,23*	2,75**	4,27**

Примечание:* - различия значимы при p ≤0,05;**- различия значимы при p ≤0,01,
ПД- принятие других, СП- самопринятие, ЭК- эмоциональная комфортность, И- интернальность, СД-стремление к,доминированию, А- адаптация

По всем характеристикам социально-психологической адаптации показатели группы ВДА значимо ниже по сравнению с показателями контрольной группы. Это означает наличие проблем во взаимодействии ВДА с социальной средой и может быть предпосылкой для формирования девиантного поведения.

На основании полученных результатов нами были разработаны рекомендации для включения в комплексную программу социально - психологической реабилитации для коррекции личностных особенностей и повышения уровня социально- психологической адаптации лиц, относящихся к категории ВДА, в социуме. Реализация этой программы потребует совместных усилий специалистов разного профиля: медиков (в случае необходимости), психологов, специалистов по социальной работе, сотрудников общественных организаций, которые занимаются поддержкой людей, обладающих аналогичным жизненным опытом.

Литература:

1. Щукина М., Белов, А.. Психологические особенности самоотношения взрослых, выросших в семьях, отягощенных родительским алкоголизмом// Вестник Санкт-Петербургского университета.2025. №14(4), С.713–730.
2. Давыдова А. Б., Распопин В. В. Индивидуально-личностные особенности лиц, выросших в алкогольных семьях // Наукосфера. 2021. № 5-1. С. 124–131.
3. Меринов А.В., Шустов Д.И., Лукашук А.В. Взрослые дети алкоголиков: суицидологические и экспериментально-психологические характеристики //Вестник ВГМУ, 2015, Том 14, №1, С.97–102.
4. Алкоголизм в Беларуси: статистика и тенденции.https://taomed.by/alkogolizm-v-belarusi-statistika-i-tendenczii
5. Giuta, C. T. Adult daughters of alcoholics: are they unique? / C. T. Giuta, B. E. Compas // J. Stud. Alcohol. - 1994 Sep. - Vol. 55, N 5. - P. 600-606.
6. Janet G. Woititz. Adult Children of Alcoholics: Expanded Edition (англ.). — Health Communications, 1983. — ISBN 978-1-55874-112-6.

СЕКЦИЯ 2

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАКТИКУ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ОНЛАЙН-БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Сулаймонов Юсуфбек Улугбек Угли – *аспирант, Университет Паннонии, факультет информационных систем, Веспрем, Венгрия.*

Аннотация. В современном цифровом мире подростки сталкиваются с различными онлайн- угрозами, включая фишинг, кибербуллинг и нарушение конфиденциальности данных. В статье рассматриваются возможности интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в практику социальной работы для повышения онлайн-безопасности подростков. На основе эмпирического исследования (N=143) выявлены основные уязвимости, связанные с поведением пользователей и уровнем цифровой грамотности. Предлагаются направления применения ИИ, включая системы выявления рисков и персонализированное обучение. Обосновывается необходимость этичного и ответственного использования ИИ в социальной работе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная работа, онлайн- безопасность, подростки, кибербезопасность, фишинг, кибербуллинг, цифровая грамотность

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SOCIAL WORK PRACTICES FOR ENHANCING ONLINE SAFETY OF ADOLESCENTS

Sulaymonov Yusufbek Ulugbek Ugli *University of Pannonia, Department of Information Systems, Hungary, Veszprém*

Abstract. In today's digital environment, adolescents face various online threats, including phishing, cyberbullying, and privacy breaches. This paper examines the integration of artificial intelligence (AI) into social work practices to enhance adolescents' online safety. Based on an empirical study (N=143), key vulnerabilities related to user behavior and digital literacy were identified. The study proposes AI-based approaches such as risk detection systems and personalized education. The importance of ethical and responsible use of AI in social work is emphasized.
Keywords: artificial intelligence, social work, online safety, adolescents, cyberse- curity, phishing, cyberbullying, digital literacy

Introduction

The digital transformation has brought unprecedented opportunities for adoles- cents, but it has also exposed them to significant risks. According to recent studies, young people spend on average 4–7 hours daily on the internet, making them highly vul- nerable to various online threats [1, 2]. Social work professionals play a critical role in protecting vulnerable populations, including adolescents in the digital space.

Despite growing cybersecurity research, there remains a gap in translating these findings into practical social work interventions. This study aims to bridge this gap by examining how artificial intelligence (AI) can be effectively integrated into social work practices to enhance adolescents' online safety.

To achieve this, the paper combines theoretical analysis with empirical data col- lected from 143 respondents and proposes actionable, ethically grounded AI-based solu- tions.

1. Literature Review and Conceptual Background

The rapid advancement of artificial intelligence (AI) technologies has significantly influenced multiple domains, including healthcare, education, and social services. In social work, AI is increasingly being explored as a tool for enhancing decision-making processes, improving service delivery, and enabling early intervention in high-risk cases [3, 4]. At the same time, cybersecurity research has consistently identified adolescents as one of the most vulnerable groups in the digital environment due to their developmental characteristics, including impulsivity, peer influence, and limited risk perception.

Despite these parallel developments, there is a notable lack of interdisciplinary integration between social work and cybersecurity research. Most existing studies focus either on technological solutions without considering social context, or on social vulnera- bilities without leveraging advanced technological tools. This gap highlights the need for a holistic approach that combines AI capabilities with the human-centered principles of social work.

This study is grounded in several theoretical perspectives. Protection Motivation Theory explains how individuals respond to perceived threats and adopt protective be- haviors, which is particularly relevant in understanding adolescents' responses to phishing and cyber risks. Ecological Systems Theory emphasizes the multiple layers of influence on adolescent behavior, including family, peers, institutions, and digital environments. Ad- ditionally, the concept of digital resilience provides a framework for understanding how young people can develop the capacity to navigate online risks safely and effectively.

2. Theoretical Foundations of AI in Social Work

The integration of AI into social work represents a paradigm shift from traditional reactive approaches toward more proactive and preventive models. Social work has historically emphasized interpersonal relationships, empathy, and contextual understanding. While these elements remain essential, the increasing complexity of digital risks requires additional tools that can process large volumes of data and detect patterns that may not be visible to human practitioners.

Artificial intelligence offers several capabilities that are particularly relevant in this context. Machine learning algorithms can analyze behavioral data to identify patterns associated with risk, such as repeated engagement with suspicious links or exposure to harmful content. Natural Language Processing (NLP) enables the analysis of textual com- munication,

making it possible to detect signs of cyberbullying, harassment, or grooming in online interactions. Predictive analytics further enhances these capabilities by allowing professionals to anticipate potential risks before they materialize.

Importantly, these technologies do not replace the role of social workers but rather augment their capacity to make informed decisions. The combination of human judgment and AI-driven insights creates a hybrid model of practice that is both data-informed and ethically grounded.

3. Digital Risk Landscape for Adolescents

Understanding the digital risk environment is essential for designing effective interventions. Adolescents today operate in a highly interconnected digital ecosystem where social media platforms, messaging applications, and online gaming environments play a central role in their daily lives. While these platforms offer opportunities for communica- tion and self-expression, they also expose young users to various forms of risk.

Phishing and social engineering attacks exploit adolescents' limited experience and trust in digital communication, often leading to compromised accounts or data breaches. Cyberbullying remains one of the most prevalent issues, with significant psychological consequences including anxiety, depression, and social withdrawal. Privacy violations are another critical concern, as adolescents frequently share personal information without fully understanding the long-term implications.

These risks are not isolated; they often overlap and reinforce each other. For ex- ample, a phishing attack may lead to account compromise, which can then be used to perpetrate cyberbullying. Similarly, exposure to online harassment may increase vulner- ability to manipulation or exploitation. This interconnected nature of risks underscores the need for comprehensive and integrated solutions.

4. Research Methodology

This study employed a quantitative cross-sectional research design to explore ado- lescents' online safety behaviors and vulnerabilities. Data were collected using an anony- mous online survey distributed among participants aged 15 and above. The use of an online survey allowed for efficient data collection while ensuring participant anonymity, which is particularly important when addressing sensitive topics such as online harassment and security practices.

The questionnaire was structured to capture multiple dimensions of online be- havior. It included items related to demographic characteristics, responses to phishing scenarios, experiences of cyberbullying, password management practices, awareness of multi-factor authentication (MFA), and help-seeking behavior in risky situations. These variables were selected to provide a comprehensive understanding of both behavioral pat- terns and knowledge levels.

Data analysis was conducted using descriptive statistics to identify general trends, as well as cross-tabulations and chi-square tests to examine relationships between variables such as age, gender, and security awareness. This approach enabled the identification of statistically significant differences between groups and provided a robust empirical basis for the study's conclusions.

5. Empirical Results

The findings of the study reveal several important patterns that highlight the vulnerability of adolescents in the digital environment. One of the most significant results is the high susceptibility to phishing among younger participants, particularly those aged 15–19. A substantial proportion of respondents in this group reported engaging with suspicious links, indicating a lack of critical evaluation skills in online interactions.

Gender differences were also observed, with female participants demonstrating more cautious behavior in social interactions, such as accepting friend requests, but ex- hibiting higher susceptibility to phishing attempts. This suggests that different dimensions of online risk may require gender-sensitive intervention strategies.

Another key finding relates to the role of knowledge and awareness. Participants who were familiar with multi-factor authentication demonstrated significantly better secu- rity

practices, including stronger password selection and greater ability to identify securesystems. However, overall awareness of MFA remained relatively low, indicating a critical gap in digital literacy.

The prevalence of cyberbullying experiences reported by over 40% of respondents further emphasizes the urgency of addressing online safety. These findings collectively point to the need for targeted, scalable, and adaptive interventions.

6. Discussion of Findings

The results of this study provide important insights into the behavioral and cog- nitive factors that influence adolescents' online safety. The high rate of phishing sus- ceptibility among younger users suggests that traditional awareness campaigns, which often rely on static information delivery, are insufficient. Adolescents require interactive and context-sensitive learning experiences that can adapt to their behavior and level of understanding.

The observed gender differences indicate that online safety is not a uniform issue but rather a multidimensional phenomenon influenced by social and psychological factors. This highlights the importance of designing interventions that are tailored to specific user groups rather than adopting a one-size-fits-all approach.

Furthermore, the strong correlation between MFA awareness and secure behavior underscores the importance of practical knowledge in shaping online safety practices. It is not enough for adolescents to be aware of risks; they must also be equipped with actionable skills and tools to mitigate those risks effectively.

These insights reinforce the potential value of AI as a means of delivering personalized, adaptive, and data-driven interventions.

7. AI Applications in Social Work for Online Safety

Artificial intelligence offers a range of practical applications that can be integrated into social work practice to enhance adolescents' online safety. One of the most promising areas is real-time risk detection, where AI systems can monitor digital interactions and identify potentially harmful patterns, such as phishing attempts or abusive language. This allows for timely intervention before harm occurs.

Another important application is personalized digital safety education. AI-driven platforms can assess an individual's knowledge level and behavioral patterns to delivercustomized training content. This approach increases engagement and effectiveness com- pared to traditional methods.

Predictive risk analytics represents a more advanced application, where machine learning models analyze historical and behavioral data to identify individuals who may be at higher risk of victimization. This enables proactive support and targeted intervention strategies.

Additionally, AI can assist social workers in decision-making processes by providing data-driven insights and risk assessments. However, it is essential that these tools are used as supportive mechanisms rather than replacements for professional judgment.

8. Ethical and Legal Considerations

The use of AI in social work raises significant ethical and legal challenges that must be carefully addressed. Issues related to data privacy and confidentiality are particularly critical when working with minors. Any data collected and processed by AI systems must be handled in accordance with strict data protection regulations.

Transparency is another key concern. Adolescents and their guardians should be informed about how AI systems operate, what data is being collected, and how it is being used. This is essential for building trust and ensuring informed consent.

Bias and fairness in AI algorithms also present potential risks. If not properly designed and monitored, AI systems may reinforce existing inequalities or produce discriminatory outcomes. Therefore, continuous evaluation and ethical oversight are necessary.

Ultimately, the integration of AI must align with the core values of social work, including respect for human dignity, social justice, and professional integrity.

9. Practical Implementation Framework

For AI to be effectively integrated into social work practice, a structured implemen- tation framework is required. First, social workers must be equipped with the necessary digital

and AI literacy skills through targeted training programs. This will enable them to understand and critically evaluate AI tools.

Second, interdisciplinary collaboration between social workers, data scientists, and cybersecurity experts is essential for developing solutions that are both technically robust

and socially appropriate. Third, pilot programs should be implemented in controlled envi- ronments to test the effectiveness and usability of AI tools before large-scale deployment.

Finally, continuous monitoring and evaluation mechanisms must be established to assess the impact of AI interventions and identify areas for improvement. This iterative approach ensures that AI systems remain responsive to the needs of adolescents and practitioners.

10. Limitations of the Study

While this study provides valuable insights, it is important to acknowledge its limitations. The relatively small sample size limits the generalizability of the findings. Additionally, the reliance on self-reported data may introduce bias, as participants may underreport or overreport certain behaviors.

The cross-sectional design also restricts the ability to draw causal conclusions or observe changes over time. Furthermore, the study is geographically limited, which may affect the applicability of the results in different cultural or socio-economic contexts.

Future research should address these limitations by incorporating larger, more diverse samples and longitudinal designs.

Conclusion

The integration of artificial intelligence into social work practices offers significant potential for enhancing adolescent online safety. This study demonstrates that AI can address key vulnerabilities identified in empirical data, particularly in phishing suscepti- bility, cyberbullying, and low digital literacy.

However, successful implementation requires not only technological innovation but also ethical responsibility and professional competence. AI should be viewed as a sup- portive tool that enhances, rather than replaces, human-centered social work practice.

Future research should focus on real-world implementation and impact assessment of AI-based interventions.

Литература

1. Sulaymonov Y., Szücs V. (2024). Bridging the cybersecurity awareness gap in a digital age
2. American Psychological Association (2025). Artificial intelligence and adolescent well-being.
3. Reamer F.G. (2023). Artificial Intelligence in Social Work: Emerging Ethical Issues.
4. Boetto H. (2025). Artificial Intelligence in Social Work: An EPIC Model.
5. Ifinedo P. (2012). Understanding information systems security policy compliance. Computers & Security.
6. Patton D.U. et al. (2021). Social Work and Artificial Intelligence for Youth Safety.
7. Shahbazi Z. et al. (2025). AI-Based Phishing Detection and Cybersecurity Aware- ness.

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Гильманова Э.У. *- студент 1 курса магистратуры кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.*

Вильданова Г.Б. *– доктор философских наук, профессор кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме алгоритмической предвзятости при внедрении систем искусственного интеллекта в практику социальной работы в Российской Федерации. Анализируются механизмы возникновения дискриминационных эффектов: искажения в обучающих данных, некорректная постановка задач, использование прокси-переменных,

отсутствие прозрачности моделей. Рассматриваются актуальные российские законодательные инициативы 2025 –2026 годов, включая проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в России», концепцию регулирования ИИ до 2030 года, а также предложения по запрету использования генеративного ИИ в социально значимых сферах. Особое внимание уделяется рискам применения ИИ в социальной защите, здравоохранении и образовании. Обосновывается необходимость закрепления принципа «решающей роли человека» при принятии решений, затрагивающих права граждан. Предлагаются практические рекомендации по внедрению процедур этического аудита алгоритмов в деятельность органов социальной защиты с учетом российской специфики.
Ключевые слова: алгоритмическая справедливость, предвзятость ИИ, дискриминация, этика искусственного интеллекта, социальная работа, цифровизация социальной сферы, правовое регулирование ИИ, человекоцентричность.

ALGORITHMIC FAIRNESS IN SOCIAL WORK: RUSSIAN CONTEXT AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Gilmanova E.U. *- 1st-year Master's student at the Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific supervisor: Vildanova G.B. *– Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Work (Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia)*

Annotation. The article addresses the problem of algorithmic bias in the implementation of artificial intelligence systems in social work practice in the Russian Federation. The mechanisms of discriminatory effects are analyzed: distortions in training data, incorrect formulation of tasks, the use of proxy variables, and lack of model transparency. Current Russian legislative initiatives of 2025–2026 are examined, including the draft federal law "On Regulation of Artificial Intelligence Systems in Russia," the concept of AI regulation until 2030, as well as proposals to ban the use of generative AI in socially significant spheres. Special attention is paid to the risks of AI application in social protection, healthcare, and education. The necessity of enshrining the principle of "human-in-the-loop" in decisions affecting citizens' rights is substantiated. Practical recommendations for implementing ethical audit procedures in social protection agencies are proposed, taking into account Russian specifics.
Keywords: algorithmic fairness, AI bias, discrimination, artificial intelligence ethics, social work, digitalization of social sphere, AI legal regulation, human-centricity.

Актуальность проблемы алгоритмической справедливости в социальной работе обусловлена несколькими факторами. Во-первых, цифровая трансформация социальной сферы в России приобретает системный характер: внедряются платформенные решения, развивается единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), обсуждается использование предиктивных алгоритмов для оценки рисков семейного неблагополучия. Во-вторых, 2025-2026 годы стали периодом активного формирования законодательной базы в сфере искусственного интеллекта - разрабатываются концепции, законопроекты, предложения по регулированию. В-третьих, международные скандалы в Нидерландах, США и Швеции демонстрируют, что алгоритмическая предвзятость - не теоретическая проблема, а реальная угроза правам граждан.

Несмотря на значительное количество зарубежных исследований (В. Юбэнкс, К. О'Нил), в отечественном дискурсе проблема алгоритмической справедливости в социальной работе только начинает осмысляться. Отсутствуют работы, системно анализирующие российские законодательные инициативы 2025-2026 годов сквозь призму этики искусственного интеллекта и социальной защиты.

Цель данной статьи: проанализировать механизмы возникновения алгоритмической предвзятости, оценить актуальные российские законодательные инициативы в сфере регулирования искусственного интеллекта и предложить принципы внедрения алгоритмических систем в социальную работу, минимизирующие риски дискриминации.

Цифровая трансформация системы социальной защиты населения является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Внедрение платформенных решений, единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) и портала Госуслуг значительно упростило для граждан доступ к мерам поддержки. Следующий закономерный шаг - использование технологий искусственного интеллекта для автоматизации принятия решений, прогнозирования социальных рисков и повышения эффективности распределения ресурсов.

Однако мировой опыт последних лет демонстрирует серьезные риски, связанные с внедрением алгоритмических систем в социальную сферу. Скандалы в Нидерландах, где алгоритм ложного обвинения в мошенничестве с детскими пособиями привел к отставке правительства, в Швеции, где система социального страхования непропорционально часто помечает для проверок мигрантов и женщин, в США, где алгоритмы защиты детей дискриминируют чернокожие семьи, - все это заставляет критически осмыслить перспективы алгоритмизации социальной работы в России [3, 8].

В отечественном дискурсе проблема алгоритмической справедливости только начинает осмысляться. Между тем, интенсивное развитие законодательства в сфере ИИ в 2025–2026 годах создает уникальное окно возможностей для того, чтобы заложить принципы справедливости и недискриминации в основу будущих цифровых систем социальной защиты.

Для понимания природы рисков необходимо проанализировать, каким образом дискриминация «вшивается» в, казалось бы, нейтральные математические модели. Можно выделить четыре основных механизма.

Первый и наиболее очевидный - искажения в исторических данных. Алгоритмы обучаются на прошлом опыте, который уже мог быть дискриминационным. Если в течение многих лет социальные работники чаще изымали детей из бедных семей или семей определенных этнических групп (даже при объективно равных показателях риска), эти паттерны будут зафиксированы в данных. Система машинного обучения, не обладающая критическим мышлением, воспримет эту корреляцию как норму и начнет тиражировать ее в будущем [2].

Второй механизм - некорректная постановка задачи. Часто разработчики используют переменные, которые косвенно коррелируют с защищенными признаками. Например, почтовый индекс может быть сильным предиктором социального неблагополучия, но он же часто тесно связан с этническим составом населения. В системах оценки риска в качестве факторов могут использоваться возраст, наличие детей, уровень образования - все это прокси-переменные, ведущие к непропорциональным проверкам определенных групп [6].

Третий механизм - ошибки измерения и неполнота данных. Алгоритмы работают только с той информацией, которая была оцифрована и структурирована. Многие важные контекстуальные факторы, известные социальному работнику при личной встрече (временные трудности, состояние здоровья, семейные обстоятельства), остаются «за скобками» модели. Это создает систематическое искажение в пользу тех групп, чьи жизненные обстоятельства легче поддаются количественному измерению.

Четвертый механизм - отсутствие прозрачности «черный ящик». Сложные нейросетевые модели не способны объяснить, почему они присвоили конкретный балл риска. Социальный работник, получающий от системы рекомендацию, не может ее оспорить, так как не понимает логики вывода. Это подрывает фундаментальный принцип - право клиента на справедливое и понятное решение [4].

В России в последние два года наблюдается интенсивное развитие нормативной базы в сфере искусственного интеллекта. В августе 2025 года Минцифры России завершило разработку концепции регулирования искусственного интеллекта до 2030 года. Документ предлагает несколько ключевых правил, среди которых: человекоориентированный подход; принцип технологического суверенитета; уважение автономии и свободы воли человека; запрет на причинение вреда человеку; недопущение «очеловечения» технологий [1]. Важно, что концепция прямо фиксирует приоритет прав граждан над технологическими инновациями.

Параллельно профильная рабочая группа (включающая юристов, представителей консалтинговых компаний и участников рынка) разработала проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в России». Документ, копия которого имеется в распоряжении РБК, предлагает:

- классификацию систем ИИ по уровню потенциального риска (неприемлемый, высокий, ограниченный, минимальный);
- запрет систем с неприемлемым уровнем риска (создающих угрозу безопасности личности, обществу и государству);
- обязательную государственную регистрацию и сертификацию систем высокого риска (применяемых в здравоохранении, транспорте, финансах, правоохранительной деятельности);
- введение ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу для лиц, участвующих в разработке и эксплуатации систем ИИ [7].

Особого внимания заслуживает предложение о введении обязательного страхования ответственности операторов систем ИИ с высоким уровнем риска. Для социальной работы это означает, что внедрение алгоритмов принятия решений должно сопровождаться финансовыми гарантиями на случай ошибок, приводящих к нарушению прав граждан.

В феврале 2026 года появилась информация о том, что в России могут законодательно закрепить обязательное сохранение решающей роли человека при применении ИИ в социально значимых сферах. Речь идет о здравоохранении, судопроизводстве, образовании и системе общественной безопасности. Как указывается в материалах правительства, отсутствие требования о ключевой роли человека создает системные риски [4].

Член комитета Госдумы по информационной политике Антон Немкин отметил, что алгоритмы могут воспроизводить и усиливать ошибки при обучении на неполных или предвзятых данных. Кроме того, при сбоях остается открытым вопрос ответственности — разработчика, оператора либо государства. Отдельным фактором он назвал возможное снижение доверия граждан к цифровым сервисам [4].

В декабре 2025 года на конференции Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН выступила Наталья Касперская с докладом о рисках применения генеративного ИИ для социальной сферы. Ее позиция заслуживает особого внимания, поскольку она возглавляет рабочую группу Совета Федерации по разработке законопроекта о безопасном использовании ИИ в социальной сфере [3].

Касперская выделяет несколько ключевых проблем генеративного ИИ:

1. Непредсказуемость результатов. Генеративный ИИ работает как «черный ящик», результат его работы непредсказуем даже для разработчика, и он может давать разный ответ на один и тот же вопрос. При этом любой ответ генеративная модель готова уверенно «обосновать».
2. Проблемы с обучающими данными. Генеративный ИИ обучается на неизвестном наборе данных, а используемые им большие данные человек не может проверить в принципе. Массово используемые модели (ChatGPT, DeepSeek) размещены на зарубежных серверах, российские же модели по большей части заимствуют зарубежные технологии.
3. Социальные последствия. В иностранные языковые модели вносится фальсификация истории, пропаганда деструктивных для российского общества идей. Частое применение больших моделей ведет к привыканию и снижению у человека критического мышления.
4. Снятие ответственности. При работе ведомств и организаций с людьми решение выносит ИИ, и предъявить претензию, по сути, некому.

Исходя из этих рисков, Касперская предлагает ряд регулятивных ограничений на использование генеративного ИИ в социальной сфере:

- запрет разработки учебных материалов при помощи генеративного ИИ;
- запрет на любую автоматизацию обучения и выработку индивидуальных «образовательных траекторий» с помощью ИИ (прямой путь к дискриминации);
- запрет автоматического начисления штрафов;

- запрет любых социальных рейтингов, формируемых на основе разрозненных данных с помощью ИИ;

- запрет на автоматические кредитные рейтинги, ограничения на автоматическую блокировку счетов [3].

Она подчеркивает, что аналогичные законы уже приняты в США, ЕС, Китае, Индии и даже Узбекистане, и Россия здесь пока отстает.

Важный вклад в дискуссию внесла Дарья Томильцева, доцент кафедры социальной философии УрФУ, выступившая на конференции «Генеративный искусственный интеллект в отраслях экономики и в социальной сфере: «Pro&Contra». Она обратила внимание на феномены, которые в российском дискурсе остаются без должного внимания: «отмывание этикой» и «обесценивание этикой» [5].

«Отмывание этикой» - это практика создания видимости этичной деятельности компаниями-разработчиками для укрепления репутации без реальных изменений в продуктах или процессах. «Обесценивание этикой» - дискредитация самих этических принципов как излишних барьеров, якобы мешающих технологическому прогрессу.

Томильцева выделила три причины, по которым пользователи склонны доверять этичности разработчиков ИИ: личный опыт, публичные декларации компаний и существование ратифицированных этических кодексов. Однако именно эти факторы часто становятся полем для манипуляций. Несмотря на интенсивное развитие правил контроля за ИИ (корпоративные стандарты, технические нормы, правовое регулирование), их эффективность снижается из-за «этических ловушек» [5].

Для социальной работы это означает, что наличие формальных кодексов этики или деклараций о «человекоцентричности» не гарантирует реальной защиты прав клиентов. Необходимы механизмы независимого аудита и общественного контроля.

Хотя фокус данной статьи - российский контекст, невозможно игнорировать международные прецеденты, которые служат предупреждением для отечественных разработчиков и регуляторов.

В Нидерландах национальная система выявления мошенничества с детскими пособиями создавала профили риска, в результате чего около 35 тысяч семей, преимущественно мигрантов, были ложно обвинены в мошенничестве. Это привело к долгам, бедности, разрушению семей и отставке правительства в 2021 году. В Амстердаме проект создания «справедливого» алгоритма для оценки заявлений на соцпомощь (Slimme Check) был остановлен в ноябре 2023 года, поскольку чиновники не смогли гарантировать отсутствие дискриминационных эффектов [3].

В Швеции система машинного обучения Агентства социального страхования непропорционально часто помечает для проверок женщин, лиц с иностранным происхождением, малообеспеченных и людей без университетского образования. Международная амнистия призвала шведские власти отказаться от дискриминационных систем [3].

В США в округе Аллегейни алгоритм защиты детей помечал для «обязательного» расследования 32,5% чернокожих детей по сравнению с 20,8% белых. В Нью-Йорке система оценки семей по 279 переменным работает как «черный ящик» - семьи и даже социальные работники не знают, когда и почему дело помечается как «высокорисковое» [8].

Эти примеры демонстрируют, что проблема алгоритмической предвзятости универсальна и не зависит от конкретной юрисдикции. Любая страна, внедряющая ИИ в социальную сферу без должных гарантий, рискует столкнуться с аналогичными последствиями.

На основе анализа российских законодательных инициатив и международного опыта можно сформулировать ряд практических рекомендаций для внедрения ИИ в отечественную систему социальной защиты.

Во-первых, необходима презумпция ограничений. Использование алгоритмов для принятия решений, затрагивающих права граждан в социальной сфере, должно быть разрешено только в исключительных случаях, когда доказана невозможность достижения целей иными средствами, и при наличии четких правовых оснований. Как показала дискуссия с участием Натальи Касперской, в некоторых областях (автоматическое назначение штрафов, социальные рейтинги) требуется полный запрет [3].

Во-вторых, обязательным является проведение оценки воздействия на права человека до внедрения любой алгоритмической системы. В разрабатываемом законопроекте предлагается классификация по уровням риска и обязательная сертификация систем высокого риска [7]. Важно, чтобы такая оценка была публичной и проводилась с участием независимых экспертов и представителей уязвимых групп.

В-третьих, необходим переход от непрозрачных «черных ящиков» к интерпретируемым моделям. В социальной сфере предпочтительнее использовать более простые, объяснимые алгоритмы, даже если они немного уступают в точности сложным нейросетям. Возможность проверить и оспорить решение важнее абстрактной эффективности.

В-четвертых, ключевую роль должен играть человеческий надзор. Как подчеркивается в правительственных материалах февраля 2026 года, необходимо законодательно закрепить «решающую роль человека» при применении ИИ в социально значимых сферах [4]. Окончательное решение всегда должно оставаться за специалистом. Алгоритм может подсветить риск, но социальный работник обязан критически осмыслить эту информацию, соотнести ее с реальной ситуацией клиента.

В-пятых, необходима прозрачность и подотчетность. В законопроекте предлагается ввести обязательную маркировку систем ИИ - явное, недвусмысленное обозначение использования ИИ при взаимодействии с пользователем [7]. Граждане должны знать, что решение (или рекомендация) выработаны алгоритмом, и иметь право на его оспаривание.

В-шестых, необходимо решение вопроса об ответственности. Законопроект предлагает распределение ответственности между разработчиком и оператором в зависимости от обстоятельств, а также введение обязательного страхования для систем высокого риска [7]. Это создает финансовые гарантии для пострадавших от алгоритмических ошибок.

Алгоритмическая справедливость должна стать не дополнительной опцией, а фундаментальным требованием к любым системам ИИ, внедряемым в российскую социальную работу. Цифровая трансформация социальной сферы неизбежна, но путь этой трансформации может быть разным. Опыт Нидерландов, Швеции и США показывает, к каким тяжелым последствиям приводит внедрение алгоритмов без должного внимания к вопросам справедливости и правам человека.

Российское законодательство в сфере ИИ находится в активной фазе формирования. Концепция регулирования до 2030 года, проект федерального закона, инициативы Совета Федерации - все это создает уникальное окно возможностей для того, чтобы заложить принципы справедливости, недискриминации и человекоцентричности в основу будущих цифровых систем.

Особую роль в этом процессе должны сыграть профессиональные сообщества социальных работников, эксперты по этике, правозащитники и представители самих уязвимых групп. Как справедливо отмечает Дарья Томильцева, необходимо избегать как «отмывания этикой» (имитации этичности без реальных изменений), так и «обесценивания этикой» (дискредитации этических принципов как излишних барьеров) [5].

При разработке отечественных систем поддержки принятия решений в сфере соцзащиты крайне важно учесть международные уроки и формировать междисциплинарные команды, включающие не только программистов, но и социальных работников, этиков, юристов, и что особенно важно представителей самих сообществ, на которые повлияет работа алгоритма.

Только такой подход позволит использовать мощь технологий для защиты уязвимых, не превратив их в инструмент новой, цифровой дискриминации. Как точно заметила Вирджиния Ойбанкс, мы должны стремиться не к автоматизации неравенства, а к автоматизации справедливости [8].

Литература:

1. Концепция регулирования искусственного интеллекта до 2030 года / Минцифры России. – 2025. – URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 25.02.2026).
2. Лабазанов И.Л. Этика алгоритмического принятия решений в социальной работе: риски автоматизации оценки нуждаемости // Издательский дом "НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА". 2025. № 12. С. 43. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.15.043.

3. Касперская Н. Предложения по регулированию ИИ в социальной сфере // Советская Россия. – 2025. – 24 декабря. – URL: https://sovross.ru/2025/12/24/predlozheniya-po-regulirovaniju-ii-v-socialnoj-sfere/ (дата обращения: 25.02.2026).
4. Решения ИИ в России могут поставить под контроль человека // Московский комсомолец. – 2026. – 13 февраля. – URL: https://www.mk.ru/politics/2026/02/13/resheniya-ii-v-rossii-mogut-postavit-pod-kontrol-cheloveka.html (дата обращения: 25.02.2026).
5. Томильцева Д.А. Эксперт УрФУ раскрыла «ловушки» этики в сфере искусственного интеллекта // Уральский федеральный университет. – 2025. – 28 октября. – URL: https://urgi.urfu.ru/ru/news/56767/ (дата обращения: 25.02.2026).
6. Проблемы и вызовы технологий машинного обучения и искусственного интеллекта // Издательская группа ЮРИСТ. – 2025. – № 2. – С. 21-24. – DOI: 10.18572/2221-3287-2025-2-21-24.
7. В России обсудят запрет ИИ с «угрожающим уровнем риска» // РБК. – 2025. – 11 апреля. --
URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/04/2025/67f7dc399a79477fdd97bf30 (дата обращения: 25.02.2026).
8. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. – New York: St. Martin's Press, 2018. – 272 p

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Мамедов Яшар Азимага оглу *- доктор экономических наук, доцент. Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики Институт Экономики. Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В статье анализируется влияние искусственного интеллекта на трансформацию системы социальной защиты в условиях цифровизации. Проведён сравнительный анализ глобального опыта и стран СНГ, включая Азербайджан. Установлено, что ИИ способствует переходу к проактивной и основанной на данных модели социальной политики. Рассматриваются модели прогнозирования, таргетирования и мониторинга социальных процессов. Обоснована роль цифровых экосистем и персонализации социальных услуг. Выявлены ограничения внедрения ИИ в странах СНГ. Подчёркивается необходимость развития инфраструктуры и человеческого капитала.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная защита, цифровизация, социальные услуги, экосистемы, инклюзивность, управление

TRANSFORMATION OF SOCIAL WORK UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Mammadov Yashar Azimaga *- doctor of economics, associate professor, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan Institute of Economics. Baku, Azerbaijan.*

Abstract. The article analyzes the impact of artificial intelligence on the transformation of social protection systems in the context of digitalization. A comparative study of global experience and CIS countries, including Azerbaijan, is conducted. It is found that AI facilitates the transition to a proactive, data-driven social policy model. The paper examines models of prediction, targeting, and monitoring of social processes. The role of digital ecosystems and personalized services is substantiated. Limitations of AI implementation in CIS countries are identified. The need for infrastructure development and human capital enhancement is emphasized.

Keywords: artificial intelligence, social protection, digitalization, social services, ecosystems, inclusiveness, governance

В современных условиях трансформация глобальных социально-экономических систем сопровождается не только технологическими сдвигами, но и необходимостью переосмысления механизмов социальной защиты. Активное внедрение цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта (ИИ) изменяет содержание социальной политики и подходы к управлению. В отличие от традиционных реактивных моделей, современные системы ориентируются на проактивные, основанные на данных и индивидуализированные

решения [19]. Система социальной защиты остаётся ключевым институциональным механизмом обеспечения благосостояния, снижения бедности и поддержания социальной справедливости. Однако её эффективность снижается под воздействием демографических изменений, трансформации рынка труда и роста неформальной занятости [10]. В этих условиях модернизация системы на основе цифровых технологий приобретает стратегическое значение. Технологии ИИ создают возможности для более эффективного распределения ресурсов, оптимизации управленческих решений и персонализации социальных услуг. Анализ больших данных и использование прогностических моделей позволяют заранее выявлять социальные риски и формировать превентивную социальную политику [13]. Интеграция ИИ приводит к качественным изменениям модели управления социальной защитой. Обработка данных из различных государственных источников повышает точность оценки социального положения граждан, что усиливает адресность помощи и эффективность использования ресурсов. Одновременно алгоритмы ИИ позволяют прогнозировать такие риски, как безработица, бедность и социальная изоляция, обеспечивая переход к проактивной модели управления [11]. Персонализация социальных услуг на основе социально-экономических характеристик населения повышает результативность социальной политики и способствует укреплению социальной справедливости [17]. В то же время цифровая трансформация сопровождается новыми вызовами. Необходимость защиты персональных данных, обеспечения алгоритмической справедливости и снижения цифрового неравенства становится ключевым условием устойчивости системы. Дополнительное влияние оказывают демографические факторы, включая старение населения, а также сложные социально-экономические риски, такие как пандемии и экономические кризисы [18].

Современное развитие социальной защиты определяется также комплексным воздействием смежных сфер - здравоохранения, налоговой политики и жилищного рынка. Эти факторы усиливают необходимость интегрированного и адаптивного подхода. Цифровизация и развитие электронного правительства повышают доступность социальных услуг, а применение ИИ расширяет аналитические возможности управления. Вместе с тем возникающие риски требуют сбалансированного и инклюзивного подхода к цифровой трансформации социальной защиты.

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в систему социальной защиты является одним из ключевых направлений трансформации, требующих переосмысления её теоретических и практических основ. В современных условиях ИИ рассматривается не только как технологический инструмент, но и как аналитический и управленческий механизм, способствующий повышению эффективности социальной политики. В этой связи особую значимость приобретает системный анализ сущности ИИ, функциональных характеристик социальной защиты и моделей их взаимодействия. В широком смысле искусственный интеллект определяется как способность компьютерных систем имитировать процессы человеческого мышления и принятия решений. На современном этапе его развитие опирается на такие компоненты, как большие данные (Big Data), машинное обучение (Machine Learning – ML) и автоматизация. Технологии больших данных позволяют обрабатывать значительные массивы информации, поступающие из различных источников (демографические показатели, уровень доходов, занятость и др.), обеспечивая более объективную оценку социального положения. Машинное обучение, в свою очередь, выявляет закономерности на основе данных и расширяет возможности прогнозирования, что позволяет заранее определять социальные риски и потребности [14].

Использование автоматизации снижает зависимость от человеческого фактора при предоставлении социальных услуг, повышая скорость и точность операций. Это способствует сокращению административных издержек и более эффективной организации системы. В целом система социальной защиты выступает ключевым институциональным механизмом обеспечения социальной стабильности и снижения рисков в обществе. Её функции включают перераспределение доходов, компенсацию социальных рисков, снижение уровня бедности и обеспечение социальной инклюзии. Структурно она объединяет механизмы социального страхования, программы социальной помощи и социальные услуги. Однако в современных условиях эффективность системы во многом определяется качеством

данных, уровнем адресности и рациональностью распределения ресурсов. Традиционные подходы, основанные на статической информации, ограничивают оперативность и точность управленческих решений. В этой связи возрастает значение подходов, основанных на применении искусственного интеллекта [19].

Применение ИИ в системе социальной защиты реализуется в рамках трёх основных функциональных моделей: прогнозирования, таргетирования и мониторинга [15]. Прогностическая модель направлена на раннее выявление социальных рисков (безработица, бедность, социальная изоляция) и формирование превентивной социальной политики. Таргетированная модель обеспечивает более точное определение нуждающихся групп населения и эффективное распределение социальной помощи. Мониторинговая модель позволяет в режиме реального времени оценивать реализацию социальных программ и оперативно корректировать управленческие решения. В целом внедрение искусственного интеллекта способствует переходу к более гибкой, адаптивной и основанной на данных модели управления социальной защитой. Это обеспечивает повышение качества социальной политики и более эффективное использование государственных ресурсов.

Современная трансформация системы социальной защиты выходит за пределы простого внедрения технологий и сопровождается изменением управленческой логики и роли данных в формировании социальной политики. Подходы, основанные на искусственном интеллекте, способствуют переходу к новому этапу развития, где ключевыми направлениями выступают превентивный анализ социальных рисков, персонализация услуг и формирование цифровых экосистем. В традиционных моделях решения принимаются на основе ретроспективной информации, что приводит к запаздывающему реагированию и неэффективному использованию ресурсов. В отличие от этого, прогностическая аналитика, основанная на динамических социально-экономических данных, позволяет заранее выявлять риски, такие как снижение доходов или нестабильная занятость. Это обеспечивает переход от реактивной к превентивной модели управления и усиливает направленность социальной политики на предупреждение проблем [19].

Существенным элементом трансформации является переход от стандартизированных к персонализированным социальным услугам. Применение искусственного интеллекта позволяет глубже анализировать потребности населения, обеспечивая более точное определение объёма, сроков и приоритетов поддержки. В результате повышается адресность и эффективность социальной помощи, а качественные показатели начинают играть более значимую роль по сравнению с количественными [15]. Одновременно формируется модель «умного социального государства», основанная на данных в реальном времени. В рамках этой модели решения принимаются с учётом аналитических оценок, что повышает гибкость и адаптивность социальной политики. При этом взаимодействие государства и граждан трансформируется от пассивной модели (по обращению) к проактивной, где потребности выявляются автоматически, что существенно повышает оперативность системы.

Ключевым направлением развития становится формирование интегрированных цифровых экосистем, объединяющих электронное правительство, финансовые технологии и государственные цифровые решения. Такая интеграция устраняет фрагментацию информационных потоков, создаёт единую среду управления и усиливает координацию между институтами, повышая эффективность реализации социальной политики [19]. Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта сопровождается рядом нормативно-этических вызовов. Использование больших данных требует усиления защиты персональной информации, а алгоритмические решения могут создавать риски неравенства и дискриминации. В этой связи развитие технологий должно сопровождаться совершенствованием правового регулирования и институциональной среды, что является необходимым условием сохранения доверия к системе социальной защиты [12].

В современных условиях развитие систем социальной защиты в ведущих странах тесно связано с внедрением искусственного интеллекта и цифровых технологий. Данный процесс выходит за рамки технологической модернизации и отражает глубокие изменения в механизмах формирования и реализации социальной политики. В этом контексте особый инте-

рес представляют практики США, Великобритании и Эстонии как стран-лидеров в применении ИИ в социальной сфере. В США искусственный интеллект используется преимущественно для управления социальными программами и оценки социальных рисков. Аналитические модели позволяют определять уровень потребностей граждан и обеспечивать более эффективное распределение ресурсов, а также прогнозировать риски безработицы на основе данных рынка труда [19]. В Великобритании внедрение ИИ носит более системный характер: платформа «Universal Credit» обеспечивает мониторинг социального положения граждан в режиме реального времени и автоматизацию принятия решений, что повышает оперативность услуг и снижает административные издержки [15]. В Эстонии реализация модели цифрового государства позволяет предоставлять социальные услуги через единые платформы, где системы на основе ИИ автоматически назначают поддержку в зависимости от потребностей граждан. Одним из ключевых направлений применения ИИ является повышение точности таргетирования социальной помощи. Алгоритмы позволяют комплексно учитывать доходы, занятость, структуру семьи и региональные особенности, что способствует более эффективному охвату нуждающихся и снижению нецелевого использования ресурсов [11]. Наряду с этим важную роль играет использование прогностических моделей, позволяющих заранее выявлять риски бедности, безработицы и социальной изоляции, формируя тем самым превентивный характер социальной политики.

Развитие цифровых платформ стало основой нового этапа функционирования социальной защиты. В развитых странах значительная часть услуг предоставляется в электронном формате, что упрощает доступ и сокращает сроки их получения. Автоматизированные системы принятия решений обеспечивают обработку заявок, проверку соответствия критериям и назначение помощи без участия человека, снижая вероятность ошибок и повышая объективность [15]. Одновременно обеспечивается мониторинг социальных программ в режиме реального времени, что позволяет оперативно корректировать управленческие решения. Внедрение искусственного интеллекта приводит к существенным социально-экономическим эффектам. Прежде всего это оптимизация бюджетных расходов за счёт более рационального распределения ресурсов и автоматизации процессов [19]. Кроме того, повышается прозрачность системы, поскольку снижается влияние субъективных факторов и коррупционные риски. Важным результатом является и рост социальной инклюзивности: цифровые платформы расширяют доступ к услугам, особенно для населения удалённых регионов, что способствует укреплению социальной справедливости. В целом мировой опыт демонстрирует, что использование искусственного интеллекта в системе социальной защиты представляет собой не только технологическое нововведение, но и стратегическое направление её качественной трансформации, ориентированной на повышение эффективности и адаптивности социальной политики.

Трансформация систем социальной защиты в странах СНГ формируется не по единой модели, а дифференцированно, в зависимости от институциональных возможностей государств, уровня цифровизации и приоритетов государственной политики. Несмотря на то что общей тенденцией является цифровизация социальных услуг и модернизация управления, применение технологий искусственного интеллекта в большинстве случаев остаётся на начальном этапе. В этом контексте сравнительный анализ моделей России, Азербайджана, Казахстана и Беларуси позволяет более чётко выявить уровень развития системы и её структурные проблемы. В России цифровая трансформация системы социальной защиты основана на предоставлении государственных услуг через единые платформы. Система «Госуслуги» выступает ключевым механизмом централизации доступа к социальным услугам. Через данную платформу обращения по социальным пособиям, пенсионному обеспечению и другим услугам обрабатываются в электронном формате. Несмотря на повышение доступности услуг, наблюдается ограниченное развитие аналитических и прогностических механизмов. Таким образом, цифровизация в основном ограничивается уровнем электронизации услуг, а управление на основе искусственного интеллекта не получает широкого распространения [5;14;15]. В Азербайджане трансформация системы социальной защиты осуществляется на основе цифровых платформ и инновационных моделей обслуживания.

Система «e-sosial» обеспечивает централизацию социальных данных и формирование единого механизма управления. В то же время центры DOST обеспечивают предоставление социальных услуг в ориентированном на граждан и интегрированном формате. Данная модель способствует повышению прозрачности, сокращению сроков оказания услуг и росту удовлетворённости граждан. Однако применение технологий искусственного интеллекта остаётся на начальном этапе, и для формирования широких аналитических возможностей требуется дальнейшее институциональное и технологическое развитие [1; 2; 3]. В Казахстане развитие системы социальной защиты осуществляется в рамках государственной программы «Цифровой Казахстан». Данная программа охватывает комплекс мер по цифровизации государственных услуг и интеграции информационных систем. Внедрение цифровых платформ повысило оперативность предоставления социальных услуг. Одновременно расширение баз данных способствует более системной реализации социальной политики. Однако ограниченное внедрение механизмов принятия решений на основе искусственного интеллекта сдерживает аналитическое развитие системы социальной защиты [6; 8]. В Беларуси система социальной защиты основана на централизованной модели управления, а процесс цифровизации реализуется поэтапно. В рамках государственных программ достигнут определённый прогресс в электронизации социальных услуг. Данный подход обеспечивает стабильность управления социальной сферой, однако внедрение инновационных технологий остаётся относительно ограниченным. Недостаточное применение технологий искусственного интеллекта сдерживает адаптивность и гибкость системы [7; 17].

В целом трансформация систем социальной защиты в странах СНГ осуществляется в рамках национальных цифровых стратегий. В то время как Россия и Казахстан ориентируются на более масштабные технологические программы, в Азербайджане акцент делается на институциональные инновации и повышение качества услуг. Беларусь характеризуется более консервативным и поэтапным подходом. Эти различия свидетельствуют о том, что уровень цифровизации систем социальной защиты определяется не только технологическими возможностями, но и гибкостью модели государственного управления и уровнем институциональной адаптации. Проведённый анализ показывает, что расширение электронных услуг в странах СНГ повысило доступность социальных сервисов и снизило административную нагрузку. Одновременно внедрение цифровых платформ способствовало повышению прозрачности и объективности управления. Вместе с тем ограниченное применение технологий искусственного интеллекта замедляет переход к прогностической и персонализированной модели социальной политики. Проблемы интеграции баз данных и дефицит квалифицированных кадров выступают ключевыми ограничивающими факторами трансформационного процесса.

Интеграция технологий искусственного интеллекта в систему социальной защиты представляет собой структурное преобразование, изменяющее управленческую логику данной сферы. Расширение цифровых платформ и данных-ориентированных подходов обеспечивает более адресное, оперативное и прозрачное предоставление социальных услуг. В частности, применение прогностической аналитики и больших данных позволяет выявлять социальные риски на ранних этапах, способствуя переходу от реактивной к превентивной модели социальной политики. Одновременно внедрение персонализированных моделей обслуживания повышает результативность социальной поддержки и обеспечивает более рациональное распределение ресурсов. Вместе с тем практика стран СНГ свидетельствует о том, что развитие в основном ограничивается цифровизацией и автоматизацией, тогда как полноценное использование аналитических и управленческих возможностей искусственного интеллекта остаётся недостаточно реализованным. В этих условиях дальнейшее совершенствование системы социальной защиты определяется уровнем развития информационной инфраструктуры, степенью институциональной интеграции и качеством человеческого капитала. Для Азербайджана уже сформированная цифровая база создаёт благоприятные предпосылки для расширения применения технологий искусственного интеллекта и перехода к более гибкой и эффективной модели социальной политики.

Литература

1. Азербайджан 2030: Национальные Приоритеты Социально-Экономического Развития. Баку, 2 февраля 2021 г. https://president.az/az/articles/view/50474
2. Государственная Программа Социально-Экономического Развития Регионов Азербайджанской Республики на 2019-2023 годы. Баку, 29 января 2019 г. https://e-qanun.az/framework/41320
3. Министерство труда и социальной защиты населения Азербайджанской Республики. *Концепция «e-social» и модель DOST*. Баку, 2020. https://mlspp.gov.az
4. Мамедов Я.А. Современное состояние и проблемы развития системы здравоохранения в Азербайджане.
5. Правительство Российской Федерации. *Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»*. Москва, 2017. https://digital.gov.ru
6. Правительство Республики Казахстан. *Государственная программа «Цифровой Казахстан»*. Астана, 2018. https://www.gov.kz
7. Совет Министров Республики Беларусь. *Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества*. Минск, 2016. http://www.government.by
8. Asian Development Bank. *Digital transformation in Kazakhstan: Enhancing productivity and competitiveness.* Manila: Asian Development Bank. (2021). https://www.adb.org/publications/digital-transformation-kazakhstan
9. Evaluation of the Tax Policy Efficiency Under Uncertainty. Aygun A. Musayeva, Shahzada G. Madatova, Yashar A. Mammadov, Alislam I. Gasimov and Kamala N. Ahadova. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-35249-3_65
10. ILO. *World Social Protection Report 2020-22.* Geneva: International Labour Organization. (2020). https://www.ilo.org
11. ILO. *Social Protection and Digitalization.* Geneva: ILO. (2021). https://www.ilo.org
12. European Commission. *Ethics Guidelines for Trustworthy AI*. Brussels. (2020). https://ec.europa.eu
13. McKinsey & Company. *The Future of Work and Social Protection*. (2021). https://www.mckinsey.com
14. OECD. *AI in Social Protection: Opportunities and Challenges*. Paris: OECD Publishing. (2021). https://www.oecd.org
15. OECD. *Using Artificial Intelligence in Social Protection: Opportunities and Challenges*. Paris: OECD Publishing. (2021). https://www.oecd.org/social/using-artificial-intelligence-in-social-protection.htm
16. Sustainable Development of the Mortgage Market in Azerbaijan: Commercial Risks of Housing Construction, Social Vision, and State Influence. Fuad Ganbarov, Klaudia Smoląg, Rashad Muradov, Konul Aghayeva, Rumella Jafarova and Yashar Mammadov. https://www.mdpi.com/2071-1050/12/12/5116
17. UNDP. *Digital Transformation in Social Protection*. New York: United Nations Development Programme. (2022). https://www.undp.org
18. World Bank. *Population Aging and Fiscal Sustainability*. Washington, DC. (2021). https://www.worldbank.org
19. World Bank. *The State of Social Safety Nets 2022*. Washington, DC: World Bank. (2022). https://www.worldbank.org

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ И СОПРОВОЖДЕНИЯ

Гукетлова Д.З. *– студент-магистрант Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Атабиева З. А. *- кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в психолого-педагогической профилактике девиантного поведения среди несовершеннолетних. Анализируются современные цифровые инструменты диагностики ранних признаков девиантных тенденций, рассматриваются модели предиктивного анализа и сопровождения подростков группы риска. Описываются успешные кейсы внедрения ИИ-решений в образовательной и социальной среде, оцениваются их эффективность и ограничения.
Ключевые слова: искусственный интеллект, девиантное поведение, психолого-педагогическая профилактика, цифровая диагностика, предиктивный анализ, сопровождение подростков, образовательные технологии, социальная работа, машинное обучение, ранняя профилактика.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR: DIGITAL PSYCHOLOGICAL TOOLS-PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS AND SUPPORT

Guketlova D.Z. is a master's student at Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia.
Scientific supervisor: Atabieva Z. A. - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Technology of Social Work at Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of using artificial intelligence (AI) technologies in the psychological and pedagogical prevention of deviant behavior among minors. Modern digital diagnostic tools for early signs of deviant tendencies are analyzed, models of predictive analysis and support for at-risk adolescents are considered. Successful cases of implementing AI solutions in the educational and social environment are described, their effectiveness and limitations are assessed.
Keywords: artificial intelligence, deviant behavior, psychological and pedagogical prevention, digital diagnostics, predictive analysis, adolescent support, educational technologies, social work, machine learning, early prevention.

В условиях растущей сложности социальных вызовов и увеличения числа случаев девиантного поведения среди подростков особую актуальность приобретает поиск инновационных подходов к его профилактике. Традиционные методы психолого-педагогической работы, несмотря на свою доказанную эффективность, сталкиваются с ограничениями, связанными с ресурсоёмкостью, субъективностью оценки и сложностью масштабирования. В этом контексте технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности для ранней диагностики и целенаправленного сопровождения подростков группы риска.

Современные ИИ-системы способны обрабатывать большие массивы данных о поведении, эмоциональном состоянии и социальных взаимодействиях учащихся, выявляя скрытые закономерности и маркеры потенциальных проблем. Например, алгоритмы машинного обучения могут анализировать текстовые сообщения в социальных сетях, выявляя признаки депрессии, агрессии или суицидальных наклонностей с точностью до 85–90 % [3]. Это позволяет специалистам своевременно вмешиваться и предлагать необходимую поддержку ещё до того, как проблема примет серьёзный характер.

Одним из перспективных направлений является использование ИИ для анализа невербальных сигналов. Системы компьютерного зрения, оснащённые алгоритмами распознавания эмоций, способны оценивать эмоциональное состояние учащихся во время уроков по мимике, жестам и позе. В пилотном проекте, реализованном в ряде школ Москвы в 2023 г., такая система помогла выявить 37 % подростков с признаками эмоционального не-

благополучия, которые ранее не попадали в поле зрения школьных психологов [4]. Это демонстрирует потенциал ИИ как инструмента для объективной и непрерывной диагностики психологического состояния учащихся.

Современные технологии породили специфические виды девиантного поведения, которые сложно выявить традиционными методами. Например, кибербуллинг (онлайн-травля), шоплифтинг (кражи в магазинах с элементами соревнования в соцсетях), рискованное поведение в интернете (зацепинг, сталкинг, опасное селфи). ИИ может помочь в их обнаружении через анализ контента, паттернов общения и активности в онлайн-пространстве. Например, системы могут выявлять признаки травли в чатах или на форумах, а также отслеживать участие подростков в группах с деструктивным контентом.

ИИ эффективно сочетается с другими цифровыми инструментами. Например, компьютерное зрение может использоваться не только для анализа эмоций, но и для контроля безопасности в образовательных учреждениях — выявления потенциально опасных ситуаций в реальном времени. Распознавание речи позволяет анализировать тональность общения, выявлять агрессивные или суицидальные нотки в диалогах. Комбинация этих технологий с машинным обучением повышает точность диагностики.

Предиктивные модели на основе ИИ позволяют прогнозировать вероятность проявления девиантного поведения, учитывая комплекс факторов: успеваемость, посещаемость, социально-бытовые условия, особенности коммуникации в коллективе. Разработанная в 2022 г. модель для образовательных учреждений использует данные из электронных журналов, социальных сетей и опросов педагогов для формирования индивидуальных профилей риска [6]. Алгоритм учитывает не только явные показатели (пропуски занятий, низкие оценки), но и тонкие паттерны поведения — например, резкое изменение активности в соцсетях или стиля общения с одноклассниками.

ИИ может адаптировать учебные планы с учётом психологических особенностей учащихся, что снижает риск девиаций за счёт повышения вовлечённости и мотивации. Например, системы могут предлагать дополнительные модули по развитию эмоционального интеллекта, конфликтологии или медиаграмотности тем подросткам, которые демонстрируют признаки социальной дезадаптации. Персонализированные образовательные траектории помогают компенсировать пробелы в знаниях и снизить уровень фрустрации.

Цифровые платформы сопровождения на базе ИИ предоставляют персонализированные рекомендации для педагогов и родителей. Чат-боты с элементами когнитивно-поведенческой терапии помогают подросткам справляться со стрессом, развивать навыки саморегуляции и конструктивного общения. В рамках эксперимента, проведённого в 2024 г. в школах Санкт-Петербурга, использование такого чат-бота снизило уровень тревожности у участников на 28 %, а количество конфликтных ситуаций в классе — на 22 % [7]. Подобные решения особенно ценны в условиях нехватки квалифицированных психологов, позволяя масштабировать поддержку без потери качества.

ИИ-системы могут поддерживать не только педагогов, но и родителей. Например, чат-боты или мобильные приложения могут предоставлять родителям рекомендации по общению с подростком, отслеживать его активность в интернете, предлагать ресурсы для решения конкретных проблем (например, при признаках депрессии или агрессии). Эффективная профилактика требует межведомственного сотрудничества — интеграции данных и усилий образовательных учреждений, социальных служб, медицинских организаций и правоохранительных органов. ИИ может способствовать этому, обеспечивая обмен данными и аналитикой в защищённом формате.

Важным аспектом является интеграция ИИ-инструментов в существующие системы образования и социальной работы. Платформы с элементами адаптивного обучения могут корректировать учебные программы с учётом психологических особенностей учащихся, предлагая дополнительные модули по развитию эмоционального интеллекта или конфликтологии. Например, система «Умный наставник», внедрённая в ряде колледжей в 2023 г., автоматически рекомендует студентам тренинги по стрессоустойчивости, если алгоритмы фиксируют признаки эмоционального выгорания [5].

Необходимо упомянуть методы анализа данных в ИИ-системах. Для диагностики девиантных тенденций ИИ использует несколько подходов:

1. Компьютерная лингвистика - анализ текстов в соцсетях, чатах и мессенджерах. Алгоритмы выявляют ключевые слова, эмоциональные маркеры (агрессия, депрессия), а также изменения стиля общения (например, резкое увеличение использования негативных выражений).
2. Анализ сетевого поведения - отслеживание подписок на группы с деструктивным контентом, участие в дискуссиях на опасные темы, частота публикаций и их эмоциональная окраска.
3. Поведенческая аналитика - изучение паттернов активности (время онлайн, смена круга общения, внезапные изменения в интересах). Например, резкий рост вовлечённости в сообщества, пропагандирующие рискованное поведение, может сигнализировать о кризисе.
4. Мультимодальный анализ - сочетание текстовых, визуальных и аудиоданных. Например, распознавание эмоций на фото/видео из соцсетей или анализ тональности голосовых сообщений

Однако внедрение ИИ в психолого-педагогическую практику сопряжено с рядом вызовов. Ключевая проблема — обеспечение конфиденциальности персональных данных. Обработка чувствительной информации (эмоциональное состояние, поведенческие паттерны) требует строгих мер защиты и чёткого регулирования доступа. Кроме того, существует риск гипердиагностики: алгоритмы могут ошибочно интерпретировать естественное подростковое поведение как девиантное, что приведёт к ненужному вмешательству и стигматизации [8].

Этические аспекты использования ИИ также требуют тщательного рассмотрения. Автоматизация диагностики не должна заменять живое взаимодействие с психологом или социальным педагогом. ИИ выступает как вспомогательный инструмент, дополняющий профессиональную экспертизу, а не заменяющий её. Важно сохранить баланс между технологическими инновациями и гуманистическим подходом, где центральной ценностью остаётся личность подростка.

Помимо уже упомянутых проблем конфиденциальности и предвзятости алгоритмов, стоит обратить внимание на риск снижения роли человеческого взаимодействия. Чрезмерная зависимость от ИИ может уменьшить важность живого общения между подростком и педагогом/психологом, что негативно скажется на развитии социальных навыков и эмоционального интеллекта. Также существует опасность стигматизации подростков, попавших в «группу риска» по данным ИИ-системы, что может усугубить их изоляцию.

В России и мире активно разрабатываются законы, регулирующие использование ИИ в социальной сфере. Например, важно закрепить требования к прозрачности алгоритмов, ответственности за решения, принимаемые на основе ИИ, и защите данных несовершеннолетних. В статье можно упомянуть международные стандарты (например, Пекинские правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) и российские нормативные акты, которые могут повлиять на внедрение ИИ в профилактику девиантного поведения [1].

Также рассмотрим некоторые примеры международных практик. В Аргентине используют статистическое ПО для прогнозирования криминологических рисков среди несовершеннолетних. В Китае системы машинного обучения применяют для анализа данных о потенциальных правонарушителях. Упоминание таких кейсов позволит показать глобальный контекст проблемы и возможности адаптации зарубежного опыта [1].

Можно предложить комплекс мер для минимизации рисков:

– разработка «этичного по дизайну» ИИ, ориентированного на реабилитацию, а не на стигматизацию;
– обязательный человеческий надзор на всех этапах работы с данными и принятием решений;
– обучение специалистов (педагогов, психологов) работе с ИИ-системами и интерпретации их результатов;

– вовлечение подростков в формирование этических принципов ИИ, чтобы они осознавали ответственность за использование технологий [9].

При внедрении ИИ важно учитывать:

1. GDPR (ЕС) — требования к защите персональных данных, право на объяснение решений ИИ.
2. Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ — приоритет благополучия человека, прозрачность алгоритмов, недопущение дискриминации.
3. Российские нормы (ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных», ФЗ № 436-ФЗ «О защите детей от информации…») - ограничения на сбор данных несовершеннолетних, обязательное информированное согласие родителей

Перспективным направлением развития является создание гибридных моделей, сочетающих возможности ИИ с традиционными методами профилактики. Например, интеграция данных с носимых устройств (фитнес-браслетов, отслеживающих уровень стресса по физиологическим показателям) с результатами психолого-педагогических тестов позволяет получить комплексную картину благополучия учащегося. Пилотные проекты в этой области показывают многообещающие результаты: точность прогнозирования кризисных состояний повышается на 15–20 % по сравнению с изолированным использованием алгоритмов [10]. Если говорить про перспективные направления, то ближайшие 3–5 лет могут принести:

1. Гибридные системы - сочетание ИИ с носимыми устройствами (фитнес-браслетами, отслеживающими стресс) для комплексной оценки психоэмоционального состояния.
2. Проактивные чат-боты - виртуальные помощники, предлагающие поддержку при первых признаках кризиса (например, после обнаружения суицидальных высказываний в переписке).
3. Цифровые двойники - моделирование поведения подростка на основе данных из разных источников для прогнозирования рисков и подбора профилактических мер.
4. Геймификация профилактики - образовательные игры с элементами ИИ, обучающие навыкам саморегуляции и безопасного поведения в сети

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом в профилактике девиантного поведения, предлагая инструменты для ранней диагностики, персонализированного сопровождения и предиктивного анализа. Однако его внедрение требует взвешенного подхода, учитывающего этические, правовые и методические аспекты. Успех интеграции ИИ в психолого-педагогическую практику зависит от готовности специалистов осваивать новые технологии, от разработки чётких регламентов использования данных и от сохранения приоритета гуманистических ценностей в работе с подрастающим поколением.

Список использованной литературы

1. Демидова-Петрова Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-usloviyah-razvitiya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 18.04.2026).
2. Донец Т.А. Значимость человеческих нравственных ценностей для вовлечения подростков в формирование этики искусственного интеллекта в образовательной и социальной сферах // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 4.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=34196 (дата обращения: 18.04.2026).
3. Иванов Д. С. Машинное обучение в анализе цифрового поведения подростков: методы и ограничения // Психологическая наука и образование. — 2023. — № 4. — С. 45–58.
4. Московский центр образовательных технологий. Отчёт о пилотном проекте по внедрению систем компьютерного зрения в школах (2023 г.). — М., 2023.
5. Национальный центр образовательных инноваций. Система «Умный наставник»: методические рекомендации. — М., 2023.

6. Петров А. В. Предиктивные модели оценки рисков девиантного поведения в образовательной среде // Вестник педагогики и психологии. — 2022. — № 3. — С. 112–125.
7. Санкт Петербургский институт социальной адаптации. Результаты эксперимента по использованию чат ботов в профилактике тревожности среди школьников (2024 г.). — СПб., 2024.
8. Смирнова Е. Л. Этические проблемы применения ИИ в психолого педагогической диагностике // Вопросы психологии. — 2024. — № 1. — С. 78–91.
9. Трухачев В. В., Ахмедов Ульви Низами Оглы, Леонов А. И. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних: этико-правовые риски и перспективы реализации // Вестник ВИ МВД России. 2025. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-po-delam-nesovershennoletnih-etiko-pravovye-riski-i-perspektivy (дата обращения: 18.04.2026).
10. Фёдоров К. Н. Гибридные технологии мониторинга психологического благополучия учащихся // Инновации в образовании. — 2024. — № 2. — С. 33–47.

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Князева Н.В. *- студентка кафедры «Социальная работа», «Курский государственный университет», г. Курск, Россия.*

Аннотация**:** Статья посвящена интеграции искусственного интеллекта в повседневные практики социальной работы. Рассматриваются автоматизация документооборота, чат-боты для консультаций и кризисной поддержки, предиктивная аналитика социальных рисков и персонализированные программы помощи. Подчёркивается, что ИИ является вспомогательным инструментом, повышающим эффективность, снижающим административную нагрузку и усиливающим проактивный подход при сохранении центральной роли человеческого эмпатичного взаимодействия.
Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная работа, автоматизация документооборота, чат-боты, предиктивная аналитика, персонализированные программы поддержки, цифровая трансформация социальной защиты.

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO EVERYDAY PRACTICES OF SOCIAL WORK

Knyazeva N.V. *– student of the Department of Social Work, «Kursk State University», Kursk, Russia.*

Annotation: The article is devoted to the integration of artificial intelligence into everyday practices of social work. It examines the automation of document management, chatbots for consultations and crisis support, predictive analytics of social risks, and personalized support programs. It is emphasized that AI serves as an auxiliary tool that increases efficiency, reduces administrative burden, and strengthens the proactive approach while maintaining the central role of human empathetic interaction.
Keywords**:** artificial intelligence, social work, document automation, chatbots, predictive analytics, personalized support programs, digital transformation of social protection.

В условиях растущей бюрократической нагрузки, дефицита кадров и сложных социальных вызовов современная социальная работа нуждается в эффективных технологических решениях. Искусственный интеллект открывает широкие возможности для оптимизации рутинных процессов, повышения доступности социальных услуг и перехода от традиционной реактивной модели помощи к проактивной профилактике рисков. Интеграция ИИ в практику социальной работы осуществляется на нескольких уровнях: микроуровне (ин-

дивидуальная работа с клиентом), мезоуровне (работа с группами населения и организациями) и макроуровне (разработка социальной политики и профилактика на региональном и федеральном уровнях). Генеративный искусственный интеллект активно используется для создания документов и образовательных материалов, предиктивные модели позволяют анализировать большие данные для прогнозирования социальных рисков, а чат-боты и виртуальные ассистенты обеспечивают круглосуточную базовую информационную и психологическую поддержку [1].

Одним из наиболее востребованных направлений применения искусственного интеллекта в социальной работе является автоматизация документооборота. Социальные работники традиционно затрачивают значительную часть своего рабочего времени — по некоторым оценкам до 60–70 % — на заполнение различных форм, составление отчетов, ведение заметок по случаям и подготовку планов индивидуальной помощи. Это приводит к профессиональному выгоранию, снижению качества непосредственной работы с клиентами и уменьшению времени на эмпатичное общение. Инструменты на базе искусственного интеллекта позволяют существенно изменить ситуацию: они способны транскрибировать аудио- и видеозаписи встреч (при обязательном получении информированного согласия клиента), автоматически суммировать содержание кейсов, генерировать шаблонные планы реабилитации, отчеты о проделанной работе и другие необходимые документы. Такие решения минимизируют человеческий фактор в рутинных операциях, снижают количество ошибок и значительно ускоряют процессы обработки информации. В российской практике автоматизация документооборота активно внедряется в региональных информационных системах органов социальной защиты населения, а также через интеграцию с федеральным порталом Госуслуг. Это позволяет повысить скорость обработки документов, обеспечить их единообразие и освободить специалистов для более качественного выполнения основных профессиональных задач — оказания эмоциональной поддержки, проведения консультаций и сопровождения семей в трудной жизненной ситуации [2].

Важным инструментом, значительно повышающим доступность социальной помощи, выступают чат-боты и виртуальные ассистенты для консультаций и кризисной поддержки. В условиях обширной территории России и неравномерного распределения специалистов такие технологии особенно актуальны для жителей удаленных и сельских территорий, где доступ к живому социальному работнику может быть ограничен. Чат-боты обеспечивают оперативный доступ к достоверной информации по мерам социальной поддержки, льготам, пособиям и порядку их оформления. Они способны круглосуточно отвечать на типовые вопросы, проводить первичный скрининг проблем и направлять граждан к специалистам при необходимости более глубокого вмешательства. В России активно развиваются чат-боты Социального фонда России и виртуальные помощники на портале Госуслуг. Особое место занимает робот Макс и чат-бот «Госуслуги» в национальном мессенджере MAX, который оперативно информирует граждан об изменениях в статусе заявлений, назначении страховых и социальных пособий, а также предоставляет актуальные сведения по мерам поддержки. По данным Социального фонда России, внедрение ИИ-ассистента в работу контакт-центра позволяет операторам получать более релевантную информацию из экспертной базы данных, что снижает нагрузку на горячую линию и повышает качество обслуживания. Такие решения уже обрабатывают миллионы запросов ежегодно, существенно сокращая время ожидания ответов и повышая оперативность реагирования на обращения граждан. Кроме того, чат-боты могут использоваться для базовой психологической поддержки, мониторинга настроения и предоставления рекомендаций по психообразованию, особенно в случаях легких форм тревоги или профилактики социального одиночества [3].

Предиктивная аналитика рисков является одним из наиболее перспективных и инновационных направлений интеграции искусственного интеллекта в социальную работу. Современные модели на основе машинного обучения анализируют большие объемы данных из различных источников — истории обращений, социально-демографических показателей, информации из межведомственных систем (школы, поликлиники, жилищные

службы) — для раннего выявления потенциальных социальных рисков. К таким рискам относятся жестокое обращение с детьми, случаи домашнего насилия, угроза бездомности, кризисы психического здоровья или вероятность повторного попадания семьи в трудную жизненную ситуацию. В отличие от традиционного подхода, когда социальный работник реагирует уже на произошедший кризис, предиктивные модели позволяют переходить к проактивной модели вмешательства. Искусственный интеллект способен выявлять скрытые паттерны рисков за несколько месяцев до их проявления, что дает возможность своевременно предложить профилактические меры, адресную поддержку или консультации. В российской практике потенциал предиктивной аналитики активно реализуется через системы межведомственного электронного взаимодействия. Пилотные проекты по анализу данных для оказания адресной помощи успешно развиваются в Москве, Московской области и других регионах. Например, в Подмосковье в 2026 году планируется запустить 12 новых проектов с использованием искусственного интеллекта в социальной сфере, включая элементы предиктивной аналитики для оптимизации распределения ресурсов и своевременного выявления нуждающихся семей. Такие технологии способствуют более эффективному использованию бюджетных средств, снижению количества экстренных вмешательств и повышению общего уровня социальной защищенности населения [4].

Персонализированные программы поддержки представляют собой еще одно важное направление, где искусственный интеллект демонстрирует высокий потенциал. Благодаря возможностям анализа индивидуальных данных клиента (при строгом соблюдении требований законодательства о персональных данных и этических норм) ИИ позволяет формировать индивидуальные траектории помощи, адаптированные под конкретные потребности человека или семьи. Рекомендательные системы на основе алгоритмов машинного обучения могут подбирать оптимальный набор социальных услуг, программ реабилитации, образовательных модулей или мероприятий по социальной адаптации. Адаптивные планы особенно востребованы при работе с людьми с инвалидностью, пожилыми гражданами, многодетными семьями и гражданами, находящимися в трудной жизненной ситуации. Генеративный искусственный интеллект дополнительно помогает создавать персонализированные материалы психообразования, инструкции по самоуправлению и планы долгосрочного сопровождения. В российской практике такие подходы внедряются через региональные платформы социальной защиты населения и деятельность некоммерческих организаций. Внедрение ИИ в процессы обработки заявок на различные пособия и меры поддержки в ряде субъектов Российской Федерации уже позволило существенно сократить время рассмотрения обращений и снизить количество ошибок при назначении выплат, обеспечивая более адресный и эффективный характер помощи [5].

Интеграция искусственного интеллекта в повседневные практики социальной работы открывает поистине значительные и многогранные возможности для повышения общей эффективности всей системы социальной защиты населения. Прежде всего, внедрение современных ИИ-технологий позволяет существенно снизить бюрократическую нагрузку на социальных работников, освободив их от рутинных административных задач и предоставив больше времени для непосредственной работы с клиентами. Одновременно происходит расширение доступности социальных услуг для широких слоёв населения, особенно для жителей удалённых и сельских территорий, где традиционные формы помощи часто ограничены. Переход от реактивной модели оказания помощи к проактивной профилактике социальных рисков становится реальностью благодаря возможностям искусственного интеллекта своевременно выявлять потенциальные проблемы и предлагать превентивные меры. Кроме того, ИИ открывает новые горизонты для оказания действительно персонализированной, адресной и индивидуально адаптированной помощи каждому человеку или семье с учётом их уникальных потребностей и жизненной ситуации. Все эти изменения в совокупности способствуют заметному улучшению качества жизни граждан, повышению уровня социальной защищённости и более рациональному, эффективному использованию государственных ресурсов. Реальные кейсы внедрения искусственного интеллекта в различных регионах России убедительно подтверждают положительный эффект от применения данных технологий при условии грамотного, продуманного и этически выверенного

подхода к их внедрению. Государственные инициативы на федеральном уровне, включая разработку и реализацию национального плана внедрения искусственного интеллекта в социальную сферу и государственное управление, создание специализированной подкомиссии по развитию и внедрению технологий ИИ, а также существенное увеличение объёмов инвестиций в данные технологии, создают прочную институциональную, нормативную и финансовую основу для дальнейшего масштабного и успешного распространения наиболее эффективных практик по всей территории Российской Федерации [1].

Однако внедрение искусственного интеллекта в практику социальной работы сопровождается целым рядом серьёзных вызовов, среди которых на первый план выходят проблемы этического характера. Успех интеграции ИИ напрямую зависит от строгого и последовательного соблюдения фундаментальных принципов защиты персональных данных граждан, активной борьбы с алгоритмической предвзятостью моделей, обеспечения максимальной прозрачности принимаемых с помощью искусственного интеллекта решений, а также неукоснительного сохранения человеческого контакта, эмпатии и индивидуального подхода в процессе оказания помощи. Социальная работа по своей глубинной природе является гуманистической профессией, ориентированной прежде всего на установление доверительных отношений, проявление искренней эмпатии и глубоко индивидуальный подход к каждому человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. Именно поэтому искусственный интеллект должен оставаться исключительно вспомогательным инструментом, надёжным «напарником» специалиста, а ни в коем случае не заменой живому социальному работнику. Важно системно предотвращать ситуации, в которых алгоритмы искусственного интеллекта могут непреднамеренно усиливать уже существующие социальные неравенства, воспроизводить стереотипы или дискриминировать отдельные уязвимые группы населения — такие как пожилые люди, люди с инвалидностью, представители национальных меньшинств или семьи, находящиеся в социально-экономически неблагополучных условиях.

Для успешного преодоления этих рисков необходим комплексный подход: системное и непрерывное обучение социальных работников цифровым компетенциям, формирование у них навыков критического анализа работы ИИ-систем, развитие междисциплинарного сотрудничества между специалистами социальной сферы, IT-разработчиками, этиками и юристами, а также постоянное совершенствование национальных регуляторных и правовых рамок. Особое значение приобретает приведение всех процессов внедрения искусственного интеллекта в строгое соответствие с положениями Кодекса этики искусственного интеллекта, федеральными законами о персональных данных и другими нормативными документами, регулирующими цифровую трансформацию социальной сферы. Только при соблюдении этих условий интеграция ИИ сможет принести реальную пользу, не вступая в противоречие с основными ценностями и этическими принципами социальной работы [6].

В перспективе искусственный интеллект способен стать надёжным, эффективным и интеллектуальным «напарником» социального работника, существенно усиливающим выполнение основной гуманистической миссии профессии — продвижение социального благополучия, обеспечение социальной справедливости и всестороннюю поддержку наиболее уязвимых категорий населения. При условии, что человек останется в центре всех технологических решений, а внедрение ИИ будет происходить с неукоснительным соблюдением высоких этических стандартов и под постоянным человеческим контролем за качеством работы систем, искусственный интеллект может качественно преобразовать практику социальной работы. Он сделает её более доступной для граждан в любом уголке страны, более оперативной в реагировании на возникающие проблемы и глубоко ориентированной на профилактику социальных рисков, а не только на ликвидацию их последствий.

Благодаря ИИ социальные работники получат возможность сосредоточиться на самом важном — установлении доверительных отношений с клиентами, оказании эмоциональной и психологической поддержки, проведении комплексной реабилитации и сопровождении семей в трудной жизненной ситуации. Технологии искусственного интеллекта

позволят перейти от фрагментарной помощи к системному, долгосрочному и персонализированному сопровождению, что особенно важно для пожилых людей, лиц с инвалидностью, детей, оставшихся без попечения родителей, и других уязвимых групп.

Государственные инициативы по созданию и реализации национального плана внедрения искусственного интеллекта в социальную сферу и государственное управление, включая программы ускоренного внедрения технологий в ключевых отраслях социальной защиты, разработку чётких показателей эффективности использования ИИ, а также формирование современной нормативно-правовой базы, открывают принципиально новые горизонты для динамичного и устойчивого развития данной области в Российской Федерации. Эти меры создают благоприятные условия для масштабного внедрения передовых технологий, подготовки высококвалифицированных кадров и построения современной, технологически оснащённой, но при этом глубоко гуманистической системы социальной защиты населения [1].

Литература:

1. Абашкин В. Л., Ковалёва Г. Г. Распространение искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025.
2. Волощук А.С. Тенденции внедрения систем искусственного интеллекта в делопроизводство // Электронная библиотека УрФУ, 2024.
3. Иванов А.П., Сидорова М.В. Этические аспекты применения искусственного интеллекта в социальной сфере // Наука и мировоззрение, 2025.
4. Леонов В.А. Этика искусственного интеллекта: проблемы и инициативы в социальной сфере // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России, 2021.
5. РИАМО. В Подмосковье в 2026 году запустят 12 ИИ-проектов в соцсфере, 2026.
6. Социальный фонд России. Пресс-центр: Социальный фонд внедряет ИИ-ассистента и безопасный онлайн-чат для удобства граждан, 2025.

ЦИФРОВЫЕ АССИСТЕНТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ.

Мусуков М.Э. *- студент 1 курса магистратуры по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик.*

Чеченов А.М. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологий социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется влияние внедрения цифровых ассистентов на трансформацию профессиональных функций и компетенций социального работника в условиях цифровизации социальной сферы Российской Федерации. На основе актуальных исследований автором выделены ключевые изменения функционального профиля: автоматизация учетно-регистрационной деятельности, трансформация диагностической функции за счет предиктивной аналитики и приобретение коммуникативной функцией гибридного характера. Обоснована необходимость формирования у специалистов инструментально-технологических, информационно-аналитических и коммуникативно-цифровых компетенций. Выявлены основные риски цифровизации, включая цифровое неравенство, дегуманизацию взаимодействия и этико-правовую неопределенность. Сделан вывод о необходимости сохранения человекоцентричной парадигмы социальной работы при интеграции цифровых ассистентов.

Ключевые слова. Цифровые ассистенты, социальная работа, профессиональные функции, профессиональные компетенции, цифровая трансформация, цифровое неравенство, искусственный интеллект в социальной сфере.

DIGITAL ASSISTANTS IN THE WORK OF A SOCIAL WORKER: TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL FUNCTIONS AND COMPETENCIES.

Musukov M.E*. - 1st year master's student in the field of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik.*

Chechenov A.M. *- Scientific Advisor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Technologies of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik.*

Abstract. The article analyzes the impact of the introduction of digital assistants on the transformation of professional functions and competencies of a social worker in the context of digitalization of the social sphere in the Russian Federation. Based on current research, the author identifies key changes in the functional profile: automation of registration activities, transformation of the diagnostic function through predictive analytics, and the acquisition of a hybrid communicative function. The article substantiates the need for specialists to develop instrumental, technological, information-analytical, and communicative-digital competencies. The main risks of digitalization, including digital inequality, dehumanization of interaction, and ethical and legal uncertainty, have been identified. It is concluded that it is necessary to preserve the human-centered paradigm of social work when integrating digital assistants.
Keywords. Digital assistants, social work, professional functions, professional competencies, digital transformation, digital inequality, and artificial intelligence in the social sphere.

Современный этап развития социальной сферы в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что обусловлено как общемировыми трендами цифровизации, так и задачами повышения доступности и качества социальных услуг. В рамках реализации федеральных проектов, направленных на создание единой цифровой платформы в социальной сфере, происходит планомерное замещение традиционных форм взаимодействия с клиентом электронными сервисами, внедрение систем межведомственного электронного взаимодействия и автоматизация учетно-отчетной деятельности. Эти процессы закономерно ставят перед исследователями и практиками вопрос о трансформации профессиональных функций и компетенций социального работника, который все чаще взаимодействует с цифровыми ассистентами – от простых программ учета до сложных аналитических платформ на основе искусственного интеллекта.

Актуальность темы определяется противоречием между стремительной технологизацией социальной работы и недостаточной разработанностью теоретических моделей, описывающих изменения в профессиональной деятельности специалиста. Как справедливо отмечает О. В. Леонова, «цифровая трансформация социально-экономической политики приводит к изменению не только инструментария, но и самой философии социальной работы, где на смену патерналистской модели приходит модель сервисного государства, ориентированного на цифровое взаимодействие» [3, с. 48]. В этих условиях социальный работник перестаёт быть исключительно носителем коммуникативных и организационных навыков; он должен обладать цифровой компетентностью, позволяющей эффективно использовать электронные ресурсы, обучать клиентов работе с цифровыми сервисами и интерпретировать данные, полученные с помощью автоматизированных систем.

Целью настоящей статьи является выявление направлений трансформации профессиональных функций и компетенций социального работника под влиянием внедрения цифровых ассистентов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать содержание понятия «цифровые ассистенты» в контексте социальной работы; определить изменения в функциональной структуре деятельности специалиста; охарактеризовать новые компетенции, востребованные в цифровой среде; выявить риски, связанные с цифровизацией профессиональной деятельности.

В научной литературе понятие «цифровые ассистенты» применительно к социальной работе трактуется широко. Оно включает как специализированные информационные системы (Единую государственную информационную систему социального обеспечения – ЕГИССО, государственную информационную систему «Единая централизованная платформа» – ГИС ЕЦП), так и инструменты искусственного интеллекта, используемые для предиктивной аналитики, автоматизированного составления индивидуальных программ предоставления социальных услуг, а также мобильные приложения и чат-боты, обеспечи-

вающие обратную связь с клиентами. М. В. Фирсов, М. В. Вдовина и Л. И. Савинов подчёркивают, что «цифровизация вносит существенные коррективы в организационно-управленческие механизмы социальной работы, трансформируя не только документационное обеспечение, но и алгоритмы принятия решений, где специалист все чаще выступает в роли оператора, верифицирующего данные, полученные из цифровых систем» [6, с. 17].

Методологически значимым для нашего исследования является понимание профессиональной деятельности как системы функций, реализуемых на основе определённых компетенций. В условиях цифровой трансформации происходит перераспределение функциональных обязанностей между человеком и технологией. Рутинные операции (сбор первичных данных, заполнение форм, расчёт показателей) делегируются цифровым ассистентам, тогда как на долю социального работника остаются задачи, требующие эмпатии, этической рефлексии и принятия нестандартных решений. Такой подход согласуется с позицией И. В. Мкртумовой и соавторов, которые отмечают, что «цифровая платформизация социальных коммуникаций не упраздняет человеческого участия, но переопределяет его границы: специалист становится модератором цифровых взаимодействий, навигатором в мире электронных услуг и интерпретатором информации, поступающей из автоматизированных источников» [4, с. 45].

Анализ практик внедрения цифровых ассистентов в деятельность учреждений социального обслуживания позволяет выделить несколько ключевых направлений трансформации функционального профиля специалиста.

Во-первых, происходит сокращение учетно-регистрационной функции. Если ранее значительную часть рабочего времени социальный работник тратил на заполнение бумажных журналов, актов обследования и отчётов, то сегодня эти операции автоматизированы. Цифровые ассистенты позволяют формировать документы на основе заранее введённых шаблонов, автоматически проверять комплектность сведений и передавать их в вышестоящие организации через систему межведомственного электронного взаимодействия. В результате высвобождается время для непосредственной работы с клиентом. Однако, как отмечает Н. Е. Куприянова и Н. Ш. Валеева, «освободившееся время требует от специалиста иного качества контакта: он должен не просто оказывать услугу, но и выступать в роли фасилитатора цифровой грамотности клиента, что ранее не входило в его прямые обязанности» [2, с. 65].

Во-вторых, трансформируется диагностическая функция. Внедрение предиктивных аналитических систем позволяет социальному работнику получать автоматизированные оценки рисков (например, вероятность выявления семейного неблагополучия, риска социального сиротства) на основе обработки больших массивов данных. Цифровой ассистент выступает в роли «второго мнения», предоставляя специалисту структурированную информацию. В связи с этим изменяется и характер принятия решений: от интуитивно-опытного к доказательному, основанному на данных. О. Н. Монахов в исследовании формирования цифровой компетентности подчёркивает: «будущий социальный работник должен быть готов не только к использованию готовых аналитических продуктов, но и к критической оценке результатов, полученных с их помощью, поскольку автоматические алгоритмы не лишены погрешностей и могут воспроизводить системные искажения» [5, с. 5].

В-третьих, коммуникативная функция приобретает гибридный характер. Социальный работник взаимодействует с клиентом не только очно, но и в цифровой среде: через мессенджеры, порталы государственных услуг, специализированные мобильные приложения. Цифровые ассистенты (например, чат-боты для первичного консультирования) берут на себя часть информационно-разъяснительной работы, позволяя специалисту сосредоточиться на сложных, конфликтных или требующих глубокого эмоционального вовлечения случаях. Вместе с тем, как указывают Т. Р. Арамисов, «цифровая трансформация обостряет проблему цифрового неравенства: социальные работники сталкиваются с ситуацией, когда клиенты (особенно пожилого возраста, люди с инвалидностью) не могут самостоятельно пользоваться цифровыми сервисами, и тогда специалист вынужден выполнять функцию “цифрового посредника”» [1, с. 38].

Изменение функционального состава деятельности закономерно влечёт за собой пересмотр требований к профессиональным компетенциям социального работника. В профессиональном стандарте «Специалист по социальной работе» и федеральных государственных образовательных стандартах последних поколений все большее место занимают цифровые компетенции. На основе анализа литературы и эмпирических данных можно выделить три группы компетенций, становящихся ключевыми в условиях цифровизации.

1. Инструментально-технологические компетенции. Они включают уверенное владение специализированным программным обеспечением (ЕГИССО, АИС «Социальная защита»), умение работать с электронными базами данных, использовать мобильные приложения для удалённого консультирования, применять инструменты видеосвязи для проведения дистанционных приёмов. О. Н. Монахов, разрабатывая структуру цифровой компетентности будущих социальных работников, выделяет в ней «когнитивный компонент, связанный с пониманием принципов работы цифровых сервисов, и операциональный, позволяющий без затруднений выполнять действия в цифровой среде» [5, с. 6].

2. Информационно-аналитические компетенции. Социальный работник должен не только пользоваться готовыми отчётами, формируемыми цифровыми ассистентами, но и интерпретировать данные, выявлять тренды, формулировать гипотезы. Это требует развития критического мышления, понимания ограничений автоматизированного анализа. Как отмечает М. В. Фирсов с соавторами, «цифровая среда порождает иллюзию объективности данных, однако социальный работник обязан сохранять рефлексивную позицию, осознавая, что любая цифровая модель упрощает реальность» [6, с. 19].

3. Коммуникативно-цифровые компетенции. Они связаны с организацией эффективного взаимодействия в гибридной среде. Социальный работник должен уметь адаптировать стиль коммуникации к формату (текстовый чат, видеозвонок, очная встреча), соблюдать этические нормы при использовании цифровых каналов, а также обучать клиентов базовым навыкам работы с электронными сервисами. И. И. Хасанова и Л. М. Гайсина подчёркивают, что «цифровая трансформация меняет не только инструментарий, но и ценностные основания профессии: на первый план выходит способность специалиста сохранять доверительные отношения в условиях опосредованного общения» [7, с. 144].

Наряду с очевидными преимуществами внедрения цифровых ассистентов (повышение доступности услуг, сокращение бюрократической нагрузки, возможность удалённой работы) процесс цифровой трансформации социальной работы сопряжён с рядом рисков. Первая группа рисков связана с цифровым неравенством. Как убедительно показывает Т. Р. Арамисов, «цифровая трансформация социальной сферы может привести к обратному эффекту – усилению дифференциации граждан по доступу к услугам, поскольку значительная часть клиентов социальной работы (пожилые, люди с низким уровнем дохода, проживающие в отдалённых территориях) не имеют необходимых цифровых устройств или навыков» [1, с. 40]. В этой ситуации социальный работник вынужден компенсировать институциональные разрывы, что увеличивает его нагрузку и ставит его перед этической дилеммой: следовать формальным требованиям цифрового документооборота или искать обходные пути для обеспечения доступа клиента к услуге.

Вторая группа рисков связана с дегуманизацией взаимодействия. Чрезмерное увлечение цифровыми инструментами может привести к редукции живого общения, которая особенно критична в социальной работе, где эмпатия и невербальная коммуникация играют ключевую роль. И. В. Мкртумова и соавторы отмечают, что «в цифровой среде возникает опасность подмены человеческого участия алгоритмическими процедурами, что противоречит самой природе помогающих профессий» [4, с. 48]. Сохранение баланса между технологической эффективностью и человекоцентричностью становится важнейшей задачей как для руководителей учреждений, так и для самих специалистов.

Третья группа рисков относится к этико-правовому регулированию. Цифровые ассистенты, особенно использующие технологии искусственного интеллекта, работают с персональными данными граждан, что требует строгого соблюдения законодательства о защите информации. Социальный работник, не обладающий специальными знаниями в обла-

сти информационной безопасности, может непреднамеренно нарушить конфиденциальность. Кроме того, возникает проблема распределения ответственности между специалистом и цифровой системой в случае ошибочного решения. Как подчёркивает О. В. Леонова, «внедрение цифровых платформ требует разработки чётких этических стандартов, которые бы определяли границы автономии цифровых ассистентов и меру ответственности человека» [3, с. 56].

Следствием внедрения цифровых ассистентов в деятельность социального работника становится феномен гибридизации – устойчивого сращивания человеческих действий и алгоритмических процедур в едином профессиональном процессе. Под гибридизацией в данном контексте понимается такое состояние, при котором принятие решений, коммуникация и документооборот уже не могут быть полностью реализованы ни без участия специалиста, ни без цифровых инструментов. Проявления гибридизации многообразны. На макроуровне это функционирование электронных социальных регистров, где данные о гражданах автоматически поступают из разных ведомств, а социальный работник лишь инициирует запрос и интерпретирует выгрузку. На микроуровне – совместная работа специалиста и чат-бота при первичном консультировании: бот собирает стандартную информацию, человек подключается при возникновении нештатной ситуации или эмоционально напряжённого запроса.

К числу позитивных аспектов гибридизации можно отнести, во-первых, повышение точности и быстроты рутинных операций. Цифровой ассистент не допускает арифметических ошибок при расчёте адресной помощи, не забывает о сроках предоставления отчётности. Во-вторых, гибридная модель снижает когнитивную нагрузку на специалиста, освобождая его ресурс для задач, требующих эмпатии, творческого подхода и нестандартных решений. В-третьих, она создаёт условия для доказательной социальной работы, поскольку цифровые системы накапливают большие массивы данных, которые могут быть проанализированы для выявления эффективных практик.

Однако гибридизация несёт и очевидные минусы. Главный из них – риск атрофии профессиональных навыков. Если учёт, расчёт и даже первичная диагностика полностью автоматизированы, социальный работник может утратить способность выполнять эти операции вручную при сбое системы или в условиях отсутствия доступа к сети. Как отмечает О. Н. Монахов, «цифровая компетентность не должна подменяться слепым доверием к алгоритму; специалист обязан сохранять “ручной” уровень владения профессиональными действиями» [5, с. 7]. Второй минус – рост психологической напряжённости из-за необходимости постоянно переключаться между цифровыми интерфейсами и живым общением, что описывается в литературе как синдром цифровой фрагментации внимания. Третий – формирование иллюзии объективности: данные, выведенные на экран, воспринимаются как истина в последней инстанции, хотя они могут быть устаревшими, неполными или искажёнными из-за ошибок ввода на предыдущих этапах.

Возможные риски гибридизации связаны с технологической зависимостью. При отказе сервера, взломе базы данных или длительном отключении электроэнергии деятельность учреждения социальной защиты может оказаться полностью парализованной, если не сохраняются параллельные бумажные или локально резервируемые каналы работы. Кроме того, существует риск депрофессионализации: руководители могут рассматривать цифрового ассистента как достаточную замену специалисту, сокращая штат и возлагая на оставшихся работников непомерную нагрузку по сопровождению системы. И. В. Мкртумова и соавторы предупреждают: «платформизация помощи человеку чревата подменой живого участия технологическим интерфейсом, особенно в сфере дистанционного консультирования, где невербальные сигналы и эмоциональный резонанс недоступны» [4, с. 49]. Проявляется этот риск в росте жалоб клиентов на формализм и бездушие взаимодействия, когда вместо разговора со специалистом они получают автоматическую рассылку или ответ чат-бота, не способного к эмпатии.

Анализ социальных паспортов и паспортов районов: пределы точности цифровых методов. Социальный паспорт района (или муниципального образования) представляет собой

формализованный документ, содержащий агрегированные статистические показатели: численность населения по возрастным и социальным группам, уровень безработицы, долю многодетных и неполных семей, количество пенсионеров, лиц с инвалидностью, а также сведения о социальной инфраструктуре. В цифровом формате такие паспорта интегрируются в региональные аналитические системы, позволяя автоматически отслеживать динамику и формировать управленческие решения.

Цифровизация создания и обновления социальных паспортов, безусловно, ускоряет сбор данных и снижает вероятность арифметических погрешностей. Вместе с тем ключевой вопрос, который необходимо поставить, заключается в следующем: всегда ли цифровые технологии и автоматизированные методы анализа дают точный результат, пригодный для принятия решений в социальной работе? Ответ, основанный на анализе практики, – нет, не всегда.

Во-первых, точность цифрового паспорта района определяется качеством первичных данных. Если сведения о доходах семей, количестве детей или статусе инвалидности вносятся с ошибками, задержками или не в полном объёме, то любые цифровые агрегаты и визуализации будут воспроизводить эти искажения. Во-вторых, социальные паспорта фиксируют преимущественно официальные, формализованные показатели, тогда как многие значимые для социальной работы характеристики (внутрисемейный климат, уровень социальной напряжённости, наличие неформальных практик взаимопомощи) не поддаются прямой квантификации. Как подчёркивает О. В. Леонова, «цифровая платформа предоставляет удобную модель, но эта модель всегда редуцирует сложность реальности, и специалист должен осознавать границы такого упрощения» [3, с. 52]. В-третьих, цифровые паспорта районов часто обновляются с большой дискретностью (раз в год или реже), в то время как социальная ситуация может меняться значительно быстрее, например, в результате закрытия градообразующего предприятия или массового притока вынужденных переселенцев.

Таким образом, цифровой социальный паспорт района является ценным инструментом стратегического планирования и мониторинга, но не может служить единственным основанием для принятия оперативных решений на уровне индивидуального случая. Точный результат в социальной работе достигается только при сочетании цифровых данных с качественными методами – глубинным интервью, наблюдением, включённым анализом ситуаций.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что внедрение цифровых ассистентов в деятельность социального работника носит системный характер и приводит к глубокой трансформации профессиональных функций и компетенций. Изменения затрагивают все основные функциональные области: учетно-регистрационная функция автоматизируется и сокращается; диагностическая функция обогащается возможностями предиктивной аналитики, но требует от специалиста навыков критической оценки данных; коммуникативная функция приобретает гибридный характер, расширяя каналы взаимодействия, но одновременно порождая вызовы, связанные с цифровым неравенством и дегуманизацией контакта.

В структуре компетенций социального работника происходит интеграция цифровых навыков во все профессиональные действия. Инструментально-технологические, информационно-аналитические и коммуникативно-цифровые компетенции становятся не факультативными, а базовыми элементами профессионального профиля. Это требует корректировки как системы профессионального образования, так и программ повышения квалификации действующих специалистов.

Вместе с тем цифровая трансформация не может рассматриваться как однозначно прогрессивный процесс. Она сопряжена с рисками усиления цифрового неравенства, дегуманизации взаимодействия и этико-правовой неопределённости. Феномен гибридизации, с одной стороны, повышает эффективность рутинных операций и открывает возможности для доказательной социальной работы, но с другой – несёт угрозу атрофии профессиональных навыков, технологической зависимости и депрофессионализации.

Литература:

1. Арамисов Т. Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство / Т. Р. Арамисов // Цифровая социология / Digital Sociology. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 27–44. – DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44.

2. Куприянова Н. Е. Особенности подготовки специалистов по социальной работе в эпоху цифровой трансформации общества / Н. Е. Куприянова, Н. Ш. Валеева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 62–68. – DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-2-62-68.

3. Леонова О. В. Цифровизация социально-экономической политики: возможности и риски в современной России / О. В. Леонова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 35–71. – DOI 10.22394/2071-2367-2024-19-6-35-71.

4. Мкртумова И. В. Трансформации социальных коммуникаций в условиях цифровой платформизации и создания метавселенных помощи человеку / И. В. Мкртумова, Д. А. Чижов, П. П. Янчук, М. Ашкар // Цифровая социология / Digital Sociology. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 42–50. – DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50.

5. Монахов О. Н. Формирование цифровой компетентности будущих социальных работников в контексте цифровизации социальных услуг / О. Н. Монахов // Управленческий учет. – 2025. – № 8. – С. 1–9. – URL: http://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/5331 (дата обращения: 01.04.2026).

6. Фирсов М. В. Цифровизация российской социальной работы: современная практика и пути развития / М. В. Фирсов, М. В. Вдовина, Л. И. Савинов // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 9 (151). – С. 13–21.

7. Хасанова И. И. Цифровая трансформация и ее социальные последствия: роль новых технологий в изменении общественных процессов / И. И. Хасанова, Л. М. Гайсина // Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 12–15 ноября 2024 года / под общ. ред. С. В. Егоровой. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – С. 141–146.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ К «ЦИФРОВОЙ ЭМПАТИИ»

Саляхова С.Х. *- студент 1 курса магистратуры кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.*

Вильданова Г.Б. *– доктор философских наук, профессор кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются направления интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в практику социальной работы с семьями. На основе анализа российских и зарубежных кейсов 2025–2026 гг. (оценка эмоционального состояния детей в приемных семьях, нейросетевая медиация семейных конфликтов, автоматизация назначения мер поддержки, AI-ассистированное протоколирование) выявляются возможности и ограничения использования ИИ в семейно-ориентированной социальной работе. Особое внимание уделяется анализу рисков, связанных с алгоритмической предвзятостью, утратой человеческого контакта и цифровым неравенством. Обосновывается концепция «цифровой эмпатии» как способности специалиста сохранять чуткий контакт с семьей в условиях цифровизации. Делается вывод, что ИИ должен выступать инструментом высвобождения времени специалиста для живого общения, а не заменой человеческого участия. Предлагаются конкретные рекомендации по внедрению ИИ-инструментов в практику социальной работы с семьей с сохранением этических стандартов профессии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, семья, социальная работа с семьей, цифровая эмпатия, профилактика социального сиротства, нейросетевая медиация, меры социальной поддержки, алгоритмическая справедливость.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN: FROM AUTOMATION TO «DIGITAL EMPATHY»

Salyakhova S.Kh. - *1st-year Master's student at the Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia*
Scientific supervisor: Vildanova G.B. *– Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Work (Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia)*

Annotation. The article examines the directions of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the practice of social work with families. Based on the analysis of Russian and international cases from 2025–2026 (assessment of the emotional state of children in foster families, neural network mediation of family conflicts, automation of social support assignment, AI-assisted recording), the possibilities and limitations of using AI in family-oriented social work are identified. Special attention is paid to the analysis of risks associated with algorithmic bias, loss of human contact, and digital inequality. The concept of "digital empathy" as the ability of a specialist to maintain sensitive contact with a family in the context of digitalization is substantiated. It is concluded that AI should act as a tool to free up the specialist's time for live communication, rather than a replacement for human participation. Specific recommendations are proposed for the implementation of AI tools in the practice of social work with families while preserving the ethical standards of the profession.
Keywords: *artificial intelligence, family, social work with families, digital empathy, prevention of social orphanhood, neural network mediation, social support measures, algorithmic fairness.*

Семья как первичная ячейка общества и естественная среда для развития и воспитания детей традиционно находится в фокусе внимания социальной работы. Поддержка семей с детьми, профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства являются приоритетными направлениями государственной семейной политики Российской Федерации, что закреплено в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Концепции государственной семейной политики до 2025 года.

Одновременно с этим современный этап развития общества характеризуется активной цифровой трансформацией всех сфер жизни, включая социальную сферу. Технологии искусственного интеллекта все активнее проникают в практики работы с семьями, открывая новые возможности для повышения эффективности помощи, но и порождая новые этические вопросы, связанные с сохранением человеческого измерения социальной работы. По данным исследования Центра технологий в социальной работе Бостонского колледжа (2025), уже 37% социальных служб в развитых странах используют те или иные формы ИИ в работе с семьями, преимущественно для оценки рисков и автоматизации документооборота [8].

В рамках данной статьи мы проанализировали современные направления и перспективы использования искусственного интеллекта (ИИ) в социальной работе с семьей, выявить связанные с этим риски и ограничения, а также концептуально осмыслить новую профессиональную компетенцию - «цифровую эмпатию» - как условие сохранения гуманистической сущности социальной работы в условиях цифровизации.

Прежде чем перейти к анализу конкретных кейсов, необходимо определить теоретические рамки осмысления интеграции ИИ в социальную работу с семьей. Можно выделить несколько концептуальных подходов к этой проблеме.

Первый подход - технологический детерминизм, рассматривающий внедрение ИИ как неизбежный и преимущественно позитивный процесс, повышающий эффективность и точность социальных служб. Сторонники этого подхода делают акцент на возможностях алгоритмов обрабатывать большие объемы данных, выявлять скрытые закономерности и освобождать специалистов от рутины.

Второй подход - критический, представленный прежде всего в работах В. Юбэнкс, К. О'Нил и других исследователей алгоритмической несправедливости. С этой точки зрения, ИИ рассматривается как инструмент, который может воспроизводить и усиливать существующее социальное неравенство, особенно в отношении уязвимых групп населения,

включая малообеспеченные семьи [9; 11]. Как пишет Кэти О'Нил, алгоритмы могут становиться «оружием математического уничтожения», когда они применяются непрозрачно и без учета социального контекста [11].

Третий подход - интегративный, который представляется наиболее продуктивным для социальной работы. Он признает потенциальные преимущества ИИ, но настаивает на необходимости этического регулирования, сохранения человеческого контроля и критического отношения к выводам алгоритмов. Именно в рамках этого подхода возможно формирование концепции «цифровой эмпатии», о которой пойдет речь далее.

Важно также учитывать специфику семейно-ориентированной социальной работы как особого вида практики. Работа с семьей требует не только профессиональных знаний и навыков, но и развитой эмпатии, способности к установлению доверительных отношений, понимания уникальности каждой семейной ситуации. Эти аспекты не могут быть полностью алгоритмизированы, что задает естественные границы применения ИИ.

Проанализируем роль искусственного интеллекта в диагностике и профилактике семейного неблагополучия Одним из наиболее чувствительных и ответственных направлений социальной работы с семьей является выявление скрытого неблагополучия, особенно в ситуациях, где речь идет о безопасности детей. Традиционные методы проверки (визиты сотрудников соцзащиты, беседы с членами семьи) не всегда позволяют увидеть реальную картину: к проверкам часто готовятся, дети могут скрывать подавленное состояние, списывая его на стеснительность или усталость.

Инновационное решение было предложено в Московской области, где с 2025 года внедрена система на основе ИИ для оценки эмоционального состояния детей в приемных семьях. Виртуальный психолог, интегрированный в смартфон проверяющих, распознает эмоции на лицах детей и взрослых, а также анализирует голос опекунов. Если система фиксирует эмоции, которые дети испытывать не должны (страх, апатия), или признаки неискренности в голосе взрослых, она сигнализирует сотруднику соцзащиты о потенциальном неблагополучии. Более того, ИИ способен предложить алгоритмы коррекции ситуации - конкретные шаги по работе с данной семьей [3].

Данный кейс демонстрирует переход от реактивной модели (реагирование на уже случившееся неблагополучие) к проактивной профилактике. Однако он же порождает серьезные этические вопросы: насколько точно ИИ распознает эмоции в разных культурных контекстах? Не приведет ли алгоритмическая ошибка к необоснованному вмешательству в семью? Известно, что системы распознавания эмоций могут демонстрировать систематические ошибки в отношении представителей разных этнических групп и культур. Очевидно, что окончательное решение должно оставаться за человеком, а ИИ - лишь подсвечивать потенциальные зоны риска.

Еще более масштабный пример - использование предиктивных моделей для выявления семей группы риска. В Финляндии с 2024 года внедряется национальная система прогнозирования потребности в социальных услугах для семей с детьми. Алгоритм анализирует обезличенные данные из различных реестров (здравоохранение, образование, занятость) и выявляет семьи, которые могут нуждаться в дополнительной поддержке в ближайшие 12 месяцев. Как отмечают разработчики, цель системы — не замена профессионального суждения, а помощь специалистам в более адресном распределении ресурсов [10].

Следующая немаловажная сфера, куда внедряется искусственный интеллект – семейная медиация. Статистика разводов в России остается тревожной: соотношение разводов к бракам составляет 68%, при этом свыше 30% разводов приходится на семьи в активном репродуктивном возрасте 30–40 лет. Среди причин — финансовые трудности, измены, отсутствие взаимопонимания, межпоколенческие конфликты. Особую озабоченность вызывает рост числа разводов в семьях с несовершеннолетними детьми, что напрямую влияет на благополучие детства.

В 2025 году российскими исследователями была предложена концепция «нейросетевой медиации семейных отношений». Технологии ИИ способны анализировать коммуникации в семье (с согласия участников), выявлять скрытую агрессию в переписке или теле-

фонных разговорах, прогнозировать вспышки конфликтов на основе анализа паттернов общения. Но главное - ИИ может помогать профессиональным медиаторам подбирать наиболее эффективные стратегии разрешения противоречий, опираясь на анализ успешных кейсов и научные данные из психологии и конфликтологии [5].

Интересен опыт Великобритании, где с 2023 года используется платформа «Family Dispute Resolution AI Assistant» - инструмент для поддержки семейных медиаторов. Система анализирует текстовые протоколы медиативных сессий и предлагает специалисту возможные формулировки соглашений, подсвечивает пункты, по которым стороны близки к компромиссу, и предупреждает о потенциально конфликтогенных формулировках. По данным разработчиков, использование ассистента сокращает среднее время медиации на 25% и повышает удовлетворенность сторон результатами.

Важно подчеркнуть, что речь не идет об автоматическом разрешении конфликтов «роботом-судьей». ИИ выступает инструментом поддержки специалиста, предоставляя ему дополнительную аналитику и экономя время на диагностику ситуации. При этом разработчики настаивают на том, что такие системы должны строиться на гуманистических ценностях и этической нейтральности, а также обеспечивать полную конфиденциальность данных участников конфликта.

Автоматизация администрирования мер поддержки семей так же широко будет охвачена ИИ. Значительная часть нагрузки специалистов по социальной работе с семьями связана не с непосредственным общением, а с бюрократическими процедурами: сбором документов, направлением запросов в различные инстанции, расчетом среднедушевого дохода, подготовкой отчетов. Это так называемая «административная нагрузка», которая, по разным оценкам, занимает от 40% до 60% рабочего времени специалиста.

В Санкт-Петербурге с 2025 года успешно применяется программный робот, автоматизирующий работу по определению мер социальной поддержки малообеспеченным семьям. Если раньше на каждое заявление требовалось направлять до полутора десятков запросов в разные информационные системы и ждать ответов до пяти дней, то теперь робот выполняет эту работу автоматически. Срок предоставления услуги сократился с десяти до трех дней, а трудозатраты специалистов снизились в 2,5 раза [1].

Аналогичный опыт есть в Иркутской области, где ИИ-помощник портала Госуслуг «робот Макс» был обучен консультировать многодетные и малоимущие семьи по региональным мерам поддержки: от получения бесплатных лекарств до оформления пособий на школьную форму. За первый же день после внедрения робот обработал более 100 запросов [7].

Еще более впечатляющий пример — использование AI-ассистированного протоколирования в семейной социальной работе. В Финляндии инструмент Gosta позволяет сократить время на заполнение записей о встрече с клиентом с часа до 15 минут. Как отмечают сами социальные работники, это дает им возможность быть по-настоящему присутствующими во время встречи, не отвлекаясь на записи в компьютере или блокноте. Система работает следующим образом: во время беседы ведется аудиозапись (с согласия клиента), которая затем автоматически расшифровывается и структурируется в формате стандартного отчета. Социальный работник проверяет и при необходимости корректирует сгенерированный отчет. Клиенты положительно воспринимают нововведение и при желании могут сразу после встречи ознакомиться с внесенными записями [10].

Возможно ли оказывать помощь родителям и педагогам с помощью ИИ при воспитании детей? Отдельное направление - использование ИИ для вовлечения родителей в развитие детей и повышения их педагогической компетентности. В российской образовательной практике набирают популярность онлайн-марафоны для родителей на платформе «Сферум», где ИИ помогает персонализировать контент: анализирует активность участников и рекомендует дополнительные задания, исходя из уровня подготовки и интересов конкретного ребенка [6].

Развитием этого подхода стали так называемые «умные помощники родителей» (parenting AI assistants) — приложения, которые помогают родителям ориентироваться в

возрастных особенностях развития детей, подбирают игры и развивающие занятия, напоминают о плановых медицинских осмотрах и вакцинации. В России подобные решения разрабатываются, в частности, в рамках национальной социальной инициативы Агентства стратегических инициатив.

Важно отметить, что такие инструменты не только разгружают педагогов и социальных работников, но и создают условия для более осознанного родительства, формирования ответственного отношения к воспитанию. Однако они же порождают риск чрезмерной опоры на технологические решения и утраты родительской интуиции, что требует критического осмысления.

Нейросети, какие бы передовые не были, не заменят живое общение, семейное тепло. Поэтому обязательно нужно знать о рисках и ограничениях использования ИИ в работе с семьей. Анализ представленных кейсов был бы неполным без систематизации рисков, связанных с внедрением ИИ в социальную работу с семьей. Можно выделить несколько групп таких рисков.

Алгоритмическая предвзятость. Как уже отмечалось, алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные стереотипы и дискриминационные практики. Если исторические данные, на которых обучается модель, содержат предвзятость (например, семьи определенных этнических групп или социального статуса чаще подвергались проверкам), алгоритм будет тиражировать эту предвзятость, создавая порочный круг. В контексте семейной социальной работы это может приводить к необоснованному вмешательству в жизнь определенных категорий семей [9; 11].

Утрата человеческого контакта. Чрезмерное увлечение технологиями может привести к тому, что живое общение между специалистом и семьей будет минимизировано или формализовано. Социальная работа, лишенная эмпатии и доверительных отношений, теряет свою сущность. Это особенно опасно в работе с семьями в кризисной ситуации, где поддержка и понимание со стороны специалиста играют ключевую роль.

Цифровое неравенство. Значительная часть семей, особенно в отдаленных регионах или среди социально уязвимых групп, может не иметь доступа к цифровым технологиям или навыков их использования. Внедрение цифровых инструментов без создания альтернативных каналов доступа может создавать дополнительные барьеры для получения помощи.

Конфиденциальность и защита данных. Сбор и обработка чувствительной информации о семьях требует высочайшего уровня защиты. Утечки данных или их неправомерное использование могут нанести серьезный ущерб семьям и подорвать доверие к социальным службам.

В сферу социальной работы входит новый термин - «Цифровая эмпатия» как новая профессиональная компетенция. Обобщая рассмотренные кейсы и риски, можно выйти на концептуальный уровень. Интеграция ИИ в социальную работу с семьей требует переосмысления профессиональных компетенций. На IV Всероссийском форуме по профилактике социального сиротства (декабрь 2025 года) экспертами был предложен термин «цифровая эмпатия» - умение сохранять искренний, чуткий контакт с семьей в цифровой среде и при использовании цифровых инструментов [2].

Цифровая эмпатия как профессиональная компетенция включает несколько компонентов:

1. Технологическая грамотность - понимание возможностей и ограничений ИИ-инструментов, умение корректно их использовать.
2. Критическое мышление - способность критически оценивать выводы алгоритмов, понимать, что они могут ошибаться, и не передоверять им окончательные решения.
3. Коммуникативная компетентность в цифровой среде - умение выстраивать доверительные отношения с семьей даже при использовании технологий (например, понятно объяснять, зачем нужна запись разговора, и получать информированное согласие).
4. Этическая рефлексия - способность замечать этические дилеммы, возникающие при использовании ИИ, и принимать обоснованные решения в сложных ситуациях.

5. Сохранение человеческого суждения - понимание того, что финальная ответственность за решения, затрагивающие судьбу семьи, лежит на специалисте, а не на алгоритме.

Как справедливо отмечают участники дискуссий на научных чтениях памяти Е.И. Холостовой, успех интеграции ИИ в социальную сферу зависит от того, насколько технологии будут дополнять, а не заменять профессиональное суждение и эмпатию социальных работников, оставаясь на службе интересов человека и семьи [4].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, интеграция ИИ в социальную работу с семьей является объективной реальностью и охватывает широкий спектр направлений: от диагностики эмоционального состояния детей до автоматизации рутинных процедур и поддержки медиации конфликтов. Российский и зарубежный опыт демонстрирует значительный потенциал таких технологий для повышения эффективности и адресности помощи.

Во-вторых, ключевым эффектом внедрения ИИ должно стать высвобождение времени специалиста для живого, эмпатичного общения с семьей - того, что составляет суть социальной работы и не может быть заменено алгоритмами. Любое применение технологий должно оцениваться именно с этой точки зрения: помогает ли оно специалисту больше времени уделять непосредственной работе с семьей?

В-третьих, необходима целенаправленная подготовка специалистов, формирование у них компетенции «цифровой эмпатии» и критического отношения к результатам работы алгоритмов. Это требует обновления образовательных программ по направлению «Социальная работа» и программ дополнительного профессионального образования.

В-четвертых, требуется разработка этических стандартов и процедур аудита ИИ-систем, применяемых в социальной работе с семьей. Такие стандарты должны обеспечивать прозрачность алгоритмов, защиту конфиденциальности, недискриминационный характер решений и сохранение человеческого контроля.

Только при соблюдении этих условий технологии искусственного интеллекта смогут стать надежным помощником в деле укрепления семьи и защиты детства, не подменяя собой человеческое участие и эмпатию, которые остаются фундаментом социальной работы.

Литература:

1. В Петербурге робот ускорил предоставление соцподдержки малообеспеченным семьям в 3 раза // Санкт-Петербургские ведомости. 2025. 24 сент. № 177 (7999). URL: https://dzen.ru/a/aNPqNr7yInnj9mQM
2. Газарян А. Выступление на IV Всероссийском форуме по профилактике социального сиротства «Жить и воспитываться в семье». Красногорск, 4 декабря 2025 года.
3. Гордеев С. В Подмосковье ИИ оценит эмоциональное состояние детей в приемных семьях // Российская газета. 2025. 28 марта. URL: https://rg.ru/2025/03/28/reg-cfo/ot-pechali-do-radosti.html
4. Климантова Г.И. Искусственный интеллект в социальной работе с семьей // IV Научные чтения памяти Е.И. Холостовой «Динамика развития теории и практики социальной работы в XXI веке: от поведенческих наук к наукам о данных». Москва, РГСУ, 11 декабря 2025 года.
5. Кузьмин А. Нейросетевая медиация семейных отношений // Круглый стол «Цифровая среда». Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 6 августа 2025 года.
6. Мингажева Г.Т. Работа с родителями посредством искусственного интеллекта и платформы «Сферум»: опыт организации онлайн-марафонов // Молодой ученый. 2025. № 41 (592). С. 270-272.
7. Селедцов А. Робота Макса научили консультировать жителей Иркутской области по региональным мерам поддержки многодетных и малоимущих семей // Официальный портал Иркутской области. 2025. 27 окт. URL: https://irkobl.ru/news/2025/10/27/robota-maksa-nauchili-konsultirovat/

8. Berzin S.C., Singer J., Chan C. Practice Innovation Through Technology in the Digital Age: A Grand Challenge for Social Work. American Academy of Social Work and Social Welfare, 2025.
9. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: St. Martin's Press, 2018. 272 p.
10. Heroum J. Artificial intelligence revolutionising the way client information is recorded in family social work // Länsi-Uudenmaan hyvinvointialue. 2025. 20 Oct. URL: https://www.luvn.fi/en/news/2025/10/artificial-intelligence-revolutionising-way-client-information-recorded-family-social-work-more-time
O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York: Crown Publishers, 2016. 272 p

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ПОМОЩНИКОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Филиппенко К.Е. *– студентка 3 курса, направление – социология, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*
Шаповалов А.В. *– кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.*

Аннотация. В статье рассматривается такой процесс как сходство технологий искусственного интеллекта (ИИ) и институциональных практик социальной работы. Цель работы - социологический анализ институциональных эффектов и социальных последствий внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневные практики социальной работы, а также выявление условий, при которых интеграция искусственного интеллекта будет способствовать повышению качества жизни людей, которые получают услуги, а не его снижению.
Ключевые слова: алгоритмизация, дегуманизация, цифровой разрыв, социальная диагностика, чат-бот, автоматизация уязвимости, искусственный интеллект, социальная работа.

USING NEW DIGITAL ASSISTANTS IN THE DAILY PRACTICE OF A SOCIAL WORKER

Filippenko K.E. is a 3rd-year student in Sociology at the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.
Shapovalov A.V. – PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Annotation. The article examines the process of the similarity of artificial intelligence (AI) technologies and institutional practices of social work. The purpose of the work is a sociological analysis of the institutional effects and social consequences of the introduction of artificial intelligence technologies in everyday practices of social work, as well as the identification of conditions under which the integration of artificial intelligence will contribute to improving the quality of life of people who receive services, rather than reducing it.
Keywords: algorithmization, dehumanization, digital divide, social diagnostics, chatbot, vulnerability automation, artificial intelligence, social work.

В современных условиях умные технологии помогают разгрузить сотрудников различными чат-ботами, которые отвечают на простые вопросы граждан, специальные программы быстро считают пособия и заполняют отчеты, а уже сложные алгоритмы могут заранее подсказать, каким семьям может понадобиться помощь в первую очередь. Благодаря таким технологиям у социальных работников остается больше свободного времени на живое общение с людьми, которым нужна не просто справка, но и возможно какая-то поддержка или сочувствие со стороны сотрудника.

Есть и опасности в цифровизации. Большое внимание уделяется проблемы связанной с пожилыми людьми. Многие не умеют пользоваться смартфонами и интернетом, поэтому рискуют остаться без помощи о оказания социальной услуги.

В работе описывается, как меняется профессия социального работника. Его сфера обязанностей расширяется. По мимо своих обязанностей он становится проводником в цифровой мир, объясняя пожилым людям, как же нужно общаться с чат-ботом и проверяя программу в расчетах и оказания услуги.

Данная статья является подготовительной частью исследовательской работы среди специалистов по социальной работе.

Актуальность темы исследования обусловлена растущей нагрузкой на систему социальной защиты населения. С каждым годом число людей, которые нуждаются в помощи, только растет. Это большая часть пожилых граждан, люди с инвалидностью, семьи с детьми и многие другие. При этом количество социальных работников часто остается прежним. Получается, что сотрудники вынуждены работать на износ, а времени на живое общение с людьми практически не остается. Искусственный интеллект способен разгрузить специалистов, взяв при этом на себя повторяющиеся задачи. Но есть и цифровое неравенство, пожилые люди гораздо хуже владеют телефонами в силу различных причин. Для них общение с чат-ботами или электронными анкетами может вызывать трудности. Если информация не дойдет до специалиста, то возникают сложности, которые требуют внимания. В данной работе будет рассматриваться социальные последствия внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневные практики социальной работы. Также выявление условий, при которых искусственный интеллект способствует повышению качества жизни получателей услуг.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- Рассмотреть существующие модели применения искусственного интеллекта в системе социальной защиты населения;
- Выяснить плюсы и минусы, которые видят сами сотрудники во внедрении искусственного интеллекта;
- Провести формализованное интервью среди практикующих социальных специалистов;

Объектом исследования являются цифровая трансформация в социальной работе

Предметом исследования выступает отношение социальных работников к использованию искусственного интеллекта.

Методическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, изучение интернет источников, а также эмпирический метод анкетирования, позволивший получить первичную информацию реальной картины использования искусственного интеллекта сотрудниками социальной работы.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов работниками социальных учреждений для улучшения качества их услуг, а также предложения собранные в ходе опроса помогут в создание более удобных сервисов для оказания социальных услуг.

Самая распространённая модель это общение с гражданами через программу-собеседника.

- На Госуслугах это робот Макс. Он отвечает на вопросы граждан о льготах, пособиях, записях. Работает он круглосуточно.
- Чат-боты в региональных МФЦ. Многие центры уже запустили в «Мои документы» своих чат-ботов, которые помогают людям записаться на услугу или провести консультацию.
- Голосовой помощник «Алиса». Этот чат-бот от Яндекса и он помогает узнать статус заявления или расписание работы учреждений.

Все модели так или иначе дополняют друг друга. Но все же на каждом этапе потребуется работа специалиста и живое человеческое участие.

Было проведено формализованное интервью среди 10 человек возрастом от 25 лет до 55 работающих в социальной сфере на тему: «Отношение специалистов социальной сферы к внедрению ИИ».

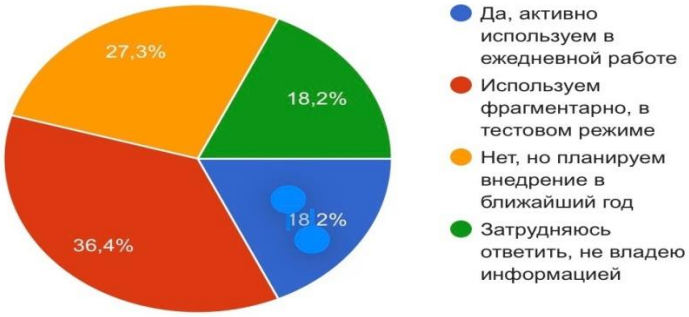


Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Используете ли Вы или Ваше учреждение в настоящее время технологии на базе искусственного интеллекта (чат-боты, автоматическое назначение выплат, системы-помощники для отчётности)?»

Согласно рисунку 1, большинство специалистов социальной работы, так или иначе уже сталкиваются с ИИ-инструментами в своей работе. 36,4 % уже используют в тестовом режиме ИИ-инструменты, а 18,2 % вообще не знают и не владеют информацией, есть ли у них такие технологии. Это говорит о том, что цифровизация в социальной работе идёт неравномерно, а информированность сотрудников оставляет желать лучшего.

Для того, чтобы узнать какие основные угрозы несет в себе массовое внедрение искусственного интеллекта для специалистов социальной работы, им был задан вопрос. Согласно представленным данным (рисунок 2) главным страхом у сотрудников 36,4 % является потеря качества помощи. А вторым не менее важным страхом 27,3 % является сокращение штаба и рабочих мест. В сумме эти два варианта составляют 63,7 % из 100 %, а это большая часть. Только единицы не видят существенных угроз и опасений ИИ.

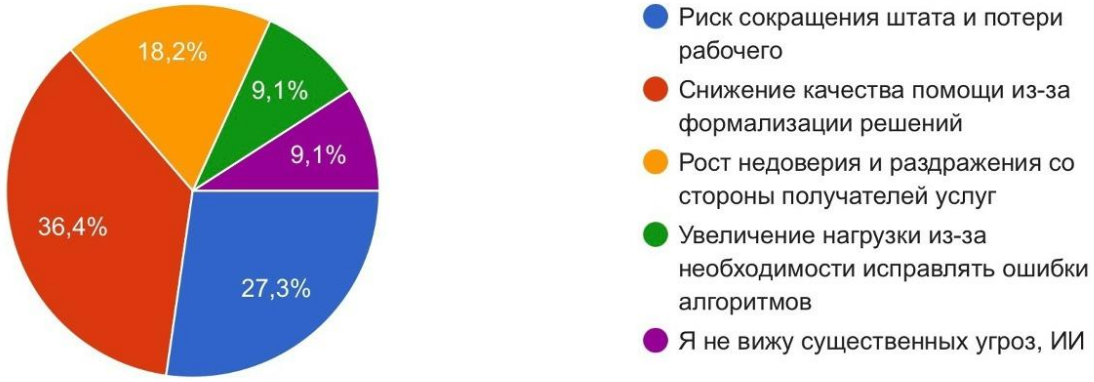


Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какую основную угрозу несёт в себе массовое внедрение ИИ лично для Вас как для специалиста по социальной работе?»

По данным диаграммы (рисунок 3), были выявлены главные повседневные задачи, которые можно полностью перепоручить искусственному интеллекту. Самой главной задачей сотрудники отметили 54,5 %, что хотят избавиться от бумажной отчетности (это составление отчетов, заполнение статистических форм и карт учета). Второй не менее важной задачей 27,3 % это первичный прием звонков и запись на консультацию. Из этих данных, представленных из ответов, можно сделать вывод, что даже не смотря на страх сокращения, люди выбирают и предпочитают отдать, в большей степени бумажную, рутину искусственному интеллекту.

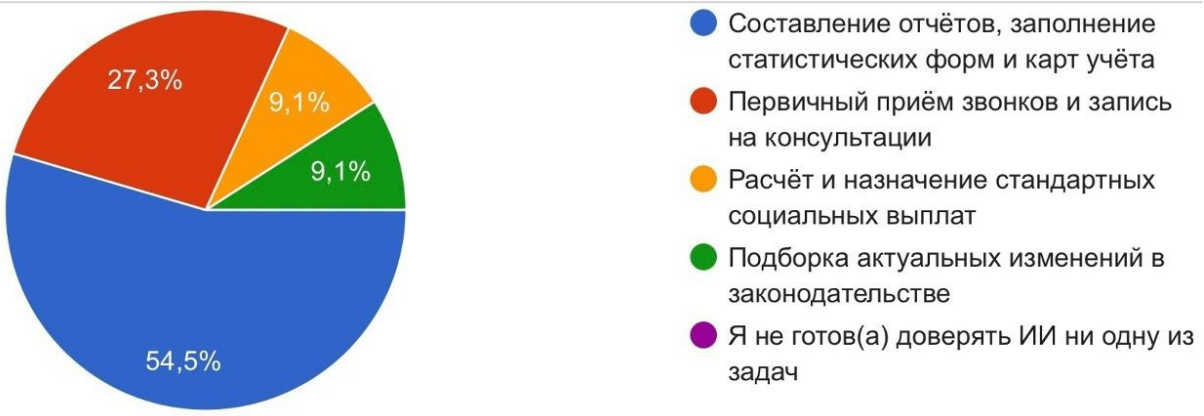


Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Решение какой повседневной задачи Вы в первую очередь хотели бы полностью перепоручить искусственному интеллекту?»

Также респондентам был задан последний вопрос «Какие рекомендации Вы бы дали людям как социальный работник?». Многие сотрудники социальной работы сказали: «научитесь пользоваться телефонами и компьютерами, а потом ругайтесь на нас», это говорит о том, что многие люди, которые пользуются социальными услугами часто ругаются на сотрудников. Хотя их главной проблемой является неумение использовать телефон, чтобы выбрать онлайн услугу. Также сказали: « Я боюсь технологий, вдруг меня заставят исправлять его ошибки, лучше пусть работает без перебоев». Этот ответ говорит о том, что при внедрении алгоритмов искусственного интеллекта нужно тщательно его проработать, чтобы он не допускал ошибок и не создавал сотрудникам дополнительной работы. «С пожилыми людьми это отдельная проблема, нужно оставить живой контакт» этот ответ говорит нам, что по мимо онлайн обращений нужно оставить и контакт на прямую, чтобы у пожилых людей или тех кто не понимает тоже был доступ к социальным услугам.

Все сотрудники, независимо от должности и стажа говорят о том, что ИИ должен быть независимым помощников и дополнять их работу, а не создавать сложности для них. Появление технологий должны подстраиваться под их условия труда и облегчать. И не забывать, что существуют еще человеческие факторы, которые сможет решить только человек.

По результатам исследования для специалистов социальной работы по работе с технологиями искусственного интеллекта предлагаются следующие рекомендации:

- Проходили образовательные программы по использованию ИИ, для улучшения своих навыков;
- Научиться формулировать запросы для ИИ (писать корректные «промты»);
- Регулярно проверять данные ИИ, чтобы они оставались всегда актуальными;
- Помогать коллегам с изучением ИИ технологий;
- Проводить разборы кейсов и выявляться ошибки ИИ сервисов, чтобы улучшить модель.

Эти простые рекомендации помогут сотрудникам справиться с тревогой перед внедрением новых технологий. Ведь искусственный интеллект является всего лишь помощником для них. А главным инструментом в социальной работе всегда останется человек.

Литература:

1. Горохова П. А. РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ // Вестник Академии знаний – 2025. https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-optimizatsii-predostavleniya-sotsialnyh-uslug .
2. Репин Дмитрий Александрович Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление - 2025. https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-kak-faktor-sovershenstvovaniya-gosudarstvennogo-upravleniya-vyzovy-i-ugrozy .

3. Гапонов Владислав Родионович, Ляпунцова Елена Вячеславовна ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ // Известия ТулГУ. Технические науки – 2024 - №2. https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennom-mire .
4. Мулюков Д. М., Бирюков А. Т., Салимшин И. Л. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2022 - №4-2. https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-sotsialnoy-rabote .
5. Наталья Евгеньевна Куприянова, Наиля Шаукатовна Валеева Особенности подготовки специалистов по социальной работе в эпоху цифровой трансформации общества // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология – 2024 - №2. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-obschestva .
6. Петрова Г. И., Гоманенко О. А. СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: ЛИЧНОСТНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ // Вестник магистратуры. 2016. https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-rabotnik-lichnostnye-i-professionalnye-kompetentsii .
7. Беляева З. К. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ // Экономика и социум. 2025. https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-rabote-sotsialnogo-rabotnika-s-pozhilymi-lyudmi-1 .

ЭТИЧЕСКИЕ РАМКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Шомахова С.А. *- магистр первого курса по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этические рамки использования ИИ в социальных службах: конфиденциальность данных, справедливость алгоритмов, прозрачность решений и сохранение человеческой ответственности. На конкретных примерах показаны типичные риски и простые способы их предотвращения при работе с цифровыми инструментами. Делается вывод, что чёткие этические правила не ограничивают прогресс, а делают технологии безопасным дополнением к профессиональной помощи.
Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная работа, профессиональная этика, конфиденциальность данных, ответственность.

ETHICAL FRAMEWORK FOR USING AI IN SOCIAL WORK

Shomahova S.A. *- First-year Master's student in Social Work at Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*

Annotation: The article discusses the main ethical framework for using AI in social services: data privacy, algorithm fairness, decision transparency, and maintaining human responsibility. It provides specific examples of typical risks and simple ways to prevent them when working with digital tools. The article concludes that clear ethical guidelines do not limit progress, but rather make technology a safe addition to professional assistance.
Keywords: artificial intelligence, social work, professional ethics, data privacy, and responsibility.

Искусственный интеллект постепенно перестаёт быть технологией будущего и входит в повседневную работу социальных служб. Сегодня программы помогают обрабатывать обращения, вести документацию, составлять графики визитов, подсказывать варианты поддержки и даже проводить первичную оценку ситуации клиента. Это объективно экономит время специалистов, снижает бюрократическую нагрузку и позволяет быстрее реагировать на запросы.

Но вместе с удобством появляются вопросы, которые нельзя откладывать. Социальная работа — это сфера, где на кону стоят доверие, безопасность и права людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Когда алгоритм подсказывает, кому помочь в

первую очередь, как классифицировать случай или какую рекомендацию дать специалисту, возникает закономерный вопрос: кто отвечает за ошибку? Понимает ли клиент, что его данные обрабатывает программа? Не упрощает ли искусственный интеллект сложную жизненную историю до набора цифр и тегов?

Ответы на эти вопросы лежат не в технической, а в этической плоскости. Внедрение ИИ в социальную работу не должно происходить «по инерции» или только ради отчётов о цифровизации. Технология полезна и безопасна только тогда, когда она работает в чётких границах, которые защищают интересы человека. В этой статье мы рассмотрим основные этические рамки, которые должны сопровождать использование искусственного интеллекта в социальных службах. Разберём, где проходит линия между помощью и вмешательством, как сохранять конфиденциальность и справедливость, и почему финальное решение всегда должно оставаться за живым специалистом.

Цель статьи — показать, что этические правила не тормозят прогресс, а делают его устойчивым и человеко-ориентированным. ИИ должен оставаться инструментом в руках профессионала, а не заменой профессиональному суждению и человеческому участию.

Внедрение искусственного интеллекта в социальную работу не должно менять её главную цель – помогать людям в трудных жизненных ситуациях. Чтобы технологии служили этой цели, а не создавали новые проблемы, достаточно соблюдать пять базовых принципов. Они не требуют сложных методичек, но их нарушение может привести к реальным последствиям для клиентов и к потере доверия к службе.

1. Уважение к человеку. Социальная работа строится на отношениях. Доверие, эмпатия, умение услышать то, что не сказано вслух, – это профессиональные инструменты, которые не воспроизводит ни одна программа. ИИ может ускорить процессы, но не заменить человеческое участие.
2. Конфиденциальность. Клиенты доверяют социальным службам самую личную информацию: детали домашнего насилия, зависимости, психиатрические диагнозы, финансовые проблемы. Эти данные требуют особой защиты, особенно когда их обрабатывают цифровые системы.
3. Справедливость. Алгоритмы учатся на прошлых данных. Если в истории службы были перекосы (например, чаще проверяли определённые районы или реже помогали определённым группам), программа может это повторить и усилить. Справедливость – это не автоматический результат, а постоянный контроль.
4. Прозрачность. Клиент и специалист имеют право понимать, как работает инструмент и почему он выдал именно такую рекомендацию. «Чёрный ящик», который не объясняет свои выводы, лишает людей возможности проверить решение и оспорить его.
5. Ответственность остаётся у человека. Программа не несёт юридической и моральной ответственности. Она не может подписать документ, не может ответить перед клиентом, не может извиниться или исправить ошибку самостоятельно. Финальное решение всегда принимает специалист [1].

Соблюдение этических норм при использовании искусственного интеллекта в социальной работе не требует сложных регламентов или дополнительных инструкций. Главное — помнить, что технология служит инструментом, а не заменяет профессиональное суждение и человеческое участие.

Первое и самое важное правило — всегда информировать клиента о том, что в процессе работы используются цифровые инструменты. Это не формальность, а проявление уважения к человеку. Достаточно кратко и доступно объяснить, для чего применяется программа, какие данные она обрабатывает и как это влияет на оказание помощи. Если клиент выражает беспокойство или отказывается от использования технологии, его выбор должен быть принят без давления. Право на отказ — часть права на участие в принятии решений о своей жизни.

Второй принцип — не доверять алгоритму слепо. Искусственный интеллект работает с данными, но не видит человека целиком. Он не замечает дрожи в голосе, не считывает неуверенность во взгляде, не понимает, почему семья молчит на приёме: из-за безразличия

или из-за страха. Социальный работник обязан сверять рекомендации программы с реальной обстановкой, с личным наблюдением, с мнением коллег. Если вывод ИИ вызывает сомнения — это повод не проигнорировать их, а провести дополнительную проверку.

Третий момент — работать только с проверенными и защищёнными платформами. Не все сервисы одинаково безопасны. Перед подключением нового инструмента стоит уточнить у руководства, сертифицирована ли система для работы с персональными данными, заключены ли договоры о конфиденциальности, где физически хранится информация. Если таких гарантий нет — использовать программу нельзя, даже если она удобна или бесплатна. Защита приватности клиента важнее экономии времени.

Четвёртое правило — сохранять человеческий контроль над важными решениями. Автоматизация хороша для рутины: напоминания, запись, черновики документов, поиск ресурсов. Но вопросы, затрагивающие права, безопасность или дальнейшую судьбу человека, не могут решаться программой. Направление в учреждение, ограничение доступа к услуге, вмешательство в семейную ситуацию — всё это остаётся в зоне ответственности специалиста. ИИ может подсказать, но не может решить.

Пятый принцип — учиться на сложных случаях. Если рекомендация алгоритма привела к неожиданному результату, если клиент пожаловался на несправедливость, если коллега усомнился в выводе системы — это не повод скрывать ситуацию, а возможность стать профессиональнее. Обсуждение таких эпизодов на совещаниях, супервизиях или методических встречах помогает не повторять ошибки и вырабатывать общие подходы [2].

Наконец, важно помнить о собственном профессиональном и эмоциональном состоянии. Социальная работа по своей природе требует высокой вовлечённости, и внедрение цифровых инструментов не должно превращать её в гонку за показателями эффективности. Когда система начинает диктовать темп, требовать мгновенных реакций или измерять успех исключительно скоростью обработки заявок, возникает риск цифровой усталости и профессионального выгорания. Специалист может незаметно для себя превратиться из помогающего профессионала в оператора, который лишь закрывает задачи в интерфейсе, теряя связь с живым содержанием своей работы.

Соблюдение этих простых принципов не замедляет работу, а делает её устойчивой. Когда технология встроена в практику с уважением к человеку, она действительно освобождает время для главного — для контакта, для поддержки, для профессионального участия в жизни тех, кто в этом нуждается.

Внедрение искусственного интеллекта в социальную работу неизбежно ставит вопрос о том, кто несёт ответственность, когда алгоритм ошибается, рекомендует неоптимальный путь или упускает важный контекст. Здесь важно сразу обозначить фундаментальный принцип: технология не обладает субъектностью, а значит, не может быть носителем этической или профессиональной ответственности. Ответственность всегда остаётся человеческой, но она распределяется между участниками процесса не поровну, а в соответствии с их ролью, возможностями и влиянием на принятие решений.

Разработчики и поставщики технологических решений несут ответственность за то, чтобы их продукты были безопасными, проверяемыми и прозрачными. Это не просто техническое требование, а этический долг. Создатели алгоритмов обязаны документировать, на каких данных обучалась модель, какие ограничения она имеет, в каких условиях её рекомендации могут быть неточными. Они должны предусматривать механизмы аудита, исправления ошибок и обратной связи от пользователей. Если программа выдаёт результаты, которые невозможно проверить или объяснить, этическая ответственность лежит на тех, кто выпустил её в поле без должных гарантий. Разработчик не отвечает за конкретное социальное решение, но отвечает за качество инструмента, который передаётся в руки профессионалов [3].

Руководство социальных учреждений и профильных департаментов формирует среду, в которой ИИ будет использоваться. Их ответственность носит организационный и управленческий характер. Именно руководство выбирает, какие системы закупать, как обучать персонал, какие внутренние регламенты внедрять и как защищать данные клиентов. Этически недопустимо внедрять технологию ради «отчётной цифровизации», не обеспечив

при этом сотрудников необходимой подготовкой, временем на проверку рекомендаций и ресурсами для обжалования алгоритмических выводов. Руководство обязано создавать культуру, в которой специалист может открыто сказать: «Я не согласен с рекомендацией системы, и вот почему». Если такая возможность отсутствует, ответственность за возможные ошибки смещается на уровень управления, поскольку именно там закладываются правила игры.

Социальный работник остаётся центральным звеном в цепочке принятия решений. Его ответственность — профессиональная, этическая и непосредственная перед клиентом. Алгоритм может обработать массив данных, но только специалист способен оценить контекст, заметить скрытые риски, понять эмоциональное состояние человека и выбрать путь, который соответствует не только формальным критериям, но и человеческому достоинству. Социальный работник обязан критически оценивать подсказки ИИ, сверять их с реальностью, фиксировать свои решения и быть готовым объяснить их перед клиентом, коллегами и контролирующими органами. Перекладывать ответственность на программу — значит отказываться от профессиональной идентичности. Ошибка алгоритма не снимает с практик обязанности действовать в интересах человека; наоборот, она требует от него большей внимательности, рефлексии и готовности взять на себя сложное решение.

Государственные регуляторы и профессиональные сообщества задают внешние рамки этой ответственности. Они формируют стандарты, проводят независимые проверки, обновляют этические кодексы и обеспечивают правовую защиту как клиентов, так и специалистов. Без чётких регуляторных ориентиров ответственность размывается: разработчик ссылается на условия использования, учреждение — на отсутствие инструкций, специалист — на автоматизированный вывод. Поэтому этические рамки применения ИИ должны быть закреплены не только в локальных приказах, но и в отраслевых стандартах, которые регулярно пересматриваются с учётом реальной практики и накопленных ошибок.

Искусственный интеллект пришёл в социальную работу не для того, чтобы заменить человека, а для того, чтобы освободить его от рутины и дать больше времени для главного — живого участия, поддержки и профессионального суждения. Но эта возможность реализуется только тогда, когда технология встраивается в практику в чётких этических границах. Без этих границ даже самая совершенная программа рискует превратить помощь в формальность, а доверие — в сухую цифровую статистику.

Этические рамки — это не запрет и не бюрократическое препятствие. Это способ сохранить человеческое измерение профессии в мире, где решения всё чаще принимаются с участием алгоритмов. Они напоминают, что за каждым набором данных, каждым скорингом и каждой автоматизированной рекомендацией стоит реальная жизнь со своими сложностями, болью, надеждой и правом на уважительное отношение. Пять простых принципов — уважение к человеку, конфиденциальность, справедливость, прозрачность и сохранение человеческой ответственности — работают как внутренний компас. Они не дают заблудиться в погоне за скоростью и помогают отличить полезную подсказку от опасного упрощения.

Внедрение ИИ не должно происходить «по инерции» или ради галочки в отчёте о цифровизации. Каждый новый инструмент стоит проверять не только на удобство и экономию времени, но и на то, как он влияет на отношения с клиентом, на качество помощи, на профессиональное достоинство специалиста. Если программа ускоряет работу, но лишает контакт человечности — это повод остановиться и пересмотреть подход. Если алгоритм помогает увидеть то, что можно было упустить, но оставляет финальное решение за человеком — это настоящий шаг вперёд.

Важно понимать, что этические рамки — это не раз и навсегда зафиксированный свод правил. Они будут меняться вместе с технологиями, вместе с накопленным опытом, вместе с тем, как общество учится жить в новой реальности. Поэтому так важно не замыкаться в инструкциях, а вести открытый профессиональный диалог: делиться случаями, обсуждать ошибки, формировать общие стандарты внутри учреждений и профессиональных сообществ. Только так можно создать среду, в которой специалист чувствует себя уверенно.

Литература:

1. Иванов А.В., Петрова Е.С. Защита персональных данных в цифровых социальных сервисах: правовые и этические аспекты // Вестник Московского университета.
2. Волкова Т.И. Цифровое неравенство как этическая проблема внедрения ИИ в социальную защиту // Человек и труд.
3. Соколов А.Б. Ответственность специалиста при использовании систем искусственного интеллекта: профессионально-этический аспект // Вестник СГУ. Серия: Социология и социальная работа.

СЕКЦИЯ 3

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СОЦИАЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Тратинко Т.В. *– старший преподаватель кафедры «Социальная работа и реабилитология», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь***.**
Пунтус А.И. *– студент магистратуры специальности «Социальная защита и реабилитология», факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В статье представлен теоретико-методологический анализ потенциала социальной медиации как инновационной технологии в геронтологической социальной работе. Авторами обосновывается положение о том, что одним из ключевых факторов, критически снижающих субъективное и объективное качество жизни граждан старшего поколения, является наличие неразрешенных межличностных, внутрисемейных и институциональных конфликтов.
Ключевые слова: социальная медиация; качество жизни; граждане пожилого возраста; геронтологическая социальная работа; межпоколенные конфликты; восстановительный подход; социальные инновации.

SOCIAL MEDIATION AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF OLDER PEOPLE

T. V. Tratsinko *– Senior Lecturer, Senior Lecturer of the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*
A. I. Puntus*– Master's student in the specialty "Social Protection and Rehabilitation", Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

Abstract. This article presents a theoretical and methodological analysis of the potential of social mediation as an innovative technology in gerontological social work. The authors argue that one of the key factors critically reducing the subjective and objective quality of life of older adults is the presence of unresolved interpersonal, intra-family, and institutional conflicts.
Keywords: social mediation; quality of life; elderly citizens; gerontological social work; intergenerational conflicts; restorative approach; social innovation.

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется беспрецедентными демографическими трансформациями, главной из которых является глобальное старение населения. Увеличение доли лиц старше 65 лет в общей структуре общества ставит перед социальными институтами принципиально новые задачи. Согласно программным документам Всемирной организации здравоохранения, а также национальным стратегиям действий в интересах граждан старшего поколения, приоритетной целью социальной политики сегодня признается не просто обеспечение базовых потребностей и медицинского ухода, а достижение высокого уровня «качества жизни» пожилых людей и концепция «активного долголетия» [1].

Качество жизни в геронтологии рассматривается как многомерный конструкт. Он включает в себя не только физическое здоровье и материальное благополучие, но и психологический комфорт, уровень социальной интеграции, а также качество межличностных коммуникаций [2]. Как показывает анализ практики социальной работы, именно сфера взаимоотношений зачастую становится зоной наибольшей уязвимости для человека, завершившего активную трудовую деятельность. Выход на пенсию, сужение привычного круга общения, утрата супругов и друзей, нарастающая зависимость от родственников или социальных служб создают благодатную почву для возникновения фрустрации и экзистенциального кризиса [3].

В этих условиях многократно возрастает риск возникновения конфликтов: внутрисемейных (особенно межпоколенных), соседских, а также конфликтов с представителями различных государственных и коммерческих структур (медицинским персоналом, работниками социальных служб, сотрудниками ЖКХ). Для пожилого человека, чьи адаптационные ресурсы объективно снижены, затяжной конфликт становится источником тяжелейшего хронического стресса. Он напрямую ведет к соматизации проблемы (обострению сердечно-сосудистых и эндокринных заболеваний), развитию депрессивных состояний и глубокой социальной изоляции, что катастрофически обрушивает индекс качества жизни [4].

При этом традиционные директивные способы разрешения споров – судебные тяжбы, жалобы в вышестоящие инстанции, обращения в правоохранительные органы – оказываются для пожилых людей деструктивными. Они требуют колоссальных финансовых, временных и психоэмоциональных затрат. Кроме того, суд выносит решение в логике «победитель – проигравший», что в контексте, например, спора бабушки с детьми о порядке общения с внуками, приводит к окончательному разрыву родственных связей. В связи с этим возникает острая социальная потребность в мягких, экологичных, восстановительных технологиях разрешения споров, центральное место среди которых занимает социальная медиация [5].

Проблема исследования заключается в остром противоречии между объективной потребностью граждан пожилого возраста в сохранении психологического здоровья и социальных связей в ситуациях межличностных столкновений и недостаточной теоретико-методологической проработанностью механизмов интеграции медиативных технологий в систему геронтологической социальной работы. До настоящего времени социальная медиация рассматривается преимущественно как инструмент урегулирования споров в образовательной среде, бракоразводных процессах или в сфере ювенальной юстиции, тогда как специфика ее применения для лиц «третьего возраста» остается периферийной темой.

Состояние исследований по заявленной тематике. Теоретический фундамент для изучения конфликтов и методов их разрешения заложен в классических трудах по конфликтологии (А. Я. Анцупов, Н. В. Гришина, Р. Дарендорф) [6].

Разработка концепции качества жизни пожилых людей и специфики психологии старения отражена в трудах ведущих отечественных и зарубежных геронтологов (О. В. Краснова, Е. И. Холостова, М. Д. Александрова) [7].

Институционализация медиации в России и ее восстановительный потенциал глубоко исследованы Ц. А. Шамликашвили, О. Г. Смоляниновой [8].

Отдельные аспекты так называемой «elder mediation» (медиации для пожилых) начинают активно обсуждаться в зарубежной литературе (А. Фарнсворт, Д. Клементс) в контек-

сте споров о наследстве и опеке [9]. Однако в отечественной науке комплексных теоретических исследований, обосновывающих социальную медиацию не просто как правовой инструмент, а как технологию социальной работы, целенаправленно повышающую качество жизни пожилого человека, крайне мало.

В качестве базовых методологических парадигм проведенного нами анализа проблемы выступают:

Системный подход, позволяющий рассматривать качество жизни пожилого человека как сложную гомеостатическую систему, в которой нарушение социальных связей неминуемо влечет за собой физиологические и психологические девиации.

Геронтологический подход, требующий обязательного учета специфических возрастных особенностей объектов социальной работы (замедление когнитивных процессов, ригидность установок, экзистенциальные страхи потери автономности).

Восстановительный подход (в рамках конфликтологии), смещающий фокус с поиска «виноватого» и наказания на исцеление человеческих отношений, удовлетворение истинных потребностей сторон и возмещение морального ущерба.

Теоретический анализ социальной реальности лиц «третьего возраста» позволил выделить специфическую типологию конфликтов, являющихся мощными триггерами ухудшения качества жизни. Их можно разделить на три крупные группы:

Внутрисемейные и межпоколенные конфликты. Эта группа является наиболее разрушительной для эмоционального благополучия пожилого человека [10]. В ее основе часто лежат споры о разделе имущества (квартиры, дачи), конфликты вокруг ухода за ослабевающим пожилым родственником (кто из детей должен осуществлять уход и оплачивать сиделку), а также ценностные столкновения, связанные с воспитанием внуков. Пожилые люди часто пытаются сохранить доминирующую позицию в семье («патриархат/матриархат»), в то время как взрослые дети стремятся к сепарации. В результате пожилой человек сталкивается с непониманием, обвиняет детей в неблагодарности, что приводит к отчуждению.

Институциональные конфликты. Проявляются в сфере взаимодействия с бюрократическим аппаратом, системой здравоохранения и социальной защиты [11]. Пожилые люди, в силу возрастного снижения скорости реакции и ослабления памяти, часто не могут быстро адаптироваться к цифровизации услуг (электронные очереди, порталы госуслуг). Это вызывает у них чувство беспомощности, которое трансформируется в агрессию по отношению к «контактному персоналу» (врачам, социальным работникам, сотрудникам банков). В свою очередь, сталкиваясь с профессиональным выгоранием сотрудников учреждений, пенсионеры становятся жертвами скрытого или явного эйджизма (дискриминации по возрасту), что глубоко ранит их достоинство.

Микросоциальные (бытовые) конфликты. Взаимодействие с соседями, конфликты в садовых товариществах, споры в общественном транспорте. Для одиноких пожилых людей, страдающих от дефицита социальных стимулов, такие конфликты порой выполняют искаженную компенсаторную функцию: «борьба за справедливость» становится суррогатом социальной активности и придает жизни ложный смысл, однако параллельно истощает ресурсы нервной системы [12].

С точки зрения био-психо-социальной модели медицины и социальной работы, состояние перманентного конфликта запускает у пожилого человека каскад патологических реакций.

На физиологическом уровне хронический выброс кортизола (гормона стресса) приводит к гипертоническим кризам, нарушениям сна и снижению иммунитета.

На психологическом уровне возникает феномен «выученной беспомощности» и глубокого одиночества.

На социальном уровне человек выпадает из системы взаимной поддержки. В совокупности это ведет к резкому и необратимому снижению качества жизни.

Рассмотрим ограничения традиционных подходов и потенциал «Elder Mediation». Сравнительный анализ показывает, что судебная система или административное вмешательство (например, жалобы главврачу на специалиста по социальной работе) абсолютно не учитывают психологическую природу конфликта с участием пожилого человека [13].

Суд оперирует фактами и законами, оставляя за рамками чувства, обиды, страхи смерти и потребность в уважении. Выиграв суд у дочери по поводу права пользования жилплощадью, пожилой человек остается один в пустой квартире, лишенный заботы и любви, что является для него экзистенциальной катастрофой.

В этом контексте социальная медиация предлагает парадигмальный сдвиг. Геронтологическая медиация (в международной практике – elder mediation) – это специализированный процесс, в котором нейтральный посредник (медиатор) помогает пожилым людям, их семьям и другим значимым лицам вести конструктивный диалог для разрешения споров и планирования будущего с учетом сохранения чести, достоинства и автономии стареющего человека [14].

Нами разработана теоретическая модель интеграции медиативного подхода, которая базируется на нескольких ключевых принципах, адаптированных под нужды старшего поколения:

Во-первых, принцип темпоральной адаптивности.

Когнитивные особенности пожилых людей требуют изменения классического тайминга медиации. Пожилому человеку нужно больше времени на осознание вопросов, воспоминания (рассказ о прошлом для них часто является ключом к объяснению текущей позиции) и формулирование мыслей. Социальный медиатор должен владеть техниками глубокого эмпатического слушания, не прерывая фазу «нарратива» (рассказа истории).

Во-вторых, презумпция компетентности и преодоление эйджизма.

В конфликтах с детьми или социальными службами к пожилому человеку часто относятся снисходительно, как к неразумному ребенку (инфантилизация) [15]. Медиатор искусственно выравнивает баланс сил за столом переговоров. Он возвращает пенсионеру субъектность, акцентируя внимание сторон на его жизненном опыте и праве самостоятельно принимать решения касательно своей судьбы (пока его дееспособность не ограничена судом).

В-третьих, мультивариативность состава участников.

Часто в геронтологической медиации участвует не две стороны, а целая семейная система: сам пожилой человек, его дети от разных браков, внуки, а иногда и прикрепленный социальный работник или лечащий врач. Медиатор управляет сложной групповой динамикой, переводя фокус с вопроса «кто прав» на вопрос «как организовать жизнь нашего пожилого родственника максимально комфортно для всех».

В-четвертых, превентивная направленность.

В рамках социальной работы медиация должна применяться не только когда конфликт уже перешел в стадию «горячей войны», но и на этапе прогнозируемых кризисов. Например, семейная медиативная сессия может быть проведена при принятии решения о переезде пожилого человека в дом-интернат или при найме круглосуточной сиделки. Открытое обсуждение страхов и ожиданий предотвращает будущие упреки и ссоры [16].

Теоретическое моделирование позволило выделить три основных механизма, через которые социальная медиация выступает инструментом повышения качества жизни пожилых людей:

Восстановление социального капитала и преодоление изоляции. Медиация по своей природе направлена на сохранение отношений. Выработка взаимоприемлемого соглашения между конфликтующими родственниками позволяет вернуть пожилого человека в лоно семьи. Восстановление общения с внуками или примирение с соседями возвращает пенсионеру социальные роли («я – дедушка», «я – уважаемый сосед»), что критически важно для социальной самоидентификации и удовлетворенности жизнью.

Снижение психосоматического напряжения. В ходе медиации применяется техника «вентиляции эмоций». Пожилой человек получает легитимное, безопасное пространство для того, чтобы высказать свои обиды, страхи потери контроля над жизнью и тревогу перед смертью. Ощущение того, что он был услышан (даже если вторая сторона не согласилась со всеми требованиями), кардинально снижает уровень фрустрации. Устранение эмоцио-

нального корня конфликта способствует стабилизации артериального давления, улучшению сна и общего самочувствия, что напрямую коррелирует с физическим компонентом качества жизни.

Эмпауэрмент (наделение силой) и возвращение субъектности. В ситуации физического увядания пожилые люди часто чувствуют потерю контроля над собственной судьбой. Добровольное участие в выработке условий медиативного соглашения возвращает им чувство контроля и ответственности. Они перестают быть пассивными объектами чужих решений (судьи, детей или соцработника) и становятся полноправными творцами своей жизни. Это формирует оптимистичный настрой и повышает индекс психологического благополучия.

Таким образом, социальная медиация способна трансформироваться из узкой юридической технологии в фундаментальный инструмент социальной терапии и поддержки активного долголетия.

На основе проведенного теоретико-методологического анализа проблемы можно сделать ряд концептуальных выводов:

Межличностные и институциональные конфликты выступают мощнейшим деструктивным фактором, снижающим как объективные (состояние здоровья), так и субъективные (удовлетворенность, уровень счастья) показатели качества жизни граждан пожилого возраста.

Традиционные механизмы разрешения споров (суды, административные жалобы) обладают высокой степенью конфликтогенности, разрушают остаточные социальные связи пожилого человека и ведут к его стигматизации и одиночеству.

Социальная медиация, адаптированная с учетом геронтологической специфики, представляет собой инновационный инструмент социальной работы. Ее восстановительный потенциал заключается не столько в подписании формального соглашения, сколько в терапевтическом эффекте самого процесса: выравнивании баланса сил, преодолении эйджизма и предоставлении безопасного пространства для выражения эмоций.

Внедрение социальной медиации в геронтологическую практику ведет к повышению качества жизни за счет восстановления нарушенных семейных коммуникаций, снятия хронического стресса и возвращения пожилому человеку чувства контроля над своей судьбой (субъектности).

Для перевода теоретических положений в плоскость практической реализации необходимо внесение изменений в государственную социальную политику. Целесообразно рекомендовать включение модуля «Восстановительная медиация в работе с пожилыми людьми» в образовательные программы подготовки специалистов по социальной работе, а также открытие служб превентивной социальной медиации на базе региональных центров социального обслуживания. Это позволит создать по-настоящему доступную, гуманную и экологичную систему защиты прав и интересов лиц старшего поколения, способствуя построению общества для всех возрастов.

Литература

1. Григорьева, И. А. Социальная политика в условиях демографического старения: парадигма активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 3. С. 15–38.

2. Александрова, М. Д. Проблемы качества жизни лиц старшего возраста в современной науке // Психология старения и геронтология. М.: Академия, 2020. С. 112–129.

3. Краснова, О. В., Марцинковская, Т. Д. Особенности психологической адаптации в позднем возрасте // Вопросы психологии. 2022. № 2. С. 45–54.

4. Холостова, Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: учебное пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и Ко, 2023. 340 с.

5. Шамликашвили, Ц. А. Медиация как метод внесудебного разрешения споров: социокультурный аспект. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2019. 288 с.

6. Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И. Конфликтология: учебник для вузов. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2020. 528 с.

7. Гришина, Н. В. Психология конфликта. 3-е изд. СПб.: Питер, 2021. 576 с.
8. Смолянинова, О. Г., Коршунова, В. В. Социальная медиация как инновационная технология разрешения конфликтов в социальной сфере // Вестник Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 1. С. 98–110.
9. Вдовина, М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье и пути их преодоления с помощью медиации // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 1. С. 55–63.
10. Дементьева, Н. Ф. Внутрисемейные конфликты при уходе за пожилыми родственниками: причины и следствия // Социальное обслуживание семей и детей. 2020. № 4. С. 34–41.
11. Романова, Е. А. Институциональные барьеры в системе социального обслуживания граждан старшего поколения // Вестник социальной работы. 2023. № 2. С. 18–27.
12. Клементьева, М. В. Деструктивное поведение в старости: психологические механизмы бытовых конфликтов // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 5. С. 76–85.
13. Иванов, А. В. Альтернативные способы разрешения споров в практике социальной работы: ограничения и перспективы // Право и социальное развитие. 2022. № 3. С. 89–96.
14. Макарова, Е. В. Геронтологическая медиация (Elder Mediation): зарубежный опыт и перспективы внедрения в России // Журнал исследований социальной политики. — 2023. Т. 21, № 4. С. 605–618.
15. Смирнова, Т. В. Эйджизм в современном обществе: скрытые формы дискриминации и методы противодействия. М.: Русайнс, 2022. 176 с.
16. Социальная работа: методы и технологии : пособие / Г. А. Бутрим, Н. Н. Красовская, Т. В. Тратинко. Минск : БГУ, 2024.

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ СПО ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ “СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Карабанова О.А. *– преподаватель социальных дисциплин, ГБПОУ «Московский колледж социальных профессий им. Е.И. Холостовой», Москва, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования профессиональной идентичности и ценностных ориентиров студентов среднего профессионального образования по специальности «Социальная работа». Автор аргументирует необходимость применения практико-ориентированных технологий в профессиональном воспитании. Предлагается модель поэтапного внедрения данных технологий, основанная на принципах последовательности, обязательной рефлексии и партнерства с профессиональным сообществом.
Ключевые слова: профессиональная подготовка студентов, социальная работа, специалист социальной работы, практико-ориентированные технологии, формы и методы обучения.

«PRACTICE-ORIENTED TECHNOLOGIES IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF SECONDARY EDUCATION IN THE SPECIALTY OF "SOCIAL WORK"»

Karabanova Oksana Anatolyevna

Annotation: This article examines the development of professional identity and value orientations in students majoring in Social Work. The author argues for the need to employ practice-oriented technologies in professional development. A model for the phased implementation of these technologies is proposed, based on the principles of consistency, mandatory reflection, and partnership with the professional community.
Keywords: professional training of students, social work, social work specialist, practice-oriented technologies, forms and methods of teaching.

В российской системе подготовки социальных работников практико-ориентированное обучение рассматривается как составной компонент учебного процесса, формирующий

не только навыки, но и ценностно-профессиональное мировоззрение. Так, Е.И. Холостова и А.М. Панов подчеркивают, что практическое обучение должно включать глубокое изучение правовой базы системы социальной защиты населения [15]. По их мнению, социальный работник – не рядовой исполнитель, а медиатор между клиентом и государством, способный уверенно ориентироваться в сложной системе социальных отношений. Данная позиция способствует раскрытию ключевой проблемы. Образовательный процесс обычно помогает формированию у студентов лишь академических компетенций, но не развивает их применение с учетом контекста и человеческого фактора в реальной практике.

Однако реализацию роли посредника между клиентом и государством невозможно осуществить, полагаясь исключительно на классические лекции и семинары. Н.С. Румянцева и О.В. Оконешникова указывают, что педагогический процесс следует перестраивать с традиционной передачи знаний на формирование профессионального типа мышления и метакогнитивной рефлексии [14]. Исследователи рекомендуют увеличить количество интерактивных форм учебной деятельности и практико-ориентированного взаимодействия преподавателя со студентом через исследовательские проекты, креативные кейсы и практики. Можно отметить, что в системе СПО данная установка еще значимее. Именно практико-ориентированные технологии способствуют начинающему специалисту по социальной работе устранению разрыва между знанием нормы и ее этической реализацией.

Основу практико-ориентированных технологий составляет создание условий, в которых студент имеет возможность выявить и реализовать свой интерес к познанию. Поэтому практико-ориентированное обучение предполагает:

– освоение студентами образовательной программы не в аудитории, а в реальных условиях, формирование у студентов профессиональных компетенций за счет выполнения ими реальных практических задач в учебное время;

– практическая деятельность по осваиваемому профилю обучения с участием профессионалов этой деятельности [8].

Кейс-метод рассматривается как одна из фундаментальных образовательных технологий. В современной российской педагогике его сущность подробно освещена в исследованиях А.М. Долгорукова и С.Ю. Поповой. Долгоруков трактует метод конкретных ситуаций как динамичный проблемно-ситуационный анализ, опирающийся на совместный поиск решения задачи академической группой обучающихся [4]. Попова акцентирует, что процедура работы с кейсом представляет собой именно коллективный анализ, приводящий к выбору оптимальной стратегии устранения проблемы [11]. Следовательно, оба ученых едины во взгляде, что продуктивность кейса определяется не поиском ответа, а процессом когнитивной и этической рефлексии.

Следует акцентировать внимание на воспитательно-образовательном потенциале кейс-метода именно в социальной работе. Тогда как в управленческом обучении кейс преимущественно отрабатывает стратегические решения, в социальном контексте он репрезентирует глубокий морально-ценностный конфликт для участников.

Примером может выступать ситуация с подростком с психологическими или социальными проблемами, отвергшим помощь. Обучающимся надлежит не только сконструировать план сопровождения. Также важно исследовать рубежи между настойчивостью и принуждением, соотношение долга помощи и автономного самоопределения клиента. Воспитывающее воздействие обеспечивается публичной рефлексией альтернативных решений и связанных с ними этических обоснований. Так, студент без угрозы для клиента принимает профессиональное решение и аргументированно отвечает перед группой. Процесс способствует развитию компетенций этической аргументации и укрепляет профессиональную идентичность, а также поддерживает готовность к междисциплинарному взаимодействию и критическому постоянному самоанализу [7].

Можно отметить, что сильной стороной упомянутого кейса является создание этического конфликта, при котором студенту важен именно ценностный выбор. Однако, есть и существенные ограничения. Например, отсутствие реальной ответственности и практического давления, которые возникают при работе с человеком. Используя данную практику,

обучающийся не всегда способен полностью прочувствовать эмоциональную сложность самой ситуации. Следовательно, несмотря на то, что данный метод является эффективным практико-ориентированным инструментом, важно дополнять его другими формами обучения. Это позволит приблизиться к естественной профессиональной реальности.

В системе профессионального становления социальных работников социальное проектирование позиционируется не столько как изолированный обучающий модуль, сколько как многоуровневая, интегрированная, ценностно-воспитательная технология. Она вовлекает студентов в полный профессиональный цикл: мониторинг проблем, аналитическую рефлексию, концептуальное моделирование, прототипирование, тестирование и масштабирование общественно значимого сервиса на локальной площадке. Ключевой вектор процесса – ориентация на целевую группу, трансформирующая теорию в осознанное действие [1].

Как отмечает Е.А. Слепенкова, любой социальный проект по своей сути направлен на целенаправленное улучшение окружающей социальной среды и конкретного социума [13], что и определяет его высокий педагогический потенциал.

На наш взгляд, именно практико-ориентированная направленность на трансформацию социальной действительности, способствует формированию смыслового ядра педагогического инструментария. При этом она помогает развитию у обучаемого субъектной позиции ответственного инициатора.

Процесс включает ряд ключевых стадий, каждая из которых несет воспитательный потенциал. При диагностике потребностей важно использовать эмпатию и анализ, позволяя студенту выявлять не поверхностные запросы (например, «пожилым людям недостает общения»), а подлинные. Тем самым обучающийся оттачивает способность слушать, формулировать уточняющие вопросы, переходя от абстрактного «клиента» к реальному человеку [2].

Примером может выступать социальный проект, адресованный малообеспеченным молодым семьям в условиях кризиса. Студенческая команда проводит социологические анкетирования в микрорайонах с высокой концентрацией указанной группы, выявляет приоритетные социально-правовые запросы (жилищные проблемы, получение пособий, образовательные гарантии несовершеннолетних).

Воспитательный компонент проявляется в фазе имплементации. Студенты фиксируют подлинную эмоциональную реакцию клиента (тревогу, радость). Получаемая обратная связь позволяет корректировать инструменты, оттачивать навыки гибкой коммуникации и ситуационной адаптации. Процесс одновременно закрепляет персональную ответственность. Долговременная командная работа развивает навыки коллегиального взаимодействия, проектного планирования, взаимной поддержки во время неудач и совместного постфактум-анализа и рефлексии достигнутых социально-правовых результатов.

Следовательно, социальное проектирование, интерпретированное сквозь идеи Е.А. Слепенковой о его трансформационной общественной миссии [13], предстает как действенная технология формирования целостного компетентного рефлексивного профессионала. Последовательно она создает у студента неразрывную корреляцию трех блоков. А именно, когнитивные знания (диагностика, социальные регулятивы), операционные действия (конструирование, апробация проекта) и мотивационные аксиологические установки (ответственность, признание достоинства клиента, ориентация на продуктивный результат), обеспечивающие устойчивую самоопределенность. Исходя из этого, можно отметить, что, в отличие от фрагментарных учебных кейсов, социальный проект конструирует «ситуацию собирания» субъектной личности специалиста, где императив помощи переводится в алгоритмизованные шаги, а рефлексивный анализ последствий принятых решений выступает ключевым педагогическим механизмом. Тем самым преодолевается учебный формализм и формируется устойчивая профессиональная идентичность, опирающаяся на взаимодействие и доказательную социальную результативность.

Симуляционные и ролевые технологии обучения являются эффективным дидактическим инструментарием, обеспечивающим реконструкцию многоуровневых коммуника-

тивных и аффективных сценариев профессиональной деятельности в контролируемой академической среде. Их принцип строится не на формальном копировании алгоритмов, а на глубоком включении обучающегося в ролевую позицию ради формирования когнитивно-аффективного и поведенческого опыта. Тем самым студенты осваивают не только процедурные действия, но и эмоциональную саморегуляцию в аналогичной производственной ситуации [3].

Технология предусматривает применение разнотипных обучающих форм. Одним из самых результативных признана драматизация конфликтных кейсов, к примеру, инсценировка семейного совета при противостоянии подростка и родителей. Обучающиеся принимают на себя функции социального работника-медиатора, матери, отца, самого ребенка и, при необходимости, значимого родственника. Такое ролевое упражнение дает возможность не только закрепить навыки активного слушания, беспристрастности, но и пережить аутентичный аффективный опыт. Клиент, изображающий родителя, сталкивается с обидой либо беспомощностью, а играя специалиста, ощущает давление поддержания паритетности и поиска решения. Ключевой же является позиция клиента, поскольку она децентрирует восприятие. Студент осознает поведение не как «проблему», а как реакцию на индивидуальные страхи, травмы, уязвимости или скрытые, неосознанные эмоции и когнитивные установки клиента.

В рамках профессиональной подготовки социальных работников ключевым компонентом, трансформирующим рутинную практику в интегральную воспитательную технологию, является система супервизии. Е.К. Погодина определяет супервизию как специфическую консультативную модель, в которой практик получает поддержку и сопровождение от более опытного коллеги, что помогает ему регулярно осознавать, анализировать и эффективно корректировать собственные профессиональные действия и поведение [9]. Данное понимание подчеркивает супервизию не как контролирующую функцию, а как рефлексивный ресурс развития. Мы убеждены, что именно указанный рефлексивный компонент превращает супервизию в ключевой педагогический механизм, перемещающий обучаемого от овладения умениями к конструированию профессионального сознания и устойчивой идентичности.

В российской парадигме супервизия преимущественно интерпретируется как менторская поддержка на этапе профессиональной социализации, которую С.И. Поздеева называет ее ключевой практической задачей [10]. При этом, разделяя указанную позицию, подчеркиваем, что образовательный ресурс супервизии значительно превышает рамки сугубо адаптационного тьюторства. Целенаправленно структурированные сессии с супервизором ориентированы не столько на проверку процедурной корректности интервенций, сколько на глубокий рефлексивный разбор психоэмоциональных откликов и ценностно-смысловых детерминант профессионального поведения стажера. Тем самым супервизия функционирует как пространство для деконструктивного осмысления сложных процессов, проявляющихся в практике. Например, что обусловило раздражение при контакте с определенным клиентом, как управлять ощущением беспомощности, каким образом отстаивать профессиональные границы и т. п.

На супервизионной встрече практикант, к примеру, презентует клинический кейс о клиенте, систематически нарушающем контракт, при этом вызывающем у студента искреннюю эмпатийную привязанность. Формат супервизии исключает изоляционную проверку правильности техник. Вместо этого супервизор ориентирует работу на расширенную профессиональную рефлексию и предлагает исследовать сущность эмоциональной связи, выявить скрытые личные чувства, способные искажать клиническое восприятие. При этом студенту необходимо удерживать четкие терапевтические рамки, границы ответственности и условия контракта. Это способствует минимизации риска профессионального выгорания в условиях долгосрочной терапевтической работы [4].

Подобная образовательная стратегия способствует формированию у начинающего профессионала устойчивой когнитивной культуры осознанной рефлексивной практики. Она помогает развитию критически значимого компетентностного навыка распознавания и

саморегуляции индивидуальных аффектов в парадигме профессионально-ролевых взаимоотношений. В ходе тренинговой сессии обучающийся учится сознательно выстраивать и удерживать адекватные границы психологической помощи, осознавая, что этичность проявляется не в эмоциональной стерильности, а в динамическом равновесии эмпатии с профессиональной ответственностью. Данный метод педагогической работы эффективно профилактирует раннее психоэмоциональное выгорание, укрепляя положения этического кодекса, а не лишь формальные [12].

Проведенный анализ доказывает, что актуальные практико-ориентированные педагогические технологии, внедряемые при профессионализации социальных работников, не универсальны, однако характеризуются точечным воспитательным потенциалом, влияющим на отдельные блоки становящейся профессионально-ценностной личности. Каждая технология закрывает собственный сегмент комплексной задачи.

Так, кейс-технология последовательно культивирует аналитическую когнитивность и критико-этическую рефлексию, способствуя побуждению будущего профессионала идентифицировать моральные коллизии и находить аргументированные решения. Социальное проектирование помогает развитию стратегического видения, ответственности за результат и умение конвертировать концепт в реализуемое действие. Ролевое моделирование обеспечивает формирование эмпатии, коммуникативной пластичности и способности соотносить поведение с ситуационными контекстами. Супервизия поддерживает развитие психоэмоциональной резистентности и внутренних алгоритмов профессиональной саморегуляции, функционируя как механизм против выгорания. Следовательно, даже их разрозненная имплементация демонстрирует ощутимый личностно-профессиональный воспитательный эффект.

Однако, на наш взгляд, действенный воспитательный результат обеспечивается не линейным, а целостным, интегративно-модульным использованием указанных педагогико-дидактических технологий, когда они сливаются в непрерывный обучающе-воспитательный континуум. Лишь цикличный, взаимосвязанный формат позволяет студенту не просто знать профессию, но во всей полноте прожить ее деятельностно-операциональные, эмоциональные и аксиологические аспекты профессиональной деятельности.

Следовательно, вывод заключается в том, что эффективная модель профессионального формирования социального работника должна опираться не на механическое агрегирование техник, а на их компетентностно-ориентированный дидактический синтез, конструирующий профессиональную действительность обучения.

Исходя из анализа предлагается модель внедрения практико-ориентированных технологий в профессиональном воспитании студентов СПО по специальности «Социальная работа», базирующейся на трех принципах.

Первый принцип – иерархическая последовательность «от простого к сложному». Методики вводятся ступенчато, от аналитических технологий к симуляциям, затем к проектным технологиям и, наконец, к погружению.

Второй принцип – обязательная рефлексивная компонента. Каждое занятие завершается метаанализом ценностного и аффективного опыта обучающихся.

Третий принцип – партнерство. Супервизия проектов должна осуществляться не только преподавателями, но и практикующими социальными работниками [3].

Для реализации данной модели образовательным организациям СПО рекомендуется:

1. Разработать и внедрить в образовательную программу модуль «Профессионально-ценностное воспитание» как самостоятельный, аттестационный раздел.

2. Сформировать базу репрезентативных кейс-стадий и ролевых симуляций.

3. Институционализировать клиническую супервизию. Включить в штат либо на постоянной контрактной основе практикующих соцработников или психологов-наставников для методического сопровождения практики.

4. Провести ежегодный «Фестиваль социальных инициатив» как итоговую платформу, где студенты демонстрируют реализованные мини-проекты широкому экспертному сообществу.

5. Сформировать методическую компетентность педагогов по применению технологий в воспитательном аспекте.

Таким образом, практико-ориентированные технологии в системе среднего профессионального образования по подготовке социальных работников выступают стратегическим ресурсом конструирования будущей профессиональной идентичности. Они помогают нивелировать разрыв между теоретическим усвоением знаний и развитием практико-этической личности специалиста. Педагогический результат выражается в формировании эксперта, воспринимающего свое призвание как нравственный выбор и социальное служение. Применение практико-ориентированных технологий в рамках учебного процесса подготовки специалистов социальной работы дает возможность студентам не только осуществлять имитационную профессиональную деятельность по разрешению ситуаций, но и самим непосредственно участвовать в преобразующей деятельности.

Литература:

1. Асильдерова М. М. Профессиональная рефлексия как профессионально важное качество социального педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72–3.
2. Витольник В. Н. Принципы проектирования и тенденции развития современных образовательных технологий // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79–1.
3. Диденко А. В. Супервизия как технология сопровождения студентов на производстве в рамках федерального проекта «Профессионалитет» // Образование. Карьера. Общество. 2024. №2 (81).
4. Долгоруков А. М. Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения / А. М. Долгоруков. - Текст: электронный // Технология case-study: учебно-методическое пособие / М. В. Плотников, О. С. Чернявская, Ю. В. Кузнецова. - Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014.
5. Завражнов В. В. Возможности педагогического обеспечения формирования профессиональной культуры при подготовке будущих социальных работников // МНКО. 2022. №2 (93).
6. Касаткина М. И. Деловая игра как метод практико-ориентированной профессиональной подготовки будущих социальных работников // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. №2 (70).
7. Касаткина М. И. Методологические подходы к развитию профессионально-нравственного сознания будущих социальных работников // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. №4 (68).
8. Колесниченко А. Н. Применение кейс-метода в рамках профессионально ориентированного подхода к обучению в техническом вузе // Педагогическое образование в России. 2024. №2.
9. Погодина Е. К. Модель организации деятельности специалистов социально-педагогической и психологической службы по оказанию психолого-педагогической помощи семьям в воспитании детей / Е. К. Погодина // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. статей. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 52–55.
10. Поздеева С. И. Ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании: постановка проблемы // Вестник Мининского университета. 2024. №4 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovoy-podhod-v-vysshem-pedagogicheskom-obrazovanii-postanovka-problemy (дата обращения: 16.04.2026).
11. Попова С. Ю., Селезнева А. В. Наставничество в работе с молодежью: технологии и инструменты. – Тверь: СФК-офис, 2022.
12. Российская энциклопедия социальной работы : Энциклопедия / Под ред. Холостова Е.И., – 3-е изд. – М.:Дашков и К, 2018. – 1032 с.
13. Слепенкова Е. А. Исторические предпосылки социального проектирования как воспитательной технологии в отечественной школе // Социальная педагогика. 2020. №2.

14. Социальная психология: учебное пособие / Е.Ф. Ященко, О.В. Оконешникова. СПб: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2021. 250 с.
15. Холостова Е. И. Социальная работа: учебник для вузов, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 755 с.

ТРАНСПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА: СУЩНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Монахов О.Н. *– кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия.*

Аннотация. В статье рассматривается особенности подготовки будущих социальных работников для решения задач профессиональной деятельности, имеющих междисциплинарный и межведомственный характер. На основе анализа социальных ролей, исполняемых социальными работниками, делается вывод о необходимости формирования у них транспрофессиональной компетенции. В качестве методологических оснований формирования транспрофессиональной компетенции определены практико-ориентированный и экзистенциальный подходы.
Ключевые слова: социальные работники, транспрофессиональная компетенция, практико-ориентированный подход, экзистенциальный подход.

TRANS-PROFESSIONAL COMPETENCE OF A SOCIAL WORKER: ESSENCE AND METHODOLOGICAL BASIS OF FORMATION

Monahov O. N. *– Candidate of pedagogic, Sciences, Associate professor of department of social pedagogy and organization of work with youth. .Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl Russian Federation.*

Annotation. The article examines the peculiarities of training future social workers to solve problems of professional activity that have an interdisciplinary and interdepartmental nature. Based on the analysis of social roles performed by social workers, it is concluded that it is necessary to form transprofessional competence in them. Practice-oriented and existential approaches are defined as methodological grounds for the formation of transprofessional competence.
Keywords: social workers, transprofessional competence, practice-oriented approach, existential approach.

Решение социальных проблем всегда рассматривалось как приоритетное направление государственной политики Российской Федерации, нацеленной на обеспечение социальной защищенности населения и предоставление широкого спектра качественных социальных услуг. Ориентиры современной социальной политики закреплены в документах стратегического планирования, утвержденных указами Президента Российской Федерации, которыми в качестве одной из национальных целей развития установлено сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи [10].

Данная цель сопряжена с реализацией системы мер, внесенных в национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», в число показателей которого включена доля государственных и муниципальных организаций социальной сферы, вовлеченных в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, нарастающим итогом – **100 % [**12**]. Количественный параметр данного показателя** обуславливает разработку и внедрение инновационных технологий социальной работы, трансформацию моделей взаимодействия специалистов социальных служб с гражданами, нуждающимися в социальной помощи.

Компетенции, способствующие конструктивному решению социальных проблем, эффективное использование цифровых средств и методов для постоянного контакта с различными государственными структурами и общественными объединениями, уход от стан-

дартных схем профессионального мышления в разрешении возникающих трудных жизненных ситуаций выстраивают контуры профессионализма специалиста социальной работы. Реализация национальных проектов в социальной сфере предполагает фокусирование ресурсов системы профессиональной подготовки будущих социальных работников на решение профессиональных задач, связанных с теми социальными ролями, которые им предстоит выполнять в рамках социальной работы.

Опираясь на научные труды Е.И. Холостовой, будем исходить из того, что социальный работник выполняет в своей профессиональной деятельности разнообразные социальные роли [11, с.750-751], реализация которых направлена на решение соответствующих социальных проблем (табл.).

Совокупность указанных в таблице социальных ролей интегрирует функции различных областей деятельности на пересечении психологии, педагогики, социологии, юридических дисциплин, что, в свою очередь, перекраивает компетентностный облик социального работника, диктует необходимость его трансформации за счет новых компетенций, разрабатываемых в соответствии с развитием сферы социального обслуживания и социальной помощи.

Таблица. Социальные роли, выполняемые социальным работником

Социальная роль	Сфера деятельности
посредник	организация взаимодействия между гражданами, органами власти и социальными учреждениями
адвокат	защита прав и интересов социально уязвимых слоев населения
организатор совместной деятельности	создание условий для проявления гражданами инициативы и творчества
терапевт и наставник	забота о здоровье семей, детей, пожилых граждан
конфликтолог	разрешение конфликтных ситуаций
аниматор	обеспечение сотрудничества между личностью и социумом
эксперт	проведение социальной диагностики
общественный деятель	поддержка инициатив граждан, направленных на улучшение социальной среды

Востребованность в специалистах социальных служб, способных осуществлять комплексное решение трудных жизненных ситуаций с элементами неопределённости и нестабильности, подчеркивает междисциплинарный и межведомственный характер решаемых социальной работой задач. Особенности оказания социальной поддержки и помощи в современных условиях указывают на важность формирования у будущих социальных работников транспрофессиональной компетентности «… как способности осуществлять профессиональные действия, относящиеся к смежным профессиональным областям, выходить за рамки одной специализации для работы с конкретной проблемной ситуацией человека, не имеющей стандартных вариантов управленческого и социокультурного решения» [3, с.9].

Экономические и социальные трансформации характеризуются сложностью, нестабильностью и неоднозначностью, создают предпосылки для выхода специалистов разных областей профессиональной деятельности за границы свое профессии для успешной адаптации и результативной работы. Вследствие этого формирование транспрофессиональной компетентности становиться объектом исследовательского интереса ученых и экспертов многих научных направлений.

Во многом такой интерес вызван становлением и развитием цифрового общества, которое «… порождает транспрофессионализм, то есть способность личности к саморазвитию, наращиванию дополнительных компетенций, овладению смежными профессиями» [5, с.10]. Технологические новшества постиндустриального мира приводят к турбулентности социальной реальности в координатах физического и виртуального миров, что усиливает

тенденции профессиональной мобильности личности, заставляя её выходить за границы одной профессии.

Исследовательские оценки транспрофссионализма нашли свое отражение как в зарубежных, так и отечественных научных работах. Популярным у зарубежных авторов является использование понятий «мультипрофессионализм», «интерпрофессионализм» «транспрофессионализм». Но как отмечает Э. Зеер и другие авторы, в иностранной литературе к существенным чертам транспрофессионала отнесены обладание «… глубоким знанием не только своей специальности, но и смежных с ней, широким кругозором, глобальным мышлением, готовностью и умением работать в команде [6, с.40].

Авторами (Э.Ф. Зеер, Е.А. Максимова, А.С. Морозова и др.) отечественных научных изданий транспрофессионализм репрезентирован как «… совокупность новых компетенцией, опирающихся на межпрофессиональный синтез, позволяющий личности адаптироваться к требованиям постиндустриальной экономики и быть конкурентоспособной на рынке труда» [5, с.6-7].

В современных условиях становиться очевидным то, что при цифровом укладе жизни общества происходит быстрая смена технологий, вызывающая необходимость формирования компетенций, наращивающих уровень профессионализма. Для социального работника таковыми являются цифровые компетенции, обеспечивающие:

- предоставление социальных услуг в режиме-онлайн;
- дистанционный формат предоставления социальной помощи.

Кроме этого, распространение цифровых сервисов может привести к сложностям для некоторых граждан, обращающихся за помощью в социальные учреждения и организации, что потребует консультаций со стороны социального работника для преодоления появляющихся «цифровых барьеров».

Социальные работники, осуществляющие оказание социальной помощи, выполняют широкий спектр задач, включая диагностическую, консультативную, адаптационную и экспертную деятельность, а также ряд других функций.

В профессиональной среде, помимо широкого спектра функций, социальные работники должны обладать качествами, которые специалисты считают критически важными для эффективного выполнения их обязанностей: профессиональная компетентность, доброжелательное отношение к людям, коммуникабельность, нервно-психическая выносливость, адекватность представлений о своей личности, высокий морально-этический уровень и другие [11, с.706-707].

Таким образом, цифровизации социальной сферы требует от социального работника постоянного обновления профессиональных знаний, умения включаться в работу в меняющихся условиях профессиональных практик, которые характеризуются:

- сопряженным устареванием и обновлением квалификаций, вызванное цифровой технологизацией;
- встраиванием профессионального функционала специалиста в цифровые алгоритмы деятельности;
- неопределённостью и противоречивостью процессов на рынке труда;
- увеличением интенсивности процессов в социальной сфере за счет появления инновационных технологий, влияющих на ее количественные и качественные характеристики;
- отставанием института профессионального образования от потребностей рынка труда;
- сложностями и противоречиями оценки реального/виртуального результата социальной работы.

В связи с вышесказанным изучение формирования транспрофессиональной компетенции социального работника становиться актуальной.

Результаты профессиональная деятельность социального работника находятся в прямой зависимости от уровня компетенций, позволяющих ему решать трудные жизненные ситуации субъектов социальной помощи с учтём достижений современной науки и опыта.

Отечественные исследователи описывают понятие «компетенции» как единство личностных характеристик, знаний и опыта субъекта» [7]. Г.А. Гущина и В.П. Масягина выделяют разнообразие вариаций определения компетенции, среди которых в контексте рассматриваемой нами темы выделяется подход, представляющий компетенции как качества личности, которые необходимы для осуществления деятельности в большой группе разнопрофильных профессий [4, с. 91]. Транспрофессиональные компетенции способствуют результативности профессиональной деятельности в ситуациях многозадачности и неопределенности, обеспечивают включение инноваций в функционал специалиста, нацеливают на применение креативного подхода к решению проблем, их рассмотрения в междисциплинарной ключе. Такое понимание анализируемой компетенции, включающей личностные характеристики, необходимые для эффективного решения проблем на фундаменте междисциплинарной интеграции, предполагает выявление ее структуры, что находит отражение в ряде научных публикаций.

В частности, учитывая существующие в научном сообществе подходы О. Г. Бырдина и ряд авторов выделили ряд кластеров транспрофессиональных компетенций педагога: «… психологический, технологический, креативный, социально-коммуникативный, методический, гражданско-правовой» [2]. Обращая внимание на создание условий для индивидуального саморазвития педагогических работников и основываясь на изучении запросов работодателей к компетентности специалистов среднего звена Л.В. Вахидова, Э.М. Габитова систематизировали составляющие транспрофессиональных компетенций, выделив следующие группы: «… технологические, информационные, коммуникативно-межпрофессиональные, нормативно-правовые…» [1]. Таким образом, структура транспрофессиональной компетенции представителей разных профессий характеризуется многокомпонентностью, вытекающей из обширного спектра специализированных видов деятельности.

Опираясь на результаты анализа социальных ролей, выполняемых специалистами учреждений социальной защиты, автором данной статьи выделены компоненты транспрофессиональной компетенции социальных работников (ТКСР): административно-деятельностный, социально-правовой, коммуникативно-деятельностный, когнитивно-деятельностный, аналитико-рефлексивный, интерактивно-деятельностный, процессуальный, поведенческий.

Административно-деятельностный компонент ТКСР связан с социальной ролью «посредник» и проявляется в способности выстраивать успешное взаимодействие с органами государственной власти, местного самоуправления и должностные лицами, обладающими полномочиями в решении социальным проблем граждан.

Социально-правовой компонент ТКСР определяет способности выстраивать эффективную правовую защиту социально уязвимых категорий граждан и согласован с социальной ролью «адвокат».

Коммуникативно-деятельностный компонент ТКСР находит свое выражение в рамках социальной роли «организатор совместной деятельности», для которой является важным способность осуществлять профессиональную коммуникацию, направленную на установление продуктивного взаимодействия с гражданами, находившихся в трудных жизненных ситуациях.

Когнитивно-деятельностный компонент ТКСР проявляется в реализации социальной роли «терапевт и наставник» и связан с со способностью диагностирования психофизического состояния организма граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, конструирования индивидуальной модели здоровьсбережения.

Аналитико-рефлексивный компонент ТКСР вытекает из особенностей социальной роли «конфликтолог», исполнение которой невозможно без способности анализа конфликтного поведения граждан, находящихся под влиянием материальных, психологических, правовых трудностей, умения найти выход из ситуации социального конфликта.

Интерактивно-деятельностный компонент ТКСР соотносится с социальной ролью «аниматор», предполагающей сформированность способности восстанавливать утраченные в результате трудных жизненных ситуаций социальные связи между субъектами социальной помощи и социумом.

Процессуальный компонент ТКСР интегрирован с социальной ролью «эксперт», для которой ключевой способностью выступает обнаружение противоречий, лежащих в основе трудных жизненных ситуаций, их оценка с позиций норм социальной помощи, прогнозирование развития таких ситуаций с учетом мотивов их участников, осуществляя сопровождение их действий для продуктивного выхода из сложных социальных условий.

Поведенческий компонент ТКСР предусматривает для социальной роли «общественный деятель» способность осмысленно применять технологии социальной работы для раскрытия потенциала граждан, оказывать им содействие в устранении или снижении негативного влияния жизненных трудностей и социальных проблем.

Таким образом, оказание социальной помощи, взаимодействие с получателями социальных услуг, социальная поддержка граждан, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях, требует сформированности ТКСР.

Педагогическая деятельность по формированию ТКСР опирается на методологические основания практико-ориентированного подхода, предоставляющего «…накопление обучающимися опыта межведомственного взаимодействия с разноотраслевыми специалистами социальной сферы при решении учебно-профессиональных задач» [8, с. 9], и экзистенциального подхода, определяющего в качестве направлений педагогического взаимодействия субъектов профессиональной подготовки будущих социальных работников личностные смыслы и понимания, регулятивами которых можно обозначить экзистенциалы выбора, свободы, ответственности.

Обозначенные методологические подход позволяют обозначить ориентиры для формирования ТКСР. Учитывая обоснованные в научных исследованиях дидактические основы организации образовательного процесса по подготовке будущих специалистов социальных служб, выделим принципы формирования ТКСР.

Подготовка к реализации социальных ролей в деятельности социального работника предполагает выстраивание субъектно-субъектных отношений преподавателей и студентов на основе принципа позитивных ожиданий. В качестве педагогического инструментария, позволяющего наполнить занятия содержанием будущей профессиональной деятельности, можно выделить кейс-технологии, социальное проектирование, практические занятия на объектах социальной инфраструктуры, профессионально-ориентированные игровые технологии. Приобретение специалистами социальной работы навыков гибкого, адаптивного и конструктивного поведения в трудных жизненных ситуациях осуществляется на основе принципа социального закаливания, содействующему «…расширению и обогащению опыта поведения в типичных сложных жизненных ситуациях, предупреждающих об изменениях в окружающей среде или адаптирующих к ним» [9, с.198]. Педагогический инструментарий, связанный с реализацией данного принципа, включает: решение этических дилемм, социальные пробы, волонтерство.

Таким образом, совершенствование социального обслуживания граждан и оказания социальной помощи связано с формированием транспрофессиональной компетенции социального работника. Педагогическая деятельность по формированием транспрофессиональной компетенции у будущих социальных работников опирается на методологические основания практико-ориентированного и экзистенциального подходов, позволяющие провести отбор средств и методов, обеспечивающих необходимую педагогическую поддержку обучающимся.

Литература:

1. Вахидова Л.В. Структура транспрофессиональных компетенций специалистов среднего звена // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — №2 (44). — URL: https://research-journal.org/archive/2-44-2016-february/struktura-transprofessionalnyx-kompetencij-specialistov-srednego-zvena.
2. Бырдина О. Г., Долженко С. Г., Юринова Е. А. Транспрофессиональные компетенции педагогов в условиях неопределенности: взгляд изнутри // Высшее образование сегодня. – 2021. – № 4. – С. 20-24.

3. Вязовая О.В. Формирование транспрофессиональной компетентности специалистов социономических профессий в условиях повышения квалификации: автореф. дис. ... кан. пед. наук. – Н. Новгород, 2025. – 23 с.
4. Гущина Г.А., Масягин В.П. Формирование профессиональной культуры студента в условиях вуза: монография. – М.: Изд-во СГУ, 2018. – 332 с.
5. Залевская А.А. Развитие профессиональной субъектности личности в условиях цифровизации общества: автореф. дис. ... кан. фил. наук. – Новочеркасск, 2023. – 24 с.
6. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э., Бердникова Д. В., Борисов Г. И. Методологические основы транспрофессионализма субъектов техномической деятельности // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 11. – С. 38-47.
7. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Гутник И. Ю., Тинкован Е. В. Личностный потенциал транспрофессиональных компетенций обучающихся магистратуры // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 3. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/105PSMN324.pdf.
8. Никитская, Е. А. Профессиональная социализация специалистов социальной сферы на этапе обучения в высшей школе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Москва, 2025. – 49 с.
9. Рожков, М.И. Как сформировать способность преодолевать трудности? // Народное образование. – 2015. – №7. – С. 197 – 200.
10. Указ Президента Рос. Федерации от 25 марта 2024 г. № 400 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG.
11. Холостова Е.И. Социальная работа: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 755 с.
12. Эффективная и конкурентная экономика // Министерство экономического развития Российской Федерации. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ К ЗАЩИТЕ ГРАЖДАН ОТ ДЕСТРУКТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Васюк А.А. *- кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.*

Аннотация. Статья раскрывает проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности в социальной работе. Исследование посвящено формированию готовности социальных работников к защите граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия. Описывается опыт разработки педагогического обеспечения подготовки будущих специалистов социальной работы.
Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность; социальная работа; деструктивное воздействие; профессиональная подготовка; уязвимые категории населения.

FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF SOCIAL WORKERS TO PROTECT CITIZENS FROM DESTRUCTIVE INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL THREATS

Vasyuk A.A. *- Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation.*

Annotation: The article examines the problems of ensuring informational and psychological security in social work. The study is devoted to the development of social workers' readiness to protect citizens from destructive informational and psychological influence. The experience of designing pedagogical support for the training of future social work specialists is described.
Keywords: informational and psychological security; social work; destructive influence; professional training; vulnerable population groups.

В условиях глобализации, цифровизации и интернетизации наблюдается интенсивное применение самых разнообразных методов технологического, психологического и информационного давления на личность, группу и общество. Это в первую очередь связано с активным влиянием на информационную сферу извне и развитием технологий, которые позволяют оказывать воздействие на общественное сознание без непосредственного взаимодействия, а опосредованно, через средства массовой информации, социальные сети, мессенджеры и другие каналы связи. В этой связи чрезвычайно актуальной и важной является информационно-психологического воздействия на граждан [1].

Информационно-психологическое воздействие на граждан способно порождать такие явления как правовой нигилизм, цинизм, агрессию, отказ от традиционных ценностей, негативизм и многое другое. Это в конечном итоге воздействует не только на психологическое и физическое здоровье граждан, но и способно подорвать основы национальной безопасности.

Исследуемая нами проблема носит междисциплинарный характер. Вопросы информационно-психологического воздействия на общество интересуют не только психологов, специалистов по информационной безопасности и юристов, но и философов, культурологов, педагогов и других [2; 3; 4]. Противодействие этому разрушительному явлению лежит в плоскости взаимодействия специалистов из самых различных сфер. Разработкой нормативно-правовой базы обеспечения отношений в информационно-психологической сфере занимаются юристы; вопросы фильтрации деструктивного и нежелательного контента отведены техническим специалистам; разработка программ обеспечения информационно-психологической безопасности и определение порядка финансирования является экономическим мероприятием, которым занимаются соответствующие специалисты; профилактикой негативного информационно-психологического воздействия на обучающихся занимаются педагоги и пр. Специалисты социальной сферы не могут оставаться в стороне от тех тенденций и вызовов современности, которые стоят перед обществом сегодня.

Социальная работа как профессиональный вид деятельности имеет необходимые ресурсы для осуществления противодействия возникающим угрозам [5; 6], поскольку взаимодействует с наименее защищенными группами населения, которые подвергаются информационно-психологическому воздействию деструктивного характера. В их числе безработные и малообеспеченные семьи, сироты, дети и подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями здоровья и другие категории населения.

Научная сфера изобилует материалами, которые касаются тематики информатизации социальной сферы, цифровизации предоставляемых населению услуг, а также необходимости формирования цифровой компетентности и информационный культуры самих социальных работников. Однако в плоскости противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на граждан исследований практически нет.

Авторы исследующие вопросы информационной безопасности в социальной работе анализируют риски и угрозы, в основном, связанные с безопасностью личных данных клиентов, конфиденциальностью и корпоративной безопасностью внутри социальных организаций. Эта проблема также актуальна, однако затрагивает информационно-техническую безопасность, в то время как более деликатная сфера информационно-психологической безопасности остается малоизученной в контексте защиты населения именно при участии социальных работников.

Социальные работники уже сейчас должны обладать соответствующей квалификацией в использовании информационно-коммуникативных технологий и цифровых средств связи, поскольку того требует компьютеризация и цифровизация предоставления социальных услуг. Также действующее законодательство обязывает социальных работников знать основы работы с персональными и конфиденциальными данными клиентов, поскольку это находится в сфере их обязанностей при взаимодействии с личными данными клиентов. Кроме того, некоторые специалисты социальной сферы уже занимаются отдельными направлениями профилактики и противодействия угрозам, которые направлены на их клиентов и другие наименее защищенные категории населения.

Специалисты социальной работы в силу своих должных обязанностей взаимодействуют с наиболее уязвимым группами населения, которые представляют собой граждан, находящихся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, и нуждаются в поддержке государства. Эти же категории граждан являются наиболее уязвимыми к деструктивному информационно-психологическому воздействию. Причины этого различны.

Например, сироты – в силу дефицита устойчивых эмоциональных связей, потребности в принятии и недостаточного жизненного опыта; дети-инвалиды и семьи их воспитывающие – вследствие социальной изолированности и зависимости от внешней помощи; пожилые люди – в силу возрастных когнитивных изменений, ограниченного цифрового опыта, социальной изоляции и высокой доверчивости; малоимущие – вследствие материальной нестабильности, социальной уязвимости, ограниченного доступа к качественным источникам информации и высокой восприимчивости к обещаниям улучшения жизненной ситуации; другие группы – вследствие совокупности факторов социальной нестабильности и эмоционального истощения.

При работе с каждой из упомянутых нами групп социальный работник может повлиять на ситуацию в том числе через раннюю социальную диагностику рисков, профилактическое информирование, работу по развитию критического восприятия информации, организацию наставничества; создание безопасной поддерживающей социальной среды, а также организацию надежных каналов поддержки и сопровождения.

Учитывая острую необходимость подготовки специалистов гуманитарной сферы в области информационно-психологической безопасности, на кафедре социальной работы в ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» проводится работа, целью которой является формирование необходимых компетенций у будущих социальных работников для противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на граждан в процессе осуществления профессиональной деятельности.

В своей работе мы отталкивались от необходимости содействовать приобретению будущими социальными работниками знаний, умений и практических навыков применения технологий социальной работы, адаптированных для целей защиты граждан от угроз деструктивного информационно-психологического воздействия на различные категории населения; усилить мотивацию студентов к противодействию такому воздействию на общество; способствовать приобретению рефлексивных умений в контексте рассматриваемой проблемы деструктивного воздействия на граждан.

Именно для этих целей на базе ФГБОУ ВО «ЛГПУ» для направления подготовки «Социальная работа» был разрабатывается педагогическое обеспечение, способствующее усилению компетенций будущих специалистов социальной сферы для работы в этом направлении, таких как: изменения в рабочих программах, программах практик; выделения отдельных модулей и тем в дисциплинах профессионального цикла для формирования необходимых компетенций будущих специалистов и многое другое.

Так, нами было разработано поэтапное дополнение к содержанию подготовки будущих социальных работников в контексте противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения (1 этап – дополнение тем к учебным дисциплинам: «Введение в профессию», «Профессиональное общение в социальной работе», разработан факультативный курс «Современные угрозы информационно-психологического воздействия на людей, группы, общество», доработаны требования к практике «Ознакомительная практика (проектно-ориентированная)»; 2 этап – дополнение тематик к учебным дисциплинам: «Социальная геронтология», «Технологии социальной работы», «Социализация работы с молодежью», «Конфликтология в социальной работе», «Психология социальной деятельности», доработаны требования к практикам: «Технологическая практика», «Организационно-управленческая практика»; 3 этап – дополнение тематик к учебным дисциплинам: «Технологии социальной работы в зарубежных странах», «Семьеведение». Разработана дисциплина по выбору «Методы и технологии противодействия информационно-психологическому воздействию на различные категории населения». Доработаны требования к преддипломной практике.

В связке с наполнением содержанием учебных дисциплин и модулей стало усовершенствовано методическое обеспечение и сопровождение процесса формирования профессиональной готовности будущих социальных работников к противодействию деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения, которое предполагает поэтапное применение интерактивных форм и методов обучения (1 этап: лекция-беседа; лекция-дискуссия; лекция-визуализация, лекция-диалог, лекция с разбором конкретных ситуаций; диспут, интеллект карты, аквариум, кейс метод, метод сторителлинга, ажурная пила, деловая игра, морфологического анализа, программно-ролевой метод, просмотр и анализ видеофрагментов; 2 этап: проблемная лекция, интерактивная лекция, лекция-диалог, лекция-консультация, лекция-дискуссия, лекция с разбором конкретных ситуаций; челночный мозговой штурм, метод 635, поливикторина, проектный метод, круг идей, политбой, обучение в сотрудничестве, ролевая игра, технология проектирования заданий; 3 этап: лекция с ошибками, лекция-пресс-конференция, лекция-консультация, интерактивная лекция, проблемная лекция, лекция с разбором конкретных ситуаций; аквариум, ролевая игра, метод синектики, тренинг профессиональный, моделирование, индивидуальные (творческие) задания, метод моральных дилемм, проектный метод, методы имитационно-ролевого характера).

На кафедре социальной работа «ЛГПУ» была разработана и апробирована комплексная диагностирующая методика определения уровня сформированности профессиональной готовности будущих социальных работников к противодействию деструктивному информационно-психологическому воздействию на различные категории населения, которая показала высокую эффективность формирования у социальных работников необходимых компетенций и, что мы считаем весьма значимым, позитивную направленность и мотивированность будущих специалистов к работе данного направления.

Таким образом, на наш взгляд, формирование профессиональной готовности будущих социальных работников к защите граждан от информационно-психологического воздействия деструктивного характера является необходимым вектором развития профессионального обучения студентов направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа».

Мы убеждены, что специалисты социальной сферы могут играть ключевую роль в защите граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия, охватывая широкий спектр профессиональных областей и направлений деятельности. Их работа нацелена на защиту национальных интересов, обеспечение безопасности граждан, сохранение духовно-нравственных ценностей и укрепление общественной стабильности.

Мы делаем первые шаги к решению это сложной и крайне значимой для общества проблемы. Дальнейшая научная задача нам видится в создании целостной системы профессиональной подготовки социальных работников в сфере защиты граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия. В основе этой системе должно лежать тесное взаимодействие между профессиональными сообществами, органами государственной власти, общественными организациями и образовательными учреждениями всех уровней. Только совместные усилия позволят создать комплексную эффективную систему, способную обеспечить надежную защиту граждан от деструктивного информационно–психологического воздействия и укрепить информационную безопасность общества.

Литература:

1. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание : средства массовой коммуникации, информации и пропаганды - как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс / С. А. Зелинский . – Санкт-Петербург : Скифия, 2008. – 403 с. – (Серия. Теория манипулирования массами). – ISBN 978-5-903463-17-6. – EDN QOJCXP

2. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24-35.

3. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, А. А. Чеботарева [и др.]. – Саратов : Амирит, 2022. – 332 с. – ISBN 978-5-00140-972-4.

4. Рерке, В. И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция / В. И. Рерке, И. С. Бубнова, В. И. Демаков // Научно-педагогическое обозрение. – 2022. – № 5(45). – С. 202-211. – DOI 10.23951/2307-6127-2022-5-202-211.
5. Васюк, А. А. Роль социальных работников в обеспечении информационной безопасности получателя социальных услуг / А. А. Васюк // Актуальные проблемы современного социального знания : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 29 мая 2025 года. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 19-23.
6. Бабич В.И. Социальные технологии противостояния деструктивному информационно-психологическому воздействию в подготовке специалистов социальной сферы / А. А. Васюк, В. И. Бабич // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : Материалы XIV Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 100-летию со дня рождения первого ректора ВСТИ Д.Ш. Фролова и 30-летию подготовки социальных работников во ВСГУТУ. В 2-х томах, Улан-Удэ, 25–26 сентября 2025 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2025. – С. 109-111.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА КБР

Кипова З.А. - студентка Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
Кушхова А.Ф. - кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Аннотация. Статья посвящена задачам совершенствования системы социального страхования, что требует поиска новых механизмов организации социального страхования и процедуры выплаты социальных пособий. Одним из направлений развития системы социального страхования является создание, объединение двух социальных внебюджетных фондов – Пенсионного Фонда РФ и Фонда социального страхования, далее Социальный фонд и создание на их базе публично-правовой компании.
Ключевые слова: социальное страхование, пособие, выплаты, прожиточный минимум, социальная поддержка, доход, цифровой сервис, электронный сертификат, услуга, материнский капитал.

Improving the work of the territorial bodies of the Social Fund of the CBD

Kipova Zalina Abugalievna Scientific supervisor: Kushkhova Anezha Fedorovna Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov" Nalchik, Russia

Annotation. The article is devoted to the tasks of improving the social insurance system, which requires the search for new mechanisms for organizing social insurance and the procedure for paying social benefits. One of the directions of development of the social insurance system is the creation and consolidation of two social extra–budgetary funds - the Pension Fund of the Russian Federation and the Social Insurance Fund, further the Social Fund and the creation of a public law company on their basis.
Keywords: social insurance, benefits, payments, living wage, social support, income, digital service, electronic certificate, service, maternity capital.

Важнейшим условием гармоничного развития общества являться эффективное функционирование социальной сферы общества, наличие действенной системы социаль-

ной поддержки населения. Одним из основных инструментов обеспечения социальной стабильности общества является социальное страхование. Социальное страхование позволяет оказывать поддержку различным категориям малозащищённых граждан при помощи предоставления социальных выплат. Особенно это актуально в условиях социальной экономической нестабильности характеризующей современный этап развития России.

В Парламенте КБР состоялся брифинг управляющего Отделением Социального фонда России по Кабардино-Балкарии Николая Бакова, организованный по инициативе депутатов парламента, сообщил корреспондент РИА «Кабардино-Балкария» [5].

Открывая мероприятие, зам. председателя парламента КБР Салим Жанатаев напомнил, как и для чего был создан СФР [5].

«Цель объединения Пенсионного фонда и Фонда социального страхования – упрощение процедуры получения услуг: не нужно ходить в разные организации и стоять в очередях. Теперь в рамках одного окна можно получить все положенные нам льготы», - отметил С. Жанатаев.

«В начале июня, после объединения фондов, здесь были представители Госдумы, комитета по социальной политике, и они оценили реализацию закона как хорошую. Прошло выездное заседание на эту тему с участием главы КБР. О работе ОСФР по КБР отозвались хорошо», - подчеркнул С. Жанатаев.

Затем Н. Баков рассказал о работе фонда и ответил на вопросы журналистов: как правильно подать заявление, каков срок рассмотрения заявления, что предусматривает переходный период.

Н. Баков сообщил, что Социальный фонд начал текущий год с масштабной работы по реализации новой меры поддержки семей с невысокими доходами, в которых воспитываются дети от 0 до 17 лет, а также беременных женщин. «До 2023 года критерии назначения выплат на детей различались в зависимости от возраста. Кроме того, за пособиями семьям приходилось обращаться в разные ведомства – ПФР или органы социальной защиты. Теперь же единое пособие объединяет ряд выплат для родителей детей в возрасте от 0 до 17 лет. Кроме того, с января текущего года Социальному фонду России передана выплата пособия на первого ребенка (рожденного до 01.01.2023 года). Оператором данной выплаты является одно ведомство – Социальный фонд России. «Таким образом, унифицируются правила назначения пособий, выплаты и обеспечивается целостная система поддержки семей с детьми, процесс оформления мер соцподдержки становится более удобным и понятным», - ответил Н. Баков [5]. Н. Баков объяснил, что единое пособие объединило в себе сразу несколько выплат: выплату для беременных женщин, вставших на учет в ранние сроки беременности; выплату на первого ребенка (рожденного до 01.01.2023 года); пособие на детей от 8 до 17 лет; пособие на детей от 3 до 7 лет; ежемесячная выплата на второго ребенка до 3 лет из средств материнского капитала.

В зависимости от дохода пособие может составлять 50, 75 или 100% регионального прожиточного минимума. Это от 8384, 50 до 16 769,00 рублей на детей и от 8382,50 до 16 765,00 рублей для беременных женщин.
Для назначения единого пособия используются три критерия: среднедушевой доход семьи должен быть ниже прожиточного минимума на душу населения (это 15 381,00 руб. в КБР), а имущество (жилье, автомобили, земельные участки) не превышать установленные нормы.

Кроме того, важно, чтобы у всех взрослых членов семьи был подтвержденный Федеральной налоговой службой официальный доход от трудовой деятельности или объективные причины его отсутствия.
Н. Баков также отметил, что в случае, если после расчета среднедушевого дохода семьи новая выплата окажется более выгодной по сумме, назначат новое пособие в повышенном размере, то есть 75 или 100% от регионального прожиточного минимума, с учетом выплаченных сумм прежнего пособия.

При этом выплата предыдущего пособия автоматически прекратится.
На вопрос, могут ли так же поступить и те семьи, которые получают прежние выплаты на

детей, Н. Баков ответил, что семья может в любое время подать заявление на единое пособие, а может и продолжить получать прежние пособия до окончания срока, и только потом перейти на единое: важно оценить целесообразность такого перехода. Если единое пособие не будет назначено, или окажется меньшим по сумме, ранее назначенные выплаты будут осуществляться до окончания срока их назначения.

«Граждане могут подать заявление как на конкретного ребенка, так и указать в заявлении всех детей, на которых планируют получать единое пособие», - подчеркнул Н. Баков. Для единого пособия расчетным периодом являются 12 месяцев, предшествующие 1 месяцу перед месяцем подачи заявления - это значит, что если обратиться за выплатой в сентябре 2023 года, то будут учитываться доходы с августа 2022 года по июль 2023 года.

«Чтобы оформить выплату, необходимо подать заявление через портал Госуслуг, либо обратиться в клиентскую службу Социального фонда России по Кабардино-Балкарской Республике или в МФЦ, и все», - сказал Н. Баков, отвечая на вопрос корреспондента РИА КБР, какие документы нужно собрать и предоставить семье, чтобы подать заявление. Республиканское Отделение Социального фонда самостоятельно запросит необходимые документы в рамках межведомственного взаимодействия из соответствующих органов и организаций. Решение о назначении пособия выносится в течение 10 рабочих дней со дня регистрации заявления и поступления в Социальный фонд России необходимых сведений от организаций и документов заявителя. Если по выплате вынесен отказ в назначении выплаты, то уведомление об этом с указанием причины направляется заявителю в течение 1 рабочего дня.

«Еще одно заявление можно подать, как только будут устранены причины отказа. Например, если отказ вынесен из-за превышения дохода, то семье необходимо подать заявление, когда в расчетном периоде доход не будет превышать установленный минимум. Если причиной отказа стало отсутствие дохода, то очередное заявление стоит подавать, когда это отсутствие будет обосновано», - объяснил журналистам Н. Баков. Управляющий также отметил, что в случае, если семья с ребенком до 3 лет получает единое пособие, и при этом среднедушевой доход семьи остается ниже 2 прожиточных минимумов, такая семья может обратиться за выплатой из материнского капитала.

«С начала года семьи могут оформить ежемесячную выплату из него не только на второго ребенка, как это было до 2023 года, но и на первого, третьего или любого другого. Причем семья может одновременно получать и единое пособие, и выплату из маткапитала на одних и тех же детей», - подчеркнул Н. Баков. В итоге на сегодняшний день в КБР ежемесячную выплату из маткапитала получают более 660 семей. «Органы Отделения Социального фонда по Кабардино-Балкарской Республике оказывают ряд государственных услуг в проактивном режиме. То есть клиентам ведомства не нужно подавать заявление на оформление таких услуг лично, территориальные органы фонда сделают все самостоятельно», - подчеркнул управляющий.

Беззаявительно выдаются сертификаты на материнский капитал, оформляется СНИЛС на детей, с начала 2022 года начал действовать беззаявительный порядок назначения страховых и социальных пенсий по инвалидности[5].

Только в этом году в Кабардино-Балкарской Республике назначено более 1400 пенсий по инвалидности в проактивном режиме.
Без заявлений от граждан осуществляется и перевод получателей пенсии по потере кормильца, которым исполняется 80 лет, на пенсию по старости, если такой вариант более выгоден чтобы назначить им более выгодный вариант страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты.
Для получения многих выплат сегодня гражданину достаточно только подать заявление, а остальную работу, в том числе и запросы в ведомства, Фонд сделает самостоятельно.

С начала 2023 года органами Отделения СФР по Кабардино-Балкарской Республике было сформировано 164 электронных сертификата на технические средства реабилитации (ТСР) на общую сумму более 3 681 843,07 млн рублей, что позволило жителям приобрести 231 изделие.

Электронный сертификат — это один из видов обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями.

Современный цифровой сервис представляет собой реестровую запись, информация о которой регистрируется в Единой государственной информационной системе социального обеспечения (ЕГИССО).
Сертификат привязан к банковской карте платежной системы «МИР», выпущенной любым банком РФ. Денежные средства на карту не перечисляются, а резервируются в Федеральном казначействе до совершения покупки, тем не менее, сертификат позволяет мгновенно оплатить выбранный товар. Собственные средства пользователи задействуют только в том случае, если стоимость необходимого изделия превышает номинал сертификата.

Сервис помогает приобретать технические средства реабилитации (ТСР), если они предусмотрены в индивидуальной программе реабилитации и абилитацииинвалида (ИПРА) либо в программе реабилитации пострадавшего от трудовых травм и профзаболеваний.

«С помощью ЭС в КБР наиболее часто приобретают телевизоры с телетекстом, телефоны с функцией видеосвязи, кресла-коляски, сигнализаторы звука, слуховые аппараты, трости, костыли и ортопедическую обувь», - сообщил Н. Баков.

На сегодняшний день электронный сертификат доступен практически для всех видов ТСР серийного производства и частично на протезно-ортопедические изделия, перечень ТСР будет поэтапно расширяться.
Преимущества у электронного сертификата - это, прежде всего возможность приобретения технического средства реабилитации без использования собственных средств у определенного поставщика, в определенной торговой точке, в том числе онлайн-магазине (по России); гражданину не нужно ждать закупки технических средств фондом или выплаты компенсации затраченных средств; электронный сертификат привязан к банковской карте «МИР», дополнительных документов для оформления электронного сертификата не требуется;

Весь процесс доступен онлайн, от оформления сертификата (заявление можно подать на сайте gosuslugi.ru) до покупки технического средства (онлайн-магазины).

«В декабре 2022 года первый Центр открылся в Урванском районе в здании клиентской службы фонда. Затем Центры заработали на площадках наших Клиентских служб в Баксанском и Зольском районах республики. Цель проекта – создать комфортные условия для досуга пенсионеров, их социализации и активного образа жизни», - рассказал Н. Баков о работе Центров общения старшего поколения.

«Программа занятий Центра всегда очень разнообразная: обмен опытом, интеллектуальные игры, просмотр художественных и познавательных фильмов, чтение прессы, литературы, активное общение. Мы обучаем посетителей центра компьютерной грамотности, особое уделяя внимание получению государственных услуг в электронном виде. Совместно с представителями Союза пенсионеров и Банком России проводим обучающие лекции по противодействию мошенничеству, заботе о собственном здоровье, профилактике заболеваний, получению социальных услуг, льгот и т.д. Отрадно, что пенсионеры объединяются по интересам», - объяснил Н. Баков.

«В течение 2-го квартала мы проделали значительную работу по заключению соглашений с рядом организаций. Особенно выделю двустороннее соглашение Отделения и Филиала фонда «Защитники отечества» по Кабардино-Балкарской Республике. В данном случае в соглашении предусмотрен пакет мер по организации различных мероприятий по поддержке ветеранов СВО», - отметил также управляющий.

Таким образом, можно сделать вывод что, деятельность СФР должна быть направлена на качественное, доступное, комфортное, эффективное и быстрое обслуживание граждан, приближенное к их нуждам и запросам. Новые информационные технологии, внедряемые в настоящее время во все сферы жизни, во многом поменяют работу Фонда. Доступ к информации стал лучше, она передается более оперативно. Государственные и муниципальные услуги являются сильным инструментом в управлении государством, поэтому их улучшение, в том числе и посредством информационно-коммуникационных технологий,

при правильном подходе к данному вопросу значительно повысит качество и эффективность управления, что в свою очередь, приведет к повышению лояльности населения страны к органам власти.

Список литературы:

1. Галаганов В. П. Организация работы органов социальной обеспечения.//Право и политика М. 2012-ое издание С.81-87.
2. Толгурова З.Х. Особенности государственного регулирования системы социальной защиты населения в муниципальном образовании.
3. Статистический сборник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике «Краткосрочные экономические показатели Кабардино-Балкарской Республики» выпуск № 4, - Нальчик, 2015. – С.35
4. Экономика и социум. 2015. № 4(17), с. 934-937
5. https://kbrria.ru/

References:

1. V. Galaganov. In accordance with paragraph. Organization of the work of social security agencies// Law and Politics M.sc. 2012-th edition S. sc.81-87.
2. Z. Tolgurova.Kh. Features of state regulation of the social protection system of the population in a municipality
3. Statistical collection of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kabardino-Balkarian Republic "Short-term economic indicators of the Kabardino-Balkarian Republic" issue No. 4, Nalchik, 2015, pp. 35
4. Economics and society. 2015. No. 4 (17), pp. 934-937
5. https://kbrria.ru/

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭМПАТИИ

Халмуратова М.У. *- старший преподаватель кафедры «Педагогика и психология», Кыргызско-Узбекский Международный университет им.Б.Сыдыкова, г.Ош, Кыргызская Республика.*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования культуры мышления будущих учителей начальных классов в контексте развития социальной эмпатии. Обосновывается взаимосвязь когнитивных и эмоционально-ценностных компонентов профессиональной подготовки педагога. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающие влияние уровня эмпатии на развитие рефлексивных, аналитических и креативных способностей студентов. Доказана эффективность применения кейс-метода и рефлексивных технологий.

Ключевые слова: культура мышления, социальная эмпатия, будущий учитель, рефлексия, критическое мышление, педагогическое образование.

FORMING THE THINKING CULTURE OF FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL EMPATHY

Halmuratova M.U. *- senior Lecturer at the Department of Pedagogy and Psychology, Kyrgyz-Uzbek International University named after B.Sydykov, Osh, Kyrgyz Republic*

Abstract. The article discusses the problem of forming the culture of thinking of future primary school teachers in the context of developing social empathy. The interrelation of cognitive and emotional-value components of a teacher's professional training is substantiated. The results of an empirical study confirming the influence of the level of empathy on the development of students' reflective, analytical, and creative abilities are presented. The effectiveness of using the case method and reflective technologies is proven.

Keywords: culture of thinking, social empathy, future teacher, reflection, critical thinking, pedagogical education.

Введение

Современные тенденции развития образования обусловлены процессами цифровизации, социальной неоднородности и усложнения образовательной среды. В этих условиях возрастает потребность в педагогах, обладающих развитой культурой мышления, способных к гибкому анализу педагогических ситуаций и принятию обоснованных решений.

Культура мышления рассматривается как интегративная характеристика личности, включающая когнитивные, рефлексивные и ценностные компоненты. По мнению Л.С. Выготского, мышление формируется в процессе социального взаимодействия и неотделимо от культурного контекста [1]. Это положение позволяет рассматривать социальную эмпатию как важный механизм развития мыслительных процессов.

Современное образование, как отмечает А.В. Хуторской, ориентировано не столько на передачу знаний, сколько на развитие способности к самостоятельному мышлению и деятельности [4]. В этой связи особую значимость приобретает развитие у будущих педагогов способности понимать эмоциональные состояния обучающихся и учитывать их в образовательном процессе.

Культура мышления включает:

- способность к критическому осмыслению информации;
- логическую аргументацию;
- аналитико-синтетическую деятельность;
- креативность;
- рефлексивность.

С точки зрения Д.Б. Богоявленской, творческое мышление проявляется в способности выходить за пределы заданной ситуации и находить новые способы решения задач [2].

Социальная эмпатия представляет собой сложное интегративное образование, включающее:

- эмоциональный компонент (сопереживание);
- когнитивный компонент (понимание другого);
- поведенческий компонент (реакция и взаимодействие).

И.А. Зимняя подчеркивает, что эмпатия является ключевым элементом педагогического общения и обеспечивает понимание внутреннего мира обучающегося [3].

С позиции деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев) развитие личности происходит в процессе активного взаимодействия с социальной средой [8]. Это подтверждает взаимосвязь эмпатии и развития мышления.

Современные исследования показывают, что развитие критического мышления особенно актуально в условиях цифровизации образования, где возрастает роль анализа информации и её интерпретации [12].

Цель исследования заключается в выявлении влияния социальной эмпатии на развитие культуры мышления будущих учителей начальных классов в условиях профессиональной подготовки в высших учебных заведениях Кыргызской Республики. Актуальность данного направления обусловлена современными требованиями к педагогическому образованию, ориентированному на формирование личности учителя, способного к рефлексивной, аналитической и гуманистически направленной профессиональной деятельности.

Система высшего педагогического образования Кыргызской Республики в последние годы претерпевает существенные изменения, связанные с внедрением компетентностного подхода, цифровизацией образовательного процесса и усилением практико-ориентированной подготовки. В этом контексте особую значимость приобретает развитие у будущих педагогов не только предметных знаний, но и метакогнитивных и социально-эмоциональных компетенций, включая культуру мышления и социальную эмпатию.

Методология и методы исследования

Эмпирическая часть исследования была реализована на базе Кыргызско-Узбекского Международного университета имени Батыралы Сыдыкова, в частности на гуманитарно-педагогическом факультете, который осуществляет подготовку специалистов в области педагогики и психологии. Данный факультет является важной образовательной площадкой,

где активно внедряются современные педагогические технологии, направленные на развитие профессиональной компетентности будущих учителей, включая формирование их критического мышления, рефлексивных умений и способности к эмпатийному взаимодействию.

В исследовании приняли участие 60 студентов педагогического направления подготовки, обучающихся по профилю «Педагогическое образование». Выбор данной категории обусловлен тем, что именно учителя начальных классов играют ключевую роль в формировании базовых когнитивных и личностных качеств обучающихся, что требует высокого уровня развития культуры мышления и социальной чувствительности.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс взаимодополняющих методов. Теоретический анализ научной литературы позволил выявить сущностные характеристики исследуемых понятий и обосновать их взаимосвязь. Анкетирование было направлено на диагностику уровня социальной эмпатии студентов, а наблюдение — на выявление особенностей их поведения и мышления в учебной деятельности. Кейс-метод использовался для моделирования профессионально значимых педагогических ситуаций, требующих анализа, оценки и принятия решений. Полученные данные подвергались качественному анализу, что позволило выявить глубинные особенности мыслительной деятельности обучающихся.

Диагностический инструментарий включал опросники на выявление уровня эмпатии, задания на анализ педагогических ситуаций, а также рефлексивные эссе, направленные на осмысление студентами собственного опыта. Оценка уровня сформированности культуры мышления осуществлялась по ряду критериев, включающих рефлексивность, критичность мышления, креативность и глубину анализа. Такой комплексный подход обеспечил целостное представление о влиянии социальной эмпатии на развитие культуры мышления будущих педагогов и позволил выявить ключевые тенденции данного процесса в условиях современного педагогического образования Кыргызской Республики.

Результаты исследования

Анализ эмпирических данных показал, что уровень социальной эмпатии оказывает существенное влияние на характер проявления культуры мышления у будущих учителей начальных классов. Так, студенты с высоким уровнем эмпатии демонстрируют развитую рефлексию, гибкость мышления и способность учитывать различные точки зрения при анализе педагогических ситуаций. Они более глубоко осмысливают содержание задач, склонны к поиску альтернативных решений и проявляют готовность к диалогу и сотрудничеству. Данные результаты подтверждают положение о связи интеллектуальной активности с личностными характеристиками [2].

В свою очередь, студенты со средним уровнем эмпатии испытывают определённые затруднения при анализе сложных педагогических ситуаций. Их мышление характеризуется ограниченной вариативностью решений и недостаточной глубиной интерпретации информации, что свидетельствует о частично сформированной культуре мышления.

Студенты с низким уровнем эмпатии, как правило, демонстрируют формальный подход к решению задач, недостаточную глубину анализа и низкий уровень рефлексии. Они испытывают трудности в понимании позиций других участников образовательного процесса и редко выходят за рамки стандартных решений, что ограничивает их профессиональную готовность к эффективной педагогической деятельности.

Дополнительно установлено, что использование кейс-метода способствует развитию аналитических и эмпатийных способностей. Как отмечает А.Н. Джуринский, современные образовательные технологии должны обеспечивать связь теории и практики [6].

Рефлексивные технологии также показали высокую эффективность, что согласуется с исследованиями современных авторов [13].

Полученные результаты подтверждают, что социальная эмпатия оказывает значительное влияние на развитие культуры мышления. Она способствует углублению рефлексии, развитию критического мышления, формированию креативности.

Согласно международным исследованиям, навыки мышления и социально-эмоциональные компетенции являются ключевыми для образования XXI века [14].

Таким образом, эмпатия выступает не только эмоциональной характеристикой, но и когнитивным ресурсом развития личности будущего педагога.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что формирование культуры мышления будущих учителей невозможно без развития социальной эмпатии. Эмпатия обеспечивает глубину понимания педагогических ситуаций, способствует развитию рефлексии и повышает качество принимаемых решений, выступая важным связующим звеном между когнитивными и личностными компонентами профессиональной подготовки педагога.

Особую значимость данная проблема приобретает в контексте системы высшего образования Кыргызской Республики, где в условиях социальной и культурной неоднородности усиливается потребность в педагогах, способных к эмпатийному взаимодействию с обучающимися. Проведённый анализ показал, что у студентов педагогических направлений в вузах Кыргызстана наблюдается различный уровень сформированности эмпатийных способностей, что связано как с особенностями образовательной среды, так и с недостаточной представленностью целенаправленных педагогических технологий, ориентированных на развитие социально-эмоциональных компетенций. В этой связи актуализируется необходимость системного включения компонентов, направленных на развитие эмпатии, в содержание профессиональной подготовки будущих учителей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения в образовательный процесс кейс-методов, рефлексивных практик, групповых форм работы и социально ориентированных заданий, способствующих развитию как когнитивных, так и эмпатийных качеств личности студента. Их интеграция в учебный процесс вузов Кыргызской Республики позволит повысить эффективность подготовки педагогических кадров и обеспечить формирование у них готовности к работе в условиях инклюзивного и социально разнообразного образовательного пространства.

Развитие социальной эмпатии следует рассматривать как стратегическое направление модернизации педагогического образования, направленное на гуманизацию образовательного процесса и повышение его качества. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой диагностических инструментов оценки уровня эмпатии студентов в условиях вузов Кыргызской Республики, а также с изучением влияния цифровых образовательных технологий на формирование культуры мышления и социально-эмоциональных компетенций будущих педагогов.

Литература:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. — М.: Академия, 2002. — 320 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2004. — 384 с.
4. Хуторской А.В. Современная дидактика: учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2001. — 544 с.
5. Torrance E.P. Creativity in the Classroom: What Research Says to the Teacher. — Washington: National Education Association, 1970. — 120 p.
6. Джуринский А.Н. Развитие образования в современном мире. — М.: Владос, 2012. — 240 с.
7. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. — М.: Смысл, 2019. — 448 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2005. — 352 с.
9. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование: теория и практика. — Волгоград: Перемена, 1999. — 320 с.
10. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебник для вузов. — М.: Академия, 2013. — 608 с.
11. Иванова Н.В. Развитие эмпатии у будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки // Педагогическое образование и наука. — 2020. — № 3. — С. 45–49.

12. Кузнецова Е.А. Формирование критического мышления студентов в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. — 2021. — № 5. — С. 112–118.
13. Сидорова М.В. Рефлексивные технологии в подготовке будущих учителей // Психолого-педагогические исследования. — 2019. — Т. 11. — № 2. — С. 87–95.
14. OECD. Future of Education and Skills 2030: OECD Learning Compass 2030. — Paris: OECD Publishing, 2019.

ВЛИЯНИЕ МАССМЕДИА НА ЛЮДЕЙ

Алжанбеков М.Г. *- доцент кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*
Багамаева И.О *- доцент кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*

Аннотация: В настоящей статье автор показывает отрицательные последствия зависимости от социальных сетей, включая влияние на психику, эмоциональное состояние и сон. Упоминается феномен FOMO (страх упустить что-то важное), который усиливается алгоритмами социальных сетей и приводит к невротическим состояниям и нарушению сна. Также подчеркивается, как постоянное использование гаджетов негативно сказывается на внимании и когнитивных функциях.
Автор исследования акцентирует внимание читателей на то, что освобождение от зависимости требует времени и усилий, однако возможно с помощью осознания и изменения поведенческих паттернов. Важно помнить, что помощь специалистов может быть необходима для преодоления серьезных зависимостей. Научная и практическая значимость текста заключается в обширном анализе влияния социальных сетей на психологическое состояние и поведение человека, а также в предоставлении практических рекомендаций по их преодолению.
Ключевые слова: сеть, виртуальная жизнь, виртуальный мир, социальная сеть, интернет-зависимость, интернет-сообщество, обезличивание

Annotation: In this article, the author shows the negative consequences of dependence on social networks, including the impact on the psyche, emotional state and sleep. The phenomenon of FOMO (fear of missing out on something important) is mentioned, which is amplified by social media algorithms and leads to neurotic states and sleep disorders. It also highlights how the constant use of gadgets negatively affects attention and cognitive functions.

The author of the study focuses readers' attention on the fact that getting rid of addiction requires time and effort, but it is possible with the help of awareness and changing behavioral patterns. It is important to remember that the help of specialists may be necessary to overcome serious addictions. The scientific and practical significance of the text lies in an extensive analysis of the impact of social networks on the psychological state and behavior of a person, as well as in providing practical recommendations for overcoming them.
Keywords: network, virtual life, virtual world, social network, internet addiction, social network, internet community, self-deception.

В сегодняшнем мире наше внимание и время стали новой ценностью, аналогом природных ресурсов и энергоносителей, который каждый день инвестируется в разные направления. По сути, все социальные платформы конкурируют за эту аудиторию, которая приносит им значительную прибыль.

Зависимость – это тихий враг свободы, незаметно сковывающий человека и лишающий его возможности прожить уникальную, насыщенную жизнь. Она подобна водителю, который, вместо того чтобы осознанно выбирать маршрут, переключается на автопилот, пассивно следуя по накатанной колее привычек. Освобождение от зависимости – это возвращение к рулю собственной жизни, это обретение способности принимать взвешенные решения, делать осознанный выбор и прекратить реагировать на привычные стимулы автоматически, по шаблону. [2]

Ключевой момент в этом процессе – тщательное отслеживание собственного состояния до, во время и после контакта с объектом зависимости. Это требует самонаблюдения, анализа эмоций и постепенного формирования нового, более здорового паттерна поведения. Например, если зависимость связана с играми, необходимо фиксировать не только время, проведённое за игрой, но и состояние до начала игры (напряжение, стресс, скука?), во время игры (чувство удовлетворения, раздражения, агрессии?) и после (удовлетворение, пустота, разочарование?). Такой анализ позволяет выявить триггеры – ситуации или эмоциональные состояния, которые вызывают желание обратиться к объекту зависимости. [2]

Рассмотрим отрицательные последствия влияния социальных сетей. В настоящее время число пользователей платформ социальных медиа приблизилось к 4,5 миллиарда. На TikTok каждую секунду создаются восемь новых учетных записей. Общение в Интернете, безусловно, имеет свои плюсы: формирование социальных контактов, получение эмоциональной поддержки и организация различных мероприятий. Тем не менее, чрезмерное увлечение соцсетями может иметь неблагоприятные последствия.

По данным американского Центра по борьбе с зависимостями и психическим здоровьем, особенно рискованными считаются ситуации, когда пользователь проводит в социальных сетях более двух часов ежедневно. Сравнение своей жизни с другими, которые кажутся удачливыми и счастливыми, может негативно сказаться на эмоциональном состоянии людей с неустойчивой психикой. [5]

Одним из наиболее распространенных видов зависимости в современном мире является зависимость от социальных сетей. Ее коварство заключается в постепенном, незаметном захватывании внимания и времени. Помимо простого потери времени, зависимость от соцсетей несет ряд серьезных психологических последствий. [6]

Особенно опасен феномен FOMO (Fear Of Missing Out – страх упустить что-то важное). Это ощущение постоянной нехватки, неполноценности, порожденное постоянным наблюдением за «идеальными» жизнями других людей, выложенными в соцсетях. FOMO подпитывается алгоритмами, которые показывают нам контент, соответствующий нашим интересам, подкрепляя чувство зависти и неудовлетворенности собственной жизнью. В результате человек испытывает постоянную тревогу, невротические состояния, навязчивое желание быть в курсе всех событий, что приводит к переутомлению и истощению нервной системы. Отсутствие доступа к интернету вызывает у таких людей сильное беспокойство и панику. Кроме FOMO, чрезмерное использование социальных сетей отрицательно сказывается на сон. Экранное время, особенно вечером, блокирует выработку мелатонина – гормона, регулирующего циркадные ритмы (биоритмы организма), включая сон, настроение и пищеварение. Синий свет, излучаемый экранами смартфонов, планшетов и компьютеров, особенно сильно подавляет синтез мелатонина, снижая его уровень в два и более раза по сравнению с обычным освещением. Это приводит к нарушениям сна, снижению когнитивных функций, повышению уровня стресса и ухудшению общего самочувствия.

Исследования специалистов подтверждают, что продолжительное использование гаджетов перед сном приводит к значительному ухудшению качества сна, проблемам с засыпанием и частым пробуждениям в ночи. Поэтому врачи рекомендуют избегать использования смартфонов и других гаджетов за час-два до сна и в течение часа после пробуждения.

В борьбе с зависимостью от социальных сетей эффективны различные методы, включая ограничение времени, проводимого в соцсетях, установку специальных приложений для контроля времени, занятия другими видами деятельности, которые приносят удовольствие и помогают отвлекаться от мыслей о соцсетях – спорт, творчество, общение с близкими.

Важно также понять причину своей зависимости, что поможет найти более эффективные способы её преодоления. Может быть, это стресс, одиночество, поиск внимания или другая скрытая проблема. В случае серьезных проблем необходимо обратиться за помощью к специалисту – психологу или психотерапевту. Они помогут идентифицировать причины зависимости и разработать индивидуальную программу лечения и реабилитации.

Помните, что освобождение от зависимости – это процесс, требующий времени, усилий и терпения, но это инвестиция в вашу свободу и счастье. В борьбе с любой зависимостью важно помнить, что вы не один, и всегда есть возможность изменить свою жизнь к лучшему.

Постоянное использование социальных сетей готовит мозг к быстрому переключению внимания. Со временем человеку становится труднее сосредоточиться на чем-то серьезном. Мы сами перегружаем свои мозги ненужной информацией, которая требует переработки. В результате, когда приходит время для более важной работы, ресурсов может просто не хватить, а запоминать полезные вещи становится сложнее. Люди не осознают, что чувствуют усталость и упадок сил, хотя продолжают проводить долгие часы в соцсетях без особых занятий.

Научные исследования Принстонского университета показывают, что публикации в социальных сетях могут увеличить вероятность забывания событий, поскольку мозг считает, что не нужно напрягаться, если информация сохраняется на электронных носителях, к которым можно вернуться при необходимости.

Влияние социальных сетей на нашу жизнь многогранно и часто незаметно. Один из неожиданных, но всё более изучаемых эффектов – усиление чувства голода. Просмотр аппетитных фотографий блюд в Instagram, TikTok или Facebook, видеороликов с кулинарными блогерами, рекламы ресторанов – все это стимулирует выработку гормонов, отвечающих за аппетит, таких как грелин.

Наш мозг, эволюционно запрограммированный на поиск пищи для выживания, реагирует на визуальные стимулы, интерпретируя их как сигнал о доступности высококалорийной еды. Это особенно актуально в условиях, когда мы не испытываем физического голода, но испытываем психологическую потребность в удовлетворении.

Этот механизм, работавший в условиях дефицита пищи, в современном мире, перенасыщенном предложениями, приводит к перееданию и проблемам с весом. Более того, частое пролистывание ленты, наполненной идеализированными изображениями «совершенной» пищи, может привести к неудовлетворенности собственной едой и развитию негативных отношений с пищей. Помимо влияния на аппетит, социальные сети обладают выраженным аддиктивным потенциалом. Механизм формирования зависимости связан с активацией дофаминовой системы вознаграждения мозга.

Дофамин – нейромедиатор удовольствия – выделяется в ответ на положительные стимулы, такие как получение лайков, комментариев, подписок. Мозг интерпретирует эти виртуальные знаки признания как награду, сравнимую с удовольствием от съеденного куска торта или победы в азартной игре. [4]

Чем чаще человек получает виртуальное подкрепление, тем сильнее становится его зависимость от социальных сетей. Этот механизм похож на работу системы подкрепления при наркотической зависимости или игромании. В итоге, для получения того же уровня удовольствия требуется все больше времени, проведенного в сети, и всё больше лайков и внимания.

Возникает порочный круг: потребность в онлайн-взаимодействии усиливается, а уровень дофамина снижается. Однако, в отличии от физиологических зависимостей, зависимость от социальных сетей легче поддается коррекции. Ключевым моментом является осознание своих поведенческих паттернов.

Прежде чем бессознательно сбежать в мир смартфона, необходимо задаться вопросами:

– В каких ситуациях я чаще всего берусь за телефон?

– Что происходит вокруг меня в этот момент?

– Какие эмоции я испытывал перед тем, как открыть социальную сеть?

– Часто ли это чувство скуки, тревоги, одиночества или неуверенности в себе?

Ответы на эти вопросы помогут определить триггеры, которые запускают поведенческую цепочку, ведущую к избыточному пользованию соцсетями.

Важно помнить, что большинство наших действий основаны на автоматизированных поведенческих паттернах, сформированных в результате многократного повторения. [7]

Поэтому изменение одного звена цепочки может привести к изменению всего поведения. Например, если социальные сети используются в качестве источника развлечения, можно попробовать заменить бесконечный скроллинг на более продуктивные и здоровые виды деятельности.

Можно послушать подкаст, почитать книгу, заняться спортом, погулять на свежем воздухе, посвятить время хобби или просто пообщаться с близкими людьми в реальном мире.

Полезно ограничить доступ к социальным сетям с помощью специальных приложений, которые контролируют время пользования интернетом. Также важно помнить о балансе и умеренности.

Социальные сети могут быть полезным инструментом для общения и получения информации, но только при умеренном их использовании. Чрезмерное погружение в виртуальный мир может привести к серьезным психологическим и физиологическим проблемам, включая нарушения сна, депрессию, тревожные расстройства и проблемы с весом. Поэтому важно осознать свою зависимость и найти здоровые способы управления своим временем и вниманием.

Замена виртуального общения на реальное, замена пассивного пролистывания ленты на активную деятельность – важные шаги к оздоровлению отношений с социальными сетями и к улучшению качества жизни в целом.

Литература

1. Как побороть зависимость от соцсетей. Анна Петренко, клинический психолог style.rbc.ru

2. Значение социальных сетей и их влияние на молодежь. school-science.ru›7/4/41001

3Алексеева, Л. Н. Инновационные технологии как ресурс эксперимента/ Л. Н. Алексеева// Учитель. - 2024. - № 3. - с. 78.

4. Данилова В.В., Архипов А.А. Общие положения компетентности учителя безопасности жизнедеятельности // Труды СГУ. Вып.76 Оренбургский филиал СГА. Гуманитарные науки.

5. Концепция модернизации российского образования на период до 2020 года. М.: АПКиПРО, 2019.

6.Лавлинская Л.И. Творческая активность - одна из основ инновационной направленности личности/Л.И. Лавлинская//Роль воспитательной работы в формировании научно-инновационного мировоззрения будущих специалистов. Воронеж: ВГМА. 2024.— с. 149—155.

7 .Фокина В.Н. Инновационные технологии в образовании как средство повышении качества компетентной подготовки кадров в системе дистанционного обучения. М.,2022

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕКТОРА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: ОПЫТ АЗЕРБАЙДЖАНА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

Гашимова В.Х. *– кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики, Seniour Lectuer, Азербайджанский Технический Университет, Баку, Азербайджан*

.

Аннотация. В современную эпоху цифровизация стала ключевым фактором трансформации государственного управления и социальных услуг. В данной статье анализируется цифровизация социальных услуг в Азербайджане, её институциональные основы и внедряемые инновационные модели. В частности, рассматривается деятельность службы ASAN и агентства DOST в целях повышения эффективности предоставления социальных услуг. Результаты исследования показывают, что цифровизация не только повышает доступность услуг, но и усиливает прозрачность государственного управления,

а также повышает удовлетворённость граждан. Однако сохраняются такие проблемы, как цифровое неравенство, технологическая инфраструктура и человеческий капитал. В статье также проводится сравнительный анализ положения Азербайджана в международных рейтингах и определяются направления будущего развития.
Ключевые слова: *цифровизация, электронное правительство, социальные услуги, агентство DOST, служба ASAN, EGDI.*

Digitalization of Social Service Sectors: Azerbaijan's Experience and Institutional Innovations

Hashimova V.Kh. *– PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan,Senior Lecturer, Azerbaijan Technical University*

Abstract

In the modern era, digitalization has become a key driver of the transformation of public administration and social services. This article analyzes the digitalization of social services in Azerbaijan, its institutional foundations, and the innovative models being implemented. In particular, the activities of ASAN Service and the DOST Agency are examined to improve the efficiency of social service delivery. The research findings show that digitalization not only increases service accessibility but also enhances transparency in governance and improves citizen satisfaction. However, challenges such as digital inequality, technological infrastructure, and human capital remain. The article also provides a comparative analysis of Azerbaijan's position in international rankings and identifies future development directions.
Keywords: digitalization, e-government, social services, DOST Agency, ASAN Service, EGDI

Introduction.

Digitalization is not only the transformation of information and processes into digital format, but also the formation of new models of governance, production, and communication. Digitalization is also a system of institutional, economic, and social changes. In recent years, it has become a dominant development direction across all sectors. Research shows that digitalization has become a priority direction in countries' development strategies and is directly linked to the implementation of innovations [1]. At the same time, the digitalization of social sectors also involves certain challenges. Issues such as digital inequality, information security, and the protection of personal data require special attention. To address these problems, it is necessary to improve the regulatory and legal framework, enhance digital literacy, and ensure the sustainable development of technological infrastructure.

The E-Government Development Index is a comprehensive indicator that measures countries' capacity to provide services to citizens through digital technologies and their level of governance. The most authoritative international assessment system in this field is the E-Government Development Index (EGDI), developed by the United Nations [7]. The EGDI is a composite index that measures the level of e-government development in countries. According to the latest E-Government Survey 2024 report prepared by the United Nations, Azerbaijan belongs to the high EGDI group in terms of e-government development and has significantly improved its position in recent years [7]. The table below presents Azerbaijan's indicators in comparative form with those of selected other countries (Table 1).

Table 1. E-Government Development Index (EGDI)

Countries	Rang 2024	EGDI
Kazakhstan	24	0,9009
Türkiye	27	0,8913
Russian Federation	43	0,8533
Armenia	48	0,8422
Uzbekistan	63	0,7999
Georgia	69	0,7792
Azerbaijan	74	0,7607
Kyrgyzstan	78	0,7316

Tajikistan	123	0,5606
Turkmenistan	145	0,4757

Source: [7]

The presented Table 1 provides a comparative overview of countries by their E-Government Development Index (EGDI) scores, revealing notable disparities in digital government development across the region. Kazakhstan (0.9009) and Türkiye (0.8913) rank highly, at 24th and 27th, respectively. These countries are regional leaders and are approaching the "very high EGDI" category. Their strong performance is largely driven by advanced digital infrastructure, well-developed online public services, and systematic implementation of digital governance reforms. The Russian Federation, Armenia, Uzbekistan, Georgia, and Azerbaijan demonstrate moderate to high levels of e-government development. Azerbaijan, with an EGDI score of 0.7607 (ranked 74th), shows steady progress and is positioned in the upper segment of this group [7]. Its performance is positively influenced by the centralization of public services, citizen-oriented governance, the expansion of digital platforms, and the integration of social services through the DOST Agentliyi. However, a noticeable gap remains relative to leading countries, particularly in technological infrastructure and digital skills.

Digitalization of social services

The digitalization of social services primarily transforms state–citizen relations. The expansion of electronic services, the integration of databases, and the implementation of the "one-stop shop" principle create conditions for eliminating bureaucratic barriers. In this regard, the ASAN Service model is regarded internationally as an innovative example of public administration. Established in 2012, ASAN service centers provide public services through a unified platform. The key features of this model are transparency, efficiency, citizen-centeredness, and the extensive use of technology. Electronic queue systems, digital document circulation, and mobile services minimize citizens' time and resource losses. In addition, ASAN Service also plays a significant role in ensuring social inclusivity [2].

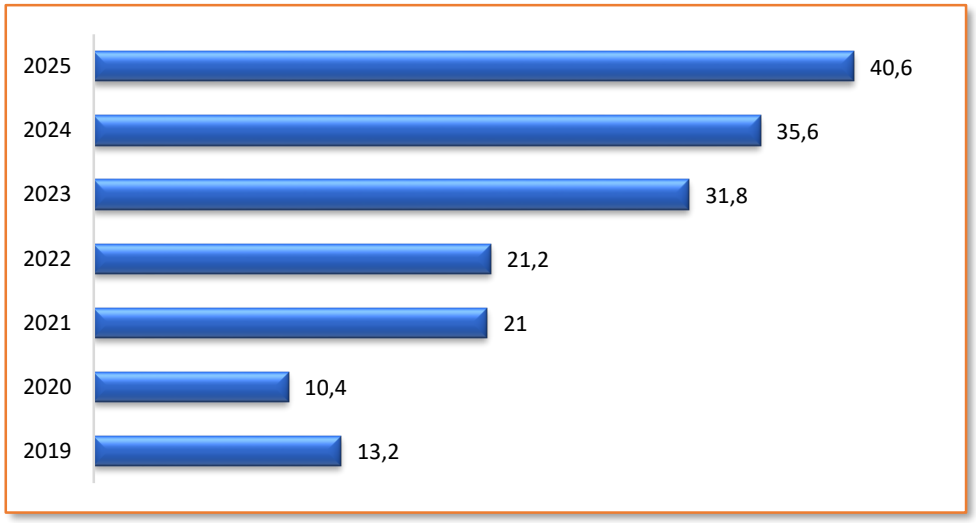
Another important institution of digitalization in the field of social protection and welfare is the DOST Agency. The DOST Agentliyi (Sustainable and Operative Social Security Agency) was established by the Order No. 229 of the President of the Republic of Azerbaijan dated August 9, 2018, and the Decree dated December 10, 2018 [9]. This institution integrates services related to labor, employment, social protection, and support for vulnerable population groups. DOST centers provide various social services in a single location, following the "one-stop shop" principle. Within the DOST Agency's activities, the application of digital technologies holds a special place. Electronic application systems, automated social payment mechanisms, and real-time data processing significantly improve the quality of social services. This approach also reduces corruption risks and strengthens accountability in governance. Citizen satisfaction is a key priority, and continuous improvements are being made to reduce application response times. It should be noted that, according to a 2025 survey, citizen satisfaction was 98.6% [4].

The DOST Agency (Sustainable and Operative Social Security Agency) aims to be closer to the population through a wide network of service centers operating not only in Baku but also in various regions of the country. Based on the DOST concept, 162 services are provided across 14 areas [4]. The main objective of these centers is to provide state social protection and social security services to citizens in a more accessible, transparent, and efficient manner. Social services include the assignment and payment of pensions and allowances, disability assessments, targeted social assistance, employment services, social insurance matters, and other areas of social security. This approach reduces the need for citizens to apply separately to different government agencies and simplifies service delivery.

As a result, the DOST Agency can be regarded as an institutional innovation that plays an important role in the formation of a modern welfare state model. The centers established by the DOST Agency expand access to social services for both urban and regional populations, ensuring easier access for vulnerable groups in particular—such as the elderly, persons with disabilities, and low-income families [9]. Overall, DOST centers play an important role in the transition of social services to a modern, centralized, and citizen-oriented model.

It should be noted that, as of 1 February 2019, the assignment of labour pensions has been carried out in an automated manner through a centralized electronic information system [8]. Labour pensions are assigned on a proactive basis to individuals who have reached retirement age, without the need for them to visit any institution or submit any application [4]. The dynamics of pensioners assigned through the e-system during the period 2019–2025 are presented in Figure 2 below:

Figure 2. Number of pensioners assigned on a proactive basis in 2019–2025, thousand persons



Source: [4]

As illustrated in Figure 2.1.1, the assignment of labour pensions through a proactive, application-free and contactless mechanism demonstrates a steady overall growth trend over the period under review. Specifically, the number of individuals granted pensions in this manner amounted to 13 thousand in 2019, followed by 10.4 thousand in 2020, 21 thousand in 2021, 21.2 thousand in 2022, 31.8 thousand in 2023, 35.6 thousand in 2024, and 40.6 thousand in 2025. The observed dynamics indicate a significant expansion in the coverage and operational efficiency of the automated pension assignment system, particularly in the post-2020 period, reflecting the increasing institutional reliance on digitalization and proactive service delivery mechanisms within the pension administration framework.

In Azerbaijan, the Social Services Agency provides a range of social services to people living in difficult circumstances. In general, the resolution of the social problems of such individuals, as well as the legal, economic, and organizational framework in this area, is regulated by the Law of the Republic of Azerbaijan “On Social Services,” adopted on December 30, 2011 [3]. Since 2021, Social Service Centers operating within the structural units of the Social Services Agency have served as a comprehensive social support mechanism for vulnerable groups in the population. The main objective of these centers is to ensure the systematic and accessible implementation of social rehabilitation measures. The Social Services Agency provides social rehabilitation services and social and domestic assistance to persons living in difficult life conditions and to persons with disabilities, implements measures aimed at improving their social protection and well-being, and is also involved in adoption processes, as well as arrangements for sending individuals to sanatoriums, resorts, and treatment centers [5]. The centers' service spectrum also includes multifaceted activities within the framework of socio-psychological rehabilitation. These include socio-psychological awareness activities, socio-pedagogical work, individual and group psychological services, speech therapy assessment and correction, occupational therapy, and measures aimed at improving parents’ knowledge and skills. In addition, the process of social integration is supported through cultural and mass events. The target group for the services spans a wide range of social categories. This group includes children with disabilities, foreign citizens permanently residing in the country and stateless persons, repatriated individuals, persons released from correctional institutions, victims of domestic violence, as well as individuals living in or at risk of difficult life circumstances. This approach serves to ensure

inclusivity within the social protection system [5]. The table below provides information on social service institutions for the elderly, persons with disabilities, and unattended children.

Table. Social service institutions for the elderly, persons with disabilities, and unattended children (at the beginning of the year)

	2020	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
Number of social service institutions for the elderly, persons with disabilities, and unattended children	9	8	8	8	8	8
in them:						
number of beds (capacity)	1 220	1 240	1 241	1 230	1 230	1 344
number of residents, persons	849	754	1 017	925	846	932
Number of social service institutions for children with disabilities	3	2	2	2	2	2
in them:						
number of places (capacity)	390	370	370	370	370	370
number of residents, persons	342	326	289	292	295	274

Source: [6]

Based on Table 2, the analysis of statistical indicators of social service institutions for the years 2020–2025 shows that, overall, structural stability and gradual optimization of service capacity are observed within the system. The number of institutions for the elderly, persons with disabilities, and unattended children was 9 in 2020, and from 2021 onward it stabilized at 8. The number of institutions for children with disabilities decreased from 3 to 2 and remained unchanged in subsequent years, indicating institutional consolidation and a more efficient management approach. The total capacity of the institutions (number of places) increased from 1220 to 1344, demonstrating an upward trend. This increase can be associated with the expansion of existing infrastructure and the enhancement of service capacity. However, a slight decrease is observed in the number of places for children with disabilities (from 390 to 370), which may indicate a transition toward more individualized and alternative social service models. The number of residents in social service institutions shows an unstable trend across the overall system: it increased from 849 persons in 2020 to 1017 persons in 2022, then fluctuated downward, and finally rose again to 932 persons in 2025. For children with disabilities, a continuous downward trend (from 342 to 274) has been recorded, which may be explained by a reduction in institutional placement and the development of alternative social support mechanisms. Statistical analysis shows that the development of social service institutions in Azerbaijan is driven more by qualitative and structural transformation than by quantitative growth. The reduction in the number of places in social service institutions is related to repair and reconstruction works.

Specialists working in social service centers ensure a multidisciplinary approach. Social workers, psychologists, psychopedagogues, speech therapists, and occupational therapists work in a coordinated manner to meet individuals' complex needs. This is one of the key institutional advantages that enhances the quality and effectiveness of social services [5]. As a result, Social Service Centers function as an integrated, citizen-oriented, and multidisciplinary service model in social rehabilitation and protection. This model is of significant importance for improving social welfare, reintegrating vulnerable groups into society, and ensuring the effective implementation of social policy.

Conclusion

In Azerbaijan, the digitalization of social service sectors has become an important component of the systematic reforms implemented over the past decade to modernize public administration. In particular, institutional innovations such as ASAN Service and the DOST Agency have led to the formation of a qualitatively new stage in state–citizen relations. These models serve as effective management tools for centralizing services, increasing transparency, and improving citizen satisfaction. At the same time, Azerbaijan's achievements in e-government are

reflected in international assessments, particularly in EGDI indicators, and confirm the country's steady progress in digital transformation. However, the analysis shows that despite the existing achievements, issues such as strengthening technological infrastructure, improving digital skills, and reducing regional inequality remain relevant. Digitalization is not only a process of technological renewal but also a mechanism of institutional and social transformation. Digitalization is not only a process of technological renewal but also a mechanism of institutional and social transformation. In this regard, the digitalization of social services creates important opportunities to ensure inclusivity, strengthen social justice, and improve the well-being of vulnerable groups. In particular, the DOST model can be regarded as a practical implementation of the concept of a welfare state.

References

1. Amrahov, E. (2025). *Current Status and Development Trends of the Digital Economy in Azerbaijan*. DOI: 10.71447/2413-7235-2025-1-16-a. Available at: https://www.researchgate.net/publication/392080906_AZRBAYCANDA_RQMSAL_IQTISADIYYATIN_MOVCUD_VZIYYTI_V_INKISAF_TENDENSIYALARI
2. ASAN Service Centers. Available at: https://www.asan.gov.az/about
3. Law of the Republic of Azerbaijan "On Social Services" (2011, December 30). Available at: https://e-qanun.az/framework/23195
4. Ministry of Labour and Social Protection of Population of the Republic of Azerbaijan. (2025). *Annual Report*. Available at: https://sosial.gov.az/storage/articles/1855719826975147.pdf
5. Social Services Agency of the Republic of Azerbaijan. Available at: https://sxa.gov.az/agentlik/haqqimizda
6. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Available at: https://www.stat.gov.az/source/healthcare/
7. United Nations. (2024). *UN E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development*. Available at: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024
8. Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the approval of the "State Program on the Development of Insurance-Pension System in the Republic of Azerbaijan for 2009–2015" (2008, December 30). Available at: http://www.e-qanun.az/framework/15995
9. DOST Agency. Available at: https://dost.gov.az/page/mission-and-history

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК НОВАЯ ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Даурова А.М. *- студентка 1 курса магистратуры по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик.*

Чеченов А.М. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологий социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость пересмотра профессионального портрета социального работника под влиянием тотальной цифровизации социальной среды. Цифровая грамотность анализируется не как факультативный технический навык, а как обязательная интегративная компетенция, обеспечивающая эффективность, безопасность и этичность помогающей практики. Выделены структурные компоненты цифровой грамотности (операционно-технический, информационно-критический, коммуникативный, этико-правовой), раскрыта их роль в решении ключевых профессиональных задач: киберсоциализации клиентов, выявлении цифровых рисков, дистанционном консультировании, защите персональных данных. Особое внимание уделено этическим дилеммам, возникающим при использовании социальных сетей и мессенджеров в профессиональной деятельности.

Предложены направления интеграции цифровой грамотности в систему непрерывного профессионального образования, включая микрообучение, симуляционные тренажёры и обновление профессиональных стандартов.

Ключевые слова. Цифровая грамотность, социальная работа, профессиональная компетенция, цифровизация, киберриски, этика цифровой коммуникации, непрерывное образование, клиентоцентричность.

DIGITAL LITERACY AS A NEW MANDATORY PROFESSIONAL COMPETENCE OF A SOCIAL WORKER IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Daurova A.M. *– 1st-Year Master's Student in the "Social Work" Program, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*

Chechenov A.M. *– Academic Supervisor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*

Abstract. The article substantiates the need to revise the professional profile of a social worker under the influence of total digitalization of the social environment. Digital literacy is analyzed not as an optional technical skill, but as a mandatory integrative competence that ensures the effectiveness, safety and ethics of helping practice. The structural components of digital literacy (operational-technical, information-critical, communicative, ethical-legal) are identified, and their role in solving key professional tasks is revealed: client cybersocialization, identification of digital risks, remote counseling, personal data protection. Special attention is paid to ethical dilemmas arising from the use of social networks and messengers in professional activities. The directions for integrating digital literacy into the system of lifelong professional education, including microlearning, simulation trainers, and updating professional standards, are proposed.

Keywords. Digital literacy, social work, professional competence, digitalization, cyber risks, ethics of digital communication, lifelong learning, client-centeredness.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности, включая социальную работу. Социальные услуги, коммуникация между специалистом и клиентом, сбор информации, межведомственное взаимодействие — все эти процессы всё чаще опосредуются цифровыми технологиями. Как справедливо отмечает М.В. Фирсов, цифровая среда становится не просто фоном, но активным контекстом, формирующим новые потребности и уязвимости клиентов [3, с. 205]. В этих условиях цифровая грамотность социального работника перестаёт быть желательным дополнением к профессиональному портфелю навыков и становится обязательной компетенцией, без которой невозможно качественное выполнение трудовых функций.

Проблема заключается в том, что традиционная подготовка социальных работников долгое время фокусировалась на развитии эмпатии, коммуникативных умений, знаний нормативно-правовой базы, но не уделяла должного внимания работе в цифровой среде. Между тем, клиенты — особенно молодёжь, но также и пожилые люди, осваивающие интернет — активно пользуются цифровыми платформами для решения повседневных вопросов, общения и даже получения помощи. Игнорирование этого факта ведёт к снижению эффективности социальной работы, росту цифрового неравенства и появлению новых уязвимостей (кибербуллинг, онлайн-мошенничество, цифровая зависимость), которые специалист должен уметь распознавать и предотвращать. Особенно остро эта проблема стоит в работе с пожилыми людьми, которые в силу низкой цифровой грамотности часто становятся жертвами мошенников, а также с подростками, проводящими значительную часть времени в социальных сетях.

Цель данной статьи — обосновать статус цифровой грамотности как обязательной профессиональной компетенции социального работника, определить её структурные компоненты, раскрыть их практическое значение и предложить конкретные пути формирования в системе непрерывного образования.

Вопросы цифровой грамотности специалистов помогающих профессий активно разрабатываются как в зарубежной, так и в отечественной науке. В европейской традиции широкое распространение получила модель DigComp, выделяющая пять областей: информационная грамотность, коммуникация и сотрудничество, создание цифрового контента, безопасность, решение проблем. Эта модель используется в 21 стране Евросоюза, включая Францию и Великобританию. На её основе разработан инструмент мониторинга цифровой грамотности — опросник DigCompSAT, который позволяет оценивать уровень цифровых компетенций. В российской науке фундаментальные исследования в области теории социальной работы дополняются работами, которые акцентируют внимание на ее **междисциплинарном характере, прикладных аспектах и уточнении методологических основ** [1, с. 48–52]. И.В. Потапова акцентирует роль цифровой грамотности как инструмента преодоления цифрового неравенства клиентов [5, с. 58]. Особую группу составляют исследования, посвящённые этическим дилеммам цифровой практики. Е.В. Смирнова анализирует проблему границ приватности при использовании социальных сетей в профессиональной деятельности [6, с. 70–72]. К.Л. Зайцева рассматривает цифровую грамотность как фактор профилактики виктимности пожилых людей в интернет-среде [2, с. 115–116]. Большинство авторов сходятся во мнении: цифровая грамотность в социальной работе — это не просто владение программами, а способность критически, безопасно и этично использовать технологии для достижения профессиональных целей.

Также в российской науке существуют исследования, посвящённые оценке цифровой грамотности педагогов. Например, Аналитический центр НАФИ разработал подход, который включает оценку индикаторов информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, медиаграмотности и отношения к технологическим инновациям.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать цифровую грамотность как интегративную компетенцию, встроенную в общую структуру профессиональной деятельности социального работника. Использован метод теоретического анализа и синтеза научной литературы, нормативно-правовых актов и практических руководств в области цифровизации социальной сферы. Применён также сравнительно-сопоставительный анализ различных моделей цифровых компетенций (отечественных и зарубежных) с целью выделения универсальных компонентов, значимых для российской системы социальной работы. В работе использованы элементы институционального анализа, позволяющие оценить готовность системы профессионального образования к внедрению цифровых компетенций.

В результате анализа было установлено, что цифровая грамотность социального работника представляет собой многокомпонентное образование. На основе обобщения существующих моделей выделены четыре ключевых блока, каждый из которых наполнен конкретным профессиональным содержанием.

Первый блок — операционно-технический — включает базовые навыки использования компьютера, офисного программного обеспечения, специализированных информационных систем (например, Единой государственной информационной системы социального обеспечения — ЕГИССО), электронной почты, мессенджеров, платформ для видеоконференций. Без этого блока невозможно ведение электронного документооборота, участие в межведомственном взаимодействии и дистанционное консультирование. Социальный работник должен уверенно работать с базами данных, заполнять электронные формы, направлять запросы в другие ведомства через систему электронного межведомственного взаимодействия. Как показывает практика, именно отсутствие этих базовых навыков становится главным барьером для пожилых специалистов, которые не могут адаптироваться к новым требованиям [3, с. 210].

Второй блок — информационно-критический — включает умение находить, оценивать достоверность и интерпретировать цифровую информацию, отличать проверенные источники от фейковых, понимать принципы работы алгоритмов рекомендательных сервисов, критически относиться к цифровому контенту. Этот блок особенно важен при работе с клиентами, которые могут быть дезинформированы (например, о мерах социальной поддержки) или вовлечены в деструктивные онлайн-сообщества. Социальный работник должен уметь объяснить клиенту, почему не стоит доверять непроверенным рассылкам в мессенджерах, как распознать фишинговый сайт и куда обращаться в случае онлайн-мошенничества. По данным исследований, именно пожилые люди и люди с низким уровнем образования наиболее подвержены цифровой дезинформации.

Третий блок — коммуникативный — включает навыки эффективной, этичной и эмпатичной коммуникации в цифровой среде. Социальный работник должен уметь выстраивать доверительные отношения с клиентом через видеозвонки, чаты, электронную почту, соблюдая нормы профессиональной этики. Особую сложность представляет кризисная онлайн-коммуникация, требующая оперативного распознавания эмоционального состояния клиента при отсутствии невербальных сигналов. Например, при дистанционном консультировании подростка, испытывающего суицидальные настроения, специалисту необходимо не только услышать слова, но и интерпретировать паузы, интонацию, скорость печати — всё это требует дополнительных навыков и специальной подготовки.

Четвёртый блок — этико-правовой — включает знание законодательства о персональных данных (Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»), правил кибербезопасности, понимание границ допустимого в цифровом взаимодействии с клиентом. Например, можно ли «дружить» с клиентом в социальных сетях? Как реагировать, если клиент публикует в открытом доступе информацию о намерении совершить противоправные действия? Допустимо ли использовать цифровой след клиента для оценки рисков без его явного согласия? На все эти вопросы у социального работника должны быть чёткие ответы, основанные на знании закона и профессиональной этики. Кроме того, специалист обязан обеспечить безопасное хранение и передачу персональных данных клиентов, использовать надёжные пароли, двухфакторную аутентификацию, избегать передачи конфиденциальной информации через незащищённые каналы связи.

Значимость цифровой грамотности проявляется на всех этапах социальной работы. На этапе диагностики специалист может использовать онлайн-опросники, анализировать цифровой след клиента (с его согласия) для выявления признаков кибербуллинга, вовлечённости в деструктивные группы, игровой зависимости. На этапе вмешательства цифровая грамотность позволяет организовать дистанционное консультирование для клиентов с ограниченной мобильностью, проживающих в отдалённых районах или находящихся на самоизоляции. В профилактической работе специалист выступает как цифровой просветитель, обучая клиентов правилам цифровой гигиены, способам защиты от мошенников и безопасному поведению в социальных сетях. Особое значение цифровая грамотность приобретает в работе с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, где дети могут быть предоставлены сами себе и проводить всё время в интернете без контроля.

Особое внимание следует уделить цифровым рискам, с которыми сталкиваются уязвимые категории населения. Пожилые люди часто становятся жертвами телефонного и онлайн-мошенничества (звонки от «лже-сотрудников банка», фишинговые рассылки, мошеннические сайты «социальных выплат»). Дети и подростки подвергаются кибербуллингу, вовлечению в деструктивные сообщества (колумбайн-сообщества, АУЕ, экстремистские группы). Социальный работник, обладающий цифровой грамотностью, способен не только распознать эти риски, но и оказать квалифицированную помощь, а также взаимодействовать с соответствующими службами (например, с «Лигой безопасного интернета», правоохранительными органами, психологическими службами).

В то же время цифровизация порождает новые этико-правовые вызовы. Использование социальных сетей для мониторинга клиента может нарушать принцип конфиденциальности. Хранение и передача персональных данных по цифровым каналам требуют соблюде-

ния мер кибербезопасности. Недостаточная цифровая грамотность самого специалиста может привести к утечке данных, взлому аккаунта или профессиональной дискредитации. Поэтому этико-правовой блок компетенций должен быть неотъемлемой частью подготовки, а организации социального обслуживания должны предоставлять специалистам защищённые каналы связи и регулярно проводить инструктажи по кибербезопасности.

Формирование цифровой грамотности как обязательной компетенции требует системных изменений в профессиональном образовании. Разовые курсы повышения квалификации недостаточны. Необходима интеграция цифровых модулей в основные образовательные программы бакалавриата и магистратуры, а также создание системы непрерывного микрообучения для практикующих специалистов. Эффективными формами являются: симуляционные тренажёры (например, отработка онлайн-консультирования в кризисной ситуации), разбор цифровых кейсов (анализ реальных ситуаций из практики), междисциплинарные проекты с участием IT-специалистов. Также важно актуализировать профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе», включив в него требования к цифровым компетенциям: например, способность использовать ЕГИССО, проводить онлайн-консультирование, обеспечивать кибербезопасность персональных данных клиентов [1, с. 55]. Кроме того, необходимо организовать методическую поддержку — создание чек-листов, памяток, видеокурсов по цифровым навыкам для социальных работников.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что цифровая грамотность является не факультативным, а обязательным элементом профессиональной компетентности социального работника в условиях цифровой трансформации общества. Она включает операционно-технический, информационно-критический, коммуникативный и этико-правовой компоненты, каждый из которых необходим для эффективного и безопасного выполнения профессиональных задач. Социальный работник без цифровой грамотности сегодня не может качественно оценить риски клиента, оказать своевременную помощь, защитить его от цифровых угроз и соблюсти требования законодательства о персональных данных.

Внедрение цифровой грамотности в систему подготовки и переподготовки социальных кадров требует трёх групп мер: 1) обновления образовательных программ и профессиональных стандартов; 2) разработки практико-ориентированных учебных материалов (симуляторов, кейсов, чек-листов по кибербезопасности); 3) создания системы методической поддержки и супервизии цифровых практик (обмен опытом, консультации IT-специалистов, разбор сложных ситуаций). Игнорирование этого требования приведёт к снижению качества социальных услуг, росту цифрового неравенства и профессиональной несостоятельности специалистов. Государство, профессиональные ассоциации и образовательные организации должны объединить усилия для скорейшего внедрения цифровой грамотности в стандарты и программы обучения.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка валидного инструментария для оценки уровня цифровой грамотности социальных работников (тесты, кейс-задания, симуляционные сценарии), изучение влияния цифровых компетенций на результаты помощи (например, сравнительный анализ эффективности работы специалистов с высоким и низким уровнем цифровой грамотности), а также анализ зарубежного опыта внедрения цифровых стандартов в социальную работу (Великобритания, Германия, США) с целью его адаптации к российским условиям.

Литература:

1. Андреева Н.А. Модель цифровых компетенций специалиста по социальной работе: структурно-функциональный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 45-58.

2. Зайцева К.Л. Цифровая грамотность социального работника как фактор профилактики виктимности пожилых людей в интернет-среде // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 1. С. 112-118.

3. Фирсов М.В. История социальной работы в России: от общественного призрения к системе социальной защиты. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2024. 288 с.

4. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная политика и социальная работа в исторической ретроспективе: институциональные изменения и практики помощи. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

5. Потапова И.В. Цифровое неравенство как вызов социальной работе: возможности цифровой грамотности // Отечественный журнал социальной работы. 2022. № 4. С. 56-63.

6. Смирнова Е.В. Этические дилеммы цифровой практики в социальной работе: границы приватности в социальных сетях // Профессиональная этика в социальной работе: сборник статей. М.: Проспект, 2023. С. 67-78.

7. Гладкова А.А. Цифровое неравенство и социальная работа: вызовы и возможности // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 3. С. 34-41.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОЖДАЕМОСТИ И МОТИВЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Абдулманапов П.Г. *– старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.*

Аннотация. Воспроизводство населения в большей степени обеспечивается естественными процессами – рождаемостью и смертностью. Уровень рождаемости является результатом репродуктивного поведения, а продолжительность жизни обуславливается образом жизни и здоровьесберегающим поведением. Демографические установки населения определяют их поведение в демографической сфере, влияя на уровень детности, рождаемость и здоровье общества. Целью исследования являлось выявление особенностей демографического поведения в демографически благополучных, но экономически отсталых регионах, а также социально-психологических, экономических и демографических аспектов их самосохранительного поведения как ключевых факторов, влияющих на динамику естественного прироста населения. Для реализации цели применяются как общие методы экономической науки, так и специальные, где ключевыми выступают экономическое наблюдение и моделирование. Поведенческий аспект деятельности человека изучается эмпирическими методами экономического познания. Эмпирические данные собраны через социологический опрос населения, охвативший большинство регионов Северного Кавказа. Установлено, что мотивы рождаемости, которые подразумевают материальные или иные выгоды для родителей, в настоящее время потеряли актуальность, причем, даже в сельской местности. Детерминанты рождаемости социально-психологического характера становятся основными движущими силами многодетности.

Ключевые слова: естественный прирост, рождаемость, смертность, репродуктивное поведение, самосохранительное поведение.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF FERTILITY AND MOTIVES OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

P.G. Abddulmanapov Institute for Social and Economic Research Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala,Russia)
Corresponding author: P.G. Abddulmanapov

Abstract. Population reproduction is largely ensured by natural processes – birth and death rates. Fertility is the result of reproductive behavior, while life expectancy is determined by lifestyle and health-preserving behavior. Population demographic attitudes determine their demographic behavior, influencing fertility rates, birth rates, and the health of society. The aim of this study was to identify the characteristics of demographic behavior in demographically prosperous but economically underdeveloped regions, as well as the socio-psychological, economic, and demographic aspects of their self-preservation behavior as key factors influencing the dynamics of natural population growth. To achieve this goal, both general and specialized economic methods

are used, with economic observation and modeling being key. The behavioral aspect of human activity is studied using empirical methods of economic cognition. Empirical data was collected through a sociological survey of the population, covering most regions of the North Caucasus. It has been established that fertility motivations that involve material or other benefits for parents have lost their relevance, even in rural areas. Socio-psychological determinants of fertility are becoming the main drivers of having many children.
Key words: natural increase, birth rate, mortality, reproductive behavior, self-preservation behavior.

Введение

Демографические установки населения определяют их поведение в демографической сфере, влияя на уровень детности, рождаемость и здоровье общества. Научная задача заключается в выявлении механизмов формирования этих установок, а также факторов и условий прямого и косвенного воздействия на этот процесс. Ключевую роль играет социально-демографическая политика, которая создает условия для реализации такого поведения.

Рождаемость падает как в городах, так и в сельской местности, хотя на селе коэффициенты остаются выше в относительном выражении. Особенность сельских территорий — более медленное снижение уровня рождаемости по сравнению с городскими.

Снижение преждевременной смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни остаются приоритетами государственной социально-демографической политики России. Термин «самосохранительное поведение» появился в отечественной литературе в конце прошлого столетия и обозначает «систему действий и отношений, направленных на сохранение здоровья на протяжении жизни и продление ее срока» [2]. Изучение здоровья населения тесно связано с анализом «образа жизни» — устойчивого способа жизнедеятельности, сформированного в конкретных общественно-экологических условиях, включающего оптимальный режим труда и отдыха, сбалансированное питание, физическую активность, личную гигиену, охрану среды, полезный досуг и психогигиену. Нарушение любого из этих элементов негативно сказывается на здоровье и снижает эффективность мер по его поддержанию.

Цель исследования — анализ особенностей демографического поведения женщин репродуктивного возраста в демографически благополучных, но экономически отсталых регионах, а также социально-психологических, экономических и демографических аспектов их самосохранительного поведения как ключевых факторов, влияющих на динамику естественного прироста населения.

Для реализации цели применяются как общие методы экономической науки, так и специальные, где ключевыми выступают экономическое наблюдение и моделирование. Поведенческий аспект деятельности человека изучается эмпирическими методами экономического познания, действующими на уровне наблюдения за экономической реальностью. Эмпирические данные собраны через социологический опрос населения, охвативший большинство регионов Северного Кавказа.

Для выявления факторов рождаемости и мотивов самосохранительного поведения проведено социологическое обследование с помощью анкетного опроса. Опрос организован во второй половине 2023 года Институтом социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ ДФИЦ РАН) среди жителей южных национальных регионов России. Анкета содержала вопросы о демографических характеристиках, социально-экономических показателях, семейных ценностях и традициях. Обработка данных осуществлялась в программе SPSS.

Теоретические основы исследования

В настоящее время во многих странах мира наблюдается общая тенденция к снижению уровня рождаемости до отметок ниже простого воспроизводства населения. Эта ситуация характерна для самых разных государств, независимо от их социально-политического устройства, а также от социокультурных, национальных, этнических или религиозных особенностей. «Кризис «социальной системы» в Швеции, Великобритании и других странах

Западной Европы, а также в бывших социалистических странах свидетельствует о том, что государство всеобщего благосостояния уже умирает во всем мире под тяжестью собственных противоречий» [11]. Тем не менее, значительная часть научного сообщества связывает перспективы успешного преодоления острых социальных проблем, включая вызовы семейно-демографической политики, связанные со сверхнизкой рождаемостью, с существованием социального типа государства (и его вариаций, направленных на обеспечение благополучия большинства граждан).

Важно отметить, что в 1990-е годы в России переход к рынку и капитализму сопровождался отказом от советских традиций государственной поддержки и опеки (протекционизма и патернализма), что фактически привело к полному устранению семейной политики как таковой в рамках выбранной либеральной модели. «Рост смертности и падение рождаемости, сопровождавшие политические трансформации в стране, оказались столь серьезными, что заставили правительство провозгласить сначала семейную, а потом и демографическую политику государства» [3].

Демографические угрозы глобального характера (депопуляция вследствие сверхнизкой рождаемости, демографическая поляризация и интенсификация миграционных потоков) оказались наиболее деструктивными для России, поскольку совпали с периодом трансформации политической системы. Для России сохраняется демографическая угроза в виде нарастающей естественной убыли населения и усиления последствий депопуляционной экономики, которая не способна обеспечить адекватный рост производительности труда и потому трансформируется в перераспределительную модель, ориентированную на иммиграционные потоки.

Анализ российской демографической ситуации первых двух десятилетий XXI века также нашел отражение в научных публикациях таких видных отечественных демографов, как Л. Л. Рыбаковский, В. И. Переведенцев, А. Г. Вишневский [5]. По мнению Л.Л. Рыбаковского: «начиная с 1990-х годов, вплоть до середины первого десятилетия XXI в. Россия повсеместно (исключение – небольшое число северокавказских регионов) находилась в режиме депопуляции, инициированной как высоким уровнем смертности, так и крайне низкой рождаемостью» [8]. «Большое снижение рождаемости привело к быстрому старению населения, то есть снижению в нем доли детей, повышению доли стариков, росту среднего возраста» [6]. - писал Переведенцев В.И. При этом отмечалось, что «современная ситуация связана, во-первых, с существующими социально экономическими условиями, и, во-вторых, с долговременными демографическими тенденциями, наблюдаемыми начиная с периода, по крайней мере, Великой Отечественной войны» [9].

«Существует несколько демографических проблем, с которыми столкнулась Россия в период 2010–2025 годов: низкий уровень рождаемости, снижение численности населения, старение населения, неконтролируемая миграция» [10]. Основной угрозой демографического развития, среди перечисленных, является низкий уровень рождаемости. В стране фиксируется устойчивая негативная динамика показателей рождаемости, что создаёт предпосылки для возникновения масштабных демографических вызовов в среднесрочной перспективе.

Результаты

Сложившаяся в России демографическая ситуация и демографическая структура - следствие долгосрочной тенденции снижения рождаемости [7]. Российские женщины все чаще откладывают рождение детей на более поздний срок [4]. Об этом свидетельствуют как статистические данные, так и результаты социологических исследований. Согласно статистическим данным и многочисленным публикациям российских учёных на фоне заметно ухудшающихся за последнее десятилетие показателей воспроизводства населения в стране в целом – даже в традиционно благополучных территориях Северного Кавказа наблюдается существенное замедление демографического роста. Снижение рождаемости в Северо-Кавказском федеральном округе началась с 2015 года, и наблюдалась во всех субъектах. Такие трансформации сигнализируют об изменениях в социально-экономическом развитии страны, об ухудшении качества жизни населения и формировании социального стресса.

К настоящему времени ситуация с рождаемостью на Северном Кавказе относительно стабилизировалась. В среднем по федеральному округу коэффициент рождаемости, рассчитанный на 1000 человек населения, превышает 12,4, в то время как по стране в целом данный показатель опустился ниже отметки 8,6. «Лидерство по уровню рождаемости по СКФО и по России в целом сохраняется за Чеченской Республикой» [1]. На 1 тысячу человек населения здесь приходится более 20 рождений. На втором месте Ингушетия с показателем 15,1. К числу благополучных регионов можно причислять и Дагестан, хотя коэффициент рождаемости на сегодня оказался чуть выше 13. В остальных субъектах СКФО уровень рождаемости ниже среднего по федеральному округу, но, тем не менее, выше общероссийского значения (рис. 1).

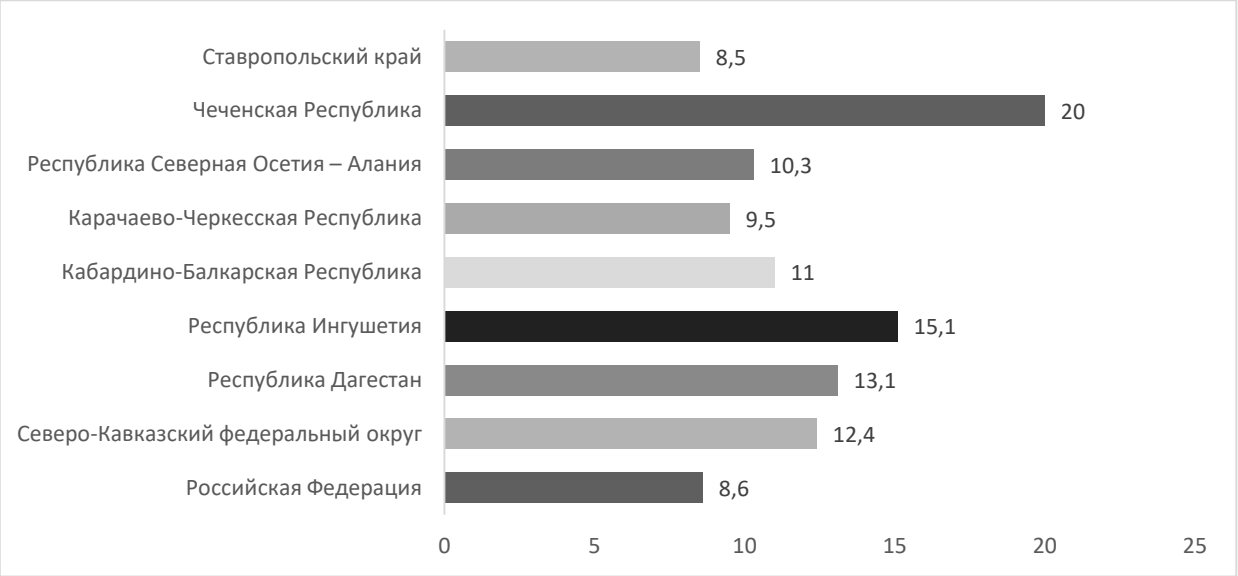


Рис. 1. *Коэффициент рождаемости на 1000 человек населения в регионах СКФО, 2023г.*

На сегодня уровень смертности населения в Северо-Кавказском федеральном округе России значительно ниже, чем по стране в целом. В национальных республиках Северного Кавказа – одни из самых низких показателей коэффициента смертности. Число умерших в расчете на 1 тысячу населения в Ингушетии составляет в настоящее время 3,2 случаев, в Чеченской Республике – 4,3. Республика Дагестан также относится к территориям с хорошими показателями по динамике смертности. Хуже всего обстоят дела в Ставропольском крае, где значение данного показателя превышает 10 (рис. 2).

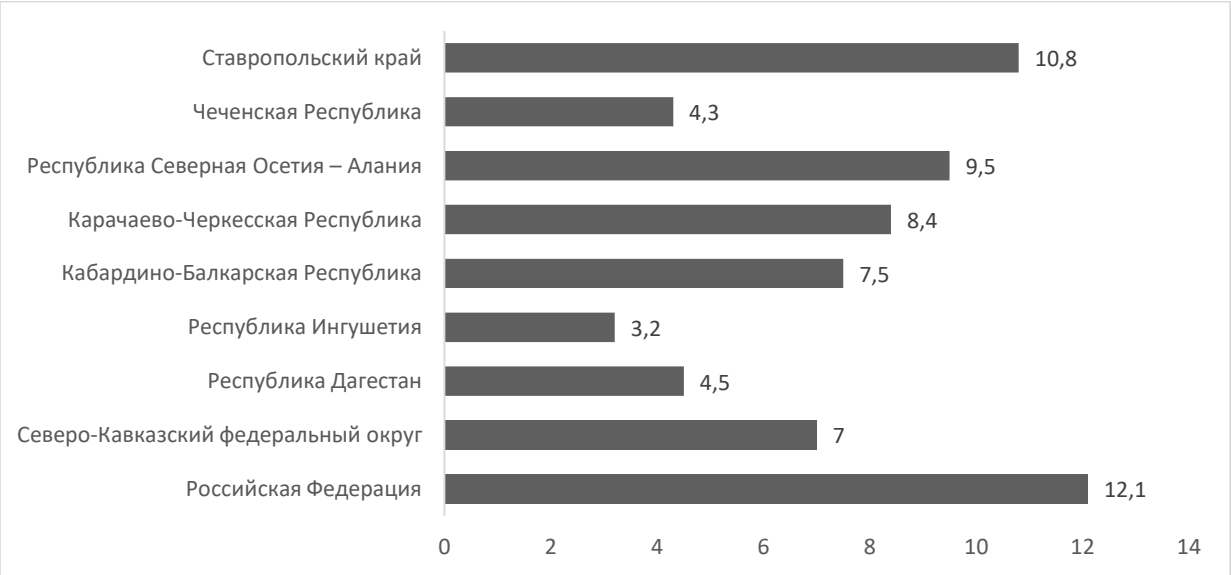


Рис. 2. *Коэффициент смертности на 1000 человек населения регионах СКФО, 2023 г.*

Еще одним важнейшим относительным показателем, используемым в демографических исследованиях, является суммарный коэффициент рождаемости. В настоящее время суммарный коэффициент рождаемости в стране существенно ниже порога простого воспроизводства населения и составляет 1,41. В целом по СКФО также суммарный коэффициент ниже значения для простого замещения поколений – 1,723. Аналогичная ситуация в настоящее время наблюдается во всех регионах федерального округа за исключением Чеченской Республики. В Чечне данный коэффициент на протяжении 2010-х годов стабильно снижался и достиг значения 2,66 (рис. 3).

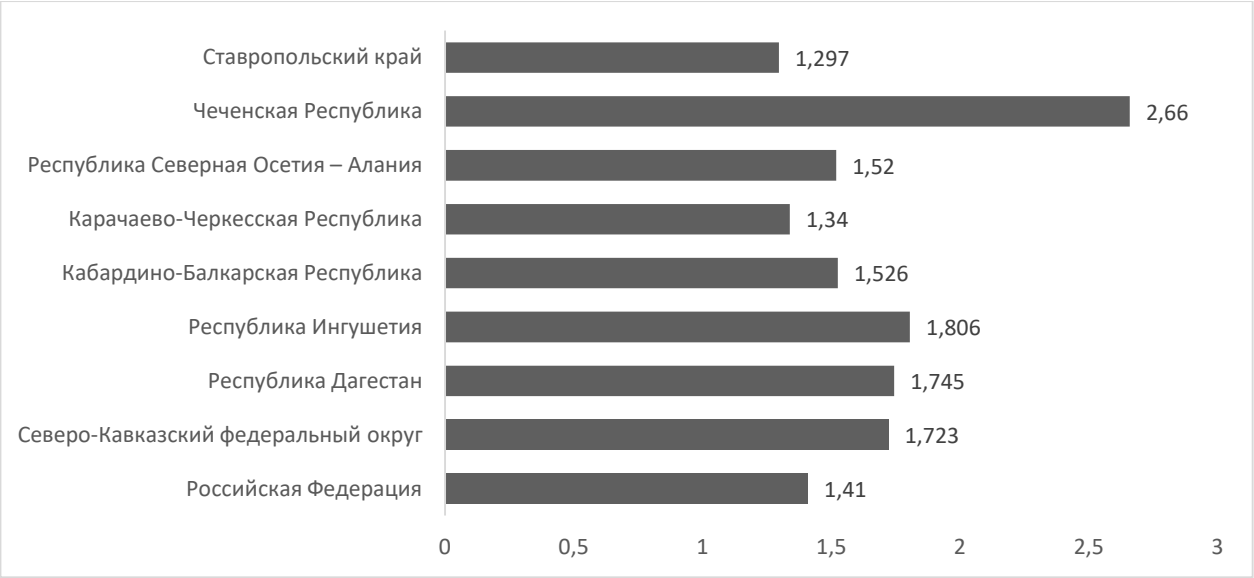


Рис. 3. *Суммарный коэффициент рождаемости в регионах СКФО за 2023 год (число детей на 1 женщину)*

С целью определения институциональных и социокультурных факторов, определяющих характер экономического и социодемографического поведения населения, в полиэтничной среде Юга России был проведен опрос «Выявление особенностей социодемографического, экономического и трудового поведения населения» в июне-августе 2023 г. Институтом социально- экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра (ИСЭИ ДФИЦ) РАН среди жителей южных национальных регионов России. Анкета включала комплекс вопросов, охватывающих демографические характеристики, социально- экономические показатели, а также аспекты, связанные с семейными ценностями и традициями.

Метод сбора информации — анкетный онлайн- опрос взрослого населения. Выборочная совокупность составила 424 респондента в возрасте от 18 до 70 лет. Среди типов населенных пунктов преобладают жители городских территорий — 61% от общего числа опрошенных. Гендерное распределение характеризуется следующей структурой: 68% — женщины, 32% — мужчины. 46% респондентов состоят в зарегистрированном браке. В возрастной структуре превалируют представители молодого поколения: 41% от общего числа являлись респонденты в возрасте от 18 до 25 лет. Образовательный уровень участников опроса варьируется от неполного среднего до высшего (32%).

С целью определения мотивов многодетности, перед опрашиваемыми ставился вопрос о том, какими аргументами руководствуются люди, которые хотят иметь более трёх детей, с возможностью выбора нескольких вариантов. Более половины (52,4%) респондентов считают, что люди хотят иметь много детей по причине того, что сами росли в большой

семье и тоже хотят иметь много детей. Примерно столько же (51%) считают, что чем больше детей – тем крепче семья. На третьем месте оказалась аргументация (37,6%), по которой семьи заводят много детей потому, что думают, что дети могут стать опорой в старости. Чуть больше одной четверти населения считает, что люди очень сильно любят маленьких детей и поэтому заводят много детей. Такое же количество придерживается мысли, что поводом рождения большого количества детей является тот факт, что женщины сами росли одни у родителей, и поэтому желают многодетную семью (рис. 4).

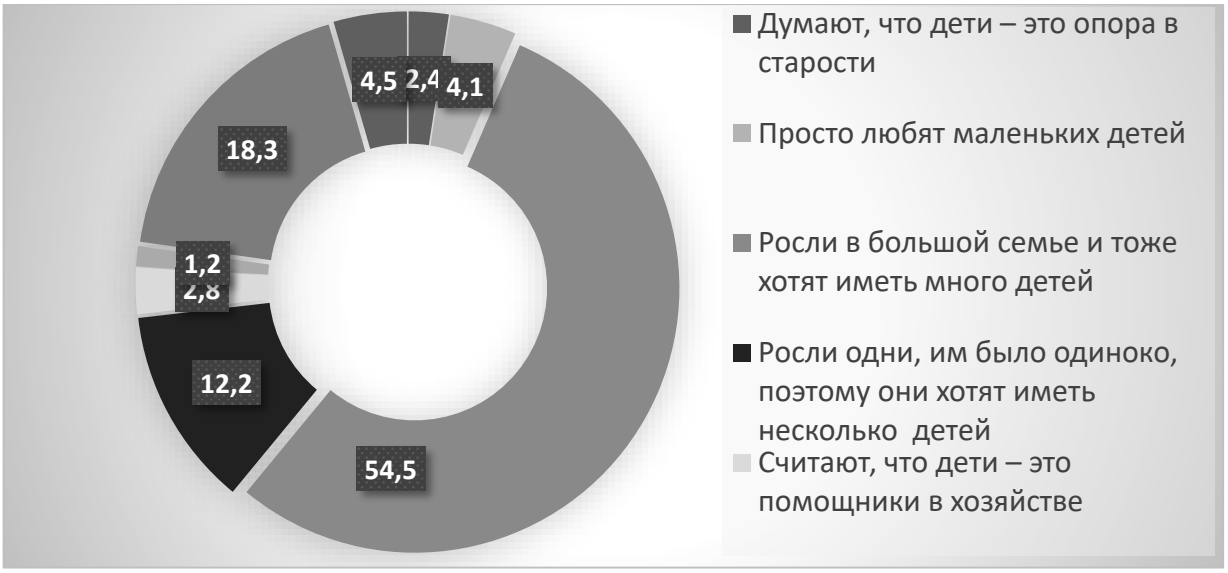


Рис. 4. *Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какими аргументами руководствуются люди, которые хотят иметь более трёх детей? (укажите не более 3-х вариантов)» (в процентах)*

По результатам исследования, наибольший рейтинг набрался у вариантов ответа, отражающих семейные ценности, обусловленных социально-психологическими мотивами. У людей, которые выросли в большой многодетной семье, традиционно формируются относительно высокие репродуктивные установки. Вместе с этим, у них сложилось представление о зависимости крепости супружеских отношений и родственных связей от количества детей в семье.

Также высокий рейтинг набрали такие причины, по которым семьи заводят много детей, как: «считают, что чем больше детей – тем крепче семья» и «росли одни, им было одиноко, поэтому они хотят иметь несколько детей». Аргументацию, что чем больше детей, тем крепче семья, выбрали 18,3% опрошенных, и 12,2% – росли одни, поэтому хотят больше детей. Кроме того, еще 4,1% населения считает, что много детей рожают потому, что просто любят детей. Все эти перечисленные причины относятся к так называемым социально-психологическим мотивам фертильности. В совокупности, они представляют около 90% опрошенных.

Очень мало баллов набрали такие аргументы для многодетности, как «думают, что дети – это опора в старости», «считают, что дети – это помощники в хозяйстве» и «считают, что иметь много детей престижно». В совокупности они набрали 6,5%. Перечисленные детерминанты рождаемости в той или иной степени несут выгоды для родителей, что позволяет нам объединить их в экономические мотивы.

В условиях Республики Дагестан, как показывают результаты социологического обследования населения, экономические мотивы рождаемости в настоящее время потеряли актуальность. Вместе с этим, происходит трансформация семейной структуры общества, приводит к доминированию нуклеарной семьи. Кроме подрыва экономических основ многодетности и, связанного с этим, краха многопоколенной семьи в регионе на сегодня сложилась благоприятная среда чтобы прийти к снижению уровня рождаемости.

На вопрос о том, по какой причине современные молодые семьи ориентированы на малое число детей, большинство (58%) опрошенных выбрали вариант ответа, акцентирующий внимание на необходимость дать детям все самое лучшее (рис. 5).

Действительно, в современном обществе наблюдаются тенденции роста вложений в детей: расходы на образование, на культурное развитие, дополнительные траты на физическое развитие и здоровье детей. Молодые семьи придерживаются мысли, что для формирования успешной личности, необходимо совершать инвестиции в ребенка и повышать его человеческий капитал, а в многодетной семье из-за ограниченности средств невозможно обеспечить достойное воспитание и развитие детей.

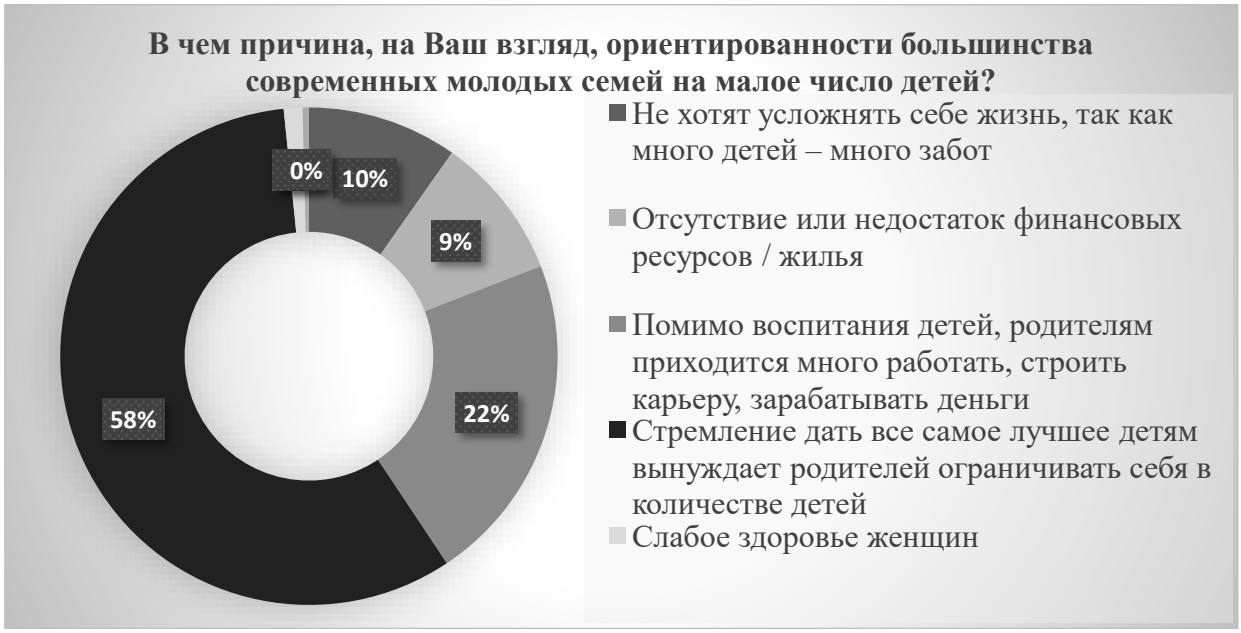


Рис. 5. *Распределение ответов на вопрос: «В чем причина, на Ваш взгляд, ориентированности большинства современных молодых семей на малое число детей?»*

Сохранение здоровья и увеличение здоровой продолжительности жизни является актуальной задачей демографии. В большей степени это зависит от особенностей самосохранительного поведения человека и, в частности, от правильного образа жизни. Несмотря на то, что многие респонденты социологического обследования признались, что ничего специально не предпринимают для укрепления своего здоровья, в целом ситуация благополучная (рис. 6).

Активно занимаются физкультурой (гимнастика, тренажеры, пробежки, плавание и т.д.) 70% опрошенных. Соблюдают диету, придерживаются рационального и сбалансированного питания 77%, что является наиболее популярным видом укрепления здоровья. Также 70% опрошенных признаются, что регулярно проходят медосмотр. Такие меры сохранения здоровья, как прохождение курса санаторно-курортного лечения и консультации с психологом, среди населения пользуются меньшей популярностью. Курсы лечения по возможности проходят 14%, а к психологам обращаются лишь 10% респондентов.

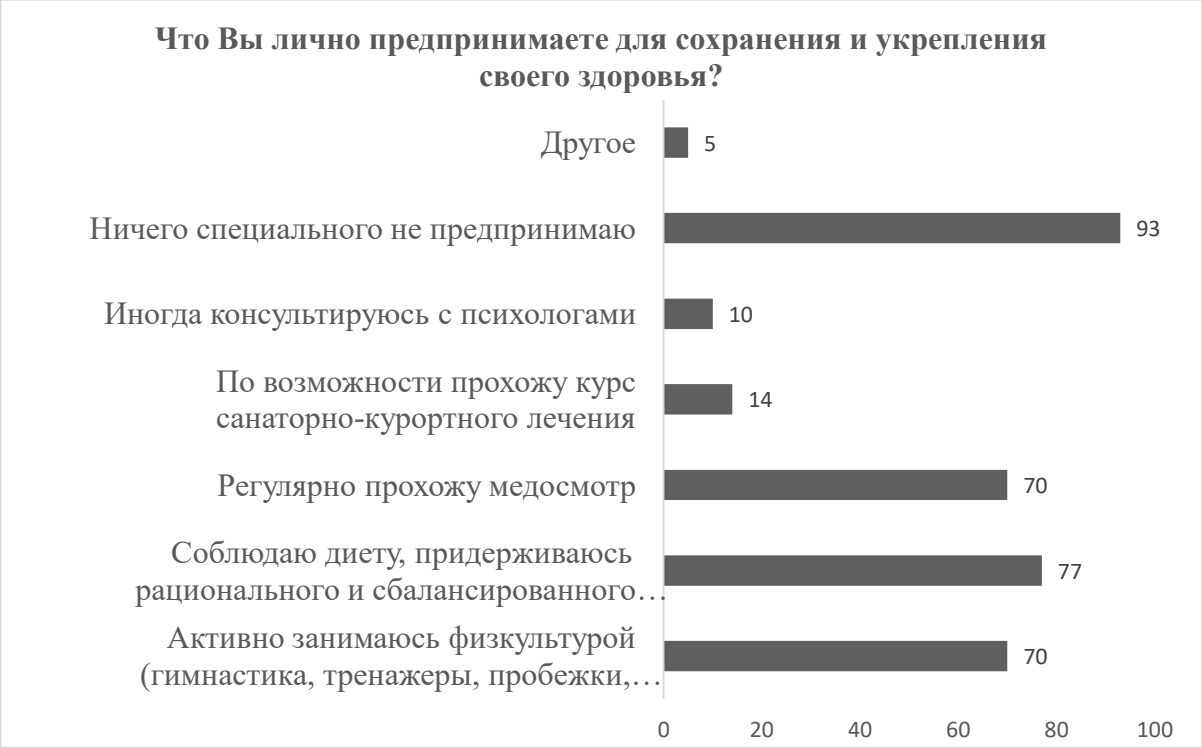


Рис. 6. *Распределение ответов на вопрос: «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья? (можно указать несколько вариантов ответов)» (в процентах)*

Из числа тех, кто активно занимаются физкультурой, в городской местности проживают 65%, а еще 52% их них – это представители женского пола. Кроме того, около половины из них относятся к возрастной категории молодежи до 25 лет. В сельской местности к такой мере укрепления здоровья, как правильное питание, относятся пренебрежительно – из всех выбравших это вариант ответа лишь 36% проживают в сельской местности. Также очень мало в этой категории мужчин – 16%. Однако, представлены все возрастные группы без существенных перевесов в сторону каких-либо возрастов.

Заключение

Таким образом, как показывают результаты социологического обследования населения, такие мотивы высокой рождаемости, которые подразумевают материальные или иные выгоды для родителей, в настоящее время потеряли актуальность, причем, даже в сельской местности. Детерминанты рождаемости социально-психологического характера становятся основными движущими силами многодетности. Вместе с этим, происходит трансформация семейной структуры общества, которая приводит к доминированию нуклеарной семьи.

В России в настоящее время проводится активная социально-демографическая политика, направленная, в первую очередь, на материальную поддержку семей, на формирование условий полноценного развития детей, на поддержание достойного уровня жизни граждан. Основной мерой помощи семьям с детьми считается выплата денежных пособий на детей и для беременных женщин. Законодательством определены критерии их назначения, главным среди которых является низкие среднедушевые доходы семьи, не превышающие прожиточный минимум на душу населения в регионе. Это условие порождает некоторые негативные последствия. Во-первых, это приводит к формальным разводам с целью сокрытия доходов одного из родителей и снижения показателя среднедушевых доходов семьи. Во-вторых, перед работающим родителем встает вопрос о целесообразности своей занятости, если семья может компенсировать выпадающие доходы за счет государственных выплат, тем самым подрывается стимул к трудовой деятельности. В-третьих, для многодетной матери формируются условия для перехода на неформальную (теневую) занятость для

сокрытия реальных доходов. В связи с перечисленными негативными проявлениями, целесообразно было бы назначать выплату детских пособий на всех детей до наступления совершеннолетия вне зависимости от уровня доходов семьи на примере скандинавских стран.

Литература

1. Абдулманапов П.Г. Этнорегиональные особенности демографического поведения (по материалам социологического исследования) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 7 (165). С. 133-141.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Издательский дом «NotaBene», 1998. – 360 с.
3. Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2010. № 4.
4. Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2, С. 129–136.
5. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. Москва: Финансы и статистика, 1982, С. 287.
6. Переведенцев В. И. Демографические перспективы России // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 58–69.
7. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия социология. 2023. № 23 (1). С. 40–60.
8. Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России и его доминанты в первой четверти XXI века // Народонаселение. 2011. № 3(53). С. 4–10.
9. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Эффективность политики России в области рождаемости // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика (выпуск 1). Москва: Экон-информ, 2013, С. 146.
10. Салтыкова, Ю.А. Демографические проблемы новой реальности России // Социология. 2023. № 3.
11. Brink J. Van Den. Government and Family: influence or intrusion? A comparative study on family policies in an international perspective. Guido de Bres-Foundation, The Netherlands.

Literature

1. Abdulmanapov, P.G. “Ethnoregional Features of Demographic Behavior (Based on Sociological Research)” // Regional Problems of Economic Transformation. 2024. No. 7 (165). pp. 133–141.
2. Antonov, A.I. “Microsociology of the Family (Methodology for Studying Structures and Processes)”. Moscow: NotaBene Publishing House, 1998. 360 p.
3. Antonov, A.I. “Modern Demographic Trends and Analytical Forecasts, Problems of Family and Demographic Policy in a Welfare State” // Bulletin of Moscow University. Series: Sociology and Political Science. 2010. No. 4.
4. Arkhangelsky, V.N. “Reproductive and Marital Behavior” // Sociological Research. 2013. No. 2, pp. 129–136.
5. Vishnevsky A. G. Population Reproduction and Society: History, Modernity, and a Look into the Future. Moscow: Finance and Statistics, 1982, p. 287.
6. Perevedentsev V. I. Demographic Prospects of Russia // Sociological Research. 2007. No. 12. pp. 58–69.
7. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. Student Family in Russia: Determinants of Marriage // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Sociology Series. 2023. No. 23 (1). pp. 40–60.
8. Rybakovsky L. L. Demographic Development of Russia and Its Dominants in the First Quarter of the 21st Century // Population. 2011. No. 3 (53). pp. 4–10.

9. Rybakovsky, O.L. and Tayunova, O.A. “The Effectiveness of Russia’s Fertility Policy.” Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy (Issue 1). Moscow: Econ-inform, 2013, p. 146.

10. Saltykova, Yu.A. “Demographic Problems of Russia’s New Reality.” Sociology, 2023, no. 3.

11. Brink, J. Van Den. Government and Family: Influence or Intrusion? A Comparative Study on Family Policies in an International Perspective. Guido de Bres-Foundation, The Netherlands.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА

Айнур Небизаде Имран *- научный сотрудник, Министерство науки и образования Азербайджанской Республики, Институт экономики, Экономика сферы услуг, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В данной статье анализируется экономическое и социальное значение различных видов туризма. В исследовании рассматриваются массовый туризм, экотуризм, культурный туризм и другие альтернативные формы туризма. Изучается влияние туризма на экономическое развитие, повышение занятости и стимулирование регионального роста. Одновременно оцениваются социальные аспекты туризма, включая роль в культурном обмене и процессах социальной интеграции. В статье показано влияние туризма на развитие местных сообществ и повышение качества жизни. Проведённый анализ выявляет значимость туризма с точки зрения устойчивого развития. В результате определяются перспективы развития туристического сектора и его ключевые направления.

Ключевые слова: виды туризма, экономическое развитие, социальное воздействие, культурное наследие, путешествия, классификация туризма.

THE SOCIO-ECONOMIC SIGNIFICANCE OF DIVERSE TOURISM TYPES

Aynur Nabizade Imran – Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Institute of Economics, Economics of the Service Sector, Researcher, Azerbaijan, Baku.

Abstract. This article analyzes the economic and social significance of various types of tourism. The study examines mass tourism, ecotourism, cultural tourism, and other alternative forms of tourism. The impact of tourism on economic development, employment growth, and the stimulation of regional development is explored. At the same time, the social aspects of tourism are assessed, including its role in cultural exchange and social integration processes. The article demonstrates the influence of tourism on the development of local communities and the improvement of quality of life. The analysis highlights the importance of tourism from the perspective of sustainable development. As a result, the prospects for the development of the tourism sector and its key directions are identified.

Keywords: types of tourism, economic development, social impact, cultural heritage, travel, tourism classification.

Введение

В современную эпоху туризм выступает одной из наиболее быстро развивающихся отраслей мировой экономики и имеет значительное значение как в экономическом, так и в социальном аспектах. Глобализация, развитие транспортных и информационных технологий способствовали расширению туристической деятельности и формированию различных её видов. В этом контексте туризм рассматривается не только как средство отдыха, но и как важная сфера, стимулирующая экономический рост и развивающая социальные отношения.

Различные виды туризма — массовый туризм, экотуризм, культурный туризм, агротуризм и другие альтернативные формы — выделяются своими экономическими и социальными функциями. Эти виды способствуют развитию регионов, созданию новых рабочих

мест, совершенствованию инфраструктуры и эффективному использованию местных ресурсов. Одновременно туризм способствует укреплению межкультурных связей, повышению взаимопонимания между народами и улучшению социального благосостояния.

Целью статьи является изучение экономического и социального значения различных видов туризма, анализ особенностей их развития в современных условиях и определение роли туризма с точки зрения устойчивого развития сектора. В этом направлении классификация туризма, его экономические эффекты и социальные последствия оцениваются с научной точки зрения.

Туризм включает в себя различные виды путешествий людей с разными целями. Каждый вид туризма служит удовлетворению определённых интересов и потребностей. Существуют такие виды туризма, как отдых и рекреационный туризм, культурный туризм, приключенческий туризм, экотуризм, деловой туризм, спортивный туризм, сельский туризм и образовательный туризм. Кроме того, существуют менее известные виды туризма: «тёмный туризм, волонтёрский туризм, гастрономический туризм, генеалогический туризм (туризм по местам предков), агротуризм, креативный туризм, космический туризм, медленный туризм (альтернатива массовому туризму с целью глубокого знакомства с местной культурой и историей [11]), промышленный туризм, джунгли и сафари-туризм, литературный туризм, туризм кошмаров или паранормальный туризм" [7].

Различные виды туризма демонстрируют, что туризм удовлетворяет не только разнообразные интересы и потребности путешественников, но также имеет многогранное социальное, культурное и экономическое значение. Особенно менее известные виды, такие как «паранормальный» и «туризм призраков», предоставляют туристам возможность получать уникальный опыт и стимулируют инновации и развитие новых форм туризма в индустрии.

Анализ научной литературы показывает, что существуют и другие виды туризма. В современном понимании туризм активного отдыха и приключенческая направленность занимают важное место. В этом контексте туристическая деятельность включает в себя разнообразные виды туризма, акцентирующие физическую активность, взаимодействие с природой и элемент азарта. Туризм активного отдыха охватывает парапланеризм, роуп-джампинг, сафари на джипах и квадроциклах, рафтинг, дайвинг, треккинг, альпинизм, каякинг, кемпинг, зимние виды спорта, конный спорт, велосипедные туры, катание на зиплайнах и парки приключений. Ранее малоизвестные виды активного отдыха сегодня быстро набирают популярность среди туристов, ищущих острые ощущения и приключения [12].

Распространение и внедрение видов активного туризма напрямую связаны с природно-географическими условиями регионов, инфраструктурными возможностями и социально-экономическим положением. Его развитие не должно ограничиваться лишь существующим перечнем активностей, но также учитывать аспекты устойчивости, безопасности, экологической совместимости и соответствия местному потенциалу. Такой подход обеспечивает эффективное использование ресурсов регионов и планирование туристических стратегий.

Существует также специфический вид туризма, привлекающий особое внимание туристов. В рамках этого вида туризма большое значение имеет фотография, так как она позволяет фиксировать моменты и отслеживать изменения во времени. Фототуризм отличается от других общих видов туризма тем, что привлекает специализированные и целевые группы туристов, и поэтому иногда характеризуется как "специфический туризм" или "нишевая туризм" [6].

Развитие фототуризма не должно ограничиваться только визуальной и художественной ценностью. Для устойчивого развития этого вида туризма важно тщательное планирование маршрутов, подготовка местных гидов и сферы обслуживания, обеспечение безопасности туристов и минимизация экологического воздействия. В то же время фототуризм предоставляет возможности для демонстрации культурных и природных ресурсов регионов, и поэтому его можно рассматривать как туристическую сферу, имеющую важное экономическое и социальное значение.

Сельский туризм возник в конце XVIII века. Однако современный сельский туризм начал формироваться в послевоенный период после Второй мировой войны [3].

Сельский туризм способствует росту ВВП и расширению занятости наряду с другими сферами экономической деятельности [5].

Приток туристов в сельские районы увеличивает спрос на жильё, питание, услуги гидов, транспорт и различные сервисные отрасли. Туристы останавливаются в гостевых домах, пользуются местными ресторанами и транспортными услугами, участвуют в разнообразных видах отдыха. Это, в свою очередь, приводит к росту оборота в соответствующих секторах услуг. С другой стороны, развитие туризма напрямую связано с сельским хозяйством и местным производством. Туристы обычно интересуются местной сельскохозяйственной продукцией, национальной кухней, ремесленными изделиями и сувенирами. В результате для местных фермеров и производителей открываются новые возможности сбыта, увеличиваются объёмы производства и растут доходы. Таким образом, сельский туризм создаёт цепной экономический эффект:

Приток туристов увеличивается → повышается спрос на местные товары и услуги → расширяются объёмы производства и услуг → растёт занятость → улучшаются общие экономические показатели региона.

Интерес к сельскому туризму растёт и на мировом уровне. Всемирная туристическая организация (UNWTO) объявила 2020 год Годом туризма и развития сельских территорий. Основная цель этого инициатива — снижение безработицы в сельских районах, сохранение природного и культурного наследия, а также увеличение участия местного населения в обеспечении инклюзивности [4].

Туризм можно классифицировать по различным видам. Например, Буйенко делит туризм на активный и пассивный, внутренний и международный, а также выделяет следующие 10 типов туризма:

- По цели поездки (отдых, обучение, научная, деловая);
- По типу организации (плановый, самостоятельный);
- По числу путешествующих (личный, семейный, групповой);
- По продолжительности поездки (краткосрочный, долгосрочный);
- По возрастной группе путешественников (дети, молодёжь, взрослые);
- По способу передвижения (автомобильный туризм, караванный туризм, морской и речной туризм и др.);
- По условиям проживания (стационарный и мобильный);
- По интенсивности туристической деятельности (круговой и сезонный);
- По использованию природных ресурсов (развлекательный, экологический, альпинистский, водный, олимпийский, пешеходный туризм);
- По форме финансирования (коммерческий и социальный) [2].

Классификация туризма, приведённая выше, имеет важное значение для системного изучения и эффективной организации туризма. Эта классификация играет ключевую роль при планировании туристической политики и определении направлений её развития. В результате развитие различных видов туризма в стране позволяет быстрее достигать поставленных целей.

Различные виды туризма обслуживают разные цели и аудитории. Туризм отдыха и развлечений в основном охватывает краткосрочные поездки и предоставляет туристам возможность наслаждаться природой, тогда как оздоровительный туризм направлен на лечение и восстановление и чаще выбирается старшим поколением. Культурный и образовательный туризм представляет собой формы путешествий, ориентированные на историческое и культурное наследие, а также на учебные цели, в то время как шопинг-туризм связан с экономическими интересами и торговыми объектами. Такой подход демонстрирует, что различные виды туризма удовлетворяют разнообразные потребности и одновременно влияют на социальное и культурное развитие общества [8].

Структура оздоровительного туризма группируется по трём основным направлениям: «сохранение здоровья и туристические услуги, лечебные услуги, реабилитационные услуги». Указанные направления включают в себя ряд различных сервисов и услуг [1].

В современный период туризм не ограничивается только традиционными видами; благодаря технологиям и инновациям появляются виды туризма, предлагающие более необычные и уникальные впечатления. В этом контексте космический туризм считается одной из наиболее необычных форм туризма, предоставляющей туристам возможность подняться на высоту более 100 км над поверхностью Земли и наблюдать за планетой [9]. Для участия в этом виде туризма туристы должны пройти определённую медицинскую и физическую подготовку. Подготовка включает адаптацию к кратковременным полётам, обучение действиям в чрезвычайных ситуациях и психологическую адаптацию к замкнутому пространству. Эти новые виды туризма не только предлагают уникальные впечатления, но и выполняют образовательную функцию, предоставляя людям возможность изучать историю, культуру и научные знания в необычной перспективе. Таким образом, современный туризм, сочетая традиционные и нестандартные формы, способен удовлетворять разнообразные потребности, демонстрировать многогранный характер туризма и способствовать повышению социально-культурной осведомлённости.

Прасад Сати и Махавир классифицировали основные виды туризма более чётко по подкатегориям. Согласно их подходу, ярмарки и фестивали являются частью культурного туризма, экотуризм в основном связан с природными ландшафтами. Приключенческий туризм охватывает формы активного отдыха, а сельский туризм включает ознакомление с жизнью в деревне и местными традициями [10]. Эта классификация позволяет более наглядно определить особенности видов туризма и имеет практическое значение для оценки туристического потенциала регионов. Особенно целесообразным этот подход может быть при планировании туризма в районах, богатых природными и культурными ресурсами.

Заключение:

Проведённый анализ показывает, что различные виды туризма имеют важное экономическое и социальное значение, а их комплексное развитие напрямую влияет на повышение общего благосостояния. Установлено, что диверсификация туризма способствует расширению экономической деятельности, обеспечению сбалансированного развития регионов и созданию новых возможностей для занятости. Особенно развитие альтернативных видов туризма позволяет более эффективно использовать местные ресурсы и стимулировать малый бизнес.

Одновременно социальное воздействие туризма также оказалось значительным: отмечены положительные результаты в укреплении культурного обмена, росте социальной интеграции и развитии местных сообществ. Анализ показывает, что для устойчивого и целенаправленного развития туризма важно сохранять баланс между его различными видами, применять инновационные подходы и учитывать принципы социальной ответственности.

Таким образом, системное развитие различных видов туризма может существенно способствовать обеспечению экономической стабильности и повышению социального благополучия, при этом особое значение имеет применение научно обоснованных подходов в этой сфере.

Литература:

1. Абдуллаев, А.Д. (2024). Оценка конкурентоспособности и перспективы развития медицинского туризма в Азербайджане. Автореферат. Баку, с. 14.
2. Аллахвердиева, Л.А. (2018). Формирование конкурентоспособного туризма в Азербайджане. Баку: Институт Экономики, Национальная Академия Наук Азербайджана, с. 13.
3. Айазлар, Г., Айазлар, Р.А. (2015). Сельский туризм: концептуальный подход. В книге: Tourism, Environment and Sustainability, с. 167. https://www.researchgate.net/publication/289451753_Rural_Tourism_A_Conceptual_Approach

4. Алиева, Дж. Р. (2024). Уровень жизни сельского населения: путь к инклюзивному развитию. Баку, Иститут экономики, Министерство науки и образования Азербайджанской Республики, с. 215.
5. Commission for Natural Resources, European Committee of the Regions; Marcinkowska, I., Maj, A., Sidło, K. (2024). Tourism and rural development. QG-05-23-426-EN-N; ISBN 978-92-895-3037-8. Publications Office of the European Union. https://doi.org/10.2863/099682
6. Eşitti, B., Buluk Eşitti, B. (2025). Альтернативный морской и прибрежный туризм: ветер и кайтсерфинг в Турции, ниши рынка и устойчивый спортивный туризм. В: Solunoğlu, A. (ред.), Tourgastrec 360°, Çizgi Kitabevi, с. 161. https://www.researchgate.net/publication/399769235_Alternatif_Deniz_ve_Kiyi_Turizminde_Ruzgar_ve_Ucurtma_Sorfu_Turkiye'de_Sorf_Destinasyonlari_Nis_Pazarlar_ve_Surdurulebilir_Spor_Turizmi#fullTextFileContent
7. Frisaga. Виды туризма и их распространение в мире. https://az.frisaga.com/blog/info/turizmin-novleri-ve-dunya-uzre-paylanmasi-f9aa2f-9713#
8. Gheţe, A.M. Classification of various forms of tourism. Analele Universităţii din Oradea. Seria Ştiinţe Economice, p. 314. https://anale.steconomiceuoradea.ro/volume/2016/n2/031.pdf
9. Page, S.J. (2011). Tourism management: An introduction. 4th ed., p. 53. https://books.google.az/books?id=6kl2ddBAVNgC&q=space+tourism&source=gbs_word_cloud_r&cad=3#v=snippet&q=space%20tourism&f=false
10. Prasad, S., Mahavir, S.R. (2024). Types, potential, and implications of tourism in the Central Himalaya: A review. Journal of Academic Tourism Studies, 5(1), p. 119–120. https://doi.org/10.29228/jatos.75817
11. Revfine. Slow tourism: What it is, its importance, and examples. https://www.revfine.com/slow-tourism/#south-east-asia
12. Sezgin, M., İri, R. (2025). Туризм. В мире и Турции: активный туризм, виды активного отдыха и их распространение, с. 211. Eğitim Yayınları. https://www.researchgate.net/publication/387699778_Turizm

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Бадмаева Д.Г. *– аспирантка кафедры «Социальные технологии», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется современное состояние предпринимательства в Республике Бурятия за 2023-2026 гг. Автор рассматривает структуру предпринимательства и делает вывод, что основу предпринимательства в Бурятии составляют микропредприятия и индивидуальные предприниматели. Такая картина типична для регионов, где значительная часть бизнеса работает в торговле, услугах, строительстве, перевозках, общественном питании и небольших производственных форматах.
Ключевые слова: предпринимательство, социальная ответственность, бизнес-процессы

INTEGRATION OF SOCIAL WORK INTO ENTREPRENEURSHIP

***Badmaeva** D.G.* – Postgraduate Student of the Department of Social Technologies, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia

Annotation. The article analyzes the current state of entrepreneurship in the Republic of Buryatia in 2023-2026. The author examines the structure of entrepreneurship and concludes that microenterprises and individual entrepreneurs form the basis of entrepreneurship in Buryatia. This pattern is typical for regions where a significant part of the business operates in trade, services, construction, transportation, catering and small production formats.
Keywords*:* entrepreneurship, social responsibility, business processes

В современном обществе наблюдается устойчивая тенденция к сближению социальной работы и предпринимательства. Если ранее эти сферы развивались параллельно, то сегодня их интеграция становится не просто желательной, а необходимой для эффективного

решения сложных социальных проблем. Однако прежде чем говорить об интеграции, мы бы хотели проанализировать состояние предпринимательства в целом.

Анализ состояния предпринимательства в Республике Бурятия лучше проводить не по одному показателю, а сразу по нескольким. Сам по себе рост числа зарегистрированных субъектов ещё не означает, что сектор одинаково устойчив во всех направлениях. Намного точнее смотреть на динамику общего количества субъектов МСП, их структуру, положение в экономике региона и связь с занятостью. В таком разрезе видно, что в 2023–2026 гг. предпринимательский сектор республики не сокращался, а постепенно расширялся [16].

По данным ежегодного доклада Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Бурятия, в 2023 году в республике действовали 30 579 субъектов малого и среднего предпринимательства [7]. В 2024 году их количество выросло до 32 864 [12]. В 2025 году официальный портал Республики Бурятия сообщал уже примерно о 34 тыс. субъектов МСП [15]. По состоянию на апрель 2026 года в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства было отражено 35 336 субъектов [16]. Даже без сложных расчётов видно, что за несколько лет сектор не просто сохранился, а прибавил в численности.

Такую динамику трудно считать случайной. Если сопоставить 2023 и 2026 годы, прирост составил 4 757 субъектов. Для региональной экономики это заметный результат. Он показывает, что предпринимательская активность в Бурятии сохранялась даже при наличии объективных ограничений, связанных с финансированием, кадровым дефицитом, ростом издержек и не всегда устойчивым спросом. Рост шёл не рывком, а последовательно, что позволяет говорить о сохранении интереса к предпринимательской деятельности и о наличии в регионе работающей деловой среды [7] [12] [15] [16].

Структура сектора тоже говорит о многом. Основу предпринимательства в Бурятии составляют микропредприятия и индивидуальные предприниматели. Такая картина типична для регионов, где значительная часть бизнеса работает в торговле, услугах, строительстве, перевозках, общественном питании и небольших производственных форматах. С одной стороны, это делает сектор более гибким. Малый бизнес быстрее реагирует на изменения спроса, может проще менять формат работы и осваивать новые ниши. С другой стороны, именно такие субъекты сильнее зависят от стоимости кредитов, текущих расходов, доступности кадров и общей покупательской способности населения [16].

Отдельного внимания заслуживает вклад малого бизнеса в занятость. Даже если часть субъектов МСП невелика по масштабу, в совокупности они создают ощутимое количество рабочих мест. Для Бурятии это особенно важно, поскольку деловая активность распределена по территории неравномерно, а в ряде муниципальных образований малый бизнес становится одной из немногих реальных форм экономической занятости. В этом смысле сектор МСП влияет не только на предпринимательскую статистику, но и на социальную устойчивость региона. Когда в населённом пункте появляются работающие небольшие предприятия, это поддерживает местный рынок труда, сферу услуг и внутренний спрос [14].

Оценка состояния предпринимательства будет неполной без обращения к экономическим показателям. По данным Бурятстата, оборот малых предприятий в республике остаётся заметной частью общей хозяйственной деятельности региона [14]. Это позволяет сделать более предметный вывод. Малый бизнес в Бурятии не сводится к формальной регистрации большого числа субъектов. Он реально участвует в экономическом обороте, обслуживает потребности населения, формирует часть товарного предложения и поддерживает хозяйственные связи внутри республики. Именно поэтому изменения в секторе МСП отражаются не только в статистике бизнеса, но и в более широкой экономической картине [17]. Для наглядности динамику числа субъектов МСП можно представить в таблице.

Таблица 1

Динамика количества субъектов МСП в Республике Бурятия в 2023–2026 гг.

Год	**Количество субъектов МСП, ед.**	**Источник**
2023	30 579	Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Бурятия [7]

2024	32 864	Прогноз социально-экономического развития Республики Бурятия [12]
2025	около 34 000	Официальный портал Республики Бурятия [15]
2026	35 336	Единый реестр субъектов МСП ФНС на 10.04.2026 [16]

Таблица показывает достаточно ровную восходящую траекторию. Здесь нет резкого скачка, который мог бы объясняться только разовой мерой поддержки или особенностью учёта. Скорее видна последовательная прибавка. Для анализа это важнее красивой цифры роста. Постепенное увеличение числа субъектов обычно говорит о том, что предпринимательская среда не только создаёт новые проекты, но и в определённой степени удерживает уже работающие [7] [12] [15] [16]

Нельзя игнорировать и связь роста сектора с инфраструктурой поддержки. В рассматриваемый период в республике продолжали действовать меры сопровождения бизнеса, развивались сервисы центра «Мой бизнес», сохранялось внимание к поддержке предпринимательства со стороны региональных органов власти [2] [9] [20]. Это не означает, что именно поддержка автоматически обеспечила весь прирост МСП. На деловую активность влияют разные обстоятельства. Однако совпадение роста числа субъектов бизнеса с активной работой институтов поддержки выглядит вполне логично. Чем понятнее предпринимателю доступ к консультациям, мерам помощи и информации, тем ниже барьер входа в предпринимательскую деятельность [1] [15].

В целом состояние малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия по данным 2023–2026 гг. можно оценить как положительное по динамике и достаточно устойчивое по общей структуре. Сектор расширяется, сохраняет заметное место в хозяйственной жизни региона и продолжает выполнять функцию одного из опорных элементов локальной экономики. Вместе с тем его основа представлена в первую очередь небольшими субъектами, а это значит, что дальнейший анализ должен учитывать не только рост численности МСП, но и те ограничения, которые мешают части бизнеса переходить от стадии выживания к более уверенному расширению [14] [16].

Несмотря на положительную динамику количества субъектов МСП, предпринимательская среда в Республике Бурятия остаётся достаточно уязвимой. Рост числа зарегистрированных предприятий не отменяет того, что значительная часть бизнеса работает в условиях постоянного давления расходов, ограниченного доступа к ресурсам и высокой зависимости от внешних условий. Особенно чувствителен к таким ограничениям микробизнес, который преобладает в структуре регионального предпринимательства. У небольших компаний и индивидуальных предпринимателей, как правило, меньше запас прочности, меньше возможностей для долгого покрытия убытков и уже круг инструментов для выхода из сложной ситуации [16].

Одна из наиболее заметных проблем связана с финансированием. Для малого бизнеса вопрос упирается не только в сам факт наличия кредитных продуктов, но и в их доступность по реальным условиям. Высокая стоимость заёмных средств, строгие требования к обеспечению, осторожность банков в отношении небольших проектов и недостаточный объём собственных накоплений ограничивают возможности предпринимателей расширять производство, обновлять оборудование, открывать новые направления и проходить сложные периоды без потери устойчивости. На практике это означает, что часть бизнеса работает в режиме сохранения текущей деятельности, а не в режиме роста [7] [9].

Не менее острой остаётся кадровая проблема. Для Бурятии она проявляется сразу в нескольких плоскостях. Малому бизнесу трудно конкурировать за квалифицированных работников с крупными работодателями и бюджетной сферой. В отдельных районах выбор кадров объективно уже, чем в столице региона. Дополнительно ситуацию осложняет несоответствие между потребностями бизнеса и реальным предложением на рынке труда. Предпринимателю нужны не просто сотрудники, а люди, готовые работать в небольших компаниях, быстро осваивать разные функции и адаптироваться к менее стабильной рабочей

среде. Когда таких специалистов не хватает, бизнес вынужден либо сокращать амбиции, либо тратить дополнительные ресурсы на обучение и удержание персонала [17].

Серьёзным ограничением для предпринимательства остаются и издержки. Для Бурятии эта тема особенно чувствительна из-за территориальной удалённости, затрат на логистику, транспортных расходов и стоимости отдельных ресурсов. Если бизнес зависит от поставок оборудования, сырья или комплектующих из других регионов, любое удорожание перевозок почти сразу отражается на себестоимости. Для небольших предприятий такая нагрузка переносится тяжелее, чем для крупных компаний. Они реже могут компенсировать рост затрат за счёт масштаба, а возможность поднять цену на собственные товары и услуги тоже ограничена. В результате часть предпринимателей оказывается зажата между растущими расходами и не всегда устойчивым спросом [7] [17].

Следующая группа проблем касается самого спроса. Малый бизнес в республике во многом ориентирован на локальный рынок, а значит сильно зависит от покупательской активности населения. Если доходы потребителей растут медленно или перераспределяются в сторону обязательных расходов, предприниматели быстрее ощущают это в выручке. Особенно заметно это в торговле, общественном питании, бытовых и персональных услугах. Для части компаний проблема выражается не в полном отсутствии клиентов, а в том, что спрос становится более осторожным, нерегулярным и чувствительным к цене. В такой ситуации бизнесу труднее планировать развитие, расширять ассортимент и инвестировать в долгосрочные решения [4] [17].

Есть и административные трудности, хотя они сегодня воспринимаются иначе, чем несколько лет назад. Речь идёт уже не только о классических бюрократических барьерах, но и о более широком наборе организационных сложностей. Предпринимателю приходится ориентироваться в нормативной базе, своевременно отслеживать изменения требований, подавать отчётность, разбираться в условиях получения поддержки и учитывать отраслевые ограничения. Для крупной компании такие функции обычно распределены между специалистами. Для малого бизнеса это нередко лежит на самом владельце или на очень узком круге сотрудников. Даже если формально процедуры становятся понятнее, нагрузка на небольшие компании всё равно остаётся высокой [11] [13].

Отдельный блок проблем связан с территориальной неоднородностью самой республики. Возможности предпринимателя в Улан Удэ и в удалённом муниципальном районе объективно различаются. В столице региона выше плотность спроса, лучше развита деловая среда, легче получить консультацию, найти персонал, партнёров и сопутствующие услуги. В районах бизнес чаще сталкивается с ограниченным рынком сбыта, меньшим числом клиентов, более сложной логистикой и слабее выраженной деловой кооперацией. По этой причине единая система поддержки не всегда одинаково воспринимается на всей территории республики, даже если формально доступ к мерам помощи открыт для всех [10].

Ещё одна проблема касается не отсутствия поддержки, а её практической досягаемости. В Бурятии действует инфраструктура сопровождения бизнеса, включая центр «Мой бизнес», муниципальные фонды и другие площадки [9] [10] [20]. Однако для предпринимателя важно не только наличие меры на сайте или в программе, но и понятность пути к её получению. Если условия кажутся сложными, сроки неясны, документы собираются долго или предприниматель не уверен, подходит ли его ситуация под конкретный инструмент, часть мер поддержки остаётся недоиспользованной. В этом смысле для бизнеса препятствием становится не только нехватка ресурсов, но и дистанция между формально доступной помощью и её реальным применением [2].

Нельзя обойти и проблему устойчивости самого предпринимательского слоя. В Бурятии сектор МСП в значительной степени опирается на микропредприятия и индивидуальных предпринимателей [16]. Такая структура имеет очевидный плюс. Она делает предпринимательскую среду подвижной, облегчает вход в бизнес и позволяет быстро занимать локальные ниши. Но у неё есть и обратная сторона. Небольшие субъекты сильнее зависят от одного-двух источников дохода, хуже переносят падение спроса, ограничены в доступе к крупным контрактам и чаще работают на грани между стабильностью и уязвимостью.

Поэтому даже при росте общего числа субъектов МСП внутренняя прочность сектора может оставаться неоднородной.

В итоге проблемы предпринимательства в Республике Бурятия складываются не из одного узкого барьера, а из сочетания нескольких факторов. Бизнесу приходится одновременно решать вопросы финансирования, персонала, затрат, спроса и организационной адаптации. При этом часть ограничений усиливает друг друга. Например, слабый спрос сужает финансовые возможности компании, а нехватка кадров мешает расширять деятельность даже там, где для этого есть рыночная ниша. По этой причине дальнейший разговор о перспективах предпринимательства в регионе невозможен без понимания того, какие механизмы способны не просто поддерживать текущее состояние сектора, а постепенно снижать влияние этих ограничений [2] [15].

В заключение хотелось бы добавить, что в современном бизнесе растет запрос на социальную ответственность и устойчивое развитие. Интеграция технологий социальной работы в предпринимательство позволяет не только повысить эффективность бизнес-процессов, но и создать дополнительную ценность для общества, что становится конкурентным преимуществом.

Литература:

1. В Бурятии продолжает расти количество субъектов МСП [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Бурятия. 13.10.2025. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/press_center/news/detail.php?ID=196971 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Министерство промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/gospodderzhka/msp/ (дата обращения: 10.04.2026).

3. Государственная программа Республики Бурятия «Развитие промышленности, малого и среднего предпринимательства и торговли» [Электронный ресурс]. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/activities/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/kovu/npa/%D0%9F%D0%9F%D0%A0%D0%91%20%E2%84%96%20151%20%28%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%BE%D1%82%2015.04.2025%29.docx (дата обращения: 10.04.2026).

4. Доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Бурятия» за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/activities/directions/upravlenie-dokhodami/nalogovoe-planirovanie/nalogovaya-politika-v-respublike-buryatiya/docladsostoyanieirazvitiekonksreda2025.docx (дата обращения: 10.04.2026).

5. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025–2030 гг. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. 02.12.2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rossiyskoy_federacii_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_1_e_polugodie_2025_gg_i_planah_na_period_20252030_gg.html (дата обращения: 11.04.2026).

6. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn03/opendata/7707329152-rsmp/ (дата обращения: 11.04.2026).

7. Ежегодный доклад о результатах деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Бурятия за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://egov-buryatia.ru/ombudsmanbiz/activities/doklady/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202025%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

8. Малое и среднее предпринимательство [Электронный ресурс] // Министерство промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/msp/index.php (дата обращения: 11.04.2026).

9. Меры поддержки для бизнеса [Электронный ресурс] // Центр предпринимательства «Мой бизнес» — Республика Бурятия. URL: https://msp03.ru/get_supports/ (дата обращения: 12.04.2026).

10. Муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства [Электронный ресурс] // Министерство промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/msp/infrastruktura-podderzhki-predprinimatelstva/munitsipalnye-fondy/ (дата обращения: 12.04.2026).

11. Нормативно-правовые акты для малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Министерство промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/msp/npa/ (дата обращения: 12.04.2026).

12. О прогнозе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2026–2028 годы [Электронный ресурс]. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/files.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

13. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ, последняя редакция [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 13.04.2026).

14. Основные показатели деятельности малых предприятий [Электронный ресурс] // Бурятстат. 31.03.2026. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/document/document_publication_plan/2026-03/31/press_20260331_1.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

15. Поддержка малого и среднего предпринимательства в Бурятии будет продолжена в рамках нового федерального проекта [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Бурятия. 18.03.2025. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/press_center/news/detail.php?ID=189657 (дата обращения: 13.04.2026).

16. Республика Бурятия. Статистика Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?fo=8&level=0&ssrf=03&statDate= (дата обращения: 13.04.2026).

17. Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь–декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // Бурятстат. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/document/document_publication_plan/2026-02/12/01-01-01_202512.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

18. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс] // Министерство промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minprom/msp/cocialinoe-predprinimatelstnvo (дата обращения: 14.04.2026).

19. Торгово-промышленная палата Республики Бурятия. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://buryatia.tpprf.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

20. Центр предпринимательства «Мой бизнес» — Республика Бурятия. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://msp03.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

КРИЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: МЕЖДУ СТРАХОМ ПОТЕРЯТЬ И ЖЕЛАНИЕМ НАЙТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СФЕР)

Петренко Э. В. – студентка 1 курса специальности «Социальная работа» ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», *Уфа, Россия.*

Иванова А. А. *- студентка 1 курса специальности «Социальная работа» ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.*

Вильданова Г. Б. *- доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.*

Аннотация. В статье рассматривается кризис профессиональной идентичности как один из главных вызовов современности. На основе опроса 106 респондентов выявлены ключе-

вые факторы дестабилизации: ценностный конфликт, «профессиональная анемия» и отсутствие альтернатив. В качестве ответа на вызовы современности предложены новые социальные технологии. Среди них: ценностный аудит, портфель компетенций, адаптивные треки и наставничество по смыслу. Показана их роль в практике социальной работы с различными категориями населения.
Ключевые слова: профессиональная идентичность, кризис идентичности, неопределенность, рынок труда, искусственный интеллект, цифровая тревожность, гибкие навыки, новые социальные технологии, карьерная навигация, рефлексивные практики.

THE CRISIS OF PROFESSIONAL IDENTITY IN AN ERA OF UNCERTAINTY: BETWEEN THE FEAR OF LOSING AND THE DESIRE TO FIND

(based on a survey of respondents from various professional fields)

Annotation. This article examines the crisis of professional identity as one of the main challenges of our time. Based on a survey of 106 respondents, key factors of destabilization were identified: value conflict, "professional anemia," and lack of alternatives. New social technologies are proposed as a response to these challenges. These include value audits, competency portfolios, adaptive tracks, and meaningful mentoring. Their role in social work practice with various population groups is demonstrated.
Keywords: professional identity, identity crisis, uncertainty, labor market, artificial intelligence, digital anxiety, soft skills, new social technologies, career navigation, reflective practices.

Современный рынок труда переживает трансформацию, сопоставимую по масштабу с промышленной революцией. Технологии развиваются быстрее, чем способность человека к их освоению, а понятие «профессия на всю жизнь» окончательно уходит в прошлое. На смену ему приходит эпоха перманентной неопределенности, где специалисту необходимо постоянно доказывать свою актуальность [2]. Однако за внешними процессами цифровизации и автоматизации скрывается глубинный личностный кризис: человек перестает понимать, кто он на рынке труда, и что будет цениться завтра.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью сместить фокус с макроэкономических прогнозов на субъективное переживание профессионала. Мы наблюдаем рост тревожности, связанной с профессиональным будущим, даже среди тех, кто формально успешен и востребован [3]. Цель работы – диагностировать ключественные источники этой тревоги, выявить барьеры, мешающие адаптации, и предложить ориентиры для построения новой, более устойчивой профессиональной идентичности.

Исследование реализовано методом онлайн-анкетирования с использованием инструментария Google Forms. Выборка составила 106 человек – представители различных сфер деятельности (IT, медицина, образование, сфера услуг, торговля, строительство и др.) в возрасте от 16 до 55 лет. Анкета включала вопросы, направленные на оценку скорости изменений в профессиональной среде, уровня тревоги перед технологиями, степени идентификации с профессией и стратегий поведения в условиях неопределенности.

1. Темп изменений как хронический стрессор.

Подавляющее большинство респондентов (72,8% – сумма ответов «быстро» и «очень быстро») оценивают свою профессиональную сферу как динамично или кардинально меняющуюся. При этом 56,6% опрошенных ощущают необходимость учиться новому «постоянно» или «часто», чтобы просто соответствовать текущей должности. Это свидетельствует о формировании нового типа стресса – «стресса актуальности», когда сам факт владения профессией перестает быть гарантией компетентности [1]. Человек вынужден находиться в состоянии перманентной учебной гонки, что ведет к истощению задолго до достижения пенсионного возраста.

2. Технологическая угроза vs. Ценностный конфликт.

Интересным представляется разрыв между объективными и субъективными угрозами. На вопрос об угрозе со стороны искусственного интеллекта и автоматизации мнения

разделились практически поровну: 41,5% считают, что угроза отсутствует или незначительна, 29,2% затруднились с ответом, и лишь 29,2% видят реальную угрозу. Однако гораздо более острым оказался внутренний ценностный конфликт: 57,5% респондентов согласились с утверждением «Моя текущая работа все меньше соответствует моим внутренним ценностям» [2]. То есть ключевой кризис вызван не страхом быть замененным роботом, а ощущением бессмысленности или чуждости того, чем человек занимается сейчас.

3. Синдром «профессионального безверия» и дезориентация.

Наиболее тревожным симптомом является размывание базовой идентичности. 29,2% опрошенных испытывают сложности с тем, чтобы коротко и уверенно ответить на вопрос «Кто вы по профессии?». Еще более показательно, что 42,9% респондентов сомневаются в будущей ценности своих текущих навыков и опыта [3]. Это состояние можно определить как «профессиональную анемию» – утрату чувства принадлежности к профессиональной группе и уверенности в своем багаже.

4. Барьеры на пути к переменам.

При высоком уровне неудовлетворенности (48,5% указали в качестве источника стресса «внутреннее ощущение, что я занимаюсь не своим делом») реальные действия по смене траектории предпринимаются редко. Основным стоп-фактором является отсутствие ясной альтернативы (47,1%) – человек знает, чего не хочет, но не видит, куда двигаться [4]. Вторым по значимости барьером является страх потери финансовой стабильности (38,5%). Примечательно, что возрастные ограничения как фактор страха отмечают лишь 9,6% опрошенных, что опровергает миф о «токсичности возраста» в головах самих работников.

5. Стратегии совладания: от поиска к пассивности.

Анализ стратегий поведения в ситуации профессиональной неопределенности выявил поляризацию. 41,5% респондентов выбирают активную стратегию: «активно ищу новые знания, курсы, пробую себя в смежных областях». Однако 26,4% склонны к пассивному ожиданию, считая, что «это временное состояние, и оно пройдет само». Еще 19,8% погружаются в самокопание, что не всегда приводит к конструктивному выходу [2; 5]. Это указывает на необходимость институциональной поддержки процесса рефлексии, чтобы он не превращался в бесконечный внутренний диалог, блокирующий действие.

6. Новая основа идентичности: от должности к навыкам и ценностям.

На вопрос о том, что становится новой опорой для профессионального самоопределения, респонденты выбрали два ключевых вектора. Абсолютный лидер (49,1%) – «не конкретная должность, а набор гибких навыков (soft skills) и компетенции» [1; 6]. Второй по значимости (43,4%) – «личные ценности и смысл деятельности, а не отрасль» [2]. Это знаковый сдвиг: человек больше не идентифицирует себя через строчку в трудовой книжке. Он идентифицирует себя через то, как он работает (методология, подход, коммуникация) и ради чего (ценности, миссия).

7. Новые социальные технологии как ответ на вызовы неопределенности

Полученные данные свидетельствуют, что традиционные механизмы профессиональной ориентации (диплом, должностная инструкция, отраслевой стаж) перестали работать. Специалист оказывается в ситуации «навигационной пустоты»: он чувствует рассогласование ценностей, не видит ясной альтернативы, но при этом сохраняет высокую адаптивность. Именно здесь необходим переход от разрозненных советов к системным социальным технологиям – алгоритмизированным, воспроизводимым способам поддержки профессионального самоопределения, которые могут быть встроены в деятельность вузов, компаний, онлайн-платформ.

Под новыми социальными технологиями в контексте данного исследования понимаются:

· Технология ценностно-смыслового аудита (развитие идеи Д.А. Леонтьева [2]). Это не разовое тестирование, а регулярная процедура (например, раз в полгода), где специалист в диалоге с наставником или цифровым чек-листом сопоставляет три вектора: «Что я делаю?», «Зачем я это делаю?», «Какие мои ценности реализуются/фрустрируются?». Результат – не готовое решение, а карта рассогласований, которая превращает тревогу в конкретный «проект по изменению».

· Технология «Портфель компетенций 360» (модификация подхода И.А. Зимней [1] и А.В. Хуторского [6]). В отличие от линейного резюме, портфель строится как динамическая матрица: в одной оси – гибкие навыки (коммуникация, адаптивность, критическое мышление), в другой – предметные области, где эти навыки применялись. Такой формат снижает страх автоматизации, поскольку показывает, что специалист – это не «исполнитель функции», а «носитель переносимых компетенций».

· Технология адаптивных треков (на основе идей И.Д. Фрумина и М.С. Добряковой [5]). Компании и образовательные учреждения создают внутренние программы ротации без потери в доходе и статусе. Например, «месяц экспериментов»: сотрудник на 20% рабочего времени пробует смежную роль под руководством внутреннего наставника. Это позволяет тестировать альтернативы без радикального увольнения.

· Цифровые навигационные пространства – платформы, где специалист не ищет вакансию, а строит «траекторию переходов». Пример: открытый банк «профессиональных маршрутов» (от продавца до аналитика, от учителя до методолога), дополненный форумами, где люди делятся опытом смены сферы. Такие сообщества выполняют функцию «социального зеркала»: человек видит, что его сомнения нормативны, и получает алгоритм действий.

· Рефлексивные сессии с фасилитатором – групповая технология, где 6–10 специалистов из разных отраслей за 3–4 встречи с помощью модератора выявляют свои скрытые ресурсы, формулируют ценностные конфликты и строят первые шаги к переориентации. Это противоядие от «бесконечного самокопания» (19,8% опрошенных), так как переводит рефлексию во внешний, структурированный формат.

Принципиально важно, что все перечисленные технологии объединяет общая философия: они не дают «единственно верного пути», а вооружают человека методом навигации в условиях неопределенности. Их внедрение не требует дорогостоящей инфраструктуры – достаточно институциональной воли работодателей, университетов и общественных организаций.

Рекомендации по формированию устойчивой профессиональной идентичности.

Новые социальные технологии формирования устойчивой профессиональной идентичности (от индивидуального к институциональному)

Основываясь на выявленных дефицитах и предложенных выше технологиях, выделим три уровня их внедрения.

1. Индивидуальный блок: от рефлексии к навигации.

Техника «Ценностного аудита» [2]. Регулярный анализ не столько зарплаты, сколько соответствия деятельности внутренним ценностям. Если разрыв фиксируется, необходимо не искать «идеальную работу», а формулировать задачу как «проект по изменению», что снижает уровень катастрофизации.

Формирование «портфеля компетенций» вместо «резюме должностей» [1; 6].

Сместить фокус с накопления титулов на документирование гибких навыков (управление проектами, коммуникация, адаптивность). Это снижает тревогу перед технологической заменой, так как именно эти навыки остаются дефицитными и труднозаменяемыми.

2. Институциональный блок: роль работодателей и образования.

Внедрение «адаптивных треков» [5]. Компаниям необходимо переходить от модели «найма под узкую задачу» к модели формирования внутренней мобильности. Создание программ ротации и обучения, позволяющих сотруднику менять траекторию внутри организации без потери статуса и дохода.

Развитие наставничества «по смыслу» [2; 4]. Роль наставника должна заключаться не только в передаче узких профессиональных знаний, но и в помощи в ориентировке в рынке труда, в поиске альтернативных путей применения компетенций сотрудника в перспективе.

Создание университетских и корпоративных «навигационных хабов» – пространств (физических или цифровых), где любой сотрудник/студент может пройти короткую диагностику, получить список доступных адаптивных треков и записаться на рефлексивную сессию.

3. Социально-психологический блок.

Современному человеку необходимо формирование культуры, в которой смена профессии или время на «профессиональную паузу» воспринимается не как провал, а как инвестиция в устойчивость [3; 4]. Это требует информационной поддержки и популяризации успешных примеров смены трудовой деятельности в зрелом возрасте. Также весьма важно создание открытых навигационных пространств: платформ и сообществ, где специалисты могут не только «искать вакансии», но и обсуждать векторы развития, делиться опытом.

Современный кризис профессиональной идентичности – это не кризис «неудачника», а кризис «успешного» специалиста, который научился быстро учиться, но разучился понимать, ради чего он это делает [4]. Ответом на этот вызов не могут быть ни старые профориентационные тесты, ни рыночные прогнозы. Необходим системный переход к новым социальным технологиям, которые превращают неопределенность из источника тревоги в пространство для осознанной навигации.

Предложенные в статье технологии – ценностный аудит, портфель компетенций, адаптивные треки, рефлексивные сессии, цифровые навигационные сообщества – составляют основу такой системы. Их объединяет общий принцип: они не предлагают готовых ответов, но дают инструменты, чтобы человек сам мог конструировать свою профессиональную траекторию в условиях, когда привычные границы стираются. Только синтез гибких навыков, четкой ценностной основы и доступа к воспроизводимым социальным технологиям способен стать новой опорой, позволяющей сохранить устойчивость в эпоху перманентной турбулентности.

Библиографический список:

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2021. - 42 с.

2. Леонтьев Д.А. Психология выбора: личностные детерминанты в ситуациях неопределенности // Психологические исследования. - 2020. - Т. 13. - № 70. - С. 4-12.

3. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. - М.: Фонд Развития Интернет, 2018. - 144 с.

4. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшать наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. - 240 с.

5. Фрумин И.Д., Добрякова М.С. Университетский студент первого года: между школой и вузом // Российское образование: тенденции и вызовы. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. - С. 112-128.

6. Хуторской А.В. Метапредметный подход в обучении: от теории к практике // Школьные технологии. - 2021. - № 5. - С. 13-22.

КОВОРКИНГ-ЦЕНТР С КОМПЛЕКСНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ РОДИТЕЛЕЙ КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНЫХ ВЫЗОВОВ

Гукова А.А. *– студентка 4-го курса, Социально-гуманитарный институт, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик.*

Азаматова Г.К. *- кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.*

Аннотация. Обоснована концепция коворкинг-центра с поддержкой родителей как социальной технологии преодоления современных семейных вызовов. Предложена структурно-функциональная модель, интегрирующая рабочее пространство, детскую инфраструктуру и междисциплинарное сопровождение. Доказана эффективность модели для профилактики семейного неблагополучия и укрепления человеческого капитала.

Ключевые слова: коворкинг-центр, социальная технология, поддержка родителей, семейные вызовы, социальная работа, качество жизни, профилактика, человеческий капитал, семейная политика.

COWORKING CENTER WITH COMPREHENSIVE PARENTAL SUPPORT AS A NEW SOCIAL TECHNOLOGY FOR OVERCOMING MODERN FAMILY CHALLENGES

Gukova A.A. *– 4th year student, Social Sciences and Humanities Institute, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after. HM. Berbekova", (Nalchik, Russia).*

Scientific supervisor: Azamatova Guljan Kamilevna , PhD in history, associate professor of the department of theory and technology of social work of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov" (Nalchik, Russia).

Annotation. The concept of a coworking center with parental support is substantiated as a social technology for overcoming modern family challenges. A structural and functional model is proposed, integrating workspace, childcare infrastructure, and interdisciplinary support. The model's effectiveness in preventing family disadvantage and strengthening human capital is demonstrated.
Keywords: coworking center, social technology, parental support, family challenges, social work, quality of life, prevention, human capital, family policy.

Современное общество характеризуется динамичными трансформациями в сфере труда, семейных отношений и социальных институтов. Цифровизация экономики, распространение дистанционных форм занятости, изменение гендерных ролей и рост числа неполных семей формируют новый контекст для реализации родительских функций [1]. В этих условиях традиционные модели поддержки семьи зачастую оказываются недостаточно гибкими и адресными, что актуализирует поиск инновационных социальных технологий, способных интегрировать профессиональную, родительскую и личностную сферы жизни человека.

Особую значимость приобретает проблема совмещения профессиональной деятельности и воспитания детей. По данным Росстата, более 68% работающих родителей испытывают трудности в балансировании трудовых обязанностей и семейных потребностей, а 42% отмечают высокий уровень стресса, связанный с отсутствием качественной инфраструктуры поддержки [2]. Социальная изоляция, характерная для родителей с маленькими детьми, особенно в крупных городах, усугубляет риски эмоционального выгорания и снижения качества детско-родительских отношений [3].

В ответ на данные вызовы в международной практике активно развиваются гибридные форматы пространств, сочетающие функции коворкинга, детского досуга и социально-психологического сопровождения. Однако в российском контексте подобные инициативы носят фрагментарный характер и недостаточно исследованы с точки зрения их потенциала как системной социальной технологии.

Цель данной статьи – обосновать концепцию коворкинг-центра с комплексной поддержкой родителей как новой социальной технологии преодоления современных семейных вызовов. Для достижения цели решаются следующие задачи: проанализировать ключевые семейные вызовы в условиях цифровой трансформации; раскрыть сущностные характеристики социальной технологии в контексте поддержки родительства; разработать структурно-функциональную модель коворкинг-центра; оценить социально-экономическую эффективность предлагаемого решения.

Понятие «социальная технология» в современной науке трактуется как систематизированная совокупность методов, процедур и ресурсов, направленных на целенаправленное изменение социальных процессов и достижение общественно значимых результатов [4]. Применительно к сфере семейной политики социальная технология предполагает не разовую помощь, а создание устойчивых механизмов профилактики, поддержки и развития семейного потенциала.

Концептуальной основой предлагаемой модели служат теории социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнэм), экосистемного подхода к развитию ребенка (У. Бронфенбреннер) и концепция «работающей семьи» (working family), акцентирующая необходимость интеграции трудовых и семейных ролей [5]. Коворкинг-центр в данной парадигме рассматривается не просто как рабочее пространство, а как социальный хаб, способствующий формированию горизонтальных связей, обмену ресурсами и коллективному решению проблем.

Анализ зарубежного опыта (США, страны Скандинавии, Сингапур) показывает, что успешные модели родительских коворкингов характеризуются: модульной архитектурой, позволяющей адаптировать пространство под разные возрастные группы детей; наличием междисциплинарной команды (социальные работники, психологи, педагоги, карьерные консультанты); интеграцией с государственными и некоммерческими сервисами [6]. При этом ключевым фактором эффективности является не инфраструктура сама по себе, а качество социального взаимодействия, которое она стимулирует.

Предлагаемая модель коворкинг-центра строится на принципе «единого окна» и включает три взаимосвязанных блока: пространственно-инфраструктурный, сервисно-содержательный и управленческо-координационный.

Пространственно-инфраструктурный блок предполагает зонирование территории на: рабочую зону с эргономичными местами, высокоскоростным интернетом и переговорными комнатами; детскую зону с возрастным делением (0–3 года, 3–7 лет, 7–12 лет), оборудованную в соответствии с санитарно-гигиеническими и педагогическими стандартами; зону релаксации и неформального общения для родителей; мультифункциональный зал для проведения мастер-классов, лекций и групповых консультаций.

Сервисно-содержательный блок формирует ядро социальной технологии и включает:

1) Профессиональная поддержка: карьерное консультирование, помощь в трудоустройстве, обучение цифровым компетенциям, юридические консультации по трудовым и семейным правам.

2) Психолого-педагогическое сопровождение: индивидуальные и групповые консультации психологов, школы родительской компетентности, программы раннего развития детей.

3) Социально-бытовые услуги: организация питания, прачечная, комната отдыха, сервис по присмотру за детьми с гибким графиком.

4) Комьюнити-активности: клубы по интересам, взаимопомощь, волонтерские инициативы, культурно-досуговые мероприятия.

Управленческо-координационный блок обеспечивает устойчивость модели через: партнерство с органами социальной защиты, образования и здравоохранения; привлечение НКО и бизнеса в рамках ГЧП; систему мониторинга и оценки эффективности (KPI: уровень удовлетворенности пользователей, снижение стресса у родителей, повышение трудовой активности).

Важным элементом модели является цифровая платформа, позволяющая записываться на услуги, участвовать в онлайн-мероприятиях и формировать персональную траекторию поддержки. При этом сохраняется приоритет очного взаимодействия как основы для построения доверительных социальных связей.

Интеграция принципов риск-ориентированного подхода позволяет трансформировать коворкинг-центр из пространства оказания услуг в инструмент ранней профилактики семейного неблагополучия. В соответствии с Концепцией государственной семейной политики РФ [8], приоритетным направлением является выявление и сопровождение семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, до момента возникновения кризисных явлений.

В рамках предлагаемой модели система раннего выявления рисков реализуется через три уровня:

1. **Первичный скрининг.** При регистрации в центре родитель заполняет цифровую анкету, включающую валидированные шкалы оценки родительского стресса (PSI-SF), уровня социальной поддержки и субъективного благополучия. Алгоритм на основе машинного обучения анализирует ответы и формирует «индекс уязвимости», позволяя специалистам

своевременно идентифицировать пользователей, нуждающихся в приоритетном сопровождении.

2. **Мониторинг динамики.** Регулярные микро-опросы в мобильном приложении (раз в 2–4 недели) отслеживают изменения в эмоциональном состоянии, качестве детско-родительских взаимодействий и удовлетворенности балансом работы и семьи. При выявлении негативной динамики система автоматически направляет уведомление куратору случая для инициирования индивидуальной консультации.

3. **Межведомственное взаимодействие.** При обнаружении признаков, указывающих на высокий риск (депрессивные симптомы, насилие в семье, пренебрежение нуждами ребенка), активируется протокол межведомственного сопровождения с участием органов опеки, служб психологической помощи и медицинских организаций. При этом соблюдается принцип конфиденциальности и добровольности получения помощи.

Такой подход соответствует современным тенденциям в социальной работе, смещающим акцент с «реагирования на кризис» на «укрепление устойчивости» (resilience-building) [10]. Коворкинг-центр в данной парадигме выступает как низкопороговая, нестигматизирующая точка входа в систему поддержки, что особенно значимо для родителей, избегающих обращения в традиционные социальные службы.

Современные российские города характеризуются растущим культурным разнообразием, что актуализирует необходимость учета этнокультурных, религиозных и языковых особенностей семей при проектировании социальных сервисов [9]. Коворкинг-центр с поддержкой родителей должен функционировать как инклюзивное пространство, обеспечивающее равный доступ к услугам для всех категорий благополучателей.

Ключевые принципы мультикультурной адаптации модели:

Кадровая политика. Формирование междисциплинарной команды, включающей специалистов, владеющих навыками межкультурной коммуникации, а при необходимости — привлекающих переводчиков и культурных медиаторов из числа представителей локальных сообществ.

Адаптация контента. Разработка образовательных и консультационных материалов с учетом культурных моделей родительства, представлений о здоровье и воспитании, характерных для различных этнических групп. При этом сохраняется приверженность базовым ценностям защиты прав ребенка и гендерного равенства.

Гибкость форматов. Предоставление возможности выбора формата взаимодействия (индивидуально/в группе, очно/онлайн, с участием детей/без), что особенно важно для родителей с разными культурными нормами приватности и социализации.

Пространственная чувствительность. Зонирование центра с учетом потребностей в уединении, молитве, соблюдении диетических ограничений, что создает атмосферу уважения и психологического комфорта.

Особое внимание уделяется поддержке родителей-мигрантов, для которых коворкинг-центр может стать не только местом работы, но и площадкой социокультурной адаптации: языковые клубы, правовые консультации по вопросам миграционного законодательства, знакомство с локальными образовательными и медицинскими сервисами. Такой подход способствует не только улучшению качества жизни конкретной семьи, но и укреплению социальной сплоченности на уровне местного сообщества.

Внедрение коворкинг-центров с поддержкой родителей обладает значительным социально-экономическим потенциалом. На микроуровне (семья) технология способствует: снижению уровня родительского стресса, улучшению качества детско-родительских отношений, повышению профессиональной реализации родителей, особенно матерей. На мезоуровне (сообщество) – укреплению социального капитала, формированию инклюзивной среды, профилактике семейного неблагополучия. На макроуровне (государство) – росту экономической активности населения, снижению расходов на социальные выплаты, укреплению демографического потенциала.

Расчет экономической эффективности (на примере центра на 50 рабочих мест) показывает, что при средней загрузке 70% и смешанной модели финансирования (бюджетные субсидии + плата пользователей + гранты) проект выходит на самоокупаемость за 2,5–3 года.

При этом социальный возврат на инвестиции (SROI) оценивается в 3,2 рубля на каждый вложенный рубль за счет снижения затрат на лечение стресс-зависимых заболеваний, уменьшения текучести кадров и повышения производительности труда [7].

Механизмы внедрения предполагают поэтапную реализацию:

1. Пилотный этап (6–12 месяцев): запуск центра на базе существующей социальной инфраструктуры (библиотеки, центры социальной помощи), отработка сервисных моделей, сбор обратной связи.

2. Масштабирование (1–3 года): тиражирование успешной практики в других районах города/региона, адаптация модели под разные типы поселений (мегаполис, малый город, сельская местность).

3. Институционализация (3–5 лет): включение коворкинг-центров в нормативную базу государственной семейной политики, создание единых стандартов качества и системы подготовки кадров.

Ключевыми условиями успеха являются: межведомственная координация, участие самих родителей в соуправлении центрами, гибкость сервисов под меняющиеся потребности, а также информационная кампания по повышению осведомленности о возможностях технологии.

Таким образом, коворкинг-центр с комплексной поддержкой родителей представляет собой перспективную социальную технологию, отвечающую на вызовы современной семьи в условиях цифровой трансформации. Интеграция профессиональной, образовательной, психологической и досуговой функций в едином пространстве создает условия для гармоничного совмещения родительских и трудовых ролей, профилактики социальной изоляции и укрепления семейного благополучия.

Предложенная структурно-функциональная модель, подкрепленная анализом международного опыта и оценкой социально-экономической эффективности, может служить основой для разработки региональных программ поддержки семей с детьми. Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическую верификацию модели, разработку инструментов оценки качества социальных услуг и изучение долгосрочных эффектов внедрения подобных центров.

Развитие сети коворкинг-центров с родительской поддержкой способно стать одним из драйверов модернизации социальной политики, ориентированной на человека, его потребности и потенциал. В условиях демографических вызовов и трансформации рынка труда такие инновации приобретают стратегическое значение для устойчивого развития общества.

Литература:

1. Закарияева А.М., Абдулаева З.З. Инновационные форматы социальной работы в условиях цифровой экономики // Социальная политика и социология. 2024. № 3. С. 45–58.
2. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2025: стат. сб. / Росстат. М., 2025. 210 с.
3. Иванова Е.В. Социальная изоляция родителей с малолетними детьми: факторы риска и ресурсы преодоления // Вестник социальной работы. 2023. Т. 12, № 4. С. 78–92.
4. Павленок П.Д. Теория и методология социальной работы: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. 384 с.
5. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Harvard University Press, 1979. 360 p.
6. OECD. Supporting Working Parents: International Perspectives on Family-Friendly Policies. Paris: OECD Publishing, 2024. https://doi.org/10.1787/abc12345-en.
7. Social Return on Investment (SROI) Network. Measuring Value in Social Infrastructure Projects. London: SROI Network, 2023. 88 p.
8. Минтруд России. Концепция государственной семейной политики на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 25.08.2023 № 2403-р.
9. Петрова Н.А., Соколов А.В. Коворкинг как социальный институт: зарубежный опыт и российские перспективы // Вопросы социальной политики. 2024. № 1. С. 112–125.

10. Всемирная организация здравоохранения. Руководство по поддержке психического здоровья родителей. Женева: ВОЗ, 2023. 64 с.

АПРОБАЦИЯ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ НА ЭТАПЕ КОНСТАТАЦИИ

Мальцева Т.Е. *- кандадат педагогический наук, доцент, доцент кафедры «Социальная работа», Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.*

Аннотация. В статье представлены результаты апробации структурно-функциональной модели социально-профессиональной субъектности в процессе подготовки будущих социальных работников на этапе констатации сформированности ключевых компетенций. Результаты эмпирического исследования, полученные на этапе констатации, позволили выявить исходный уровень развития компонентов субъектности у студентов, определить типичные дефициты и потенциал для дальнейшего целенаправленного формирования.

Ключевые слова: социально-профессиональная субъектность, структурно-функциональная модель, подготовка социальных работников, этап констатации, профессиональное становление, компоненты субъектности, высшее образование, педагогический эксперимент, диагностика сформированности компетенций.

APPROBATION OF THE STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF SOCIO-PROFESSIONAL SUBJECTIVITY IN THE TRAINING OF SOCIAL WORKERS AT THE ASSESSMENT STAGE

Maltseva T.E. *- Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Work, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LNR.*

Annotation. The article presents the results of testing the structural and functional model of socio-professional subjectivity in the process of training future social workers at the stage of establishing the formation of key competencies. The results of the empirical research obtained at the stage of ascertaining made it possible to identify the initial level of development of the components of subjectivity in students, to identify typical deficits and the potential for further purposeful formation.

Keywords: socio-professional subjectivity, structural and functional model, training of social workers, stage of identification, professional development, components of subjectivity, higher education, pedagogical experiment, diagnostics of competence formation.

Мир меняется, а вместе с ним усложняются и задачи социальных работников. Сегодня от них требуется не просто набор знаний и навыков по инструкции, нужен специалист другого уровня — не пассивный исполнитель, а активная, думающая и ответственная сила. Такой профессионал способен сам анализировать сложные ситуации, принимать взвешенные решения и реально влиять на жизнь людей и сообществ. Это ключевое качество — способность быть самостоятельным творцом в своей работе — мы называем социально-профессиональной субъектностью. Это не одна черта характера, а целостный сплав мотивов, знаний, умений и личностной позиции. Именно это качество позволяет не просто «отрабатывать смену», а осмысленно помогать, адаптироваться к новым вызовам и менять социальную реальность к лучшему.

Однако как целенаправленно воспитать такого специалиста? Какие внутренние «шестеренки» и «рычаги» приводят в движение эту самую субъектность? Чтобы ответить на эти вопросы, необходима четкая карта — модель, которая покажет структуру этого сложного качества и объяснит, как его части связаны между собой и с профессиональной деятельностью.

Именно поэтому цель данной работы — создать и обосновать именно такую структурно-функциональную модель социально-профессиональной субъектности. Это должен быть не просто список желаемых качеств, а работающая схема. Она призвана показать, из каких

основных компонентов складывается субъектность социального работника и как эти компоненты взаимодействуют, поддерживая друг друга. В конечном счете, такая модель становится фундаментом для построения более эффективной системы подготовки, где каждый учебный курс, каждое практическое задание будет работать на одну большую цель: воспитание истинного субъекта профессии.

Обоснование структурно-функциональной модели социально-профессиональной субъектности [1; 2; 3] опирается на публикации, касающиеся структурно-функциональных моделей формирования его составляющих, таких как профессиональная субъектность [4], культуры профессионального общения будущих социальных работников в вузе [5], профессиональных ценностей у студентов — будущих специалистов по социальной работе [6] профессиональной компетентности [7], готовности будущих социальных работников к использованию интерактивных технологий в профессиональной деятельности [8] и другие:

Теоретические основания модели социально-профессиональной субъектности (СПС) трактуются как динамическое образование, синтезирующее в себе личностную (ценности, мотивы, идентичность) и профессиональную (знания, компетенции, навыки) компоненты. Она формируется в процессе взаимодействия внутренних потенциалов индивида и внешних требований профессиональной среды. В основе модели лежат принципы системности, развития и деятельностной обусловленности, интегрирующие подходы психологии субъектности (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская), социологии профессий и компетентностного подхода в образовании.

Структура СПС представлена четырьмя взаимосвязанными уровнями:

1. *Ценностно-мотивационный уровень:* является фундаментом субъектности [9]. Включает гуманистические и этические ценности социальной работы (справедливость, эмпатия, уважение достоинства человека), внутреннюю профессиональную мотивацию и осознанную социальную ответственность. Этот уровень обеспечивает устойчивость и направленность профессионального поведения.
2. *Рефлексивно-критический уровень:* формирует способность специалиста к анализу собственной деятельности, социальных контекстов и институциональных условий [10]. Включает критическое мышление, самооценку, умение деконструировать сложные ситуации и прогнозировать последствия вмешательства. Данный уровень отвечает за адаптивность и развитие профессионала.
3. *Операционно-технологический уровень:* составляет инструментальную основу субъектности. Включает систему профессиональных знаний (социология, психология, право), практических навыков (техники коммуникации, оценки случая, планирования вмешательства) и методологических компетенций (проектирование, координация услуг). Этот уровень обеспечивает эффективность и результативность действий [11].
4. *Координационно-агентный уровень:* определяет способность специалиста выступать как активный агент в профессиональном и социальном пространстве. Включает навыки межсекторального взаимодействия, адвокации интересов клиентов, мобилизации ресурсов, управления проектами и сетевого сотрудничества. Данный уровень отвечает за преобразующую и интегративную функцию субъектности.

Функционирование модели раскрывается через взаимосвязь структурных компонентов в процессе профессиональной деятельности. Ценностно-мотивационный уровень активирует и направляет рефлексивно-критический анализ, который, в свою очередь, оценивает и корректирует применение операционно-технологических средств. Координационно-агентный уровень, основываясь на ценностных ориентациях и критической оценке, реализует преобразующие действия через технологический инструментарий. Таким образом, модель работает как циклический процесс: действие → рефлексия → коррекция/развитие → новое действие. Динамика СПС проявляется в ее развитии от базового уровня (технологическая исполнительность) через рефлексивный уровень (осознанная практика) к высшему — агентному уровню (стратегическое преобразование среды).

Предложенная модель формирования СПС в процессе подготовки социальных работников требует переориентации образовательного процесса от трансляции знаний к целостному формированию субъектных качеств. Это предполагает:

1. Интеграцию этико-ценностного учебного материала в содержание всех учебных дисциплин.
2. Активное использование методов, стимулирующих рефлексию и критическое мышление: анализ кейсов, симуляции, сопроводительное супервизирование.
3. Проектирование обучения вокруг реальных проблемных ситуаций, требующих не только технологического решения, но и координации усилий.
4. Развитие партнерских отношений образовательных учреждений с организациями социальной сферы для создания индивидуализированных и персонализированных практик студентов.
5. Формирование индивидуальных траекторий развития, учитывающих личностные потенциалы каждого будущего специалиста.

Итак, структурно-функциональная модель социально-профессиональной субъектности предлагает целостный взгляд на идеальный результат подготовки социального работника. Она задает ориентиры для разработки образовательных стандартов, программ и педагогических технологий, направленных на воспитание не просто исполнителя профессиональных функций, но активного, ответственного и преобразующего субъекта социальной работы. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на операционализации модели и разработке диагностических инструментов для оценки уровня развития СПС в образовательном процессе.

В целях валидизации и практического внедрения предложенной структурно-функциональной модели социально-профессиональной субъектности (СПС) в образовательный процесс, разработана программа экспериментального исследования на базе вуза, осуществляющего подготовку по специальности 39.03.02 «Социальная работа». Исследование носит лонгитюдный характер и включает несколько этапов. Первым из них является констатирующий этап, описываемый ниже.

Цель констатирующего этапа: диагностика исходного уровня развития компонентов СПС у студентов, участвующих в исследовании, и установление базовых параметров для дальнейшего сравнения.

Характеристика участников исследования: в эксперименте принимают участие две группы: *экспериментальная группа (ЭГ):* 82 человека. В состав группы включены студенты 2-4 курсов очной и заочной форм обучения. Данный состав позволяет охватить учащихся, уже имеющих базовое представление о профессии (2 курс), находящихся в процессе активного освоения профессиональных компетенций (3 курс), и студентов, приближающихся к завершению образовательного цикла (4 курс). Включение студентов заочной формы, часто обладающих практическим опытом в смежных областях, добавляет разнообразие в исходные условия и *контрольная группа (КГ):* 80 человек. Группа формируется по аналогичным принципам (2-4 курсы, очная и заочная формы обучения) из студентов, не предполагаемых к непосредственному участию в дальнейшей апробации новых образовательных модулей, но обучающихся в идентичных институциональных условиях.

Для измерения исходного уровня развития компонентов СПС используется комплекс диагностических методик, адекватных структурным элементам модели:

- *для оценки ценностно-мотивационного уровня:* применяются адаптированный опросник профессиональных ценностей социального работника, методика диагностики мотивационной направленности (В.И. Герчиков), а также проективные методики (например, анализ мотивационных коллизий в кейсовых ситуациях);
- *для оценки рефлексивно-критического уровня:* используются методика определения уровня развития рефлексивности (А.В. Карпов), тест критического мышления (в адаптации для социальных дисциплин), а также качественный анализ письменных эссе студентов на тему профессиональных дилемм;

- *для оценки операционно-технологического уровня:* применяется экспертная оценка результатов академической деятельности (успеваемость по ключевым дисциплинам), стандартизированные тесты профессиональных знаний, а также наблюдение за выполнением практических заданий в симулированных условиях;
- *для оценки координационно-агентного уровня:* наиболее сложный для диагностики компонент исследуется через оценку участия студентов в проектной деятельности (внутри и вне вуза), метод социометрического опроса в контексте учебных групп, анализ самоотчетов о попытках решения институциональных или коммуникативных барьеров в ходе практики.

Все методики проходят процедуру пилотного тестирования для проверки их надежности и валидности в данной конкретной студенческой аудитории.

Диагностика проводится в течение фиксированного временного интервала (двух недель) для обеих групп. Для обеспечения чистоты данных, участникам не сообщается о детальных целях исследования в части его экспериментального характера; информирование происходит в рамках общих формулировок о изучении профессионального развития. Сбор данных осуществляется в форматах, минимизирующих влияние субъективных факторов: сочетание онлайн-опросов (для стандартизированных методик) и очных семинаров с наблюдателями (для проективных и качественных методов).

Проведенная диагностика по комплексу методик на констатирующем этапе позволила получить количественные и качественные данные, создающие основу для дальнейшего формирующего эксперимента.

1. *По итогам диагностики* был вычислен интегральный индекс социально-профессиональной субъектности (ИСПС) как средневзвешенное значение по четырем компонентам. Распределение по курсам и формам обучения показало ожидаемую, но нелинейную динамику.

- *по курсам:* средний ИСПС у студентов 2-го курса составил 41.2 балла из 100 возможных. На 3-м курсе наблюдался рост до 48.7 балла. На 4-м курсе показатель достиг 54.3 балла. Рост подтверждает влияние образовательного процесса, однако абсолютные значения остаются в зоне среднего и низкого уровней даже у выпускников;
- *по формам обучения:* студенты очной формы продемонстрировали более однородные, но в среднем более низкие показатели по операционно-технологическому (45.1) и рефлексивно-критическому (39.8) компонентам. Студенты заочной формы, обладая практическим опытом, показали более высокие результаты по координационно-агентному компоненту (52.4 против 43.6 у очников), но при этом у них была ниже глубина ценностно-мотивационной проработки (47.2 против 51.3).

2. Статистический анализ (коэффициент корреляции Пирсона) выявил значимые взаимосвязи между структурными элементами СПС в общей выборке (N=162).

- наиболее сильная положительная корреляция обнаружена между *рефлексивно-критическим и ценностно-мотивационным уровнями* ($r = 0.72$, $p \leq 0.01$). Это указывает на то, что осознанность и критичность мышления тесно связаны с внутренней ценностной основой студента;
- умеренная положительная корреляция выявлена между *операционно-технологическим и координационно-агентным уровнями* ($r = 0.61$, $p \leq 0.01$). Владение технологиями создает базу для уверенных агентных действий;
- слабая, но значимая корреляция наблюдалась между *ценностно-мотивационным и координационно-агентным уровнями* ($r = 0.38$, $p \leq 0.05$). Это позволяет предположить, что ценности выступают необходимым, но недостаточным условием для активного преобразующего поведения, требующего дополнительных навыков.

3. Для проверки однородности групп на старте был применен U-критерий Манна-Уитни. Сравнение средних значений ИСПС и отдельных компонентов не выявило статистически значимых различий ($p>0.05$) между экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группами.

- ИСПС в ЭГ: 47.8 балла; в КГ: 48.1 балла;

- наиболее близкие средние значения были зафиксированы по операционно-технологическому компоненту (ЭГ: 46.5; КГ: 47.1) и ценностно-мотивационному (ЭГ: 49.7; КГ: 50.2);
- незначительные расхождения в сырых баллах по рефлексивно-критическому и координационно-агентному компонентам также не достигли уровня статистической значимости.

Данный результат является методологически важным, так как подтверждает корректность формирования групп и позволяет в дальнейшем интерпретировать изменения как следствие специально организованного педагогического воздействия в ЭГ.

4. Анализ средних значений по компонентам в общей выборке (см. Рисунок 1) для выявления *«зон роста»* четко обозначил приоритеты для педагогического вмешательства. Ранжирование компонентов от наиболее слабого к наиболее развитому выглядит следующим образом:

1. *Координационно-агентный уровень:* средний балл – 44.3. Наибольший дефицит наблюдался в навыках адвокации, сетевого взаимодействия и стратегического проектирования социальных изменений. Студенты демонстрировали установку на исполнительность в заданных рамках.
2. *Рефлексивно-критический уровень:* средний балл – 46.1. Студенты испытывали затруднения в анализе системных причин проблем клиента, оценке этических противоречий и рефлексии собственных профессиональных действий за пределами технических аспектов.
3. *Операционно-технологический уровень:* средний балл – 51.8. Уровень владения базовыми знаниями и алгоритмическими навыками оказался удовлетворительным, однако наблюдался разрыв между теоретическими знаниями и их гибким применением в нестандартных ситуациях.
4. *Ценностно-мотивационный уровень:* средний балл – 53.4. Показал наиболее высокий результат, что свидетельствует об успешной первичной профессионализации и наличии исходной гуманистической направленности у абитуриентов.

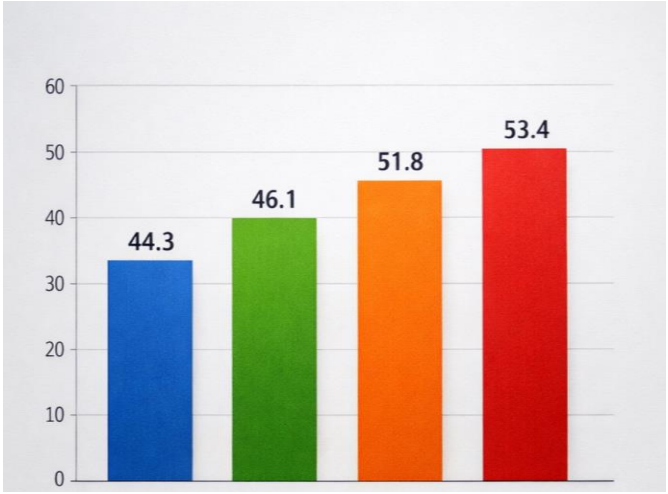


Рисунок 1. Средние значения компонентов СПС на констатирующем этапе эксперимента (общая выборка N=162)

Таким образом, констатирующий этап не только подтвердил принципиальную измеримость компонентов предложенной модели, но и предоставил конкретные числовые ориентиры для разработки формирующей программы. Основные усилия в экспериментальной группе должны быть сосредоточены на преодолении «агентного» и «рефлексивного» дефицитов через активизацию методов проектного обучения, супервизии и включенного социального проектирования.

Результаты констатирующего этапа позволили:

1. Получить объективную картину исходного распределения уровней развития СПС среди студентов разных курсов и форм обучения.
2. Выявить возможные корреляции между отдельными компонентами модели на начальной стадии.
3. Установить наличие или отсутствие статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами на старте исследования, что является критически важным для чистоты будущего эксперимента.
4. Определить «зоны роста» — те компоненты СПС (например, рефлексивно-критический или координационно-агентный уровни), которые в среднем проявляются у студентов наиболее слабо и требуют целенаправленного педагогического внимания.

Данные этого этапа станут не только базой для сравнения, но и фундаментом для разработки содержания формирующего этапа эксперимента. На последующем этапе в учебный план экспериментальной группы будут интегрированы специальные модули, тренинги и проекты, направленные на целенаправленное развитие всех четырех компонентов СПС в соответствии с предложенной моделью. Контрольная группа продолжит обучение по существующей традиционной программе. Сравнительный анализ динамики обеих групп на завершающем контрольном этапе позволит оценить эффективность педагогической интервенции, основанной на структурно-функциональной модели социально-профессиональной субъектности.

Литература:

1. Мальцева Т.Е., Бойко А.Л. Специфические особенности понятия социально-профессиональной субъектности / Вестник Омского университета. Серия «Психология». — 2017. № 1. — С. 46-51.
2. Мальцева Т. Е. Инновационные особенности развития высшего инклюзивного образования : монография. — Москва : Ruscience, 2018. — 252 с. ISBN 978-5-4365-2603-4.
3. Мальцева Т. Е. Теория и практика инклюзивной профессионализации в системе высшего педагогического образования: монография ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ, 2024. — 512 с. ISBN 978-5-6052991-0-3
4. Киенко Т.С. Проблемы и факторы формирования профессиональной субъектности социального работника : монография. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2018. — 108 с.
5. Курилович, Надежда Васильевна. Формирование культуры профессионального общения будущего социального работника в вузе : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Курилович Надежда Васильевна; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2012. — 42 с.
6. Легенчук Е.А., Менщикова И.Ю. Реализация структурно-функциональной модели формирования профессиональных ценностей у студентов университета // Известия Уральского отделения Российской академии образования. — URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/34787/1/oin_appl_2006_1_008.pdf
7. Турчанинова, Т. В. Сущность, структура и условия формирования профессиональной компетентности социального работника / Т. В. Турчанинова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2010. — № 4 (15). — С. 377-380. — URL: https://moluch.ru/archive/15/1376.
8. Хоменко-Семенова Л. А. Структурно-функциональная модель формирования готовности будущих социальных работников к использованию интерактивных технологий в профессиональной деятельности. — Тамбов: Грамота. — 2015. — № 2 (92). — С. 113-117. ISSN 1993-5552.
9. Мушкирова Анна Николаевна. Формирование профессиональных ценностных ориентаций как фактора развития субъектности студентов : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Мушкирова Анна Николаевна; Бурят. гос. ун-т. — Улан-Удэ, 2015. — 25 с.

10. Швацкий А. Ю. Содержательная характеристика уровней рефлексивности профессионального сознания педагога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2017. — Т.6, №1(18). — С.313-316.
11. Амельченко Т.В. Операционно-деятельностный компонент модели формирования профессиональной компетентности работника социальной сферы в региональных условиях // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. ; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10552 (дата обращения: 03.04.2026).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПОСТКОНФЛИКТНЫХ РЕГИОНАХ: ПРИМЕР КАРАБАХА

Мамедова У.И. *- доктор философии по экономике, ведущий научный сотрудник Института экономики Министерства науки и образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В статье рассматривается значение развития туристического сектора для социально-экономического восстановления постконфликтных территорий на примере Карабахского региона Азербайджана. Анализируются государственные механизмы регулирования, направленные на формирование туристической инфраструктуры и стимулирование инвестиционной активности. Исследование основано на использовании официальных статистических данных за 2020–2025 годы и применении описательных и графических методов анализа. Полученные результаты показывают устойчивую динамику роста туристических инвестиций и увеличения туристического потока в регионе. Это свидетельствует о значительной роли государственной политики в формировании институциональной среды и поддержке регионального развития. Сделан вывод о том, что туризм может выступать важным инструментом социально-экономической реинтеграции постконфликтных территорий.

Ключевые слова: туризм, постконфликтные регионы, Карабах, региональное развитие, государственное регулирование, устойчивый туризм.

SOCIO-ECONOMIC IMPORTANCE OF TOURISM DEVELOPMENT IN POST-CONFLICT REGIONS: THE CASE OF KARABAKH

Mammadova U. I. *- Doctor of Philosophy in Economics, Leading Researcher at the Institute of Economics Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan Baku, Azerbaijan*

Abstract. This article examines the role of tourism development in the socio-economic recovery of post-conflict territories, using the Karabakh region of Azerbaijan as a case study. The study analyzes the regulatory mechanisms implemented by the state to support tourism infrastructure, attract investment, and stimulate regional development. The research is based on official statistical data for the period 2020–2025 and applies descriptive and graphical analysis methods. The findings indicate a steady increase in tourism investments and visitor numbers in the region during the post-conflict reconstruction period. These results highlight the importance of public policy and institutional coordination in shaping the development dynamics of the tourism sector. The study concludes that tourism can serve as an effective tool for economic revitalization and social reintegration in post-conflict regions.

Keywords: tourism, post-conflict regions, Karabakh, regional development, state regulation, sustainable tourism.

Введение

В современных условиях туризм рассматривается не только как сектор экономики, формирующий доходы и занятость, но и как важный инструмент социально-экономического развития территорий. Особенно значимую роль туризм играет в постконфликтных регионах, где восстановление экономической активности и социальной стабильности становится приоритетной задачей государственной политики [5].

Международный опыт показывает, что развитие туристической инфраструктуры способствует восстановлению региональной экономики, стимулирует инвестиционную активность и создает новые рабочие места для местного населения. В ряде стран, переживших вооруженные конфликты, туризм стал одним из факторов социального восстановления и укрепления общественной интеграции [2].

После завершения военных действий в 2020 году Карабахский регион Азербайджана вступил в этап масштабного социально-экономического восстановления. Государственная политика в отношении региона направлена на формирование современной инфраструктуры, развитие экономических отраслей и создание условий для возвращения населения. В этой стратегии туризм рассматривается как один из ключевых инструментов регионального развития.

В последние годы в регионе реализуются крупные инфраструктурные проекты, включая строительство международных аэропортов, автомобильных и железнодорожных магистралей, а также развитие культурных и исторических объектов. Эти меры формируют институциональную основу для развития туризма и повышения инвестиционной привлекательности региона [6].

Цель настоящего исследования заключается в анализе социально-экономического значения развития туризма в постконфликтных регионах на примере Карабаха и оценке роли государственной политики в формировании условий для устойчивого развития туристического сектора.

.

Социальное значение туризма в постконфликтных регионах

В современной научной литературе туризм рассматривается не только как экономическая отрасль, но и как важный инструмент восстановления и устойчивого развития постконфликтных территорий. После завершения вооружённых конфликтов многие регионы сталкиваются с необходимостью восстановления инфраструктуры, активизации экономической деятельности и укрепления социальной стабильности. В этих условиях развитие туристической отрасли может выступать одним из эффективных механизмов социально-экономической трансформации территорий. Как отмечается в научных исследованиях, туризм способен стимулировать экономическую активность, расширять занятость и создавать дополнительные источники доходов для местного населения [1].

Развитие туристического сектора способствует формированию новых экономических возможностей и развитию предпринимательской среды. В первую очередь активизируется деятельность малого и среднего бизнеса, который играет ключевую роль в структуре туристической экономики. Это касается гостиничного сектора, предприятий общественного питания, транспортных услуг, туристических агентств, а также сферы культурных и развлекательных услуг. Расширение этих видов деятельности создает дополнительные рабочие места и способствует увеличению доходов местных сообществ. В результате повышается уровень экономической активности региона и формируется благоприятная среда для привлечения инвестиций [2].

С социальной точки зрения туризм выполняет важную функцию реинтеграции постконфликтных территорий в национальную экономическую систему. Реализация инфраструктурных проектов, строительство гостиниц, развитие транспортной сети и создание туристических объектов способствует улучшению условий жизни населения и стимулирует возвращение жителей в регион. Кроме того, развитие туристической отрасли способствует повышению уровня занятости, особенно среди молодежи и местных жителей, что играет важную роль в укреплении социальной стабильности и устойчивости общества [3].

Особое значение в постконфликтных регионах имеет развитие культурного и исторического туризма. Восстановление памятников культуры, исторических объектов и архитектурного наследия способствует сохранению национальной идентичности и культурных традиций. Одновременно проведение международных культурных мероприятий, фестивалей и выставок позволяет привлечь внимание мировой общественности к региону и сформировать его положительный имидж на международной арене [4].

Кроме того, развитие туристической отрасли тесно связано с формированием устойчивых моделей регионального развития. В последние годы в научных исследованиях особое внимание уделяется вопросам устойчивого туризма, который предполагает рациональное использование природных ресурсов, развитие экологически ориентированных туристических продуктов и сохранение культурного наследия. Подобный подход позволяет обеспечить долгосрочное развитие туристического сектора и одновременно способствует укреплению социально-экономической стабильности постконфликтных территорий [5].

Таким образом, туризм выполняет не только экономическую, но и важную социальную функцию. Он способствует укреплению общественной стабильности, развитию человеческого капитала, расширению возможностей занятости и формированию благоприятных условий для долгосрочного регионального развития. В условиях постконфликтного восстановления туристическая отрасль может стать одним из ключевых факторов устойчивого социально-экономического роста территорий.

Развитие туризма в Карабахе

После освобождения Карабахского региона процесс его социально-экономической реинтеграции был определён как одно из приоритетных направлений долгосрочной стратегии развития Азербайджанской Республики. В рамках государственной политики особое значение придается восстановлению инфраструктуры, возвращению населения и формированию устойчивых экономических механизмов развития региона. С 2021 года в рамках программы «Великое возвращение» осуществляется масштабная реконструкция населённых пунктов, развитие транспортной инфраструктуры и постепенная активизация экономической деятельности [1].

В данном контексте туристический сектор рассматривается как один из ключевых элементов экономической диверсификации и важный инструмент интеграции региона в национальную экономическую систему. Развитие туризма способствует формированию новых направлений экономической активности, привлечению инвестиций и созданию дополнительных рабочих мест. Кроме того, туристическая отрасль стимулирует развитие сопутствующих сфер экономики, включая гостиничный бизнес, транспортные услуги, сферу общественного питания и культурные индустрии [2].

Интеграция туризма в процессы социально-экономического восстановления региона привела к формированию многоуровневых структурных изменений в экономике Карабаха. В первую очередь реализация масштабных инфраструктурных проектов создала необходимую основу для расширения туристической деятельности. Введение в эксплуатацию международных аэропортов, модернизация автомобильных дорог и развитие железнодорожной инфраструктуры значительно повысили транспортную доступность региона [3]. Данные процессы способствовали формированию современной логистической системы, расширению географии туристических услуг и укреплению инвестиционного климата.

С социальной точки зрения развитие туризма играет важную роль в формировании человеческого капитала и расширении занятости населения. Начиная с 2022 года для населения, возвращающегося в регион, реализуются программы профессиональной подготовки в сфере туризма и услуг. Эти программы направлены на формирование квалифицированных кадров и развитие локального рынка труда [4]. Одновременно с расширением туристической деятельности наблюдается рост активности малого и среднего предпринимательства. По данным последних лет, количество предприятий, функционирующих в сфере туристических и сервисных услуг региона, постепенно увеличивается, что свидетельствует о формировании новой экономической среды.

Особое значение для развития туристического сектора имеет природно-ресурсный потенциал Карабахского региона. Горные ландшафты, лесные массивы, минеральные источники и уникальные природные территории создают благоприятные условия для развития экологического туризма. Формирование экотуристических маршрутов и развитие природно-ориентированных туристических продуктов рассматриваются как одно из перспективных направлений устойчивого развития региона [5].

Наряду с этим развитие туризма способствует укреплению международного имиджа Азербайджана. Восстановление культурного наследия Карабаха, развитие культурных

маршрутов и проведение международных мероприятий в городе Шуша усиливают интеграцию региона в мировое туристическое пространство. Таким образом, туристический сектор выполняет не только экономическую, но и культурно-дипломатическую функцию, способствуя продвижению национального культурного наследия на международной арене.

Таким образом, развитие туризма в Карабахском регионе оказывает комплексное влияние на социально-экономические процессы. Туристическая отрасль способствует экономическому росту, расширению занятости, сохранению культурного наследия и обеспечению экологической устойчивости. В результате туризм становится одним из ключевых компонентов постконфликтной модели развития региона и важным фактором долгосрочной социально-экономической стабильности.

После завершения вооруженного конфликта в 2020 году в Карабахском регионе начался этап масштабного социально-экономического восстановления. В рамках государственной политики были реализованы крупные инфраструктурные проекты, направленные на повышение транспортной доступности региона и создание благоприятных условий для экономической активности. В частности, были введены в эксплуатацию международные аэропорты Физули и Зангилан, модернизирована дорожная сеть и начато строительство новых объектов туристической инфраструктуры.

Одновременно с развитием транспортной и инженерной инфраструктуры государство проводит активную политику стимулирования инвестиций в туристический сектор. В регионе реализуются проекты государственно-частного партнерства, предоставляются налоговые льготы для инвесторов и создаются условия для развития гостиничной индустрии и туристических сервисов. Эти меры направлены на формирование конкурентоспособного туристического рынка и повышение инвестиционной привлекательности региона.

Развитие туристической отрасли также сопровождается активным использованием природного и культурного потенциала Карабаха. Горные ландшафты, лесные массивы, минеральные источники и историко-культурные памятники создают благоприятные условия для развития экологического, культурного и рекреационного туризма. В результате регион постепенно становится новым туристическим направлением в национальной туристической системе Азербайджана.

Статистические данные последних лет свидетельствуют о постепенном росте туристического потока и увеличении инвестиционной активности в отрасли. Для более наглядной оценки динамики развития туристического сектора в Карабахском регионе рассмотрим основные статистические показатели, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели развития туризма в Карабахе

Год	Туристические инвестиции (млн USD)	Число туристов (тыс.)	Доходы от туризма (млн AZN)
2021	240	65	30
2022	400	110	56
2023	670	210	110
2024	1200	310	185
2025	1500	420	265

Источник: Государственное агентство по туризму Азербайджана, 2025 [7].

Как видно из таблицы 1, в период 2021–2025 годов наблюдается устойчивая тенденция роста основных показателей туристического сектора Карабахского региона. Объем туристических инвестиций увеличился с 240 млн долларов США в 2021 году до 1,5 млрд долларов США в 2025 году. Одновременно с этим значительно возросло количество туристов, посетивших регион, что свидетельствует о постепенном формировании туристического рынка. Рост доходов от туризма также подтверждает повышение экономической активности в регионе и усиление роли туризма в процессе социально-экономического восстановления постконфликтных территорий.

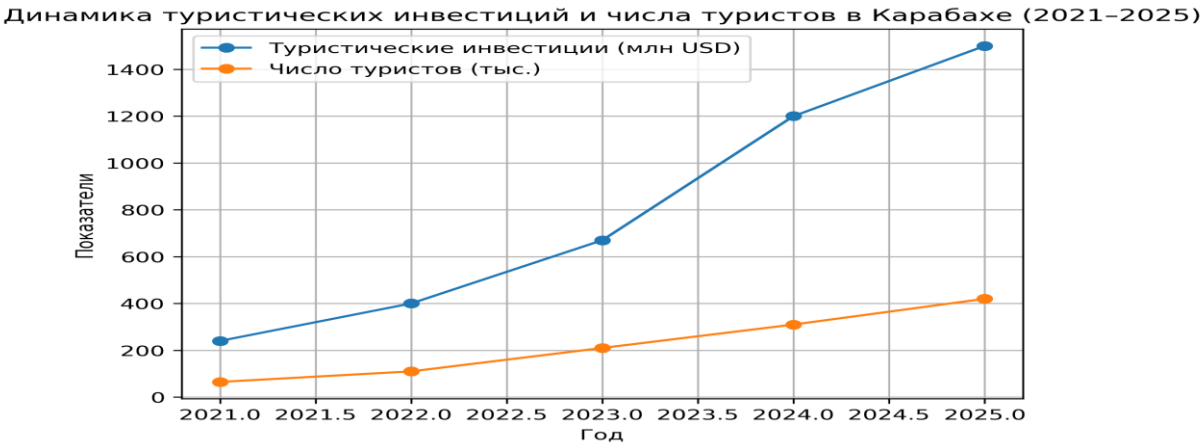


Рисунок 1. Динамика туристических инвестиций и числа туристов в Карабахе (2021–2025)

Источник: составлено автором на основе данных Государственного агентства по туризму Азербайджана [7].

Как видно из рисунка 1, рост туристических инвестиций сопровождается увеличением числа посетителей региона. Это подтверждает наличие положительной взаимосвязи между развитием инфраструктуры и туристическим потоком. Таким образом, инвестиционная политика государства играет важную роль в формировании устойчивого туристического рынка и способствует социально-экономическому развитию постконфликтного региона.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что развитие туристического сектора играет важную роль в социально-экономическом восстановлении постконфликтных территорий. На примере Карабахского региона можно наблюдать, что государственная политика, направленная на восстановление инфраструктуры, стимулирование инвестиционной активности и формирование институциональной среды, создает благоприятные условия для развития туристического рынка.

Туризм в данном контексте выступает не только как источник экономического роста, но и как важный фактор социальной реинтеграции территорий. Развитие туристической отрасли способствует созданию новых рабочих мест, повышению уровня занятости местного населения и укреплению региональной стабильности.

В перспективе дальнейшее развитие туристического сектора в Карабахе будет зависеть от эффективности государственной политики, уровня инвестиционной активности, а также внедрения современных технологий и цифровых решений в сфере туризма. Реализация данных направлений позволит обеспечить устойчивое развитие туристической отрасли и повысить конкурентоспособность региона на международном туристическом рынке.

Литература

1. Novelli, M., Morgan, N., & Nibigira, C. (2012). Tourism in a post-conflict situation of fragility. *Annals of Tourism Research*, 39(3), 1446–1469.
2. Buultjens, J., Ratnayake, I., & Gnanapala, W. (2016). Post-conflict tourism development and resilience. *Current Issues in Tourism*, 19(4), 355–372.
3. Okafor, L. E., & Khalid, U. (2021). Regaining international tourism attractiveness after armed conflict. *Current Issues in Tourism*, 24(3), 385–402.
4. Rocca, L., & Zielinski, S. (2022). Community-based tourism and post-conflict recovery. *Tourism Management Perspectives*, 43, 100985.
5. World Tourism Organization (UNWTO). (2024). *Tourism for Sustainable Development Goals*. Madrid.
6. World Economic Forum. (2024). *Travel & Tourism Development Index 2024*. Geneva.
7. Государственное агентство по туризму Азербайджанской Республики. (2025).

Статистические данные о развитии туризма. Баку.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ДАГЕСТАНА

Махадов А.К. *– аспирант 4 курса кафедры истории Дагестана Исторического факультета, преподаватель кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин отделения СПО Социального факультета, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*

Аннотация. Экстремизм в молодежной среде обусловлен широким кругом социальных противоречий, не получивших своевременного разрешения, которые начиная с 1990-х гг. приобрели общесистемный и конфликтный характер. Данные процессы охватили все сферы жизнедеятельности республики: экономическую, политическую, социальную, культурную и др. Острота этих противоречий, их неурегулированность и масштабность вовлечения в них различных слоев населения, в т. ч. молодежи, отсутствие видимых перспектив их скорого разрешения обусловливают существование экстремизма в молодежной среде как долговременного фактора социально-политического развития современного Дагестана.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, экстремизм, терроризм, молодежь.

ISSUES OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT OF DAGESTAN

Makhadov A.K. *– 4th year postgraduate student of the Department of History of Dagestan of the Faculty of History, lecturer of the Department of General Educational and Professional Disciplines of the Department of Secondary Vocational Education of the Faculty of Social Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

Abstract. Extremism among young people is caused by a wide range of social contradictions that have not been resolved in a timely manner and have become systemic and conflict-ridden since the 1990s. These processes have affected all areas of life in the republic, including the economic, political, social, cultural, and other spheres. The severity of these contradictions, their unresolved nature, and the widespread involvement of various segments of the population, including young people, as well as the lack of visible prospects for their resolution, contribute to the existence of extremism among young people as a long-term factor in the socio-political development of modern Dagestan.

Keywords: Russia, Dagestan, extremism, terrorism, and young people.

С начала 1990-х гг. экстремизм является устойчивой угрозой безопасности Российской Федерации и Республики Дагестан, затрагивающей жизненно важные интересы личности, общества и государства. Эта угроза имеет многоплановый характер и сопровождается различными проявлениями. В настоящее время существует достаточно широкий спектр видов экстремизма: политический, этнонациональный, религиозный, в молодежной среде и др. [1, с. 210]

Экстремизм в молодежной среде обусловлен широким кругом социальных противоречий, не получивших своевременного разрешения, которые начиная с 1990-х гг. приобрели общесистемный и конфликтный характер. Данные процессы охватили все сферы жизнедеятельности республики: экономическую, политическую, социальную, культурную и др. Острота этих противоречий, их неурегулированность и масштабность вовлечения в них различных слоев населения, в т. ч. молодежи, отсутствие видимых перспектив их скорого разрешения обусловливают существование экстремизма в молодежной среде как долговременного фактора социально-политического развития современного Дагестана. Спектр причин возникновения и распространения экстремизма в дагестанской молодежной среде весьма широк. Значительную роль в нем наряду с внутренними играют внешние факторы, однако влияние первых, несомненно, является определяющим. [2, с. 37]

К *внутренним факторам* можно отнести многочисленные социальные конфликты и противоречия, сформировавшиеся в переходный период становления Республики Дагестан, имеющие объективный и субъективный характер и высокую вероятность их долговременного существования. Одно из главных мест при возникновении и распространении экстремизма в молодежной среде занимают факторы социокультурного и социально-психологического характера. В комплексе этих факторов приоритетное место занимает процесс размывания прежней относительно единой системы социальных ценностей, формирования или усиления негативного влияния замещающих их субкультур на социально-групповых, этнических, религиозных, криминальных и других основах при признании их носителями допустимости или необходимости использования насилия для достижения соответствующих личных или групповых целей. [3, с. 25]

Данный процесс оказывает многоплановое воздействие на возникновение и распространение экстремизма в молодежной среде: формирует скептическое отношение к закону, правопорядку, правам человека; формирует чувство безнаказанности за совершение преступных действий; способствует культу насилия; сопровождается созданием благоприятных материальных предпосылок для дальнейшего роста числа преступлений насильственного экстремистского характера.

Как следствие в дагестанском обществе усиливаются явления этнической и межконфессиональной нетерпимости и противостояния. Так, в настоящее время одной из основных причин роста экстремизма в молодежной среде является этнонациональный фактор, связанный с процессом возрождения этнического самосознания (действительными или мнимыми историческими обидами отдельных этнических групп, интересами и устремлениями этноклановых элит; и многое другое). Однако при этом не должны упускаться из вида и значительные по своему масштабу и дестабилизирующему воздействию *факторы внешнего характера*. К ним, в частности, относятся целенаправленная политика ряда иностранных государств, имеющих экспансионистские геополитические интересы в отношении Дагестана и России, и стремящихся к их достижению при активном использовании пропагандистских центров, разнообразных научных, гуманитарных, благотворительных организаций, а также антироссийская деятельность зарубежных религиозно-экстремистских и националистических структур. Основным содержанием указанной выше деятельности является инспирирование создания в отдельных регионах России экстремистских объединений, прежде всего национал-сепаратистского и религиозно-экстремистского характера, либо поддержка уже функционирующих движений подобного толка. [4, с. 7]

В зависимости от социально-политической обстановки в конкретных регионах Российской Федерации, а именно в Республике Дагестан, и стратегических устремлений иностранных государств и зарубежных экстремистских организаций, их участие в инспирировании или поддержке тех или иных экстремистских течений осуществляется с различной активностью и в различных формах. В ряде регионов Северного Кавказа ведется активная деятельность по разжиганию исламского фундаментализма и поддержке активного сепаратизма. При этом «целевой аудиторией» при реализации указанных выше замыслов как наиболее активная и податливая в идеологическом плане среда выступает именно молодежь, которая является проводником экстремистских идей и основным актором их реализации. Таким образом, изучение факторов возникновения и распространения экстремизма в молодежной среде России и Дагестана позволяет считать, что он порожден, прежде всего, социально-экономическими противоречиями и социально-политическими конфликтами, относящимися к внутренней жизни нашей страны и республики. Исходя из этого, должен быть определен и выбор соответствующих основных средств и направлений его ограничения, и нейтрализации на общегосударственном и республиканском уровнях. [5, с. 52]

Литература:

1. Зорин В. Ю., Рудаков А. В. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: монография. Н. Новгород, 2008. С. 210.

2. Муслимов А., Хайретдинов М. Мусульманское образование в современной России: проблемы и пути решения // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный научный альманах. 2006. № 2 (4). С. 37.
3. Мухетдинов Д. В. Мусульманское духовенство России: возможности и пути возрождения статуса группы элиты // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный научный альманах. 2006. № 2 (4). С. 25.
4. Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России. М., 2005. С. 7.
5. Степанова Е. Основные тенденции в области современного терроризма: регионализация вооруженных радикально-исламистских движений на примере ИГИЛ // Индекс безопасности. 2014, № 4 (111). С. 52.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЖЕНЩИНАМИ, ИМЕЮЩИМИ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Маскалянова С.А. *– кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социального образования и социологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*
Тепловодских С.И. – *студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются как теоретические, так и прикладные аспекты социальной работы с женщинами, воспитывающими детей раннего возраста. Анализируется проблема совмещения родительских функций и трудовой занятости как одного из ключевых вызовов современной социальной политики. Представлен опыт Липецкой области по развитию новых технологий социальной работы с женщинами, имеющими детей, направленных на их поддержку в разных сферах жизнедеятельности.
Ключевые слова*:* социальная работа, новые социальные технологии, женщины, трудовая занятость, Липецкая область, социальная поддержка.

SOCIAL WORK WITH WOMEN WITH YOUNG CHILDREN IN THE CONTEXT OF NEW SOCIAL TECHNOLOGIES: REGIONAL EXPERIENCE

Maskalyanova S.A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia.
Teplovodskikh S.I. – student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia.

Annotation. This article examines both theoretical and practical aspects of social work with women raising young children. It analyzes the problem of reconciling parenting and employment as one of the key challenges of modern social policy. It also presents the Lipetsk Region's experience in developing new social work technologies for women with children, aimed at supporting them in various aspects of their lives.
Keywords: social work, new social technologies, women, employment, Lipetsk region, social support.

Современная российская действительность сопряжена с целым рядом социально-экономических и политических проблем, осложняющих демографическую ситуацию в стране. Это требует разработки новых подходов к обеспечению социальной защиты института семьи в целом и поддержки молодых женщин, имеющих малолетних детей, в частности. В период отпуска по уходу за ребенком у женщин возникает масса проблем, обусловленных снижением материального уровня, временной профессиональной изоляцией, изменением социального статуса, снижением конкурентоспособности на рынке труда. В то же

время, как отмечают современные исследователи, женщины, ухаживающие за малолетними детьми, сохраняют значительный трудовой потенциал. Ввиду этого возникает целесообразность пересмотра существующих подходов к организации трудовой занятости этой категории граждан с тем, чтобы внедрить новые механизмы трудоустройства с учетом совмещения материнских и профессиональных функций [1, с. 34-36].

Конечно, в современных условиях проблема совмещения деятельности по воспитанию детей и профессиональной деятельности является своего рода «камнем преткновения» для государственной социальной политики. Здесь не существует однозначных решений. Трансформация современного института семьи, материнства и детства требует комплексного подхода, учитывающего все аспекты данной проблемы, как социально-экономические, так и психологические [4, с. 5-6].

Отечественная социальная работа с семьей акцентирует внимание на использовании ее внутренних ресурсов, активации потенциала членов семьи для самостоятельного решения возникающих трудностей [6, с. 287]. Соответственно новые технологии социальной работы – это инновационные подходы к решению социальных проблем, ориентированные на установление партнерских отношений между клиентом и специалистом, оказывающим ему поддержку. Применительно к женщинам с малолетними детьми, это предполагает необходимость их индивидуального сопровождения с учетом особенностей материального положения, уровня притязаний, психоэмоционального состояния, наличия конкретных профессиональных компетенций и возможностей их актуализации. Важно создать механизмы совмещения деятельности по уходу за малолетними детьми и трудовой деятельности. Это может быть гибкий рабочий график, дистанционный формат работы, неполный рабочий день [1, с. 36]. Как правило, значительная часть женщин имеет желание заниматься трудовой деятельностью в период отпуска по уходу за ребенком, но не знает, как и где получить нужные вакансии для частичной занятости. Поэтому в социальной работе с ними целесообразно применять технологии, способствующие активизации личностной позиции, например, технологию наставничества, индивидуальное консультирование, содействие самозанятости, обучение предпринимательской деятельности, психологическую поддержку с целью восстановления профессиональной уверенности и преодоления негативного психоэмоционального фона.

Современная концептуальная парадигма социальной работы предполагает учет сильных сторон личности клиента, а не акцентирование внимания на его дефицитах. Ввиду этого материнство должно рассматриваться не как препятствие для построения карьерной траектории, а как важный личностный ресурс, обогащающий женщину, развивающий ее эмоциональные и социальные качества. Безусловно, эффективность технологий социальной работы с данной категорией граждан во многом будет зависеть от координации усилий разных ведомств: служб занятости, органов социальной защиты, образовательных структур, некоммерческих организаций. Подобное межведомственное взаимодействие позволит предупредить такое нежелательное явление как длительная безработица женщин.

На государственном уровне поддержка работающих женщин, имеющих детей, обеспечивается также внедрением корпоративного демографического стандарта, принятого в 2025 году приказом Росстандарта. Это создает институциональные условия для обеспечения на системной основе гибких форм занятости женщинам с детьми, что снижает риск их увольнения или длительного перерыва в работе. Данный документ предусматривает льготы для работающих матерей, например, неполный рабочий день, гибкий рабочий график или возможность дистанционной работы для беременных и многодетных женщин. Стандарт рекомендует работодателям вводить единовременные выплаты при рождении ребенка, обеспечивать доплаты по уходу за детьми, осуществлять компенсацию добровольного медицинского страхования для женщин с детьми [2].

Анализируя опыт Липецкой области, отметим, что здесь на комплексной и системной основе реализуется социальная политика поддержки семей с детьми. Благодаря государственной программе «Социальная поддержка граждан, реализация семейно-демографической политики Липецкой области» появляются новые социальные технологии, позволяющие стимулировать рождаемость, поддерживать занятость родителей, повышать общий

уровень жизни семей с детьми. К таким технологиям можно отнести проект «Мама работает», запущенный по инициативе Правительства Липецкой области при поддержке государственного портала «Работа России». В рамках проекта осуществляется сопровождение женщин, имеющих маленьких детей, в рамках которого женщины получают психологическую поддержку, профессиональную ориентацию, обучение и трудоустройство. Одним из достижений Липецкой службы занятости стало открытие женского клуба, который стал продолжением проекта «Мама работает». Инновационное пространство клуба стало площадкой для личностного и профессионального роста молодых мам [5]. Особенностью работы клуба является то, что он носит практико-ориентированный характер. Занятия в нем не предполагают только теоретическое информирование, здесь проводится активная тренинговая и обучающая работа по составлению резюме для работодателя, репетируются собеседования, выстраивается индивидуальная профессиональная траектория с учетом ограничений, обусловленных уходом за ребенком. Отдельное внимание уделяется профессиональной переподготовке, учитывающей образовательный и профессиональный уровень женщин, а также обучению навыкам предпринимательской деятельности. Отдельно необходимо выделить направление работы службы занятости, реализуемое в рамках федерального проекта «Мама-предприниматель». Мамы, имеющие желание заниматься предпринимательской деятельностью, обучаются регистрации индивидуального предпринимательства и самозанятости, разбираются в основах маркетинга и налогообложения.

Еще одним проектом, стартовавшим в Липецкой области в 2025 году, стал проект «Как все успевать: быть успешной дома и на работе». Этот образовательный проект в формате подкастов может быть интересен разным категориям женщин с разной степенью занятости. Выпуски курса, сочетающие в себе полезную информацию о возможностях трудоустройства с информацией об актуальных мерах поддержки (пособиях, выплатах, материнском капитале) можно слушать в удобное время: дома, в дороге, в процессе домашних дел.

Технологии социальной работы с женщинами, имеющими малолетних детей, реализуются и через деятельность некоммерческих организаций. Например, в Липецке, на базе некоммерческой организации «Маяк», функционирует клуб для многодетных матерей и мам детей с особенностями развития «Перезагрузка». Программа клуба достаточно разнообразна, она включает в себя спортивные и творческие занятия, психологическую разгрузку для мам, а также занятия с тьюторами и педагогами для детей. Это позволяет мамам отвлечься от своих повседневных обязанностей по уходу за детьми и сосредоточиться на своем физическом и психологическом восстановлении [3]. Работа клуба предполагает организацию посещений театров, музеев, экскурсий. Это способствует расширению социальных контактов женщин, преодолению социальной изоляции ввиду ухода за детьми.

Представляют интерес и проекты, реализуемые центром помощи семье и детям «Большая медведица». Это учреждение кризисного вмешательства, направленное на предупреждение развития социального сиротства, и сохранение семьи в случаях, когда женщина с ребенком оказывается без средств к существованию, без жилья. В центре предоставляется временное жилье, оказывается психологическая помощь и юридическая поддержка. Подобные меры позволяют стабилизировать ситуацию, в которой оказалась женщина, а также выстроить траекторию своей дальнейшей жизни. Особое внимание уделяется случаям семейного (домашнего) насилия, которому подвергаются женщина и дети.

Организационная модель социальной поддержки женщин, имеющих детей, в Липецкой области достаточна эффективна и имеет статистически подтвержденные результаты. Например, в успешно функционирующий проект «Мама работает» за 2022-2023 календарный год вошли более 200 женщин, имеющих маленьких детей. Важным результатом реализации проекта является высокий процент трудоустроенных женщин, самозанятых, получивших новую специальность или прошедших профессиональную переподготовку [5].

Благодаря участию в проектах «Мама работает» и «Мама-предприниматель» многие женщины, получив необходимые знания в области предпринимательства, смогли наладить свой собственный бизнес, а также получить грантовую поддержку на реализацию своих идей.

Проведенный теоретико-практический анализ позволяет сделать ряд выводов относительно того, каким образом в современных условиях развиваются технологии социальной работы с женщинами, имеющими малолетних детей, и насколько эффективны меры социальной поддержки этой категории граждан.

Во-первых, проблема совмещения родительских функций и трудовой занятости является комплексной. Это предполагает, что ее решение должно носить системный и межведомственный характер. В решение проблем женщин с детьми должны быть вовлечены разные структуры и ведомства, включая некоммерческие организации. Кроме того, помощь женщинам должна оказываться по разным направлениям и включать разнообразные аспекты: психологический, социальный, экономический. Например, решение проблемы трудоустройства зачастую сопряжено с преодолением психологических барьеров, развитием важных личностных качеств: уверенности в себе, инициативности, коммуникабельности.

Во-вторых, новые технологии социальной работы лишены патернализма и основаны на принципе активизации ресурсов личности. Подобный подход ориентирует женщин на более активную позицию в ходе получения поддержки со стороны государства, результатом чего является развитие социальных связей, повышение личностной самооценки, приобретение важных профессиональных и социальных навыков. Сегодня многие женщины, опираясь на государственную помощь, успешно открывают свое дело и реализуют себя в качестве предпринимателей.

В-третьих, результативность любой технологии определяется учетом потребностей женщин с детьми как целевой группы. Например, участие женщин в каких-либо проектах должно сопровождаться возможностью временного пребывания детей с педагогами, воспитателями, тьюторами или иными специалистами. В кризисных ситуациях женщинам должно предоставляться временное жилье.

В-четвертых, современная законодательная база закрепляет долгосрочные инициативы и проекты поддержки женщин с детьми. Это позволяет достигать стабильных результатов на протяжении длительного времени, а не в краткосрочной перспективе.

Безусловно, в каждом российском регионе есть свои достижения в области социальной поддержки женщин с детьми. Однако и Липецкий опыт может быть рекомендован к масштабированию в других субъектах Российской Федерации с учетом местной специфики и ресурсных возможностей. В перспективе развитие технологий социальной работы с женщинами, имеющими детей, должно быть направлено на создание таких условий, при которых женщины могли и хотели бы реализовывать свой потенциал в разных сферах занятости. Это возможно при объединении усилий как со стороны государства, так и со стороны частных и общественных структур, вовлеченных в женскую проблематику.

Литература:

1. Василенко И.В., Егорова Ю.С. Социально-экономический потенциал молодых женщин с несовершеннолетними детьми и перспективы его использования в трудовой деятельности // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 9. – С. 33-38.
2. ГОСТ Р 72119-2025. Меры поддержки «Корпоративный демографический стандарт». Правила формирования корпоративных программ. – М.: Росстандарт, 2025.
3. Клуб мам «Перезагрузка» [Электронный ресурс] // ДОБРО.РФ. https://dobro.ru/project/10052152
4. Колоколова Е.О., Минеева И.Н., Моисеева Е.Н. и др. Институты семьи, материнства и детства в условиях трансформации общества и права: монография. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 163 с.
5. Первый женский клуб открыли в центре занятости Липецка [Электронный ресурс] // Национальные проекты РФ. – 09.03.2024. https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/pervyy-zhenskiy-klub-otkryli-v-tsentre-zanyatosti-lipetska/
6. Торохтий В.С. Социальная работа с семьей. Психолого-педагогическое обеспечение: учебник для вузов. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Юрайт, 2025. – 511 с.

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МАГИСТРОВ СРЕДСТВАМИ CASE-ТЕХНОЛОГИЙ

Алиева Б.Ш. *– доктор педагогических наук, зав. кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется феномен социально-технологической деятельности магистрантов социальной работы. Выделяются особенности социально-технологической деятельности с различными категориями целевых групп социальной работы. Рассматриваются категории «мотив», «мотивация», подчеркивается их значимость для магистрантов социальной работы. Описываются формы и методы обучения магистрантов: деловые игры; CASE-технологии и показывается их влияние на формирование мотивации магистрантов. Предлагается анализ результатов экспериментальной работы по формированию мотивации к социально-педагогической деятельности у магистрантов социальной работы.
Ключевые слова: CASE-технологий, мотивация, престиж.

Annotation. This article analyzes the phenomenon of social work master's degree students' socio-technological activities. It highlights the specific characteristics of social work activities with various target groups. The categories of "motive" and "motivation" are examined, emphasizing their importance for social work master's degree students. The article describes the forms and methods of teaching master's degree students, including business games and CASE technologies, and demonstrates their impact on the development of master's degree students' motivation. An analysis of the results of experimental work on developing motivation for social work master's degree students' socio-pedagogical activities is presented.
Keywords: CASE technologies, motivation, prestige.

В условиях социально-экономических перемен, которые затрагивают систему общего и профессионального образования, отражающиеся в ценностно-целевых ориентирах отечественного образования, характеризуются необходимостью решения высшей школой проблемы качественной подготовки выпускников, осуществлению социально-педагогической деятельности.

Для достижения назначенной цели в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», особый акцент был сделан на обеспечение инновационного характера системы образования в соответствии с социально-экономическими вызовами и инновационным характером экономики [7].

Формирование суверенной модели российского образования требует глубокого теоретического осмысления накопленного опыта и выработки инновационных подходов, сочетающих универсальные тенденции развития мирового образовательного пространства с национальными приоритетами и ценностями.

А современная модель подготовки кадров и обеспечение профессионального роста, в условиях быстрой смены различных технологий предполагает осознание, понимание и оценивание собственного профессионального опыта, способность видеть свой профессиональный труд в целом, быстро и конструктивно приводить свою деятельность в соответствии с новыми ценностными ориентациями, умением овладеть новыми технологиями.

Подготовка магистров к осуществлению социально – технологической деятельности определяется: подготовкой образованной, творческой личности педагога, способной к непрерывному развитию, к успешной жизнедеятельности в изменяющихся образовательных условиях; реализации целей современного образования к достижению его качества, готовых к самостоятельной преобразующей творческой деятельности, к инновационному обучению. Система образования, с одной стороны, отражает состояние и тенденции развития общества, с другой – является проводником и помощником человека в его развитии и самореализации.

Социальная работа представляет собой один из многоплановых и трудоемких видов социально-технологической деятельности, «позволяющей эффективно отражать осо-

бенности социальной динамики» [2, С. 95-100] «формирования новой социальной реальности» [3, С. 64-68], «которую правильно рассматривать как процесс непрерывного обновления» [4, С. 26-29].

Сложный характер социальной работы объясняется тем, что ее объектами являются различные категории получателей социальных услуг, каждой из которых свойственны специфические проблемы. В нашей стране престижными считаются профессии, которые связаны с властью, высокой заработной платой и влиянием. Не имея всего этого, профессия специалиста по социальной работе в этот список не входит, несмотря на то, что это, пожалуй, одна из значимых и благородных профессий. В этом также заключается противоречие: профессия необходима не только населению, но и государству, специалисты по социальной работе посвящают себя служению людям, но в то же время профессия не имеет престижа у населения, а также среди молодежи при выборе профессионального будущего.

Престиж профессии отражает авторитет, влиятельность и уважение, которыми наделяются те или иные виды деятельности, и является феноменом общественного сознания. Имиджем профессии в свою очередь называют «совокупность общественного восприятия данной профессии, формируемое путем собственного опыта, на основе мнений и слухов, циркулирующих в обществе, сообщений средств массовой информации» [23].

Разрешение этих противоречий и поиск путей формирования положительного профессионального имиджа специалиста по социальной работе и общественном сознании, стимулирование магистров на профессиональный выбор в пользу социальной работы и есть проблема данного исследования.

Социально-педагогическая деятельность при работе с с детьми предполагает разработку и эффективное применение социально-педагогических технологий, обеспечение высокой культуры технологий социальной защиты, социального обслуживания и социальной поддержки населения, а также решение специалистами социальной работы ряда других задач. Совокупность задач социально-педагогической инфраструктуры воспитания детей сконцентрирована в перечне социально-педагогических услуг, содержащемся в Национальном стандарте Российской Федерации, принятым и введенным в действие Постановлением Госстандарта России от 24.11. 2003г. № 327 –ст.:

- социально-педагогическое консультирование;
- социально-педагогическая диагностика и обследование личности;
- педагогичекая коррекция;
- анимационные услуги (экскурсии, посещения театров, выставок, концерты художественной самодеятельности, праздники, юбилеи и другие культурные мероприятия). Организация и проведение клубной и кружковой работ для формирования и развития интересов клиентов;
- содействие в получении образования инвалидами с учетом их физических возможностей и умственных способностей; создание условий для получения школьного образования по специальным программам; создание условий для получения инвалидами среднего специального и профессионального образования;
- услуги, связанные с социально-трудовой реабилитацией: создание условий для использования остаточных трудовых возможностей, участия в лечебно-трудовой деятельности; проведение мероприятий по обучению доступным профессиональным навыкам, восстановлению личностного и социального статуса;
- организация профессиональной ориентации, профессионального обучения, трудоустройства подростков и др.

Помощь оказывается путем предоставления социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых, социально-психологических и других услуг. Успешно применяются оздоровительные технологии - оказание услуг по массажу и физиотерапии, а также проведение занятий по лечебной физкультуре.

В этой связи следует отметить, что профессиональное становление специалистов социальной работы, эффективность подготовки бакалавров и магистров социальной работы во многом зависит от понимания предмета деятельности будущим профессионалом, его мотивации к профессиональной деятельности и освоения необходимых компетенций,

овладения базовыми умениями и навыками, позволяющими с первых шагов в профессии решать разные по сложности задачи социально-помогающей деятельности [5, С. 225-228]. Проблемами мотивации к профессиональной деятельности занимались такие ученые, как О. Н. Базаева, А. Ю. Васильева, А.А. Литвинюк.

Мотивация - это совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека действовать специфическим, целенаправленным образом для достижения определенных целей.

Мотив - это побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта, осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности [5, С. 225-228].

Независимо от весьма разнообразного спектра потребностей и побуждений, которые относятся к мотивационной сфере, мотивация магистрантов к социально-технологической деятельности во многом объясняется особенностями профессиональной деятельности, социальным окружением магистранта. В этой связи актуальность исследования мотивационного аспекта подготовки магистрантов социальной работы к социально- педагогической деятельности приобретает все большее значение в современной педагогической практике. «При отборе содержания обучения необходимо учитывать как специфику содержания, так и методы его усвоения» [1, С. 9-12], «к числу которых можно отнести содержание и организацию самой учебной и воспитательной деятельности» [4, С. 230-232], требующих квалификации педагогического мастерства и творческой инициативы [3, С. 109-119].

При обучении в магистратуре можно выделить несколько основных мотивов, определяющих отношение магистрантов к подготовке к социально-педагогической деятельности:

- мотив самореализации. Для данного мотива профессиональной деятельности характерно стремление к более полному выявлению и развитию своих способностей и реализации их в профессиональной деятельности, творческий подход к решению стоящих задач. Мотив самореализации проявляется в предпочтении сложных, нетиповых задач, ориентации на качественный результат, на поиск нетрадиционных подходов в решении профессиональных задач, способности увидеть новое и перспективное в обычной ситуации, высокой чувствительности к оригинальным идеям;
- мотив гарантии карьерного роста. Для данного мотива характерно стремление к высококачественному выполнению поставленных задач, решение более сложных задач. Мотив гарантии карьерного роста проявляется в постоянном самообразовании, повышении профессионального уровня, стремлении к выполнению поставленных задач в сжатые сроки с обязательно высоким результатом, в ориентации в действиях на оценку начальства, умение быть в центре внимания при достижении успехов и в тени - при неудачах, гибкости в работе с руководством;
- мотив престижа, социального признания. Для данного мотива характерно стремление к высокой социальной оценке своих заслуг, авторитету и уважению, известности, получению достойного статуса в обществе, занятию хорошей должности [5].

В контексте исследования обратимся к процессу формирования мотивации к профессиональной деятельности у магистрантов в процессе обучения. Многолетний опыт практической работы показывает, что наиболее релевантными технологиями формирования мотивации к профессиональной деятельности магистрантов являются: деловые игры, «от дерева проблем – к дереву решений», CASE-технологии [6].

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждает «ФГОС высшего образования, по направлению подготовки 39.04.02. Социальная работа, где в качестве результата освоения основной образовательной программы высшего образования должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, овладение которыми обеспечит готовность действовать будущих социальных работников в изменяющихся условиях, к способности применять теоретические знания для решения практических профессиональных задач и овладению умениями профессионального самообразования и личностного роста»[8].

В русле деятельностного подхода в зоне первичного внимания находится деятельность самого студента и педагогической основой обучения является «активная познавательная деятельность самого учащегося, приводящая к формированию умения творчески мыслить, используя приобретаемые в процессе деятельности знания, навыки и умения» [2,с.46].

Современные инновационные образовательные технологии направлены на повышение творческой индивидуальности, способствующие индивидуализации, дистанционности и мобильности образовательного процесса, не смотря на возраст школьников и уровень знаний. Профессия социального работника как отдельная отрасль сформировалась не так давно, но зачатки этой профессии уходят глубоко в древность. Еще в языческие времена люди понимали, что есть люди, которые нуждаются в помощи и заботе. Помощь эта была, конечно, не организованная и достаточно примитивна, но в ее основе во все времена лежали лучшие чувства человека – сострадание, долг к родным и близким.

Может быть, следующие слова выглядят слишком высокопарно, но в них кроется идея и смысл работы служб социальной помощи населению. Это высказывание Вальтера Скотта: «Если люди не научатся помогать друг другу, то род человеческий исчезнет с лица земли». В настоящее время социально-экономическая и постоянно усложняющаяся политическая обстановка приводит к появлению все новых стрессовых ситуаций, не только в быту, но и в профессиональной деятельности людей. Все больше в нашем обществе появляется людей, которые находятся в состоянии социально-политической дезадаптации. Профессиональная деятельность социальных работников связана с общением, которое требует затрат эмоциональных сил.

Сегодня предложена формула компетентности- это очень выгодная перспектива, так как это ориентация на результативность. Так каковы же основные ее составляющие?

- Во-первых, знание, но не просто информация, если знание подтолкнуло к мысли, то в этом ее развивающий эффект. Безграмотными в XXI веке считаются не те, кто не умеет читать или писать, а те, кто не умеет переучиваться, и не проявляет способности меняться в соответствии с требованиями времени. А мы живем в информационный век, поэтому важно найти эту информацию, отсеять от ненужной, перевести в собственный опыт;
- Во-вторых, необходимо применить эти знания в конкретной ситуации, уметь оперативно и быстро «заземлить» для решения практических задач, ориентированных на конечный результат;
- В-третьих, необходимо уметь размышлять о собственном психическом состоянии и обладать склонностью анализировать свои знания и переживания, адекватно оценивать себя, свое место в мире, конкретных знаний, необходимости или ненужности их для своей деятельности, а также метода их получения или неиспользования. Формула компетентности: Компетентность * мобильность знаний + гибкость метода + критичность мышления.

В свою очередь понятие профессиональные компетенции будущих социальных педагогов**,** как показателя его имиджа – это совокупность деловых и профессиональных качеств, позволяющих эффективно решать поставленные профессиональные задачи и представлений как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом.

Дагестанский государственный университет сегодня является одним из образовательных учреждений повышенного уровня инновационного вида, где идет активный процесс реформирования всей образовательной системы, характеризующийся разработкой и применением обновленных дидактических подходов, современных информационных средств, направленный на удовлетворение разнообразных образовательных потребностей личности обучающегося, соответствующих требованиям «потребителей образовательных услуг».

Многолетний опыт педагогической работы в вузе подтверждает, что применение разнообразных инновационных методов, на основе проектных методов в учебной работе высшего образования повышает у студентов интерес к самой учебно-познавательной деятельности, способствует мотивации учащихся и в купе решает комплекс воспитательных, обучающих, поставленных задач.

В вузе представлено большое количество инновационных технологий, которые активно применяют на занятиях в процессе обучения. Для проверки эффективности

применения инновационных проектных методов в учебном процессе социального факультета, нами были проведены семинарские занятия по дисциплине «Объектно-субъектно ориентированные кейс-технологии» с магистрантами второго года обучения в двух формах, первое в форме игрового моделирования с магистрами второго года обучения социального факультета профиля «Социальная работа в различных сферах жизнедеятельности» Тема: «Профессиональная компетентность социального работника», такая форма проведения занятия формирует у магистров компетентность в разных ролях профессиональной деятельности. Деловая игра требует от преподавателя большой подготовительной работы. Ролевое исполнение магистрами активизирует рефлексию студентов на неожиданные ситуации, стимулирует мыслительную деятельность, тренирует межличностные отношения. Другое занятие мы провели в форме «От дерева проблем – к дереву решений». Тема: «Социальное сиротство: истоки проблемы и пути его решения».

Цель технологии: научить студентов логике развития научной мысли, содействовать развитию качества знаний и умений: оперативности и гибкости, системности и интегративности, мотивированности, эмоциональности и действенности, способствовать формированию у студентов настрою на поиск новых фактов, развитию качеств ума, формирование опыта общения и сотрудничества между студентами и преподавателем в учебном процессе.

Когда задача излагается образно, в виде метафоры, рисунка, иероглифа, сознание воспринимает её легче и легче справляется с решением. А самым понятным для сознания образом будет нечто архетипическое, глубинное, понятное всем культурам во все времена. Один из таких вечных и древних архетипов – архетип Дерева. Мировое Древо – это самый старый и универсальный символ, которым можно охватить, описать практически всё, что есть во Вселенной. Поэтому неудивительно, что многие креативные техники работают с образом Древа, используя его по-всякому. Это звучит неправдоподобно, но такая техника очень быстро приводит людей, ей овладевших, к решению проблемы. И дело тут не в архетипе дерева, просто когда кто-либо начинает думать, особенно подключая образное мышление, его задачи решаются быстрее и легче, чем у других. Её назначение заключается в формулировании, в конечном итоге, совокупности задач, решение которых позволяет устранить проблему или смягчить её остроту. Совокупность таких задач представляет собой план или программу действий по решению проблемы. Метод дерева решений имеет большое значение для разработки эффективных социально-управленческих решений и является одним из наиболее популярных методов, используемых на этапе выбора альтернатив, является техникой использования архетипа дерева, использование наглядности.

На занятиях у учащихся профиля формируется умение дискутировать, отстаивать свою точку зрения, изыскивать убедительные аргументы. В предлагаемой статье собран и систематизирован материал, определяющий возможности занятий по социально-педагогическому блоку для профессионально ориентированной подготовки выпускников социального факультета. Нами взято одно из направлений работы – игровое моделирование, что обусловлено актуальностью проблемы формирования активной жизненной позиции, умения грамотно формулировать и отстаивать собственную точку зрения.

Многолетний опыт преподавания социально-педагогических дисциплин в условиях вуза обеспечивает обоснованными доказательствами наш вывод о необходимости использования на занятиях таких методических приемов, которые оказывают позитивное влияние на развитие познавательной активности обучаемых.

Педагогические условия способствующие повышению мотивации и в купе решающие комплекс воспитательных, обучающих, поставленных задач, посредством преподавания социально-педагогических дисциплин -

- создание педагогических ситуаций, направленных на реализацию событийного подхода, возможность освоения учащимися различными видами деятельности: читательские конференции, диспуты, систематические дискуссии по духовно-нравственным проблемам с учащимися; включение учащихся в коллективную деятельность в парах, группах; повышение результативности и эффективности учебного процесса за счёт использования разнообразных методов и средств обучения на разных этапах занятий ;

- включение учащихся и педагогов в современное информационное пространство, способствующее активизации творческого потециала школьников посредством применения аудио-, видеосредств обучения, возможность показать некоторые процессы в динамике (видеофрагменты, анимация), способствующие усилению индивидуального подхода
- применение на занятиях традиционных и инновационных, технологических средств, способствующих большей наглядности и качественному наполнению воспитательного, мировоззренческого потенциала учебного процесса: мультимедийные проекты, компьютерные справочники, видеофильмы, для обеспечения гибкости управления учебным процессом;

В результате проведенной нами работы мы определили и выделили следующие особенности и преимущества использования инновационных технологий:

В процессе такого обучения необходимо не только, личностное принятие учеником основных компьютерных технологий, но важно обеспечивать и создавать педагогические условия для того, чтобы ученик осознавал себя субъектом деятельности на основе создания ситуации «включения» личностного образовательного потенциала, индивидуальных способностей, мотивов. Следовательно, что может обеспечить созданная учителем педагогическая ситуация.

Сегодня становится настоятельной необходимость развития творческой инициативы, а коммуникативные умения характеризуются как важная составляющая профессиональной компетентности. В связи с таким подходом увеличивается значимость социально-педагогической подготовки выпускников социального факультета, где занятия по профилю «Социальная работа в системе образования» приобретают ярко выраженную профессиональную направленность, определяющую и отбор социально-педагогической информации, и содержание дидактического материала, неукоснительно связанного с профессиональной компетентностью специальности.

Мы разработали модель формирования профессионального имиджа специалиста по социальной работе, включающая следующие пути повышения позитивного профессионального имиджа специалиста по социальной работе:

- Разработка стратегии преодоления профессиональных деструкций на основе диагностики профессиональных деформаций;
- Разработка программы повышения компетентности (социальной, психологической, личностной, общекультурной, деловой);
- Создание организационных условий для прохождения тренингов научно-методического, личностного, коммуникативного и профессионального роста;
- Разработка альтернативных сценариев дальнейшего личностного, профессионального роста, на основе рефлексии профессиональной биографии;
- Овладение приемами, способами саморегуляции эмоционально-волевой сферы и самокоррекции профессиональных деформаций;
- Овладение методиками инновационных форм и технологий социальной работы, обеспечивающих результативность на основе реализации концепции самопомощи;
- Проведение среди социальных работников конкурсов, олимпиад, смотров профессиональных достижений

Профессиональная компетентность социального работка проявляется в его умении решать рабочие задачи на хорошем уровне и добиваться результатов, т.е. умение оказывать социальные услуги качественно. А показателями оказываемых услуг является степень удовлетворенности услугами у получателей социальных услуг. Как известно, конечная цель социального работника – это достижение такого результата, когда необходимость помощи социального работника у клиента отпадает, когда увеличивается способность контролировать свою жизнь, более эффективно разрешать возникающие проблемы.

Применение современных образовательных технологий позволило наполнить занятия новым содержанием, развивать творческий подход к будущей профессиональной деятельности, любознательность, формировать культуру межличностного общения, прививать навыки коллективной работы, поддерживать самостоятельность в освоении возможностей информационных технологий и идти в ногу со временем.

Мы назвали лишь часть проблем, естественно и закономерно возникающих в учебно - воспитательном процессе школы на современном этапе ее развития именно в связи с использованием инновационных проектных методов.

Применение деловых игр в практике обучения магистрантов социальной работы способствует повышению уровня мотивации магистрантов к социально-технологической деятельности. Таким образом, использование деловых игр в процессе обучения оказывает влияние на мотивы магистрантов, рассмотренные выше: мотив самореализации - способствует раскрытию способностей магистрантов и использованию оригинальных способов разрешения поставленных задач; мотив гарантии карьерного роста - способствует стремлению проявить свои способности, выполнить поставленные задачи, не подвести команду; мотив престижа, социального признания - стимулирует на выполнение игровых заданий, поиск наиболее оптимального решения поставленных задач, стремление получить одобрение от команды.

В процессе опытно-экспериментальной работы использовались кейс-технологии при проведении практических занятий по дисциплине «Объектно-субъектно ориентированные кейс-технологиии». Магистрантам были предложены кейсы:

Одно из важнейших направлений сотрудничества педагогов школы и родителей является предупреждение нарушений прав ребенка в семье, где чаще всего это нарушается.

Большинство родителей считают допустимым шлепнуть ребенка за провинность – за дело ведь, накричать – а чтобы язык не распускал, назвать идиотом и тупицей – чтобы учился лучше и действительно таковым не стал.

При этом они не видят в таких «воспитательных мерах» ничего предосудительного – что такого, ведь они действуют исключительно из благих побуждений, да и их самих именно так и воспитывали. На самом же деле это самые настоящие проявления насилия – физического или психологического, которое и является самой распространенной формой нарушения прав ребенка.

Магистрантам было дано задание собрать информацию о семье, социальных характеристиках семьи, определить воспитательные проблемы и выбрать пути решения проблем ребенка. Для разрешения ситуации магистрантами было предложено следующее: познакомить родителей с законодательными актами, направленными на защиту прав и достоинств ребенка. Одной из форм решения поставленной задачи выступило проведение общеклассных родительских собраний. Учителями были разработаны и проведены собрания на тему «Права ребенка». Познакомьтесь с планом-конспектом, разработанным учителем истории и естествознания, и ответьте на предложенные вопросы.

Опыт использования данных технологий показал, что активное включение магистрантов в практическую деятельность способствует повышению мотивации к социально-педагогической деятельности и оказывает влияние на формирование мотивов: на мотив самореализации - участие в рассмотрении конкретной ситуации способствует развитию умений предлагать решение проблемы; на мотив карьерного роста - непосредственное участие в разработке решения проблем клиентов способствует повышению качества выполнения заданий; на мотив престижа, социального признания - стремление найти такое решение поставленной задачи, чтобы заслужить похвалу от окружающих.

В рамках проведения экспериментальной работы было проведено исследование. Магистрантам были предложены на выбор мотивы-утверждения.

Магистрантам социальной работы было предложено отметить, насколько важно для них каждое утверждение по четырех бальной шкале.

С целью изучения уровня мотивации магистрантов к профессиональной деятельности был проведен опрос магистрантов на начальном этапе обучения и после его завершения. В ходе экспериментальной работы было опрошено 24 человека.

Результаты исследования представлены на рисунках

1. Иметь продвижение по карьерной лестнице
2. Получить интеллектуальное удовлетворение
3. Иметь возможности для роста мастерства
4. Добиться одобрения окружающих

5. Достичь уважения окружающих
6. Получать хороший результат труда
7. Обеспечить успешность профессиональной деятельности
8. Иметь престижную профессию
9. Приобрести глубокие проф. знания
10. Иметь возможность приносить пользу людям
11. Успешно продолжать обучение в магистратуре
12. Получить диплом, стать высококлассным специалистом

Результаты опытно-экспериментальной работы показывают, что в начале обучения для большей части респондентов основными мотивами для обучения в магистратуре стали: стремление стать высококвалифицированным специалистом (13 чел.), получить диплом (12 чел.) и приобрести глубокие и прочные знания по профессии. После проведения эксперимента выяснилось, что основными мотивами для обучения в магистратуре стали: иметь возможность приносить пользу людям (17 чел.), обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности (13 чел.) и иметь возможность для роста профессионального мастерства (12 чел.).

Таким образом, использование в практике обучения магистрантов социальной работы определенных техник и средств проведения практических занятий, позволяет повысить уровень мотивации к социально-технологической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкина Ю. С., Морозова Т. П. Психолого-педагогическая готовность выпускника педагогического вуза к включению в профессиональную деятельность // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - №3. - С. 9-12.

2. Бадмаев Б.Ц. Методика преподавания психологии: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.

3. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социальнообразовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.

Говердовская Е. В., Мкртычева Н. М. Организация воспитательного пространства современного вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2025- № 9. - С. 230-232

4. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю. Социально-философский аспект научноинформационной деятельности в системе общественного развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 9. - С. 26-29.

5. Зритнева Е. И., Горлова Е. Б. Мотивационный аспект профессиональной подготовки студентов к социальной работе // Социальные и педагогические технологии: теория и практика. Материалы IV международной заочной научно-практической конференции / Под общ. Ред. проф. Клушиной Н.П., Зритневой Е.И. - Ставрополь: СКФУ,

6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования // Приказ Минобрнауки РФ от 05.02.18 N 80 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 39.04.02 Социальная работа (уровень магистратура»

ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ОПЫТ КБР)

Коготыжева Алина Кушбиевна *- ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино–Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова КБР, Нальчик, Россия.*

Коготыжева Амина Кушбиевна *- студентка 4 курса направления «Туризм», Кабардино–Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова КБР, Нальчик, Россия.*

Аннотация. Статья посвящена анализу федеральной программы «Обучение служением» как инструмента преодоления социальной апатии и патернализма в молодежной среде. Авторы рассматривают программу, интегрирующую академическое образование с решением общественно значимых задач, в контексте вызовов цифровизации. На основе практического опыта выделены ключевые трудности реализации: сложности с поиском социальных партнеров, бюрократические и технические барьеры, дефицит ресурсов педагогов и низкая мотивация студентов.
Ключевые слова: образование, молодежь, проектирование, социальный проект, грантовая поддержка, КБГУ, обучение служением

SERVICE-LEARNING AS A SOCIAL TECHNOLOGY OF THE NEW REALITY (THE KBR EXPERIENCE)

Abstract. This article analyzes the federal program "Service Learning" as a tool for overcoming social apathy and paternalism among young people. The authors examine the program, which integrates academic education with the solution of socially significant problems, in the context of the challenges of digitalization. Based on practical experience, key implementation challenges are identified: difficulties finding social partners, bureaucratic and technical barriers, a lack of teacher resources, and low student motivation.
Keywords*:* neducation, youth, design, social project, grant support, KBSU, service learning

В современном обществе особое значение приобретает интеграция инновационных технологий в образовательную деятельность современной молодежи. Одним из таких инструментов стала федеральная программа «Обучение служением», официально интегрированная в более чем 2300 вузов и колледжей с 2023 года и в 78 регионах страны (на начало 2026 года) [3]. Программа «Обучение служением» реализуется Ассоциацией волонтерских центров и Высшей школой экономики при поддержке Минобрнауки России и Росмолодежи по поручению Президента Российской Федерации от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС п.8 «О включении в образовательные программы высшего образования курса (модуля) «Обучение служением» [4].

Сегодня мы столкнулись с современным вирусом общества – патернализмом молодежи, который выступает демотиватором молодежи в развитии своего потенциала. Молодежь зачастую не чувствует сопричастности к социальным явлениям и выбирает социальную апатию, другими словами, оставаться в стороне, нежели активно принимать участие.

Гиперцифровизация общественных процессов и связанная с ней трансформация социальных практик полярно меняют контекст реализации государственной молодежной политики. По мнению М. Кастельса, сетевое общество формирует новую логику социальных взаимодействий, основанную на горизонтальных связях и децентрализованном распространении информации [6, с. 234].

В ходе написания работы проанализированы работы по проблеме методики обучения служением таких авторов, как В. А. Сухомлинский, Л. С. Выготский, А. С. Макаренко и др. Особый интерес представляют исследования А. Б. Сарсенбаева, Г. К. Аширбаева, А. М. Усенко, С. И. Самыгина, А. Г. Михайловой, М. А. Суржикова, в которых изучается процесс интеграции обучения служением в современную образовательную практику.

Целью современной образовательной практики и высшего образования в современном обществе является выпуск профессионала, соответствующего запросам рынка труда, но тут содержится определенное противоречие. Система образования призвана подготавливать не просто специалистов, а целостную личность, что включает дополнительную ответственность.

Неотъемлемой чертой идеального будущего является высокий уровень жизни. Возможно ли это, если самая активная и алертная социально-демографическая группа общества

пассивна и не реагирует на существующие социальные проблемы? Конечно нет, ведь молодежь не просто так самая движущая сила общества и много десятков лет по мнению плеяды ученых является драйвером общества.

«Обучение служением» (далее - ОС) как подход берет свое начало задолго до нашего столетия. Первые юридические клиники появились в Казанском императорском университете, а университетская студенческая больница МГУ открылась еще раньше, на рубеже 19 века в 1760 г. Уже в 20-м веке Антон Семёнович Макаренко одним из ярких основоположников подхода стал, основными идеями которого стали воспитание в коллективе и через коллектив, воспитание трудом, воспитание в семье, воспитание в игре. Его система направлена на интеграцию воспитания, образования и трудовой деятельности [1, с. 109-115].

Учитывая актуальность данной проблемы, в основе программы «Обучение служением» лежит педагогический подход, который позволяет сочетать изучение академических дисциплин с формированием навыков социально полезной работы. Таким образом, данная программа дает возможность студентам получать в процессе обучения не только профессиональные, но и надпрофессиональные навыки, решая общественно-значимый кейс от социального партнера в формате социального проекта. Социальными партнерами могут выступать НКО, фонды помощи, социально-ответственный бизнес и т.д.

Опираясь на авторский курс одного из авторов статьи, ассистента кафедры теории и технологии социальной работы – Коготыжевой Алины Кушбиевны, можно выделить следующие тезисы по трудностям, которые появились в процессе реализации программы:

Трудности	**Краткое описание**
Поиск партнеров для проектов	- Маленькое количество потенциальных социальных партнеров в регионе; - Отсутствие регистрации социальных партнеров на сайте Добро.ру
Низкая оптимизация	- Бюрократические сложности; - Технические ограничения(неудобный интерфейс); - Долгое одобрение модераторами заявок; - Долгий процесс заключения соглашений
Ограниченные ресурсы педагогов	- Отсутствие опыта у преподавателей, особенно остро у тех, кто не проходил специальное обучение; - Отсутствие мотивации у сотрудников работать над организацией интересных занятий
Отсутствие мотивации у студентов	- Невовлеченность всех студентов в процесс проектной работы, апатия, а времени на индивидуальный подход у преподавателя нет, учитывая нагрузку; - Отсутствие реальной практической реализации после защит проектов, что снижает дальнейшую мотивацию студентов

Преподавательская деятельность в рамках данного подхода в Кабардино-Балкарской республике берет начало с 1 сентября 2024 года. После официального старта программы по всей стране началась активная деятельность педагогов в рамках социального проектирования. Исключением не стали преподаватели Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Под наставничеством только Коготыжевой Алины Кушбиевны было разработано более 100 проектов за 2 года. Проекты затрагивают все тематики социальной сферы: экология, медицина, патриотизм, социальная поддержка населения, правовая защита, повышение качества образования и т.д.

Над проектами работают первые курсы в формате зачетной дисциплины первый семестр в соответствии с учебным планом вуза.

Таким образом, мы можем выделить следующие принципы служения в соответствии с авторской методикой:

1. Стойкость и несгибаемость;
2. Четкие сроки и тз;
3. Требовательность;
4. Авторитетность;
5. Мотивация;
6. Стимулирование [2, с. 70-74].

Одним из предложенных кейсов прошлого семестра по результатам данной программы стал следующий:

1 курс «Социальная работа» Социально-гуманитарного института – разработка проекта «Красные нити жизни». Проект направлен на решение проблемы низкого уровня информированности населения КБР о путях заражения ВИЧ и СПИД, а так же об их существенном различии. Задачами проекта выступают: оказание информационной и психологической поддержки, повышение уровня осведомленности. Проект включает в себя цикл мероприятий, направленный буклетов и постов в соцсетях для информирования населения об инфекции и профилактической деятельности в том числе.

Таким образом, группа создала макет буклетов и макет канала в социальных сетях, а так же несколько постов, содержащих информацию о данной проблематике.

Безусловно, данный проект не решает всецело эту острую социальную проблему. Но мы такой масштабной цели и не ставили. В данной образовательной технологии важно не искоренить какую-либо проблему, а научить студентов мыслить позитивно, прикладывая максимум усилий для решения той или иной проблемы в обществе.

Развивая проектное мышление, студенческая молодежь КБГУ анализирует общество, его проблемы, специфику региона, в которой она живет и учится самостоятельно, используя все актуальные возможности, предоставляемые государственной молодежной политикой, в том числе и грантовую поддержку решать проблемы, а не стоять в стороне.

Иными словами, по нашему мнению, проблемы носят не операционный, а культурно-организационный характер. Для успеха необходимо сместить фокус с контроля и отчетности на поддержку и выращивание локальных сообществ практики, дать регионам и вузам большую автономию в выборе инструментов и партнеров, а также встроить реализацию проектов в систему грантовой поддержки для студентов и научно-методической – для преподавателей. Иначе, программа рискует воспроизвести в новой форме тот самый патернализм, с которым призвана бороться.

В то же время, правильно решая или нивелируя данные проблематики можно качественно оптимизировать работу в рамках федерального подхода и добиться высоких результатов:

1. Повышение навыков командной работы студентов, тайм-менеджмента, проектного и креативного мышления, налаживания партнерских связей и навыков самопрезентации;
2. Организация подачи грантовых заявок студентов и повышение тем самым проектной реализации решений социальных проблем;
3. Создание уникальной авторской методики по интеграции данной программы в вузы, колледжи и школы (программу «Обучение служением. Первые» вводят в российских школах, начиная с сентября 2026 года. За успешную защиту проекта школьникам могут начислять до 25 волонтерских часов на платформе "Добро.рф, что дает от 1 до 10 дополнительных баллов при поступлении) [5].

Таким образом, данная технология «Обучение служением» в социальной сфере занимает особое место, так как решает большое количество социально-значимых проблем и повышает социальную активность молодежи, делая ее причастной к жизни всего общества.

Федеральная программа «Обучение служением» призвана повысить социальную активность молодежи, сочетая учебу с практическим решением общественных проблем. Однако её реализации мешают трудности, такие как бюрократия, нехватка партнеров и недостаточная мотивация как студентов, так и преподавателей.

Преодоление этих барьеров позволит развить у студентов ключевые надпрофессиональные навыки. Успешный опыт программы планируется масштабировать, в том числе

внедряя её аналог в школах. Другими словами, программа является важным инструментом вовлечения молодежи в социальную жизнь и борьбы с апатией.

Литература:

1. Коготыжева А. К. Имплементация федеральной программы "Обучение служением" в КБГУ им. Х. М. Бербекова и ее влияние на социальную активность молодежи / А. К. Коготыжева // Образовательный подход "Обучение служением": проблемы, результаты и перспективы развития: материалы конференции, Ярославль, 29 ноября 2024 года. Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Филигрань", 2025. С. 109-115.

2. Коготыжева А. К. Интеграция федеральной программы «Обучение служением» в образовательную деятельность КБГУ им. Х. М. Бербекова: результаты авторской методики / А. К. Коготыжева // Образовательный подход "обучение служением": проблемы, результаты и перспективы развития. материалы конференции. Ярославль, 2025 Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Филигрань", 2025. С. 70-74.

3. Официальный сайт Обучения Служением [Электронный ресурс] // URL:https://guu.ru/programma-obuchenie-sluzheniem/ (дата обращения: 13.04.2026)

4. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях [Электронный ресурс] // URL:https://www.usla.ru/news/programma-obuchenie-sluzheniem-v-novom-uchebnom-godu-budet-masshtabirovana/ (дата обращения: 13.04.2026)

5. PrimaMedia – коммуникационное агентство и партнерская сеть региональных новостных сайтов [Электронный ресурс] // URL:**https://irkutskmedia.ru/news/2401872/** (дата обращения: 13.04.2026)

6. Castells, M. (2010) The Rise of the Network Society (2nd ed.). Oxford: Blackwell, 656 p. (In Eng.).

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ

Миронова М.В. *– кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия.*

Аннотация: в статье рассматриваются причины перехода от социальной политики патернализма к современной модели партнерства. Представлены барьеры и перспективы межсекторного социального партнерства в социальном обслуживании населения.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнерство, социальное обслуживание, социальное взаимодействие, некоммерческий сектор.

INTERSECTORAL SOCIAL PARTNERSHIP AS A PROMISING DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SERVICES

Mironova M.V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Human Resources Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article discusses the reasons for the transition from paternalistic social policy to a modern partnership model. It presents the barriers and opportunities for intersectoral social partnership in social services.

Keywords: cross-sectoral social partnership, social services, social interaction, and the non-profit sector.

В современной России все более актуализируется необходимость межсекторного социального партнерства. Государство предпринимает значительные усилия, направленные на расширение возможностей взаимодействия органов власти, некоммерческого сектора и коммерческих предприятий для участия в решении социальных проблем. Осуществляется поиск новых технологий и подходов, позволяющих, с одной стороны, объединить усилия,

интенсифицировать ресурсы государственных структур, бизнес-сообщества и НКО для решения социальных проблем, с другой, найти общие точки соприкосновения, позволяющие участникам взаимодействия решать собственные задачи.

Необходимость в подобном «социальном диалоге» связана с несколькими причинами, одной из которых является обеспечение учета интересов различных социальных групп. Второй причиной стал поиск государством возможностей минимизации ряда социальных проблем, решить которые силами исключительно государственных структур без использования дополнительных ресурсов не представляется возможным.

Государственная социальная политика нацелена на существенную трансформацию социальных отношений в сфере социального обслуживания. Подобные изменения предполагают, с одной стороны, необходимость перехода социального обслуживания на рыночные, конкурентные основания, что предусматривает возмездное получение большинства социальных услуг. С другой стороны, концептуальные изменения в сфере социальной политики связаны с идеей отказа государства от монополии в организации и финансировании социальных сервисов, а также реструктуризации государства благосостояния, в том числе расширения индивидуальной ответственности за удовлетворение социальных потребностей. Наряду с неолиберальным курсом в социальной политике взят курс на усиление личной ответственности и инициативы людей в поле самообеспечения и взаимопомощи *[2]*. Речь идет об активизации ресурсного потенциала как самих нуждающихся, так и институтов гражданского общества, что приводит к смещению акцентов исключительно с материального обеспечения населения на создание условий для мобилизации активности граждан как в решении собственных проблем, так и в направлении развития территорий. Таким образом, наблюдается переход от политики патернализма к партнерской модели, что способствует построению принципиально новых взаимоотношений государства и гражданского общества в сфере социального обслуживания.

Несмотря на различия интересов и приоритетов, а также наличие некоторых противоречий взаимодействия, сотрудничество секторов является необходимостью, поскольку «ни государство, ни бизнес, ни граждане не могут в одиночку преодолеть социальную несправедливость и конфликты» *[3]*. Сотрудничество, взаимодополняемость ресурсов трех секторов позволяет намного быстрее и эффективнее решать актуальные задачи социальной сферы, стабилизирует социально-экономическое положение, повышает качество жизни жителей конкретной территории и дает возможность каждому сектору получить собственные выгоды. На наш взгляд, ключевая роль регулятора межсекторного социального партнерства, традиционно должна принадлежать государству. На него возложена функция правового регулирования отношений между субъектами, чаще всего оно выступает в качестве медиатора при возникновении проблем во взаимодействии субъектов.

Инициаторами межсекторного сотрудничества могут выступать все акторы межсекторного партнерства. Государство создает условия для вовлечения в этот процесс различных субъектов межсекторного взаимодействия, в том числе, осуществляя законотворческую деятельность и определяя приоритеты социальной политики. Коммерческие организации, выступают ключевыми катализаторами реализации социальных проектов. НКО-сектор, как наиболее гибкий, чутко реагирует на изменения рынка социальных услуг и потребности благополучателей, определяя вектор межсекторного партнерства.

Федеральный закон № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» *[7]*. закрепляет возможности социального партнерства в социальном обслуживании. В законе определено, что межведомственное взаимодействие осуществляется на основании регламента субъектов РФ. Регламент определяет участников межведомственного взаимодействия, виды деятельности, порядок, формы, механизмы взаимодействия и контроля. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1144-р от 08 июня 2016 г. *[5]* утвержден план мероприятий «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». Регулирование деятельности государственных учреждений социального обслуживания и частных партнеров осуществляется на основе Федерального закона № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ» *[6]*.

Система социального обслуживания включает в себя: 1) федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания; 2) органы государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченные на осуществление полномочий в сфере социального обслуживания на территории субъекта Российской Федерации; 3) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных органов исполнительной власти; 4) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации; 5) негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги; 6) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание; 7) организации, которые находятся в ведении уполномоченного органа субъекта Российской Федерации и которым законом предоставлены полномочия на признание граждан нуждающимися в социальном обслуживании и составление индивидуальной программы на территориях одного или нескольких муниципальных образований.

Следует отметить, что российское законодательство предусматривает включение в систему социального обслуживания населения не только учреждений, относящихся к государственному сектору, но и НКО, а также коммерческих организаций. Необходимость в этом обусловлена как общей концепцией социальной политики, так и совокупностью проблем, предполагающих включение в социальное обслуживание второго и третьего сектора. В частности, рост численности пожилого населения существенно увеличил нагрузку на государственные учреждения социального обслуживания. Общая неудовлетворенность населения качеством предоставляемых социальных услуг; отсутствие конкуренции на рынке социального обслуживания; появление спроса на новые виды услуг и необходимость внедрения инновационных технологий в сфере социального обслуживания явились причинами, которые потребовали участия в социальном обслуживании как общественного, так и коммерческого сектора. Это привело к увеличению числа общественных организаций, представителей бизнеса, которые постепенно становятся полноправными партнерами публично-властного сектора. Федеральное законодательство на сегодняшний день позволяет расширять возможности привлечения негосударственного сектора экономики к оказанию социальных услуг и создавать условия, способствующие негосударственным организациям осуществлять деятельность на рынке социальных услуг. Так, поставщиками социальных услуг могут являться юридические лица независимо от их организационно-правовой формы.

В практике учреждений социального обслуживания используется следующая модель социального партнерства. Первоначально осуществляется оценка социальных проблем, требующих привлечения субъектов из других секторов. Специфика социальной проблемы определяет статус и выбор социальных партнеров. Постановка цели межсекторного социального партнерства является одним из ключевых этапов процесса. Далее осуществляется поиск участников межсекторного взаимодействия, оценка их сильных и слабых сторон. После того как выбор состоялся, происходит стимулирование выбранного субъекта к участию в этом процессе. Следующий этап включает в себя подготовку участников к диалогу, в том числе обеспечение информацией и проведение обучения в случае необходимости. На следующем этапе непосредственно организуется сам диалог, разрабатываются и согласовываются совместные проекты социальной направленности, определяются интересы сторон, обозначаются цели взаимодействия, фиксируются результаты диалога в виде соглашений о сотрудничестве, осуществляется их оформление и согласование с участниками. Дальнейшая деятельность включает в себя разработку программы и плана мероприятий, создание координирующего и контролирующего органа, отслеживающего направленность совместной деятельности и ее результаты. Завершается процесс подготовкой отчетности, измерением результатов и их оценкой с точки зрения всех субъектов социального взаимодействия

Инициирование участия в социальных проектах, мотивация и активизация местных сообществ, добровольцев, формирование инициативных групп благотворительной направленности, создание партнерской сети, апробация новых социальных технологий, поддержка

социальных инициатив НКО, вовлечение бизнеса в решение социально значимых проблем и др. — далеко не полный перечень направлений деятельности учреждения социального обслуживания по развитию межсекторного социального взаимодействия. Межсекторные партнерские отношения в сфере социального обслуживания основываются на принципах добровольности признания партнерами друг друга участниками общественных отношений, диалога, взаимной заинтересованности и ответственности, открытости, уважения, доверия, интеграции и дополнительности. Еще одним принципом межсекторного социального партнерства является соблюдение акторами законодательных норм и функционирование в рамках правового поля, которое обеспечивает государство. Данные принципы позволяют выстроить взаимодействие между субъектами межсекторного социального партнерства, способствуя быстрому и эффективному решению поставленных задач, с одной стороны, раскрытию потенциала каждого участника отношений, с другой — выработке четких правил взаимодействия, с третьей. Важным в данном процессе является соблюдение баланса интересов каждого субъекта. Использование инструментов межсекторного социального партнерства позволяет повысить качество оказания услуг, способствует развитию территорий, а также увеличить уровень занятости населения и прочее.

Несмотря на активное продвижение в последние годы межсекторного социального партнерства в социальном обслуживании, имеется ряд барьеров и возможных рисков, существенно ограничивающих его развитие. На сегодняшний день пока еще не сформировано полноценное равнозначное участие всех субъектов партнерских отношений (бизнес-государство-третий сектор). Наиболее часто встречающимся вариантом социального партнёрства является государство-общественный сектор. Причин для отсутствия «социального диалога» между тремя субъектами взаимодействия достаточно много *[4]:* это и проблема взаимного недоверия акторов, которая затрудняет возможности социального партнерства в сфере социального обслуживания. Немалую роль играет отсутствие либо ограниченное представление о причинах социальных проблем и собственной роли в их решении у представителей разных секторов. Недостаточно высокий уровень социальной ответственности бизнеса способствует тому, что межсекторное взаимодействие может носить несистемный характер, а проекты рассчитаны на не долгосрочную перспективу. Существенным барьером, препятствующим развитию межсекторного взаимодействия, являются бюрократические препоны, а также недостаток финансирования и внимания со стороны местных органов власти к нуждам и потребностям третьего сектора. Как показывает практика, государственные органы зачастую создают организационные и финансовые барьеры для НКО. Ситуация усугубляется низким уровнем информированности населения о деятельности НКО и как следствие, низким уровнем доверия к ним. Недостаточное развитие гражданского общества приводит к тому, что участники социального взаимодействия не способны актуализировать собственные интересы, объединиться для решения социальных проблем.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие субъектов в рамках партнерства позволяет объединить усилия бизнеса, государства и «третьего сектора» для решения важнейших социальных проблем. Изменение характера взаимодействия государства с НКО и бизнес-сектором способствует повышению качества оказания социальных услуг, формированию устойчивых консолидированных практик помощи населению, а также активизации ресурсов гражданского общества в целом.

Литература:

1. Волкова О.А., Гребеникова Ю.А. Система социальной защиты населения региона на основе межсекторного социального партнерства: модели взаимодействия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 12-17.

2. Григорьева И. А.,Парфенова О. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности. The Journal of Social Policy Studies. 2021. Т. 19(1). С. 7-22.

3. Никовская Л. И., Якимец В. Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и соц. антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 96–112.

4. Партнерство в сфере социальных услуг: учебное пособие / А. В. Старшинова, Е. Б. Архипова, М. В. Миронова [и др.] Министерство науки и высшего образования Российской

Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020.

5. Распоряжение Правительства РФ от 8 июня 2016 г. № 1144-р «О плане мероприятий ("дорожной карте") "Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере" Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71325132/?ysclid=mo364tnpfi544494460

6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=182660&dst=#3E8O4HVR8L7yf4ZE

7. Федеральный закон № 442 - ФЗ: Об основах социального обслуживания граждан в РФ: принят Государственной думой 23.12.2013 г. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/499067367

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ СТАТУСА NEET СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА

Бахрамжанова Н.М. *- доцент кафедры управление бизнесом и социальной работы, Ошский технологический университет, Ош, Кыргызстан.*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы молодежи категории NEET (Not in Education, Employment or Training) в Кыргызской Республике и анализируются новые социальные технологии их профилактики и преодоления. На основе официальных статистических данных (World Bank, UNICEF, Минтруда КР) показано, что доля NEET среди молодежи 15–24 лет составляет около 19–22 %, при этом среди девушек показатель достигает 26–29 %. Выявлены основные причины: несоответствие навыков рынку труда, гендерные барьеры, миграция, климатические факторы. Описаны эффективные инновационные практики: программа социальных инноваций UPSHIFT (UNICEF), пилотная государственная программа «Молодежная стажировка» (Минтруда КР + Всемирный банк), цифровые платформы наставничества и молодежное предпринимательство в рамках Национальной программы «ЖАШТЫК». Предложены рекомендации по масштабированию технологий с акцентом на интеграцию ИИ и мультикультурный подход.

Ключевые слова: NEET-молодежь, социальные технологии, UPSHIFT, молодежная стажировка, социальная интеграция, Кыргызстан.

Abstract. The article examines the problems of NEET youth (Not in Education, Employment or Training) in the Kyrgyz Republic and analyzes new social technologies for their prevention and overcoming. Based on official statistics (World Bank, UNICEF, Ministry of Labor of KR), it is shown that the share of NEET among youth aged 15–24 is about 19–22 %, with the indicator reaching 26–29 % among girls. The main reasons are identified: mismatch of skills with the labor market, gender barriers, migration, climatic factors. Effective innovative practices are described: the UPSHIFT social innovation program (UNICEF), the pilot state program “Youth Internship” (Ministry of Labor of KR + World Bank), digital mentoring platforms and youth entrepreneurship within the National Program “JASHTYK”. Recommendations are proposed for scaling technologies with an emphasis on AI integration and a multicultural approach.

Keywords: NEET youth, social technologies, UPSHIFT, youth internship, social integration,

В современной социально-экономической ситуации Кыргызской Республики проблема молодежи категории NEET приобретает особую остроту. Согласно данным Всемирного банка, в 2023 г. доля молодежи 15–24 лет, не вовлеченной в образование, занятость или профессиональную подготовку, составила 19,31 %. По данным UNICEF (2022–2025) показатель колеблется в пределах 20–22 %, при этом среди молодых женщин он достигает

26–29 %, среди мужчин – около 12 %. В сельской местности и отдаленных регионах ситуация усугубляется климатическими изменениями, миграцией родителей и несоответствием образовательных программ требованиям рынка труда.

Термин NEET был введен в 1999 г. в Великобритании и сегодня используется в ЦУР ООН (индикатор 8.6.1). В Кыргызстане эта категория включает как пассивных «нигилистов», так и вынужденных безработных из-за структурных барьеров. Традиционные методы социальной работы (пассивная регистрация в службах занятости) показали низкую эффективность. Поэтому необходим переход к новым социальным технологиям – инновационным, ориентированным на empowerment, цифровым и мультикультурным практикам.

Одной из наиболее перспективных технологий является программа UPSHIFT UNICEF. Она специально адаптирована для NEET-молодежи Кыргызстана и реализуется с 2019–2020 гг. Программа построена на четырех этапах: наблюдение и понимание проблем сообщества → дизайн решения → разработка и тестирование → внедрение. Участники (10–24 года) проходят 20–280 часов обучения, получают навыки 21 века (критическое мышление, коллаборация, лидерство), менторскую поддержку и возможность получить seed-финансирование. В Кыргызстане через UPSHIFT уже создано более 40 миростроительных и социальных проектов, 27 из которых профинансированы. Особенно эффективна работа с девушками-NEET: программа учитывает гендерные барьеры и помогает преодолеть стереотипы «домашней роли».

Вторая успешная технология – пилотная государственная программа «Молодежная стажировка» (Минтруда, соцобеспечения и миграции КР совместно с Всемирным банком, запущена в июле 2024 г.). Охватывает 30 пилотных районов и городов. Участники (16–35 лет, безработные, в т.ч. NEET) получают:

- краткосрочное обучение мягким навыкам;
- стажировку в гос- и частных организациях;
- стипендию 8600 сом в месяц.

По состоянию на 2025 г. направлено 1847 человек, 48,8 % (802) успешно трудоустроены. Программа напрямую преодолевает барьер «отсутствия опыта», который является главным препятствием для NEET.

Дополнительные новые технологии:

- Цифровые платформы наставничества (Tunduk + мобильные приложения Минтруда);
- Социальное предпринимательство через гранты государственного социального заказа (в 2025 г. реализовано 18 проектов НПО);
- Интеграция элементов ИИ в профориентацию (тестирование компетенций через онлайн-платформы);
- Мультикультурные молодежные центры в рамках Национальной программы «ЖАШТЫК» (поддержка творчества, волонтерства, гражданской активности).

Таблица 1. Динамика доли NEET молодежи в КР (15–24 года), %

Год	Общий	Женщины	Мужчины
2019	21,6	—	—
2022	19,8–20	26–29	~12
2023	19,31	26,08	—

(Составлено автором по данным World Bank, UNICEF, 2023–2025)

Эффективность данных технологий подтверждается: снижение NEET на 2–3 п.п. в пилотных районах, рост трудоустройства на 48 %, повышение самооценки и лидерских навыков участников (по отчетам UNICEF).

Однако существуют барьеры масштабирования: недостаточное финансирование, слабая координация между министерствами, низкая цифровая грамотность в регионах, культурные нормы в отношении девушек.

Проблема NEET в Кыргызстане носит системный характер и обусловлена комбинацией структурных, институциональных и социально-культурных факторов. По данным Всемирного банка за 2023 г., общий уровень NEET среди молодежи 15–24 лет составил 19,31 %, при этом в 2022 г. показатель достигал 19,8–20 % [1; 4]. Более свежие оценки

UNICEF (2024–2025) подтверждают сохранение уровня около 20 %, с ярко выраженным гендерным разрывом: среди молодых женщин показатель достигает 26–29,4 %, среди мужчин — 11–12 % [2; 11]. В сельских районах и отдаленных регионах доля NEET может быть выше на 5–8 п.п. из-за ограниченного доступа к образованию и рынку труда.
Основные причины включают:

Несоответствие системы образования требованиям рынка труда. Только 40,1 % молодежи 15–24 лет экономически активны, а уровень молодежной безработицы составляет 14,2 % [2]. Выпускники часто не обладают практическими навыками (soft skills, цифровая грамотность, предпринимательство), что создает барьер «отсутствия опыта» для первого трудоустройства.

Гендерные стереотипы и социальные нормы. Молодые женщины в 2,4–2,5 раза чаще попадают в категорию NEET из-за традиционных ожиданий: уход за детьми, домашние обязанности, ранние браки и беременность. В 2023–2025 гг. сохраняется гендерный разрыв в оплате труда (около 25 % в пользу мужчин), сегрегация по отраслям (женщины преобладают в низкооплачиваемых секторах) и ограниченный доступ к детским дошкольным учреждениям (охват дошкольным образованием в 2025 г. — около 50 %, но в сельской местности ниже) [7; 11]. По данным Статкомитета СНГ (2024), в странах СНГ, включая КР, культурные нормы и экономические барьеры непропорционально ограничивают возможности женщин в получении дальнейшего образования и трудоустройства [30].

Миграционные процессы и демографические факторы. Значительная часть молодежи (особенно из сельских районов) уезжает на трудовую миграцию, но возвращается без навыков или с травмами рынка труда. Эмиграция квалифицированных кадров усугубляет дефицит рабочих мест внутри страны.

Климатические изменения как усиливающий фактор. В 2024–2025 гг. засухи, таяние ледников и экстремальные погодные события (наводнения, оползни) особенно сильно влияют на сельскую молодежь в горных и южных регионах. Это приводит к потере сельскохозяйственных доходов семей, вынужденному оттоку в города без подготовки и росту пассивного NEET-статуса. Исследования 2024–2025 гг. показывают прямую связь между климатическими рисками и увеличением доли NEET в уязвимых регионах [26].

Таблица 2. Гендерная структура NEET в КР (15–24 года), %

Год	Общий NEET	Женщины	Мужчины	Разрыв (женщины/мужчины)
2022	19,8–20	26–29,4	11–12	2,4–2,5 раза
2023	19,31	26,08	~12	~2,2 раза
2024–2025 (оценка UNICEF)	~20	~29	~12	~2,4 раза

(Составлено автором по данным [1; 2; 4; 11; 30])

Эффективность новых социальных технологий: анализ и барьеры масштабирования

Программа UPSHIFT UNICEF в Кыргызстане (с 2019–2020 гг.) доказала высокую эффективность в работе с NEET-молодежью. К декабрю 2025 г. глобально программа охватила 7 млн подростков и молодежи, в КР — сотни участников, из них значительная часть — девушки и NEET. В рамках peacebuilding-проекта 520 молодых людей разработали 42 решения, 27 из которых получили финансирование. Программа фокусируется на 21st century skills (критическое мышление, коллаборация, дизайн-мышление), менторстве и seed-финансировании, что особенно важно для преодоления гендерных барьеров и пассивности [10; 11; 13]. Девушки-NEET составляют до 56 % участников в аналогичных проектах, что способствует изменению стереотипов и повышению самооценки.
Программа «Молодежная стажировка» (Минтруда КР + Всемирный банк, пилот 2024–2025 гг.) охватила 30 районов/городов. К началу 2026 г. стажировку прошли 1851 человек (16–35 лет, включая NEET), из них 1332 (около 72 %) трудоустроены на постоянную работу.

Стипендия 8600 сом/мес., краткосрочное обучение soft skills и практика в гос- и частных организациях (швейная отрасль, услуги, пищепром) напрямую решают проблему «отсутствия опыта». Программа будет продолжена в 2025–2027 гг. с охватом большего количества участников [15; 17; 18].

Дополнительные технологии (цифровые платформы наставничества, социальное предпринимательство через гранты, элементы ИИ в профориентации) показывают рост: в 2025 г. реализовано 18 проектов НПО по госзаказу, запущены мобильные приложения для трекинга траекторий NEET.

Однако масштабирование сталкивается с барьерами:

- Недостаточное финансирование и слабая межведомственная координация (Минтруда, Минобразования, Минкультуры);
- Низкая цифровая грамотность в регионах (особенно среди сельских девушек);
- Культурные нормы, ограничивающие участие женщин;
- Климатические риски, требующие адаптации программ (например, green skills для сельской молодежи).

Преодоление этих барьеров требует интеграции гендер-чувствительного и климат-адаптированного подходов, а также усиления мониторинга по индикатору ЦУР 8.6.1.

Рекомендации:

1. Внедрить UPSHIFT во все 32 айыл окмоту как обязательный модуль молодежной политики.
2. Расширить «Молодежную стажировку» на 100 % территории к 2027 г. с обязательным трекингом через ИИ-систему.
3. Создать единый цифровой реестр NEET с персонализированными траекториями (образование + стажировка + предпринимательство).
4. Интегрировать гендер-чувствительный и климат-адаптированный подход (программы для сельской молодежи, пострадавшей от засухи/миграции).
5. Обеспечить межведомственное сотрудничество (Минтруда + Минобразование + Минкульт + UNICEF/UNDP) и мониторинг по индикатору ЦУР 8.6.1 с целью снижения NEET до 18 % к 2030 г.

Таким образом, новые социальные технологии, основанные на empowerment, цифровых инструментах и государственно-частном партнерстве, позволяют не только профилактировать статус NEET, но и превращать «потерянное поколение» в активный ресурс устойчивого развития Кыргызстана. Их широкое внедрение требует политической воли, финансирования и научного сопровождения.

Литература:

1. World Bank. Share of youth not in education, employment or training (SL.UEM.NEET.ZS). 2023.
2. UNICEF Kyrgyzstan. Adolescents and youth. 2025.
3. Министерство труда и социального развития КР. Отчет по программе «Молодежная стажировка». 2025.
4. Положение молодежи в странах СНГ / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. 2024.
5. UPSHIFT Official Guide. UNICEF Office of Innovation, 2024.
6. Айбекова А.А. Анализ гендерных аспектов NEET в КР // Сборник научных трудов КГУ им. Арабаева. 2025.
7. Khusainova Z.S. NEET youth in Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan. 2023.
8. Национальная программа «ЖАШТЫК» по развитию молодежи КР. 2020–2030.
9. ILO. Youth labour market in Kyrgyzstan. 2023.
10. Sustainable Development Report Kyrgyzstan. Indicator 8.6.1. 2025.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Фролкова Е.Д. *– студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.02 кафедры «Социального образования и социологии», Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, Россия.*

Князева С.А. *– старший преподаватель кафедры «Социального образования и социологии», Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, Россия.*

Аннотация: В статье рассматриваются современные социальные технологии, способствующие трансформациям в управлении, образовании и организации сообществ в России. Описаны комплексные подходы, инструменты и практики, направленные на повышение эффективности взаимодействия граждан с государством.
Ключевые слова: технологии, социальные технологии, платформа, инновации, адаптивные обучающие платформы, социальные процессы.

IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL CHALLENGES

Frolkova E.D. *– 3rd year student of the 39.03.02 Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. Lipetsk, Russia.*
Knyazeva S.A. *– Senior Lecturer of the Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. Lipetsk, Russia.*
Abstract: The article examines modern social technologies that contribute to transformations in governance, education, and community organization in Russia. It describes comprehensive approaches, tools, and practices aimed at improving the efficiency of citizens' interaction with the state/
Keywords: technologies, social technologies, platforms, innovations, adaptive learning platforms, social processes.

В современном мире, характеризующемся быстрыми изменениями и глобальными вызовами, общество сталкивается с необходимостью адаптации к новым условиям. Эти изменения требуют не только внедрения инновационных технологий, но и глубоких преобразований в социальных структурах и взаимодействиях. В этом контексте особую роль играют социальные технологии, которые предлагают инновационные подходы к управлению и развитию социальных процессов. Они направлены на переосмысление традиционных моделей взаимодействия, организацию эффективных сообществ и оптимизацию управления в различных сферах жизни. Социальные технологии становятся важным инструментом для решения актуальных задач, способствуя созданию более устойчивых и адаптивных социальных систем.

Социальная технология представляет собой целенаправленно разработанный набор методов, приемов, инструментов и принципов, служащий для управления, изменения или развития социальных процессов, отношений и структур. Реализация технологий происходит через комплексные подходы, специализированные инструменты и посредством социальных практик [1].

В России инновации технологии имеют комплексный характер развития, ориентированный на создания сервисов и экосистем, где человек получает решение проблемы в «один клик. Происходит переход от модели «просителя» к модели «пользователя». Примером является портал «Госуслуги», это не просто сайт, а социальная технология, изменившая культуру взаимодействия гражданина и государства. Внедрение «жизненных ситуаций» (например, регистрация рождения ребенка без визитов в органы) упрощает управление социальным процессом на уровне всей страны. Государство само инициирует предоставление услуг при наступлении определённых событий (например, автоматическое оформление гражданства ребенку или назначение пенсии при достижении возраста). Пользователь видит все этапы обработки заявления, может задавать вопросы через встроенные сервисы поддержки [5].

В условиях стремительного технологического прогресса и цифровизации общества система образования сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Адаптация образовательных процессов к современным требованиям становится не только необходимо-

стью, но и залогом успешной подготовки будущих специалистов. Одним из наиболее значимых направлений в этой области является сетевое образование, которое меняет традиционные подходы к обучению и взаимодействию между образовательными учреждениями.

«Сетевое образование – это инновационная модель, основанная на создании сообществ, где обучение происходит в формате «от равного к равному» (P2P). Эта модель предполагает интеграцию ресурсов различных образовательных организаций, что позволяет не только расширить доступ к образовательным программам, но и повысить качество обучения за счет совместного использования кадровых, материальных и информационных ресурсов. Важным аспектом сетевого образования является координация действий участников, что способствует более эффективному обучению и развитию профессиональных сообществ. Примером выступает «Школа 21» (от Сбера), здесь нет учителей и лекций, а социальная технология построена на коллективном обучении и проверке работ друг друга, что кардинально меняет представление о роли учителя и учащегося в образовательном процессе.

Инклюзивное образование, которое традиционно сталкивается с рядом трудностей, получает новый импульс благодаря применению технологий. В школах и специальных образовательных центрах внедряются адаптивные системы обучения, позволяющие учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Интерактивные адаптивные платформы (например, «Умная школа»). Программы с автоматической адаптацией сложности под уровень ребёнка (для ДЦП, аутизма, нарушений речи). Виртуальные сценарии (например, «Магазин», «Школа») для тренировки социальных навыков у детей с аутизмом. Обучающие игры с элементами нейропсихологической коррекции (память, внимание, эмоциональная регуляция). Использование технологий, таких как планшеты и программы, позволяет создавать условия для полной адаптации детей с ОВП и развития их социальных навыков. Внедряются системы ранней диагностики и мониторинга, что помогает своевременно определить потребности каждого ребенка и скорректировать программу [2].

Для оптимизации общественных процессов жизнедеятельности государства или гражданина используют специализированные инструменты, направленные на прозрачность и скорость сбора ресурсов. Цифровой краудсорсинг и фидбэк-сервисы. В качестве примера можно представить платформу «Активный гражданин», которая используется для прямого управления городской средой, позволяет проводить голосования по разным сферам жизни: транспорту, культуре, благоустройству, здравоохранению и так далее. Таким образом, участники проекта «активные граждане» напрямую влияют на судьбу города. Портал «Наш город» – канал обратной связи, где жители могут пожаловаться на работу коммунальных служб. Здесь можно сообщить о плохом обслуживании в поликлинике, сломанной детской площадке, яме на дороге, мусоре в подъезде и так далее. Пользователи могут отслеживать статус своей заявки и получать ответы с фотографиями, подтверждающими устранение недочета, в личном кабинете (эти инструменты позволяют жителям влиять на график отключения воды, дизайн новых станций метро или скорость ремонта ямы во дворе). Кроме того, существует **краудсорсинговая платформа,** где граждане предлагают чиновникам свои идеи по заданным темам и обсуждают чужие. Например, на crowd.mos.ru собирались предложения по улучшению портала мэра Москвы, а также идеи по содержанию диких животных в домах и контактных зоопарках [4].

Финтех-инструменты для благотворительности, такие как платформы «Добро Mail.ru» и «СберВместе», а также интеграция благотворительных функций в банковские приложения (например, опции округления суммы чека до ближайшего круглого значения) в пользу выбранного фонда или направления кэшбека на добрые дела представляет собой технологическое решение, которое позволяет перевести благотворительность из разовых акций в регулярную, масштабную и привычную деятельность». Такие инструменты минимизируют усилия, необходимые для совершения пожертвования: пользователю не нужно искать организацию, заполнять реквизиты, переводить средства отдельным платежом, все реализуется в рамках привычных финансовых операций, буквально в пару кликов.

За счет этого снижается психологический барьер, связанный с восприятием пожертвования как сложного, затратного по времени или требующего значительных сумм действия. Автоматизация и встраивание благотворительности в повседневные финансовые привычки (покупки, расчеты, использование кэшбэка) делают помощь более доступной, предсказуемой и устойчивой, стимулируют регулярное участие широкой аудитории, а также позволяют даже небольшими суммами вносить вклад в решение социальных проблем. В результате повышается общая вовлеченность в благотворительность, расширяется круг благополучателей, а сами благотворительные организации получают более стабильные и прогнозируемые источники финансирования [4].

Практическое применение инновационных технологий наиболее ярко проявляется в волонтерстве и локальном активизме. Цифровое волонтерство и координация в ЧС. В качестве примера можно привести поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт». Они используют нейросети для анализа фотографий с дронов (поиск людей в лесах) и специальной IT-платформы для управления сотнями добровольцев в реальном времени. Это сложнейшая практика управления критическим социальным процессом.

Соучаствующее проектирование в регионах. Проекты КБ «Стрелка» или Центра прикладной урбанистики. Практика, когда перед благоустройством набережной в малом городе (например, в Татарстане или Ивановской области) проводятся проектные семинары с жителями. Жители из «объектов управления» становятся «соавторами» пространства.

Локальные соседские сообщества. В качестве примера можно привести мобильные приложения для ЖК (типа «ПИК-Комфорт» или чаты в Telegram). Соседские чаты стали мощной социальной технологией самоорганизации – от совместных закупок до контроля за управляющей компанией [3].

Таким образом, внедрение современных инновационных социальных технологий в различные сферы жизни способствует более эффективному управлению социальными процессами, доступности государственных услуг, развитию инклюзивного и персонализированного образования, а также укреплению гражданского участия и волонтерства. Эти инновации создают условия для более активного и ответственного общества, в котором каждый человек может легко получить необходимую поддержку, участвовать в управлении городом и помогать другим. В результате, социальные технологии становятся мощным инструментом для повышения качества жизни.

Литература:

1. Витаргу, Х. С. Инновационные подходы к социальной адаптации молодёжи: современные технологии и вызовы / Х. С. Витаргу. – Текст: непосредственный // Вестник науки. – 2024. – № 3 (72).

2. Гавриленко, О. В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований / О. В. Гавриленко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – № Т. 25, № 4. – С. 77–94.

3. Гасумова, С. Е. Информационные технологии в социальной сфере / С. Е. Гасумова. — М.: ИТК «Дашков и К», 2014. – 311 с. – Текст: непосредственный.

4. Жулего, В.Г. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ / В. Г. Жулего, А. А. Балякин, М. В. Нурбина, С. Б. Тараненко. – Текст: непосредственный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 9-2. – С. 36-43.

5. Стырин, Е. М. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева, Л. Х. Синятуллина. – Текст: непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 4.

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Кокурова А.Ф. *– студентка 3го курса направления «Социология»*

Шаповалов А.В. *– кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций высшей школы креативных индустрий,Северо-Кавказский федеральный университет, Высшая школа креативных индустрий, Ставрополь, Россия.*

Аннотация. В статье рассматривается киберсоциализация как неотъемлемый процесс формирования личности современного молодого человека в условиях цифровой среды. Автор анализирует ключевые особенности киберсоциализации и их влияние на самосознание, поведение и систему ценностей молодежи. В заключении автор делает акцент на необходимости поиска баланса между реальной и цифровой жизнью.
Ключевые слова: киберсоциализация, цифровая среда, молодежь, интернет-зависимость, коммуникация, ктбербуллинг, интернет.

CYBERSOCIALIZATION AS A NEW SOCIAL PHENOMENON: RISKS AND OPPORTUNITIES

Author: Kokurova A.F. – 3rd year student of the direction “Sociology”
Supervisor: Shapovalov A.V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Innovations of the Higher School of Creative Industries.
North-Caucasus Federal University, Higher School of Creative Industries, Stavropol, Russia

Abstract. The article considers cyber socialization as an integral process of forming the personality of a modern young person in the conditions of a digital environment. The author analyzes the key features of cyber socialization and their impact on the self-awareness, behavior, and value system of young people. In conclusion, the author emphasizes the need to find a balance between real and digital life.
Keywords: cyber socialization, digital environment, young people, internet addiction, communication, cyberbullying, internet.

Еще лет двадцать назад студенты бегали в библиотеку за книгами, звонили друзьям по городскому телефону и назначали встречи «на месте», не имея возможности предупредить об опоздании. Сегодня цифровая среда стала неотъемлемой частью повседневности. Первое утреннее действие значительной части молодежи — это проверка уведомлений в мессенджерах и социальных сетях. Данное поведение является не просто привычкой, а проявлением глобального процесса, определяемого в современной социологии как киберсоциализация. Для поколения современных студентов данный термин обозначает непосредственную реальность их взросления. Понятие было введено в научный оборот исследователем В. А. Плешаковым в 2005 году и трактуется как процесс качественных изменений структуры самосознания и мотивационной сферы личности под влиянием постоянного взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями [1]. Если традиционная социализация формирует навыки поведения в офлайн-среде (очередь, общественный транспорт, столовая), то киберсоциализация отвечает за усвоение норм цифрового этикета, верификацию информации и понимание границ приватности в сети.

Традиционно агентами социализации выступали реальные личности (родители, преподаватели, друзья), обладающие определенным авторитетом. В настоящее время к ним добавился анонимный и обширный «виртуальный агент» — сама интернет-среда [2]. По данным исследований, молодежь в возрасте 12-24 лет проводит онлайн в среднем около шести часов в сутки [7]. В связи с этим актуализируется задача анализа влияния цифрового пространства на становление личности, выявление как открывающихся возможностей, так и реальных рисков.

Чем киберсоциализация принципиально отличается?

1. Отсутствие пространственно-временных границ. Коммуникация не прерывается с выходом из дома или наступлением ночи, что создает эффект постоянного присутствия в социальной группе.

2. Возможность конструирования идентичности. В сети пользователь обладает большей свободой в управлении впечатлением о себе, что порождает феномен множественной или альтернативной «виртуальной личности». Эта свобода создания своего «виртуального Я» - одна из самых привлекательных черт киберпространства [3].

3. Высокая динамика обновления социальных норм. Язык, мода, форматы взаимодействия в интернете трансформируются значительно быстрее, чем в офлайн-культуре. Еще вчера было модно писать «ахахах», когда тебе смешно, а сегодня это кринж, и нужно использовать эмодзи черепа (смешно до невозможности) или плачущий смайл (смешно до слез). Успевать за этой динамикой - и есть суть киберсоциализации.

Многие исследователи даже заговорили о появлении нового подвида человека - **Homo Cyberus** - человек киберсоциальный, когнитивные процессы и стиль мышления которого адаптированы под многозадачность и высокую плотность информационного потока [1]. Звучит как диагноз или шутка, но, если задуматься, мозг нынешнего поколения действительно работает иначе. Мы привыкли к многозадачности, клиповому мышлению и тому, что любая информация должна умещаться в формат короткого ролика в TikTok или Reels. Мы учимся жить по законам алгоритмов.

Возможности, которые открыл нам цифровой мир

Анализ киберсоциализации был бы неполным без признания ее позитивного вклада в развитие молодежи. Цифровая среда предоставляет инструменты, существенно расширяющие горизонты развития личности, о которых предыдущие поколения не могли и мечтать.

1. **Доступ к знанию и образованию**. Киберпространство нивелирует географические и материальные барьеры в получении знаний. Студенты имеют возможность использовать электронные библиотечные системы, слушать лекции ведущих специалистов на открытых платформах и участвовать в международных научных мероприятиях онлайн, что способствует демократизации образования и инклюзивности для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Это колоссальное расширение образовательного горизонта [2].
2. **Поиск референтных групп и социальная поддержка**. Цифровая среда позволяет формировать сообщества по интересам вне зависимости от территориальной принадлежности. Для подростков, испытывающих трудности с самоидентификацией или дефицит общения в реальном окружении, тематические онлайн-сообщества выполняют компенсаторную функцию, предоставляя чувство принадлежности и поддержки [4].
3. **Профессиональная реализация.** Если раньше для того, чтобы заработать первые деньги, студент шел мыть полы или раздавать листовки, то сегодня даже школьник может монетизировать свои навыки в сети. Достаточно смартфона, немного времени и ума, не нужно заниматься физической сложной работой и стоять на холоде. Кто-то становится блогером, кто-то дизайнером, кто-то пишет код. Киберсоциализация формирует не только потребителя контента, но и активного творца. Интернет учит нас самопрезентации, навыкам коммуникации и даже основам предпринимательства.
4. **Возможности для самовыражения.** Социальные сети и цифровые платформы предоставляют молодежи широкие возможности для творческой самореализации, обмена идеями и участия в общественной жизни [7].

Риски киберсоциализации и способы их минимизации

Несмотря на широкие возможности, цифровая среда сопряжена с комплексом специфических угроз. Исследователи выделяют несколько ключевых групп рисков, связанных с киберсоциализацией молодежи [5].

Самый очевидный риск - **кибербуллинг и агрессия**. Данный риск представляет собой систематическую травлю в сети, включающую оскорбления, распространение порочащей информации и троллинг. Если в реальной жизни хулиган ограничен физической силой и страхом наказания, то в интернете он чувствует свою безнаказанность. Анонимность агрессора и круглосуточный характер преследования существенно усиливают психологическую травму жертвы [3]. От неё невозможно спрятаться дома, она преследует в смарт-

фоне 24/7. Кибербуллинг имеет серьезные последствия для жертв, включая понижение самооценки, тревожность, депрессию и даже мысли о самоубийстве. Поэтому нельзя закрывать глаза, когда становишься свидетелем такой ситуации, нужно попытаться решить проблему, поддержать жертву и дать огласку ситуации. Для минимизации данного риска необходимо развитие навыков цифровой гигиены (настройки приватности, блокировка агрессоров), информирование молодежи о юридической ответственности за травлю, а также создание школьных служб медиации, работающих с онлайн-конфликтами.

Подмена реального общения виртуальным. Человек может быть душой компании в цифровом пространстве (социальные сети, онлайн игры, стримы), но при этом испытывать жуткий дискомфорт и неловкость при живом общении с одногруппниками [5]. Происходит снижение навыков живого общения: возникают трудности с удержанием зрительного контакта, интерпретацией невербальных сигналов, наблюдается рост социофобии при очных встречах [9]. Вместо живого диалога - переписка со смайликами. Вместо реальной прогулки - онлайн-трансляция чужой жизни. Это создает риск социальной изоляции и одиночества в реальном мире и может в дальнейшем помешать заводить контакты, находить друзей, участвовать в диалогах и т.д. То есть, длительное пребывание в киберпространстве влечет за собой трудности в повседневной коммуникации, что создает угрозу социальному здоровью молодежи [8]. В качестве профилактических мер рекомендуется соблюдение баланса экранного времени и осознанное включение в расписание офлайн-активностей (спорт, прогулки без гаджетов и т.д.).

Формирование ложной картины мира и ценностей. Социальные сети работают как витрина успеха. Идеальные фотографии, отфотошопленные тела, роскошные путешествия и бесконечные достижения других. На этом фоне собственная жизнь начинает казаться серой и неудачной. Такой контент ведет к завышенным ожиданиям от жизни, тревожности и снижению самооценки [5]. Кроме того, алгоритмы соцсетей загоняют пользователей в «информационные пузыри», показывая только тот контент, который совпадает с их взглядами. В результате теряется способность к критическому мышлению и восприятию альтернативных мнений [4]. Сейчас пользователи чаще стали показывать свои будни в простом формате («Обычный день фермера», «Каково жить в общаге», «Влог из деревни» и т.д.), тем самым разрушая идеальную навязанную картину из сети. Это один из способов борьбы с данной опасностью, и благодаря такому контенту мы учимся более здоровой самопрезентации. Глядя на немытую посуду в кадре, на уставшее лицо без фильтров или на рутину, лишенную роскоши, человек перестает чувствовать себя аутсайдером. Люди понимают: быть «настоящим» не стыдно, а интересно. Это тот самый навык критического мышления на практике - умение отделить постановочную сказку от реальной жизни и не требовать от себя невозможного. Для противодействия данному риску необходимо развитие критического мышления, подписка на контент, демонстрирующий реальную жизнь без фильтров, а также понимание принципов работы рекомендательных алгоритмов.

Угрозы конфиденциальности и финансовое мошенничество. Человечество часто недооценивает последствия публикации личной информации в открытом доступе, что создает риск утечки персональных данных и финансовых потерь. Для защиты необходимо использование сложных паролей и двухфакторной аутентификации, а также повышение осведомленности о методах социальной инженерии.

Наконец, есть риск чисто физиологический - **интернет-зависимость** (кибераддикция). Ученые спорят, считать ли это полноценным заболеванием, но отрицать проблему невозможно. Когда рука сама тянется к телефону каждые пять минут, когда без лайков портится настроение, когда вместо подготовки к экзамену ты залипаешь на короткие видео несколько часов подряд — это тревожный звоночек [2]. Это истощает нашу нервную систему и крадет время, которое можно было потратить на реальные достижения и живое общение. И самое коварное здесь - иллюзия наполненности жизни. Мы чувствуем усталость от мелькания картинок, но при этом не можем вспомнить, что именно смотрели час назад. Для минимизации данного риска рекомендуется использование приложений для мониторинга экранного времени, удаление наиболее отвлекающих приложений с главного экрана, а также практика «цифрового детокса» в вечернее и ночное время.

Заключение

С одной стороны, цифровая среда предоставляет молодежи беспрецедентные возможности для образования, самореализации и социальной поддержки. С другой стороны, исследователи фиксируют комплекс серьезных рисков: от кибербуллинга и интернет-зависимости до угроз социальному здоровью [8].

Очень важно, чтобы в процесс киберсоциализации активнее включались родители и педагоги. Но не в роли надзирателей, которые запрещают и отбирают гаджеты, а в роли наставников, которые делятся опытом и учат критически мыслить [5]. К сожалению, сейчас часто происходит разрыв: взрослые не понимают нашей цифровой среды, а мы варимся в ней сами по себе, набивая шишки. Но время идет и взрослое поколение учится вместе с нами, правда, учатся они зачастую по тем же правилам, что и мы - методом проб и ошибок, точно так же попадаясь на провокационные заголовки и эмоциональные качели в комментариях. И вот тут как раз и нужна кооперация: у нас скорость реакции и интуитивное понимание интерфейса, у них - навык стратегического мышления и умение остановиться. Если объединить эти сильные стороны, то запреты и тотальный контроль станут просто не нужны. Их заменит общий семейный «информационный иммунитет».

На мой взгляд, главный вызов для нас сегодня — это поиск баланса. Задача не в том, чтобы уйти из цифрового мира и уехать куда-нибудь в тайгу, а в том, чтобы выработать разумное цифровое использование. Нужно учиться фильтровать контент, не вестись на хайп и фейки, помнить, что у каждого пользователя есть право на приватность и личные границы. Итак, киберсоциализация — это свершившийся факт. Данный феномен невозможно оценивать в бинарной системе «хорошо/плохо», так как он представляет собой сложную социотехническую трансформацию личности. Как будущий социолог, я вижу в киберсоциализации огромное поле для изучения. Мы - первое поколение, которое проходит этот путь взросления с телефоном в руке. И только от нас зависит, станем ли мы Homo Cyberus в хорошем смысле - умными, глобально мыслящими, открытыми миру людьми - или потеряемся в лабиринтах виртуальных иллюзий. Мне хочется верить, что мы выберем первое.

Исходя из этого, целесообразно сформулировать следующие рекомендации:

1. Для системы образования: необходимо внедрение в учебные программы курсов по информационной гигиене, медиа грамотности и кибербезопасности, направленных на профилактику интернет-зависимости и кибербуллинга. Образовательные организации должны стать ключевым институтом формирования у молодежи навыков безопасного поведения в цифровой среде [7].

2. Для родителей: Переход от запретительной тактики к наставнической. Взрослым рекомендуется изучать особенности цифровой среды, чтобы стать для детей не надзирателями, а консультантами в вопросах оценки контента и поведения в сети.

3. Для молодежи: Выработка осознанного подхода к цифровому потреблению. Рекомендуется регулярно проводить ревизию подписок, практиковать «цифровые паузы» и приоритизировать очные социальные контакты для сохранения психоэмоционального баланса.

Список использованных источников

1. Плешаков, В. А. Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен / В. А. Плешаков. – Текст: электронный // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kibersotsializatsiya-kak-innovatsionnyy-sotsialno-pedagogicheskiy-fenomen (дата обращения: 08.04.2026).

2. Бизюкова, М. С. Киберсоциализация – процесс развития личности в условиях информационного общества / М. С. Бизюкова. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2013. – № 2. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/217.html&j_id=15 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Айсина, Р. М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р. М. Айсина, А. А. Нестерова //

Социальная психология и общество. – 2019. – Том 10, № 4. – С. 42–57. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2019_n4/Aysina_Nesterova (дата обращения: 10.04.2026).

4. Волкова, Е. Н. Феномены социализации современных подростков: Pro et contra / Е. Н. Волкова // Социальная психология и общество. – 2025. – Том 16, № 2. – С. 23–42. – URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2025_n2/Volkova (дата обращения: 10.04.2026).

5. Иванова, Ю. И. Киберсоциализация детей и подростков. Что делать родителям? / Ю. И. Иванова. – Текст: электронный // ГБУ «ОЦСПСД «Юный нижегородец». – URL: http://www.soc52.ru/index.php/lagernn-news/39975-lagernn-news-1022 (дата обращения: 09.04.2026). Ленинс

6. Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека / В. А. Плешаков. – Текст: электронный // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kibersotsializatsiya-sotsialnoe-razvitie-i-sotsialnoe-vospitanie-sovremennogo-cheloveka (дата обращения: 08.04.2026).

7. Носова, И. В. Роль образования в предотвращении влияния деструктивного контента на молодежь / И. В. Носова, Д. Д. Носов. — Текст: электронный // КиберЛенинка. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-v-predotvraschenii-vliyaniya-destruktivnogo-kontenta-na-molodezh (дата обращения: 08.04.2026).

8. Гафиатулина, Н. Х. Социальное здоровье в условиях киберсоциализации российской молодежи: к вопросу обеспечения информационной безопасности молодежи / Н. Х. Гафиатулина, Н. П. Любецкий, Т. Ю. Захарова. — Текст: электронный // КиберЛенинка. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-v-usloviyah-kibersotsializatsii-rossiyskoy-molodezhi-k-voprosu-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti (дата обращения: 09.04.2026).

9. Иванова, Ю. И. Киберсоциализация детей и подростков. Что делать родителям? / Ю. И. Иванова. — Текст: электронный // ГБУ «ОЦСПСД «Юный нижегородец». — URL: http://www.soc52.ru/index.php/lagernn-news/39975-lagernn-news-1022 (дата обращения: 09.04.2026).

ПОДДЕРЖКА ВЕТЕРАНОВ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕИНТЕГРАЦИИ В ГРАЖДАНСКУЮ ЖИЗНЬ

Рудых О.А. *- кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы ИСИ СибГУ. Красноярск, Россия.*

Овсянникова Д.С. *– студент направления «Социальная работа» Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия.*

Аннотация. В статье анализируются инновационные подходы к реинтеграции в гражданскую жизнь ветеранов**.** Автором рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются ветераны в процессе реинтеграции, такие как бремя и стресс, а также важность социальной поддержки как ключевого элемента успешной адаптации. В статье подчеркивается польза комплексного подхода для реинтеграции ветеранов.

Ключевые слова*:* реинтеграция, социальная поддержка, ветераны, программа «Возвращение».

SUPPORT FOR VETERANS : INNOVATIVE APPROACHES TO REINTEGRATION INTO CIVILIAN LIFE

Ovsyannikova D.S. *- student at the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev.*

Annotation: The article analyzes the main content of social work with people with disabilities. The author examines the main problems faced by veterans in the process of reintegration, such as burden and stress, as well as the importance of social support as a key element of successful adaptation. The article provides information about orthobiotics, orthobiosis, and the "placebo effect."

The benefits of knitting for strengthening the mental and physical health of people with special needs are emphasized.

Keywords: reintegration, social support, veterans, the "Return" program.

Все более актуальной темой в современном обществе становится поддержка ветеранов, вернувшихся из зон боевых действий, требующей комплексного подхода и глубокого анализа психологических проблем. Ветераны, прошедшие через военные конфликты, сталкиваются с множеством трудностей при возвращении к гражданской жизни. Данные трудности могут быть связаны как с физическими и психологическими травмами, так и с социальными и экономическими проблемами. В связи с этим, исследование инновационных подходов к реинтеграции ветеранов в гражданскую жизнь представляет собой важную и необходимую задачу, способствующую улучшению качества жизни этой категории граждан.

С этой точки зрения, возвращение ветеранов к мирной жизни - это сложный и многогранный процесс, требующий учета различных аспектов их самостоятельной жизни. Основная проблема, с которой сталкиваются ветераны, заключается в наличии посттравматического стресса, который может значительно ухудшать их психоэмоциональное состояние. Общее представление о посттравматическом стрессовом расстройстве становится серьезным препятствием на пути к нормальной жизни, приводя к изоляции, зависимости и другим негативным последствиям [1]. Отметим, что международный опыт показывает, что наиболее эффективные программы реинтеграции ветеранов включают элементы социальной и психологической помощи. Признавая посттравматическое стрессовое расстройство как заболевание, государства предпринимают активные шаги для создания телефонов доверия, групповых и индивидуальных терапий, что способствует более качественной реабилитации [2].

При сравнении международного опыта с российской реальностью, можно заметить существенные различия. Учитывая российский опыт, проблема поддержки ветеранов часто остается на заднем плане, и меры социальной защиты не всегда достигают своих целей. Ветераны сталкиваются с бюрократическими барьерами, которые затрудняют их доступ к медицинской и социальной помощи. Исследования показывают, что высокий уровень психоэмоционального напряжения у ветеранов, прошедших боевые действия, требует увеличения объемов медицинской реабилитации и социальных программ [3]. Это делается для того, чтобы сократить случаи дезадаптации, улучшить уровень жизни и предотвратить дальнейшие душевные страдания.

Так, например, не менее важным аспектом является создание условий для социальной поддержки ветеранов, которая включает в себя не только помощь в трудоустройстве, но и возможность включения в активные социальные процессы. Социальный статус ветеранов во многом предопределяет их воспринимаемость в обществе и уровне социальной безопасности. Это подтверждают исследования, показывающие, что признание статуса ветерана ведет к улучшению отношения со стороны общества и повышению уровня социальной интеграции [4].

В конечном итоге, существует также специфическая группа ветеранов, для которых продолжительные стрессовые факторы могут вызывать не только личные, но и межличностные конфликты. Проблема первичного стресса может проявляться в виде чрезмерной агрессии или, наоборот, в ситуации полной изоляции. Это требует разработки адаптированных методов поддержки, которые учитывают индивидуальные особенности ветеранов и их личные обстоятельства [5].

Важно отметить, что эффективные программы поддержки ветеранов должны включать в себя аспекты, связанные с физическим здоровьем. Многие ветераны возвращаются с физическими травмами, которые требуют длительного восстановления. Комплексный подход к реабилитации, который включает медицинские процедуры, физическую терапию и занятия спортом, может значительно улучшить общее состояние ветерана. Таким образом, для успешной реинтеграции ветеранов в жизнь необходимо создание многоуровневой системы поддержки. Она должна включать в себя медицинские, психологические и социальные

меры, которые помогут избежать социальной изоляции и благоприятно скажутся на психоэмоциональном состоянии ветеранов. Интеграция в общество становится возможной лишь при условии наличия полноценной программы поддержки, которая учитывает индивидуальные потребности каждого ветерана и направлена на новые достижения в их жизни.

Все вышеперечисленное констатирует факт, что в последние годы в России и за рубежом наблюдается активное внимание к вопросам социальной адаптации ветеранов, что подчеркивает важность создания и внедрения инновационных подходов в этой области. Как отмечает программа «Возвращение» в Самаре, являющаяся одним из примеров таких инициатив, предлагаются разнообразные мероприятия, включая юридическую помощь, психологическую поддержку и социальную адаптацию.

Установлено, что программа «Возвращение», действующая на территории Самары, направлена на поддержку ветеранов, включая ветеранов Великой Отечественной войны и лиц, приравненных к ним. Ее основной задачей является улучшение качества жизни ветеранов и адаптация их к гражданской жизни. В рамках программы предлагаются различные меры социальной поддержки, которые включают компенсацию расходов на жилье и коммунальные услуги, бесплатный проезд в общественном транспорте и льготы на лекарства. Эти меры предназначены для того, чтобы облегчить финансовую нагрузку на ветеранов и помочь им интегрироваться в общество [1].

Общее представление показывает, что система социальной защиты ветеранов включает 73 государственных учреждения, среди которых значительное количество центров социального обслуживания для пожилых людей и инвалидов. Целевым компонентом программы является доступ к медицинским услугам, который включает в себя как стандартные медицинские процедуры, так и специализированные оздоровительные мероприятия для поддержания здоровья ветеранов. Эти медицинские услуги могут включать как профилактические осмотры, так и реабилитацию [2].

Основной акцент программы касается не только материальной поддержки, но и необходимости создания комфортной социальной среды для ветеранов. Это требует комплексного подхода, включающего взаимодействие различных государственных структур и местных организаций. Важно, чтобы ветераны имели возможность получать квалифицированную помощь и поддержку на всех этапах реинтеграции в гражданскую жизнь. Представляется, что разработка совместных проектов между государственными учреждениями и некоммерческими организациями может повысить эффективность предоставляемых услуг [3].

С этой точки зрения, несмотря на положительные аспекты программы, текущая система социальной защиты ветеранов все еще сталкивается с некоторыми проблемами. Существуют недостатки, касающиеся доступности предоставляемых услуг. Некоторые ветераны сообщают о трудностях в получении поддержки, что указывает на необходимость оптимизации процессов и улучшения коммуникации между ветеранскими организациями и государственными структурами [4]. Дополнительной проблемой является недостаток финансирования некоторых программ, что ограничивает их реализацию и возможности для ветеранов. Программа "Возвращение" также ориентирована на профилактику социальных заболеваний, таких как одиночество и изоляция среди ветеранов. Важнейший аспект программы заключается в организации культурных и социальных мероприятий, которые способствуют вовлечению ветеранов в активную социальную жизнь. Это не только улучшает качество жизни, но и помогает создать чувство общности и поддержки, что особенно важно для лиц, которые после службы могут столкнуться с трудностями в общении с окружающими [5].

Как уже отмечалось ранее, необходимость последующей оценки эффективности программы подчеркивает важность постоянного мониторинга ее результатов и адаптации к меняющимся потребностям ветеранов. Регулярные опросы и исследования среди участников программы могут помочь выявить недостатки и предложить решения для повышения качества оказываемых услуг.

Основной проблемой является поддержка ветеранов, она требует не только наличия программ, но и их постоянного совершенствования и адаптации к реалиям современного общества. Программа "Возвращение" демонстрирует, как может быть организована эффек-

тивная поддержка ветеранов в рамках государственной политики. Он предлагает многоуровневую и комплексную систему поддержки, однако требует дальнейшего развития и реформирования для решения текущих проблем и удовлетворения потребностей ветеранов. Будущее программы зависит от способностей местных властей и правительственных структур адаптироваться к вызовам времени, сохраняя внимание на нуждах тех, кто посвятил свою жизнь службе родине.

Реинтеграция ветеранов в гражданскую жизнь занимает центральное место в обсуждении вопросов социальной поддержки. Однако успешная реинтеграция сталкивается с рядом проблем, основными из которых являются стресс и адаптация к новым условиям. Ветераны зачастую испытывают последствия боевых действий, которые приводят к психологическим расстройствам и повышенной уязвимости к стрессам [1]. Психологическое состояние ветеранов может значительно ухудшаться из-за недостатка ресурсов, необходимых для управления жизненными трудностями. В современных исследованиях подчеркивается, что стресс становится практически постоянным состоянием для человека, что особенно относится к ветеранам, которые сталкиваются с изменениями в жизни после службы. Напряжение, с которым они сталкиваются, варьируется от социального отчуждения до экономических трудностей, что усугубляет их состояние [2]. Важно понимать, что не все ветераны имеют одинаковую степень стрессоустойчивости. Личностные и профессиональные ресурсы играют огромную роль в преодолении стрессовых состояний. Они определяют способность индивидов адаптироваться к новым условиям жизни и эффективно справляться с возникающими сложностями [3].

На основе психологических исследований показано, что активное использование таких ресурсов, как поддержка со стороны семьи и друзей, профессиональные консультации и программы реабилитации, может значительно уменьшить уровень стресса у ветеранов [4]. В данной связи нужно отметить важность социальной инфраструктуры, которая должна обеспечивать доступ к необходимым ресурсам и услугам. Поддержка на уровне общества, включающая в себя программы социальной адаптации и профессиональной реабилитации, может значительно повысить степень успешной реинтеграции [5].

Возможно подчеркнуть важный аспект - это разработка специальных программ, направленных на профилактику стресса и помощь в осмыслении своего опыта. Программы, интегрирующие психологические и социокультурные ресурсы, могут способствовать лучшему пониманию ветеранами своего места в обществе и снизить уровень дезадаптации. Разработка этих программ должна основываться на системном и интегративном подходе, учитывая многообразие потребностей каждого ветерана [1]. При этом дезадаптация может проявляться не только в личной жизни, но и в профессиональной сфере ветеранов. Сложности с поиском работы, недостаток востребованных навыков и профессионального опыта могут приводить к возникновению чувства беспомощности и угнетенности [3]. Обеспечение ветеранов необходимыми ресурсами для повышения квалификации или переквалификации - это важный элемент их социальной адаптации. Стратегии, направленные на усиление их конкурентоспособности на рынке труда, имеют принципиальное значение.

При этом современные подходы к поддержке ветеранов акцентируют внимание на индивидуализацию помощи, ведь каждый случай требует внимательного анализа и выбора наиболее подходящих интервенций. Важно не просто предоставить ветеранам доступ к ресурсам, но и обучить их эффективно ими пользоваться, что само по себе является значительным шагом к снижению уровня стресса и улучшению качества жизни [4]. Кроме того, необходима вовлеченность ветеранов в процесс создания программ помощи. Участие самих ветеранов в разработке инициатив, исходя из их реальных потребностей и опыта, позволит формировать более коррелированные с реальностью и полезные программы. Это может включать участие в общественных и волонтерских проектах, что не только поможет в социализации, но и даст возможность ветеранам вновь почувствовать свою значимость и роль в обществе [5].

Таким образом, реинтеграция ветеранов требует комплексного подхода, учитывающего их уникальные переживания и трудности. Программа поддержки не должна ограничиваться лишь предоставлением ресурсов, но и обеспечивать условия для формирования устойчивых

социальных связей и разработки индивидуальных стратегий адаптации, что в конечном итоге поможет снизить уровень стресса и повысить качество жизни ветеранов.

В заключение необходимо подвести итоги, касающиеся важности и актуальности поддержки ветеранов, а также развитие инновационных подходов к их реинтеграции в гражданскую жизнь. Безусловно процесс реинтеграции ветеранов является многогранным и сложным, требующим комплексного подхода, который учитывает как индивидуальные потребности каждого ветерана, так и социальные, экономические и культурные аспекты общества в целом. Актуальность поддержки ветеранов в современном обществе не вызывает сомнений. Ветераны, возвращаясь из зоны боевых действий, сталкиваются с множеством трудностей, включая психологические травмы, социальную изоляцию и экономические проблемы. Эти факторы могут значительно усложнить их адаптацию к гражданской жизни. Программа «Возвращение», как один из примеров успешной инициативы, демонстрирует, как можно эффективно организовать поддержку ветеранов, предлагая им юридическую помощь, психологическую поддержку и возможности для социальной адаптации. Важно отметить, что такие программы не только помогают ветеранам, но и способствуют улучшению общественного восприятия их роли в обществе.

Другими словами, исторический контекст реинтеграции ветеранов также играет значительную роль в понимании текущих проблем и вызовов. На протяжении многих лет подходы к реинтеграции менялись, и изучение этих изменений позволяет выявить как успешные практики, так и ошибки, которые следует избегать в будущем. Важно учитывать, что каждая эпоха имеет свои особенности, и то, что работало в прошлом, не всегда будет эффективно в современных условиях.

Проблемы, с которыми сталкиваются ветераны, такие как бремя и стресс, требуют особого внимания. Психологические аспекты реинтеграции не могут быть игнорированы, так как они напрямую влияют на качество жизни ветеранов и их способность адаптироваться к новым условиям. Социальная поддержка, как ключевой элемент адаптации, должна быть организована таким образом, чтобы ветераны чувствовали себя частью общества, а не изолированными от него. Это включает в себя не только профессиональную помощь, но и создание условий для взаимодействия ветеранов с гражданским населением.

Таким образом, поддержка ветеранов и их реинтеграция в гражданскую жизнь - это не только задача государства, но и всего общества. Успешная адаптация ветеранов требует комплексного подхода, который включает в себя как профессиональную, так и социальную поддержку, а также активное участие самих ветеранов в таком взаимодействии и инновационном процессе.

Литература:

1. Клячкина Н.Л. Методы и техника социально-психологической реабилитации ветеранов боевых действий //Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2015. – №. 1 (25). – С. 114-121. https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-tehnika-sotsialno-psihologicheskoy-reabilitatsii-veteranov-boevyh-deystviy.
2. Моисеева З.И., Моисеева Н.В. ВЛИЯНИЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА НА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕТЕРАНОВ ВОЙН // Медицинская сестра. 2012. №4. https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-posttravmaticheskogo-stressa-na-psihoemotsionalnoe-sostoyanie-veteranov-voyn.
3. Суркова И.Ю. Социальный статус ветеранов Вьетнамской войны: отношение общества и социальная защита // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. №4. https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-veteranov-vietnamskoy-voyny-otnoshenie-obschestva-i-sotsialnaya-zaschita.
4. Колов С.А. Первичный стресс и его последствия у ветеранов боевых действий // Российский психиатрический журнал. 2010. №5. https://cyberleninka.ru/article/n/pervichnyy-stress-i-ego-posledstviya-u-veteranov-boevyh-deystviy.
5. Сараева И.А., Тимофеев В.В. Социальная поддержка ветеранов войн: зарубежный опыт // Марийский юридический вестник. 2016. №1 (16). https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-podderzhka-veteranov-voyn-zarubezhnyy-opyt.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Фролкова Е.Д. *– студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.02 кафедры «Социального образования и социологии», Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, Россия.*

Данковцев О.А. *- доцент кафедры «Социального образования и социологии», к.б.н, доцент; Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, Россия.*

Аннотация: В статье рассматриваются основные теоретические модели и подходы к психолого-педагогическому сопровождению семей, воспитывающих детей с особыми образовательными потребностями, а также раскрываются основные этапы этого процесса. Особое внимание уделяется организации междисциплинарной работы специалистов, индивидуализации программ поддержки и значимости взаимодействия с семьей.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, особые образовательные потребности, дети, адаптация, социализация.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES RAISING CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Frolkova E.D. *– 3rd year student of the 39.03.02 Department of Social Education and Sociology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. Lipetsk, Russia.*

Dankovtsev O.A. - Associate Professor of the Department of Social Education and Sociology, PhD, Associate Professor; Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. Lipetsk, Russia.

Abstract: The article discusses the main theoretical models and approaches to psychological and pedagogical support for families raising children with special educational needs, and reveals the main stages of this process. Special attention is paid to the organization of interdisciplinary work by specialists, the individualization of support programs, and the importance of interaction with the family.

Keywords: psychological and pedagogical support, special educational needs, children, adaptation, and socialization.

Современное общество и система образования все более стремится к равным возможностям для всех детей, включая тех, кто имеет особые образовательные потребности. Психолого-педагогическое сопровождение таких семей является элементом успешной адаптации детей в образовательный процесс. Дети с особыми потребностями требуют не только специализированного подхода в обучении, но и всесторонней поддержки со стороны педагогов, психологов и родителей.

Психолого-педагогическое сопровождение представляет собой системную деятельность, реализуемую совместными усилиями психологов и педагогического коллектива. Ее целью является формирование в образовательной среде социально-психологических и дидактических условий, способствующих полноценному развитию и успешному обучению каждого учащегося.

Среди научно обоснованных подходов к организации сопровождения особого внимания заслуживает модель, разработанная М.Р. Битяновой и Е.И. Казанцевой. Концептуальная основа этой модели заключается в ориентации на раскрытие внутреннего потенциала личности, получающей поддержку. Акцент смещается с фиксации на проблемах на выявление ресурсов и возможностей человека. Такой подход способствует созданию развивающей среды, в которой учащийся становится активным субъектом собственного становления [1].

Значительный вклад в теорию и практику психолого-педагогической помощи внесла комплексная модель Н.Я. Семаго и М.М. Семаго. Ее значительной чертой является учет мно-

гообразия факторов, влияющих на развитие личности. Модель базируется на междисциплинарном взаимодействии специалистов и позволяет конструировать индивидуальные образовательные маршруты. Интеграция знаний и методик из различных областей позволяет разработать персонализированный план развития, учитывающий уникальные характеристики и образовательные потребности ребенка. Это повышает эффективность решения сложных задач обучения, способствует успешной социализации и закладывает основу для будущей профессиональной реализации [4].

Концепция системного подхода к семье, предложенная М. Боуэном и С. Минухиным, трактует семейные отношения как динамическую систему взаимосвязанных элементов. Согласно этой теории, изменения в состоянии или поведении одного члена семьи неизбежно оказывают влияние на всю семейную структуру. Подход акцентирует необходимость анализа ролевой организации и паттернов взаимодействия внутри семьи, а также значимость межсистемной работы для оптимизации семейного микроклимата. В рамках данной концепции семья рассматривается как целостная система, где качество взаимосвязей между участниками играет определяющую роль [2].

Реализация психолого-педагогического сопровождения осуществляется квалифицированными специалистами с профильной подготовкой в области психологии, педагогики, дефектологии и социальной работы. Четкое распределение функциональных обязанностей между представителями разных специальностей обеспечивает построение многоуровневой системы поддержки. Педагоги-психологи образовательных учреждений проводят углубленную диагностику психоэмоционального развития ребенка, оказывают консультативную помощь семьям, организуют коррекционно-развивающие мероприятия для детей и их близких. Педагоги-дефектологи разрабатывают и внедряют индивидуализированные программы коррекции и развития с учетом специфических особенностей каждого учащегося. Логопеды специализируются на формировании речевых и коммуникативных навыков, коррекции различных нарушений устной и письменной речи. Социальные педагоги содействуют интеграции ребенка в коллектив сверстников, консультируют семьи по вопросам социальной поддержки и правового обеспечения, помогают разрешать внутрисемейные противоречия. Тьюторы и наставники обеспечивают персональное сопровождение, стимулируют учебную мотивацию, формируют навыки самостоятельной деятельности. Медицинские специалисты (неврологи, психиатры, логопеды-реабилитологи) привлекаются в случаях, требующих углубленной диагностики и комплексной медико-психолого-педагогической коррекции. Эффективность сопровождения определяется слаженностью работы междисциплинарной команды. Совместная разработка позволяет обеспечить целостный подход к развитию ребенка, процесс психолого-педагогического сопровождения включает пять последовательных этапов:

1. Диагностический этап. Специалисты комплексно изучают особенности развития ребенка: его психоэмоциональное состояние, уровень когнитивного и социального развития, учебные достижения, поведенческие характеристики. Используются следующие методы: беседы с родителями и педагогами, наблюдение в естественных условиях, стандартизированные диагностические методики. Основная задача – выявить ресурсные возможности ребенка и определить зоны, требующие коррекционного воздействия [3].

2. Проектирование индивидуальной программы. На основе диагностических данных разрабатывается персонализированный план работы. Он включает: четко сформулированные цели (например, развитие коммуникативных навыков, снижение уровня тревожности, повышение академической успеваемости); конкретные формы и методы работы (коррекционные занятия, тренинги, игровые и развивающие упражнения, консультации для родителей и педагогов); временные рамки реализации, критерии оценки эффективности, перечень ответственных специалистов.

3. Реализация программы. Осуществляются регулярные индивидуальные и групповые занятия с ребенком, проводятся консультации для родителей и педагогов, организуется работа в группах развития. В практике применяются разнообразные методы: игровые технологии, арт-терапия, логопедические упражнения, тренинги эмоциональной саморегу-

ляции и развития социальных компетенций. Одним из основополагающих условий успешной психолого-педагогической работы является обеспечение эмоционально благоприятной атмосферы и формирование у ребенка чувства доверия к специалисту.

4. Мониторинг и корректировка. Специалисты регулярно отслеживают динамику развития ребенка посредством повторных диагностических процедур и наблюдений, собирают обратную связь от родителей и педагогов. При выявлении затруднений или недостаточной эффективности программа подвергается корректировке, модифицируются методы работы, регулируется интенсивность занятий, вводятся дополнительные направления поддержки.

5. Итоговая оценка результатов. По завершении запланированного периода проводится комплексный анализ достигнутых результатов, оценивается эффективность реализованных мероприятий. На основании полученных данных формулируются рекомендации для дальнейшей поддержки ребенка: продолжение занятий, включение в группы социализации, советы по организации обучения в школе. Особое значение имеет взаимодействие с семьей, педагогами и другими специалистами, что обеспечивает преемственность и непрерывность сопровождения.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с особыми образовательными потребностями, подтверждает значимость комплексной поддержки и кооперации между образовательными учреждениями, профессиональными специалистами и близкими ребенка. Успешная реализация сопровождения требует не только квалифицированной помощи, но и создания условий для укрепления внутрисемейных отношений, повышения психологической компетентности семьи и формирования устойчивой информационной базы. Совокупность этих факторов способствует эффективной интеграции ребёнка в образовательный процесс и социум.

Литература:

1. Битянова, М. Р. Организация психологической работы в школе / М. Р. Битянова. – М.: Совершенство, 1997. – 298 с. – Текст: непосредственный.

2. Варга, А. Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна / А. Я. Варга. – Текст: непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. – 2005. – № 13(2). – С. Статья 8.

3. Посысоев, Н. Н. Психолого-педагогическое сопровождение семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья (учебно-методическое пособие) / Н. Н. Посысоев. – Ярославль: ГОАУ ЯО ИРО, 2012. – Текст: непосредственный.

4. Семаго, М. М. СЗО Диагностико-консультативная деятельность психолога образования: Методическое пособие / М. М. Семаго, Н. Я. Семаго. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 288 с. – Текст: непосредственный.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНФЛИКТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Хакимова М. С. *- старший преподаватель кафедры "Педагогики и психологии", КУМУ имени Батыралы Сыдыкова, г. Ош, Кыргызская Республика.*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы конфликтных взаимоотношений в подростковом возрасте с позиций педагогики и социальной работы. Раскрываются основные психологические и социальные факторы, влияющие на формирование конфликтного поведения подростков. Обоснована роль образовательной среды и социальной работы в профилактике и разрешении конфликтов. Представлены методы социальной диагностики, сопровождения и медиации в работе с подростками. Сформулированы практические рекомендации по развитию конструктивных стратегий взаимодействия.

Ключевые слова: подростковый возраст, конфликтное поведение, социальная работа, социализация, межличностные конфликты, идентичность, медиация, образовательная среда, профилактика конфликтов, коммуникация

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CONFLICT RELATIONSHIPS IN ADOLESCENCE IN THE CONTEXT OF SOCIAL WORK

***M. Khakimova**. According to S.N., Senior lecturer at the Department of "Pedagogy and Psychology", Batyraly Sydykov State Medical University, Osh, Kyrgyz Republic*

Annotation. The article examines the theoretical foundations of conflict relationships in adolescence from the perspective of pedagogy and social work. The main psychological and social factors influencing the formation of conflict behavior in adolescents are revealed. The role of the educational environment and social work in conflict prevention and resolution is substantiated. Methods of social diagnostics, support and mediation in working with adolescents are presented. Practical recommendations for the development of constructive interaction strategies are formulated.
Keywords: adolescence, conflict behavior, social work, socialization, interpersonal conflicts, identity, mediation, educational environment, conflict prevention, communication

Введение

Проблема конфликтного поведения подростков приобретает особую значимость в условиях трансформации современного общества, характеризующегося процессами цифровизации, социальной нестабильности и усложнения механизмов социализации [9]. В этих условиях возрастает роль не только педагогики и психологии, но и социальной работы как междисциплинарной области, направленной на поддержку личности в сложных жизненных ситуациях [6].

Исследованию подростковых конфликтов посвящены труды таких ученых, как Эрик Эриксон, Жан Пиаже, Анатолий Яковлевич Анцупов, Наталья Васильевна Гришина и др. Согласно концепции Э. Эриксона, подростковый возраст связан с кризисом идентичности [2], тогда как Ж. Пиаже акцентирует внимание на развитии формально-логического мышления, способствующего возникновению противоречий в системе межличностных отношений [10].

Современные исследования показывают, что конфликты подростков проявляются как на межличностном уровне (взаимодействие со сверстниками, родителями, педагогами), так и на внутриличностном (эмоциональная нестабильность, кризис самоопределения) [5]. В этой связи особую актуальность приобретает интеграция технологий социальной работы, направленных на профилактику, диагностику и коррекцию конфликтного поведения [7].

Цель исследования — изучение факторов конфликтного поведения подростков и разработка эффективных стратегий его регулирования с позиций педагогики и социальной работы.

Задачи исследования: анализ теоретических подходов к проблеме конфликтных взаимоотношений; выявление социально-психологических факторов конфликтности; определение роли социальной работы в профилактике конфликтов; разработка практических рекомендаций для образовательной и социальной среды.

Методологическую основу составляют теоретические методы (анализ, синтез, систематизация научной литературы); эмпирические методы (наблюдение, анкетирование, психодиагностика); методы социальной работы (социальная диагностика, кейс-менеджмент, медиация) [6].

В исследовании также учитывался системный и личностно-ориентированный подход, позволяющий рассматривать подростка как активного участника социальных взаимодействий. Особое внимание уделялось комплексному анализу факторов, влияющих на формирование конфликтного поведения, с учетом их взаимосвязи и динамики. Использование совокупности различных методов обеспечило более полное и объективное изучение проблемы, а также позволило повысить достоверность полученных результатов.

Подростковый возраст представляет собой критический этап онтогенеза, характеризующийся интенсивными биопсихосоциальными изменениями [10]. В этот период формируются идентичность личности, система ценностей и навыки социального взаимодействия [9]. С точки зрения Эрик Эриксон, данный этап связан с кризисом «идентичность – ролевое смешение» [2]. Жан Пиаже отмечает переход к абстрактному мышлению, что усиливает

критичность подростков и способствует возникновению конфликтов [10]. Важным аспектом данного периода является стремление подростков к самостоятельности и самоутверждению, что нередко приводит к противоречиям с социальным окружением. Кроме того, повышенная чувствительность к оценке со стороны сверстников и взрослых усиливает эмоциональную напряженность и может провоцировать конфликтные реакции. В этих условиях особую значимость приобретает поддержка со стороны взрослых, направленная на развитие у подростков навыков рефлексии, саморегуляции и конструктивного взаимодействия.

В научной литературе конфликт рассматривается как столкновение противоположных интересов, целей и позиций. Согласно Сергей Иванович Ожегов, конфликт — это противоречие, сопровождаемое эмоциональным напряжением [3].

Конфликтное поведение подростков включает агрессивные реакции, протестное поведение, коммуникативные нарушения и деструктивные способы разрешения противоречий. Формирование конфликтности обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. К социальным факторам относятся неблагоприятная семейная среда, дефицит поддержки со стороны взрослых и влияние девиантных групп [8]. Психологические факторы проявляются в повышенной тревожности, низкой самооценке и эмоциональной нестабильности подростков [10]. Педагогические факторы связаны с авторитарным стилем общения, отсутствием индивидуального подхода и низким уровнем коммуникативной культуры в образовательной среде [4].

Основные типы конфликтов включают взаимодействия по линиям «учитель – ученик», «ученик – ученик», «подросток – родитель», а также различные формы групповых конфликтов [5]. Особую роль играет педагогический стиль взаимодействия: авторитарность усиливает конфликтность, тогда как диалогичность способствует ее снижению [4]. При этом конструктивное разрешение конфликтов возможно при условии развития у участников образовательного процесса навыков активного слушания, эмпатии и взаимного уважения. Важным фактором является также формирование культуры общения в коллективе, которая способствует предупреждению эскалации конфликтных ситуаций. Использование педагогами гибких стратегий взаимодействия, ориентированных на сотрудничество и поддержку, позволяет не только снизить уровень конфликтности, но и превратить конфликт в ресурс личностного развития подростка.

Социальная работа выступает как важнейший механизм сопровождения подростка и включает ряд ключевых направлений. Прежде всего, это социальная диагностика, направленная на выявление уровня конфликтности и анализ социальной среды подростка. Важное место занимает профилактическая работа, которая реализуется через тренинги коммуникации, развитие эмоционального интеллекта и формирование навыков саморегуляции [7]. Существенным компонентом является социально-педагогическое сопровождение, включающее индивидуальное консультирование, работу с семьей и поддержку подростка в кризисных ситуациях [6]. Особое значение имеет медиация и разрешение конфликтов, предполагающие посредничество в конфликтных ситуациях, обучение навыкам переговоров и использование восстановительных практик [1].

Важным направлением социальной работы является развитие у подростков навыков критического мышления, позволяющих им адекватно оценивать конфликтные ситуации и принимать конструктивные решения. Значительную роль играет организация групповых форм работы, направленных на формирование сотрудничества, взаимопомощи и толерантного взаимодействия в подростковой среде. Не менее значимой является деятельность по вовлечению подростков в социально значимую и волонтёрскую деятельность, способствующую развитию ответственности и социальной активности. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию специалистов (педагогов, психологов, социальных работников), что обеспечивает комплексный подход к сопровождению подростка. Важным элементом также выступает мониторинг эффективности проводимых мероприятий, позволяющий своевременно корректировать программы социальной поддержки и повышать их результативность.

Концепции конфликтологии, разработанные Анатолием Яковлевичем Анцуповым и Натальей Васильевной Гришиной, подчеркивают необходимость перехода от деструктивных к конструктивным стратегиям разрешения конфликтов [1; 5]. В рамках данных подходов особое значение придается развитию у участников образовательного процесса навыков конструктивного диалога, взаимопонимания и эмоциональной устойчивости, что позволяет снижать уровень напряженности в межличностных отношениях. Также акцентируется внимание на важности профилактической работы, направленной на предупреждение конфликтов на ранних стадиях их возникновения.

Концепции конфликтологии, разработанные Анатолий Яковлевич Анцупов и Наталья Васильевна Гришина, подчеркивают необходимость перехода от деструктивных к конструктивным стратегиям разрешения конфликтов [1; 5]. В рамках данных подходов особое значение придается развитию у участников образовательного процесса навыков конструктивного диалога, взаимопонимания и эмоциональной устойчивости, что позволяет снижать уровень напряженности в межличностных отношениях. Также акцентируется внимание на важности профилактической работы, направленной на предупреждение конфликтов на ранних стадиях их возникновения.

В рамках данных концепций подчеркивается значимость формирования конфликтологической компетентности у педагогов как ключевого условия эффективного управления образовательной средой. Важным аспектом является обучение участников образовательного процесса стратегиям сотрудничества и компромисса, позволяющим находить взаимоприемлемые решения. Особое внимание уделяется развитию рефлексивных умений, способствующих осознанию собственных поведенческих реакций в конфликте. Существенным компонентом выступает формирование культуры ненасильственного общения, основанного на уважении и признании ценности другого человека. Кроме того, данные подходы акцентируют необходимость интеграции конфликтологического образования в учебный процесс как средства формирования гармоничных социальных отношений.

Результаты показали, что подростки с дефицитом семейной поддержки чаще демонстрируют агрессивное поведение, наличие позитивной образовательной среды снижает уровень конфликтности, а участие социальных работников способствует формированию конструктивных моделей взаимодействия [8]. Кроме того, установлено, что регулярное психолого-педагогическое сопровождение и включение подростков в социально значимую деятельность способствуют развитию у них ответственности и снижению агрессивных реакций. Существенную роль играет также формирование доверительных отношений между подростками и взрослыми, что повышает эффективность профилактических и коррекционных мероприятий.

Заключение

Таким образом, конфликтное поведение подростков является сложным социально-психологическим феноменом, обусловленным совокупностью внутренних и внешних факторов. В условиях современного общества особое значение приобретает интеграция педагогических и социальных технологий. Социальная работа играет ключевую роль в профилактике конфликтов, сопровождении подростков и формировании коммуникативной культуры. Эффективное взаимодействие педагогов, психологов и социальных работников способствует гармоничному развитию личности подростка и его успешной социализации. Дополнительно следует отметить, что важным направлением является развитие у подростков навыков эмоциональной саморегуляции и конструктивного разрешения конфликтов, создание безопасной и поддерживающей образовательной среды, а также активное вовлечение семьи в процесс профилактики конфликтного поведения, что обеспечивает устойчивость полученных результатов и формирование позитивных моделей взаимодействия.

Литература:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография. — М.: Юнити, 2022. — 378 с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта, 2006. — 342 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, 2015.- 1376 с.
4. Бочарова Е.Е. Конфликтология. — Саратов: Наука, 2011. — 110 с.

5. Гришина Н.В. Психология конфликта. — СПб.: Питер, 2018. — 544 с.
6. Холостова Е.И. Социальная работа: теория и практика. — М.: Юрайт, 2020. — 503 с.
7. Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы. — М.: Дашков и К, 2019. — 568 с.
8. Фирсов М.В. Социальная работа с молодежью. — М.: Академический проект, 2018. — 256 с.
9. Мудрик А.В. Социализация человека. — М.: Академия, 2010. — 304 с.
10. Реан А.А. Психология подростка. — СПб.: Питер, 2017. — 288 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НА ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Молова Л.З. *– студентка Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Кушхова А.Ф. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье исследуется влияние социального статуса на доступность медицинских, образовательных, жилищных и иных социальных услуг. Анализируются основные вызовы для современной социальной работы — институциональные барьеры, стигматизация, ограниченность ресурсов. На основе теоретических и эмпирических данных предложены направления совершенствования практик, обеспечивающие равный доступ к услугам для всех категорий населения.

Ключевые слова: социальный статус, доступность социальных услуг, социальная работа, социальное неравенство, институциональные барьеры, социальная политика, социальная поддержка.

THE IMPACT OF SOCIAL STATUS ON THE ACCESSIBILITY OF SOCIAL SERVICES: CHALLENGES FOR MODERN SOCIAL WORK

Molova L.Z. – student, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

Academic Supervisor: Kushkhova A.F. – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

Abstract. This article examines the impact of social status on access to healthcare, education, housing, and other social services. It analyzes the key challenges facing contemporary social work, including institutional barriers, stigma, and resource constraints. Based on theoretical and empirical data, it proposes areas for improving practices to ensure equal access to services for all population groups.

Keywords: social status, accessibility of social services, social work, social inequality, institutional barriers, social policy, social support.

Современное общество характеризуется сложной системой социальной стратификации, в рамках которой положение индивида определяется множеством факторов: уровнем дохода, образованием, профессией, этнической принадлежностью, гендерной идентичностью и другими признаками. Социальный статус не только задаёт набор ожиданий и норм поведения, но и напрямую влияет на доступ к социально значимым ресурсам, включая услуги здравоохранения, образования, трудоустройства, жилья и правовой защиты.

Проблема неравного доступа к социальным услугам в зависимости от статуса остаётся одной из наиболее острых в сфере социальной работы. Несмотря на декларируемый принцип равенства возможностей, на практике люди с низким социально-экономическим положением сталкиваются с многочисленными барьерами, ограничивающими их шансы на полноценную интеграцию в общество. Цель данной статьи — проанализировать механизмы влияния социального статуса на доступность социальных услуг и выявить ключевые вызовы, стоящие перед современной системой социальной работы.

Концепция социального статуса восходит к классическим работам М. Вебера и П. Бурдье. М. Вебер рассматривал статус как позицию в социальной иерархии, связанную с определёнными привилегиями и ограничениями [1]. П. Бурдье ввёл понятие «капитала» (экономического, культурного, социального, символического), подчёркивая, что доступ к ресурсам зависит не только от дохода, но и от иных форм капитала, накапливаемых в течение жизни [2].

В современной социологии социальный статус понимается как многомерная конструкция, включающая:

– предписанные статусы (пол, возраст, этническая принадлежность);
– достигнутые статусы (образование, профессия, должность);
– смешанные статусы (гражданство, инвалидность).

Каждый из этих элементов влияет на возможности индивида получать социальные услуги. Например, низкий доход (экономический статус) ограничивает доступ к частной медицине, а недостаток образования (культурный капитал) снижает шансы на трудоустройство и профессиональное обучение.

Доступность социальных услуг определяется комплексом факторов, действующих на разных уровнях:

На институциональном уровне барьеры возникают из-за несовершенства законодательства, бюрократических процедур и ограниченности финансирования. Формальные требования к получателям помощи (например, необходимость подтверждения дохода или наличия регистрации) могут отсеивать наиболее уязвимые группы, не имеющие стабильного жилья или официального трудоустройства.

На организационном уровне доступность зависит от распределения ресурсов между регионами и учреждениями. В крупных городах спектр социальных услуг шире, чем в сельской местности, а престижные клиники и школы концентрируются в районах с высоким уровнем жизни. Это создаёт географическое неравенство, усугубляющее статусные различия.

На индивидуальном уровне ключевую роль играют знания, навыки и социальные связи. Люди с высоким культурным капиталом лучше ориентируются в системе социальной поддержки, умеют оформлять документы и отстаивать свои права. Напротив, представители маргинализированных групп часто не знают о своих возможностях или сталкиваются со стигматизацией при обращении за помощью.

Эмпирические проявления неравенства. Исследования подтверждают, что социальный статус существенно влияет на получение социальных услуг. Например:

В сфере здравоохранения люди с низким доходом реже проходят профилактические осмотры и откладывают обращение к врачу из-за стоимости лекарств и транспортных расходов [3].

В области образования дети из неблагополучных семей имеют меньше шансов поступить в престижные школы и вузы из-за отсутствия репетиторов и дополнительных занятий [4].

При поиске жилья мигранты и этнические меньшинства сталкиваются с дискриминацией арендодателей, что вынуждает их селиться в неблагоустроенных районах [5].

На рынке труда безработные и люди с инвалидностью испытывают трудности с трудоустройством из-за предвзятого отношения работодателей и отсутствия программ адаптации.

Эти примеры демонстрируют, что неравенство в доступе к услугам не сводится к материальным ограничениям. Оно включает культурные, информационные и психологические барьеры, которые воспроизводятся из поколения в поколение.

Существуют вызовы для современной социальной работы. Система социальной работы сталкивается с рядом проблем, связанных с влиянием статуса на доступность услуг:

1. Ограниченность ресурсов. Финансирование социальных программ часто не покрывает реальные потребности населения, вынуждая специалистов выбирать «наиболее достойных» получателей помощи. Это усиливает конкуренцию между клиентами и может приводить к субъективному отбору.

2. Стигматизация. Люди с низким статусом (бездомные, бывшие заключённые, наркозависимые) нередко воспринимаются как «проблемные» клиенты, что снижает мотивацию социальных работников оказывать им поддержку.

3. Бюрократизация. Сложные процедуры оформления пособий и справок создают дополнительные препятствия для уязвимых групп, особенно для пожилых людей и мигрантов, плохо владеющих языком.

4. Неравномерное распределение услуг. В регионах с низкой плотностью населения нехватка специалистов и учреждений делает недоступными даже базовые виды помощи.

5. Недостаток междисциплинарного взаимодействия. Социальная работа требует координации с медицинскими, образовательными и правоохранительными органами, но на практике обмен информацией затруднён из-за ведомственных барьеров [7].

Рассмотрим пути преодоления неравенства. Для снижения влияния статуса на доступность услуг необходимы комплексные меры:

– Упрощение процедур. Внедрение цифровых платформ для подачи заявлений и консультаций сократит бюрократическую нагрузку и сделает услуги более прозрачными.

– Обучение специалистов. Повышение квалификации социальных работников в области межкультурной коммуникации и антидискриминационных практик поможет снизить стигматизацию клиентов.

– Целевое финансирование. Выделение дополнительных ресурсов для регионов и групп с низким уровнем доступа к услугам (например, сельских территорий или этнических меньшинств).

– Развитие социального капитала. Поддержка местных сообществ и волонтёрских инициатив может компенсировать недостаток формальных институтов в отдалённых районах.

– Мониторинг и оценка. Регулярный анализ эффективности программ с учётом статусных характеристик получателей позволит выявлять и устранять скрытые барьеры [8].

В последние годы к традиционным факторам неравенства добавились цифровые барьеры, усиливающие влияние социального статуса на доступ к услугам. Цифровизация социальных сервисов, хотя и декларируется как инструмент повышения доступности, на практике создаёт новые формы дискриминации. Цифровой разрыв проявляется в том, что люди с низким доходом реже имеют стабильный доступ к интернету, современным устройствам и навыкам работы с цифровыми платформами. Это существенно затрудняет для них подачу заявлений на пособия, запись к врачу онлайн и получение образовательных ресурсов.

Особую озабоченность вызывает внедрение алгоритмов для распределения социальных выплат: если система обучается на данных, отражающих прошлые неравенства (например, по месту жительства или этнической принадлежности), она будет воспроизводить их в новых решениях. Ситуация усугубляется сокращением очных отделений и переводом услуг исключительно в цифровой формат — это лишает доступа к помощи пожилых людей, мигрантов и других групп, не владеющих цифровыми навыками [6].

Законодательные нормы, регулирующие предоставление социальных услуг, нередко содержат скрытые барьеры. Так, получение медицинской помощи или пособий во многих странах зависит от наличия постоянной регистрации, что ставит в уязвимое положение бездомных, беженцев и внутренне перемещённых лиц. Неграждане часто лишены права на ряд социальных услуг или получают их в урезанном объёме, даже если платят налоги и взносы. Кроме того, возрастные критерии в программах поддержки молодёжи или пенсионеров могут исключать группы, находящиеся «на границе» — например, предпенсионеров или молодых взрослых после 18 лет.

Помимо объективных ограничений, значительную роль играют субъективные факторы. Представители уязвимых групп (бездомные, бывшие заключённые) нередко избегают обращения за помощью из-за страха столкнуться с осуждением или бюрократическим давлением. Культурные стереотипы и предубеждения социальных работников иногда приводят к дискриминации при распределении услуг — например, к недоверию к заявлениям женщин о домашнем насилии или предвзятому отношению к мигрантам. К тому же низкая

правовая грамотность заставляет людей отказываться от услуг, даже если они формально им положены: незнание своих прав и процедур получения помощи становится самостоятельным барьером [7].

Географический фактор заметно усугубляет статусное неравенство. В мегаполисах концентрация ресурсов позволяет создавать специализированные центры помощи (реабилитационные клиники, центры занятости), тогда как в малых городах и сельской местности спектр услуг ограничен или вовсе отсутствует. Транспортная доступность также играет важную роль: отсутствие развитой инфраструктуры делает затруднительным посещение учреждений для жителей отдалённых районов, особенно для людей с инвалидностью или пожилых. Разный уровень финансирования социальных программ в субъектах федерации приводит к тому, что идентичные услуги в одном регионе оказываются бесплатно, а в другом — за плату или с длительными очередями [7].

Таким образом, социальный статус остаётся значимым фактором, определяющим доступность социальных услуг. Институциональные, организационные и индивидуальные барьеры создают устойчивые формы неравенства, которые воспроизводятся в разных сферах жизни. Современная социальная работа должна не только реагировать на текущие потребности клиентов, но и активно работать над устранением системных причин дисбаланса. Перспективным направлением является разработка дифференцированных подходов, учитывающих специфику статусных групп, и внедрение технологий, снижающих административные и информационные барьеры. Только комплексный подход, сочетающий улучшение финансирования, обучение специалистов и развитие гражданского участия, способен обеспечить равный доступ к социальным услугам для всех членов общества.

Литература:

1. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.

2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

3. World Health Organization. Social determinants of health. 2023. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health (дата обращения: 04.04.2026).

4. OECD. Education at a Glance. 2022. Paris: OECD Publishing, 2022.

5. United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat). The Urbanization and Development: Emerging Futures. 2021.

6. Куканова, Е. В. Социология : учебник для вузов / Е. В. Куканова, П. Д. Павленок. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 138 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06967-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/598670 (дата обращения: 04.04.2026).

7. Холостова, Е. И. Социальная работа : учебник для среднего профессионального образования / Е. И. Холостова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 746 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-20535-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/599103 (дата обращения: 04.04.2026).

8. Кравченко, А. И. История социологии : учебник для вузов / А. И. Кравченко. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 637 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18258-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/589543 (дата обращения: 04.04.2026).

9. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–40.

10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ РАЗВОДОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Трофимчук А.Г.*-кандидат педагогических наук, доцент, Новочеркасск, Россия.*

Аннотация. В статье подробно описано решение проблемы разводов в Регионах России, путем организации в образовательных учреждениях подготовки обучающихся к Самостоятельной и Семейной жизни, а также организацией подготовки к Самостоятельной и Семейной жизни работающей молодежи.
Ключевые слова: проблема разводов, подготовка к самостоятельной и семейной жизни.

SOCIO-PEDAGOGICAL WORK ON SOLVING THE PROBLEM OF DIVORCES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Trofimchuk A.G.*-Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Novocherkassk, Russi*

Annotation. The article describes in detail the solution of the problem of divorce in the Regions of Russia, by organizing in educational institutions the preparation of students for Independent and Family life, as well as the organization of preparation for Independent and Family life of working youth.
Keywords: the problem of divorce, preparation for independent and family life.

Негативное явление современного общества – разводы в семьях жителей регионов. Печальные итоги разводов ощущают как разведенные супруги, их дети, родственники, друзья, – так и само современное общество!

Например, по статистике РОССТАТА, в Республике Дагестан, на февраль 2025года – при 867-ми заключенных браков, количество разводов – 1937[3].

В других Регионах РФ обстановка по количеству разводов – не лучше[3]!

Педагогическому сообществу целесообразно объединить усилия для решения этой проблемы!

Для решения проблемы разводов в Регионах РФ, предлагаем:

I.Педагогическому сообществу подготовится и организовать подготовку обучающихся в ДОУ и СОШ (1 и 2 ступени) к Самостоятельной жизни.

Комплекс подготовки обучающихся к Самостоятельной жизни включает следующие элементы[2, см. Левое меню (если смотреть на ПК)→Подготовка молодежи к самостоятельной и семейной жизни]:

-Выбор любимой профессии, которая будет материально обеспечивать повседневную жизнь.

-Организация абсолютно Здорового образа жизни.

-Организация непрерывного процесса самовоспитания в домашнем Досуговом центре с ведением индивидуального Дневника самовоспитания.

-Приобретение знаний и навыков самостоятельности в быту.

-Знания нравственных основ Дружбы.

Итоги подготовки выпускников 2-ой ступени СОШ к Самостоятельной жизни:

1)Обучающиеся выбрали любимую профессию и будут ее получать в техникуме или ВУЗе.

2)Обучающиеся всегда в хорошем настроении и самочувствии, у них постоянно повышенная работоспособность к учебе или работе, потому что они живут абсолютно Здоровым образом жизни[2, см. Левое меню (если смотреть на ПК)→Для женихов и невест. Занятие 1].

3)Обучающиеся, ежедневно, в свободное от учебы время – занимаются самым важным процессом в жизни каждого человека – непрерывным самовоспитанием.

4)Обучающиеся могут готовить здоровую пищу, стирать, убирать в квартире, ухаживать за одеждой и обувью, в связи с чем, они для получения любимой профессии могут учиться в другом городе и без проблем жить в общежитии.

5)Обучающиеся знают Нравственные основы Дружбы, описанные швейцарским философом Ф.Р.Вейссом, в книге Нравственные основы жизни[1], – могут дружить со сверстниками и дорожить своею Дружбой.

II. Педагогическому сообществу подготовиться и организовать подготовку обучающихся в 3-ей ступени СОШ и студентов 1-го курса ВУЗов к Семейной жизни.

Комплекс подготовки обучающихся к семейной жизни включает следующие элементы[2, см. Левое меню (если смотреть на ПК)→Подготовка молодежи к самостоятельной и семейной жизни]:

-Понятие смысла семейной жизни.

-Осознание прекрасного общечеловеческого чувства – Любовь.

-Изучение критериев совместимости жениха и невесты для возможности создания семьи.

-Знание особенностей: подготовки к рождению ребенка, ожидания рождения ребенка во время беременности (в т.ч. пренатальное воспитание), ухода и воспитания ребенка после рождения.

-Изучение основ и элементов достижения гармонии семейной жизни.

Итоги подготовки выпускников СОШ и студентов первого курса ВУЗов к Семейной жизни:

1)Знают Смысл семейной жизни – продолжение рода и непрерывное семейное взаимовоспитание родителей и детей.

2)Понимают общечеловеческое, прекрасное чувство – любовь. Готовы создать семью на основе взаимной любви.

3)Знают критерии совместимости потенциальных жениха и невесты, и с первых дней знакомства самоотверженно их анализируют.

4)Знают, как готовиться к рождению ребенка и как его воспитывать до рождения и после рождения.

5)Знают элементы Гармонии семейной жизни и готовы ее организовать в своей будущей семье.

III. Педагогическому сообществу подготовится и совместно с Отделами по работе с молодежью Муниципальных образований – организовать подготовку к Самостоятельной и Семейной жизни с молодыми людьми, работающими на производстве.

Предлагаем Тематический План проведения занятий с работающей молодежью[2, см. Левое меню (если смотреть на ПК)→Для женихов и невест и Научно-популярное пособие «Будьте счастливы!»]:

Занятие 1.Комплекс Здорового образа жизни.

Занятие 2.Процесс воспитания – основной процесс в жизни каждого человека.

Занятие 3.Домашний досуговый центр – фундамент воспитания.

Занятие 4. Комплекс самовоспитания (семейного взаимовоспитания).

Занятие 5.Комплекс подготовки к семейной жизни. Вещи первой необходимости.

Занятие 6.Проверка совместимости для семейной жизни. Праздничные поздравления. Свадьба.

Занятие 7.Родителям – здоровый и беспроблемный ребенок.

Занятие 8.Основы гармонии семейной жизни.

Выводы: Молодежь регионов, подготовленная к Самостоятельной и Семейной жизни, занимающаяся непрерывным самовоспитанием – сможет создать дружные, сплоченные семьи – основу и украшение Государства!

Литература:

1.Вейсс Ф.Р. Нравственные основы жизни. – Мн.: Юнацтва,1994. – 526с.

2.Социальный Сайт «Педагогика воспитания детей, юношества, семьи» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vospitanie-novocherkassk.ru/ (дата обращения:15.04.2026).

3. Статистика Росстата – [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://gogov.ru/marriage-divorce/mrl (дата обращения:15.04.2026).

СЕКЦИЯ 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

ОТ МИЛОСТЫНИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВОЛОНТЕРСТВУ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ В РОССИИ

Апшева Ф.Т. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*
Азаматова Г.К. *- кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация**:** В статье рассматривается историческая трансформация практик поддержки пожилых людей в России от традиционной милостыни и общинной взаимопомощи до современного профессионального волонтерства. На основе анализа нормативных источников и научной литературы выделяются ключевые этапы эволюции: доиндустриальный период с религиозно-этической мотивацией помощи, имперская институционализация благотворительности, советская государственная монополия на социальное обеспечение и постсоветское возрождение гражданского сектора.
Ключевые слова: помощь пожилым, милостыня, благотворительность, социальное обслуживание, профессиональное волонтерство, активное долголетие.

FROM CHARITY TO PROFESSIONAL VOLUNTEERING: THE HISTORICAL EVOLUTION OF ASSISTANCE TO THE ELDERLY IN RUSSIA

Apsheva F.T. - 4th year student of the Social Work Department, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.

Scientific adviser: Azamatova Guljan Kamilevna, PhD in history, associate professor of the department of theory and technology of social work of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov" (Nalchik, Russia).

Annotation: The article examines the historical transformation of support practices for the elderly in Russia, tracing the evolution from traditional almsgiving and community mutual aid to contemporary professional volunteering. Based on the analysis of regulatory sources and scholarly literature, key stages of this evolution are identified: the pre-industrial period with its religious-ethical motivation for assistance, the imperial institutionalization of charity, the Soviet state monopoly on social welfare, and the post-Soviet revival of the civil sector.
Key words: elderly care, almsgiving, charity, social services, professional volunteering, active aging.

Демографическое старение населения перестаёт быть прогнозом и становится повседневной реальностью для российского общества. В этих условиях поддержка лиц старших возрастных групп перестает восприниматься исключительно как функция государственного аппарата, постепенно превращаясь в сферу межсекторного взаимодействия. Однако современная модель сопровождения пожилых граждан не возникла на пустом месте: её институциональные и ценностные основания формировались веками, проходя через радикальные трансформации.. От религиозно обусловленной милостыни к регламентированной благотворительности, от советской государственной опеки к постсоветскому плюрализму и, наконец, к современному профессиональному волонтерству - этот путь отражает не только изменение социальных практик, но и эволюцию представлений о достоинстве, автономии и социальной включенности пожилых людей. В настоящей работе предпринимается по-

пытка реконструировать ключевые этапы данной эволюции, проследить механизмы институционализации добровольческой помощи и определить, при каких условиях волонтерство приобретает профессиональные черты, сохраняя при этом гражданскую природу.

В доиндустриальной России забота о престарелых укоренена в православной этике, где милостыня рассматривалась прежде всего как акт духовного спасения, а не как социальная услуга [1]. Монастырские странноприимные дома и приходские богадельни принимали одиноких стариков, однако их деятельность зависела от частных пожертвований и не предполагала единых стандартов ухода. Ситуация начала меняться во второй половине XIX века, когда земская реформа 1864 года передала вопросы призрения в ведение местных самоуправлений. Появились попечительские советы, организовывались бесплатные столовые и и квартиры для нуждающихся пенсионеров. Благотворительность постепенно утрачивала характер стихийного подаяния, приобретая элементы учета, адресности и общественного контроля [2]. Тем не менее, кадры оставались непрофессиональными: уход осуществляли добровольцы без специальной подготовки, а сама помощь носила скорее патерналистский, чем партнерский характер.

После 1917 года частная филантропия была упразднена, а социальная защита пожилых полностью перешла под контроль государства. Конституционное закрепление права на пенсию и создание сети домов престарелых сформировали модель, в которой забота о старшем поколении воспринималась как неотъемлемая обязанность социалистического строя [3]. Волонтерская активность не исчезла, но была идеологически перекодирована: тимуровское движение, шефство комсомольских организаций над ветеранами, субботники по благоустройству интернатов - всё это носило массовый, но строго регламентированный характер. Добровольцы действовали в рамках партийно-государственных структур, их деятельность оценивалась по количественным показателям, а не по качеству индивидуального сопровождения. К 1980-м годам система достигла высокой степени охвата, однако излишняя бюрократизация и дефицит кадров привели к формализации услуг, когда пожилые люди часто воспринимались как объекты опеки, а не как субъекты социальной жизни.

Распад СССР и экономический кризис 1990-х годов обнажили уязвимость исключительно государственной модели. Финансирование учреждений соцобслуживания сократилось, качество услуг снизилось, а одинокие старики оказались в зоне социального риска. Именно в этот период начался стихийный, но значимый процесс возрождения гражданской инициативы. Православные и светские НКО стали заполнять институциональные пробелы, организуя горячее питание, юридическую помощь и бытовое сопровождение. Однако до середины 2000-х годов волонтерская деятельность оставалась фрагментарной: отсутствие правовых гарантий, слабая координация и зависимость от разовых пожертвований ограничивали её устойчивость. Качественный перелом наметился в 2010-х годах, когда на фоне демографических вызовов и цифровизации социальной сферы сформировался запрос на подготовленных добровольцев. Современное волонтерство в работе с пожилыми всё реже сводится к разовым акциям. Речь идёт о долгосрочном сопровождении, требующем базовых знаний в области геронтологии, коммуникативных практик, алгоритмов первой помощи и цифровой грамотности. Волонтеры проходят аккредитованные программы, работают в тандеме с социальными работниками и психологами, участвуют в оценке потребностей и мониторинге качества услуг. Именно этот переход от стихийного участия к регламентированной, компетентностно ориентированной деятельности позволяет говорить о формировании профессионального волонтерства. При этом важно подчеркнуть: «профессионализм» здесь не означает коммерциализацию, а указывает на стандарты подготовки, ответственность, прозрачность отчетности и интеграцию в систему долговременного ухода, что прямо коррелирует с положениями действующего законодательства [4].

Институционализация профессионального волонтерства в сфере геронтологической поддержки невозможна без выстраивания многоуровневой системы подготовки и наставничества. В отличие от традиционных форм добровольчества, современное сопровождение пожилых требует не только эмпатии, но и прикладных навыков: распознавания ранних признаков когнитивных нарушений, алгоритмов коммуникации при деменции, основ паллиативного ухода и психологической саморегуляции. В ответ на этот запрос ведущие вузы и

некоммерческие организации разрабатывают модульные программы дополнительного образования, включающие симуляционные тренинги, супервизии и практику в реальных условиях. Ключевым элементом такой модели становится система наставничества, когда опытные волонтеры или социальные работники сопровождают новичков на первых этапах, минимизируя риски эмоционального выгорания и повышая качество оказываемой поддержки. Подобные механизмы уже апробированы в пилотных регионах в рамках национальных проектов «Демография» и «Старшее поколение», демонстрируя устойчивый рост удовлетворенности получателей услуг.

Параллельно с развитием кадрового потенциала происходит технологическая трансформация волонтерской инфраструктуры. Цифровые платформы и мобильные приложения постепенно заменяют бумажные журналы учета и ручное распределение заданий. Алгоритмы матчинга, учитывающие географическую близость, компетенции добровольца и специфические потребности пожилого человека, позволяют оптимизировать логистику и сократить время отклика на запрос. Телемедицинские консультации, онлайн-курсы цифровой грамотности и виртуальные клубы по интересам расширяют границы доступного сопровождения, особенно для жителей отдаленных территорий. Однако цифровизация не должна становиться самоцелью: она эффективна лишь при условии сохранения человеческого контакта и учета цифрового неравенства среди старшего поколения. Поэтому успешные практики предполагают гибридные модели, где технологические инструменты дополняют, а не заменяют очное взаимодействие.

Социологический аспект эволюции помощи пожилым тесно связан с преодолением культурного эйджизма и формированием межпоколенческой солидарности. Исторически в российской традиции старость ассоциировалась с мудростью и уважением, однако урбанизация и изменение структуры семьи привели к маргинализации пожилых людей в общественном дискурсе. Профессиональное волонтерство выступает одним из действенных инструментов деконструкции стереотипов: совместные проекты молодежи и старшего поколения (наставничество в профессиональной сфере, совместное волонтерство, культурно-просветительские инициативы) демонстрируют ресурсный потенциал возраста, а не его дефицитарность. Исследования показывают, что участие пожилых в качестве равноправных партнеров, а не только реципиентов помощи, снижает уровень депрессивных симптомов, повышает субъективное благополучие и укрепляет социальный капитал территорий [5]. В этом контексте волонтерство трансформируется из односторонней опеки в двусторонний обмен компетенциями и опытом.

Тем не менее, масштабирование успешных практик сталкивается с институциональными и региональными барьерами. В крупных агломерациях волонтерские экосистемы развиваются быстрее благодаря концентрации НКО, корпоративных партнеров и образовательных ресурсов. В малых городах и сельских районах сохраняются проблемы с транспортной доступностью, отсутствием инфраструктуры для обучения добровольцев и слабой координацией между муниципальными соцслужбами и гражданскими инициати-вами. Финансовая неустойчивость многих НКО, зависящих от краткосрочных гран-тов, ограничивает возможность долго-срочного планирования и удержания кад-ров. Решение этих задач требует не только увеличения бюджетного финансирования, но и внедрения механизмов социального заказа, развития эндаумент-фондов при вузах, а также создания региональных центров компетенций, аккумулирующих лучшие практики и обеспечивающих методическое сопровождение.

Перспективы дальнейшего развития профессионального волонтерства в сфере поддержки пожилых связаны с интеграцией добровольческих практик в федеральные и региональные стратегии активного долголетия. Это предполагает не только нормативное закрепление статуса волонтера-геронтолога, но и раз-работку этических кодексов, регулирующих границы вмешательства, конфиден-циальность данных и информированное согласие. Важным направлением стано-вится вовлечение бизнеса в софинанси-рование социальных инициатив через программы корпоративной социальной ответственности и социальное предпри-нимательство. Кроме того, необходимо выстроить систему независимой оценки качества волонтерских услуг, включающую feedback от получателей помощи, экспертов и

самих добровольцев. Только при условии прозрачности, подотчетности и постоянного совершенствования методик волонтерское сопровождение сможет стать полноценным элементом национальной системы долговременного ухода, отвечая вызовам демографического перехода и сохраняя гуманитарную природу солиларности.

Реконструкция исторических этапов показывает, что система поддержки пожилых граждан в России развивалась не линейно, а через серию институциональных переломов, каждый из которых отражал изменение ценностных ориентиров и управленческих практик. От морально-религиозной милостыни и земской благотворительности через советскую модель государственной опеки к современному межсекторному партнерству - этот путь свидетельствует о постепенном переходе от патерналистского подхода к признанию автономии и социальной включенности лиц старшего возраста. Сегодняшнее волонтерство утрачивает характер разовой благотворительной акции, трансформируясь в регламентированную деятельность, основанную на компетенциях, стандартах качества и системной интеграции с профессиональными социальными службами.

При этом профессионализация добровольчества не означает его коммерциализацию или утрату гражданской инициативы. Напротив, именно сочетание подготовленности, этической ответственности и гибкости позволяет волонтерам заполнять те пробелы, которые остаются за пределами формальных гарантий: сопровождение в цифровой среде, профилактика социального одиночества, организация досуга, ориентированного на интересы самого пожилого человека. Данная модель доказывает свою эффективность в условиях демографического старения, однако её устойчивость напрямую зависит от решения институциональных вызовов: гармонизации правового поля, расширения финансовой поддержки НКО, внедрения единых метрик оценки результатов и обеспечения страхового покрытия рисков для добровольцев.

Перспективы развития системы помощи пожилым лежат в плоскости укрепления синергии между государственными структурами, некоммерческим сектором, бизнесом и образовательными организациями. Масштабирование университетских волонтерских программ, развитие наставничества со стороны «серебряных» добровольцев, а также цифровизация координации спроса и предложения услуг способны повысить адресность и прозрачность поддержки. В конечном счете, эволюция от милостыни к профессиональному волонтерству отражает не просто изменение инструментов социальной работы, но зрелость общества, способного выстраивать отношения со старшим поколением на принципах взаимного уважения, партнерства и гарантированного качества жизни.

Литература:

1. Фирсов М. В. История социальной работы в России: учебное пособие. - М.: Академия, 2019. - 312 с.

2. Холостова Е. И. Социальная работа: теория и практика. - 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Дашков и К°, 2020. - 654 с.

3. Козлов А. А., Смирнова О. В. Трансформация волонтерской деятельности в сфере социального обслуживания пожилых граждан //Социальная политика и социология. -2022. - № 3. - С. 112-125.

4. Федеральный закон от 11.12.2018 № 481-ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 50. -Ст. 7682.

5. Лебедева Н. М., Петрова И. В. Профессиональное волонтерство как ресурс развития системы долговременного ухода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2023. - Т.29, № 2. - С. 89-104

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ: ВОПРОСЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗЦА МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Климова С.В. *– доктор социологических наук, преподаватель ГАПОУ СО Саратовский областной базовый медицинский колледж, Саратов, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются основы служения сестёр милосердия, заложенные в царской России, актуальные формы их деятельности, утверждается необходимость духовных идеалов для сестринской работы в здравоохранении и социальном обслуживании.
Ключевые слова: медико-социальная работа, Российская Империя, здравоохранение, социальное обслуживание

NURSES OF MERCY: ISSUES OF ACTUALIZATION OF THE HISTORICAL MODEL OF MEDICAL AND SOCIAL WORK

Klimova S.V. - a Doctor of Sociology and a lecturer at the Saratov Regional Basic Medical College, Saratov, Russia.

Annotation.The article examines the foundations of the Sisters of Mercy's service in Tsarist Russia, the current forms of their activities, and the importance of spiritual ideals for nursing in healthcare and social services.
Keywords: medical and social work, Russian Empire, healthcare, social serviceshttps://translate.yandex.ru/translator/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9

Медико-социальная работа в современной России представляет собой многосубъектную деятельность, направленную на социальную адаптацию людей, имеющих проблемы со здоровьем, и в то же время «недостаточных» в каком-либо отношении, а подчас одновременно во многих отношениях. Это могут быть:

1) материально недостаточные люди – бедные люди, не имеющие средств для существования, без жилья и крова над головой,

2) социально недостаточные – одинокие люди разных возрастов, существующие в условиях разрушенных семейных и родственных отношений, дети лишенных прав родителей,

3) физически и психически недостаточные люди – инвалиды,

4) люди с отсутствующими – недостаточными – моральными понятиями – преступники.

Понятие «недостаточного человека» имело хождение в системе общественного призрения Российской Империи. Возможно, сторонники современных правозащитных течений могут воспринимать его как дискриминацию людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Однако те, кто, помогал таким людям в царской России, вовсе не имели цели их унизить. Напротив, категории социальный работы «недостаточный человек» ёмко отражается суть проблемы, которую нужно решить для помощи этому человеку: компенсировать имеющийся недостаток.

Кроме взаимодействия разнообразных представителей государственного и негосударственного сектора социальной работы, здравоохранения и социального обслуживания, современный этап медико-социальной работы отличает пёстрая картина практики, определяемой ресурсными возможностями региона и приоритетами местного управления. В целом после «перестройки» в Российской Федерации не сложилось импортированного с Запада стандарта медико-социальной работы, для которого характерно наличие в здравоохранении специалистов по социальной работе и социального контроля деятельности медиков. Но так ли важны для России западные «новации», когда Россия располагает столетиями проверенными традициями и институтами социальной работы, отброшенными противниками благотворительности и милосердия в XX веке? В медико-социальной работе к таким замечательным образцам относятся общины сестёр милосердия.

Студенты медицинских специальностей, прежде всего обучающиеся по направлению «Сестринское дело», изучают деятельность сестёр милосердия как профессиональных предшественников в помощи врачам в уходе за больными. Действительно, во второй половине XIX века сестра милосердия стала первой женской профессией в России. Сестры милосердия, получив профессиональное образование, первыми из женщин стали служить в Российской Империи, получали жалование и пенсию по выслуге лет. Какую важную роль играли общины сестёр милосердия в жизни России, показывает тот факт, что до 1917 года ни в одном учреждении здравоохранения – правительственном, земском, городском, частном – не было должности медицинской сестры или помощника по уходу. Все сестры приходили в стационар или на дом к больным, или в амбулаторию из общин, где они получали профессиональную и духовную подготовку, община формировала их занятость и, по сути, жизнь. Общины сестёр милосердия были во всех столицах губерний Российской Империи и во многих входящих в губернию городах.

Однако в «медицинском подходе» остаётся за скобками истинное происхождение и смысл служения сестёр милосердия. Анализ документов и научных исследований [1,2,3,4,8,9,10] показывает, что общины сестёр милосердия были специальным проектом православных монархов России по созданию особого кадрового ресурса для развития здравоохранении в Российской Империи. Первой общине сестёр милосердия, получившей название Свято-Троицкой и созданной дочерью Николая Первого великой княгиней Александрой Николаевной и ее родственницей принцессой Терезией Ольденбургской, предшествовали деятельность учрежденного Императором Петром Первым женского ухода добронравными вдовами за солдатами и офицерами в госпиталях, учреждение Императором Павлом Первым и последующее широкое развитие института сердобольных вдов, которое возглавляла его супруга Императрица Мария Федоровна. Вплоть до кровавого переворота 1917 года, повлёкшего за собой убийство Императора Николая Второго и его семьи, супруги русских монархов возглавляли движение общин сестёр милосердия, императрицы и члены царской семьи принимали непосредственное личное участие в деятельности общин сестёр милосердия.

Сестричество в России основано на православной вере, православие является его духовной основой, без которого бы этот замечательный проект русских царей не мог возникнуть и превратиться в мощное движение и важное государственное дело. Однако в отличие от католических стран, общины сестер милосердия с самого начала были гражданским институтом, привлекающим православных женщин для служения Государю. В общины принимали православных женщин всех сословий. Всячески поддерживая свой проект, в том числе и привлечением и поощрением благотворителей для общин, русские самодержцы рассчитывали, что духовная основа будет преграждать бюрократию в здравоохранении, избавлять его от корысти.

«Труд сестры милосердия принадлежит к числу тех деятельностей, которые не поддаются описанию. Существо лежащих на сестре обязанностей может быть изложено в нескольких словах, но в целой книге нельзя описать того мира чувств и отношений, из которых слагается, несложное, на поверхностный взгляд, и однообразное служение у постели больного. Всякий, кто внимательно присматривался к этому служению, знает, что сестра милосердия не есть только лекарский помощник. Если сестра удовлетворяет своему назначению, она есть друг больного, она есть друг его семьи; она облегчает физические страдания, она же успокаивает порой душевные муки; она нередко посвящается больным в самые интимные его заботы и скорби, она записывает его предсмертные распоряжения, напутствует его в вечность, принимает его последний вздох». [1, с.33].

Весьма важным аспектом в деятельности общин является их разностороннее социальное служение. Основная мысль, заложенная в первой в России общине сестер милосердия – «попечение о больных, утешение скорбящих, воспитание бесприютных детей, нравственное исправление впавших в пороки». [1, с.44] В общинах были созданы подразделения помощи для людей находящихся в разнообразных трудных жизненных ситуациях: это детские приюты, богадельни, пансионы для детей бедных родителей, исправительные отделения для падших женщин, убежища для бездомным, рукодельные мастерские, женские

училища. Общины открывали бесплатные столовые, народные читальни. Кроме помощи врачу в больницах и у постели больного, работы в аптеках и амбулаториях, в чрезвычайных ситуациях (на войне, в очагах эпидемий, ликвидации пожаров и т.п.), сестры учили детей и взрослых, оказывали духовную поддержку заблудшим, выполняли бытовую работу по уходу. Комплексная занятость характерна и для сестёр красно-крестных общин, которые были учреждены в Российской Империи с целью подготовки сестёр для фронта. В мирное время сестры Российского Красного Креста также служили ближним: призирали детей-сирот, больных и престарелых.

Многопрофильная ориентация деятельности является отличительной чертой сестер милосердия, которая прошла красной нитью через всю историю существования этого уникального социального института. Отметим, что именно сердобольность и разносторонняя помощь страждущим людям как профессиональные компетенции необходимы для работы медицинской сестры в социальном обслуживании – современном государственном секторе медико-социальной работы. Их актуальность для медицинского персонала, работающего с людьми в трудной жизненной ситуации, транслируется сквозь столетие, несмотря на значительный период воинствующего атеизма в жизни российского общества. Уже в стандартах социально-медицинских услуг заложена комплексная занятость медицинской сестры в обеспечении помощи подопечным, взаимодействие со всеми специалистами учреждения, участие во всех формах реабилитации, включая социально-культурную реабилитацию, а профессиональное выгорание диагностируется утратой сочувствия и эмпатии к клиентам.

Современное движение сестер милосердия представляет собой новую форму взаимодействия Русской Православной Церкви и общества, в которой сохраняются традиции и духовные основы их деятельности. Сегодня сестричества существуют во всех епархиях Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Они объединяют православных женщин, готовых бескорыстно помогать детям и взрослым в разнообразных бедах. Сестричества сотрудничают с организациями здравоохранения, образования, социальной защиты. Сестры помогают медицинскому персоналу и пациентам в больницах, оказывают помощь в домах-ребенка, детских приютах, хосписах, ведут патронат больных на дому, помогают бездомным, осуждённым в тюрьмах, кризисным беременным, престарелым людям, многодетным семьям и детям-инвалидам.

В плане медико-социальной работы следует особо отметить значение помощи епархиальных сестричеств отделениям детских больниц, где проходят лечение дети, оставшиеся без попечения родителей, поступающие в больницу из приютов и домов-интернатов. Как известно, общий уход за несовершеннолетними детьми в медицинских стационарах должны нести родители. Но что делать больным деткам, и зачастую «особенным», и медицинскому персоналу, если родители отсутствуют? В таких ситуациях неоценимую помощь им оказывают епархиальные сестры милосердия. В Саратове существует многолетнее сотрудничество Общества сестёр милосердия во имя преподобномученицы великой княгини Елисаветы с детскими отделениями городских больниц. По первому звонку из больницы ночью и днём сестры приходят на дежурства в детские отделения к сиротам, чем оказывают неоценимую помощь персоналу.Около 25 добровольцев посещают отказников в больницах, при необходимости устраивают возле малышей круглосуточные посты, гуляют с детьми в детских домах, поздравляют с Пасхой и Рождеством пациентов больниц, помогают сотрудникам лечебных учреждений Саратова: стирают пеленки, штопают детское белье, моют полы в отделениях. Зачастую именно здесь, в больнице, под опекой сестер дети начинают сидеть, ходить, даже говорить. За эти годы сестры милосердия усыновили 12 детей. Сегодня в деятельности Общества принимает участие сто пятьдесят человек.

К сожалению, в государственных учреждениях здравоохранения Российской Федерации большой редкостью является наличие социального работника, несмотря на то, что существуют нормативные акты, устанавливающие в ГУЗах должности социальных работников и специалистов по социальной работе [5,6,7]. При таком положении дел епархиальные сестры милосердия выручают пациентов и медицинский персонал, например, в больницах скорой помощи, куда нередко попадают утратившие память, документы, бездомные. Они

помогают найти родственников, семью, знакомых таких пациентов, найти им помощь после выписки из больницы. Подобное тесное сотрудничество налажено между сестричеством и больницами в Москве.

Перспективным примером актуализации сестричества милосердия являются проекты совместного обучения сестёр милосердия в средних учебных заведениях здравоохранения и региональных епархий. Их можно отнести к попыткам возродить сестричество в исторической форме. В этом случае сестры получают два сертификата. Один диплом – государственного образца по специальности «медицинская сестра». Свидетельство по духовной подготовке «сестра милосердия» студенткам выдаёт епархия. Как известно, в царской России профессиональную медицинскую подготовку женщины могли получить только в общинах сестёр милосердия. Там же они получали и духовную подготовку для своего служения. Подобный проект несколько лет реализовывался в Саратовском областном базовом медицинском колледже вместе с Саратовской епархией.

Обучение в СОБМК сестры проходили бесплатно. Они также проживали в общежитии епархии на полном пансионе в благоустроенном общежитии со всеми условиями для подготовки к занятиям. В медицинском колледже девушки учились в отдельной подгруппе. На занятиях от остальных учащихся они уже внешне отличались – сестринской формой, и тем, что не носили джинсы. Все без исключения отмечали внешний вид студенток. Они носили голубые платья с платками, были всегда опрятными.

За учебный год группа осваивала знания по сестринскому делу, педиатрии, фармакологии, духовным основам милосердия, правовым основам в медицине, анатомии, геронтологии. Этих студенток отличало то, что они хорошо знали СанПиНы, нормы безопасности, у них отсутствовала боязнь заразиться и брезгливость, было понимание, как обезопасить себя и как помочь, не навредив. Их отличала скромность, начитанность, знание домоводства, многие были с музыкальным образованием. В процессе обучения характер сестёр милосердия, умение сопереживать еще более оттачивались. Они становились более сдержанными, рассудительными, более терпеливыми. Ведь доброта и милосердие требуют кропотливой работы над собой.

Помощь людям нужно оказывать профессионально. Без медицинских знаний квалифицированно это сделать невозможно. Программа колледжа дополняла знания и навыки сестер, исходя из их потребностей. Преподаватели учились вместе с сестрами, получали профессиональные знания из их практического служения, так как сестры милосердия больше работают с геронтологическими больными, паллиативными пациентами. Каждый новый год обучения был как возможность обмена опытом. Ведь человек, пришедший «с улицы» к любому подопечному, мало чем может ему помочь. Помощи нужно учиться, чтобы знать, что человеку нужно, что ему полезно, что может навредить, а также уметь оказывать эту помощь своевременно. И сестры милосердия профессионально и духовно выросли в СОБМК благодаря этому проекту. Эти студентки были очень востребованы в лечебных учреждениях.

В практике коммерциализации здравоохранения в мотивации среднего медицинского персонала остро стоит дилемма «медсестра или сестра милосердия». Кроме того, повседневное столкновение со страданиями приводит медицинских сестёр к невоспроичивости чужой боли, утрате сочувствия, а в итоге к профессиональному выгоранию. Поэтому так важно иметь истинные и прочные духовные идеалы сострадания и любви к ближнему в качестве фундамента ухода за больными, что в полной мере уже три столетия демонстрируют сестры милосердия.

Литература:

1.Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в С.-Петербурге за пятидесятилетие 1844-1894. Санкт-Петербург, 1894. 129 с.

2.Миркович Т.М..Российское общество Красного креста и общины сестер милосердия : Заметка запасной сестры милосердия Красного креста об одной из наиболее важных причин, вредно влияющих на постановку вопроса об уходе за больными и ранеными в России. Санкт-Петербург, 1910. 41 с.

3.Московская городская Александровская община сестер милосердия. Устав Александровской общины сестер милосердия в Москве, состоящей под непосредственным Его Императорскаго Величества покровительством. Москва, 1887. 24 с.

4.Правдиковская Е.Н.Движение сестёр милосердия в России и его кризис в начале XX века // Наука и школа. 2012. № 2. С.181-183.

5.Приказ Минздравсоцразвития от 15.05.2012 № 543н **(**ред. от 27.03.2019) «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению»

6. Приказ Минздрава России от 30.12.2015 N 1034н (ред. от 30.07.2019) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю психиатрия-наркология и Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ»

7. Приказ Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 N 566н (ред. от 13.09.2018) "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения".

8.Проект устава Саратовской общины сестер милосердия во имя Андрея Первозванного. Саратов,1890. 41 с.

9.Нормальный Устав Общин сестер милосердия Российскаго Общества Краснаго Креста Харьков,1904. 36 с.

10.Скалин Ю.Е. Общины сестер милосердия в историческом аспекте // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. №3. С.98-109.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С МЕНТАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ В РОССИИ: ОТ ИЗОЛЯЦИИ К ИНКЛЮЗИВНЫМ МОДЕЛЯМ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Абидов А.М. *- студент 1 курса магистратуры по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик.*

Чеченов А.М. – *кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье прослеживается развитие институционализации лиц с ментальными особенностями в России: от изоляции в советских ПНИ к современным инклюзивным моделям. Анализируются исторические предпосылки, критика закрытых учреждений и внедрение сопровождаемого проживания как альтернативы. Делается вывод о переходе к признанию права на самостоятельную жизнь и социальное включение данной категории граждан.

Ключевые слова: институционализация, ментальные особенности, психоневрологический интернат, изоляция, сопровождаемое проживание, деинституционализация, инклюзивные модели.

The evolution of the institutionalization of persons with mental disabilities in Russia: from isolation to inclusive models of support

Abidov A.M. - *1st year master's student in the field of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik.*

Chechenov A.M. - *scientific advisor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik.*

Annotation. The article traces the evolution of the institutionalization of persons with mental disabilities in Russia: from isolation in Soviet psychiatric hospitals to modern inclusive models. It analyzes the historical background, criticism of closed institutions, and the introduction of supported living as an alternative. The article concludes that there has been a shift towards recognizing the right to independent living and social inclusion for this category of citizens.

Keywords: institutionalization, mental disabilities, psychiatric hospital, isolation, supported living, deinstitutionalization, inclusive models.

Институционализация лиц с ментальными особенностями представляет собой сложный социально-исторический феномен, эволюция которого в России прошла путь от политики исключения и изоляции до попыток внедрения гуманистических и инклюзивных моделей. Актуальность данного исследования обусловлена продолжающейся трансформацией системы психоневрологических интернатов (ПНИ), поиском эффективных механизмов социального сопровождения и внедрением альтернативных форм проживания для данной категории граждан. Целью данной работы является анализ ключевых этапов изменения отношения к лицам с ментальными нарушениями в России, выявление основных характеристик изоляционной модели и изучение современных тенденций перехода к инклюзивному сопровождению. Методологической основой выступает историко-социальный подход, позволяющий проследить преемственность и разрывы в институциональных формах, а также сравнительный анализ закрытых и открытых моделей социального обслуживания.

Начальный этап институционализации характеризовался преимущественно карательным и изоляционным подходом. Лица с ментальными особенностями воспринимались как социально опасные элементы, подлежащие изоляции от общества. Однако уже в конце XIX века в российской психиатрии произошел значительный сдвиг. Как отмечает выдающийся российский психиатр Ю.В. Каннабих, эпоха конца XIX века ознаменовалась отказом от мер механического стеснения[1]. Если в начале столетия широко применялись смирительные рубахи и изоляторы, то к 1890-м годам передовая русская психиатрия, представленная школой С.С. Корсакова, пришла к убеждению о деморализующем влиянии одиночного заключения на больного. Корсаков утверждал, что в комфортабельной и приличной обстановке больной сдерживается, тогда как в грязной комнате он теряет чувство приличия[1]. В Московской психиатрической клинике были не только отменены меры насилия, но и упразднены изоляторы, что стало значительным шагом вперед в борьбе за права душевнобольных. Внедрение постельного режима как лечебного, а не карательного метода, по мнению современников того периода, открыло новую эру в истории ухода за душевнобольными[1].

Параллельно с развитием больничной психиатрии формировались и внебольничные формы помощи. Исследователи А.В. Решетников, Н.В. Присяжная и их коллеги подчеркивают, что земский период развития психиатрической помощи в Российской империи характеризовался не только строительством новых лечебниц, но и активным внедрением таких прогрессивных форм, как земледельческие колонии и семейный патронаж[3]. Эти формы рассматривались как оптимальные способы реабилитации и социализации пациентов, предполагающие их приобщение к посильному труду и свободное проживание, что контрастировало с жесткой изоляцией в стационарах. Особого внимания заслуживает практика семейного патронажа, при которой пациенты размещались в крестьянских семьях за плату от земства, что позволяло им сохранять социальные связи и не терять трудовые навыки[3]. Таким образом, уже на рубеже XIX-XX веков в России зародились элементы модели, ориентированной на социальную интеграцию, хотя доминирующей оставалась стационарная система призрения.

Переходя к анализу последующего периода, важно отметить, что дореволюционные гуманистические начинания не получили устойчивого развития в условиях последующих политических трансформаций. Смена государственного устройства в 1917 году повлекла за собой кардинальный пересмотр подходов к социальному призрению, что привело к формированию принципиально иноймодели институционализации.

Советский период, несмотря на декларации о построении гуманного общества, по сути законсервировал и расширил интернатную систему. Вместо развития семейного патронажа произошла окончательная институционализация лиц с ментальными особенностями. Психоневрологические интернаты (ПНИ) стали основным, а часто и единственным местом проживания для людей, оставшихся без попечения семьи. Этот период можно охарактеризовать как «больничную» модель, где жизнь человека была подчинена строгому распорядку, а сам он выступал в роли пассивного «получателя услуг», лишенного права выбора и субъектности.

А.С. Литвинова в своих работах, посвященных анализу социального гражданства людей с психиатрическими диагнозами, указывает на глубину их социального исключения в данный период[2]. Система была выстроена таким образом, чтобы изолировать «инаких» от основного общества, создав параллельный мир со своими правилами. Даже когда медицинские подходы стали более гуманными, социальная структура интернатов оставалась жесткой. Основной задачей учреждений было не развитие личности или подготовка к самостоятельной жизни, а уход и контроль, что неизбежно вело к депривации и утрате социальных навыков у проживающих. Советская модель предполагала также упрощенный порядок признания недееспособными лиц, поступающих в ПНИ, что фактически лишало их юридической возможности оспаривать условия своего содержания или выбирать альтернативные формы проживания[2].

Именно эта системная закрытость и отсутствие индивидуального подхода стали объектом острой критики в постсоветский период, когда общество получило возможность открыто обсуждать недостатки интернатной системы и искать альтернативные пути.

Распад СССР и смена идеологической парадигмы открыли возможность для критики советской модели интернатов. В общественном дискурсе стали подниматься вопросы о недопустимости массового заточения людей в закрытых учреждениях. Начался этап реформ, направленных на деинституционализацию. Ключевым направлением реформирования становится внедрение стационарозамещающих технологий, прежде всего практик сопровождаемого проживания. Как отмечают исследователи И.Г. Кантышева, Л.А. Кожушко и М.Г. Гильдингерш, социальная политика Российской Федерации направлена на повышение участия государства в процессах деинституционализации, что, в свою очередь, способствует повышению качества жизни уязвимых слоев общества[4]. Исследователи также обращают внимание на необходимость изменения очередности в стационарные организации психоневрологического профиля при реализации сопровождаемого проживания, а также на анализ коечного фонда и состояния материально-технической базы ПНИ[4].

Критика системы выявила её ключевые пороки: обезличенность, жесткую регламентацию жизни, отсутствие приватности и возможности выбора. В больших интернатах, рассчитанных на сотни постояльцев, индивидуальная поддержка практически невозможна из-за нехватки времени у персонала и самой архитектуры учреждения, ориентированной на потоковое обслуживание. Эксперты отмечают, что жизнь в таких условиях приводит к тому, что люди отвыкают принимать решения и теряют остаточные навыки самообслуживания.

Указанные недостатки закрытой системы обусловили необходимость не только организационных, но и нормативно-правовых преобразований, которые должны были заложить фундамент для принципиально иных подходов к социальному обслуживанию данной категории граждан.

Переход к инклюзивным моделям потребовал серьезных законодательных изменений. В 1990-е годы Россия ратифицировала ряд международных документов, однако системные реформы начались лишь с принятием Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (2013 год), который закрепил принцип индивидуальной нуждаемости и профилактику обстоятельств, ухудшающих условия жизнедеятельности. Ключевым документом стала Концепция развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года, где впервые на государственном уровне была поставлена задача сокращения численности проживающих в стационарных организациях и развития альтернативных форм. Как подчеркивает А.С. Литвинова, без изменения правового статуса самих учреждений и пересмотра критериев недееспособности любые организационные реформы останутся половинчатыми[2]. Именно поэтому в последние годы наблюдается тенденция к ограничению практики автоматического лишения дееспособности при направлении в ПНИ.

В юридической литературе также отмечается, что внесение изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, в частности уточнение области совместной компетенции органов публичной власти в решении вопросов здравоохранения, придало праву граждан на получение медицинской помощи завершенность, что распространяется и на

психиатрическую помощь[5]. При этом, как указывают авторы, запущенный вследствие административной реформы процесс деинституционализации психиатрической помощи, выражающийся в закрытии крупных психиатрических больниц, актуализирует вопросы правового статуса ПНИ и прав проживающих в них пациентов[5].

Важно отметить, что современные нормативно-правовые изменения происходят на фоне переосмысления исторического опыта взаимодействия общества с лицами, страдающими психическими расстройствами. В этом контексте особый интерес представляет анализ религиозного восприятия данной категории граждан, которое на протяжении веков формировало культурные основания их социального положения.

Отношение к душевнобольным в России на протяжении длительного времени определялось религиозными представлениями, укоренёнными в православии, а в регионах традиционного распространения ислама — и в мусульманской традиции. Как отмечают исследователи Д.М. Менделевич, А.С. Созинов и Е.В. Морозова, начало российской истории призрения душевнобольных следует относить ко времени князя Владимира, который около 988 года заменил язычество христианством и ввёл законоположение о помешанных, заимствованное из византийского права. Уже в 996 году церковной грамотой Св. Владимира была установлена обязательность благотворительных учреждений при церквях, включая гостиницы, странноприимницы и больницы. Главным местом призрения в начале XI столетия стала Киево-Печерская лавра, где была устроена больница для страждущих, включая умалишённых.

В православной традиции душевная болезнь осмыслялась не столько как медицинская патология, сколько как духовное испытание. Помешательство связывали с «порчей несчастных чем-то посторонним, по причинам, от них независящим», что отражало воззрение православных людей, которые и самый тяжкий грех считали болезнью, насильственным искажением божественной человеческой природы[1]. Юродивые и блаженные, многие из которых страдали психическими расстройствами, почитались на Руси как носители особой духовной мудрости, что создавало амбивалентное отношение к душевнобольным: с одной стороны, они нуждались в призрении, с другой — их состояние могло восприниматься как знак богоизбранности.

На протяжении многих столетий система призрения душевнобольных в России сохраняла связь с религиозными институтами. В XVI веке в Казани возникли первые четыре монастыря, где призревали душевнобольных, которые «слыли в те годы под названием юродивых и блаженных». Монахи не только осуществляли уход, но и устанавливали факт наступления «выздоровления». В период царствования Петра I произошёл перелом: император, ознакомившись с западноевропейскими образцами организации помощи душевнобольным, в 1723 году издал указ, возлагавший на главный магистрат обязанность устройства госпиталей и запрещавший направлять «сумасбродных» в монастыри. Однако этот указ не вступил в силу, а императрица Екатерина I в 1727 году подтвердила прежний порядок призрения в монастырях.

Лишь во второй половине XVIII века, с учреждением Приказов общественного призрения в ходе губернской реформы Екатерины II, начался постепенный переход от церковного к государственному призрению душевнобольных. Однако и в XIX веке сохранялась практика устройства домовых церквей при психиатрических лечебницах. Показательным примером является Томская окружная психиатрическая лечебница, где в 1908 году была освящена домовая церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Врачи лечебницы, ходатайствуя перед революционными властями о сохранении церкви в 1920 году, аргументировали это необходимостью психотерапевтического воздействия: «Посещение церкви душевно-больными желательно и, в значительной степени, необходимо на том основании, что религиозное чувство, как одна из эмоций, свойственных психике человека, поддерживается у душевно-больных именно церковной службой и молитвой в храме; лишение этого средства воздействия на больную психику поведет лишь к большему ее отупению и распаду».

Таким образом, религиозное восприятие лиц с ментальными особенностями в России прошло сложную эволюцию: от восприятия их как носителей духовного дара и объектов церковного призрения до постепенной медикализации и секуляризации подходов. Этот

исторический опыт во многом предопределил как позднейшую изоляционную модель советского периода, так и современные поиски гуманных, ориентированных на личность форм помощи, в которых духовные потребности человека вновь начинают учитываться наряду с медицинскими и социальными.

Ответом на кризис изоляционной модели стало внедрение альтернативных форм социального обслуживания, ключевой из которых является сопровождаемое проживание. Эта модель предполагает, что человек с ментальными особенностями живет в обычной или максимально приближенной к обычной квартире или доме, получая ровно столько поддержки, сколько ему необходимо для самостоятельной жизни. Самой перспективной альтернативой сопровождаемое проживание называют и Министерство труда и социальной защиты РФ, и эксперты. По оценкам, на сопровождаемое проживание можно вывести до 90 процентов проживающих в ПНИ[6]. При этом отмечается, что в Российской Федерации данный процесс пока находится на начальной стадии: по состоянию на 1 октября 2024 года в формате сопровождаемого проживания находились почти 7 тысяч человек, однако из них только 1,7 тысячи — на постоянном сопровождаемом проживании[6].

Внедрение сопровождаемого проживания сталкивается с рядом барьеров. Среди них — отсутствие тиражируемых стандартов, дефицит подготовленных сопровождающих, сопротивление персонала традиционных интернатов, а также нерешенный вопрос финансирования. Тем не менее, в ряде регионов (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Псковская область) накоплен успешный опыт малых групп сопровождаемого проживания, организованных как государственными учреждениями, так и некоммерческими организациями.

Важным знаком системных изменений стала реформа самих психоневрологических интернатов, инициированная на государственном уровне. Как сообщила первый заместитель Министра труда и социальной защиты РФ Ольга Баталина на межрегиональном семинаре-совещании «ПНИ – пространство новых идей» в Санкт-Петербурге, все психоневрологические интернаты страны переименовываются в дома социального обслуживания. При этом предлагается отказаться от решеток на окнах, от палат и белых халатов, создавать уютное пространство, где можно хранить личные вещи, организовать вариативное питание с учетом пожеланий проживающих, а также отказаться от практики лишения дееспособности при переводе из детских социальных учреждений во взрослые.

Кроме того, с 1 сентября 2025 года вступает в силу приказ № 305н Министерства труда и социальной защиты РФ, регулирующий правила работы организаций социального обслуживания, включая ПНИ. Документ, в частности, закрепляет необходимость увеличения количества персонала, введения специалистов по подбору технических средств реабилитации, обеспечения использования средств альтернативной и дополнительной коммуникации, а также сопровождения получателей услуг при передвижении вне территории интерната. Отдельно упоминается необходимость профилактики когнитивных расстройств.

Невозможно анализировать современную эволюцию институционализации без учета роли третьего сектора. Некоммерческие организации, такие как «Перспективы», «Дом с маяком», «Антон тут рядом» и другие, взяли на себя функцию инновационных площадок, где впервые в постсоветской России были апробированы модели сопровождаемого проживания, дневной занятости и трудовой интеграции людей с ментальными особенностями. Показательным примером является опыт благотворительной организации «Перспективы» и Психоневрологического интерната № 3 в Петергофе, где на протяжении нескольких лет реализуется программа подготовки к самостоятельной жизни: 24 человека прошли через такую подготовку, 8 из них вышли на индивидуальное проживание.

Волонтерские движения также способствовали разрушению стигмы: личное знакомство с проживающими ПНИ меняло общественное восприятие, доказывая, что люди с ментальными особенностями не являются «другими» в опасном смысле этого слова.

Взаимодействие государства и НКО в сфере социального обслуживания закреплено законодательно: с 2016 года действует механизм предоставления субсидий социально ориентированным НКО на реализацию проектов в социальной сфере. Однако эксперты указывают на сохраняющуюся проблему: государственные контракты часто ориентированы на

количественные показатели (число обслуженных), тогда как качество и долгосрочные результаты остаются на втором плане. Тем не менее, именно НКО сегодня являются основными драйверами распространения инклюзивных моделей, поскольку они свободнее в экспериментах и более чутко реагируют на индивидуальные потребности.

Заключение

Эволюция институционализации лиц с ментальными особенностями в России демонстрирует сложный, противоречивый путь. Начав с жесткой изоляции, российская система к концу XIX века сделала рывок в сторону гуманизма (земские колонии, отказ от изоляторов). Однако советский период законсервировал и расширил интернатную модель, превратив её в доминирующую. Постсоветская трансформация, несмотря на затяжной характер, привела к осознанию кризиса закрытых учреждений и поиску альтернатив. Современный этап характеризуется переосмыслением этой модели, отказом от «больничного» подхода и активным поиском альтернатив, прежде всего в виде сопровождаемого проживания и реформирования существующих учреждений в открытые дома социального обслуживания.

Ключевыми вызовами остаются: необходимость массовой подготовки кадров для сопровождаемого проживания, преодоление бюрократических барьеров при преобразовании крупных интернатов, а также изменение общественного сознания. Однако вектор движения очевиден: от объекта социальной защиты с ментальными особенностями общество движется к признанию его субъектом, имеющим право на самостоятельную жизнь, труд и уважение к своему выбору. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом эффективности внедряемых пилотных проектов, выработкой универсальных стандартов инклюзивного сопровождения и оценкой долгосрочных социально-экономических результатов деинституционализации.

Литература:

1. Каннабих Ю.В. История психиатрии. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 384 с.

2. Кантышева И.Г., Кожушко Л.А., Гильдингерш М.Г. Стационарозамещающая технология: сопровождаемое проживание // Социология. — 2025.

3. Литвинова А.С. Вернуть «психического больного» в общество: путь социальных трансформаций или реформ в психиатрии? // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 8, № 3. — С. 379-394.

4. Менделевич Д.М., Созинов А.С., Морозова Е.В. История организации помощи психически больным в Казани и Казанской губернии от основания и до конца XIX века // Казанский медицинский журнал. — 2012. — Т. 93, № 1. — С. 146-152.

5. Пономарев В.В., Афанасьев А.В. К вопросу о правовом статусе психоневрологических интернатов и правах проживающих в них пациентов в свете новелл Конституции и законодательства об охране психического здоровья граждан // Юридическая психология. — 2024. — № 1. — С. 33-35.

6. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Бобровская О.Н., Лазаренко А.Н. Организация и специфика земской психиатрической помощи в Российской империи на рубеже XIX-XX вв // Bylye Gody. — 2024. — Т. 19, № 4. — С. 1736-1750.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ, ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ, ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Гасанов О.Х. *- докторант, Институт Экономики Министерства Науки и Образования Азербайджанской Республики, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В статье исследуются исторические аспекты формирования понятия социальной работы и социальной. Целью работы является изучение социально-экономических перемен, способствовавших видоизменению изначальных представлений о социальной работе, анализ процессов, кардинально видоизменивших подход к социальной помощи в ре-

троспективе длительного исторического периода. Рассматриваются архаичные формы взаимопомощи, характерной для первобытнообщинного строя, особенности социальной помощи периода античности, а также средневековья, для которого характерно преобразование религиозно-благотворительной социальной помощи в государственную социально-финансовую поддержку, а в последствии и в первичные формы социальной работы.
Ключевые слова: социальная помощь, социальная работа, первобытнообщинный строй, античный период, Древний Рим, средневековье.

SOCIAL ASSISTANCE AND SOCIAL WORK IN HISTORICAL RETROSPECTIVE: THE PRIMITIVE COMMUNAL SYSTEM, THE ANTIQUITY PERIOD, AND THE MIDDLE AGES

Hasanov O.H. - *Doctoral Student, Institute of Economics of the Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan*

Abstract. This article examines the historical development of the concepts of social work and social. The study aims to explore the socio-economic changes that contributed to the evolution of early conceptions of social work, as well as to analyze the processes that fundamentally reshaped approaches to social assistance over an extended historical period. Particular attention is paid to archaic forms of mutual aid characteristic of primitive communal societies, the distinctive features of social assistance in antiquity, and the medieval period, marked by the transformation of religious and charitable practices into state-administered socio-financial support, and subsequently into the nascent forms of social work.
Keywords: social assistance, social work, primitive communal system, antiquity, Ancient Rome, the Middle Ages.

Стремительно изменяющиеся экономические и социально-политические условия во всем мире, сопровождающие болезненный процесс зарождения нового миропорядка, диктуют переосмысление традиционных подходов к решению “старых” традиционных проблем, и прежде всего таких как занятость. В этом ключе социальная работа приобретает особое историческое содержание для современного общества. Социальная работа на протяжении многих веков подвергалась кардинальным переменам. Эти перемены были обусловлены, с одной стороны, изменениями военно-политических систем, социально-экономических парадигм, господствовавших в разные периоды развития государств, а с другой стороны трансформацией общественных институтов. Рассмотрение истории развития социальной работы предполагает уточнения разграничений между понятиями социальной работы и социальной помощи. Если в современной трактовке понятия социальная помощь и социальная работа далеко не эквиваленты друг другу, на более ранних исторических этапах они были практически синонимичными. Социальная работа является относительно новым современным понятием и представляет собой более профессиональный род деятельности. В настоящее время большинство ученых придерживается следующего определения: “Социальная работа представляет собой определенный вид профессиональной деятельности, который направлен на квалифицированное решение социальных проблем людей, на создание условий, помогающих восстановлению и улучшению их способности к социальному функционированию” [1], в то время как социальная помощь определяется как “содействие лицам, лишенным необходимых условий для нормальной жизнедеятельности, оказание им поддержки и выражение сочувствия” [2].

Человечеству несвойственно жить и существовать в отрыве от социума. На протяжении тысячелетий люди всегда оказывали друг другу различные виды помощи: материальную, финансовую, психологическую, социальную, что гарантировало обществу в целом выживание и развитие. Это четко отслеживается по мере эволюционного развития общества, сопутствующего смене общественно-экономических формаций.

В первобытнообщинном строе главными интересами и целями человека были удовлетворение его базовых потребностей: еды, жилища, одежды и личной безопасности. Достижение этих целей в одиночку были крайне затруднительными. Получить поддержку от

соплеменников в свою очередь можно было только в том случае, если самому оказать им услугу, тем самым взаимопомощь становилась взаимовыгодной. К тому же не менее важным был фактор враждебной среды: непрерывные конфликты, войны за обладание ограниченными ресурсами требовали сплоченной и эффективной организации.

По мере развития земледелия и появления более совершенных орудий труда у людей стали возникать излишки, которые невозможно было реализовать на рынке из-за неразвитости товарно-денежных отношений и устоявшихся первобытных традиций, поэтому возникала возможность их безвозмездного распределения. Таким образом старые, немощные, больные и беспомощные члены общины могли безвозмездно получать излишки, хотя и нерегулярно [3].

Таким образом, социальная помощь в этой общественно-экономической формации напрямую зависела от возможностей и ресурсов общества и опиралась на необходимость эффективной взаимопомощи и взаимоорганизации с целью выживания в неблагоприятной среде, а также на факт появившихся материальных излишков, не нашедших альтернативного применения в виду несовершенства товарно-денежных отношений. Как следствие, отношения социальной помощи на этом историческом этапе не могли быть стабильными и носили скорее выборочный, ситуативный характер.

Не менее важным фактором возникновения социальной помощи на самом раннем этапе зарождения этого социально-экономического явления стало возникновение и формирование религии, связанное в первую очередь с неспособностью людей в древности объяснять прежде всего природные явления, а затем и прочие необъяснимые ситуации. Поскольку в первобытные времена именно род был носителем религии, установление сверхъестественных отношений с родовыми божествами предполагало в первую очередь получение от них покровительства, помощи, то есть отношения эти были вполне конкретные и рациональные, характерные для доминирующей тогда формы взаимопомощи. Различные обряды и жертвоприношения были своего рода помощью богам, взамен же боги должны были также отблагодарить людей богатым урожаем, удачной охотой. Вместе с религиозными обрядами возникали и культовые формы помощи. Исполнение обрядов сопровождалось угощением, раздачей даров, в этом случае дары, принесенные богам фактически доставались самым слабым членам общины, являясь по сути проявлением примитивной формы социальной помощи[3].

По сути, в первобытнообщинном строе люди оказывали друг другу в первую очередь взаимовыгодную помощь, которая с развитием экономики и образованием излишков постепенно превратилась в ограниченную социальную помощь. Параллельно с этим возникшие на тот момент разного рода религиозные культы поощряли оказание поддержки слабым ради сохранения целостности и стабильности всей лобщины, и тем самым также стимулировали примитивное проявление социальной помощи. Однако, несмотря на это, вся деятельность не носила еще в полной мере системного характера.

Кардинально новый подход к развитию концепции социальной помощи формируется в рабовладельческом периоде. В период установления рабовладельческого строя отношения к социальной помощи претерпели значительные изменения. Связано это было в первую очередь с усложнением общественных отношений и фактором наличия большого числа рабов, игравших значительную роль в экономической жизни общества. Особенно показательно этот фактор проявлялся в Древнем Риме. Римское государство на протяжении всей истории своего существования постоянно проводило завоевательную политику, что приводило не только к расширению территории, но и к увеличению общего числа рабов, как собственно рабов уже завоёванного государства или города, так и непосредственно военнопленных. Такое большое количество рабов превращало их в дешевую, а значит и легко заменимую рабочую силу, что, в свою очередь не могло не повлиять на их социальное положение: раб для хозяев был лишь орудием труда не более, законы не защищали его[4].

Во II-веке до н.э. с возникновением латифундий, крупных поместий аристократов, основанных на труде рабов, рабовладельческая система в Древнем Риме приобрела классические формы[5]. Неспособные конкурировать с латифундиями, в которых могли работать

тысячи рабов, мелкие фермеры разорялись, либо становились сезонными сборщиками урожая. В поисках лучшей жизни они были вынуждены отправляться в города, пополняя ряды городской бедноты, что в свою очередь становилось новым вызовом для общества. Таким образом, назревала острая необходимость создания системного подхода к решению проблемы, но уже с новыми составляющими социальной помощи, подразумевающими не просто проявления общинного альтруизма, но и целенаправленную деятельность государства.

Первыми кто попытался исправить незавидное положение разорившихся фермеров-крестьян стали знаменитые братья Тиберий и Гай Грахки. В 133 г. до н. э. Тиберий Гракх добился принятия аграрного закона, ограничивающего размеры землевладения отдельной семьи. Отныне участки сверх нормы возвращались государству и распределялись между беднейшими и малоимущими гражданами, при этом на них налагались ограничения: их можно было передавать по наследству, но запрещалось продавать[5]. Спустя семь лет Гай Гракх принимает знаменитый хлебный закон, устанавливающий продажу хлеба беднякам по сниженной цене, что значительно улучшило их положение[4].

Несмотря на принимаемые законы о социальной помощи на уровне государства, многие римские патриции, желая получить должности при римском сенате, использовали бедственное положение свободных людей в своих эгоистических целях. Проводилось все больше зрелищ, раздавалось все больше хлеба, триумфы, пышные погребения государственных мужей, бои гладиаторов, не говоря уже об официальных праздниках, число которых доходило до невероятных ста в году [5]. Такой, по сути своего рода “взяткой” народу, политические силы того периода гарантировали себе власть, и тем самым контролировали государство.

В середине I в. н. э. Италия, провинция и главная опора римской империи, переживала глубокий аграрный кризис. Для стабилизации ситуации император Нерва разрабатывает знаменитую алиментарную (Alimentum — пища) систему государственной благотворительности. Система ставила своей главной целью помощь беднейшим слоям свободного населения в воспитании их детей. Нерва также добивается выделения средств из казны для создания особого фонда, откуда нуждающиеся землевладельцы могли получать кредит за невысокий процент (5 %). Эти проценты уплачивались в местные фонды, из которых далее выдавались пособия неимущим семьям на содержание их детей. Сироты также имели право на аналогичные условия[4].

Созданная при Нерве система государственной благотворительности, продолжает свое развитие и при Траяне. Исторические факты свидетельствуют о существовании местных фондов, созданных средствами государственной казны или благодаря взносам богатых граждан. Именно эти фонды выдавали детям из бедных семей и сиротам ежемесячные пособия. Управление всей этой системой принадлежало местным муниципальным властям[4].

Хотя, в целом, политика братьев Гракхов и многих других политических деятелей Древнего Рима была направлена на улучшение жизни простого люда, следует учитывать, что помощь эта во многом носила весьма прагматичный политический характер: результат выборов в Древнеримском государстве во многом зависел от голосов этой самой бедноты. В раннеимперский период сложилась более полноценная государственная социальная поддержка, но несмотря на довольно продвинутую для своего времени систему социальной помощи, она функционировала исключительно для свободных граждан Рима, рабы же в свою очередь, составляющие большую часть общества, были полностью лишены такой привилегии.

С принятием в 313 г. Миланского Эдикта, снимавшего все ограничения с христиан в Римской империи и обеспечившего гонимым право на безвозмездное возвращение недвижимости, изъятой во время гонений, наступил новый этап в истории развития социальной помощи [6]. Церковь в этот период активно пропагандировала новый идеал человека, отрешившегося от земных забот, благ и наслаждений. Помощь нищим начинает занимать особое положение в идеологии христианства. Естественно, что это не могло не повлиять на отношение к беднякам, которое все больше и больше претерпевало существенные качественные изменения. Дальнейшее распространение христианства, проповедавшего состра-

дание и любовь к ближнему, добродетель и заботу о слабых, способствовало тому, что практика дарения и милостыни постепенно становилась нормой общественного поведения по всей Европе. Однако, несмотря на все эти факты, церковь не сразу, а спустя длительный период времени стала доминирующей силой в распределении социальных благ. Главной причиной было отсутствие экономической и законодательной базы, которые со временем были устранены соответствующими указами и законами государственных деятелей. Так еще в 321 г. император Константин Великий разрешил церкви принимать от частных лиц имущество по завещанию и тем самым стимулировал благотворительную деятельность[7]. С укреплением позиции и расширением роли церкви росла также ее социальная деятельность: в городах строились приюты, где могли найти кров путешественники, бедняки, старики, прокаженные и другие нуждающиеся. Василий Великий, архиепископ Кесарийский, приблизительно в 371 году н. э. основал и поддерживал богоугодное заведение, включающее больницу, возможно, также и лепрозорий[8].

Упадок и распад Римской империи ознаменовал окончание античного периода и наступление нового этапа в истории Западной Европы - Средневековья, для которого было характерно усилившаяся роль церкви, и превращение ее в главного института социальной помощи, а позднее и социальной работы. В отличие от античного периода социальная помощь в средневековье оказывалась всем беднякам.

Важную роль в благотворительности эпохи средневековья сыграла так называемая десятина, которая изначально была лишь добровольным пожертвованием, но с течением времени церковь сделала это обязательным. В 779 г. Карл Великий превратил десятину в повинность, которая отныне налагалась на всех. Более того Карл Великий упорядочил структуру трат, разделив десятину на три части:

1) на построение и украшение церквей;
2) на бедных, странников и богомольцев
3) на содержание духовенства. [9]

Введение церковной десятины значительно облегчило материальное положение церкви, благодаря чему она могла более активно заниматься благотворительной помощью населению. Со временем по всей Европе начали появляться монастыри, богадельни, больницы, странноприимные дома, церковные приходы. Помощь в таких местах, представляла собой безвозмездную еду, одежду, пристанище на ночь и многое другое, в чем мог бы нуждаться бедняк.

В Западной Европе периода Средневековья, в особенности раннего, монастыри были, можно сказать, главными благотворительными учреждениями. Они отвечали многим параметрам, по которым ныне определяются такие учреждения: владели земельными угодьями и другим имуществом, собирали арендную плату, а полученные средства использовали для помощи нуждающимся, раздавая милостыню и предоставляя приют путникам и больным[7].

Значительную роль в оказании социальной помощи в Европе играли военно-монашеские ордена: тамплиеров, иоаннитов, а также так называемые нищенствующие ордена доминиканцев и францисканцев. Они осуществляли социальную поддержку, открывали учреждения помощи, лечили больных, давали кров путникам[10]. Наряду с ними были и частные благотворители, феодалы, патриции, однако все они в первую очередь заботились больше о спасении собственной души, чем о любви к ближнему. Искупление души и желание попасть в рай было для них более важным, чем сама помощь. С помощью милостыни богатый надеялся спасти душу, о бедняках же, которым он помогал, он заботился в меньшей степени[11].

Несмотря на широкий пересечь церковных институтов, поощряющих помощь бедным, количество нищих не убавлялось. Первой причиной являлось отсутствие единой государственной системы социальной поддержки. Все вышерассмотренные субъекты социальной помощи вели автономную друг от друга деятельность.

Вторая причина состоит в том, что бедность не рассматривали в целом, как проблему, само отношение к бедности в средневековой Европе было как к чему-то нужному и необходимому, в следствие чего отсутствовали причины ее глубокого изучения, нищие считались

более близкими к Богу, и тем самым средневековый человек не рассматривал само наличие бедных в обществе как нечто плохое и предосудительное.

Характерной особенностью социально-экономической деятельности во многих средневековых городах была корпоративная организация, появившаяся во Франции, Англии, Германии и других странах с XI - начала XII в. Это были разного рода цехи, гильдии, братства, представляющие из себя объединение, союз лиц определенных профессий в пределах определенного города. Люди объединялись для защиты своего производства и прибыли от феодалов, конкурентов из других городов, мастеров-соседей, при этом такая организация как правило не ограничивалась осуществлением основных, производственно-сбытовых функций и социальной борьбы, а охватывала все стороны жизни цеховых мастеров. Цех был своего рода организацией взаимной социальной помощи, могущий оказать поддержку нуждающимся мастерам и членам их семей, в случае болезни или смерти кормильца. Существенную роль в сплочение цеха играло также участия в свадьбах, торжественных совместных трапезах, забота о погребении и заупокойном поминовении своих собратьев по цеху[12].

В 1348-1349 гг. на всю Европу, обрушилась эпидемия чумы, более известная как “Черная смерть”, она унесла более трети всего населения, и изменило общее положение вещей. Из-за гибели большого количества людей, возник острый спрос на рабочие руки, чем непременно решили воспользоваться простолюдины. Все это привело к резкому росту заработной платы. Однако такие большие расходы на зарплату были обременительны для землевладельцев в период острого экономического кризиса. Для того чтобы стабилизировать состояние экономики власти были вынуждены принять свод законов, известных как “рабочее законодательство”. В 1349 г. Эдуард III издал первый ордонанс-закон, запрещавший безземельным и бедным подданным обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, наниматься на работу за плату, превышающую до чумной уровень. В случае отказа от работы на этих условиях или самовольного ухода от работодателя до истечения установленного срока, нарушителю грозило наказание[12]. По сути впервые в истории был принят закон, запрещающий бедным бродяжничать и отлынивать от работы. Именно на этом историческом этапе можно говорить о постепенной трансформации социальная помощь в социальную работу.

Весьма интересным является написанное флорентийским историком Маттео Виллани “Простонародье, как мужчины, так и женщины, ввиду избытка всех вещей, не желали заниматься своим привычным трудом, они пристрастились к самым дорогим и изысканным кушаньям, то и дело устраивали свадьбы, а прислуга и уличные женщины надевали платья, оставшиеся от благородных дам” [13]. Бедняки и простолюдины не только отлынивали от работы, но и присваивали себе имущество погибших богачей, что очень сильно подорвало их репутацию. Отношение к беднякам переменилось, ореол святости вокруг них, характерный для средневековья постепенно менялся на враждебность и отторжение. Как видно перемены затронули не только демографическую и социально-экономическую структуру населения, изменилось также само отношение к бедности. Таким образом, это привело к тому, что все больше городов и стран стали принимать законы против раздачи милостыни и безвозмездной помощи тем, кто был в состоянии сам о себе позаботиться. Так на имперском собрании в Линдау в 1497 г. было установлено, что только нетрудоспособным и физически ограниченным людям прошение милостыни может быть дозволено, тогда как дети нищих по достижению трудоспособного возраста должны быть направлены к ремесленникам или устраиваться на службу[14].

Ослабление позиции церкви во время Реформации и бурное развитие буржуазных отношений еще более ускорило зарождении полноценной гражданской заботы о бедняках. Мотив спасения души посредством милостыни отпадает, вместо него выдвигается новая концепция любви к ближнему.

Один из виднейших деятелей эпохи Реформации Мартин Лютер подвергает критике существующую систему раздачи милостыни, считая ее неразборчивой. Он предлагает более детальное ознакомление с условиями жизни, с последующим разделением нищих на способных к труду и нетрудоспособных. Первые обязаны работать, а вторые должны получать

помощь, притом лишь самые необходимые вещи, чтобы не умереть с голода. Более того Лютер предложил изгонять из городов чужих бедняков[14]. Здесь впервые отслеживается четкое разграничение социальной помощи от социальной работы.

В XVI веке во многих крупных городах произошел процесс централизации социальной помощи. Разного рода благотворительные учреждения, как правило устаревшие и малоэффективные, были взяты под контроль властей. Из городов были изгнаны все чужеземцы и бродяги, а попрошаек, способных трудиться, отправили на работу. Появились первые централизованные фонды раздачи милостыни, финансируемые как за счет частных пожертвований, так и благодаря специально введённым налогам[7]. Это стало прообразом будущей системы социальной работы во многих странах мира. Тем самым в эпоху реформации значительно возросла роль гражданской социальной помощи, появились специальные налоги, что свидетельствует о структурном изменении методов оказания социальной помощи.

Обобщая вышеуказанные аспекты, можно однозначно утверждать, что в указанной исторической ретроспективе наблюдается поэтапное развитие концепции социальной помощи от архаичной формы общинного альтруизма, подразумевавшей вынужденную безвозмездную взаимопомощь во имя примитивного физического выживания до социальной поддержки Древнего Рима, основанной в большей степени на популизме; от религиозно-нравственных устоев средневекового общества, определявшего социальную помощь прежде всего как религиозный долг, до осознанной гражданской позиции общества времен позднего средневековья и Реформации, уже четко различающей формы “заботы о ближнем” от социальной помощи, обеспеченной государственным финансированием и осознанной необходимостью трансформации социальной помощи в социальную работу, закрепленную государственным законодательством.

Литература:

1. Циткилов П. Я. Указ. соч. — С. 10.
2. Циткилов П. Я. История социальной работы: Учеб. пособие. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — С. 7.
3. Шарин.В.И История социальной работы: Учебное пособие — М.: Издательско торговая корпорация “Дашков и К”, 2016.
4. Ковалёв С. И. История Рима. — Л., 1986.
5. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. – М., 1990.
6. Кузенков П. В. Миланский эдикт // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
7. Боргман К., Смит Д.А. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст. https://studopedia.ru/21_56878_Caritas-blagotvoritelnie-uchrezhdeniya-srednevekovya.html
8. Православная энциклопедия. https://www.pravenc.ru/text/150791.html
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Десятина, род повинности. — СПб. Брокгауз и Ефрон, 1890–1907
10. Лев Карсавин. Монашество в Средние века - Москва: Ломоносовъ, 2012.
11. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972
12. Карпов С. П. История Средних веков: учебник: в 2 т. — М.: Изд-во МГУ, 2005.
13. Виллани М. Хроника. О последствиях Чёрной смерти (1348 г.). https://vostlit.info/Texts/rus/Villani/matteo.phtml?id=10600

Ульгорн. История общественного призрения бедных // Трудовая помощь. – 1903.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕАБИЛИТАЦИИ: ОТ ПРОТЕЗОВ 1920-Х К РОБОТИЗИРОВАННЫМ ЭКЗОСКЕЛЕТАМ

Мафедзова Р.Ю. *- студентка 4 к. направления подготовки «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Нальчик, Россия.*

Азаматова Г.К. *- кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье систематизирован историко-технический опыт развития отечественных технических средств реабилитации, прослеживается эволюция протезостроения от кустарного производства к высокотехнологичной робототехнике и биогибридным системам. Особое внимание уделено вкладу советских и российских ученых, формированию научно-методической базы и институциональной трансформации отрасли в условиях меняющихся государственных подходов к социальной интеграции людей с инвалидностью.
Ключевые слова. История протезостроения, реабилитационная робототехника, экзоскелеты, нейроинтерфейсы, импортозамещение.

EVOLUTION OF REHABILITATION TECHNOLOGY: FROM PROSTHESES IN THE 1920s TO ROBOTIC EXOSKELETS

Mafedzova R.Yu. - *4th year student of the Social Work Department, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.*

Scientific supervisor: Azamatova Guljan Kamilievna, PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic.

Abstract. The article systematizes the historical and technical experience of the development of domestic technical means of rehabilitation, traces the evolution of prosthetics from handicraft production to high-tech robotics and biohybrid systems. Special attention is paid to the contribution of Soviet and Russian scientists, the formation of a scientific and methodological base, and the institutional transformation of the industry in the context of changing government approaches to the social integration of people with disabilities.
Keywords. History of prosthetics, rehabilitation robotics, exoskeletons, neurointerfaces, import substitution.

История развития технических средств реабилитации (ТСР) представляет собой уникальный пример формирования национальной научно-технической школы, способной решать сложнейшие медико-социальные задачи в условиях ограниченных ресурсов и геополитических вызовов. Эволюция от кустарных деревянных протезов начала XX века к современным роботизированным экзоскелетам с элементами искусственного интеллекта отражает не только технологический прогресс, но и изменение парадигмы отношения государства к людям с инвалидностью - от патерналистской помощи к созданию условий для полноценной социальной интеграции. Настоящая статья ставит целью систематизировать историко-технический опыт отечественного протезостроения и реабилитационной робототехники, проанализировать вклад советских и российских учёных в мировую науку, оценить современное состояние отрасли в контексте реализации Стратегии развития реабилитационного промпроизводства до 2030 года и определить приоритетные направления дальнейших исследований.

Организованная государственная помощь лицам с ампутационными дефектами в России ведёт отсчёт с 5 марта 1883 года, когда Высочайшим повелением императора Александра III был учреждён Мариинский приют для ампутированных воинов в Санкт-Петербурге. Инициатива создания приюта принадлежала императрице Марии Александровне, что отражало гуманистические тенденции общественной морали второй половины XIX века. Первоначально приют размещался в богадельне купца Тименкова-Фролова, а с 1902 года - в специально построенном двухэтажном здании с мастерскими по проекту военного инженера полковника Вишнякова.В 1912 г. Мариинский приют снабдил протезами 1102 человека (из них 633 инвалида были временно размещены в здании приюта, 113 пациентов были приходящими, и 359 человек получили протезы по почте) [1].

Ключевой фигурой раннего периода стал Герман Александрович Альбрехт (1877-1933), выпускник Военно-медицинской академии, доктор медицинских наук, который в 1915 году был отозван с фронта и назначен младшим врачом Мариинского приюта. Именно Альбрехт

привнёс научный подход в протезирование, объединив медицинские и инженерные аспекты. После Октябрьской революции, в марте 1919 года, Петроградский Мариинский приют был преобразован в Институт по снабжению увечных граждан протезно-ортопедическими изделиями, директором которого был назначен Г.А. Альбрехт [2]. Под его руководством институт превратился в ведущий научно-методический центр, готовящий кадры и разрабатывающий стандарты, протезирования для всей страны.

В 1920-е годы были заложены фундаментальные основы отечественной реабилитационной науки: в 1922 году институт стал учебной базой кафедры ортопедии, травматологии и протезирования Ленинградского института усовершенствования врачей; в 1926-1927 годах внедрены протезы голени с «глубокой посадкой» для коротких культей; в 1929 году опубликована работа С.О. Вайнцвейга «К вопросу о типах походки здорового человека и связи её с походкой на искусственной конечности», ставшая первой отечественной биомеханической монографией в области протезирования. Материальная база того периода ограничивалась деревом, кожей, нитролаками и ранними пластиками, однако уже тогда советские инженеры достигали высокой точности индивидуальной подгонки гильз за счёт ручного формования и эмпирических расчётов распределения давления.

В 1932 году институт получил статус Ленинградского научно-исследовательского института протезирования (ЛНИИП), при котором была создана кафедра ортопедии и протезирования под руководством Г.А. Альбрехта. В 1935 году организовано первое в стране конструкторское бюро (НИКБ) в составе 5 человек, что ознаменовало переход от кустарного производства к системному инжинирингу. В 1936 году вышло пособие В.А. Бетехтина «Руководство по протезной технике», ставшее первым отечественным учебником для техников-протезистов.

Великая Отечественная война стала серьёзным испытанием для отрасли несмотря на блокаду Ленинграда, сотрудники института продолжали оказывать хирургическую и протезную помощь раненым, изготовив за годы войны более 3000 изделий. Послевоенный период характеризовался бурным развитием: в 1948 году расширена клиника до 160 коек, созданы отделения ЛФК и физиотерапии, открыты лаборатории испытаний протезов и новых материалов. Особое значение имело создание в 1950 году первой в СССР детской клиники протезирования под руководством Л.Е. Рухмана, что позволило начать системную помощь детям с врожденными и приобретёнными дефектами конечностей.

Научный прорыв 1950-1960-х годов связан с разработкой активных протезов с внешним источником энергии. В 1958 году в СССР был создан первый в мире миоэлектрический протез руки, использующий биоэлектрические сигналы остаточной мускулатуры для управления захватом. Это достижение опередило аналогичные западные разработки на 5-7 лет [3]. Под руководством профессора Ф.С. Воронцова с 1958 года велись работы по созданию активных пластмассовых протезов верхних конечностей, внедрялись пневмоприводы и системы сенсорной обратной связи.

В 1970-1980-е годы советская школа протезирования достигла зрелости: разработаны модульные протезы нижних конечностей с гидравлическими демпферами, внедрены кинепластические операции для улучшения управления протезом, созданы функционально-эстетические протезы с косметическими покрытиями. В 1983 году произошло объединение ЛНИИП и ЛИЭТИН в единый научно-практический центр с клиникой на 524 койки, что позволило реализовать полный цикл «исследование - разработка - внедрение». Сотрудничество с космической отраслью (ЦНИИ «Компас», РКК «Энергия») в 1980-е годы заложило основы для будущих роботизированных систем, хотя проект манипулятора ЭАМ-7 не был завершён из-за сложности управления.

Распад СССР и экономические трудности 1990-х годов поставили отрасль на грань выживания. Однако целевые федеральные программы и сохранение научного потенциала позволили продолжить разработки. В 1993 году институту возвращено имя Г.А. Альбрехта, а в 1999 году произошло объединение СПбНИИП и СПбИЭТИН в Научно-практический центр медико-социальной экспертизы, протезирования и реабилитации инвалидов.Это создало институциональную основу для интеграции медицинской экспертизы, протезирования и социальной реабилитации.

Технологический вектор 2000-х годов определялся цифровизацией и миниатюризацией: внедрены микропроцессорные коленные модули с адаптивным управлением, разработаны многоканальные миоэлектрические системы распознавания паттернов, созданы силиконовые лайнеры с вакуумной фиксацией. Важным достижением стало развитие микрохирургических методов реконструктивной подготовки культей под руководством профессора И.В. Шведовченко, что позволило улучшить функциональные результаты протезирования.

В этот период сформировалась нормативно-правовая база: Федеральный закон №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов», ГОСТ Р 52879-2007 «Технические средства реабилитации инвалидов», приказы Минтруда, регламентирующие порядок обеспечения ТСР. Однако зависимость от импортных компонентов (приводы, датчики, микроконтроллеры) оставалась критической уязвимостью отрасли.

С 2010-х годов в России наблюдается ренессанс реабилитационной робототехники, стимулированный государственными программами импортозамещения и развитием технологических платформ НТИ.

Ключевые игроки отечественного рынка:

Экзоскелеты. Компания «ЭкзоАтлет» (основана в 2012 году) разработала медицинские экзоскелеты ExoAtlet для нейрореабилитации после инсультов и травм спинного мозга, прошедшие регистрацию Росздравнадзора и включённые в перечень ТСР. Устройства оснащены сервоприводами в тазобедренных и коленных суставах, инерциальными датчиками и алгоритмами адаптивного управления, обеспечивающими безопасную ходьбу по лестницам и неровным поверхностям. Промышленные экзоскелеты ExoBelt и ExoHeaver, разработанные совместно с «Объединением Экзо Строителей», применяются для снижения нагрузки на рабочих тяжёлых производств, принимая на себя до 90% веса поднимаемого груза.

Бионические протезы. Компания «Моторика» (резидент «Сколково» с 2014 года) производит активные и бионические протезы верхних конечностей с миоэлектрическим управлением, 3D-печатью индивидуальных компонентов и интеграцией с мобильными приложениями. Последние разработки включают реабилитационные платформы на базе виртуальной реальности и интеграцию с умными часами для расширения функционала управления. Российские учёные из Центра компетенций НТИ создали экзоскелет для дистанционного управления промышленными роботами, использующий биомеханические сигналы оператора для точного воспроизведения движений.

Нейроинтерфейсы и ИИ. Исследования в области прямого нейроуправления ведутся в ФНЦРИ им. Г.А.Альбрехта, МГУ, ИТМО и Сколтехе. Разрабатываются неинвазивные интерфейсы на основе ЭЭГ для управления протезами, алгоритмы машинного обучения для распознавания намерений пользователя, системы тактильной обратной связи через электростимуляцию периферических нервов. Особое внимание уделяется кибербезопасности имплантируемых устройств и этическим аспектам использования нейроданных.

Современная государственная политика в сфере реабилитации инвалидов определяется Стратегией развития реабилитационного промпроизводства до 2030 года, утверждённой Правительством РФ в 2025 году [4]. Документ ставит цели: увеличение доли российской продукции на внутреннем рынке до 64%, развитие отечественного производства критических компонентов, создание кластеров инноваций в регионах.

1. Финансовое обеспечение осуществляется через:
2. Федеральную программу «Доступная среда»;
3. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» (с 2025 года);
4. Субсидии производителям ТСР в рамках промышленной политики;
5. Гранты Фонда содействия инновациям и Фонда «Сколково».

Однако сохраняются системные вызовы: высокая стоимость сертификации по требованиям ЕАЭС, дефицит квалифицированных кадров (инженеров-биомехатроников, клинических инженеров), необходимость адаптации зарубежных технологий к российской инфраструктуре.

Ближайшее десятилетие определит способность отечественной отрасли перейти от импортозамещения к технологическому лидерству в нишевых направлениях. Ключевые тренды:

1. Миниатюризация и снижение стоимости за счёт микроконтроллеров и открытых архитектур.
2. Глубокая интеграция с ЦНС через стабильные периферические нейроинтерфейсы и замкнутые сенсорные контуры для восстановления тактильной чувствительности.
3. Персонализация на основе цифровых двойников, создаваемых с помощью МРТ, биомеханического сканирования и данных носимых датчиков.
4. Конвергенция с регенеративной медициной: биогибридные протезы с интерфейсами к живым тканям, стимуляция нейропластичности через комбинированные методы.
5. Развитие soft robotics для безопасного взаимодействия с телом, особенно в педиатрической практике.

Важнейшим условием успеха станет формирование экосистемы, объединяющей фундаментальную науку (РАН, ведущие вузы), прикладные разработки (инженерные центры, стартапы), клиническую практику (ФНЦРИ, региональные реабилитационные центры) и регуляторные органы (Минтруд, Росздравнадзор).

Только при таком междисциплинарном подходе технические средства реабилитации перейдут из категории «вспомогательных устройств» в категорию «восстанавливающих здоровье технологий», реализуя конституционный принцип социальной справедливости и достойной жизни для всех граждан России.

Столетняя эволюция отечественных технических средств реабилитации демонстрирует уникальный путь от благотворительных инициатив императорской России через плановую науку СССР к инновационной экономике современной России. Вклад советских учёных - Г.А. Альбрехта, В.А. Бетехтина, Ф.С. Воронцова - в мировую науку протезирования остается недооценённым, однако именно в СССР был создан первый миоэлектрический протез и заложены основы биомеханического моделирования. Современные российские разработки в области экзоскелетов, бионических протезов и нейроинтерфейсов подтверждают сохранение научного потенциала и способность отвечать на вызовы времени.

Ключевым фактором дальнейшего прогресса станет не только технологическое совершенство, но и системное решение социально-экономических задач: обеспечение равного доступа к высокотехнологичной реабилитации во всех регионах, подготовка междисциплинарных кадров, развитие нормативной базы для новых классов изделий. При условии консолидации усилий государства, науки, бизнеса и гражданского общества отечественная реабилитационная индустрия способна не только обеспечить потребности страны, но и занять достойное место на глобальном рынке технологий для здоровья.

Литература:

1. ФНЦРИ им. Г.А. Альбрехта. Исторический путь: от Мариинского приюта до федерального научного центра реабилитации / под ред. В.А. Парфёнова. - СПб.: ФНЦРИ им. Г.А. Альбрехта, 2020. - 96 с.

2. Альбрехт Г.А. Научные основы протезирования и организации помощи лицам с увечьями. - Л.: Медгиз,1934. - 178 с.

3. Воронцов Ф.С., Рухман Л.Е. Биоэлектрическое управление протезами: теория, конструирование, клиника. - М.: Медицина, 1968. - 214 с.

4. Стратегия развития реабилитационного промпроизводства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 512-р // Собрание законодательства РФ. - 2025.- № 14. - Ст. 1124.

5. Шведовченко И.В., Смирнов А.С., Волкова Е.П. Современные тенденции разработки нейроинтерфейсов и биомехатронных систем реабилитации // Медицинская техника. - 2024. - № 3. -С. 8-15.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИЗРЕНИЯ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОДДЕРЖКИ НУЖДАЮЩИХСЯ

Нартыжева Д.М. *- студентка 1 курса магистратуры по направлению «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Россия, город Нальчик.*
Чеченов А.М. *– кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ эволюции института призрения в России с X века по настоящее время. На основе исторического и институционального подходов выделены основные этапы трансформации форм и методов поддержки нуждающихся: церковно-монастырское призрение, государственно-общественная система XVIII–XIX веков, земская и городская благотворительность, советская модель социального обеспечения и современный этап возвращения к институциональному многообразию. Особое внимание уделено смене субъектов помощи, механизмам финансирования и преемственности патерналистских традиций. Обосновывается вывод о циклическом характере развития российской системы призрения и значении исторического опыта для совершенствования современной социальной политики.

Ключевые слова. Институт призрения, социальная помощь, история социальной работы, благотворительность, общественное призрение, социальное обеспечение, эволюция форм поддержки, Россия.

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF SOCIAL CARE IN RUSSIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF FORMS AND METHODS OF SUPPORT FOR THE NEEDY

Nartyzheva D.M*. – 1st-Year Master's Student in the "Social Work" Program, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*
Chechenov A.M. *– Academic Supervisor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik.*

Abstract. This article presents a retrospective analysis of the evolution of the institution of social care in Russia from the 10th century to the present. Drawing on historical-genetic and institutional approaches, the study identifies the main stages in the transformation of forms and methods of support for the needy: ecclesiastical and monastic care, the state-public system of the 18th–19th centuries, zemstvo and municipal charity, the Soviet model of social security, and the contemporary stage characterized by a return to institutional diversity. Special attention is paid to the changing agents of assistance, funding mechanisms, and the continuity of paternalistic traditions. The conclusion substantiates the cyclical nature of the development of the Russian system of social care and highlights the significance of historical experience for improving contemporary social policy.

Keywords: institution of social care, social assistance, history of social work, charity, public welfare, social security, evolution of support forms, Russia.

Институт призрения в России представляет собой сложный историко-культурный феномен, эволюция которого отражает трансформацию отношения государства, общества и религиозных институтов к категориям нуждающихся. Актуальность ретроспективного анализа форм и методов поддержки уязвимых групп обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта для совершенствования современной системы социальной защиты. Как справедливо отмечает М. В. Фирсов, обращение к истории социальной работы позволяет выявить устойчивые модели помощи, адаптация которых к современным условиям способна повысить эффективность социальной политики [3, с. 12]. Цель данной статьи заключается в комплексном анализе эволюции института призрения в России от раннесредневековых практик до современного этапа, с акцентом на смену организационных форм и методов поддержки нуждающихся.

Методологическую основу исследования составляют историко-генетический и институциональный подходы, позволяющие проследить преемственность и изменение ключевых элементов системы призрения в различные исторические периоды. Хронологические рамки работы охватывают период с X по начало XXI века, что даёт возможность выделить этапы институционализации помощи, каждый из которых характеризуется специфическими субъектами, формами и механизмами реализации.

Начальный этап становления института призрения в России связан с деятельностью православной церкви. Княжеская власть, принимая христианство, делегировала церкви функции попечения о нуждающихся, что закрепилось в церковных уставах Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. Как отмечает Л. А. Беляева, именно в этот период сформировался принцип «церковного призрения», предполагавший не только материальную поддержку, но и моральное попечение, что надолго определило патерналистский характер российской модели помощи [6, с. 96].

Основными формами поддержки в данный период выступали милостыня, кормление нищих при монастырях и церквях, а также создание специализированных учреждений — богаделен и странноприимных домов. Методы призрения носили преимущественно децентрализованный и благотворительный характер. Важной особенностью являлось отсутствие чёткой дифференциации объектов помощи: нуждающимися признавались все «убогие и нищие», при этом меры поддержки зачастую имели не столько адресный, сколько символический характер, выполняя функцию спасения души благотворителя [1, с. 45].

К XVII веку происходит постепенное включение государства в регуляцию призрения. Соборное уложение 1649 года возлагает обязанности по содержанию престарелых и больных на местные общины и воевод, однако системного подхода ещё не формируется. Тем не менее данный период заложил культурную основу для последующей институционализации: традиция благотворительности, понимаемой как христианская добродетель, сохранялась и в последующие столетия, органично вплетаясь в государственную систему.

Начало кардинальной трансформации института призрения связано с реформами Петра I, который стремился секуляризировать социальную помощь и подчинить её государственным интересам. Указ 1712 года о запрещении профессионального нищенства и учреждении госпиталей и смирительных домов положил начало формированию государственной инфраструктуры призрения. Как подчёркивает А. А. Иванов, петровские преобразования вводили принцип полицейского регулирования: помощь отделялась от наказания, но нуждаемость все ещё рассматривалась как потенциальный источник социальной угрозы [5, с. 148].

Важнейшей вехой стало учреждение Екатериной II в 1775 году Приказов общественного призрения в губерниях. Это был первый опыт создания специализированных органов, ответственных за содержание школ, больниц, богаделен и работных домов. Финансирование приказов осуществлялось из средств губернских казённых палат и частных пожертвований, что порождало смешанную государственную модель. Приказы общественного призрения просуществовали до земской реформы 1864 года, продемонстрировав как достоинства (создание сети стационарных учреждений), так и недостатки (неравномерность финансирования, отсутствие единых стандартов помощи) [2, с. 78].

В первой половине XIX века система общественного призрения дополняется ведомственными формами поддержки: создаются особые попечительства (например, Императорское человеколюбивое общество), развивается благотворительность дворянства и купечества. Методы поддержки постепенно дифференцируются: появляются детские приюты, дома трудолюбия, лечебницы для душевнобольных. Однако государство сохраняет за собой роль регулятора, а не прямого исполнителя, что определяет специфику российской модели как «государственно-филантропической».

Реформы 1860–1870-х годов привели к децентрализации системы общественного призрения. Земства и городские думы получили право организовывать помощь нуждающимся на своей территории, что способствовало развитию локальных инициатив и появлению разнообразных форм поддержки. Как отмечает В. А. Веременко, именно в этот период форми-

руется комплексный подход к призрению: помощь начинает оказываться не только стационарно, но и на дому, развиваются профилактические меры (попечительства о народной трезвости, ясли-приюты) [1, с. 167].

Земская медицина и образование тесно переплетались с социальной помощью, что позволяло реализовывать принципы профилактики и реабилитации. Земства активно использовали статистические методы для выявления нуждающихся, что приближало практику призрения к научно обоснованной социальной работе. В городах создавались благотворительные общества и попечительства, действовавшие на основе уставов и имевшие выборные органы управления. Методы поддержки приобретают многообразие: от денежных пособий до трудоустройства, профессионального обучения и организации досуга [4, с. 112].

В начале XX века, в условиях социального кризиса и революционных событий, начинает формироваться представление о социальной помощи как о правовой обязанности государства. Проекты создания Министерства общественного призрения обсуждались в Государственной думе, но не были реализованы в полной мере. Тем не менее накопленный земством и городским самоуправлением опыт стал основой для последующих преобразований в советский период, хотя идеологическая преемственность была сознательно разорвана.

После Октябрьской революции 1917 года происходит коренной пересмотр концепции поддержки нуждающихся. Термин «призрение», ассоциировавшийся с благотворительностью и религиозной филантропией, заменяется понятием «социальное обеспечение», которое базируется на принципах государственной монополии, классового подхода и всеобщности. Как пишет Н. В. Козлова, советское государство последовательно ликвидировало институты общественного призрения и благотворительности, передав их функции системе наркоматов социального обеспечения [2, с. 123].

В первые годы советской власти акцент делается на социальное страхование рабочих и создание учреждений закрытого типа (детские дома, дома инвалидов). Методы поддержки приобретают ярко выраженный идеологический характер: помощь предоставляется на основе принципа «от каждого по способности, каждому по потребности», но с учётом классовой принадлежности. Нэповский период временно возвращает элементы благотворительности через кооперативы и общественные организации, однако к концу 1920-х годов государство полностью монополизирует социальное обеспечение.

В 1930–1950-е годы формируется патерналистская модель, основанная на ведомственном принципе и остаточном финансировании. Социальная помощь оказывается преимущественно через систему распределения благ на предприятиях, что ведёт к унификации форм поддержки и снижению адресности. Тем не менее именно в этот период создаётся нормативно-правовая база пенсионного обеспечения, инвалидности и льгот, которая сохранится с определёнными изменениями вплоть до 1990-х годов [3, с. 210].

С 1960-х годов начинается постепенное расширение категорий получателей помощи, повышаются пенсии и пособия, однако сохраняется дефицит специализированных социальных служб. Важно подчеркнуть, что советская модель социального обеспечения разорвала институциональную связь с дореволюционным призрением, но унаследовала его патерналистские установки, перенеся ответственность за благополучие граждан исключительно на государство.

Постсоветский период ознаменовался коренной реорганизацией системы социальной защиты. Отказ от монополии государства, признание многообразия форм собственности, появление негосударственных некоммерческих организаций и развитие социального предпринимательства привели к возрождению элементов, характерных для дореволюционной модели (общественные инициативы, благотворительность) при сохранении государственных обязательств. Как справедливо отмечают П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова, современная российская система представляет собой гибридную конструкцию, сочетающую государственное социальное обеспечение, рыночные механизмы и деятельность третьего сектора [4, с. 228].

С 1990-х годов в законодательство вводится понятие «социальная работа», формируется сеть учреждений социального обслуживания (центры помощи семье и детям, реабилитаци-

онные центры для инвалидов, кризисные центры). Методы поддержки становятся адресными, ориентированными на индивидуальные потребности клиента. В последнее десятилетие активно развиваются технологии социального сопровождения, межведомственного взаимодействия, внедряются стандарты оказания услуг [6, с. 101].

Важным выводом из исторической ретроспективы является признание того, что институт призрения никогда не развивался линейно: периоды централизации и огосударствления сменялись этапами децентрализации и активизации общественных сил. Сравнительный анализ позволяет выделить три устойчивые модели, каждая из которых имеет как достоинства, так и ограничения. Первая модель — церковно-общинная (X–XVII вв.) — обеспечивала моральное включение нуждающегося в локальное сообщество, но страдала от нерегулярности и символического характера помощи. Вторая модель — государственно-ведомственная (советский период) — гарантировала формальную всеобщность и предсказуемость, однако порождала иждивенческие настроения и была нечувствительна к индивидуальным запросам. Третья модель — смешанная (земская и современная) — предполагает сочетание публичных и частных субъектов, но сталкивается с проблемами координации, неравенства доступа и недофинансирования. Именно этот гибридный формат, как показывает опыт, оказывается наиболее жизнеспособным в условиях социальной неопределённости, поскольку позволяет перераспределять риски между государством, рынком и некоммерческим сектором.

Особого внимания заслуживает вопрос о критериях эффективности поддержки на разных этапах. В дореволюционный период успешность призрения часто измерялась количеством открытых учреждений и объёмом собранных пожертвований, тогда как современные стандарты требуют оценки, ориентированной на качество жизни получателя услуг. Тем не менее, как справедливо отмечает Л. А. Беляева, многие практики, выработанные земской благотворительностью, например, патронаж на дому или профилактика сиротства, оказались востребованы и в XXI веке, хотя и были переосмыслены в терминах социального сопровождения [7, с. 102]. Отсюда следует, что исторический анализ не должен сводиться к простому перечислению фактов: его ценность заключается в выявлении таких институциональных решений, которые, будучи очищены от идеологических наслоений, могут быть адаптированы к современной организационной среде.

Ещё одним значимым уроком прошлого является понимание пределов формального законодательства. Указы Петра I о запрете нищенства или советские нормативные акты о борьбе с тунеядством демонстрируют, что репрессивные меры без развитой инфраструктуры помощи не только неэффективны, но и социально вредны. Напротив, успешные примеры (земские попечительства, деятельность Императорского человеколюбивого общества) показывают, что ключевым фактором выступает не столько объём бюджетных ассигнований, сколько наличие подготовленных кадров, доверительных отношений между субъектами помощи и получателями, а также механизмов обратной связи. В современной дискуссии о реформировании социальной защиты этот исторический опыт приобретает особую актуальность, предостерегая от соблазна чисто административных или чисто технологических решений, игнорирующих человеческое измерение социальной работы.

Таким образом, дополнительный анализ позволяет уточнить исходную периодизацию: переход от одной модели к другой не был резким разрывом, а сопровождался длительными фазами сосуществования старых и новых практик. Понимание этой инерционности необходимо для выработки реалистичных прогнозов развития современной системы призрения. В частности, даже при активном внедрении цифровых платформ и аутсорсинга социальных услуг, базовые патерналистские ожидания населения и дефицит доверия к негосударственным провайдерам, укоренённые в историческом опыте, будут сохраняться на протяжении длительного времени. Следовательно, любые реформаторские проекты должны учитывать не только экономическую эффективность, но и культурно-историческую совместимость с устоявшимися нормами и практиками помощи, что возможно только при условии глубокого ретроспективного анализа.

Ретроспективный анализ форм и методов поддержки нуждающихся в России позволяет сделать вывод о циклическом характере эволюции института призрения. Начальный этап

(X–XVII вв.) характеризовался доминированием церковной благотворительности и отсутствием системного государственного регулирования. BIII–XIX веках сложилась смешанная государственно-общественная модель, достигшая наивысшего развития в земской системе призрения. Советский период ознаменовался переходом к государственной монополии и унификации социального обеспечения, что привело к утрате институционального многообразия, но обеспечило всеобщность охвата. Современный этап характеризуется возвращением к плюрализму субъектов и методов поддержки при сохранении государственных гарантий.

Исторический опыт свидетельствует, что устойчивость системы социальной помощи обеспечивается балансом между участием государства, общественных институтов и частной инициативой. Эволюция от простых форм милостыни к институционализированной социальной работе отражает не только технологический прогресс, но и изменение понимания природы нуждаемости – от морально-религиозной категории к социально-правовой. Изучение этого опыта сохраняет актуальность для дальнейшего совершенствования российской модели социальной защиты, особенно в контексте поиска оптимальных механизмов межведомственного взаимодействия и адресной помощи.

Литература:

1. Веременко В. А. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века: институты, практики, направления эволюции. Санкт-Петербург: Издательство Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, 2023. 312 с.
2. Козлова Н. В. Трансформация института призрения в советский период: историко-правовой анализ // Российская история. 2022. № 4. С. 112–125.
3. Фирсов М. В. История социальной работы в России: от общественного призрения к системе социальной защиты. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2024. 288 с.
4. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная политика и социальная работа в исторической ретроспективе: институциональные изменения и практики помощи. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.
5. Иванов А. А. Государственное призрение в Российской империи: механизмы управления и финансирования (XVIII – начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. № 1. С. 145–160.
6. Беляева Л. А. Исторический опыт общественного призрения в России и его значение для современных социальных практик // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 94–104.

СЕКЦИЯ 5

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

СТРАТЕГИЯ «SURVIVAL»: КАК ВЕРНУТЬ КОНТРОЛЬ НАД ЖИЗНЬЮ ЧЕРЕЗ РИТУАЛЫ САМОПОМОЩИ

Мамедова Р.О. *- доктор философии по философским наукам, доцент кафедры «Социальная работа», Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. В статье рассматривается проблема восстановления субъектности и социального здоровья лиц, переживших катастрофическую утрату. На основе авторского метода включенного наблюдения (период 2010–2026 гг.) предлагается стратегия «Survival», основанная на интеграции повседневных ритуалов в практику социальной реабилитации. Автор обосновывает терапевтический потенциал триады адаптивных копинг-практик: фрирайтинга (репарация смыслов), игры в нарды (реставрация волевой регуляции) и ритуалов красоты (соматическая интеграция). Работа доказывает эффективность перехода от деструктивных форм горевания к активному конструированию новой жизненной реальности через культурные и телесные коды.

Ключевые слова: социальная работа, копинг-стратегии, катастрофическая утрата, стратегия Survival, фрирайтинг, нарды, инклюзия, репарация субъектности, универсальный дизайн жизни.

THE "SURVIVAL" STRATEGY: RECLAIMING CONTROL OVER LIFE THROUGH SELF-CARE RITUALS

Mamedova R.O. *– PhD, Doctor of Philosophy in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Baku State University, Baku, Azerbaijan*

Abstract. This paper addresses the restoration of agency and social well-being in individuals who have experienced catastrophic loss. Based on the author's participant observation method (2010–2026), the "Survival Strategy" is proposed, integrating everyday rituals into social rehabilitation. The author substantiates the therapeutic potential of a triad of adaptive coping practices: freewriting (restoration of meaning), backgammon (recovery of volitional regulation), and beauty rituals (somatic integration). The research demonstrates the effectiveness of transitioning from destructive grieving to the active construction of a new life reality through cultural and physical codes.

Keywords: social work, coping strategies, catastrophic loss, Survival Strategy, freewriting, backgammon, inclusion, agency restoration, universal design of life.

В современной социальной работе изучение повседневных практик — письма, игры и ухода за собой — позволяет рассматривать их как эффективные прикладные инструменты для восстановления социального здоровья и субъектности у лиц, переживших тяжелую утрату. Внедрение подобных ритуалов в качестве элементов стратегии выживания (Survival Strategy) способствует стабилизации психоэмоционального состояния и социального положения клиентов, помогая им вернуть чувство контроля и «заземлиться» в настоящем моменте. Данная работа посвящена анализу нестандартных копинг-стратегий в практике социального работника и их реабилитационному потенциалу

Копинг-стратегии (копинги) — это способы адаптироваться к стрессовой ситуации, иными словами, это реакция на стресс, выраженная через мысли, чувства и действия [2]. Копинг — это активный механизм защиты от стресса и тревоги, мы можем им управлять и менять в зависимости от ситуации. А психологическая защита — пассивный механизм, срабатывающий на подсознательном уровне, он нацелен на сохранение комфорта и блокирование неприятных эмоций.

Существует много различных классификаций копинг-стратегий. Можно встретить информацию о 400 существующих копингах. Самая известная классификация принадлежит американскому психологу Ричарду Лазарусу. Совместно с Сьюзан Фолкман в 1984 году он издал работу Stress, Appraisal, and Coping. Книга содержит описания проведённых авторами исследований, посвящённых тому, как люди воспринимают стрессовые ситуации, как они оценивают свои ресурсы и какие стратегии для победы над стрессом используют [2] .

Лазарус выделял две основные группы стратегий — **проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные.**

Проблемно-ориентированные копинг-стратегии. Эта группа направлена на решение конкретной проблемы или изменение ситуации. Они эффективны в том случае, когда человек считает, что у него есть возможность и ресурсы влиять на ситуацию.

Эмоционально-ориентированные копинг-стратегии. Эти способы ещё называют временно помогающими, потому что они нацелены не на решение проблем, а на снижение эмоционального напряжения из-за них. Правда, в некоторых случаях снизить накал страстей, чтобы потом найти выход из стрессовой ситуации, бывает действительно необходимо. Кроме того, эмоционально-ориентированные стратегии нужны, если разрешение кризиса от вас не зависит.

К эмоционально-ориентированным копингам можно отнести:

- **Раскрытие эмоций** — иногда, чтобы избавиться от стресса, нужно выплеснуть эмоции — выговориться, сходить на бокс, поплакать.
- **Дистанцирование** поможет уменьшить значимость. Например, можно попробовать найти положительные стороны в сложившейся ситуации или переключиться на другую задачу. Также если ситуация не критическая, то можно попробовать отложить её решение.
- **Юмор**, попытка пошутить над ситуацией.
- **Расслабление** — к этому способу относятся техники глубокого дыхания, медитация, йога и прочие виды отдыха.

Важно понимать, что каждый человек имеет свой собственный набор копинг-стратегий, которые он применяет в ответ на стресс. Использование эмоционально-ориентированных методов может быть полезным, если они соответствуют ситуации и индивидуальным потребностям. Выбор подходящей стратегии зависит от темперамента, здоровья, социального окружения, опыта и ситуации. Некоторые предпочитают бросить все силы на решение проблемы, в то время как другие сосредотачиваются на эмоциональной составляющей.

В рамках эмоционально-ориентированного подхода нами предлагаются следующие адаптивные практики. Не любой копинг полезен (есть ведь и деструктивные: **алкоголь, уход в себя, агрессия**). Мы же делаем акцент на адаптивных (здоровых) стратегиях.

В ситуации катастрофической потери (когда изменить саму ситуацию невозможно), на первый план выходят именно **адаптивные эмоционально-ориентированные копинги.**

Учитывая специфику работы с клиентами, пережившими невосполнимые потери, мы выделяем ряд специфических адаптивных практик, которые позволяют трансформировать пассивное страдание в активный процесс самопомощи. К ним относятся:

1. **Фрирайтинг:** «Выгружаем» боль на бумагу

Когда внутри всё кипит или, наоборот, пустота, человеку трудно говорить. Фрирайтинг — это способ просто выписать всё, что в голове, без цензуры. Это помогает клиенту перестать держать всё в себе и увидеть свои страхи со стороны.

2. **Нарды:** Учимся заново принимать решения

После потери человек часто чувствует, что от него в жизни больше ничего не зависит. В нардах, как и в жизни: мы не выбираем, какие кубики выпадут, но мы сами решаем, как пойти. Это возвращает человеку веру в то, что он всё еще может управлять своими действиями и общаться с другими.

3. **Ритуалы красоты**: Возвращаем чувство себя

В состоянии стресса люди часто «забывают» о своем теле, перестают его чувствовать. Поход в салон — это простой способ через прикосновения мастера и заботу о внешности снова почувствовать: «Я есть и я достоин заботы».

Предлагаемые в данной работе выводы и практические рекомендации базируются на авторском методе включенного наблюдения и анализе кейсов в практике социальной работы (период 2010–2026 гг.)

Фрирайтинг

Фрирайтинг - это сборка «разбитого» **нарратив**а. Термин «нарратив» (лат. narrare – рассказывать, повествовать) – рассказывание истории, пересказ, несобственно-прямое говорение. В литературоведение и лингвистику данный термин пришел из историографии благодаря концепции **«нарративной истории» Арнольда Джозефа Тойнби** рассматривающей исторические события как возникшие не в результате закономерных исторических процессов, а в контексте рассказа об этих событиях и неразрывно связанные с их интерпретацией. Существует мнение, что термин «нарратив» связан с латинским словом gnarus, т.е. «знающий», «осведомленный в чем-либо», имеющим индоевропейский корень gno – «знать». Таким образом, при рассказывании человек создает последовательность событий и в то же время интерпретирует окружающую действительность, познавая самого себя. Нарративность состоит в том, что истории не рассказывают, а проживают. Действия не являются простой последовательностью событий, они структурированы и понятны для участников наррации, несмотря на то, что действующие лица могут осуществлять не свои планы и не размышлять над тем, что делают [3].

Свободное письмо без цензуры позволяет клиенту выгрузить хаотичные мысли, снизить эмоциональное напряжение и постепенно выстроить связный рассказ о своей жизни, где травма — лишь эпизод, а не вся личность.

Фрирайтинг (free writing) – это техника письма, подразумевающая механическое записывание всех появляющихся в сознании мыслей. Вы пишете непрерывно в течение ограниченного времени, оптимально – 10-15 минут. При фрирайтинге автор не ограничен ничем: не подбирает слова, не следит за грамотностью, не придерживается линии повествования. Главное условие – не останавливаться в процессе письма. Если у вас не выходит писать осмысленно и по теме, набирайте любые словесные конструкции, даже бессвязные. По инерции мыслительный процесс вернет вас к вашей теме.

Фрирайтинг запускает мыслительный процесс и освобождает автора от языковых ограничений. Вынужденный работать быстро и продуктивно мозг выдает неожиданные идеи и формулировки. Как утверждают специалисты, это полезно и в период творческого кризиса, и при работе в обычном режиме [4].

Техника свободного письма похожа на другие креативные методы. Например, **шесть шляп мышления (Six thinking hats).** Методика анализа английского психолога **Эдварда де Боно**. Он предлагает рассматривать проблему с 6 позиций, чтобы осмыслить ее комплексно и учесть все детали. Суть «шляп»:

- Синяя. Управление – постановка целей, организация мыслительного процесса.
- Белая. Факты – известная информация.
- Красная. Чувства – интуитивные и эмоциональные заключения.
- Черная. Критика – риски, опасности, опровержения.
- Желтая. Оптимизм – преимущества, возможности.
- Зеленая. Креативность – творчество, новые идеи.

Исчерпывающий анализ приводит к оптимальному решению. Это сложно организованный процесс [4]. Во фрирайтинге же проблема осмысляется стихийно.

Чтобы фрирайтинг привел к результату, необходимо следовать определенным правилам:

- Не обдумывайте и не подбирайте слова. Пишите первое, что придет в голову. Не следите за грамотностью текста.
- Прекращайте писать по таймеру. Не заканчивайте мысль после сигнала, если еще осталось, что выразить.
- Пишите без перерыва. Если вы пишете от руки и устаете, сбавьте темп, но не останавливайтесь.
- Постарайтесь, чтобы поток мыслей был связным.

Фрирайтинг от акынов

Акыны – тюркские поэты-импровизаторы, которые складывают песни из всего, что видят вокруг. Вы можете писать обо всем, что наблюдаете на улице или в комнате. Это поможет «разогнать» мыслительный процесс. Это пример «заземления». Когда человек после катастрофической потери «улетает» в свои кошмары, описание того, что он видит прямо сейчас (как акын), — это лучший способ вернуть его в реальность «здесь и сейчас».

Разогнать туман

Выговоритесь, вентилируйте эмоции. Таким образом, произойдет **катарсическая выгрузка.** Пишите обо всем, что вас тревожит, прямо и искренне. Этот прием имеет терапевтический эффект – проясняет сознание, убирает ментальные блоки.

Разгрузочный фрирайтинг

Устройте обычный сеанс быстрого письма, затем сомните и выбросьте лист. Это поможет выплеснуть эмоции и очистить сознание.

Письмо

Напишите реальному или воображаемому другу. Представьте, что вы полностью доверяете адресату. Метод поможет раскрыться и упорядочить мысли.

Главная сила фрирайтинга при катастрофических потерях - при потере, когда логическое мышление парализовано горем, именно стихийность фрирайтинга позволяет обойти защитные барьеры психики

Нарды: Поведенческий и социальный копинг

Нарды – не просто игра, а мост между поколениями и культурами, переживший века и сохраняющий свою популярность до сих пор. История нард начинается более 5 тысяч лет назад. Первые упоминания об этой игре встречаются в древнем Иране, где археологи обнаружили доску, датированную третьим тысячелетием до нашей эры. Это одно из самых ранних свидетельств настольных игр в истории человечества [1]. Нарды не только развлекают, но и служат мощным образовательным инструментом, способствующим развитию логического мышления и стратегического планирования. Игра особенно ценна в образовательной сфере благодаря своей способности улучшать когнитивные функции.

Yek, Dü, Sə, Cahar, Pənc, Şeş — это названия чисел от 1 до 6 на персидском языке, используемые в игре в нарды. Эти названия широко используются в азербайджанской культуре для обозначения очков, выпадающих на костях (зарах). При игре в нарды озвучивание этих слов создают особую акустическую атмосферу.

При игре в нарды происходит тренировка когнитивной гибкости, человек социализируется. Травма может влиять на способность принимать решения и планировать. Нарды требуют концентрации, стратегического мышления и адаптации к случайным факторам (бросок кубиков). Это безопасная форма взаимодействия с миром и другими людьми, которая помогает выйти из социальной изоляции и тренирует мозг в игровой, не стрессовой форме.

После катастрофической потери мир кажется непредсказуемым и враждебным. Игру в нарды можно преподнести как модель жизни в миниатюре. Есть «кости» (судьба, которую нельзя изменить) и «ход» (решение игрока). Человек тренируется действовать в предлагаемых обстоятельствах. Мозг тренируется принимать «плохие кубики» (обстоятельства) и искать лучший выход. Социальный аспект (игра с партнером) помогает мягко выйти из изоляции, не вступая в тяжелые терапевтические беседы, а просто «находясь рядом» в процессе игры. Настольные игры с элементами стратегии выступают инструментом восстановления субъектности. Клиент заново обучается принимать решения в условиях неопределенности, что снижает уровень тревоги».

Нарды являются «моделью управляемого риска».

Походы в салон: Сенсорное заземление и соматическая интеграция

Травма вызывает **диссоциацию** — потерю контакта с телом. Человек «замирает» и перестает чувствовать свои границы. Уход за собой (тактильные ощущения, запахи, визуальный результат) задействует сенсорные системы. Безопасные прикосновения мастера (массаж головы, рук) снижают уровень **кортизола** и повышают **окситоцин**. **Тактильная реабилитация** и эстетическое заземление – все это является стратегией самоподдержки. Возвращение внимания к своему внешнему виду и физическим ощущениям сообщает

мозгу: «Я существую, я в безопасности». Это восстанавливает целостность личности, которая была разрушена катастрофой.

Поход в салон красоты - это **терапия «без белых халатов»**, это осознанный акт заботы о себе. **В салоне клиент не «больной», а «гость»,** что критически важно для восстановления достоинства после катастрофы. Соматические копинг-практики через эстетический уход способствуют восстановлению телесной идентичности и прерыванию циклов деперсонализации.

Мы, социальные работники, предлагаем переход от деструктивных копингов (замыкание в себе, избегание) к конструктивным — тем, что созидают новую реальность клиента шаг за шагом. Социальная работа здесь заключается в организации доступных и понятных клиенту ресурсов для его возвращения в общество. Мы используем культурный код (нарды) и привычные ритуалы (уход за собой) как мостик, по которому человек переходит от состояния жертвы к состоянию полноправного члена социума

1. Письмо лечит смыслы.
2. Игра лечит волю и социальные связи.
3. Салон лечит тело.

Путь реабилитации после глубокой утраты — это всегда путь трансформации. Как точно заметила писательница Октавия Батлер: “Чтобы восстать из собственного пепла, Феникс должен сначала сгореть”. Октавия Эстелль Батлер — одна из самых известных американских чернокожих писательниц-фантастов.

В практике социальной работы наша задача — не просто наблюдать за этим “горением”, но дать человеку в руки инструменты (текст, игру, ритуал), которые помогут ему не просто пережить огонь катастрофы, но и обрести новую форму, собрав себя заново.

Фрирайтинг — это сборка искр памяти.

Нарды — это стратегия полета в новых условиях.

Салон красоты — это обретение нового «оперения» (телесной целостности).

Литература:

1. История возникновения нард: кто придумал интеллектуальную игру. — Текст : электронный // H-Present : [сайт]. — URL: h-present.ru (дата обращения: 23.03.2026).
2. Лазарус, Р. Стресс, оценка и копинг / Р. Лазарус, С. Фолкман. — Нью-Йорк : Спрингер, 1984. — 456 с. — (Lazarus, R. S., Folkman, S. Stress, Appraisal, and Coping. N.Y.: Springer, 1984).
3. Обдалова, О. А. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности / О. А. Обдалова, З. Н. Левашкина. — Текст : электронный // КиберЛенинка : [науч. электрон. библиотека]. — URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 17.03.2026).
4. Что такое фрирайтинг и как его использовать для поиска креативных решений. — Текст : электронный // Calltouch : [блог]. — URL: calltouch.ru (дата обращения: 15.03.2026).

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Мамедова С.Т. *- старший преподаватель кафедры «Управления бизнесом», Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан.*

Аннотация. В статье рассмотрено значение социальных и культурных факторов как одного из факторов, влияющих на стратегию управления человеческими ресурсами. В данном контексте на основе количественной и качественной оценки обоснована экономическая эффективность социальных мероприятий. Для этого исследованы возможности использования различных методов измерения. Определены направления влияния социальных мероприятий на стратегию управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова*:* социальные факторы, социальные мероприятия, человеческие ресурсы, экономическая эффективность, стратегия, оценка

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC SIGNIFICANCE OF SOCIAL MEASURES IN THE HUMAN RESOURCE MANAGEMENT STRATEGY

Mammadova S.T. *- Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan* *Annotation. The article analyzes the importance of social measures in the human resources strategy.*

Annotation: The article examines the significance of social and cultural factors as one of the factors influencing the human resource management strategy. In this context, the economic efficiency of social measures is substantiated on the basis of quantitative and qualitative assessment. To this end, the possibilities of using various measurement methods are explored. The directions of the impact of social measures on the human resource management strategy are determined.

Keywords**:** social factors, social measures, human resources, economic efficiency, strategy, assessment.

Стратегия, будь то стратегия управления человеческими ресурсами или любая другая управленческая стратегия, должна включать два ключевых элемента: стратегические цели (то есть то, чего стратегия должна достичь) и план действий (то есть средства, с помощью которых предполагается достижение этих целей) [1,с.26].

Одной из основных целей стратегии управления человеческими ресурсами является улучшение социального положения работников. Для достижения этой цели социальные мероприятия играют большую роль.

В современных системах управления всё более значимую роль в формировании и реализации стратегии управления человеческими ресурсами играют социальные и культурные факторы. Усиление процессов глобализации и постоянные изменения на рынке труда приводят к тому, что конкурентные преимущества организаций определяются не только финансовыми показателями, но и социальным положением сотрудников, а также уровнем сформированной внутриорганизационной культуры. В этой связи интеграция социальных и культурных факторов в HR-стратегию рассматривается как важное условие устойчивого развития предприятия.

Социальные факторы охватывают уровень жизни работников, систему социальной защиты, баланс между профессиональной и личной жизнью, характер взаимоотношений в коллективе и степень мотивации персонала. Улучшение социальной среды внутри организации способствует повышению вовлечённости сотрудников, снижению текучести кадров и росту производительности труда. Особое значение имеет обеспечение справедливых условий труда и реализация мер, направленных на повышение благосостояния персонала.

Культурные факторы связаны с системой ценностей организации, нормами поведения, стилем управления и особенностями коммуникационных процессов. Сильная организационная культура способствует формированию единых целей у сотрудников, укреплению командного взаимодействия и развитию инновационного мышления. В условиях многообразия культурного состава персонала важную роль приобретают принципы инклюзивности и толерантности.

Учет социальных и культурных факторов в стратегии управления человеческими ресурсами обеспечивает долгосрочное развитие организации. Такой подход способствует не только росту удовлетворённости и лояльности сотрудников, но и улучшению репутации компании. В результате сбалансированное управление данными факторами становится ключевым направлением стратегического HR-менеджмента.

Для проведения экономической оценки социально-культурных факторов необходимо предварительно систематизировать факторы, влияющие на стратегию управления человеческими ресурсами, и определить их взаимосвязи (табл. 1). Представление данных факторов в табличной форме позволяет более наглядно отразить их структуру и взаимное влияние Как видно, каждый фактор в той или иной степени связан с социальной и культурной средой, а их взаимодействие с экономическими аспектами составляет основу стратегического анализа и прогнозирования.

В современной экономической науке ценность социальных и культурных факторов определяется не только финансовыми показателями, но и нефинансовыми индикаторами, такими как поведение работников, система ценностей и влияние социальной среды. В связи с этим оценка экономического эффекта требует комплексного подхода.

На практике такая оценка осуществляется посредством сочетания количественных и качественных методов. К количественным показателям относятся производительность труда, текучесть кадров, уровень посещаемости, рентабельность и эффективность затрат. Сравнительный анализ этих показателей до и после внедрения социальных мероприятий позволяет выявить реальные экономические изменения. Кроме того, широко применяются такие методы, как возврат инвестиций (ROI) и анализ «затраты–выгоды», позволяющие оценить экономическую эффективность социальных программ.

Таблица 1.

Факторы, влияющие на стратегию управления человеческими ресурсами, и их классификация

Внешние факторы	**Сфера влияния и особенности формирования**	**Внутренние факторы**	**Сфера влияния и особенности формирования**
Состояние рынка труда	Качественные характеристики рабочей силы и уровень конкуренции напрямую влияют на стратегическое управление человеческими ресурсами. Дефицит квалифицированных кадров требует усиления политики привлечения и развития персонала.	Общая стратегия предприятия	Стратегия управления человеческими ресурсами должна соответствовать бизнес-стратегии. Инновационные компании формируют HR-политику на основе творчества и управления знаниями.
Правовая и нормативная среда	Государственная политика в сфере труда, нормы социальной защиты и трудовое законодательство формируют основу управления человеческими ресурсами. В Азербайджане регулируется «Трудовым кодексом» и законом «О занятости».	Организационная структура и модель управления	Реализация HR-стратегии зависит от системы управления, лидерства и корпоративной культуры. Структура организации влияет на эффективность стратегии.
Технологическое развитие	Использование цифровых технологий, искусственного интеллекта и HR-аналитики делает управление более гибким и основанным на данных. Это требует приоритета цифровизации. [2]	Гибкость общей стратегии предприя	Принятие решений по подбору, обучению и развитию персонала основывается на достижениях технологического развития.
Экономические условия	Экономическая стабильность, инфляция и изменения на рынке труда влияют на политику найма,	Уровень человеческого капитала	Оценка кадровых ресурсов проводится с учетом их текущего состояния. При нехватке ресурсов

	мотивации и удержания персонала. В кризисные периоды акцент делается на эффективность. [1]		инвестируют в развитие персонала.
Социальные и культурные факторы	Социальные нормы и ожидания влияют на поведение работников и их вовлеченность. Инклюзивность, мотивация и культурное разнообразие важны для HR-решений.	Корпоративная культура и система ценностей	Этичная рабочая среда формирует доверие, повышает лояльность и способствует привлечению и удержанию квалифицированных специалистов.

*Источник: Таблица составлена автором на основе различных аналитических материалов.

В процессе оценки экономических результатов влияние социальных и культурных факторов может быть изучено с использованием различных методологических подходов. Одним из таких направлений являются качественные методы анализа. Данные методы ориентированы на исследование факторов, которые сложно выразить количественно, но которые оказывают значительное воздействие на экономические показатели организации. К ним относятся уровень удовлетворённости персонала, характер организационной среды, степень мотивации работников и условия труда. Инструменты сбора данных, такие как анкетирование, интервью, фокус-группы и наблюдение, позволяют получить более глубокое понимание социальных и культурных процессов в организации.

Другим важным направлением выступают интегрированные (гибридные) методы. Их сущность заключается в одновременном анализе как количественных статистических данных, так и качественных социальных показателей. Например, может проводиться исследование взаимосвязи между удовлетворённостью сотрудников и уровнем производительности труда, что позволяет формировать более обоснованные управленческие решения.

Широкое применение также находит система сбалансированных показателей (Balanced Scorecard). Данный инструмент включает не только финансовые индикаторы, но и нефинансовые параметры, такие как внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие персонала, а также уровень удовлетворённости сотрудников и клиентов. Это позволяет более комплексно оценивать влияние социальных и культурных факторов на стратегическое развитие предприятия.

Для анализа экономического эффекта социальных факторов активно используются эконометрические и статистические методы. Регрессионный анализ, корреляционные модели и методы прогнозирования позволяют выявлять взаимосвязи между переменными и устанавливать причинно-следственные зависимости.

Кроме того, важную роль играет метод сравнительного анализа (benchmarking), при котором показатели организации сопоставляются с данными аналогичных предприятий отрасли. Это даёт возможность объективно оценить эффективность социальной политики компании.

Таким образом, оценка влияния социальных и культурных факторов не может быть ограничена использованием одного метода. Наиболее точные результаты достигаются при комплексном применении различных подходов.

При анализе экономической значимости социальных факторов особое внимание уделяется уровню удовлетворённости сотрудников, социальной защищённости, качеству трудовых отношений и стабильности социальной среды. Эти показатели оказывают прямое влияние на производительность труда, текучесть кадров и общую эффективность организации.

Экономическое воздействие культурных факторов проявляется преимущественно через особенности организационного поведения и процессы принятия решений. Сильная

организационная культура способствует развитию сотрудничества, стимулирует инновации и повышает адаптивность к изменениям внешней среды.

Среди социальных факторов особое значение имеют социальные мероприятия. Программы обучения, пакеты медицинского и социального обеспечения, системы мотивации и командообразующие мероприятия выступают не только инструментом социальной политики, но и важным управленческим механизмом, влияющим на экономические результаты.

С экономической точки зрения одним из ключевых эффектов социальных мероприятий является рост производительности труда. Учет социальных потребностей работников повышает их мотивацию, что приводит к улучшению производственных показателей. Улучшение условий труда снижает уровень заболеваемости и уменьшает потери рабочего времени, обеспечивая стабильность персонала.

Кроме того, социальные программы способствуют снижению текучести кадров, что уменьшает затраты на подбор и обучение новых сотрудников. Это формирует значительный экономический эффект за счёт оптимизации расходов.

Социальные мероприятия также положительно влияют на имидж организации. Компании, уделяющие внимание благополучию сотрудников, становятся более привлекательными на рынке труда и способны привлекать более квалифицированные кадры, что повышает качество человеческого капитала.

С точки зрения стратегического управления человеческими ресурсами социальные мероприятия являются важной частью долгосрочной стратегии развития организации. Они способствуют формированию устойчивой корпоративной культуры, повышению лояльности персонала и развитию инновационной среды.

В результате социальные мероприятия оказывают как краткосрочное, так и долгосрочное экономическое воздействие. Эти эффекты можно условно разделить на три группы:

- Прямой экономический эффект: рост производительности труда и снижение потерь рабочего времени
- Косвенный экономический эффект: повышение удовлетворённости и лояльности персонала
- Стратегический эффект: развитие человеческого капитала и укрепление организационной устойчивости

Эффективность социальных мероприятий особенно проявляется в снижении текучести кадров и стабилизации рабочей силы, что способствует оптимизации затрат и повышению прибыльности предприятия. (табл. 2).

Таблица 2.

Экономическое влияние социальных мероприятий на рабочую силу

Вид социального мероприятия	Краткосрочное воздействие	Долгосрочный экономический результат
Программы обучения и развития	Рост навыков	Повышение производительности
Медицинские и социальные пакеты	Рост удовлетворенности работников	Снижение потерь рабочего времени
Системы мотивации и бонусов	Повышение заинтересованности в работе	Стабильный рост производительности
Мероприятия по командообразованию	Улучшение коммуникации	Эффективное сотрудничество и инновации
Гибкий режим работы	Снижение стресса	Рост вовлеченности и лояльности сотрудников

*Источник: Таблица составлено автором на основе проведённых анализов в статье.

Оценивая влияние социальных мероприятий на стратегическое управление человеческими ресурсами, можно прийти к следующим выводам:

- Способствуют развитию человеческого капитала, что приводит к формированию более квалифицированной и гибкой рабочей силы.

- Формируют организационную культуру, создавая тем самым сильную и позитивную рабочую среду.

- Повышают приверженность сотрудников, что в итоге приводит к долгосрочным и эффективным трудовым отношениям.

- Обеспечивают конкурентное преимущество, формируя более привлекательный бренд работодателя.

- Развивают инновационный потенциал, увеличивая возможности появления и внедрения новых идей.

Проведённый анализ показывает, что социальные мероприятия для предприятий являются не дополнительными затратами, а, напротив, стратегическими инвестициями, создающими доход. Эти мероприятия способствуют как улучшению экономических показателей, так и более эффективному и долгосрочному управлению человеческими ресурсами. В современном подходе социально ориентированная модель управления считается одним из ключевых элементов устойчивого развития предприятия.

Литература:

1. Armstrong, M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice. London: Kogan Page, 2020. – 785 p. https://sfaaz.org/assets/documents/library/RECOMMENDED%20TEXTBOOKS/Armstrongs-Handbook-of-Human-Resource-Management-Practice_1.pdf дата обращения:16.04.2026
2. https://www.markhuselid.com/pdfs/articles/2006_Becker_Huselid_SİRM_JOM.pdf дата обращения:11.01.2025

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА КАК ПРОСТРАНСТВО ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ (XX–XXI вв.)

Мамытов Улекбек Жанышович *– к.и.н., профессор ОшТУ, Ошский технологический университет, Ош, Кыргызстан.*

Аннотация. В статье рассматриваются межгосударственные отношения Кыргызстана и Казахстана как уникальное пространство для реализации практик социальной работы в условиях поликультурного региона Центральной Азии. Проанализированы исторические этапы взаимодействия двух народов с XX по XXI век: от совместного участия в антиколониальных движениях и советской национально-территориальной делимитации до современных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Особое внимание уделено миграционным потокам, социальным технологиям адаптации трудовых мигрантов, работе с диаспорами и трансграничными программами социальной интеграции. Показано, как двусторонние соглашения, культурные обмены и совместные инициативы создают основу для применения технологий социальной работы: консультирования, кейс-менеджмента, профилактики конфликтов и поддержки семей мигрантов. Выявлены успешные практики центров поддержки мигрантов, роль НПО и государственных органов в укреплении толерантности и социальной сплоченности. Сделан вывод о том, что кыргызско-казахстанские отношения служат моделью мультикультурной социальной работы, способствующей устойчивому развитию региона.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, поликультурная среда, социальная работа, трудовая миграция, интеграция мигрантов, Центральная Азия, ЕАЭС, социальные технологии.

INTERSTATE RELATIONS BETWEEN KYRGYZSTAN AND KAZAKHSTAN AS A SPACE FOR SOCIAL WORK PRACTICES IN A POLYCULTURAL REGION (20th–21st centuries)

Annotation. The article examines the interstate relations between Kyrgyzstan and Kazakhstan as a unique space for implementing social work practices in the polycultural region of Central Asia. Historical stages of interaction between the two peoples from the 20th to the 21st century

are analyzed: from joint participation in anti-colonial movements and Soviet national-territorial delimitation to modern integration processes within the EAEU. Special attention is paid to migration flows, social adaptation technologies for labor migrants, work with diasporas, and cross-border social integration programs. It is shown how bilateral agreements, cultural exchanges, and joint initiatives create the basis for applying social work technologies: counseling, case management, conflict prevention, and support for migrant families. Successful practices of migrant support centers, the role of NGOs and state bodies in strengthening tolerance and social cohesion are identified. The conclusion is drawn that Kyrgyz-Kazakhstan relations serve as a model of multicultural social work contributing to the sustainable development of the region.

Keywords: interstate relations, polycultural environment, social work, labor migration, migrant integration, Central Asia, EAEU, social technologies.

В социальной работе с различными группами населения в условиях мультикультурной среды особое значение приобретают трансграничные взаимодействия соседних государств. Межгосударственные отношения Кыргызстана и Казахстана, сформировавшиеся на протяжении XX–XXI веков, представляют собой яркий пример такого пространства, где практики социальной работы играют ключевую роль в обеспечении социальной стабильности, интеграции и культурного диалога.

Истоки современных отношений уходят в глубокую древность, но наиболее интенсивное развитие они получили в XX веке. В 1916 году кыргызы и казахи совместно участвовали в антиколониальном восстании против царской политики, что заложило основу солидарности двух народов. В 1920-е годы движение «Алаш» и деятельность Турара Рыскулова способствовали укреплению связей в рамках советского строительства. Национально-территориальная делимитация 1924 года определила современные границы и стимулировала совместное решение социально-экономических вопросов: использование пастбищ, обмен кадрами, помощь беженцам во время голода 1932–1933 годов, когда Кыргызстан принял казахских беженцев, способствуя росту казахских общин на своей территории.

В советский период социальная работа как таковая еще не была институционализирована в современном понимании, однако практики взаимопомощи, культурного обмена и совместной борьбы с социальными вызовами (репрессии, коллективизация) уже закладывали основу для будущих технологий интеграции. Общие эпосы («Манас»), переводы литературы, деятельность Чокана Валиханова и Токтогула Сатылганова формировали поликультурное сознание, которое сегодня используется в профилактических программах социальной работы.

После обретения независимости в 1991 году отношения перешли на новый уровень. В 1993 году были подписаны первые ключевые соглашения. К 2021 году накопилось более 180 двусторонних документов. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС (2015) значительно упростило трудовую миграцию, сделав Казахстан одним из главных направлений (около 21–26 % кыргызских мигрантов). По данным МОМ и национальной статистики, в Казахстане работает и проживает десятки тысяч кыргызстанцев, что создает реальное поле для социальной работы.

Трудовая миграция стала основным вызовом и одновременно возможностью для практик социальной работы. Основные проблемы мигрантов: сложности с регистрацией, легализацией, защитой трудовых прав, стигматизация, гендерные риски (особенно для женщин-мигранток), проблемы реинтеграции при возвращении. В ответ на эти вызовы в Казахстане активно работают центры поддержки мигрантов (при поддержке ОБСЕ и МОМ), где применяются технологии кейс-менеджмента: первичное консультирование, юридическая помощь, психологическая коррекция, организация групп самопомощи, информационные кампании.

В Кыргызстане Министерство труда и социального развития совместно с казахстанскими партнерами реализует трансграничные программы: подготовка к миграции (модули для социальных работников и педагогов), реинтеграция возвращенцев (профориентация, микрокредиты, психологическая поддержка). Примером служит деятельность

«горячих линий» и центров, где социальные работники проводят полный цикл сопровождения: от информирования до постмиграционной адаптации.

В поликультурном контексте особенно эффективны технологии социальной работы с диаспорами. Казахская диаспора в Кыргызстане и кыргызская в Казахстане получают поддержку через национально-культурные центры: организация совместных праздников, языковых курсов, молодежных обменов. Эти практики напрямую соответствуют секции «Практики социальной работы в условиях мультикультурной среды» и включают профилактику межэтнических конфликтов, работу с семьями смешанных браков, поддержку детей мигрантов в образовании. Современный этап (после 2020 года) отмечен углублением союзнических отношений. Встречи Высшего межгосударственного совета (2024–2025 гг.), подписание Договора об углублении союзнических отношений открывают новые горизонты для совместных социальных проектов: создание трансграничных кластеров социальной поддержки, обмен лучшими практиками в работе с молодежью и пожилыми мигрантами, внедрение цифровых инструментов.

Таблица 1. Основные практики социальной работы в кыргызско-казахстанском пространстве

Практика	Уровень	Пример реализации	Результат
Кейс-менеджмент мигрантов	Трансграничный	Центры МОМ в Алматы и Бишкеке	Снижение конфликтов на 30 %
Культурно-досуговая работа	Диаспоры	Совместные фестивали «Манас и Абай»	Рост толерантности среди молодежи
Реинтеграционные программы	Возвращенцы	Программы МТСР КР с поддержкой РК	Трудоустройство 15–20 % участников

После анализа таблицы видно, что практики социальной работы в кыргызско-казахстанском пространстве носят преимущественно трансграничный и межведомственный характер. Они опираются на двусторонние соглашения, механизмы ЕАЭС и поддержку международных организаций (МОМ, ОБСЕ, ООН Женщины и др.). В последние годы (2023–2026) наблюдается усиление фокуса на цифровизации и гендерных аспектах миграции.

Одним из ключевых направлений современной социальной работы является **реинтеграция возвращающихся мигрантов**. По данным МОМ за 2025 год, значительная часть кыргызстанцев, работавших в Казахстане, возвращается домой из-за изменения миграционной политики в традиционных направлениях (включая ужесточение правил в России после 2024 года), экономических факторов и семейных обстоятельств. В Кыргызстане Министерство труда, социального обеспечения и миграции (МТСОМ) реализует программы реинтеграции, включающие:

- Профориентацию и курсы повышения квалификации (часто с участием казахстанских партнеров по обмену опытом);
- Психологическую поддержку (групповые сессии для преодоления постмиграционного стресса);
- Микрокредитование и гранты на открытие малого бизнеса (программы «1+1» с софинансированием).

В Казахстане аналогичные инициативы направлены на мигрантов из Кыргызстана: центры адаптации предоставляют временное жилье, юридическую помощь и помощь в поиске работы. Эти меры снижают риск социальной маргинализации и способствуют предотвращению конфликтов в принимающих сообществах.

Особое внимание в поликультурной среде уделяется **гендерным аспектам миграции**. Исследования 2024–2025 годов показывают феминизацию трудовой миграции из Кыргызстана: доля женщин среди мигрантов выросла до 55 %. Многие женщины работают в Казахстане в сфере услуг, ухода за пожилыми и детьми, строительстве. Социальные работники применяют технологии empowerment: тренинги по финансовой грамотности, защите от эксплуатации, созданию групп взаимопомощи. В рамках региональных программ МОМ (например, «Региональная программа по миграции») реализуются проекты по поддержке

женщин-мигранток и их семей, оставшихся в Кыргызстане (доступ к услугам, юридическая помощь, снижение уязвимости).

Важную роль играют **национально-культурные центры и НПО**. Казахская диаспора в Кыргызстане (около 35 тыс. человек) и кыргызская в Казахстане активно участвуют в культурных мероприятиях: совместные фестивали «Манас и Абай», языковые курсы, молодежные обмены. Эти активности способствуют профилактике ксенофобии и укреплению толерантности. Социальные работники используют методы community work: организация диалоговых площадок, где мигранты и местные жители обсуждают общие проблемы (доступ к образованию для детей мигрантов, здравоохранение, жилье).

В контексте ЕАЭС межгосударственные отношения создают институциональную основу для социальной работы. Соглашения о взаимном признании трудового стажа, доступе к социальным услугам и медицинской помощи позволяют социальным работникам применять кейс-менеджмент на равных условиях. Например, кыргызстанец в Казахстане может получить пособия по временной нетрудоспособности или пенсию на тех же основаниях, что и граждане РК. Это снижает социальную уязвимость и стимулирует легальную миграцию.

Однако существуют вызовы: бюрократические барьеры при оформлении документов, недостаток координации между ведомствами, рост стигматизации мигрантов в период экономических спадов. Для их преодоления предлагаются следующие технологии социальной работы:

- Внедрение цифровых платформ (migration.enbek.kz в Казахстане, migrant.kg в Кыргызстане) для онлайн-консультаций и отслеживания передвижений;
- Совместные тренинги для социальных работников двух стран по профилактике конфликтов и культурной компетентности;
- Разработка трансграничных кластеров социальной поддержки (например, в приграничных областях: Жамбылская – Таласская, Алматинская – Чуйская).

Таблица 2. Современные вызовы и технологии социальной работы в кыргызско-казахстанских отношениях (2023–2026 гг.)

Вызов	Технология социальной работы	Пример реализации	Ожидаемый эффект
Феминизация миграции	Empowerment-программы для женщин-мигранток	Тренинги МОМ и ООН Женщины	Снижение эксплуатации, рост доходов семей
Постмиграционный стресс	Психологическая коррекция и группы самопомощи	Центры реинтеграции МТСОМ КР	Улучшение ментального здоровья
Бюрократия в ЕАЭС	Кейс-менеджмент с цифровой поддержкой	Платформы migrant.kg и enbek.kz	Ускорение доступа к услугам
Стигматизация мигрантов	Профилактика толерантности через НПО	Фестивали и диалоговые площадки	Укрепление социальной сплоченности
Недостаток координации	Трансграничные рабочие группы	Совместные проекты МОМ и ЕАЭС	Повышение эффективности программ

Эти технологии демонстрируют эволюцию социальной работы от реактивной (решение кризисов) к проактивной (профилактика и развитие потенциала). В поликультурном регионе Центральной Азии кыргызско-казахстанский опыт становится образцом: он сочетает историческую близость народов с современными институтами интеграции.

В заключение, межгосударственные отношения Кыргызстана и Казахстана в XX–XXI веках формируют уникальное пространство для практик социальной работы. От солидарности в антиколониальных движениях и советский период через постсоветскую миграцию к интеграции в ЕАЭС – это путь от взаимопомощи к системным технологиям адаптации, интеграции и профилактики. Успешные практики (кейс-менеджмент, реинтеграция,

культурный диалог) способствуют социальной стабильности, толерантности и устойчивому развитию региона. В условиях глобальных вызовов (климатические изменения, экономическая нестабильность) такой подход может быть масштабирован на всю Центральную Азию, усиливая роль социальной работы как инструмента мягкой силы и межкультурного моста.

Литература:

1. История кыргызско-казахских взаимоотношений в 20-30-е годы XX века // Диссертация. URL: https://www.dissercat.com
2. Современные социально-правовые проблемы кыргызских трудовых мигрантов в Казахстане // CyberLeninka.
3. Кыргызско-казахские взаимоотношения – родственные и союзнические // Kyrgyztuusu.kg, 2025.
4. Практическое пособие по поддержке мигрантов в Казахстане // ОСБЕ/МОМ.
5. Крысова Е.В. Социальная работа с мигрантами: учебное пособие.
6. Материалы МОМ и ЕАЭС по трудовой миграции 2024–2025 гг.
7. Сарсенбаев Б.С. Кыргызско-казахские взаимоотношения.
8. Концепция миграционной политики КР на 2021–2030 гг.
9. Отчеты FIDH и UNICEF по трансграничной защите детей мигрантов.
10. Отчет МОМ «Migration Situation Report: Kyrgyzstan» (июль–декабрь 2025).
11. Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы.
12. Региональная программа по миграции МОМ в Центральной Азии и России.
13. ICMPD Migration Outlook: Eastern Europe & Central Asia 2025.
14. Данные МТСОМ КР и ПСКНБ РК по миграционным потокам 2025 г.
15. Исследование ООН «Трудовая миграция из стран Центральной Азии» (2024–2025).
16. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года.
17. Материалы по реализации Глобального договора по миграции в Казахстане (2025).

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССАМИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Маргушев Т.А. *– студент 1 курса магистратуры по направлнию «Социальная работа», Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова, Россия, Нальчик.*

Чеченов А.М. *- кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологий социальной работы, Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М.Бербекова, Россия, Нальчик, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется роль молодежных общественных объединений в системе управления межнациональными отношениями в Кабардино-Балкарской Республике. На основе нормативно-правовых актов и республиканских материалов рассматриваются институциональные механизмы участия молодежи в гармонизации этнических взаимодействий. Особое внимание уделяется деятельности Совета по молодежной политике при Главе КБР, Молодежного совета при Общественной палате, а также образовательным проектам («Школа парламентаризма»). Делается вывод о том, что молодежные объединения выступают ключевым звеном в трансляции культуры межнационального диалога и формировании кадрового резерва региона.

Ключевые слова. Молодежные общественные объединения, межнациональное согласие, Кабардино-Балкарская Республика, Совет по молодежной политике, Молодежный совет, «Школа парламентаризма», профилактика экстремизма.

THE ROLE OF YOUTH SOCIAL UNIONS IN MANAGING INTERETHNIC CO-OPERATION IN THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC

Margushev T.A. *– 1st year master's student in the field of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Russia, Nalchik.*

Chechenov A.M. *- Scientific Advisor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Technologies of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Russia, Nalchik.*

Abstract. The article analyzes the role of youth public associations in the system of managing interethnic relations in the Kabardino-Balkarian Republic. Based on legal acts and republican materials, the article examines the institutional mechanisms of youth participation in the harmonization of ethnic interactions. Special attention is paid to the activities of the Council on Youth Policy under the Head of the Kabardino-Balkarian Republic, the Youth Council under the Public Chamber, and educational projects (the School of Parliamentarism). The article concludes that youth associations are a key link in the promotion of the culture of interethnic dialogue and the formation of the region's human resources.

Keywords. Youth public associations, interethnic harmony, Kabardino-Balkarian Republic, Youth Policy Council, Youth Council, School of Parliamentarism, and prevention of extremism.

В условиях полиэтничного состава населения Российской Федерации сохранение межнационального согласия является одной из приоритетных задач государственной политики. Кабардино-Балкарская Республика (далее – КБР), где проживают представители более ста национальностей, представляет собой уникальную модель межкультурного взаимодействия. Молодежь, будучи наиболее динамичной и восприимчивой социальной группой, одновременно несет в себе как риски (подверженность радикальным идеологиям), так и потенциал стабильности. В этой связи целью статьи является выявление роли молодежных общественных объединений в управлении процессами межнационального согласия в КБР. Задачи исследования включают анализ нормативно-правовой базы, институциональных форм участия молодежи, а также конкретных практик, реализуемых в республике.

Правовое поле деятельности молодежных объединений в сфере межнациональных отношений формируется на федеральном и региональном уровнях.

Фундаментальным документом является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [9]. Данная Стратегия определяет цели, принципы и приоритеты в сфере этнокультурного развития и гармонизации межэтнических отношений. Важнейшим инструментом реализации молодежной составляющей национальной политики выступает Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [10] (№ 489-ФЗ от 30.12.2020). Этот закон закрепляет понятие «молодежные общественные объединения», определяет меры их государственной поддержки и формы участия в управлении общественными процессами.

На региональном уровне ключевым событием стало подписание Указа Главы Кабардино-Балкарской Республики о создании Совета по молодежной политике при Главе КБР [1]. Данный документ, опубликованный в электронной газете «Кабардино-Балкарская правда» 18 февраля 2026 года, институционализировал участие молодежи на высшем уровне принятия управленческих решений. Как отмечается в источнике, в новый состав Совета вошли представители ведущих вузов республики, в том числе Северо-Кавказского государственного института искусств [2]. В свою очередь, активисты Кабардино-Балкарского государственного университета также были включены в состав Совета по молодежной политике, что свидетельствует о синтезе академического и общественного ресурсов [6].

Центральным органом, координирующим деятельность молодежных общественных в КБР, является Молодежный совет. Как сообщается на сайте Общественной палаты Кабардино-Балкарской Республики, в 2022 году был дан старт работе нового состава Молодежного совета [5]. Этот орган представляет собой консультативно-совещательную структуру, призванную обеспечивать взаимодействие между молодежными НКО, органами власти и институтами гражданского общества.

Важным направлением деятельности Молодежного совета является участие в обсуждении проблем, форм и методик работы молодёжных совещательных структур. Так, 18 декабря 2023 года в Парламенте КБР состоялось специальное заседание, посвященное этим вопросам [4]. В ходе заседания были рассмотрены механизмы повышения эффективности молодежных палат и советов, в том числе в сфере профилактики межнациональных конфликтов и укрепления общероссийской гражданской идентичности.

Кроме того, 3 апреля 2024 года Общественная палата КБР провела расширенное заседание на тему молодежной политики [7]. Участники заседания обсудили конкретные шаги по вовлечению молодежных объединений в реализацию государственной национальной политики. Представители Общественной палаты подчеркнули, что молодежные советы должны стать не просто площадкой для дискуссий, а реальным инструментом управления социальными процессами, включая гармонизацию межэтнических отношений.

Важным аспектом участия молодежи в управлении межнациональным согласием является их вовлечение в обеспечение правопорядка и профилактику экстремизма. 10 сентября 2025 года Глава КБР Казбек Коков провел координационное совещание по обеспечению правопорядка [3]. В рамках этого совещания обсуждалась роль молодежных общественных объединений в раннем выявлении конфликтогенных факторов в молодежной среде. Отмечалось, что именно через молодежные структуры наиболее эффективно можно проводить профилактическую работу, направленную на недопущение межнациональных столкновений.

Системная работа с молодежью невозможна без образовательной составляющей. В этой связи важным событием стало начало работы «Школы парламентаризма», о чем сообщила электронная газета «Кабардино-Балкарская правда» 30 декабря 2025 года [8]. Данный проект нацелен на подготовку молодых лидеров, способных работать в совещательных и законодательных структурах. В программу «Школы парламентаризма» включены модули по межнациональной коммуникации, правовым основам национальной политики и технологиям урегулирования конфликтов. Выпускники школы в дальнейшем входят в состав Молодежного совета и других объединений, непосредственно участвуя в управлении межнациональными процессами.

Анализ источников позволяет говорить о том, что деятельность молодежных общественных объединений в КБР уже приносит ощутимые результаты. Во-первых, создание Совета по молодежной политике при Главе КБР обеспечило системный характер взаимодействия власти и молодежи [1]. Во-вторых, регулярное обсуждение проблем молодежных совещательных структур в Парламенте республики способствует совершенствованию законодательной базы в этой сфере [4]. В-третьих, включение в состав Совета по молодежной политике активистов КБГУ и других вузов гарантирует преемственность и научную обоснованность принимаемых решений [6].

Особого внимания заслуживает координационная работа, проводимая под руководством Главы КБР. Как подчеркивается в источнике, на совещании по обеспечению правопорядка было отмечено снижение количества конфликтных ситуаций на межнациональной почве в молодежной среде [3]. Это напрямую связано с активизацией работы молодежных общественных объединений, которые выступают в роли «мягкой силы», транслирующей ценности взаимоуважения и диалога культур.

Общественная палата КБР, в свою очередь, регулярно проводит мониторинг эффективности молодежных структур [7]. По итогам заседания 3 апреля 2024 года было принято решение о расширении полномочий Молодежного совета в части оценки проектов, направленных на гармонизацию межнациональных отношений. Это означает, что молодежные объединения постепенно переходят из статуса «совещательных» в статус «управленческих» структур.

Что касается образовательных инициатив, то «Школа парламентаризма» за первые месяцы своей работы подготовила более 50 молодых активистов, которые уже участвуют в работе Молодежного совета и реализуют собственные проекты в сфере национальной политики [8]. Среди таких проектов – круглые столы по вопросам межкультурного диалога,

фестивали национальных культур и волонтерские акции, направленные на поддержку межнационального согласия.

Эффективность участия молодежи в управлении межнациональными процессами напрямую зависит от применяемых форм и методик работы. Как отмечалось на заседании Парламента КБР 18 декабря 2023 года, среди наиболее востребованных форм деятельности молодёжных совещательных структур выделяются: выездные дискуссионные клубы, стажировки в органах исполнительной власти, моделирование межэтнических конфликтов (кейс-стади), а также конкурсы социальных проектов, направленных на укрепление общероссийской идентичности. Особо подчёркивалась необходимость методического сопровождения деятельности молодежных советов на муниципальном уровне, где риски межнациональной напряжённости часто проявляются наиболее остро [4].

Значимым ресурсом для тиражирования успешных практик стал конкурсный отбор в Молодежный совет при Общественной палате КБР. Согласно информации, опубликованной на сайте Общественной палаты 30 марта 2022 года, из 36 претендентов было отобрано 26 человек, причем средний возраст участников составил 25 лет, а гендерный состав отражал высокую социальную активность девушек (19 из 26). Такой баланс демонстрирует, что молодежная политика в сфере межнационального согласия не является сугубо «мужской» или «силовой» — она включает в себя широкий спектр гуманитарных, образовательных и волонтерских инициатив, где успешно реализуют себя молодые женщины [5].

Важным итогом заседания Общественной палаты КБР от 3 апреля 2024 года стало решение о создании постоянно действующей рабочей группы по мониторингу проектов молодежных объединений в сфере гармонизации межэтнических отношений. Эта группа, в состав которой вошли представители Молодежного совета, Общественной палаты и Министерства по делам национальностей, оценивает проекты по таким критериям, как: охват целевой аудитории, наличие образовательного компонента, предотвращение конфликтогенных факторов и степень вовлеченности местных сообществ. Такая система экспертизы позволяет не только отсеивать формальные мероприятия, но и формировать банк лучших практик для последующего масштабирования [7].

Кроме того, координационное совещание по обеспечению правопорядка, проведённое Главой КБР 10 сентября 2025 года, конкретизировало задачи молодежных объединений в сфере информационной безопасности. Было отмечено, что молодежные советы должны активнее участвовать в выявлении и блокировке деструктивного контента в социальных сетях, а также проводить обучающие семинары для сверстников по медиаграмотности. Эта работа напрямую связана с реализацией Стратегии государственной национальной политики РФ, которая требует противодействия использованию информационных технологий для разжигания межнациональной розни [3; 9].

Наконец, стоит подчеркнуть, что «Школа парламентаризма» стала не просто разовым образовательным мероприятием, а системной платформой для подготовки кадрового резерва. Её выпускники получают не только теоретические знания о федеральном законе «О молодежной политике», но и практические навыки разработки нормативных предложений, касающихся межнациональных отношений. По данным, озвученным на заседании Общественной палаты, более 60% выпускников первого потока уже включены в состав рабочих групп при муниципальных советах по межнациональному согласию [8; 10; 7].

Таким образом, конкретные методики (выездные школы, кейс-стади, стажировки, экспертный мониторинг) в сочетании с чёткими критериями отбора участников позволяют молодежным общественным объединениям КБР не декларировать, а реально влиять на управление межнациональными процессами. Последовательная реализация этих подходов создаёт основу для перехода от разовых акций к системной работе на всех уровнях — от школьного класса до республиканского правительства.

Несмотря на наличие институциональных механизмов и успешных практик, анализ источников позволяет выявить ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования. Во-первых, как отмечалось на заседании Парламента КБР 18 декабря 2023 года, сохраняется разрыв между деятельностью республиканских молодежных советов и

муниципальных структур. Методическое сопровождение последних остаётся недостаточным, что снижает эффективность профилактики межнациональных конфликтов на местном уровне [4].

Во-вторых, координационное совещание по обеспечению правопорядка, проведённое Главой КБР 10 сентября 2025 года, указало на необходимость более активного включения молодежных объединений в мониторинг информационного пространства. Деструктивный контент, направленный на разжигание межнациональной розни, часто распространяется в закрытых молодёжных чатах и группах, куда доступ представителей власти ограничен. В связи с этим было предложено создать при Молодежном совете специализированную рабочую группу по медиабезопасности, которая обучала бы волонтёров методам выявления и блокировки противоправной информации [3; 9].

В-третьих, анализ состава Совета по молодежной политике при Главе КБР показывает, что в него входят преимущественно студенты вузов, расположенных в г. Нальчике. При этом молодёжь из сельских районов и малых городов республики (Прохладный, Терек, Майский и др.) представлена слабо. Такая диспропорция может приводить к тому, что при принятии решений не в полной мере учитываются локальные особенности межэтнического взаимодействия в отдалённых муниципалитетах [1; 2; 6]. Одним из решений данной проблемы могло бы стать введение квот для представителей сельских территорий в состав Совета.

С точки зрения образовательной поддержки, «Школа парламентаризма» демонстрирует высокую эффективность, однако её формат остаётся краткосрочным (несколько недель). Эксперты, выступившие на заседании Общественной палаты КБР 3 апреля 2024 года, предложили разработать годичную программу «Молодёжный лидер в сфере национальной политики», включающую стажировку в Министерстве по делам национальностей и общественным проектам КБР. Это позволило бы выпускникам не только получить теорию, но и закрепить навыки на практике [7].

Важным направлением совершенствования является усиление роли молодежных объединений в реализации Стратегии государственной национальной политики РФ [9]. В частности, требуется более тесная координация с органами местного самоуправления при проведении молодёжных фестивалей национальных культур, круглых столов и форумов. Как показало заседание в Парламенте КБР, эффективность таких мероприятий возрастает, если они сопровождаются социологическими замерами (анкетирование, интервью) для оценки изменения уровня межнациональной толерантности среди участников [4].

Наконец, нельзя обойти вопрос о ресурсном обеспечении. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» предусматривает возможность грантовой поддержки проектов, направленных на гармонизацию межэтнических отношений [10]. Однако, по данным выступлений на заседании Общественной палаты, многие молодёжные объединения КБР не имеют достаточных компетенций для подготовки качественных грантовых заявок. В связи с этим было предложено организовать на базе Молодёжного совета серию обучающих семинаров по социальному проектированию с фокусом на национальную политику [7; 5].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Нормативно-правовая база КБР в полной мере соответствует федеральным требованиям. Создание Совета по молодежной политике при Главе республики и регулярное обновление его состава свидетельствуют о высокой степени институционализации молодежного участия[1; 2; 6]. Молодежные общественные объединения (Молодежный совет при Общественной палате, молодежные совещательные структуры при Парламенте) выступают реальными субъектами управления процессами межнационального согласия. Они не только обсуждают проблемы, но и участвуют в координационных совещаниях по правопорядку, что позволяет им влиять на принятие решений [3; 4]. Образовательные проекты, в первую очередь «Школа парламентаризма», обеспечивают подготовку кадрового резерва для работы в сфере национальной политики. Выпускники этих программ становятся проводниками идей межнационального диалога в своих учебных заведениях и по месту жительства.

Таким образом, роль молодежных общественных объединений в управлении процессами межнационального согласия в Кабардино-Балкарской Республике является системообразующей. Они выполняют функции каналов обратной связи между властью и молодежью, площадок для профилактики экстремизма и кузницы лидеров, способных обеспечивать стабильность и гармонию в полиэтничном регионе. Дальнейшее развитие этой системы должно идти по пути расширения прав молодежных советов и увеличения грантовой поддержки их инициатив в сфере национальной политики.

Литература:

1. Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики о создании Совета по молодежной политике при Главе КБР // Электронная газета «Кабардино-Балкарская правда». — 2026. — 18 февр. — URL: https://kbpravda.ru (дата обращения: 14.03.2026).

2. В новом составе Совета при Главе КБР по молодежной политике / Сайт Северо-Кавказского государственного института искусств. — 2025. — 1 июля. — URL: https://skgii.ru (дата обращения: 29.03.2026).

3. Глава КБР Казбек Коков провел координационное совещание по обеспечению правопорядка / НИА-Кабардино-Балкария. — 2025. — 10 сент. — URL: https://nia-kbr.ru (дата обращения: 04.04.2026).

4. В Парламенте КБР обсудили проблемы, формы и методики работы молодёжных совещательных структур / 1 КБР. — 2023. — 18 дек. — URL: https://1kbr.ru (дата обращения: 10.03.2026).

5. Дан старт работе нового состава Молодежного совета / Сайт Общественной палаты Кабардино-Балкарской Республики. — 2022. — 30 марта. — URL: https://opkbr.ru (дата обращения: 01.03.2026).

6. Активисты КБГУ вошли в состав Совета по молодежной политике при главе республики / Гид Нальчика. — 2025. — 5 апр. — URL: https://gidnalchika.ru (дата обращения: 12.04.2026).

7. Общественная палата КБР провела заседание на тему молодежной политики / Вести КБР. — 2024. — 3 апр. — URL: https://vestikbr.ru (дата обращения: 09.04.2026).

8. Начала работу «Школа парламентаризма» / Электронная газета «Кабардино-Балкарская правда». — 2025. — 30 дек. — URL: https://kbpravda.ru (дата обращения: 23.03.2026).

9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. — URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 30.03.2026).

10. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.04.2026)

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ИСЛАМСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ТЕХНОЛОГИИ ПОДДЕРЖКИ УЯЗВИМЫХ ГРУПП В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Сиражудинова С.И. *– кандидат экономических наук, доцент, н.с. Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, доцент кафедры теологии и социально-гуманитарных дисциплин Дагестанского гуманитарного института, Махачкала, Россия.*

Аннотация. В статье рассматриваются исламские механизмы социальной солидарности как технологии поддержки уязвимых групп населения в условиях мультикультурной среды Республики Дагестан. На основе анализа религиозных текстов, нормативных документов и эмпирических данных исследуется практическая реализация данных институтов в деятельности Муфтията РД и благотворительных организаций региона. Обосновывается потенциал интеграции исламских социальных механизмов в современные практики социальной работы для повышения эффективности адресной помощи малоимущим, многодетным семьям, инвалидам и другим категориям граждан, нуждающихся в поддержке.

Ключевые слова: исламская экономика, закят, садака, вакф, социальная солидарность, уязвимые группы, мультикультурная среда, Дагестан.

MECHANISMS OF SOCIAL SOLIDARITY OF THE ISLAMIC ECONOMY AS TECHNOLOGIES FOR SUPPORTING VULNERABLE GROUPS IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Sirazhudinova S.I. *– Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of Theology and Social and Humanitarian Disciplines at the Dagestan Institute of Humanities, Makhachkala, Russia.*

Annotation: The article examines Islamic mechanisms of social solidarity as technologies for supporting vulnerable groups in the multicultural environment of the Republic of Dagestan. Based on the analysis of religious texts, regulatory documents and empirical data, the practical implementation of these institutions in the activities of the muftiate and charitable organizations of the region is investigated. The potential for integrating Islamic social mechanisms into modern social work practices is substantiated to improve the effectiveness of targeted assistance to low-income families, large families, people with disabilities and other categories of citizens in need of support.
Keywords*:* Islamic economy, zakat, sadaqa, waqf, social solidarity, vulnerable groups, multicultural environment, Dagestan.

Современное общество сталкивается с комплексом социально-экономических вызовов, требующих поиска новых эффективных подходов к поддержке уязвимых групп населения. В условиях глобализации и усиления миграционных процессов особую актуальность приобретает вопрос обеспечения социальной сплочённости в мультикультурных сообществах. Республика Дагестан, являясь одним из наиболее этнически и конфессионально разнообразных регионов Российской Федерации, представляет собой уникальную площадку для изучения механизмов межконфессионального взаимодействия и социальной поддержки. Исламская экономическая модель, основанная на принципах социальной справедливости, этического труда и запрета ростовщичества, предлагает комплексный инструментарий для решения проблем бедности и социального неравенства. Ключевыми элементами данной системы являются институты закята, садаки, вакфа и кард аль-хасан, которые исторически выполняли функции социального обеспечения в мусульманских обществах. Целью настоящего исследования является анализ исламских механизмов социальной солидарности как технологий поддержки уязвимых групп в мультикультурной среде на примере Республики Дагестан. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические основы исламских социальных институтов; проанализировать практику их реализации в Дагестане; оценить потенциал интеграции данных механизмов в современные системы социальной защиты. Методологическую основу исследования составляют институциональный подход, сравнительный анализ, а также анализ нормативно-правовых и религиозных источников.

Закят является одним из пяти столпов ислама и представляет собой обязательное ежегодное пожертвование в размере 2,5% от имущества, превышающего установленный минимум (нисаб) [2]. Согласно религиозным источникам, средства закята распределяются среди восьми категорий получателей, в том числе бедных, нуждающихся, должников. Экономическая сущность закята заключается в системном перераспределении финансовых ресурсов от экономически состоятельных членов общества к нуждающимся, что способствует снижению социального напряжения и поддержанию относительного равновесия между различными слоями общества [7]. Как отмечает Д.И. Ахметов, «закят призван утвердить в обществе принципы справедливости, которые распространяются на всех членов общества, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности» [2, с. 29]. В отличие от закята, садака представляет собой добровольную благотворительность, не имеющую ограничений по времени, сумме и цели распределения. Данный институт позволяет мусульманам проявлять милосердие и сострадание в ответ на конкретные нужды, что особенно важно в кризисных ситуациях. Кард аль-хасан (беспроцентный заём) является ещё одной формой исламской благотворительности, направленной на оказание финансовой помощи нуждающимся без взимания процентов. Данный инструмент способствует преодолению

долговой зависимости и восстановлению экономической самостоятельности заёмщиков [9]. Вакф представляет собой пожертвование имущества на благотворительные, общественные или религиозные цели с сохранением его основы и направлением доходов на установленные нужды [4]. Данный институт обеспечивает долгосрочное финансирование социальных проектов, таких как строительство мечетей, школ, больниц, приютов для нуждающихся. Важными принципами вакфа являются безвозмездность, непередача права собственности, постоянство целей и общественная польза. Вакфы играют существенную роль в социальном и экономическом развитии мусульманских обществ, обеспечивая устойчивость поддержки для многих благотворительных инициатив.

В Республике Дагестан функции координации исламской благотворительной деятельности выполняет Духовное управление мусульман (Муфтият) Республики Дагестан. При муфтияте функционирует благотворительный фонд «Инсан», филиалы которого расположены по всей республике. Фонд осуществляет сбор и распределение закята, организацию гуманитарной помощи, поддержку социально незащищённых категорий граждан. По данным фонда «Инсан», за 2020 г. было получено закята в размере 32 564 643 руб., помощь от фонда получили более 20 тыс. семей [6]. Муфтий Дагестана подчёркивает цель фонда: «чтобы в Дагестане не было просящих, так как в каждом населённом пункте есть как состоятельные, так и нуждающиеся люди. Имам населённого пункта должен провести работу, чтобы состоятельный выплатил закят не состоятельному, и тем самым избавил бедного от необходимости просить» [6]. Анализ деятельности благотворительных организаций Дагестана позволяет выделить следующие основные направления поддержки уязвимых групп: материальная помощь малоимущим семьям (регулярные выплаты, продуктовые наборы, одежда, предметы первой необходимости); поддержка многодетных семей (образовательные гранты, помощь в подготовке к школе, организация летнего отдыха детей); помощь инвалидам и людям с ограниченными возможностями здоровья (технические средства реабилитации, оплата лечения, адаптация жилья); поддержка пожилых людей (доставка продуктов, медикаментов, организация социального патронажа); помощь в кризисных ситуациях (экстренная поддержка при стихийных бедствиях, пандемии, военных конфликтах). Особое значение имеет практика выплаты закят аль-фитр (милостыни разговения) по окончании месяца Рамадан. Данный вид закята, будучи обязательным для каждого мусульманина, обеспечивает своевременную помощь нуждающимся в период празднования Ид аль-Фитр [5].

Республика Дагестан характеризуется высокой степенью этнического и конфессионального разнообразия: здесь проживают представители более 30 народностей, исповедующих ислам, православие, иудаизм и другие религии. В этих условиях исламские механизмы социальной солидарности выполняют не только экономическую, но и социокультурную функцию, способствуя укреплению межконфессионального доверия и толерантности. Как отмечает З.М. Абдулагатов, «закят является основным социальным институтом для решения экономических и социальных проблем социально незащищённого населения, а также служит мощным стимулом для социализации и развития толерантности» [1]. Практика показывает, что помощь, оказываемая через исламские институты, нередко распространяется на представителей всех конфессий, что соответствует принципам милосердия и справедливости, заложенным в исламском вероучении.

Несмотря на значительный потенциал исламских социальных механизмов, их реализация в Российской Федерации сталкивается с рядом ограничений. Отсутствие специализированного законодательства, регулирующего деятельность исламских финансовых институтов, создаёт правовую неопределённость для участников рынка. Вопросы налогообложения операций, связанных с закятом и вакфом, требуют дополнительной проработки с учётом особенностей исламской экономической модели.

Как отмечает Ш.А. Шовхалов, анализируя институциональную и рыночную среду региона, в Дагестане уже функционирует ряд организаций, предоставляющих исламские финансовые продукты (мурабаха, мудараба, иджара и др.). к 2022 г. в Дагестане функционировал ряд организаций, работающих в лоне индустрии исламских финансов: «ЛяРиба Финанс», «Рейхан», «K05.RU», «Ватан», «Аманат», «КИФ», «Саада», «Алиф», «ZetCapital»,

«Esnad finance», предлагающих инструменты финансирования (мурабаха) и инвестирования (мудараба). В 2026 году также начал функционировать центр исламских инвестиций «Кумек». Однако отрасль сталкивается с системными барьерами: высоким уровнем постоянных издержек, проблемой двойного налогообложения и недостаточной осведомлённостью населения, что временно отражается на стоимости услуг. Значительное сдерживающее влияние оказывает законодательная неопределённость, а также слабая институциональная составляющая – не все участники рынка располагают квалифицированными шариат-экспертами, критически важными для риск-менеджмента и обеспечения соответствия нормам исламского права. Несмотря на положительную динамику, индустрия исламских финансов в республике пока существенно уступает традиционному банковскому сектору, что делает развитие образовательных программ и создание профильной инфраструктуры ключевым условием для устойчивого функционирования как коммерческих, так и благотворительных исламских механизмов [10].

Кроме того, как показывают результаты социологических опросов, уровень знаний рядовых мусульман о нормах выплаты закята остаётся недостаточным. По данным исследования З.М. Абдулагатова, лишь 6,8% опрошенных в Дагестане смогли правильно определить критерии выплаты закята, а реально его выплачивают не более 5% тех, кто называет себя мусульманами [1]. Перспективным направлением развития является интеграция исламских социальных механизмов в государственную систему социальной защиты населения. Это может включать разработку методических рекомендаций по взаимодействию религиозных организаций с органами социальной защиты; создание единых реестров нуждающихся для координации помощи и предотвращения дублирования; внедрение цифровых платформ для расчёта и уплаты закята с возможностью адресного распределения средств; организацию совместных образовательных программ для специалистов социальной работы и религиозных деятелей. Современные технологии открывают новые возможности для развития исламской социальной филантропии. Разработка мобильных приложений для расчёта закята, онлайн-платформ для сбора и распределения средств, использование блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности операций могут существенно повысить эффективность и доверие к данным институтам. Особое внимание следует уделить повышению финансовой грамотности населения в сфере исламской экономики. Интеграция основ исламских финансов в программы просвещения, подготовка квалифицированных кадров, способных компетентно обучать других, привлечение религиозных авторитетов к просветительской работе – все эти меры способствуют формированию устойчивого спроса на исламские социальные продукты.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Исламские механизмы социальной солидарности (закят, садака, вакф, кард аль-хасан) представляют собой эффективный инструментарий поддержки уязвимых групп населения, сочетающий религиозные нормы с социально-экономической целесообразностью. В Республике Дагестан данные институты успешно функционируют в рамках деятельности Муфтията и благотворительного фонда «Инсан», обеспечивая адресную помощь десяткам тысяч нуждающихся семей. В условиях мультикультурной среды исламские социальные механизмы способствуют укреплению межконфессионального диалога и толерантности, расширяя круг получателей помощи за пределы мусульманской общины. Для дальнейшего развития исламских социальных технологий необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, повышение финансовой грамотности населения, внедрение цифровых решений и усиление взаимодействия с государственными структурами социальной защиты. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность социальной поддержки в Республике Дагестан и создать модель, которая может быть тиражирована в других регионах Российской Федерации с высокой долей мусульманского населения.

Литература:

1. Абдулагатов З.М. Закят в исламском сознании дагестанцев: история и современные тенденции // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 975–992.

2. Ахметов Д.И. Закят как инструмент социального служения в современной России // Богословское наследие мусульман России : Сборник научных докладов IV Международного форума, Болгар, 16–21 мая 2022 года / Сост.: А.А. Тимерханов, Р.Л. Саяхов, С.Т. Рахимов, Т.Р. Галимов, М.М. Ахмадуллина. Том 1. – Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования "Болгарская исламская академия", 2022. С. 28–37.

3. Джунусбаева Ч.И. Саякова, С. Ш. Деятельность закят-фондов в экономике зарубежных стран // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 6. С. 53–59.

4. Исхакова Г.М., Ильдарханова А.К. Вакф в партнёрском финансировании: ключевые особенности использования инструмента // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 303–308.

5. Сиражудинова С.И. Актуальные вопросы закятуль-фитра в фетвах современных учёных-богословов Дагестана // Богословское наследие мусульман России: Сборник научных докладов IV Международного форума, Болгар, 16–21 мая 2022 года. Том II. – Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», 2022. С. 104–108.

6. Сиражудинова С.И. Закят как инструмент экономической стабильности в исламской модели экономики // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. 2025. № 4(76). С. 14–21.

7. Халатов И.М. Закят как фактор социализации и толерантности. Опыт Республики Дагестан // Богословское наследие мусульман России : сборник научных докладов III Международного форума, Болгар, 25–30 октября 2022 года / Болгарская исламская академия. Том 2. – Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования "Болгарская исламская академия", 2022. С. 364–368.

8. Сборник фетв. Богословско-правовые решения отдела фетв. Ч. I–II. Махачкала: Муфтият Республики Дагестан, 2021.

9. Шовхалов Ш.А. Социально-этические аспекты развития исламской экономики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 3(51). С. 53–60.

10. Шовхалов Ш. А. Исламские финансы в Дагестане: состояние и перспективы развития // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2023. Т. 22. № 2. С. 78-83.DOI 10.24182/2073-6258-2023-22-2-78-83

ОТ ЭГО К СЕРДЦУ: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ – КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ (сравнительный анализ подходов Экхарта Толле и Ахмад-Хаджи Абдулаева)

Вильданова Г. Б *- доктор философских наук, профессор кафедры «Социальная работа», Уфимский университет науки технологий, г. Уфа, Россия***.**

Аннотация. В статье рассматривается эгоцентризм как фундаментальное препятствие подлинному взаимопониманию между людьми. Эгоцентризм не может быть сведен лишь к когнитивному или психологическому феномену, поскольку он затрагивает экзистенциальный уровень человеческого бытия и способ его присутствия в мире. Анализируется ограниченность интеллектуального подхода к преодолению эгоцентризма и обосновывается необходимость внутренней трансформации субъекта. Особое внимание уделяется роли «духовного сердца» как способа непосредственного восприятия истины. В работе сопоставляются различные подходы к проблеме эгоцентризма в духовной философии Экхарта Толле и религиозно-этической традиции Ахмад-Хаджи Абдулаева. Показано, что, несмотря на различие концептуальных оснований, оба подхода указывают на необходимость выхода за пределы самозамкнутого «я» как условия подлинного общения. Воспитание благого нрава, преодоление «эго» должно стать неотъемлемой частью процесса профессионального становления, что, в частности, составляет одну из методологических основ социальной работы.

Ключевые слова. эгоцентризм, коммуникация, сознание, духовное сердце, суфизм, нафс, эго, присутствие, экзистенциальность, самосознание, истина, межличностное общение, субъект, Духовный Наставник.

FROM THE EGO TO THE HEART: THE EXPERIENCE OF OVERCOMING SUBJECTIVITY – AS THE BASIS OF SOCIAL WORK
(comparative analysis of the approaches of Eckhart Tolle and Akhmad-Haji Abdulaev)

Vildanova G. B., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan.

Annotation. The article examines egocentrism as a fundamental obstacle to genuine mutual understanding between people. Egocentrism cannot be reduced only to a cognitive or psychological phenomenon, since it affects the existential level of human existence and the way it is present in the world. The paper analyzes the limitations of the intellectual approach to overcoming egocentrism and substantiates the need for internal transformation of the subject. Special attention is paid to the role of the «spiritual heart» as a way of directly perceiving the truth. The paper compares different approaches to the problem of egocentrism in Eckhart Tolle's spiritual philosophy and the religious and ethical tradition of Ahmad-Hadji Abdulaev. It is shown that, despite the difference in conceptual foundations, both approaches point to the need to go beyond the self-enclosed «I» as a condition for genuine communication. Fostering good morals and overcoming the «ego» should become an integral part of the process of professional development, which, in particular, is one of the methodological foundations of social work.

Keywords: egocentrism, communication, consciousness, spiritual heart, Sufism, nafs, ego, presence, existentiality, self-awareness, truth, interpersonal communication, subject, Spiritual Mentor.

Современный мир характеризуется высокой степенью коммуникаций, однако, количество людей, с которым человек общается, не всегда предполагает, что человек не одинок в толпе. Люди всё чаще сталкиваются с ситуациями, когда разговор не приводит к взаимопониманию. Полагаем, что одной из ключевых причин этого является эгоцентризм - склонность воспринимать мир исключительно через призму собственного опыта. Поэтому, преодоление эгоцентризма становится необходимым условием для построения подлинного общения. На сегодняшний день написано достаточно научных трудов по социально-философским и психологическим наукам, посвященных изучению эго. Это ключевой вопрос философской антропологии. Но особенность изучения и понимания основ данной научной проблемы, заключается в его экзистенциальности, т.е. данную проблему каждый исследователь должен пережить внутри сам, индивидуально, прочувствовать.

В этом контексте особую значимость приобретает проблема подготовки специалистов социальной сферы. Представляется, что без внутренней работы над собой, без преодоления эгоцентризма и формирования нравственной культуры невозможно становление подлинно профессиональной позиции. Исторический опыт различных цивилизаций показывает, что передача значимых знаний традиционно сопровождалась требованием нравственной зрелости. Тем самым воспитание благого нрава должно рассматриваться не как внешнее дополнение, а как неотъемлемая часть процесса профессионального становления, что, в частности, составляет одну из методологических основ социальной работы.

В данной статье мы рассмотрим решение проблемы эгоцентризма у таких известных мыслителей современного мира, какими являются: Экхарт Толле – представитель западной духовной философии и Ахмад-Хаджи Абдулаев – суфий, Духовный Наставник, исламский ученый.

Вопрос эгоцентризма начинает решатся на уровне интеллекта, но имеет свое решение за пределами «эго». Вот в чем специфика данной проблемы. Она не решается как раз и навсегда решенная математическая или инженерная задача, она решается в душе размышляющего человека. Еще одна особенность данной проблемы в том, что ее смогут понять только те, кто на пути познания границ своего «эго», в поисках истины, смогли преодолеть собственный эгоцентризм. «Величайшее достижение человечества - это не созданные им

произведения искусства, науки и технологии, а способность обнаруживать и распознавать нарушения и безумие в себе» - пишет западный мыслитель, философ Экхарт Толле, и подолжает: «…Распознание собственного безумия -это, разумеется, и есть здравый ум, это начало исцеления и выхода за пределы ума.».

Таким образом, эгоцентризм предстает не просто как объект теоретического анализа, но как граница, через которую должно пройти сознание, стремясь к Истине. Пока «я» остается центром интерпретации мира, оно неизбежно подменяет реальность собственными проекциями. В этом состоянии познание ограничено, поскольку оно замкнуто внутри субъективного опыта.

Преодоление эгоцентризма не означает уничтожения личности или отказа от «я», но предполагает его преобразование: переход от самозамкнутого центра к открытому участию в бытии. Именно в этом переходном этапе раскрывается возможность подлинного познания - не как утверждения собственной позиции, а как способности услышать и принять то, что выходит за пределы субъективности.

Следовательно, проблема эгоцентризма является не только гносеологической, но и глубоко онтологической: она затрагивает сам способ присутствия человека в мире. И потому ее окончательное решение невозможно выразить в форме завершенной теории - оно осуществляется как внутренний акт, как событие сознания, в котором человек выходит за пределы собственного «эго» и приближается к Истине.

Конкретное человеческое бытие изначально разворачивается в пространстве отношений: «человек-человек». В этом смысле коммуникация не является внешним дополнением к жизни человека, но составляет её внутреннюю структуру. Однако возможность подлинного общения предполагает определённое состояние самого субъекта, его способность выходить за пределы замкнутости собственного «я».

Одним из фундаментальных препятствий на этом пути выступает эгоцентризм - способ организации восприятия, при котором реальность редуцируется к перспективе собственного опыта. В таком состоянии другой человек оказывается не данностью, а интерпретацией, встроенной в уже существующие схемы понимания. Тем самым нарушается сама возможность встречи как события, выходящего за пределы субъективного горизонта. «Эго - это конгломерат из повторяющихся и многократно возвращающихся мыслеформ и обусловленных ментально-эмоциональных моделей поведения, устойчивых стереотипов поведения, наделенных чувством «я», самовосприятием» [2, с. 31].

Несмотря на значительный объём исследований в философии и психологии, эгоцентризм не исчерпывается описанием как когнитивного или поведенческого феномена. Его природа носит экзистенциальный характер: он затрагивает не только структуру мышления, но и способ присутствия человека в мире.

Попытка теоретического анализа позволяет лишь обозначить границы проблемы, однако не приводит к её разрешению. Эгоцентризм может быть понят как предел, внутри которого субъект удерживает мир в рамках собственной интерпретации. Интеллект фиксирует этот предел, но не способен его преодолеть, поскольку сам остаётся включённым в структуру того же горизонта.

Преодоление эгоцентризма требует изменения самого способа отношения к реальности. Существенную роль здесь играет духовное сердце как модус восприятия, не сводимый к дискурсивному мышлению. Оно понимается как центр непосредственного переживания истины, в котором снимается первичное разделение между субъектом и миром. «По сути, нафсу человека свойственно скверное поведение. Так, он упорно противится соблюдению адабов (этических норм), которые велено соблюдать рабу». [1, с. 8].

Процесс преодоления нафса может быть описан как постепенное снятие избыточной централизации «я», в результате которого субъект перестаёт воспринимать себя как исключительный центр интерпретации мира. Эго утрачивает свою тотальность и становится прозрачным по отношению к бытию, к существованию, к Богу. «Малое деяние, совершенное с упованием на Милость Аллаха, лучше большого деяния с упованием на себя» [1, с.8].

В духовной перспективе Экхарта Толле эго понимается как иллюзорная идентичность, возникающая вследствие отождествления с мыслительным потоком и эмоциональными реакциями. Преодоление этой идентичности связано с практикой присутствия, в которой разрывается автоматизм интерпретации и открывается непосредственность опыта.

В религиозно-этической традиции, представленной Ахмад-Хаджи Абдулаевым, эгоцентризм соотносится с состоянием нафса - внутренней склонностью к самовозвеличиванию и закрытости от истины. Его преодоление связано с очищением внутреннего мира и формированием смиренного отношения к реальности.

Несмотря на различие концептуальных оснований, обе традиции указывают на необходимость выхода за пределы самозамкнутого восприятия. В подходе Ахмад-Хаджи Абдулаева эго мыслится не как иллюзия и не как подлежащее уничтожению начало, а как форма, подлежащая преобразованию и очищению. Оно перестаёт быть центром и становится средой восприятия истины. «Недостатки своего нафса способен заметить тот, кто постоянно контролирует и призывает его к отчету. Знай, Всевышний не возвысил Своего раба большим образом, чем указав ему на низость его нафса, и не подверг Своего раба большему унижению, чем сокрыв от него низость его нафса». [1, с.24]

В духовно-философском подходе Толле так же немаловажную роль выполняет ум. Интеллект выполняет подготовительную функцию, обозначая границы самозамкнутого восприятия. Однако сам переход осуществляется как внутреннее событие, в котором происходит сдвиг сознания в сторону присутствия, бытия «здесь и сейчас».

В конечном счёте, преодоление эгоцентризма оказывается условием не только эффективной коммуникации, но и подлинного способа человеческого присутствия в мире, в котором другой перестаёт быть проекцией и становится реальностью, открывающейся в совместном пространстве бытия.

Преодоление эгоцентризма не может быть понято как простое отрицание «я». Напротив, речь идёт о его внутреннем преображении. Эго, будучи исходной формой самоосознания, должно пройти путь очищения, в ходе которого оно утрачивает свою замкнутость и претензию на центральность.

Лишь в этом очищении оно перестаёт искажать реальность и становится способным к подлинному восприятию Истины, открывающейся духовному сердцу.

Анализируя суфийский и западный подходы к эго, мы вывели следующую таблицу.

Критерий	Ахмад-Хаджи Абдулаев	Экхарт Толле	Авторская позиция
Онтологическая основа	Бог как абсолютный центр бытия	Не конфессиональная духовность: акцент на присутствии и сознании	Бог как Истина и источник бытия
Понимание «эго» (нафса)	Нафс (низшее «я»), источник страстей и завес между человеком и Богом. Нафс человека постоянно меняется и имеет пять уровней	Эго как ментальная конструкция, иллюзия «я», поддерживаемая мыслями. Его природа также не однородно зависит от того, с чем оно (эго) себя отождествило (тело, ум, богатство и т.п.)	Эго - исходная, но ограниченная форма сознания, замыкающая человека в субъективности. Пока не станешь «эгоистом», от него не сможешь освободиться. Эгоцентризм – это этап на пути духовного развития.
Ключевая проблема	Загрязнение сердца страстями	Отождествление с мыслями и «болевым телом»	Замкнутость сознания в пределах собственного «я», высыхание духовного сердца

Сердце – духовное «живое сердце	Духовный орган восприятия божественной истины	Не является центральной категорией	Духовный орган познания Истины (Бога), выходящий за пределы интеллекта
Цель практики	Очищение сердца для приближения к Богу и восприятия Истины	Освобождение от страдания через выход в состояние присутствия	Познание Бога и достижение Его довольства
Главный метод	Зикр (поминание Бога), покаяние, духовная дисциплина, Тарикат	Осознанность (presence), наблюдение мыслей и эмоций, близкое к буддийским практикам	Осмысление на уровне интеллекта, переходящее во внутренний акт очищения и преображения
Очищение нафса, преодоление эго	Контроль и очищение через духовную практику и нравственное усилие.	Наблюдение без отождествления («я - не мои мысли»)	Определяющей является милость Бога; усилие - условие, но не причина
Роль духовного наставника (учителя)	Существенна: наставник направляет и корректирует путь. Важно иметь адаб (уважение) к Наставнику. [3]	Вторична: учитель указывает, но акцент на личной осознанности. Духовного наставника нет.	Духовный наставник – посредник между Истиной и твоим эго. Без наставника индивидуально Истину постичь не получится. Адаб – основа получения духовных знаний.
Источник трансформации	Божественная милость + усилие человека	Сдвиг в сознании (пробуждение)	Эго не уничтожается, а очищается и преобразуется, под руководством духовного Наставника.
Отношение к страданию	Испытание, средство очищения от грехов, способ возвращения к Аллаху	Продукт эго и сопротивления настоящему	Испытание, очищение от грехов, повышение духовного уровня развития
Финальное состояние	Очищенное сердце, близость к Богу, искренность, иметь благой нрав.	Состояние присутствия, свобода от эго и внутреннего времени	Состояние благодарности Богу в любом положении и всегда помнить о смерти
Статус Истины Эпистемология	Истина открывается очищенному сердцу	Переживается как присутствие, осознанное присутствие, безмыслие	Истина (Бог) открывается сердцу, преодолевшему эгоцентризм
Духовное сердце	Основной термин суфийской науки. Без его очищения, человек не сможет обуздать (победить, очистить) свой нафс	В философии Толле отсутствует термин «духовное сердце»	Автор полностью солидарен с суфийским подходом к очищению духовного сердца
Риски	Формализм без внутреннего очищения	Иллюзия «наблюдения», скрытое эго под видом осознанности	Риск остаться под «завалами интеллектуальных

			знаний», рефлексии, считать веру Богу – отсталостью.

Таким образом, сопоставление подходов Ахмада-Хаджи Абдулаева и Экхарта Толле показывает, что проблема эгоцентризма может быть рассмотрена как в рамках религиозно-духовной традиции, так и через призму феноменологии сознания.

Эго не устраняется и не сводится к иллюзии, но проходит путь очищения и преображения. Интеллект лишь подводит к осознанию границы, за которой открывается подлинное познание. Это познание осуществляется не усилием как таковым, но милостью Бога, воспринимаемой духовным сердцем. Вся деятельность человека связана с его взаимоотношениями с окружающим миром и с себе подобными, то есть направлена на совершенствование человеческих отношений. Поэтому фундаментальным основанием и духовно-нравственным измерением человеческого бытия является преодоление эгоцентризма, результатом которого является благой нрав. «Не думайте, что очистить нафс – дело легкое, что можно противостоять ему лишь силой разума, как полагают некоторые философы….Очищение нафса возможно только под присмотром Пророка (мир Ему и благословение) или вали (праведника), у которого есть знания и опыт в этом деле. Нет надежды на улучшение нафса, пока не очистится духовное сердце, которое является правителем тела человека» [1, с.11].

Тем самым, преодоление эгоцентризма предстает как экзистенциальный акт, в котором человек выходит за пределы собственного «я» и открывается Истине, достигая не только знания, но и стремления к довольству Бога как высшей цели своего бытия. И несмотря на различие концептуальных оснований, религиозно-этического и философски-духовного подходов, оба они указывают на необходимость выхода за пределы самозамкнутого «я» как условия подлинного общения. Особую значимость данная проблема приобретает в сфере социальной работы. Отсутствие внутреннего нравственного преобразования, сохранение эгоцентрической установки сознания делает невозможным формирование подлинной профессиональной позиции специалиста. Работа с другим человеком требует не только знания и навыков, но и очищенного восприятия, свободного от доминирования собственного «я».

Исторический опыт развитых цивилизаций свидетельствует о том, что доступ к значимым знаниям традиционно предполагал наличие благого нрава и внутренней зрелости. Передача знания и воспитание нравственности рассматривались как единый процесс. В этом смысле преодоление эгоцентризма и формирование благого нрава могут быть поняты как фундаментальная методологическая основа социальной работы

Литература

1. Шейх Ахмад-Хаджи Абдулаев. Благонравие праведников (пер. с араб.) – Махачкала: Рисалат, 2024. - 288 с.
2. Экхарт Толле. Новая Земля. - М.: Изд-во: Рипол Классик, 2025. – 279 с.
3. Вильданов Г.У, Мансуров М.Х., Вильданова Г.Б. // Адаб – основа получения знаний в тарикате// Материалы Всероссийской научно-практической конференции: VI Валеевские чтения: мораль, культура, образование в современной России – Уфа: Изд-во УУНиТ, 2025, стр 34-38.

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Красовская Н.Н. *– кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии, Минск, Республика Беларусь.*
Ковелько А.С. *– магистрант 1 курса специальности «Социальная защита и реабилитология», Белорусский государственный университет, факультет философии и социальных наук, Минск, Республика Беларусь.*

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема формирования мотивации персонала. Анализ, проведенный на основе данных 70 респондентов, выявляет уровень мотивации и удовлетворенности системой стимулирования. Полученные результаты подтверждают гипотезу о положительном влиянии комплексной программы совершенствования

стимулирования на мотивационную структуру персонала. Отмечается важность сочетания материальных и нематериальных методов воздействия для повышения эффективности профессиональной деятельности.
Ключевые слова: мотивация персонала, стимулирование, система управления, эффективность труда, медицинская организация.

FORMATION OF PERSONNEL MOTIVATION IN THE ORGANIZATION

Krasovskaya N.N. *– Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Rehabilitation of BSU*
Kovelko A.S. *1st year Master's student specializing in "Social Protection and Rehabilitation". Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Republic of Belarus, Minsk.*

Annotation. This article examines the problem of personnel motivation formation. The analysis based on the data of 70 respondents reveals the level of motivation and satisfaction with the incentive system. The results confirm the hypothesis about the positive influence of a comprehensive program for improving stimulation on the motivational structure of personnel. The importance of combining material and non-material methods of influence to improve the efficiency of professional activity is noted/
Keywords: staff motivation, stimulation, management system, labor efficiency, medical organization.

Персонал является важным стратегическим ресурсом организации, который влияет на повышение результативности ее деятельности, будущее благополучие, а иногда и дальнейшее функционирование. Успех развития организации напрямую зависит от эффективности работы ее персонала. Высококвалифицированный и компетентный персонал, удовлетворенный условиями трудовой деятельности, способен показать высокую производительность труда, тем самым увеличивая прибыль и успешность своей организации [6, с. 52].

Современное время характеризуется активными социально-экономическими изменениями. Они касаются не только политической, экономической и социальной сферы: меняется сознание людей, их роль и место в системе социально-экономического развития. Новые социально-экономические условия жизни общества характеризуются снижением организационных мотивационных основ труда. Труд перестал быть для многих людей смыслом жизни и превратился в средство выживания, что привело к снижению производительности и эффективности труда, квалификации работников и их инициативы, а также трудовой мотивации [4, с. 65].

Мотивация представляет собой процесс побуждения к деятельности, направленный на формирование мотивов трудового поведения под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов. В научно-психологической литературе существует множество определений мотивации. Ученый Э.А. Уткин назвал «мотивацию состоянием личности, определяющим уровень активности и направленности действий человека в определенной ситуации» [2, с. 145]. О.С. Виханский и А.И. Наумов рассматривали мотивацию как совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы этой деятельности и придают ей направленность, ориентированную на достижение определенных целей [6, с. 52].

Стимулирование персонала является важным аспектом при построении управленческой системы. В работах А.Я. Кибанова стимул рассматривается как «побуждение к действию, причиной которого является интерес как форма реализации потребностей» [1, с. 43]. При отсутствии эффективной системы стимулирования трудовой деятельности персонала, производительность его труда снижается, что может привести к снижению прибыльности и успешности деятельности организации [5, с. 23].

В Республике Беларусь вопросам трудовых отношений, стимулирования производительности и оплаты труда на государственном уровне уделяется большое значение. Основным источником правового регулирования в сфере трудовых отношений и оплаты труда

являются нормативные правовые акты, такие как Конституция Республики Беларусь, Трудовой Кодекс [7].

Цель исследования – разработка и оценка эффективности программы совершенствования системы мотивации персонала на примере медицинского центра ООО «Томография».

Эмпирическая база сформирована на основе данных, полученных в ходе работы с сотрудниками ООО «Медицинский центр «Томография». Организация является современной сетью медицинских частных клиник, осуществляющей деятельность в сфере медицинских услуг (МРТ, УЗИ-диагностика, консультации специалистов). В организации работает 181 человек, возраст работников от 25 до 50 лет. Организация имеет линейно-функциональную организационную структуру.

В исследовании приняли участие 70 человек основного персонала (врачи, средний медицинский персонал, административные сотрудники). Возрастной диапазон респондентов составил 25–50 лет.

Для решения поставленных задач использовался комплекс методов:

– теоретический анализ научной литературы по проблемам управления персоналом и мотивации;

– анкетирование для оценки удовлетворённости условиями труда и системой стимулирования;

– психодиагностическое тестирование с применением методик Ф. Герцберга (двухфакторная теория мотивации) и К. Замфир в адаптации А. Реана (мотивация профессиональной деятельности);

– формирующий эксперимент, предполагающий внедрение программы улучшений;

– статистическая обработка данных с использованием U-критерия Манна-Уитни для оценки достоверности сдвигов.

В качестве основного диагностического материала использовались: методика определения мотивации по модели Ф. Герцберга и методика изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир в адаптации А. Реана.

На начальном этапе была проведена диагностика существующего состояния мотивации. Анализ организационных документов показал, что в ООО «Томография» преобладает материальная модель стимулирования (оклад, премии за выполнение плана). Однако анкетирование выявило скрытые проблемы: 57 сотрудников (81%) считают систему стимулирования недостаточной, несмотря на конкурентоспособный уровень зарплат в отрасли. Основной мотивационной моделью организации является ее финансовая составляющая, другие стимулы сводятся к минимуму и носят чисто формальный характер.

На втором этапе исследования было проведено анкетирование, которое выявило, что 48 опрошенных сотрудника (68%) полностью удовлетворены работой в организации, 16 сотрудников (24%) – в целом удовлетворены работой в организации, 6 сотрудников (8%) – не удовлетворены работой в организации. Т.е. большинство респондентов испытывают умеренные трудности в управлении эмоциональным состоянием, что может свидетельствовать о влиянии профессиональных стрессоров на их психологическое благополучие.

Было установлено, что 40 работников (57%) считают оплату труда в организации высокой, 11 работников (16%) – средней, 19 работников (25%) – низкой. Кроме того, было выявлено, что 57 работников (81%) считают принятую систему стимулирования в организации недостаточной.

На третьем этапе исследования были проанализированы полученные данные по методике Ф. Герцберга. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение факторов мотивации по методике Ф. Герцберга (констатирующий этап)

Уровень / потребность	Гигиенический фактор				Мотивационный фактор			
	Финансовые	Общественное	Сотрудничество в	Отношение с	Ответственность	Карьера, чел.	Личный	Содержание

	мотивы, чел.	признание, чел.	коллективе, чел.	руководством, чел.	работы, чел		успех, чел.	работы, чел.
Важно	66	48	48	59	28	23	41	20
Не важно	4	22	22	11	42	47	29	50

Из данных таблицы 1 можно сделать вывод о том, что для сотрудников организации ООО «Томография» наиболее важными являются гигиенические факторы. Так, финансовые мотивы являются важными для 66 человек (94%), общественное признание для 48 человек (68%), сотрудничество в коллективе для 48 человек (68%) и отношение с руководством – 59 работников (84%). Из мотивационных факторов трудовой мотивации важными оказались личный успех (41 работников (58%)) и ответственность работы (28 человек (40%)). Интересно, что практически для всех работников коллектива не так важна оказалась карьера (23 человек (32%)) и содержание работы (20 человек (28%)). Такие результаты можно объяснить преобладанием в коллективе высококвалифицированных работников, уникальных для компании специалистов [3, с. 13].

Дополнительную картину дала методика К. Замфир. На констатирующем этапе зафиксирован повышенный уровень внешней отрицательной мотивации (30% выборки) и преобладание среднего уровня внутренней мотивации (38%). Высокий уровень внутренней мотивации наблюдался лишь у 6% сотрудников, что является тревожным сигналом для организации, стремящейся к инновациям [5, с. 45].

На основе полученных данных была разработана программа совершенствования системы стимулирования. Ключевыми элементами программы стали:

1. Модернизация материального стимулирования: введение прозрачной системы бонусов за качество услуг и положительные отзывы пациентов.

2. Развитие нематериальной мотивации: внедрение звания «Лучший сотрудник месяца», публичное признание заслуг, доска почёта.

3. Обучение и развитие: оплата профильных курсов, тренинги по коммуникации и профилактике выгорания.

4. Корпоративная культура: организация командных мероприятий, дней здоровья, улучшение коммуникации между подразделениями.

5. Реализация программы заняла три месяца. По завершении формирующего этапа было проведено повторное тестирование

Динамика изменений в структуре мотивации по методике Ф. Герцберга показала рост значимости мотивационных факторов. Так, показатель «Содержание работы» стал важным для 81% сотрудников (рост на 53 процентных пункта). Фактор «Карьера» повысил свою значимость с 32% до 50%. Это говорит о том, что сотрудники начали видеть перспективы профессионального роста внутри организации.

Таблица 2 – Динамика уровней мотивации профессиональной деятельности (до и после реализации программы)

Уровень/ мотивация	Внутренняя мотивация (ВМ)	Внешняя положительная мотивация (ВПМ)	Внешняя отрицательная мотивация (ВОМ)
До программы			
Высокий	4 (6%)	13 (19%)	16 (22%)
Повышенный	16 (22%)	30 (42%)	21 (30%)
Средний	26 (38%)	14 (20%)	13 (19%)
После программы			
Высокий	30 (42%)	21 (30%)	0 (0%)
Повышенный	20 (28%)	28 (40%)	0 (0%)

Средний	14 (20%)	21 (30%)	13 (19%)

Данные таблицы 2 демонстрируют существенный сдвиг. Уровень внутренней мотивации (высокий и повышенный) суммарно вырос с 28% до 70%. Критически важно снижение внешней отрицательной мотивации: доля сотрудников, работающих из страха наказания или критики, снизилась до нуля в категории «высокий уровень». Это свидетельствует об оздоровлении психологического климата [5, с. 67].

Для подтверждения достоверности выявленных различий был применён U-критерий Манна-Уитни.

Таблица 3 – Достоверность различий показателей мотивации (U-критерий Манна-Уитни)

Показатель	Uэмп	Uкр (p≤0,01)	Достоверность
Гигиенический фактор	154	168	Да
Внутренняя мотивация	138	168	Да
Внешняя положительная мотивация	172	192	Да
Внешняя отрицательная мотивация	167	192	Да
Удовлетворённость работой	178	192	Да
Удовлетворённость оплатой труда	190	212	Да
Удовлетворённость системой стимулирования	203	212	Да

Во всех случаях эмпирическое значение критерия меньше критического (Uэмп < Uкр), что подтверждает статистическую значимость изменений на уровне p≤0,01. Следовательно, улучшения не являются случайными, а напрямую связаны с реализацией предложенной программы [2, с. 156].

Также выросла общая удовлетворённость работой: доля полностью удовлетворённых сотрудников увеличилась с 68% до 90%. Количество работников, считающих оплату труда низкой, снизилось до 0%, что косвенно подтверждает эффективность пересмотра системы премирования.

Персонал является важным стратегическим ресурсом организации, который влияет на повышение результативности ее деятельности, будущее благополучие, а иногда и дальнейшее функционирование. Стимулирование персонала является важной составляющей обеспечения эффективности деятельности организации.

В ходе исследования было выявлено, что организации ООО «Томография» является организацией медицинского профиля, которая является поставщиком качественных медицинских услуг. Основной мотивационной моделью организации является ее финансовая составляющая, другие стимулы сводятся к минимуму и носят чисто формальный характер.

Было проведено исследование особенностей системы мотивации работников и установлено, что для сотрудников организации ООО «Томография» наиболее важными являются гигиенические факторы мотивации (финансовые мотивы, общественное признание, сотрудничество в коллективе и отношение с руководством). Кроме того, было установлено, что в исследуемом коллективе у исследуемых работников преобладает средний уровень внутренней мотивации, повышенный уровень внешней положительной мотивации и повышенный уровень внешней отрицательной мотивации.

Была предложена система стимулирования персонала, которая позволит применять как материальные, так и нематериальные методы, которые будут повышать престижность выполняемых трудовых функций. На заключительном этапе проводилось определение эффективности разработанной программы по совершенствованию системы стимулирования персонала в организации ООО «Томография», в результате которого была выявлена положительная динамика по всем показателям.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что система мотивации персонала в медицинской организации требует комплексного подхода, выходящего за рамки простого материального вознаграждения. Эмпирические данные, полученные на базе

ООО «Томография», подтверждают гипотезу о том, что внедрение сбалансированной программы стимулирования, включающей элементы признания, обучения и улучшения климата, достоверно повышает уровень внутренней мотивации сотрудников.

Ключевыми факторами успеха стали смещение акцента с гигиенических условий на мотиваторы роста, а также снижение роли негативного подкрепления. Полученные результаты могут быть рекомендованы к использованию в практике управления персоналом других учреждений здравоохранения, сталкивающихся с проблемами вовлечённости и текучести кадров. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочного эффекта предложенной программы и её влияния на экономические показатели деятельности организации.

Литература:

1. Кибанов А. Я. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности / А.Я. Кибанов, И.А. Баткаева, Е.А. Митрофанова, М.В. Ловчева. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 524 с.
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
3. Герцберг, Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Снидерман; пер. с англ. Д.А. Куликов. – М.: Вершинина, 2007. – 240 с.
4. Веснин, В. Р. Управление человеческими ресурсами: теория и практика / В. Р. Веснин. – М.: Проспект, 2017. – 688 с.
5. Шапиро, С. А. Мотивация и стимулирование персонала / С. А. Шапиро. – М.: ГроссМедиа, 2005. – 224 с.
6. Виханский, О. С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс: уч. пособие / О. С. Виханский. 3-е издание. М.: МГУ, 1995. 413 с.
7. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Фирдовси Гашим оглу Шахбазов *- доктор философии по экономике, ведущий научный сотрудник Институт экономики Министерство Науки и Образования Азербайджанской Республики, Отдел инклюзивного социального развития, Баку, Азербайджан.*

Аннотация. Одним из показателей, характеризующих уровень развития и устойчивость системы социальной защиты в каждой стране, является степень оптимальности социальных пропорций. Это также рассматривается как один из ключевых факторов обеспечения инклюзивного социального развития. В статье исследуются закономерности формирования социальных пропорций в национальной экономике, а также анализируются пути их оптимизации. На основе анализа современного состояния социальных пропорций в Азербайджане выявляются происходящие в них изменения. Определяются направления оптимизации социальных пропорций для эффективной организации социальной политики. Обосновывается необходимость расширения механизмов адресной поддержки для обеспечения инклюзивности в условиях неравенства доходов.

Ключевые слова: социальные пропорции, социальная защита, оптимизация, инклюзивность, неравенство доходов, социальная справедливость

Analysis of the Current State of Social Proportions in Azerbaijan

Firdovsi Hashim oglu Shahbazov
Doctor of Philosophy in Economics (PhD), Leading Researcher
Institute of Economics, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan
Department of Inclusive Social Development
Baku, Azerbaijan

Abstract. One of the indicators characterizing the level of development and sustainability of the social protection system in any country is the degree of optimality of social proportions. This is also considered one of the key factors in ensuring inclusive social development. The article examines the patterns of formation of social proportions in the national economy and analyzes the ways of their optimization. Based on an analysis of the current state of social proportions in Azerbaijan, the changes occurring within them are identified. Directions for optimizing social proportions for the effective organization of social policy are determined. The necessity of expanding targeted support mechanisms to ensure inclusiveness under conditions of income inequality is substantiated.
Keywords: social proportions, social protection, optimization, inclusiveness, income inequality, social justice

Устойчивый и динамичный экономический рост требует наличия в экономике ряда важных соотношений. Наиболее значимыми из них выступают макроэкономические пропорции, обеспечивающие пропорциональность развития экономики. Социальные пропорции, являясь составной частью макроэкономических пропорций, имеют важное значение для оценки социального эффекта экономического развития и обеспечения инклюзивной системы социальной защиты в стране. Распределение национального дохода между различными социальными группами населения, социальная защита уязвимых категорий, структура занятости и безработицы — все эти социально-экономические факторы находят отражение в социальных пропорциях. Оптимальный уровень социальных пропорций также характеризует степень обеспечения социальной справедливости в обществе.

Регулирование макроэкономических пропорций составляет основу экономической политики в любой стране. Поскольку формирование экономической политики в плановой и рыночной экономических системах базируется на различных принципах, в регулировании пропорций используются и различные методы. Практика показывает, что в условиях рыночной экономики одной из ключевых причин необходимости участия государства в экономических процессах является регулирование возникающих в национальной экономике диспропорций. Нередко интересы рыночных субъектов не совпадают с общегосударственными интересами, что придаёт динамике экономических процессов противоречивый характер. В результате на макроэкономическом уровне возникают состояния неравновесия, что обусловливает необходимость государственного вмешательства. С учётом изложенного следует отметить, что обеспечение равновесия и пропорциональности в экономике невозможно без активного участия государства и проведения эффективной экономической политики.

С точки зрения влияния на инклюзивное социальное развитие к основным социальным пропорциям относятся:

– соотношение между богатством и бедностью (соотношение между высокообеспеченными, среднеобеспеченными и малообеспеченными слоями населения);
– соотношение минимальной заработной платы к средней заработной плате;
– распределение ВВП по оплате труда и прибыли;
– соотношение между трудовыми ресурсами и имеющимися рабочими местами;
– структура рабочих мест: распределение занятости между материальным и нематериальным производством, а также между отраслями, социальными секторами и регионами страны;
– структура безработицы: соотношение безработных по полу, возрасту, уровню образования, квалификации и социально-классовой принадлежности;
– распределение объектов социальной инфраструктуры по регионам страны.

Одной из важных социальных пропорций является соотношение минимальной и средней заработной платы. В Европейской социальной хартии закреплена необходимость того, чтобы данный показатель превышал 60%. В то же время медианная заработная плата как показатель более полно отражает уровень социальной дифференциации.

Уровень минимальной и средней заработной платы в Азербайджане (манат)

	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Среднемесячная заработная плата	44,3	123,6	331,5	466,9	707,7	933,9
Минимальная заработная плата	1,1	25	85	105	250	345
Соотношение минимальной заработной платы к среднемесячной заработной плате	2,4	20,2	25,6	22,4	35,3	36,9

Таблица составлена автором на основе следующих источников: Государственный комитет статистики Азербайджанской Республики. Статистические показатели Азербайджана. Баку, 2001, с. 36–37; Статистические показатели Азербайджана. Баку, 2017, с. 38–39; Статистические показатели Азербайджана. Баку, 2024, с. 18–19.

Как видно, соотношение минимальной заработной платы к среднемесячной заработной плате значительно ниже уровня, считающегося оптимальным. Преобладание в формально занятом населении лиц, получающих минимальную заработную плату или близкие к ней доходы, обусловливает необходимость повышения данного показателя.

В стране также наблюдаются существенные различия в распределении доходов населения и среднемесячной заработной платы между городом Баку и регионами. В 2023 году из общего объёма доходов населения в размере 78,05 млрд манатов на город Баку пришлось 47,7 млрд манатов, или 61,1%. Среднемесячная заработная плата по стране составила 933,9 маната, в городе Баку — 1183,8 маната, тогда как в других экономических районах показатели были значительно ниже: минимальное значение зафиксировано в Шеки-Закатальском экономическом районе — 577,5 маната, максимальное — в Нахичеванской Автономной Республике — 689 манатов. В Абшерон-Хызинском экономическом районе данный показатель составил 774,7 маната. Как видно, в регионах уровень среднемесячной заработной платы в большинстве случаев не достигает даже 700 манатов.

Соотношение между богатством и бедностью отражается в распределении населения по группам с высокими, средними и низкими доходами и напрямую характеризует уровень социальной справедливости в обществе. Ввиду недостаточности статистических данных по данной сфере в стране точное определение данного соотношения затруднено. Однако, используя косвенные показатели, специалисты на основе расчетов получают определённые оценки масштабов среднего класса.

«По данным Р. Асланлы, доля среднего класса в Азербайджане составляет 29%, тогда как по расчетам Т. Гусейнова, выполненным на основе доходного метода, — около 5%. Согласно оценкам Н. Музаффарли (Иманова), показатели среднего класса, рассчитанные тремя способами — по доходам, потреблению и банковским депозитам, — близки друг к другу и находятся в пределах 22–24%. По нашим расчетам (лица, имеющие доходы между 3-м и 6-м децилями доходного распределения домохозяйств), в 2018 году средний класс в Азербайджане составлял примерно 26% населения» [2, с. 197–198].

Устранение крайних форм неравенства между различными группами населения посредством политики социальной защиты и структурных преобразований имеет важное значение для расширения среднего класса. В развитых странах средний класс составляет 60–70% населения. Его роль в развитии общества весьма значительна. Представители среднего класса характеризуются, с одной стороны, как квалифицированная рабочая сила, а с другой — как социальная группа, способствующая занятости и экономической активности других.

«Т. И. Заславская выделяет четыре основных признака среднего класса:

1. совокупность социальных групп, занимающих промежуточное положение в социальной структуре общества и выступающих посредником между “высшими” и “низшими” слоями;
2. экономически самостоятельная часть общества, уверенная в будущем и заинтересованная в сохранении социального порядка и стабильности;
3. наиболее квалифицированные и социально активные граждане, вносящие вклад в прогрессивное развитие общества;

4. носители общественных интересов и национальной культуры, составляющие значительную часть населения и распространяющие свои культурные образцы на другие социальные слои» [11].

В условиях ускорения процессов урбанизации и усиления межрегиональных диспропорций различия в уровне благосостояния сельского и городского населения выступают одной из важных социальных пропорций. По сравнению с городскими территориями, характеризующимися более развитой инфраструктурой, более низкий уровень доходов сельского населения, обусловленный слабым развитием необходимой инфраструктуры, являющейся ключевым фактором экономического развития, представляет собой более актуальную проблему с точки зрения социальной справедливости. Анализ показывает, что значительные различия в распределении доходов между сельским и городским населением характерны и для Азербайджана. *Если в структуре доходов городского населения основную и значительную долю (45,9%) составляет заработная плата, то в сельской местности данный показатель составляет 26% [4, с. 51]*.

Технологическое развитие, усложнение структуры экономики, формирование новых качественных характеристик трудовых ресурсов, миграционные процессы и существенные изменения в духовных потребностях населения сопровождаются возникновением новых макроэкономических пропорций. Данная ситуация усиливает необходимость проведения соответствующих исследований и анализа в этой сфере. *Пропорции рассматриваются как объект научно обоснованного планирования социального развития и учитываются на основе количественных оценок, определяющих логику и динамику социальных процессов, а также источники и основные формы их движения [9]*.

Эффективное использование трудовых ресурсов требует пропорционального распределения занятости по отраслям экономики и регионам страны. В этой связи перед страной стоят три ключевые задачи: увеличение экспорта, импортозамещение и обеспечение эффективной занятости. Достижение устойчивого развития на основе диверсификации экономики предполагает нахождение оптимального соотношения между этими факторами. Выбор экономической политики в краткосрочной и долгосрочной перспективе также определяется данным соотношением. Для обеспечения инклюзивного социального развития особое значение имеют структурные преобразования, способствующие снижению социального неравенства. Экономическая реальность заключается в том, что государство, с одной стороны, стимулирует развитие рыночных отношений для повышения эффективности экономики, а с другой — вынуждено ограничивать их проявления, способные усугублять социальные проблемы, с целью их решения.

Для обеспечения инклюзивного социального развития основными направлениями в сфере социальной защиты являются упрощение процедур предоставления пособий по безработице, регулирование неформальной занятости, создание частных пенсионных фондов и расширение мер по стимулированию предпринимательской деятельности. Формирование негосударственного пенсионного обеспечения будет способствовать оживлению рынков ценных бумаг и недвижимости, а также в целом улучшению инвестиционного климата в стране [1, с. 142–143; 177].

В целях оптимизации социальных пропорций и обеспечения инклюзивности необходимо систематизировать пропорции в соответствии с характером экономического развития, определить взаимосвязи между ними и на начальном этапе сосредоточиться на оптимизации наиболее значимых пропорций. Основные направления социального развития общества могут быть определены именно на основе динамики социальных пропорций. В этой связи их анализ имеет важное значение также для разработки соответствующих политических документов в данной сфере.

Неоптимальность социальных пропорций следует рассматривать не только с точки зрения социальной справедливости, но и как состояние самоисчерпывающего экономического роста. Соотношение между производством и потреблением прежде всего позволяет оценить потенциал общества как производителя и потребителя. Количественные и качественные характеристики оптимальности данной пропорции оказывают влияние и на оптимальность других пропорций. Отраслевая структура и ассортиментный состав производства играют

определяющую роль в научной и профессиональной организации труда, а также влияют на уровень духовного развития рабочей силы. Производство, в свою очередь, выступает направляющим фактором потребления. На основе взаимосвязи производства и потребления формируются количественные и качественные параметры воспроизводства общества. В условиях расширения сфер применения искусственного интеллекта производственный потенциал определяется уже не только количеством трудовых ресурсов, но в большей степени уровнем их технологической подготовки и управленческих навыков.

«Социальная справедливость занимает центральное место в обеспечении социальной защиты. Это обусловлено тем, что уровень благосостояния в обществе, распределение доходов, а также создание равных политических и экономических условий для всестороннего развития личности и реализации потенциала людей являются основой обеспечения социальной справедливости» [2, с. 57].

Одним из ключевых аспектов анализа пропорций является определение степени их оптимальности. *«Оптимальная пропорциональность народного хозяйства означает соответствие структуры общественного производства задачам более полного удовлетворения общественных потребностей при наименьших затратах живого и овеществлённого труда» [6, с. 340]*.

Обобщая научно-теоретические подходы, можно отметить, что основными факторами, определяющими оптимальность макроэкономических пропорций в стране, являются:

– уровень обеспечения макроэкономической стабильности и высокоэффективной занятости;

– наличие экономической структуры, способной обеспечить устойчивый экономический рост;

– соответствие отраслевой и территориальной структуры экономики имеющемуся потенциалу;

– степень более полного удовлетворения растущих потребностей общества и состояние социальной дифференциации;

– уровень повышения конкурентоспособности экономики на основе технологических преимуществ;

– уровень развития отраслей, обладающих относительными и абсолютными преимуществами, и др.

«Из тесной взаимосвязи между ростом общественной производительности труда и увеличением реальных доходов формируются пропорции народного хозяйства, характеризующие темпы и масштабы расширенного воспроизводства. Данное соотношение должно также обеспечивать максимальное удовлетворение потребностей общества и каждого его члена, а также непрерывное совершенствование структуры общественного производства. Несмотря на различия по периодам, отраслям и регионам, опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы является общей закономерностью» [7, с. 270–271; 298].

В исламе также содержатся обширные предписания, касающиеся прав человека и социальных вопросов, в которых особое внимание уделяется обеспечению равенства между людьми. В целом, в исламской экономической мысли принципы обеспечения социальной справедливости, а также устранения негативных последствий экономического неравенства и социальной напряжённости основываются прежде всего на внутренних механизмах самоконтроля, осознании человеком своей ответственности перед Творцом, вере, убеждениях, чувстве справедливости и милосердия [5, с. 33].

Если в переходный период к рыночной экономике основной проблемой в сфере занятости было создание большого количества рабочих мест, то в настоящее время на первый план выходит создание достойных рабочих мест. Большинство экономистов связывают безработицу среди лиц с высшим образованием с несоответствием подготовки кадров в высших учебных заведениях требованиям рынка труда. Однако следует учитывать, что более актуальной проблемой является объём и структура рынка труда в стране. Об этом свидетельствует значительное число претендентов на вакантные должности в государственной службе. Ещё более напряжённая ситуация наблюдается на экзаменах по приёму учителей

на работу (МИГ), где ежегодно за 8–10 тысяч вакансий конкурируют 50–60 тысяч кандидатов. Всё это показывает, что невозможность трудоустройства выпускников вузов обусловлена не столько уровнем их профессиональной подготовки, сколько ограниченностью имеющихся рабочих мест. Учитывая изложенное, возникает необходимость оптимизации плановых мест по специальностям в соответствии с текущими и прогнозируемыми объёмами и структурой рынка труда.

В документе «Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития» одним из приоритетов обозначено формирование динамичного, инклюзивного и основанного на социальной справедливости общества. «Устойчивый и высокий экономический рост должен служить формированию динамичного и инклюзивного общества, и каждый гражданин должен ощущать результаты этого развития в своей жизни. Независимо от социального статуса и места проживания людей, доступ к экономическим возможностям должен быть равным и справедливым. Данный приоритет может быть успешно реализован на основе следующих трёх целей:

– получение каждым гражданином выгод от развития;
– высокий и справедливый уровень социального обеспечения, инклюзивное общество;
– сбалансированное развитие столицы и регионов» [10].

В документе также отмечается необходимость обеспечения устойчивого развития экономики на основе справедливого распределения доходов среди населения и повышения уровня благосостояния уязвимых групп. Подчёркивается важность увеличения социальных выплат и укрепления системы социальных услуг. Особое внимание должно быть уделено развитию физической инфраструктуры в регионах, а существующие различия между регионами и столицей должны быть сведены к минимуму. Необходимо формирование институциональной среды, способствующей развитию человеческого капитала, что, в свою очередь, обеспечит повышение глобальной конкурентоспособности экономики.

В то же время недопустимо ускоренное развитие одной из сфер социально-экономической системы региона в ущерб другим. Невозможно отказаться от всестороннего развития всех отраслей промышленности, даже если они не обладают значительным потенциалом роста, характерным для так называемых «точек роста». Повышение качества жизни населения возможно лишь при условии, что региональная экономическая политика будет основываться на принципах экономической безопасности региона и обеспечивать развитие всех жизнеобеспечивающих отраслей [2].

Авторы исследования «Развитие социального предпринимательства в Азербайджане» рассматривают развитие социального предпринимательства как один из путей снижения уровня бедности и безработицы, а также повышения благосостояния населения. При этом социальное предпринимательство оценивается ими и как активная мера социальной защиты [3, с. 68].

В целом направления регулирования макроэкономических пропорций в стране должны охватывать следующие цели:

– определение желаемой отраслевой и территориальной структуры экономики на ближайшие 10 лет, а также инструментов структурной оптимизации;
– формирование механизма оптимального распределения инвестиций по отраслевому и территориальному принципам;
– расширение технологических преимуществ экономики за счёт привлечения новых техники и технологий;
– устранение факторов, препятствующих повышению инвестиционной привлекательности отраслей и регионов, включая инфраструктурные проблемы;
– определение направлений развития традиционных отраслей, обладающих абсолютными преимуществами;
– реализация последовательных программных мер, направленных на развитие агропромышленных комплексов, обеспечивающих расширение производственных связей между ведущими секторами экономики — промышленностью и сельским хозяйством;
– приоритетное развитие отраслей ненефтяного сектора, обеспечивающих эффективную занятость и повышение конкурентоспособности экономики;

– создание механизма распределения инвестиционных расходов бюджета в соответствии с отраслевыми и территориальными программами развития;
– формирование инвестиционной среды, обеспечивающей превращение значительной части сбережений в накопления.

Заключение

Анализ социальных пропорций имеет важное значение в условиях роста социального неравенства на глобальном уровне с точки зрения оценки его социально-экономических последствий. Переход к рыночной экономике сопровождался кризисными явлениями, приведшими к существенному нарушению социально-экономических соотношений. Несмотря на последующее обеспечение экономического роста, изменения в отраслевой и территориальной структуре экономики оказали значительное влияние на социальную сферу. В результате небольшая часть населения сосредоточила в своих руках значительную долю национального богатства и доходов. Статистические данные последних лет показывают, что около 50% населения не имеют банковских сбережений.

Сохраняющийся низкий уровень обеспеченности регионов необходимыми объектами социальной инфраструктуры, а также ограниченный доступ населения регионов к качественным образовательным и медицинским услугам способствовали усилению внутренней и международной миграции, в том числе значительному притоку населения в столицу — Баку. Все эти негативные тенденции свидетельствуют о низком социальном эффекте экономического развития. Диспропорциональное развитие, создавая серьёзные препятствия для инклюзивного социального развития, затрудняет формирование устойчивой системы социальной защиты.

Оптимизация социальных пропорций прежде всего требует реализации структурной политики, направленной на формирование оптимальной отраслевой и территориальной структуры экономики. Необходимо ускорить реализацию мер по приоритетному развитию ненефтегазового сектора и существенно повысить инвестиционную привлекательность страны для стимулирования предпринимательства. Для выявления причин возникновения диспропорций следует расширить сотрудничество соответствующих государственных органов с независимыми организациями гражданского общества. Только в этом случае станет возможным стимулирование развития человеческого капитала, эффективное использование экономического потенциала и обеспечение инклюзивного социального развития.

Литература

1. Абдуллаева Р.С. Социальное обеспечение: в либеральных и дирижистских экономических системах. Баку: «Elm və Bilik», 2018. 200 с.
2. Абдуллаева Р.С. Инклюзивная социальная защита. Баку: «APOSTROF-A» ООО, 2023. 472 с.
3. Развитие социального предпринимательства в Азербайджане (коллективная монография) / Науч. ред. проф. Назим Музаффар оглу Иманов. Баку: «Optimist» изд.-полиграфический центр, 2022. 136 с.
4. Алиева Дж.Р. Уровень жизни сельского населения: на пути к инклюзивному развитию. Баку: «APOSTROF-A» ООО, 2024. 228 с.
5. Алиев И.Г., Самандаров С.С. Налоговое дело: исторический аспект. Баку: издательство «Avropa», 2014. 188 с.
6. Политическая экономия: учебник для неэкономических вузов / под ред. А.М. Румянцева. Баку: «Maarif», 1986. 592 с.
7. Карпухин Д.Н. Производительность общественного труда и народнохозяйственные пропорции. М.: Мысль, 1972. 317 с.
8. Риттер И.В. Социально-экономические пропорции как индикатор внутрирегиональных проблем. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-proportsii-kak-indikator-vnutriregionalnyh-problem
9. Санжаревский И.И. Пропорциональность в современных социально-политических отношениях / под ред. проф. В.М. Долгова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. 144 с. URL: https://virmk.ru/read/s/SANZ/22.htm

10. Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития. URL: https://president.az/az/articles/view/50474
11. Заславская Т.И. Средний класс: сущность и основные характеристики. URL: http://politics.ellib.org.ua/pages-7798.html

ВЛИЯНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ И СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КЛИЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Абасова Х.У. *– м.н.с. Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия.*

Аннотация. В статье анализируется влияние мультикультурной среды на потребительское и сберегательное поведение клиентов социальной работы. Показано, что культурные нормы, миграционный опыт и степень социальной адаптации существенно определяют структуру расходов, отношение к накоплениям и уровень финансовой устойчивости домохозяйств. Обосновывается значимость культурно чувствительного подхода в социальной работе, ориентированного на развитие финансовой грамотности, рационального потребления и сберегательных практик.

Ключевые слова: мультикультурная среда, социальная работа, потребительское поведение, сберегательное поведение, финансовая грамотность, социальная адаптация, мигранты, уязвимые группы.

THE IMPACT OF THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT ON THE CONSUMER AND SAVING BEHAVIOR OF SOCIAL WORK CLIENTS: DIRECTIONS OF PRACTICAL SUPPORT

Abasova Kh.U. *– Junior Research Fellow at the Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Makhachkala.*

Abstract. The article analyzes the impact of the multicultural environment on the consumer and saving behavior of social work clients. It is shown that cultural norms, migration experience, and the degree of social adaptation significantly determine the structure of expenses, attitudes towards savings, and the level of financial stability of households. The importance of a culturally sensitive approach in social work, focused on developing financial literacy, rational consumption, and savings practices, is substantiated.

Keywords: multicultural environment, social work, consumer behavior, savings behavior, financial literacy, social adaptation, migrants, vulnerable groups.

Современные общества все в большей степени характеризуются культурным многообразием, обусловленным миграционными процессами, этнической неоднородностью населения, транснациональными контактами и расширением форм межкультурного взаимодействия. В этих условиях социальная работа сталкивается с необходимостью учитывать не только социально-экономическое положение клиента, но и его культурную принадлежность, ценностные ориентиры, семейные нормы и поведенческие модели. Особенно это важно тогда, когда речь идет о потребительском и сберегательном поведении, поскольку именно через эти формы повседневной экономической активности проявляются адаптационные возможности семьи и отдельного человека.

Потребление и сбережение выступают не только экономическими, но и социальными категориями. С одной стороны, они отражают уровень доходов и качество жизни домохозяйства. С другой стороны, в них выражаются ценности, традиции, представления о допустимых и желательных формах распределения ресурсов, а также стратегии выживания в условиях неопределенности. Для клиентов социальной работы, особенно относящихся к мигрантским, этнокультурным и иным уязвимым группам, эти аспекты приобретают особое значение. Ограниченный доступ к институтам поддержки, языковые барьеры, недостаточная финансовая грамотность и различия в культурных моделях поведения нередко усложняют процесс экономической адаптации.

Актуальность темы определяется тем, что социальная работа в мультикультурной среде должна не просто оказывать помощь, но и способствовать формированию устойчивых практик жизнедеятельности. В данном контексте рациональное потребление и способность к сбережению становятся важнейшими индикаторами социальной включенности и благополучия.

Мультикультурная среда как социальный контекст

Мультикультурная среда представляет собой пространство сосуществования и взаимодействия различных культурных, этнических, религиозных и языковых групп. Она формирует особые условия социальной коммуникации, в которых нормы и ценности отдельных групп могут различаться, а иногда и вступать в противоречие. Для социальной работы это означает необходимость отказа от универсальных шаблонов и перехода к индивидуализированному и культурно чувствительному сопровождению клиентов.

Культурное разнообразие влияет на восприятие экономических решений. В одних культурах приоритет отдается немедленному удовлетворению текущих потребностей, в других - долгосрочному накоплению и бережливости. В одних сообществах нормой является активная материальная поддержка расширенной семьи, в других - ориентация на автономию домохозяйства. Эти различия определяют не только стиль потребления, но и способность к формированию финансовых резервов.

Мультикультурная среда особенно значима в отношении мигрантов, вынужденных переселенцев, представителей национальных меньшинств и семей, находящихся на этапе социальной адаптации. Для них экономическое поведение нередко связано не только с объективными материальными возможностями, но и с необходимостью сохранять культурную идентичность, поддерживать связи с родственниками, соответствовать нормам своей группы и одновременно приспосабливаться к новым условиям жизни. Поэтому при анализе поведения клиентов социальной работы важно учитывать не только доходы, но и культурный контекст их экономических решений.

Потребительское поведение в социальной работе следует понимать как совокупность практик, связанных с распределением доходов между различными видами расходов, выбором товаров и услуг, приоритетами потребления и способами удовлетворения базовых и дополнительных потребностей. В мультикультурной среде оно формируется под воздействием целого ряда факторов: экономических, социальных, культурных и институциональных.

Во-первых, на потребительское поведение влияет уровень дохода. У семей с ограниченными ресурсами структура расходов обычно сосредоточена на удовлетворении базовых потребностей: питании, жилье, транспорте, одежде, медицинских услугах. Однако даже в условиях низкого дохода культурные установки могут определять, какие расходы считаются обязательными, а какие - второстепенными. Например, в некоторых сообществах значительная часть средств может направляться на помощь родственникам, религиозные нужды или социально значимые обряды.

Во-вторых, важную роль играет семейная структура. В расширенных семьях экономические решения нередко принимаются коллективно, а личное потребление ограничивается нормами распределения внутри группы. Это особенно характерно для традиционных и мигрантских сообществ, где финансовая взаимопомощь между родственниками является одной из форм социальной безопасности. В таких условиях социальный работник должен учитывать, что потребительские решения клиента могут быть не индивидуальными, а семейно обусловленными.

В-третьих, на потребление влияет степень включенности в принимающее общество. Чем выше уровень социальной интеграции, тем чаще клиент ориентируется на привычные для данной среды формы потребления: банковские услуги, безналичные платежи, планирование покупок, использование онлайн-сервисов. При слабой интеграции преобладают более архаичные или неформальные формы экономического поведения, включая наличные расчеты, бытовую экономию, покупку у знакомых, взаимные услуги.

Особое значение имеет вопрос нерационального потребления. В социально уязвимых группах оно может проявляться не только как избыточные траты, но и как отсутствие

долгосрочного планирования, вынужденная импульсивность, зависимость от краткосрочных доходов. В этом случае социальная работа может играть компенсирующую роль, помогая клиентам формировать навыки бюджетирования, осознанного выбора и планирования расходов.

Сберегательное поведение - это совокупность действий, направленных на формирование денежных или материальных накоплений для обеспечения будущих потребностей, снижения рисков и поддержания финансовой устойчивости. В мультикультурной среде оно имеет выраженную культурную обусловленность. Отношение к сбережениям может существенно различаться в зависимости от норм конкретного этноса, религиозной принадлежности, традиций, опыта экономической нестабильности и доверия к финансовым институтам.

Для многих семей сбережения имеют не только экономический, но и символический смысл. Они могут восприниматься как средство защиты от неопределенности, как форма ответственности перед детьми, как ресурс помощи родственникам или как гарантия сохранения статуса в условиях кризиса. В ряде культур накопления рассматриваются как личная добродетель и показатель зрелости, в других - как допустимый, но не обязательный элемент жизненной стратегии. Это означает, что программы социальной поддержки не могут опираться на единый стандарт формирования сбережений.

Проблема особенно остро стоит среди мигрантов и вынужденных переселенцев. Их сберегательные стратегии часто носят вынужденный характер и связаны с необходимостью отправлять деньги родственникам, компенсировать временную нестабильность, покрывать расходы на жилье, адаптацию, образование и медицинскую помощь. В таких случаях сбережения могут носить краткосрочный и оборотный характер, а не быть ориентированными на долгосрочное накопление.

Существенным ограничителем сберегательного поведения является низкий уровень доверия к банковским структурам и финансовым инструментам. У отдельных категорий клиентов это может быть обусловлено предыдущим негативным опытом, недостатком информации, языковыми трудностями или отсутствием навыков взаимодействия с официальными институтами. В результате предпочтение отдается хранению средств дома, передаче денег через знакомых или использованию неформальных каналов, что повышает риски потери ресурсов.

Социальная работа в этом контексте должна быть направлена на повышение финансовой грамотности, формирование доверия к легальным инструментам накопления и развитие навыков долгосрочного планирования. Особенно важно объяснять клиентам преимущества даже небольших, но регулярных сбережений, которые в совокупности способны повысить устойчивость семьи к внешним шокам.

Роль социальной работы в адаптации клиентов

Социальная работа в мультикультурной среде выполняет не только защитную и компенсаторную, но и адаптационную функцию. Она помогает клиенту ориентироваться в новых социальных условиях, выстраивать отношения с институтами помощи, осваивать нормы принимающего общества и одновременно сохранять собственную идентичность. В сфере потребления и сбережений это проявляется через консультирование, сопровождение, просвещение и посредничество.

Во-первых, социальный работник может помочь клиенту в составлении семейного бюджета. Такая практика позволяет структурировать доходы и расходы, выделить обязательные траты, определить возможности для накопления и снизить риск дефицита ресурсов. Для семей с низким доходом это особенно важно, поскольку даже простые инструменты финансового планирования могут существенно повысить предсказуемость повседневной жизни.

Во-вторых, важное значение имеет информирование о доступных мерах социальной поддержки. Многие клиенты в мультикультурной среде не обладают полной информацией о пособиях, льготах, программах помощи, образовательных и медицинских услугах. Нередко препятствием выступают языковые сложности или недоверие к официальным структурам. Социальная работа позволяет снизить этот барьер и расширить доступ к ресурсам.

В-третьих, актуальны просветительские и тренинговые программы по финансовой грамотности. Они могут быть адаптированы к конкретным культурным группам и включать темы планирования расходов, безопасного хранения средств, оценки кредитных рисков, формирования резервов и защиты от мошенничества. Для мигрантов и представителей уязвимых сообществ такие программы особенно полезны, поскольку помогают им избежать долговой зависимости и неэффективных финансовых решений.

В-четвертых, социальная работа должна учитывать культурные коды клиента. Это означает уважение к его нормам, способам общения, семейным ролям и религиозным ограничениям. Культурная чувствительность повышает доверие к специалисту и делает помощь более результативной. Если консультирование игнорирует культурный контекст, оно может восприниматься как навязанное и неэффективное.

Направления практической поддержки

Практическая поддержка клиентов социальной работы в мультикультурной среде может быть реализована по нескольким направлениям:

1. *Индивидуальное консультирование*. Индивидуальное консультирование необходимо для анализа конкретной жизненной ситуации клиента. В рамках такой работы можно определить структуру доходов и расходов, выявить финансовые риски, обсудить привычные модели потребления и наметить возможные пути формирования сбережений. Консультирование должно быть простым, понятным и ориентированным на реальные условия семьи.

2. *Финансовая грамотность*. Формирование финансовой грамотности является одной из наиболее эффективных мер. Она включает обучение основам бюджетирования, пониманию кредитных обязательств, различию между необходимыми и необязательными расходами, методам накопления и способам защиты от финансовых потерь. Для мультикультурной среды особенно важна адаптация материалов на доступном языке и с учетом культурных особенностей аудитории.

3. *Групповые формы работы.* Групповые тренинги и семинары позволяют не только передавать знания, но и обмениваться практиками между участниками. В мультикультурной среде это способствует взаимопониманию, снижению социальной изоляции и развитию навыков коллективного решения проблем. Кроме того, групповая работа может стать пространством для обсуждения семейных и культурных норм, связанных с деньгами и потреблением.

4. *Посредничество между клиентом и институтами.* Социальный работник может выступать посредником между клиентом и банками, органами социальной защиты, образовательными учреждениями и медицинскими организациями. Это особенно важно для лиц, не владеющих языком принимающей страны или не ориентирующихся в административных процедурах. Посредничество снижает барьеры доступа к ресурсам и повышает эффективность помощи.

5. *Поддержка семейной устойчивости.* Работа с семьей позволяет учитывать коллективный характер многих экономических решений. В этом случае задача состоит не только в помощи отдельному человеку, но и в выстраивании более устойчивой модели распределения ресурсов внутри домохозяйства. Такая поддержка может включать обучение совместному бюджетированию, обсуждение приоритетов расходов и создание семейного резервного фонда.

Анализ влияния мультикультурной среды на потребительское и сберегательное поведение показывает, что экономические практики клиентов социальной работы не могут рассматриваться вне культурного контекста. Потребление и сбережения являются не только отражением материального положения, но и результатом взаимодействия традиций, семейных норм, религиозных установок и степени социальной адаптации. Это означает, что социальная работа должна переходить от модели универсальной помощи к модели адресного и культурно чувствительного сопровождения. Такой подход позволяет не просто поддерживать клиента в кризисной ситуации, но и формировать у него навыки устойчивого эко-

номического поведения. Важнейшим результатом становится повышение финансовой самостоятельности, снижение зависимости от неформальных источников поддержки и укрепление жизненной устойчивости семьи.

Особое внимание следует уделять профилактике финансовой уязвимости. В условиях мультикультурной среды она может усиливаться из-за ограниченного доступа к информации, недоверия к официальным структурам, культурных различий в отношении к деньгам и низкой финансовой грамотности. Если социальная работа не учитывает эти обстоятельства, помощь оказывается фрагментарной и не всегда приводит к долгосрочному результату.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания/ пер. с анлг. М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Чернышева, Е. В. Влияние финансовой культуры на финансовое поведение граждан / Е. В. Чернышева, А. А. Иванова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – № 68. – С. 219-234.
3. Макар С. В., Ярашева А. В., Марков Д. И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. – 2022. – Т.26, № 3. – С.157-168. DOi: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168
4. Надеждина, С. Д. Финансовая грамотность населения России: проблемы и направления развития / С. Д. Надеждина, О. А. Чистякова // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 407-416. – DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(2).407-416.
5. Урунов, А. А. Особенности формирования сбережений иностранной рабочей силы на рынке труда России / А. А. Урунов, И. Б. Родина, А. Ф. Владимирова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2020. – № 1(82). – С. 33-41. – EDN PSMUTD.
6. Смирнова, О. В. Интеграция мигрантов как социокультурная проблема / О. В. Смирнова // Миссия конфессий. – 2022. – Т. 11, № 8(65). – С. 140-145. – EDN UOXWTP.
7. Сапир, Е.В. Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования / Е. В. Сапир, А. А. Чистякова // Теоретическая экономика. – 2022. – № 11(95). – С. 77-88. – DOI 10.52957/22213260_2022_11_77. – EDN GULAFF.
8. Гостева, С.Р. Инновационные подходы к социальной работе с мигрантами: возможности использования Европейского опыта / С.Р. Гостева, Д.П. Золотарев, Е.Б. Свистова // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2014. – Т. 10, № 5-2. – С. 51-54. – EDN UHGVMX.
9. Санин, С.А. Модель формирования мультикультурной компетенции будущих социальных работников в процессе практического обучения в вузе / С.А. Санин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 4(58). – С. 53-57. – EDN MOEVFV.
10. Теория и практика социальной работы в современном социуме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году защитника Отечества (г. Липецк, 17 апреля 2025 года): сборник научных трудов. — Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. — 232 с.
11. Корякина, А. А. Социальная интеграция в мультикультурном обществе / А. А. Корякина // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2025. – № 2(38). – С. 87-94. – DOI 10.25587/2587-5604-2025-2-87-94. – EDN UDKDGC.
12. Ширванов, Р.К. Особенности мультикультурной среды современной России / Р.К. Ширванов // Наука и современность. – 2013. – № 21. – С. 113-119. – EDN ROQSTZ.
13. Романов, П.В. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 2014. – № 10(366). – С. 60-69. – EDN STFCKP.

14. Терновская, Е. П. Сберегательная активность населения: факторы влияния и направления стимулирования / Е. П. Терновская // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 2. – EDN LNSLXG.

15. Чернышева, Е. В. Влияние финансовой культуры на финансовое поведение граждан / Е. В. Чернышева, А. А. Иванова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – № 68. – С. 219-234. – DOI 10.17223/19988648/68/11. – EDN BBPUMK.

16. Бабайкина, А. А. Финансовая грамотность как основа повышения стабильности уязвимых социальных слоев населения / А. А. Бабайкина, А. А. Исаев, Д. В. Черемисинова // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Абакан, 06 ноября 2025 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2025. – С. 299-300. – EDN JFPZQM.

ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ СО СЛУЧАЕМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Макоева З.А. – *кандидат социологических наук, доцент кафедры «Теории и технологии социальной работы» СГИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М.Бербекова», Нальчик, Россия.*

Аннотация: статья посвящена анализу технологии работы со случаем как эффективному инструменту в социальной работе с категориями населения, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Отмечаются особенности применения рассматриваемой технологии социальной работы, описываются некоторые препятствия в ее полноценном применении в деятельности специалистов социальных служб, анализируются возможности ее адаптированной реализации в национальных республиках.

Ключевые слова: технология социальной работы, социальная работа со случаем, клиент социальной работы, трудная жизненная ситуация.

CASE TECHNOLOGY AS AN EFFECTIVE TOOL FOR SOLVING SOCIAL PROBLEMS

Makoeva Z.A. *Kabardino-Balkar State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia*

Abstract: The article is devoted to the analysis of case-based technology as an effective tool in social work with categories of the population who find themselves in difficult life situations. The features of the application of the considered social work technology are noted, some obstacles in its full-fledged application in the activities of social service specialists are described, and the possibilities of its adapted implementation in national republics are analyzed.

Keywords: technology of social work, social work with a case, client of social work, difficult life situation.

Технологическое обеспечение социальной работы на современном этапе довольно актуальный вопрос. За годы существования институциональной социальной работы в нашей стране специалистами широко применяются все виды технологий социальной работы, как функциональные, так и частные. Среди основных функциональных технологий, используемых в деятельности практически всех учреждений системы социальной защиты: социальная диагностика, социальная профилактика, социальное прогнозирование, социальное проектирование, социальное консультирование, социальная адаптация, социальная реабилитация, социальная коррекция, социальная опека и попечительство, социальное посредничество. Способы реализации этих технологий в целом стандартизированы, результат их использования, как правило, ожидаем и регулируем.

Частные технологии социальной работы направлены непосредственно на работу с определённой категорией - клиентами социальных служб, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Спектр категорий, нуждающихся в социальной защите, достаточно широк и законодательно закреплён. Частные технологии социальной работы так же имеют определённые принципы реализации, но возможности сочетанного применения этих технологий определяются адресно.

Несмотря на наличие определённых инструкций, при выборе способов и методов оказания помощи, специалисты по социальной работе бывают ограничены в применении тех или иных форм. Это может быть связано с национально-этническими особенностями регионов и менталитетом населения. Среди наиболее сложных в этом плане технологий – технология работы со случаем**. Социальная работа со случаем характеризуется как процесс целенаправленной помощи клиенту с учётом особенностей его индивидуальной сложной ситуации. «**Работа со случаем основана на психосоциальных, поведенческих и системных концепциях, определенных методологических и этических принципах и ценностях, помогающих справиться с психологическими, социально-психологическими, социально-экономическими проблемами и проблемами развития. Технология работы со случаем относится к микроуровню социальной работы» [1, с.8].

Автором метода работы со случаем является Мэри Ричмонд – одна из основательниц профессиональной социальной работы. «Сформулированный и теоретически описанный ею метод индивидуальной социальной работы или работы со случаем (case work) имел наибольшее распространение в США в конце XIX – начале XX века» [2].

В нашей стране технология работы со случаем получила нормативное закрепление в рекомендациях, разработанных Министерством труда и социальной защиты РФ совместно с рядом НКО в рамках реализации Плана мероприятий по реализации Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года [3]. Применение технологии особенно рекомендуется в работе с семьями и детьми.

«Существуют, как минимум четыре ключевые предпосылки распространения в социальной работе и помогающих практиках технологии работы со случаем (кейс-менеджмента):

накопление опыта, демонстрирующего невозможность решить комплексные, многофакторные проблемы клиентов социальной работы силами одного специалиста или путем предоставления одной услуги;

осознание индивидуального характера жизненных ситуаций и низкой эффективности мер, ориентированных на «среднестатистического» клиента;

сложная система институций, их подчинения и ответственности, которые в той или иной степени имеют отношение к жизненной ситуации клиента и влияют на нее;

развитие проектного подхода в управлении и проектного мышления как культуры, в том числе в социальной сфере» [4, с.5].

Технология социальной работы со случаем применяется в особо острых кризисных состояниях клиента, связанных с эмоциональными проблемами, семейными конфликтами, семейными и личностными кризисами, проблемами на производстве или в школе и т.п. Модель действия специалиста, как правило, включает несколько стадий. Начальная стадия связана с установлением контакта с клиентом и определением его потребности в изменениях. Установление доверительных отношений на этой стадии очень важно для успешной работы в дальнейшем.

На следующей стадии происходит исследование и разъяснение проблемы. Именно на этой стадии чаще всего и возникают проблемы у специалистов по социальной работе в национальных республиках, где в силу менталитета народов не принято «выносить ссор из избы». Проблемы личностного и эмоционального характера, взаимоотношений в семье, особенно если это связано с семейным насилием или отсутствием взаимопонимания между супругами, раскрываются клиентом не полно в связи со страхом осуждения со стороны родных и общественности, опасениями ухудшить свою ситуацию. Эта проблема в национальных республиках, где многочисленные родственные связи часто являются фактором отсутствия доверия к специалистам в части неразглашения информации, остаётся достаточно острой, несмотря на осведомлённость клиентов о наличии профессиональной этики социального работника.

Недостаточная информированность специалиста по социальной работе о сути проблемы затрудняет стадию начальной оценки ситуации, от которой зависит стратегия работы с клиентом. Основной инструмент работы специалиста на этой стадии – интервью, в том

числе и членов семьи клиента - так же оказывается малоэффективным в ситуации отсутствия доверия.

Проблемы психосоциального характера относятся к типу проблем, которые выявить достаточно непросто, особенно если они связаны с социокультурными различиями, методика интервью в подобной ситуации так же должна быть индивидуальна. Здесь уже на первый план выступают коммуникативные навыки специалиста, его способности выявлять явные и скрытые мотивы поведения людей, умение внимательно слушать, наблюдать, учитывать как вербальные, так и не вербальные средства общения для правильного понимания ситуации.

На начальном этапе работы с клиентом, на этапе собеседования, социальному работнику стоит придерживаться следующих рекомендаций:

— социальному работнику необходимо уметь управлять беседой, чтобы участники встречи имели возможность всесторонне обсудить проблему, создающую трудную жизненную ситуацию;

— акцентировать внимание на сильных сторонах клиента, с помощью которых можно разрешить проблему;

— общаясь с членами семьи, пришедшими на собеседование, не забывать о тех, кто отсутствует, и постараться проанализировать причину этого;

— создать условия беседы, при которых все могли бы высказаться по поводу своей проблемы как можно искреннее и полнее;

— говорить во время беседы так, чтобы сказанное было понятно взрослым и детям, молодым и пожилым членам семьи [5, с.13].

В методических рекомендациях, разработанных специалистами фонда «Дети наши», среди принципов реализации технологии работы со случаем с детьми отмечены:

«….. Конфиденциальность — куратор случая и команда заботятся о защите и сохранении данных о клиенте, полученных и оборачиваемых в процессе работы со случаем, не допускают их передачу третьим лицам, без крайней необходимости не деанонимизируют информацию. Крайней необходимостью является наличие рисков жизни и здоровью ребенка, если семья состоит на учете в ООП и{или) в ПДН, и сигнал поступил оттуда;

Этический стандарт — команда, реализующая технологию по работе со случаем, предпринимает меры по обеспечению этически выверенных решений, не допускающих дискриминацию, стигматизацию, проявление неуважения к клиенту или обесценивания его усилий, в том числе во время внутренних коммуникаций. В сложных ситуациях и при дилеммах может собираться этическая группа….» [6, с.16].

Методика осуществления технологии работы со случаем восходит корнями к понятию «дружелюбных визитов», практиковавшихся в деятельности благотворительных организаций под руководством Мэри Ричмонд. Суть их заключалась в том, что сотрудники организаций и волонтёры посещали нуждающиеся семьи с целью не просто оказания помощи «здесь и сейчас», а установления долговременных, дружественных контактов для последующего оказания необходимой помощи, активизации собственных ресурсов подопечных. Все визиты сопровождались ведением записей, что позволяло детально понять суть проблемы и наметить план решения проблем [7].

В настоящее время опыт применения технологии со случаем государственными учреждениями системы социальной защиты в медийном пространстве недостаточно широко освещаем, однако деятельность благотворительных фондов и НКО в этой части показательна. Оказание помощи подобными фондами хорошо методически и информационно регламентировано – они имеют устав фонда, стратегию развития, методические рекомендации для сотрудников и волонтеров, регулярно проводят оценку качества предоставляемых услуг среди благополучателей.

Фонд «Наши дети» в своей деятельности использует несколько сценариев работы. Это может быть как разовая помощь, направленная на снижение риска ухудшения положения семьи, так и плановое сопровождение семей с детьми, проблемы которых носят устойчивый характер. Экстренная помощь предполагает незамедлительную оперативную дея-

тельность специалиста в интересах клиента – на своё усмотрение и под свою ответственность. Перманентное сопровождение предполагает сопровождение семей с детьми вплоть до совершеннолетия младшего ребенка. Это возможно в случаях невозможности полноценного выполнения обязанностей родителями по состоянию здоровья или когнитивных возможностей [8].

Карельский фонд развития образования в своем методическом пособии по работе со случаем предлагает алгоритмы работы для ситуаций с разным уровнем риска. Риски подразделяются на низкий, средний и высокий уровни. Низкий уровень риска характеризуется возможностью возникновения в случае не предоставления каких-либо услуг. Средний уровень риска связан со случаями, предусматривающими разлучение ребёнка с семьёй. Высокий уровень риска предполагает 2 алгоритма действий в зависимости от причины возникновения риска- необходимость интенсивной помощи семье для устранения причин возможного изъятия ребенка из семьи и срочное изъятие ребенка из семьи в случае наличия непосредственной угрозы его жизни или здоровью [9].

Таким образом, технология работы со случаем – это целенаправленная помощь нуждающимся категориям населения с учётом имеющихся индивидуальных проблем и привлечением команды специалистов, широкого круга учреждений. Наиболее успешно технология применяется в работе с семьями и детьми. Чёткий алгоритм действий в рамках технологии способствует ее стандартизации, что упрощает ее применение специалистами как государственных социальных служб, так и благотворительными фондами и организациями в качестве эффективного инструмента оказания помощи подопечным.

Литература:

1. Современные технологии социальной работы: учеб. пособие / [А. В. Старшинова, Е. Б. Архипова, М. В. Миронова, Е. А. Осипова, С. Н. Панкова, Н. С. Смолина, А. С. Шарф ; под общ. ред. А. В. Старшиновой]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 168 с.
2. Формирование основ теории профессионального образования социальных работников: от Мэри Ричмонд и Джейн Аддамс к Алисе Саломон / URL: https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN516.pdf **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
3. Модельная программа по внедрению социального сопровождения семей с детьми / Министерство труда и социальной защиты РФ - URL: https://mintrud.gov.ru/uploads/imperavi/ru-RU/Modelynaya_programma_po_vnedreniu_sotcialynogo_soprovozhdeniya__semej_s_detymi.pdf **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
4. Технология работы со случаем / Методическое руководство для сотрудников благотворительного фонда «Дети наши», осуществляющих деятельность по работе с семьями в трудной жизненной ситуации. Москва-Смоленск, 2020 г. URL:https://smarteka.com/uploads/files/2022/04/30/384f7677-aab1-43dc-8a74-83e18fb1fa47934e1320-e525-47a3-b955-c232b7411dcb.pdf **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
5. Современные технологии социальной работы: … Там же.
6. Технология работы со случаем / Методическое руководство…. Там же **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
7. **Пащенко Ю.А. Вклад Мэри Ричмонд в становление социальной работы на основе развития концепции профессионального образования** // URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/6032/1/Вестник_ТвГУ._Серия_Педагогика_и_психология._2015.___4._С._378-387.pdf **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
8. Технология работы со случаем / Методическое руководство…. Там же **(дата обращения: 11.04.2025 г.).**
9. Работа со случаем: руководство для практического применения: методическое пособие / Карельский фонд развития образования; [ред.: Звягина О. М., Сараев Г. А.]. – Петрозаводск: Версо, 2019. – 144 с.

СЕРЕБРЯНАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ ВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ К ВОВЛЕЧЕНИЮ ПОЖИЛЫХ В СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Баширова А.А. *– кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия.*

Аннотация. Старение населения является одной из наиболее значимых трансформаций XXI века, которая отражается во всех сферах развития общества. Пожилые люди сталкиваются с негативными последствиями возрастной стратификации, становясь заложниками действующих поведенческих установок, обусловленных культурными традициями, национальными особенностями, гендерными стереотипами, религиозными убеждениями. Развитие серебряной экономики на принципах эффективности и адаптации к возрастным изменениям населения призвано решить проблемы вовлечения пожилых в социальную и экономическую жизнь.

Ключевые слова: серебряная экономика, старение населения, пожилые, возрастная стратификация, гендерная специфика, социальная активность, физическое долголетие

SILVER ECONOMY: FROM AGE STRATIFICATION TO INCLUSION OF THE ELDERLY IN SOCIAL PRACTICES

Bashirova A.A. *- Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Makhachkala.*

Abstract. Population aging is one of the most significant transformations of the 21st century, reflected in all spheres of society development. Older people face the negative consequences of age stratification, becoming hostages of existing behavioral attitudes due to cultural traditions, national characteristics, gender stereotypes, religious beliefs. The development of the silver economy on the principles of efficiency and adaptation to age-related changes in the population is designed to solve the problems of involving the elderly in social and economic life.

Keywords: silver economy, population aging, elderly, age stratification, social activity, physical longevity, volunteering

Одной из нарастающих тенденций мирового развития является старение населения. Раньше этот тренд был характерен только для стран с высоким уровнем развития и высоким качеством жизни населения. Это азиатские страны: Япония (по состоянию на 2025 г. 29,3 % населения старше 65 лет), Южная Корея (20%), Гонконг (специальный административный район Китайской Народной Республики – 23%), Китай (22%); некоторые страны Западной Европы: Германия (21%), Италия (23%), Португалия (21%), Греция (19,6%).

Однако, в настоящее время, старение населения затрагивает и те регионы, в которых традиционно высокие показатели рождаемости – Южная Америка, страны Карибского бассейна, Северная Африка, страны Ближнего Востока. Согласно исследованию Организации Объединенных Наций, в течение следующих трех десятилетий число людей в возрасте 65 лет и старше во всем мире достигнет 1,6 млрд человек. К 2050 году пожилые люди будут составлять более 16% мирового населения.

Возрастные трансформации в структуре населения происходят вследствие изменения продолжительности жизни и рождаемости. А эти два процесса могут быть обусловлены, в свою очередь, такими причинами, как: изменение отношения в обществе к институту семьи и брака, трансформация репродуктивного поведения, развитие экономики, развитие здравоохранения, урбанизация, миграционные процессы, повышение удельной доли образованных женщин и др.

В классической модели, когда страна переживает бурное развитие экономики, следствием является снижение смертности и затем снижение рождаемости. Однако, для развивающихся и слаборазвитых стран старение экономики может происходить независимо от динамики ее ВВП и роста доходов населения и в первую очередь за счет снижения рождаемости.

Динамика коэффициента рождаемости в разных странах мира с 1950 года по 2023 гг. представлена в таблице 1.

Таблица 1 Динамика коэффициента рождаемости в России и разных частях света с 1950 года по 2023 гг.

Страна	**СКР на 1950 год**	**СКР на 2023 год**
Россия	2,9	1,4
Европа в целом	2,7	1,4
Северная Америка в целом	3,1	1,6
Латинская Америка в целом	5,8	1,8
Африка в целом	6,5	4,1
Азия в целом	5,7	1,9
Океания в целом	3,7	2,1
Австралия	3,1	1,6

Источник: данные научного онлайн-портала Our World in Data

Общемировой коэффициент рождаемости за прошедшие 73 года снизился с 4,9 до 2,3. Самый низкий коэффициент рождаемости на сегодня у Южной Кореи – 0,7, самый высокий – в африканских странах Чад, Сомали и Демократическая республика Конго – 5,9.

Процессы снижения рождаемости сопровождаются ростом среднемировой ожидаемой продолжительности жизни, которая в настоящее время достигла 73,3 года, увеличившись с 1995 г. на 8,4 года.

Россия также является интенсивно стареющим сообществом. «Демографические условия для роста «серебряной экономики» в России уже существуют. Происходит абсолютный и структурный рост численности пожилых людей, доля которых в общей численности населения страны неуклонно приближается к странам ЕС. Старение населения в России происходит в основном снизу за счет снижения рождаемости, и, начиная с 2003 года, увеличения продолжительности жизни» [8].

В таблице 2 представлены сведения о динамике роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения суммарного коэффициента рождаемости в России, СКФО и Республике Дагестан с 2005 по 2023 гг. и они свидетельствуют о том, что как в целом по стране, так и регионе наблюдается одна картина – увеличивается продолжительность жизни населения и снижается рождаемость, причем не обеспечивается даже простое воспроизводство населения.

Таблица 2 Темпы роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения суммарного коэффициента рождаемости в РФ, СКФО и РД с 2005 по 2024 гг.

	Российская Федерация		Северо-Кавказский федеральный округ		Республика Дагестан	
	СКР	ОПЖ	СКР	ОПЖ	СКР	ОПЖ
2005		65,4		69,9		73,1
2010	1,56	68,9	1,99	72,2	1,91	73,9
2015	1,76	71,4	1,96	74,5	2,01	76,3
2020	1,47	71,6	1,78	74,4	1,85	76,4
2024	1,40	73,4	1,75	77,0	1,81	79,9

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ

Процесс старения населения отражается на всех секторах жизни общества, затрагивая экономику и социальную сферу. С экономической точки зрения оно несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты.

Отрицательные последствия заключаются в существовании возрастной стратификации, которая представляет собой ранжированную систему неравенства между людьми, основанную на возрасте. И в этом плане ее важно отличать от возрастной дифференциации, которая заключается в простом разделении общества на возрастные группы.

Возрастная стратификация проявляется в том, что возраст, благодаря действующим в регионе формальным и неформальным институтам служит основанием для выполнения

либо отказа от социальных ролей, поведенческих установок и фактического поведения, критерием для доступа к благам и причиной общественных требований и ожиданий.

На возрастную стратификацию очень сильно влияют действующие в обществе институты, в том числе: законодательство, культурные традиции, национальные особенности, гендерные стереотипы, религиозные правила поведения.

Степень их воздействия во многом определяется страной и регионом. Однако, общим является то, что люди от 65 лет и выше исключаются из активной рабочей силы, снижается уровень их материальной обеспеченности, хотя признается их положительное воздействие на экономический рост благодаря сбережениям [1], становятся актуальными вопросы продления активного социального и физического долголетия, эффективности пенсионных систем, возникают проблемы падения спроса на определенные товары и услуги. «Фактически речь идет о вторичной социализации. После «выхода на пенсию» постепенно сужается круг общения, исчезают прежние социальные роли, значительно снижается экономическая активность» [2].

В развитых странах считается, что экономические последствия старения населения возможно преодолеть за счет повышения производительности труда и роста инновационных технологий, однако, в тоже время, признается, что уровень занятости и инновационный потенциал у лиц старшего возраста ниже.

С другой стороны, возрастные трансформации открывают перспективы для развития «серебряной экономики», которая представляет собой устойчивый, долговременный тренд, и определяется как совокупность видов экономической активности, связанных с потребностями и интересами граждан старшего поколения. «Серебряная экономика описывается как «все виды товаров и услуг для пожилых людей и стареющего населения, включая продление трудовой жизни, волонтерство и активной гражданской позиции пожилых людей» [11].

В зарубежных исследованиях, посвященных теме социализации пожилых людей, подчеркивается их значимость как активных потребителей [10], актуализируются проблемы, связанные с разработкой и внедрением новых бизнес-моделей, основанных на инновациях, с целью удовлетворения потребностей стареющего общества [12,13], продвигаются принципы серебряной экономики в сочетании с креативной экономикой, а также социальной экономикой и экономикой солидарности [11].

Отечественные исследования больше акцентируются на проблеме занятости пожилых людей и вопросах пенсионного обеспечения [7], подчеркивают роль государственных трансфертов в поддержке пенсионеров и отсутствие финансовых условий для роста «серебряной экономики» [8]; отмечают «ограниченность услуг для пожилых граждан весьма узким кругом товаров и услуг, в основном ориентированных на наиболее старшие группы и носящие характер социальной и медицинской помощи, низкую платежеспособность пожилых людей, дискриминацию на рынке труда по геронтологическому и возрастному принципу» [6].

В последнее время Россия проделала огромную работу по ресоциализации лиц пожилого возраста и продлении активного долголетия через реализацию национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» (реализуется с 2025 г.) и федерального проекта «Старшее поколение» (реализуется с 2019 г.). Кроме того, в стране действует «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года», которая направлена на «создание общества для всех возрастов, формирование условий для использования знаний и потенциала граждан старшего поколения, заботу о них и оказание необходимой помощи» [3].

Задачами государственной политики на сегодняшний являются не просто обеспечение медицинской помощи и социальных услуг, но и создание условий для активного долголетия и улучшения качества жизни; содействие реинтеграции в общество пожилых людей, преодолении негативного образа старого человека, обеспечение возможностей для участия пожилых людей в культурной и спортивной жизни, развитие системы образования и профессиональной переподготовки для пожилых.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что «охват проектами активного долголетия в 2022–2024 гг. составил почти 4 млн человек (10 % от общего числа

граждан страны старше трудоспособного возраста). В 2022 г. число пожилых, систематически занимающихся физической культурой и спортом, составляло 6,7 млн человек. Свыше 800 тыс. граждан старшего поколения участвовали в различных туристических активностях. За последние четыре года профессиональное переобучение и дополнительное профессиональное образование прошли и получили более 500 тыс. человек в «серебряном» возрасте. 148,5 тыс. граждан старше трудоспособного возраста получили помощь на геронтологических койках. В 10 пилотных регионах внедрен комплекс мер, направленный на профилактику падений и переломов у лиц пожилого и старческого возраста» [https://национальныепроекты.рф].

В Республике Дагестан вопросами повышения социальной активности пожилых людей занимается Дагестанское региональное патриотическое общественное движение «Серебряные волонтеры». Целями деятельности организации являются:

- оказание информационно-коммуникационной, методической и культурно-образовательной поддержки волонтёрского движения и осуществление координированных действий с заинтересованными организациями и учреждениями, органами местного самоуправления Республики Дагестан по обеспечению условий развития гражданской активности групп старшего поколения;

- вовлечение представителей старшего поколения в общественную жизнь местного сообщества, социально значимую и волонтёрскую деятельность в сфере досуга, семейно-бытовой и общественной жизни, патриотическом воспитании молодежи, наставничестве [http://silvervolontery05.ru].

Фонд президентских грантов дважды поддержал волонтеров Дагестана, одобрив их проекты «(Не)заметные люди» (реализован в 2023-2024 гг.) и «Бабушка может» (реализован в 2025-2026 гг.), направленные на решение задачи ресоциализации женщин старшего возраста, интеграцию их через творческое начало в общество, продления их физической активности через оздоровительные мероприятия, формирование активной жизненной позиции.

Отличительной особенностью проектов являлось то, что привлекалась целевая группа, которая общепринято не относится ни к социально активным, ни к социально уязвимым категориям населения. Однако, значимость, актуальность и социальная направленность данных проектов не вызывает сомнения.

На 2024 год в Дагестане проживает 3232.2 тысяч человек, из них лиц старше трудоспособного возраста – 438,8 тысяч, что составляет 13,6 % (в России – 23,7%). Работающих пенсионеров – около 176 тысяч человек (40%). Всего численность населения старше 55 лет в Республике составляет 629 681 человек, из них мужчин – 287 837 (45,7%), женщин – 341 844 (54,3 %). Коэффициент демографической нагрузки на - 1 000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов в республике на 2024 г. составил 621 (в России - 725) [Данные Федеральной службы государственной статистики РФ за 2024г.].

В целом, вопросы изоляции и отсутствия поддержки пожилых людей, для дагестанцев не является актуальными, поскольку в республике развито уважение к взрослым людям, существует преемственность поколений. В тоже время, особенностями возрастной стратификации в Дагестане является ярко выраженный гендерный аспект. Смешение национальных особенностей и религиозные правил с одной стороны и западной культуры с другой, определяют ментальные установки и поведение дагестанцев, создают сложную систему взаимоотношений между ними. Это в большой степени накладывает именно на женщин целую систему неформальных правил, ограничений и желаемых форм поведения. И если девушкам и молодым женщинам еще «позволено» в силу возраста вести активную социальную жизнь, то женщины возраста 55+ просто выпадают из нее. Исследования, проведенные представителями «Серебряных волонтеров» перед проектом, показали, что женщины этого возраста практически никак не представлены ни в фитнесс залах республики, ни в творческих мастерских.

«Гендерная специфика феномена старости» проявляется в том, что:

- более высокая продолжительность жизни женщин совмещена с общественными представлениями о том, что женщины «стареют» раньше в хронологическом плане;

- особенности женской занятости (временная работа, неполный рабочий день, перерывы в трудовой деятельности, отсутствие понятия «домашний труд» в законодательстве, трудности с трудоустройством в пожилом возрасте и т.д.) накладывают отпечаток на материальный уровень пожилых женщин;

- самоограничение физической, социальной, жизненной активности пожилых женщин, основывается на общественных стереотипах об утрате здоровья в связи с возрастом, на том, что «неудобно», «что подумают люди», «не в моем возрасте» и т.п.;

- распространение визуальной культуры, основанной на стандартах вечной молодости, негативно отражается больше на женщинах, чем на мужчинах, особенно на тех, которые «не соответствуют» общепринятым представлениям о красоте [9];

- старость ассоциируется с одиночеством, а значит, с социальной неуспешностью, эксклюзированностью, изоляцией. Известно, что женщины в меньшей степени, чем мужчины, боятся одиночества, в том числе, женщины старшего возраста [5].

Задачи ресоциализации женщин старшего возраста в проекте решались через привлечение их к занятиям в творческих мастерских и спортивным занятиям.

В проекте «Бабушка может» в 2025-2026 гг. приняло участие более 200 человек, было проведено 150 творческих занятий (гончарное дело, лепка, живопись, валяние картин шерстью, роспись по керамике, батик, валяние игрушек из шерсти), оздоровительных занятий – 24, психологических бесед – 25, юридических консультаций – 6, занятий по IT-гаджетам -12, волонтерских акций (помощь бойцам СВО) – 3, общественных мероприятий (мастер-класс для детей с ОВЗ, творческий мастер класс для сирот и детей участников СВО) – 2.

Проекты, реализованные в Дагестане, позволяют продвигать в рамках распространяющейся по миру, в том числе в России, «серебряной экономики» актуальный тренд – социально активные женщины старших поколений. Это является важной характеристикой развития гражданского общества в регионе, а также позволяет сгладить различия между поколениями, которые все сильнее проявляются в настоящее время.

«На международном уровне научной дискуссии о пожилых уже утвердился «подход развития», сменивший, но не отменивший «подход заботы». Новый подход предполагает, что государственная политика обеспечивает участие пожилых во всех сферах жизни общества» [4].

В российском обществе также необходимо менять стереотипы о пожилых людях как о несчастных, больных и бедных. Экономическая и социальная государственная политика, деятельность НКО, усилия гражданского общества должны быть направлены на то, чтобы не только опекать пожилых, но и стимулировать и поддерживать их активную жизненную позицию.

Литература:

1. Артамонов Н.В., Курбацкий, А.Н., Халимов, Т.М. (2021). Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов Российской Федерации // Terra Economicus 19(2): 77–90. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-77-90

2. Барсуков В.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 88-107. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.5

3. Возмищева Е.П., Морозова Е.В. Государственная политика поддержки старшего поколения в РФ: потенциал национальных и региональных проектов // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 23–35. https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.2

4. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

5. Кац Ю.В. Стереотипизированная модель старения: гендерный аспект // Вестник СГТУ. 2010. №1. С. 301-309.

6. Коломиецс П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // JER. 2018. №1. С. 89-101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101

7. Круглов, Д.В. Влияние трудовой активности старшего населения на социально-экономическое развитие страны / Д. В. Круглов, И. Ю. Парик, С. А. Силаева // Экономика труда. 2020. Т.7. № 11. С. 1023-1036.

8. Решетникова, Л., Болдырева, Н., Перевалова, М., Калайда С., Писаренко З. Условия роста «серебряной экономики» в контексте Целей устойчивого развития: особенности России // Финансовый менеджмент рисков. 2021. №14. С. 401. https://doi.org/10.3390/jrfm14090401

9. Чернышкова Е.В. Социальное конструирование стереотипов старости: гендерный аспект // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. №4. С. 179-185.

10. Cazacu M., Mihai M., Ionescu C. D. Silver Population – The New 'Gold' for Our Society //Romania. 2021. Т. 15. С. 837.

11. Klimczuk A. Comparative analysis of national and regional models of the silver economy in the European Union //A. Klimczuk, Comparative Analysis of National and Regional Models of the Silver Economy in the European Union,"International Journal of Ageing and Later Life. 2016. Т. 10. №. 2. С. 31-59.

12. Kohlbacher F., Hang C. C. Leveraging disruptive innovations for the silver market //The Silver Market Phenomenon. Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. С. 65-77.

13. Reinmoeller P. Service innovation: Towards designing new business models for aging societies //The silver market phenomenon. Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. С. 133-146.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕНИЯ В ИСЛАМЕ

Байрамгулова Г.Р.- *д.б.н., профессор, Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО Уфимского университета науки и технологии, Уфа, Россия.*
Вильданова Г.Б. *- д.ф.н, профессор, ФГБОУ ВО Уфимского университета науки и технологии, Уфа, Россия.*
Байрамгулова А.А. *- студент, Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО Уфимского университета науки и технологии*
Биктимеров Р.Р. *- Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО Уфимского университета науки и технологии, Уфа, Россия.*

Аннотация. Общение в исламе — это не попросту информационный обмен. Общение - это одна из форм поклонения, основа которой является уважение, передачи истины с соблюдением благонравия. Общение сосредоточено на упрочение родственных связей, приятельство ради довольства Аллаха, заглаживание конфликтов и передерживания добра. Мусульманин должен говорить благое или молчать, без лжи, доноса сплетен и избегая гордыни. Основы культуры общения в исламе: объясняйтесь с людьми прекрасно, правдивость – сыдк, искренность, культура приятельства, семейное общение, принцип общения между полами, общение со Всевышним, Основные правила речи: благонравие, запрет на сплетни, клевету и пренебрежения пустословия. Язык, слово – это одна из милостей, сила, могущество, тайна и благодать Аллаха. Только через слова, языком мы начинаем подводить итоги учения. Посредством разговора, общения, письма мы знаем, узнаем друг друга, распространяем культуру или пороки…. Язык общения нам людям дан чтобы мы общаясь обучали или прославляли Всевышнего либо каялись и просили прощения. Человеку всячески нужно стараться избегать сплетен, лжи и пустословия.
Ключевые словыа: Слово, социализация, ислам, Всевышний Аллах, культура общения

SOCIALIZATION OF COMMUNICATION IN ISLAM

G. R. Bayramgulova, - Doctor of Biological Sciences, Professor, Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology;
G. B. Vildanova - Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ufa University of Science and Technology;
A.A. Bayramgulova - Student, Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology;
R. R. Biktimerov - Sibay Institute (Branch) of Ufa University of Science and Technology.

Abstract: Communication in Islam is more than just information exchange. Communication is a form of worship, the foundation of which is respect and the transmission of truth while maintaining good morals. Communication is focused on strengthening family ties, friendship for the sake of Allah's pleasure, reconciling conflicts, and maintaining kindness. A Muslim must speak kindly or remain silent, avoiding lies, gossip, and avoiding pride. The foundations of communication culture in Islam are: communicating well with people, truthfulness, sincerity, the culture of friendship, family communication, the principle of communication between the sexes, communication with the Almighty. The basic rules of speech are good behavior, prohibition of gossip, slander, and disdain for idle talk. Language, the word, is one of the mercies, the strength, power, mystery, and grace of Allah. Only through words, through language, do we begin to summarize the teachings. Through conversation, communication, and writing, we know and recognize each other, spread culture or vices.... The language of communication is given to us humans so that through communication we can teach or glorify the Almighty, or repent and ask for forgiveness. A person should try to avoid gossip, lies, and idle talk at all costs.
Keywords: Word, socialization, Islam, Allah Almighty, communication culture

Социализация общения — это процесс усвоения человеком социальных норм, ценностей и навыков взаимодействия, позволяющий ему успешно функционировать в обществе. Через общение индивид усваивает культуру, формирует личность, приобретает привычки и реализует социальные. [2].

Общение в исламе — это не попросту информационный обмен. Общение - это одна из форм поклонения, основа которой является уважение, передачи истины с соблюдением благонравия. Общение сосредоточено на упрочение родственных связей, приятельство ради довольства Аллаха, заглаживание конфликтов и передерживание добра. Мусульманин должен говорить благое или молчать, без лжи, доноса сплетен и избегая гордыни.

Основы культуры общения в исламе:

- **Объясняйтесь с людьми прекрасно.** В Коране (2:83) указывается на надобность мягкого и добросердечного общения, что является несомненной аспектом социальных взаимоотношений. [1].
- **Правдивость – сыдк.** Религиозный человек обязан постоянно сообщать правда, даже если это нелегко.
- **Искренность.** Религия Ислам требует при общение научиться слушать других терпеливо, проявлять уважение и избегать грубости.
- **Культура приятельства.** Ислам призывает поддерживать общения с праведными людьми. В отличии от мирской, общение на основе веры продолжится в вечной жизни.
- **Семейное общение.** Родители должны разговаривать с своим чадом, выражая симпатию, а также прислушиваться к их мнению. Необходимо советоваться
- **Принцип общения между полами.** Верующие следуют шариату, соблюдают границы. При общении должен быть хиджаб и быть скромным при общении с противоположным полом.
- **Общение со Всевышним.** Молитва (дуа) и поминание Аллаха (зикр) является основой духовного общения человека с Создателем.

Основные правила речи:

Благонравие, запрет на сплетни, клевету и пренебрежения пустословия.

Язык, слово – это одна из милостей, сила, могущество, тайна и благодать Аллаха. Только через слова, языком мы начинаем подводить итоги учения. Посредством разговора, общения, письма мы знаем, узнаем друг друга, распространяем культуру или пороки. При этом, слово – это самое мощное оружие! Он или возносит человека на небо, или губит, или радует, или ввергает в скорбь. Недоброжелательные слова, сказанные неосознанно, обрекают судьбу, заставляют потом сожалеть на всю жизнь. Кого-то можно порадовать, а кого-то обидеть. [2].

Давайте разберем вопрос о мощи и силы высказанного слова.

Различные приказы, вопросы, жалобы, извинения даются устно, устно. В народе говорят: "сказанное слово-выпущенная стрела", за каждое слово нужно отвечать и если дал обет, то нужно сдерживать обещание. Слово может употребляться по – разному, одни используют «вокруг и около», другие-с излишком. Но у нас в народе есть пословица: «как соль в суп взвешивают, так и слово взвешивают». Испытывая человека, пожилые говорили: « глуп тот, кто много говорит, глуп и тот, кто совсем не разговаривает".[3].

Сначала в нашей голове возникают мысли, предложения, намерения. Некоторые мысли тоже могут быть греховными, взгляды могут быть ошибочными. И поэтому нам рекомендуется произносить слова вдумчиво, потому что у нас на плечах сидят ангелы, которые их записывают. В день воздаяния мы будем нести ответственность за то, что мы говорим, и наш язык введет нас в рай или ад. Поэтому предписывалось больше поминать Всевышнего, воздерживаясь от пустословия.

Ангелы могут сказать: "Аминь!". Старшее поколение часто предупреждали нас о том, что такое случается и в детстве. К примеру, мы знаем, что молитва, которую произносят родители за своего ребенка, принимается. Забыв об этом, когда ребенок не слушает матери иногда в гневе кричат что угодно. Обижаясь на старших сыновей или дочерей, они могут произносить проклятия. Надо быть терпеливым, остерегаться подобных ситуаций и, наоборот, загадывать благие пожелания. [3].

Из хадисов известно, что наш Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «Говори доброе слово или молчи!» - сказал. В другом хадисе говорится:» мусульманин он такой человек, что другие мусульмане будут здоровы и языком, и руками". Следует избегать словесных оскорблений. В Коране сказано: "Всевышний Аллах велит Своему Посланнику (Да благословит его Аллах и приветствует!) быть стойким и проявлять терпение в отношении высказываний глупцов из числа его соплеменников и с достоинством отстраняться от них» (73: 10). [1].

В хадисе, приведенном имамом Бухари, Абу Хурайра сообщает, что Пророк (Да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «Поистине, если дитя человеческое скажет что-нибудь хорошее, чем Аллах будет доволен, то Аллах возвысит его достоинство в раю на много ступеней. Также человек, произнеся злое слово, которое может вызвать гнев Аллаха, упадет на дно адского огня. Больше всего людей попадает в ад только из-за своего языку. Поэтому надо владеть прекрасным отличным от злобы языком! Чтобы праведно жить в этом мире, не раскаиваясь, нужно просить у Аллаха прямого пути, богатства веры, полезных знаний, глубоких знаний, мудрости слова. Тот, кому дана мудрость, будет в числе тех, кто достигнет великой благодати и счастья». Кого любить Аллах, тому Он дает мудрость. [4,5].

Коран-это слово Аллаха! Для мусульман лучше наполнить душу Кораном, а языком поминать Всевышнего, чем говорить пустые мысли, ненужные лишние слова.

Пророк Мухаммад (Да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «любимыми словами Всевышнего были: Субханаллахи, Альхамдулилахи и Аллаху акбар", – и сам любил повторять эти слова. А если мы скажем, что счастливы в обоих мирах, то пусть он последует за Пророком (Да благословит его Аллах и приветствует!) и будет соблюдать его Сунну. [4,5].

Таким образом, язык общения нам людям дан чтобы мы общаясь обучали или прославляли Всевышнего либо каялись и просили прощения. Человеку всячески нужно стараться избегать сплетен, лжи и пустословия. Язык, слово – это одна из милостей, сила, могущество, тайна и благодать Аллаха. Только через слова, языком мы начинаем подводить итоги учения. Посредством разговора, общения, письма мы знаем, узнаем друг друга, распространяем культуру добра били пороки….

Литература

1.Священный Коран. Тафсир Ибн Касира https://ummah.su/quran/tafsir-ibn-kasir
2. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. - М.: Аспект Пресс, 2017. 363 с
3.Гайсина Ф.Ф. Һүз ҡөзрәте /Журнал Башкортостан кызы № 8, 2924. 25 с.

4. Исламское искусство, литература и культура = Islamic art, literature and culture / Kathleen Kuiper. — Нью-Йорк: Britannica Educational Publishing, 2010. — 227 с. — ISBN 978-1-61530-097-6.
5. Корнеева Т.Г., Лукашев А.А., Насыров И.Р., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Фролова Е.А., Эшотс Я., Псху Р.В. История арабо-мусульманской философии: Учебник и Антология / под ред. А.В. Смирнова. — М.: Академический проект; ООО «Садра», 2020. — 623 с. — (Классический университетский учебник). ISBN 978-5-8291-3763-2 (Академический проект); ISBN 978-5-907041-53-0 (ООО «Садра»).3. 33.

САМОСОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Багамаева И.О *- доцент кафедры общей и социальной педагогики, ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.*
Алжанбеков М.Г. *- доцент кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия*

Аннотация. Самосознание этноса – это отражение длящейся во времени коллективной драмы, называемой историей. Россия – государство поли этничное и поликультурное. В этом отношении Северный Кавказ – регион супер этнический. Ученые и исследователи все более склонны объяснить проблемы, возникающие в межкультурной коммуникации, растущим самосознанием этносов. Пробуждение этнического самосознания, появление в интеллектуальной среде народов таких настроений, как гордость за свой народ, стремление сохранить духовные ценности – явление закономерное.
Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, этнос, самосознание, коллективная память, история, историческая память
Annotation. The self–consciousness of an ethnic group is a reflection of a collective drama lasting over time, called history. Russia is a multiethnic and multicultural state. In this regard, the North Caucasus is a superethnic region. Scientists and researchers are increasingly inclined to explain the problems arising in intercultural communication by the growing self-awareness of ethnic groups. The awakening of ethnic consciousness, the emergence in the intellectual environment of peoples of such sentiments as pride in their people, the desire to preserve spiritual values is a natural phenomenon.
Keywords: Russia, North Caucasus, ethnos, self-awareness, collective memory, history, historical memory.

Самосознание этноса – это отражение длящейся во времени коллективной драмы, называемой историей. Россия – государство полиэтничное и поликультурное. В этом отношении Северный Кавказ – регион суперэтнический. Ученые и исследователи все более склонны объяснить проблемы, возникающие в межкультурной коммуникации, растущим самосознанием этносов. Пробуждение этнического самосознания, появление в интеллектуальной среде народов таких настроений, как гордость за свой народ, стремление сохранить духовные ценности – явление закономерное. [2]

Оно, в первую очередь, обусловлено коренными преобразованиями, которые сначала благодаря политике СССР произошли во всех сферах общественной и культурной жизни народов России, а именно – создание государственности (автономии) у тех народов, которые к тому времени находились на уровне традиционных, до государственных социально – политических отношений, способствовавшее этнической консолидации, создание своей письменности, развитие науки и просвещения, национальной литературы, а затем в условиях современной демократии.

Речь идет, прежде всего, о возможности, которая появилась у народов России свободно обратиться к своему историческому прошлому, оценить его объективно. Наряду с этим нарастающие тенденции к социокультурному единению российского общества вступают в противоречие с тенденциями к развитию этнического самосознания, и его пробуждение порой ведет к проявлению различных видов и форм национализма, обострению межэтнических конфликтов. [3]

В процессе исследования эмпирического уровня этнического самосознания нами становится цель выявить его глубинные пласты, обнаружить его социально – психическую природу. При этом мы исходим из того, что обнаружение основ социально – психологического поведения людей способно предупредить многие явления, связанные с попытками использовать его в негативных целях. Тем более, что обозначившиеся проблемы в конце XX века проблемы, связанные с огромными возможностями манипулирования исторической памятью этносов, населяющих нашу страну, не раз создавали угрозу физическому выживанию некоторых из них.

Само понятие «самосознание», терминологически обозначив его латинским словом «апперцепция», ввел немецкий ученый Г.В. Лейбниц. [3, С. 373] Под апперцепцией философ понимал рефлективную способность духа, переводящую бессознательное состояние человеческой психики в осознанное. Проблеме самосознания этноса (нации) посвящены работы таких известных обществоведов XX столетия, как Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, Н.Г. Скворцов, А.Г. Спиркин, В. А. Тишков, К.Н. Хабибуллин. Вместе с тем, в понимании сущности и структуры этнического самосознания существуют различные подходы. Одни считают его частью сознания этноса, другие сводят его содержание к национальным интересам, третьи подразумевают национальную самоидентификацию личности. Но несмотря на это, большинство ученых под самосознание этноса традиционно понимают:

- представление народа об общности территории, языка, отличительных особенностях культуры и психики;
- осознание своей этнической принадлежности;
- представления народа об общности происхождения и исторических судеб.

Основы специфической идентификации народов закладывались на протяжении многих столетий. В ходе длительного исторического пути развития народа складывался своеобразный, неповторимый внутренний мир, его менталитет и душа, воплощаясь в этническом самосознании. Как верно подмечает исследователь проблемы В.Х. Акаев, «…этническая идентичность не является раз и навсегда данным и неизменным социальным феноменом. В условиях социальной трансформации она претерпевает заметные изменения, в результате чего актуализируются одни его компоненты, а другие остаются нейтральными» [2, С. 123].

Одним из важнейших оснований самосознания этноса выступает его историческая память. Как известно, предшествующими поколениями любого народа накапливается определенный исторический опыт, который составляет своего рода исторический генотип этноса, в котором содержится как положительный потенциал, так и негативный фон развития в дальнейшем. Врастая веками в общественное сознание, при этом влияя на психику человека, исторический опыт и память народа на уровне мифологии определяют его отношение к окружающему миру и социуму. То есть этническое самосознание – это сгусток живой памяти народа и опыта его жизнедеятельности. Вот потому – то неотъемлемой частью самосознания этноса остается ориентированность на наследие прошлого, на традиционно – моральные и правовые модели жизнедеятельности. Этническое самосознание не поддается искусственному воздействию. Здесь обнаруживается еще одно свойство этнического самосознания – способность законсервироваться, как бы «затаиться», маскируясь в периоды опасности. Так в условиях советской действительности, в период непримиримой борьбы с любыми проявлениями этнической самобытности как «пережитками прошлого», народы Северного Кавказа, в частности Дагестана глубоко вобрали в себя свое, этническое и самобытное и, казалось бы, восприняли иную (хотя и не чуждую его менталитету), советскую идеологию и культуру. Как известно, кодекс советского человека, на первый взгляд, отрицал то специфическое, что было присуще национальному характеру и представлениям этноса.

Однако наслоения новых политических, правовых, социокультурных установок и принципов так и не смогли разрушить основу самобытного образа народа, но даже способствовали его развитию. Идеалы равенства и справедливости, принципы коллективизма, приоритет не экономических, а нравственных начал во взаимоотношениях людей, характерные для советского образа жизни, совпадали с его представлениями об общественных

отношениях, также основанных на понятиях равенства и справедливости, приоритетах нравственного начала.

Самосознание этноса неразрывно связано с коллективным сознанием, которое уже на самых разных стадиях истории развития проявлялось в виде «сознания рода». Осознавать себя членом единого коллектива (рода) означает иметь единую волю, оценки и представления. При этом самое ее древнее проявление – это осознание своего несходства с другими. Чувство постоянной тревоги за собственные ценности – территорию обитания, этническую самобытность, культурные достижения, свободу порождало определенные эмоции недоверия и подозрительности. И, к сожалению, дихотомическая ментальная схема «мы и они», «мы и чужие» как родовая характеристика на всем протяжении истории развития этноса продолжает тревожить сознание людей, чрезмерно обостряясь в периоды кризисов и исчезая с их ослаблением или прекращением. Недвусмысленным отражением этого процесса является на примере этнонима чеченцев «вайнахи» («наши люди»), который предполагает противопоставление себя «не нашим» людям. Отрицательная сторона этих представлений заключается в возрождении давно забытых идей и исторических ситуаций, которые заставляют народ периодически вспоминать старые раны и обиды, реставрируют архаичные негативные стереотипы, мобилизуют этнос на неоправданные поступки, ставящие его на грань физического выживания. Мифологический характер представлений довольно часто определяет и мифологизированные надежды, и цели людей. Так, представление о свободе как архетип, как коллективное бессознательное «всплывает» в самые судьбоносные периоды истории народа.

Этнос наиболее отчётливо обнаруживает себя и в таком неотъемлемом компоненте самосознания, как осознание им своей территории обитания, которую он исторически занимает. Глубоко веря, что у этноса должно быть определенное место проживания, народ воспринимал территорию обитания как пространство, освоенное только им, а себя автохтоном, и что вне этого пространства бытие этноса невозможно. «Чужая» территория не только представлялась непонятной, но и опасной для жизни. Для этносов, занимавших определённую территорию, она была условием выживания – по крайней мере, так им представлялось. Об этом свидетельствует фольклор народов Северного Кавказа, в котором ключевым является понятие свободы, имеется в виду свобода от «других». Внутри общества свободы как таковой не было и не могло быть, поскольку оно регулировалось на основе морали. Внешним механизмом регулирования выступало общественное мнение, а внутренним – совесть.

Этот фактор – единство территории расселения и обитания этноса – выступал необходимым условием формирования этнического самосознания потому, что для появления специфических черт культуры, в том числе традиций, обычаев, соответствующих ритуалов и т.д., люди должны систематически общаться друг с другом. А это возможно лишь при условии их расселения в пределах целостной территории. Поэтому мысль об абсолютной ценности «своей земли» выступала как объединяющая и вдохновляющая сила и превращалась в постоянный элемент исторической памяти народа, оформляясь в символы и образы. Вот потому импульсы, вызываемые ими, бывают чрезвычайно сильными.

Показателем уровня развития этнического самосознания является способность этноса к рационально взвешенным межэтническим отношениям, к стратегическим дипломатическим действиям. Хотя естественная необходимость обороны территории своего обитания и формировала в сознании этноса неприятие всех, кто мог бы претендовать на нее, все же определяющей социально – психологической основой функционирования общества являлась не врожденная агрессия по отношению к другим народам, а вполне закономерная в тех условиях дихотомическая ментальная схема «мы» и «они», которая переходила в состояние войны только в случае угрозы его независимому существованию. По справедливому замечанию политолога, бывшего главы РД и известного общественно – политического и государственного деятеля Р.Г. Абдулатипова, «предрассудки и крайности исторически всегда существовали, когда речь шла о разных народах, культурах и религиях. Здесь оценки «свой» и «чужой» проявляются гипертрофированно». [1, С. 34]

В целом же характерной чертой самосознания этноса является толерантное, терпеливое и бережное отношение к чести и достоинству иных народов и уважение тех же качеств, провяленных по отношению к себе. Доказательство тому – принципы и нормы поведения, ориентированные на традиции добрососедства, оказание помощи, которые складывались в межэтнических отношениях народов Северного Кавказа с русским народом. Как пишет В.В. Черноус, «даже в условиях военных действий культурное взаимодействие между народами Кавказа с русским народом не прерывалось. Русский канал влияния на культуру народов Северного Кавказа постепенно вытесняет роль восточного… В свою очередь, русская культура обогащалась сюжетами, образцами, смыслами и символами, связанных с Кавказом». [7, С. 203].

Так, несмотря на то, что самосознанию народа не было чуждо закономерное в тех условиях этническое недоверие, укрепление этнокультурных и социально – политических российско – кавказских связей было необратимым. Тесное взаимодействие этих народов в историческом прошлом и настоящем обусловлено взаимной заинтересованностью, общностью исторической судьбы и необходимостью социокультурного развитиях всех народов, населяющих Россию.

Таким образом, этнос – это реальность, существующая во времени и пространстве, имеющая свою историю, территорию обитания, самобытную культуру. А носителем этой информации является этническое самосознание. Человек же вне этой информации не сможет идентифицировать себя с данной этнической общностью. Значение самосознания в процессе идентификации настолько велико, что даже некоторые изменения таких важных этнических признаков, как потеря территории проживания, языка, традиций и т.д., не меняют, не разрушают этническую идентичность. Это самый стабильный показатель этнической группы, поскольку концентрирует в себе социально – психическую природу этноса, выработанную многими поколениями его представителей и зафиксированную в исторической памяти.

В современных гуманитарных исследованиях феномен коллективной памяти зачастую представляется как антитеза истории. Важнейшим инструментом исследования социальной или коллективной памяти является понятие «рамка». Рамка – это и есть совокупность «опорных точек и системных единиц», к которым мы привязываем свои личные воспоминания, та самая интер-субъективная искусственная среда, которая служит основанием индивидуальной памяти. В некотором отношении понятие рамки тождественно понятию «множество событий».

Исчезновение или трансформация рамок памяти влечет за собой исчезновение или трансформацию наших воспоминаний. Феномен истории можно рассматривать в двух аспектах – история – процесс и история – память. В первом случае мы говорим о видении данного феномена в философии жизни, где история предстает как проявление жизненного порыва. В дальнейшем история – процесс характеризуется вписыванием события человеческой памяти, памяти коллектива в историю. С этой точки зрения история находится в движении. Она постоянно пополняется, момент сейчас переходит временную грань, превращаясь в прошлое. С другой стороны – история – память имеет образ пыльного багажа прошлого с огромным количеством текстов и артефактов, которые должна реанимировать историческая наука, предполагающая для этого наличие определенного метода. Общим для любого исследования прошлого будут реконструкция и интерпретация. Первое понятие призвано восстановить исторический факт, второе же – истолковать его. История – процесс не исключает наличие исторической памяти, но предусматривает пополнение этого багажа. [3]

В повседневной жизни так или иначе усвоенные исторические сведения (события, даты и факты) «господствуют» над нашим сознанием. Определенное истолкование того или иного события нам было известно, возможно, задолго до того, как мы узнали об исторической дисциплине и ее методах исследования. Религиозные обряды и вовсе имеют продолжительность существования куда больше, нежели продолжительность жизни отдельного человека. Устная или письменная форма коммуникации из далекого прошлого до сегодняшнего дня донесли до нас багаж культурного наследия, которым мы продолжаем активно

пользоваться. Нельзя не уточнить – он именно актуален, не связан с забвением или полной смертью для тех или иных сообществ.

Идеи – образы заключены в памятниках, произведениях искусства, сохраненных артефактах, архивных записках. Однако, что для нас означает такое место памяти как *мемориал* или *памятник*? Прежде всего, существование подобных материальных объективаций памяти – заслуга акта творчества. Многие памятники и мемориалы изображены как произведения искусства, в определенном стиле изложения и не дают реальной исторической картины. Они служат скорее символом, имеющим некие семантические особенности по отношению к другим произведениям искусства. В таком случае можно говорить о заключении культурного кода в символические рамки или символ как транслятор идеала эпохи. И действительно, понятие идентичности смещено к категории принадлежности. Учитывая пример с памятником, когда наши фоновые знания выступают опосредованным идентификатором принадлежности к той или иной группе, мы можем сказать, что историческая ретроспектива, насколько она не была глубокой, все равно присутствует в нашей жизни и принимает непосредственное участие в формировании феномена коллективной памяти. В форме традиций или обрядов, памятников – литературных ил гранитных – человек стремится сохранить дух своей эпохи. Складывание ментальности происходит только тогда, когда коллективная память превращается в историю. Только возвращаясь к ней в рамках исторического исследования, мы можем ее развертывать и изучать. [7]

Таким образом, проблема корреляции истории и коллективной памяти возникает лишь на уровне восприятия. Первая выступает как научное реконструирование прошлого, вторая – как живое воспоминание. В остальном же эти 2 феномена неразрывно взаимосвязаны. Они дополняют друг друга и формируют комплекс определенных тем - будь то тема «мест памяти», идентичности, смены ментальности или коммеморативных переживаний. Не нельзя не учитывать тот факт, что коллективная память как «некая биография» сама по себе исторична. В таком ключе рассуждение и понятие социальных рамок памяти обеспечивает себе включенность и в историю – процесс, и в историю – память. При этом существует вероятность, что ментальность детерминирована и в определенной степени действительно построена на «рамках».

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. – М.: Питер, 2020.
2. Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности / Современные проблемы геополитики Кавказа. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2014.
3. Лейбниц Г.В. Письмо к Софии – Шарлотте / Лейбниц Г. Соч.: В 4 т. – М., 1984. Т.3.
4. Корнеенков С. С. Влияние технократической парадигмы образования на формирование личности и мышления.
5. Омаров О.А. Гасанов М. М. Нюдюрмагомедов А. Н. Методолигическая культура преподавателя высшей школы. – Махакала: Лотос,2018. – 189 с.
6. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 2018. – 256с.
7. Черноус В.В. Кавказская горская цивилизация – объект цивилизационно – культурного взаимодействия в Черноморско – Каспийском регионе / Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. №23. – ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2024.

ОДАРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ахмедова М.Г. *– кандидат педагогических наук, доцент каф. Общей и социальной педагогики Дагестанского госуниверситета, Махачкала, Россия.*

Аннотация: *Одаренность – это системное качество психики личности, которое дает ему возможность по сравнению с другими людьми достижения незаурядных результатов в определенных видах деятельности. Развитие природной одаренности происходит в течение всей жизни человека и под влиянием основных заинтересованных сторон –*

семьи, образовательной системы и самого ребенка. Поэтому, не только одаренный ребенок нуждается в профессиональном психолого - педагогическом сопровождении. В этом социально значимом явлении для цивилизационного развития человечества должны участвовать государства, создавая необходимые условия для мотиации заинтересованных сторон.

Ключевые слова: *Одаренность, заинтересованные стороны, принципы проявления и выявления одаренности, психолого-педагогическое сопровождение, социальные условия.*

A GIFTED PERSON AS AN OBJECT OF PREVENTIVE PEDAGOGY

Akhmedova M.G., PhD. ped. Sciences., Associate Professor of the Department of Education and Social Pedagogy of the Dagestan State University.

Abstract: Giftedness is a systemic quality of the individual's psyche, which gives him the opportunity to achieve outstanding results in certain activities compared to other people. The development of natural giftedness occurs throughout a person's life and is influenced by the main stakeholders, such as the family, the educational system, and the child themselves. Therefore, it is not only the gifted child who needs professional psychological and pedagogical support. States should participate in this socially significant phenomenon for the civilizational development of humanity, creating the necessary conditions for the motivation of interested parties.

Keywords: Giftedness, interested parties, principles of manifestation and identification of giftedness, psychological and pedagogical support, social conditions.

В современном мире автоматизированы и технологически разработаны системы не только в производстве материальных благ. Цифровизация образования и создание искусственного интеллекта (ИИ) позволяют получить сертифицированное образование разного уровня и направленности в удаленном формате. Но все больше теряется индивидуальный подход к личности учащихся. Становится очевидным и особенно актуальным необходимость раннего выявления и развития одаренных личностей с уникальными особенностями формирования неординарного мышления и интересов. Именно такие личности исторически способствовали интеллектуальному развитию человечества.

К социально-значимым особенностям ребенка относится одаренность, которая часто характеризуется окружающими «обычными» людьми как отклонение от «нормального» развития. В психологии и педагогике понятие ***одаренность*** – это системное, развивающееся в течении жизни качество психики личности, которое дает ему возможность достижения человеком незаурядных результатов в определенных видах деятельности по сравнению с другими людьми. [20].

При правильном подходе к личности ребенка впоследствии именно такие дети становятся креативными специалистами с творческим подходом к работе, которую они выполняют. Но, это происходит в том случае, если природная одаренность ребенка получила ***превентивную*** (упреждающую) психолого-педагогическую помощь в целенаправленной направленности его развития.

Еще в Древнем Китае (Конфуций) по всей стране выявляли одаренных детей, обучали и воспитывали из них будущих управленцев государством (в том числе и императора). Эта традиция имела развитие в Европейских странах (Птоломей, Платон, Аристотель) и Азиатских странах (Арабские и Персидские философские школы) Древнего мира и Средневековья.

В настоящее время на практике в воспитании одаренных детей сталкиваются интересы ***различных сторон:***

1. *Интересы ребенка,* который желает, чтобы понимали его особенность, а перегруженность окружающих и родителей своими жизненно важными проблемами позволяет только эпизодически обращать на него внимание или использовать его одаренность в своих пиар-целях;

2. *Интересы школы,* так как школа обращает внимание на одаренного ребенка, если это необходимо для престижа школы участвовать на олимпиадах, конкурсах, смотрах и т. д.

3. *Интересы родителей*, которые должны являться первооткрывателями одаренности ребенка, желая похвалиться его одаренностью и использовать его одаренность в своих пиар-целях, перегружают его настолько, что постепенно ребенок теряет интерес к развитию своих способностей.

Большинство психологов и педагогов признают, что характер развития одаренности – это всегда результат сложного взаимодействия наследственности и социальной среды, связанного с различными видами деятельности ребенка (социальной, игровой, учебной, трудовой, творческой и т.д.). При этом природные данные должны быть направлены на саморазвития личности для формирования и реализации индивидуального дарования под внешним руководством и возможностью ***супервизии.***

По нашему мнению, абсолютно бездарных детей, хотя бы на уровне интуиции, не бывает. Человек с детства может быть успешен в различных видах и спектрах деятельности. Можно диагностировать различные формы одаренности ребенка и развивать их, так как. психические возможности ребенка чрезвычайно пластичны на разных этапах его возрастного развития [ ]. В то же время, семьи с высоким социально- экономическим статусом имеют более высокие возможности показывать и содействовать одаренности ребенка [ ]. Но, жизненная практика показывает, что одаренность ребенка это условная характеристика, и признаки одаренности могут исчезнуть с возрастом и под влияние различных факторов.

Следует учесть, что дети могут быть непосредственными в проявлениях своих способностей и одаренности в коллективе. А вот одаренность молодежи (подростков и студентов) имеет свои особенности и могут ярко ***не проявиться в силу различных причин***:

1. Одаренность часто связывают с успешной учебой по отдельным дисциплинам. Но, такой подход носит самодеятельный, стихийный характер, так как может быть результатом более благоприятных условий жизни данного человека . Если нет *социально организованной дополнительной* деятельности (в кружке, секции, студии, клубе, общественных и добровольческих объединениях) его занятия по усвоению программ ФГОС не имеет прямого отношения к одаренности.

2. С другой стороны, подростки и юноши не спешат демонстрировать свои таланты на публике в силу *стеснительности* или трудных социальных отношений в обществе, а особенно в субкультуре.

3. Причиной отсутствия проявлений того или иного вида одаренности могут быть *недостатки условий* для приобретения соответствующих знаний, умений, навыков и компетенций. *Стремление к самообразованию* на основе современных образовательных технологий в интересующих его областях науки, техники, искусства, спорта и т.д. , способствуют тому, что одаренность личности становится презентабельной, явной и очевидной для окружающих.

4. В некоторых случаях причиной неочевидности проявлений одаренности являются те или иные *трудности развития человека* (внешний вид, заикание, повышенная тревожность, конфликтный характер общения и т.п.).. Это снижает показатели успешности деятельности подростка или юноши.

5. Нередки случаи, когда одаренный школьник уже обучался в специализированном образовательном учреждении, но потом перестал считаться одаренным и *потерял интерес* (нет мотивации) к выбранному уровню и направлению обучения. Поэтому в практической работе с одаренными детьми целесообразно вместо понятия «одаренный ребенок» использовать понятие «признаки одаренного ребенка». .

Предложение выявлять, отбирать и интенсивно обучать одаренных детей на осное основных принципов и методов впервые высказано и реализовано Конфуцием более 2,5

тыс. лет назад. Для отбора этих детей в древности уже использовали различные испытания (тесты) на логическое мышление, творческую фантазию, память, умение красиво писать, говорить, сочинять стихи и романы. .

Личностные духовно-нравственные характеристики Платон рассматривал как более высокие стартовые проявления природного дара (в настоящее время -генный уровень), дальнейшее развитие которого зависит от самой личности

В настоящее время поэтапный отбор одаренных детей на стартовых позициях связан:
- с анализом развития конкретного ребенка на всех этапах его жизнедеятельности;
- отбором в процессе обучения по специальным программам дополнительного или индивидуального образования;
- оценкой одаренности по положительным и отрицательным специально заданным критериям;
- интерпретация результатов тестирования или другого психометрического исследования не на основе его обученности и социализации, а его интеллектуальной одаренности;

Проблема выявления одаренных детей имеет четко выраженный ***этический аспект***, который предостерегает не допустимость искусственного вмешательства в его судьбу на основе диагностики его одаренности. Детская одаренность не гарантирует талант взрослого, также как не одаренность не исключает успешность взрослого.

С учетом вышесказанного могут быть сформулированы следующие ***принципы*** выявления одаренности представителей молодежи в системе образования:

1. *Комплексный характер оценивания* разных сторон поведения и деятельности личности на основе использования различных источников информации с охватом широкого спектра его способностей;

2. *Длительность идентификации* характеристик одаренности на основе мониторинга личности в разных ситуациях;

3. *Анализ поведения личности* по сравнению с другими людьми в разных сферах жизнедеятельности для того, чтобы выявить соответствие его склонностям и интересам включением его в общественную и специально организованные занятия, вовлечением в различные формы предметной деятельности и т.д.;

4. *Использование тренинговых методов*, в рамках которых можно организовывать определенные развивающие педагогические влияния, и снимать психологические «преграды» и т.п.;

5. *Подключение к оценке одаренного ребенка экспертов* разного возраста: специалистов высшей квалификации в соответствующей предметной области деятельности (врачей, учителей, шахматистов, инженеров, художников и др.). Это позволит избежать возможный консерватизм мнения отдельного эксперта при оценке продуктов подросткового и юношеского творчества и креативного мшления;

6. *Оценка признаков одаренности* личности не только по отношению к актуальному уровню, но и с учетом зоны ближайшего развития. Возможно необходимо содействовать выстраиванию для данной личности индивидуальной траектории обучения и воспитания необходимых личностных качеств;

7. *Преимущественная опора при* диагностике одаренности должна быть сделана на экологически валидные методы педагогической и психологической диагностики в реальной ситуации. Это такие методы как анализ продуктов деятельности, наблюдение, беседа, экспертные оценки учителей и родителей, естественный эксперимент: эти методы идентификации одаренности сложны и требуют высокой квалификации [ ].

Следовательно процесс установления одаренности нельзя сводить лишь к количественным показателям, например, к оценке коэффициента интеллекта (IQ) с помощью тестов. Оценка ребенка как одаренного не гарантирует от ошибок и не должна являться самоцелью. Выявление одаренных детей и молодежи необходимо связывать с задачами их обучения и воспитания, с оказанием им психолого-педагогической помощи и поддержки. Важно учесть такие дополнительные моменты, как:
- особенности взаимодействия юноши с детьми, со сверстниками и взрослыми;

- наличие (или отсутствие) различных форм неравномерности в развитии одаренного индивида;
- особенности развития эмоциональной сферы личности др.[ ]

Признание роли социальных условий, в которых развивается ребенок, требует создания специализированных методов выявления одаренности с учетом целого ряда факторов (экономических, культурных, семейных, в том числе физического здоровья ребенка и особенностей его социализации). При исследованиях могут быть использованы разнообразные методики, направленные на выявление структуры разных видов одаренности. В том числе для выявления закономерностей взаимоотношений одаренного ребенка с окружающей средой. При этом следует учесть, что критерии одаренности не могут быть раз и навсегда зафиксированы.

Все одаренные дети являются разными по темпераменту, интересам, воспитанию и, соответственно, по личностным проявлениям. Но, существуют ***общие особенности личности***, характеризующие большинство одаренных детей и подростков.

1. У одаренных личностей складывается *особая система ценностей* и приоритетов, важное место в которой занимает деятельность в соответствии с одаренностью. Поэтому при психолого-педагогическом сопровождении одаренных личностей это следует учитывать и планировать занятия таким образом, чтобы у них было достаточно времени для свободных занятий любимым видом деятельности.
2. Для значительной части одаренных детей характерно *стремление добиться совершенства* в выполнении деятельности, что в целом носит позитивный характер. Но, от учителя и психолога, тем не менее, требуется ввести такую требовательность к самому себе в разумные рамки во избегание в дальнейшем творческого выгорания..[ ].
3. Свои особенности у одаренных детей имеет *высокая самооценка,* характеризующая представление ребенка о своих силах и возможностях в решении определенных проблем. С течением времени самооценка отличается противоречивостью, нестабильностью – и он бросается в другую крайность, считая, что он ничего не знает и не умеет.
4. Важная особенность личностей, проявляющих признаки одаренности - *принятие на себя ответственности за результаты* своей деятельности. Эта черта, с одной стороны, помогает ему справляться с возможными периодами неуспеха, но может привести к депрессивному состоянию из-за чувства вины.
5. У многих одаренных детей наблюдается *повышенная впечатлительность* и связанная с ней особая эмоциональная чувствительность, которая проявляется в самых разных формах и становятся источником переживаний. В некоторых условиях это может привести к внешним аффектам или носить скрытый, внутренний характер самобичевания (излишняя застенчивость в общении, трудности засыпания и некоторых психосоматических заболеваниях.[20].
6. *Интеллектуальная одаренность* в своем классическом, познавательно-аналитическом варианте может быть выявлена педагогом-психологом достаточно легко в процессе обучения отдельным дисциплинам.

Особенности личности одаренных детей с творческими проявлениями одаренности труднее всего диагностировать. За творческие проявления одаренности. очень часто педагоги принимают самостоятельность ученика при выполнении заданий (сам нашел материал, сам его проанализировал и написал реферат) или же основательность его интеллектуального анализа.

Дети с творческими возможностями, в какой бы области деятельности не проявлялась их одаренность, в сравнении с другими людьми мало ориентируются на общее мнение, на принципы, на рамки правил. Они становятся неудобными для окружающих и у них возникают сложности в социализации с окружающими. Эту особенность творческих детей, педагогу-психологу следует выделить и оказать им и их опекунам -родителям превентивную педагогическую помощь .

Например, одаренный в естественных науках и творческом отношении к гуманитарным дисциплинам (что сочетается: физики-лирики) подросток, сомневается при их сравнении в научности и духовной ценности описательных (по его мнению) дисциплин

(истории, географии, археологии и т.д.), что и высказывает свое мнение педагогу этих дисциплин *без особой осторожности*, которая. трактуются им как *невоспитанность*..

Исследования различных авторов показывают, что одаренные дети из благополучных семей не испытывают проблем в обучении и быстрее адаптируются к новой обстановке. Они лучше подготовлены для самостоятельного и успешного личностного и профессионального самоопределения. Но, исключительно одаренные дети обычно имеют проблемы с эмоциональным развитием. и проявляют инфантильную реакцию на критические замечания. У многих из них вызывают заметные проблемы, связанные с их физическим развитием.

Таким образом, основной средой развития одаренного ребенка является семья, которая нуждается в освоению превентивной педагогики одаренных детей. Педагогу следует учесть, что генетические и природные факторы и влияние целенаправленного обучения и воспитания (*образовательного учреждения)* на развитие личности и одаренности ребенка, значение семьи остается решающим.. На основе научных методов исследований семей особо одаренных детей выделяют следующие факторы, влияющие на развития одаренности:

1. В них выделяется *высокая ценность образования и* часто хорошо образованными оказываются сами родители. Это значительно способствует развитию повышенных способностей ребенка.

2. В семье особо одаренного ребенка наблюдается повышенное и *систематическое внимание к ребенку* и усиление факторов, способствующих развития его незаурядных способностей.

3. Часто родители одаренных детей сами не очень молодые люди умудренные опытом жизни или для которых ребенок – единственный смысл жизни. Или бывает так, что из всех детей внимание родителей направлено *только на этого* ребенка.

4. Во многих случаях именно *родители становится наставником* своего ребенка в той деятельности (научной, художественно-эстетической, спорте и т.д.), в котором хорошо разбираются и хотят закрепить в своем ребенке познавательную активность и интересов этой деятельности.

Желание родителей развить его особые способности без психологической и педагогической мотивации имеет и свои ***отрицательные стороны:***

1. В слабом развитии у своего ребенка ряда *социальных* и в особенности *бытовых навыков*.

2. Родители одаренных детей нередко вмешиваются в учебный процесс образовательного учреждения и могут даже провоцировать конфликт с учащимися, администрацией и педагогами.

3. Повышенная познавательная активность одаренного ребенка-почемучки приводит к *проблемам с суточным режимом*, со сном не только у них, но и у родителей.

4. Обычно внимательные родители первые замечают особенности своего ребенка (ранние речь, счет, чтение, письмо, воображение, любознательность и т.д.). Реакция всех без исключения родителей на одаренность ребенка *не должна впадать в крайности* и выражаться в игнорировании или эксплуатации способностей ребенка.

5. Важно для выявления и развития одаренности ребенка родителям совместная познавательная деятельность и общие познавательные интересы, на основе которых между ними возникают устойчивые дружеские отношения. В этих семьях между родителями и детьми отмечается значительно меньшая поколенная дистанция.

Несомненно, наряду с природно-обусловленными факторами и влиянием целенаправленного обучения и воспитания (школы) на развитие личности и одаренности ребенка, значение семьи остается решающим. В настоящее время не вызывает сомнений, что прогресс цивилизации человечества зависит от исключительно одаренных детей. Семья может быть лучшим стимулятором интересов и занятий, чем обычная школа. Дети стараются подражать взрослым. С целью определения участия и роли родителей в позитивном умственном развитии ребенка нами было проведено исследование в виде анке-

тирования, состоящего из 30 утверждений (по Девид Льюис), на каждое из которых родители должны были дать утвердительный или отрицательный ответ. Оно показало, что основой отношений между *родителями и школой должно быть сотрудничество*. Однако, еще до поступления ребенка в школу родители часто сталкиваются с определенными трудностями. Например, школьная администрация отказывается принимать детей, не достигших школьного возраста на том основании, что они не готовы к школе в социальном плане.

Список утверждений

1. .Я отвечаю на все вопросы ребенка, насколько возможно терпеливо и честно.
2. Серьезные вопросы и высказывания ребенка я воспринимаю всерьез.
3. Я поставил стенд, на котором ребенок может демонстрировать свои работы.
4. Я не ругаю ребенка за беспорядок в его комнате или на столе, если это связано с творческим занятием и работа еще не закончена.
5. Я предоставил ребенку комнату или часть комнаты исключительно для его занятий.
6. 6 Я показываю ребенку, что он любим таким, какой он есть, а не за его достижения.
7. 7 Я поручаю ребенку посильные заботы.
8. 8 Я помогаю ребенку нормально общаться с детьми из разных социальных и культурных слоев.
9. Я беру ребенка в поездки по интересным местам.
10. помогаю ребенку улучшить результат его работы.
11. Я помогаю ребенку строить его собственные планы и принимать решения.
12. Я устанавливаю разумный поведенческий стандарт и слежу, чтобы ребенок ему следовал.
13. Я никогда не говорю ребенку, что он хуже других детей.
14. Я никогда не наказываю ребенка унижением.
15. Я снабжаю ребенка книгами и материалами для его любимых занятий.
16. Я приучаю ребенка мыслить самостоятельно.
17. Я регулярно читаю ребенку.
18. Я приучаю ребенка к чтению с малых лет.
19. Я побуждаю ребенка придумывать истории, фантазировать.
20. Я внимательно отношусь к индивидуальным потребностям ребенка.
21. Я нахожу время каждый день, чтобы побыть с ребенком наедине.
22. Я позволяю ребенку принимать участия в планировании семейных дел и путешествий.
23. Я никогда не дразню ребенка за ошибки.
24. Я хвалю ребенка за выученные стихи, рассказы и песни.
25. Я учу ребенка свободно общаться со взрослыми любого возраста.
26. Я разрабатываю практические эксперименты; чтобы помочь ребенку больше узнать
27. Я не хвалю его беспредметно и неискренне.
28. Я помогаю ребенку быть личностью.
29. Я никогда не отмахиваюсь от неудач ребенка, говоря: «Я этого тоже не умею.
30. Я предпочитаю, чтобы основную часть работы, за которую взялся ребенок, он выполнял самостоятельно, даже если я не уверен в позитивном конечном результате.

По данным анкетирования можно определить, что большинство родителей не активно участвуют в развитии своего ребенка. Беседа, проведенная с теми же родителями, показала, что не могут проводить с ребенком много времени и уделять им внимание. На вопрос почему, они ответили, что до вечера находятся на работе, а после работы у них просто не хватает сил заниматься с ребенком. Есть семьи, которые уделяли детям особое внимание. Но проблема, в данном случае, состоит в том, что такие родители не знают, как правильно обращаться с детьми, т.к. у них отсутствует должное образование и сведения о том, что с одаренными детьми следует обращаться не так, как с обычными.

Попутно замечено, что интеллектуальное развитие юных математиков и музыкантов значительно выигрывают от доступа этих детей к образовательной системе, соответ-

ствующей их естественным и уникальным способностям. Таланты в гуманитарной области – литературе, языках и т.д. сокращение школьного периода жизни ребенка не всегда способствует их развитию.

Сегодня актуален вопрос: Может ли талант опередить возраст и ускорить готовность к профессиональной работе? Яркий пример в настоящее время - это медийная семья Х при домашнем обучении и воспитании, закончив школу и вуз не посещая занятия девочка экстернатом на удаленке под руководством и опекой отца-психолога в 13. лет получила диплом психолога с высшим образованием. Отцу пришлось сменить МГУ на другой коммерческий ВУЗ и на сессиях приложить усилия на конфронтацию с администрацией вузов Работать тоже наверное придется на удаленке под опекой отца, чтобы клиенты ее не обидели.

Вместо затраченных родителем усилий и негативного влияния психологических проблем с социализацией девочки отцу-психологу следовало может быть подумать над созданием системы интересных и развивающих занятий для одаренных детей (*их у него шестеро в маленькой квартире*). При этом следовало учитывать следующее ***принципы работы*** с одаренными детьми:

1. *Гибкость* – склонность одаренного ребенка увлекаться каким-либо делом больше установленного расписания времени требует терпимости, а не навязывание предусмотренные смены занятий.
2. *Упор на социальное развитие* – в силу своего опережающего интеллектуального развития одаренные дети часто ищут изоляции от сверстников в своих любимых занятиях. Им с раннего возраста нужна помощь в освоении навыков общения, в познании духа сотрудничества и коллективизма, они должны научиться дружить, делить с другими детьми победы и поражения: все это им пригодиться в социально сложной атмосфере общеобразовательной школе.
3. *Меньше внимания академическим занятиям* – способность справляться со школьными заданиями не обязательно является показательным того, что малыш должен поступить в школу.

Занятость родителей, а также отсутствие или фрагментарность у них психолого- педагогических знаний диктует необходимость для правильного обращения с одаренными детьми создание специальных сетей как для общения педагогов и родителей, также и для саморазвития одаренных учащихся с возможностью обмена мнениями по возникающим проблемам.

Литература

1. Зарипова Е. И. Специфика работы с одаренными студентами; обзор практики российских вузов. // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. Науки об образовании.
2. Максимов В.Г. Педагогическая диагностика в школе. – М., 2002.
3. Рассел Кен, 400 изданий на развитие интеллекта. – М.,2003.
4. Шербинина О.С. Особенности социально-педагогической поддержки одаренных школьников в современных образовательных условиях. //Социально-педагогические науки об образовании. М., 2019
5. Шумакова Н.Б. Шумакова (под ред.). Обучение и развитие одаренных детей. Воронеж.2004.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ 2

Абдуллаева Р.С., Набиева Г.И. Роль занятости в усилении социальной защиты женщин с инвалидностью 4

Адельгареева А.Р., Гинсбург М.В. Сопровождаемая занятость как инновационный механизм трудовой интеграции инвалидов в Российской Федерации 9

Таноянц Э.Н., Желиготова Р.М. Профилактика как средство предупреждения игровой зависимости у молодежи 14

Абиева Ю.А. Финансовое просвещение и экономическое воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста в контексте социальной работы 18

Абдалова Р.Н. Социально-экономическая адаптация молодых трудовых ресурсов и вопросы реализации демографического дивиденда в Азербайджанской Республике 21

Аджиева Д.М., Чеченов А.М. Доступность социального обслуживания пожилых граждан в сельских местностях и отдалённых территориях: институциональные барьеры и модели мобильной помощи 26

Будажапова И.В., Чащина А.А. Технологии социальной работы с молодой семьей по формированию осознанного родительства 30

Агаярова А.А. Система социальной защиты мигрантов 34

Васюк А.Г. Формирование социально-профессиональных качеств у студентов социальной сферы для эффективной работы с участниками боевых действий 38

Гичиханова З.М. Социальные компетенции как важнейший элемент современной системы образования школы 44

Апшева Д.Э., Желиготова Р.М. Социальная защита как направление профилактики семейного неблагополучия 48

Тлимахова А.А., Азаматова Г.К. Современные методы и формы социально-психологической помощи подросткам 52

Тратинко Т.В., Димидюк А.Ю. Эмоциональный интеллект у подростков: проблемы формирования и пути решения 57

Бауэр Е.А., Нуриева А.А. Об организационно-правовых условиях социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями 62

Алиева Ж.Р. Цифровые технологии и социальная интеграция лиц с инвалидностью: анализ на примере Азербайджана 67

Долова Р.А., Азаматова Г.К. Кризис идентичности при переходе в стационар: роль социального работника в сохранении «Я-концепции» пожилого человека 73

Желиготова Р.М., Желиготов Т.В. Формирование семейных ценностей у молодежи 77

Карпикова И.С., Шерстянникова Л.А. Функции социокультурных технологий в социальной работе со студенческой молодежью 82

Ермак Т.Г., Лизакова Р.А. Направления социальной работы с молодыми людьми с инвалидностью в Новогрудском центре социального обслуживания населения 86

Гаджиева У.Ш., Магдиева Н.Т. Региональные аспекты социальной политики в работе с молодежью в современных условиях 90

Маскалянова С.А., Блинов Н.А. Социальная работа с бывшими военнослужащими: проблемы и перспективы ресоциализации 95

Тудуева А.Н., Желиготова Р.М. Арт-терапия как психологическая технология в системе социальной поддержки детей и подростков 99

Никифорова Т.Ю., Мялкина Ю.Н. Специфика социальной работы с социально уязвимыми группами населения в условиях глобальной цифровизации общества 104
Сулейманова Т.Г. Роль социальных служб в процессе социально-психологической адаптации мигрантов 108
Головатая М.А., Овсянникова Д.С., Рудых О.А. Инклюзия людей с инвалидностью: роль социальной работы 111
Шакуева М.А., Желиготова Р.М. Трансформация ценностей в представлениях современной молодежи: задачи социальной работы 116
Тратинко Т.В., Шепетовская М.В. Склонность к рискованному поведению и ее взаимосвязь с детерминантами личностного развития у молодежи 121
Полякова И.А., Шаповалов А.В. Социальное сопровождение студенческих семей в ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» 127
Шоранова З.В., Бацуева З.М. Современная политика поддержки многодетных семей в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты (на примере Кабардино-Балкарской Республики) 131
Маскалянова С.А., Федорова К.М. Технологии социальной работы по адаптации выпускников детских домов к самостоятельной жизни 136
Каширгова К.А., Кушхова А.Ф. Формы, методы, направления деятельности центра планирования семьи (на примере МЦ «Брак и семья» г. Нальчик) 139
Никифорова Т.Ю., Полтавская В.А. Роль социокультурной деятельности в социализации детей с ОВЗ 143
Угарова М.Г., Пакина А.Е. Специфика эмоционально-поведенческих установок родителей, воспитывающих детей разного возраста, в контексте социальной работы с семьей 150
Тратинко Т.В., Свиридчук Д.А. Особенности толерантности и социально-коммуникативной компетентности у сотрудников помогающей профессии 154
Шибзухова Ю.М. Психосоциальная поддержка мигрантов: вызовы и лучшие практики 161
Гурбанова И.М. Проблемы социальной защиты лиц, занятых в неформальной сфере труда 165
Колесов В.С., Полоскина О.В. Организация социальной помощи женщинам и детям, подвергшимся насилию: проблемы и пути совершенствования (на примере Липецкой области) 169
Юсупова Ё.М. Жестокое обращение с детьми как социально-психологическое явление 173
Шомахова А.А., Желиготова Р.М. Проблема зависимости от социальных сетей, развитие агрессии и конфликтного поведения молодежи 176
Литвинова Е.Ю., Олейник Е.С. Система мер социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей 182
Тратинко Т.В., Леонович А.Э. Особенности самоотношения у лиц с разным уровнем ониомании 190
Васильева Л.П. Социально-психологические особенности личности и адаптации лиц, выросших в алкогольных семьях 195

СЕКЦИЯ 2. ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ 199

Сулаймонов Ю.У. Интеграция искусственного интеллекта в практику социальной работы для повышения онлайн-безопасности подростков 199

Гильманова Э.У., Вильданова Г.Б. Алгоритмическая справедливость в социальной работе: российский контекст и перспективы правового регулирования 203
Мамедов Я.А. Трансформация социальной работы под влиянием технологий искусственного интеллекта 209
Гукетлова Д.З., Атабиева З.А. Искусственный интеллект в профилактике девиантного поведения: цифровые инструменты психолого-педагогической диагностики и сопровождения 214
Князева Н.В. Интеграция искусственного интеллекта в повседневные практики социальной работы 219
Мусуков М.Э., Чеченов А.М. Цифровые ассистенты в деятельности социального работника: трансформация профессиональных функций и компетенций 223
Саляхова С.Х., Вильданова Г.Б. Искусственный интеллект в системе поддержки семей с детьми: от автоматизации к «цифровой эмпатии» 229
Филиппенко К.Е., Шаповалов А.В. Применение новых цифровых помощников в повседневной практике социального обслуживания 235
Шомахова С.А. Этические рамки применения ИИ в социальной работе 239

СЕКЦИЯ 3. НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ 243

Тратинко Т.В., Пунтус А.И. Социальная медиация как инструмент повышения качества жизни пожилых людей 243
Карабанова О.А. Практико-ориентированные технологии в профессиональном воспитании студентов СПО по специальности «Социальная работа» 248
Монахов О.Н. Транспрофессиональная компетенция социального работника: сущность и методологические основы формирования 254
Васюк А.А. Формирование профессиональной готовности социальных работников к защите граждан от деструктивных информационно-психологических угроз 259
Кипова З.А., Кушхова А.Ф. Совершенствование работы территориальных органов Социального фонда КБР 263
Халмуратова М.У. Формирование культуры мышления будущих учителей начальных классов как фактор развития социальной эмпатии 267
Алжанбеков М.Г., Багамаева И.О. Влияние массмедиа на людей 271
Гашимова В.Х. Цифровизация сектора социальных услуг: опыт Азербайджана и институциональные инновации 274
Даурова А.М., Чеченов А.М. Цифровая грамотность как новая обязательная профессиональная компетенция социального работника в условиях цифровизации 279
Абдулманапов П.Г. Социально-психологические факторы рождаемости и мотивы самосохранительного поведения в регионах Северо-Кавказского федерального округа России 284
Айнур Небизаде Имран Экономическое и социальное значение различных видов туризма 293
Бадмаева Д.Г. Интеграция социальной работы в предпринимательство 297
Петренко Э.В., Иванова А.А., Вильданова Г.Б. Кризис профессиональной идентичности в эпоху неопределенности: между страхом потерять и желанием найти 302
Гукова А.А., Азаматова Г.К. Коворкинг-центр с комплексной поддержкой родителей как новая социальная технология преодоления современных семейных вызовов 306
Мальцева Т.Е. Апробация структурно-функциональной модели социально-профессиональной субъектности в подготовке социальных работников на этапе констатации 311

Мамедова У.И. Социально-экономическое значение развития туризма в постконфликтных регионах: пример Карабаха 317
Махадов А.К. Вопросы противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде Дагестана 322
Маскалянова С.А., Тепловодских С.И. Социальная работа с женщинами, имеющими малолетних детей, в контексте новых социальных технологий: региональный опыт 324
Алиева Б.Ш. Формирование мотивации будущей профессиональной деятельности у магистров средствами case-технологий 327
Коготыжева Алина К., Коготыжева Амина К. Обучение служением как социальная технология новой реальности (опыт КБР) 335
Миронова М.В. Межсекторное социальное партнерство в сфере социального обслуживания населения: барьеры развития 339
Бахрамжанова Н.М. Новые социальные технологии профилактики и преодоления статуса NEET среди молодежи Кыргызстана 343
Фролкова Е.Д., Князева С.А. Реализация инновационных социальных технологий в условиях современных общественных вызовов 346
Кокурова А.Ф., Шаповалов А.В. Киберсоциализация как новый социальный феномен: риски и возможности 349
Рудых О.А., Овсянникова Д.С. Поддержка ветеранов: инновационные подходы к реинтеграции в гражданскую жизнь 354
Фролкова Е.Д., Данковцев О.А. Психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с особыми образовательными потребностями 359
Хакимова М.С. Теоретические основы конфликтных взаимоотношений в подростковом возрасте в контексте социальной работы 361
Молова Л.З., Кушхова А.Ф. Влияние социального статуса на доступность социальных услуг: вызовы для современной социальной работы 365
Трофимчук А.Г. Социально-педагогическая работа по решению проблемы разводов в регионах России 368

СЕКЦИЯ 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ 371

Апшева Ф.Т., Азаматова Г.К. От милостыни к профессиональному волонтерству: историческая эволюция помощи пожилым в России 371
Климова С.В. Сестры милосердия: вопросы актуализации исторического образца медико-социальной работы 375
Абидов А.М., Чеченов А.М. Развитие институционализации лиц с ментальными особенностями в России: от изоляции к инклюзивным моделям сопровождения 379
Гасанов О.Х. Социальная помощь и социальная работа в исторической ретроспективе: первобытнообщинный строй, период античности, эпоха средневековья 384
Мафедзова Р.Ю., Азаматова Г.К. Эволюция технических средств реабилитации: от протезов 1920-х к роботизированным экзоскелетам 390
Нартыжева Д.М., Чеченов А.М. Эволюция института призрения в России: ретроспективный анализ форм и методов поддержки нуждающихся 394

СЕКЦИЯ 5. ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ 400

Мамедова Р.О. Стратегия «Survival»: как вернуть контроль над жизнью через ритуалы самопомощи 400
Мамедова С.Т. Оценка экономической значимости социальных мероприятий в стратегии управления человеческими ресурсами 404

Мамытов У.Ж. Межгосударственные отношения Кыргызстана и Казахстана как пространство практики социальной работы в поликультурном регионе (XX–XXI вв.) 409
Маргушев Т.А., Чеченов А.М. Роль молодежных общественных объединений в управлении процессами межнационального согласия в Кабардино-Балкарской Республике 413
Сиражудинова С.И. Механизмы социальной солидарности исламской экономики как технологии поддержки уязвимых групп в мультикультурной среде (на примере Республики Дагестан) 418
Вильданова Г.Б. От эго к сердцу: опыт преодоления субъективности — как основа социальной работы (сравнительный анализ подходов Экхарта Толле и Ахмад-Хаджи Абдулаева) 422
Красовская Н.Н., Ковелько А.С. Формирование мотивации персонала организации 427
Шахбазов Ф.Г. Анализ текущего состояния социальных пропорций в Азербайджане 432
Абасова Х.У. Влияние мультикультурной среды на потребительское и сберегательное поведение клиентов социальной работы: направления практической поддержки 439
Макоева З.А. Технология работы со случаем как эффективный инструмент решения социальных проблем 444
Баширова А.А. Серебряная экономика: от возрастной стратификации к вовлечению пожилых в социальные практики 448
Байрамгулова Г.Р., Вильданова Г.Б., Байрамгулова А.А., Биктимеров Р.Р. Социализация общения в исламе 453
Багамаева И.О., Алжанбеков М.Г. Самосознание и социальные рамки коллективной памяти 456
Ахмедова М.Г. Одаренная личность как объект превентивной педагогики 460